ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР

А. ТЮРИН

ПАДЕНИЕ С ЗЕМЛИ

А. ТЮРИН

ПАДЕНИЕ С ЗЕМЛИ

Александр Тюрин — один из самых ярких представителей новой генерации российских фантастов. Сам автор определяет свою творческую манеру как "русский киберпанк", имея в виду широко распространенное в современной западной НФ направление.

Захватывающие, сверхдинамичные сюжеты, способные поспорить с самыми "крутыми" боевиками, буйный размах фантазии, своеобразие авторского стиля и языка уже привлекли к творчеству А. Тюрина внимание читателей.

В сборник "Падение с Земли" вошли романы "Каменный век", "Конечная остановка: Меркурий", "Сверхнедочеловек" и "Подвиг разведчика" (ранее публиковался только "Каменный век"), являющиеся частью разрабатываемой автором своеобразной "истории будущего" под общим названием "История Космики", эпической и иронической одновременно.

БИБЛИОТЕКА

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

ФАНТАСТИКИ

А. ТЮРИН

ПАДЕНИЕ С ЗЕМЛИ

НПП «Параллель»
Нижний Новгород
1995

ББК 84Р7

Т98

Составитель серии
М. Редошкин

Серийное оформление
А. Гришина

Иллюстрации
В. Ана

В оформлении обложки
использована работа Майкла Уэлана
(© 1988 by Michael Whelan).
Публикуется с разрешения автора и его агента
Александра Корженевского.

Тюрин А. В.
Т98 Падение с Земли: Романы. — Н. Новгород: НПП "Параллель", 1995. — 636 с.

ISBN 5-86067-034-6

В сборник фантастических произведений Александра Тюрина "Падение с Земли" вошли написанные в чрезвычайно модной в современной западной НФ манере "киберпанк" остросюжетные романы "Каменный век", "Конечная остановка: Меркурий", "Сверхнедочеловек" и "Подвиг разведчика" (ранее публиковался только "Каменный век"), являющиеся частью разрабатываемой автором своеобразной "истории будущего" под общим названием "История Космики".

Т $\frac{4703040100\text{-}034}{3Е8(03)\text{-}95}$ без объявления ББК 84Р7

ISBN 5-86067-034-6

© А. В. Тюрин, 1995
© Издательство "Параллель", 1995

ВМЕСТО ПРОЛОГА

ОФИЦИАЛЬНАЯ ХРОНИКА КОСМИКИ вып. 2028—2063 гг.:

1996 г. Начало изменений в биосфере. Некоторые виды животных изощренно используют достижения человеческой цивилизации.

2028—29 гг. Распространение киберсистем типа «оболочка», способных к симбиотическому взаимодействию с психикой человека.

2031—32 гг. Внедрение «мягкой» (вирусной) техники генных операций. Бунты спонтанных мутантов на Земле.

2034 г. Космические Поселения, оставаясь зависимыми от земных властей, создают кастовую структуру. Законодательство о допустимых генных модификациях каст.

2036—40 гг. Заражение «оболочек» враждебной человеку формой жизни. Космические Поселения проводят Великую Санацию «оболочек». Полное отделение от Земли, война за независимость. Собрание каст провозглашает Державу (Empire, Reich) Космика, состоящую из семи префектур: Меркурий, Луна, Марс (столичная), Астероиды, Юпитер, Сатурн, Транссатурния.

2043—46 гг. Власть на Земле переходит к кибероболочкам. Кибертоталитаризм. Разведывательно-диверсионные операции Космики на Земле, подготавливающие проведение там Великой Санации.
(«КАМЕННЫЙ ВЕК»)

2047 г. Вырождение землян входит в опасную фазу потери основных мотиваций. Разведгруппа Космики впервые сталкивается с иноматериальным хищником Плазмонтом.

2048 г. Уничтожение Космикой кибероболочек на Земле. Варваризация материнской планеты. Поддержание жизнедеятельности землян с помощью полуразумных мутантных пород домашнего скота.

2056 г. Столкновение с нитеплазменным хищником Плазмонтом в префектуре Меркурий. Открытие способов

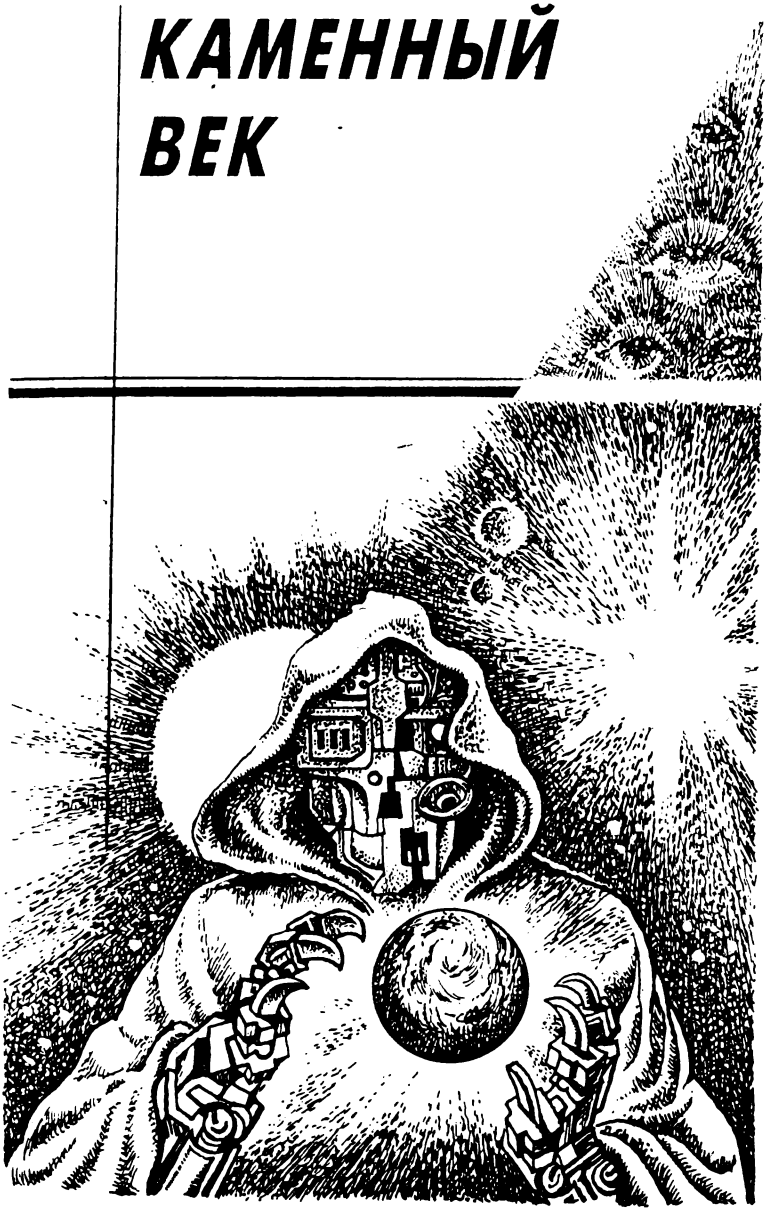
воздействия протогенов (души) человека на материальные объекты.
(«КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА: МЕРКУРИЙ»)

2062 г. Запрет генных модификаций, коренным образом меняющих человека, как биологический вид Homo Sapiens. Запрет на использование человеческого тела, как в целом, так и его фрагментов, для создания живых организмов.

2063 г. Мятеж касты мутантов-штурманов в Транссатурнии. Создание первых человекоподобных систем (квибсеров), объединяющих протогены (душу) человека и субнуклоновые генераторы материи.
(«СВЕРХНЕДОЧЕЛОВЕК»)

2065—2100 гг. Новая промышленная эра на Земле. Захват материнской планеты киберами модели Р, развившимися из лингвистических систем.
(«ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА»)

КАМЕННЫЙ ВЕК



— В ответ на запрос по коду «подъем». Кибероболочки в рабочем режиме. Состояние боевой готовности подтверждаю. «Штопор».

— База разрешает сброс. Будь готов, «Штопор». Через минуту начинаю отсчет времени сброса.

На поверхности боевой горы каплями проступили колесницы второго звена. Начинкой шестой машины был Виктор К123, капитан.

На главном экране переливается, дышит, ворчит айкон. После многих лет дрессировки он к тому же засел у тебя в башке. Он — звуко-объемно-цветовой портрет твоих кибернетических оболочек. Наружностью он смахивает на дракона, если еще точнее, на жареного цыпленка. Айкон — твое подобие, твой несколько искаженный образ, и он соединяет органы твоего тела с бортовыми системами колесницы. Вот захотел ты двинуться с места, рвануться вперед — выдаешь волевой импульс своим ногам. И проскакивает тогда разряд в плазме твоей крови, считывается прилипшим к запястью биоинтерфейсом и в виде нормального электрического сигнала торопится дальше по бортовым цепям управления — напрягать двигатели. Это надо понимать так, что вместо ног будет работать мотор. И айкон тут же задрыгает лапками, показывая, что команда исполнена. Все, совершил ты мыследействие, или, на летном жаргоне, — пустил ангела.

— Два, один, ноль, сброс... — Мелкое дрожание колесницы стало жесткой тряской. Инерционный кулак продавил лоб и грудь. К123 краем глаза полюбовался видом сзади. Гора-матка «Гевура» из материка, летучего монстра превращалась в точку, съеживаясь, как проколотый воздушный шарик. Дракончик айкон пошевелил левым ушком — значит, начальство просится на связь.

— Пятый и шестой борта. Вертикальный курс — минус пятьдесят, горизонтальный — триста десять. Нюхайте воздух, чтобы кто-нибудь из мертвой зоны к вам не подсел, — передал командир звена Питер К201. Шестым считался Виктор К123, пятым — его ведомый Митя Самойлов.

— Вижу плутонов в секторе А-31, — сообщил девятый, который забрался выше всех от нулевой плоскости. — Двенадцать блюд. Через три минуты они рухнут на нас, как с верхней полки, так что доставайте ложки.

— Шестой и пятый, пока не встревайте, не мешайте никому, — грозно предупредил командир звена. — Но гля-

деть пронзительно. Тех гадов, что проскочат на ваш уровень, бить, пока не покраснеют.

— Обидим, не сомневайтесь, — загудел Самойлов и переключился на Виктора К123. — Эй, инкубаторский, ну что ты прилип ко мне, отвали, пожалуйста. Из-за этой кочегарки, которую ты называешь своей колесницей, у меня уже усы обгорели.

Любит этот Митек клюнуть. У него фамилия есть, а у меня — номер. Большинству обфамиленных граждан больше нечем гордиться. Ну, есть у тебя законные батька с мамкой, и заткнись, потому что тебе не повезло. Меня, номерного, по науке сделали, через евгенический отбор. Ученые старались, подбирая родительские гаметы по генным банкам, чтобы я такой суперменистый вышел. Хоть на выставку, под стекло. Поэтому обфамиленные на нас никогда стенка на стенку не прут. Разве что подпустят немного вони из-за угла, и то, если у номерного руки заняты. Все с детского сада знают: когда «номерки» соберутся кодлой и начнут грубить делом — «афиши» драить, — нянечки долго будут красную юшку протирать. Недаром инкубаторские бьют процентом в летном составе и вообще подавляют числом в военной касте. Но если Митя Самойлов пролез в касту «кшатриев», значит, он содержательнее, чем кажется на первый взгляд. Значит, он не из тех барабулек, которые на призыв «победа или смерть» отвечают: нам желательно так, чтоб меньше мучиться. Живет себе Митя цивилизованно на государственных харчах, казенном удовольствии. А мог бы в лавчонке приторговывать или паяльником в носу ковырять. Нормированный рабочий день, цветы в горшочках, рыбки в банках, отели с видом на красивый пейзаж Меркурия, межзвездные ляди в невесомости, прыжки в размалеванных пещерах Луны, песчаные гонки на Марсе, танцы на Венере, круговые медитации в открытом космосе, причастия в церкви, намазы в мечети, шаббаты в синагоге, движимое и недвижимое имущество, тугая пачка кредиток в кармане, которую приятно пощупать. Но между Митькой и такими делами сто световых лет и черная дыра в придачу. Точь-в-точь, как у меня. Мы будем бегать под бодрые песни по коридорам «Гевуры», похожим на кишечник барана. Будем слушать проповеди на вольные темы хриплого жлоба Питера К201. Будем смотреть прямо в страшную морду богинюшки войны. Это вам не Афродита. Так же как и солдатки из женской смертоносной эскадрильи. Когда они возвращаются на свою базу «Фурия-1», можно подловить их и оказать половое уважение. Только еще надо успешную

стыковку произвести. Горе тебе, если борта им пошкрябаешь, накажут из импульсника. Снисходительно, конечно, лишь чуть-чуть обжарят.

— Шестой борт, ты полюбуйся, как художник, что творится, — проник в аудиоканал Митька, — какой пленэр. Фейерверк, стопроцентное упоение боем, драка Зевса с Юпитером.

Там, наверху, колорит быстро стал насыщенным, огненная полоса замазала четыре ближайшие к плутонам колесницы. Ангел зоркости покрутился по спектру. Высмотренные им машины второго звена сновали, будто мухи, по которым бьют газетой.

— Сегодня зловреды-плутоны впечатляют даже меня. Что там у них в брюхе? Море огня? — откликнулся на «красоту» Самойлов.

— Известно, Митя, что у тебя в брюхе отдыхают две сардельки.

— Не звенеть, уроды, — влез грубый голос. — Мозги — это у какой-нибудь мышки в зоопарке, а не у вас. Чтоб я больше не слышал вашего дуэта, а то обоим сделаю очень больно.

Митя сразу заткнулся. Страх перед начальством заменяет в вооруженных силах страх Господень. Тем более, майор К201 был человек с характером, причем говнистым.

Первый и второй упорхнули в пекло, потом и командир звена со своим ведомым. Значит, с двумя или даже четырьмя нашими машинами связь потеряна. Нет с раем надежной связи. Еще двое взмыли. Как поддержать — непонятно, даже торпедой можно своему товарищу между рог вклеить.

Сияющая завеса опускалась вниз и, подмораживаясь, становилась непроницаемым косматым туманом. Звено колесниц вроде как переваривалось в брюхе огромного волосана, обожающего игру в желудке. А потом космы немного разлетелись, и оголились четыре плутона, причем на пути у них был только К123 и его ведомый. Плутоны расходились просторным ромбом, чтобы взять колесницы в клещи для удобства расстрела. Айкон ощетинился — значит, враги корябали вредным колючим взглядом машину капитана К123, выискивая, куда бы врезать.

— Выскочить за дверь не успеем, — гавкнул К123 Самойлову, — будем выверчиваться вверх от нулевой плоскости.

Но на айкон уже посыпались снежинки, которые К123 видел в какой-то книжке. Пилот поймал одну «снежинку» искателем. Так и есть, на дружескую беседу с замечательным человеком торопились толпой почитателей бомбы с пассивным гравинаведением.

— Пятый, ну-ка сунь торпедой по моему курсу, только

на пару секторов выше. Не ошибись, иначе мне крупно не повезет.

Самойлов не сплоховал, «толпа» расплескалась, как кастрюля с супом. Колесница только пару раз вздрогнула, когда ошметки долетели до нее.

К123 вывел машину прямо под желтое брюхо одного из бродяг-плутонов, и огненный ангел включил импульсники. Вспомогательные экраны показали с замедлениями, как пузо плутона разверзлось, оттуда полетели жидкие потроха и он превратился в гейзер. Тут с картинки локатора пропало еще одно пятнышко.

— Пятый, рассказывай, не молчи, — всполошился Виктор К123.

— Я все время рассказываю, да наверное, на глухонемом языке. Угостил одного комарика между ребер, а потом вообще поджарил. Абзац товарищу комару, — похвастал Митя.

За трех заваленных плутонов выдают орден и, что еще ценнее, доппаек. Во время последней церемонии главкогор в лампасах сказал Виктору:

— Как хорошо, что вы у нас есть.

— А если меня не будет? — пошутил пилот.

— Тоже хорошо, — благодушно ответил большой начальник. И он был прав. Если ты принадлежишь к касте «кшатриев», то считаешься «божественным ветром» и входишь в список лиц, подлежащих официальному поминовению после своей «безвременной кончины». Там много приятного скажут про тебя, будут салют, водка, закуска... Виктор К123 посещал такие вечеринки и ему понравилось.

К123 закончил набор высоты обратным разворотом и оказался над плутонами. Их было всего два, но они крепко занимались Самойловым. Один пикировал, а другой заходил в лоб. С этим, по идее, Митька должен сладить сам, а вот пикировщика надо прихлопнуть. Капитан послал ангела копья, отчего дракончик-айкон украсился рожками. Затем взял на себя наведение торпед. Вот уже плутон поглядел на него в упор и, хоть не было у тупорылого глаз, но ненависть почувствовалась. Но тут вокруг плутона распустился белым тюльпаном плазменный защитный вихрь. Сыграл ангел огня, стали торпеды ярко голубыми бульбами, а плутону хоть хны — цел, доволен. Значит, гад все же сбил прицел плазменным выхлопом из своей задницы. Расточительный жест, хватит ли ему теперь энергии на обратный путь-дорогу? А плутон, не думая о родных краях, шарахнул из своего импульсника и снес у Самойлова хвост.

— Пятый, ты как?

— Наслаждаюсь остротой момента. Мой броневик не хочет слушаться баранки, — ответил задыхающийся Митькин голос. — Но этого таранщика я заколочу в гроб. Остальные плутоны — уже твоя пайка, ешь ее на здоровье.

К123 увидел, как Митькину колесницу жрет с хвоста пламя, но он еще держится на курсе, еще садит из импульсника.

— Как я ему в пятак, культурненько! — громыхнул Митька.

У плутона расщеплялся, становился аленьким цветочком нос. Тут К123 сообразил, что уперся взглядом в экран с режимом замедления. А Митя Самойлов остался живым-веселым уже только у него в голове. На другом экране два сияющих шара слиплись в один и разлетелись рваными клочьями. Погубитель Мити вертляво улепетывал, но вовсе не в глубины космоса, откуда явился. Он будто собирался свалиться на Землю. Терять его из виду не стоило. Ведь покойник-командир четко обрисовал задачу — размазать всех, кто попытается прорваться к Шарику — так и прохрипел на инструктаже. Ну, не смешно ли — космическим поселенцам проявлять трогательную заботу о куске грязи по имени Земля, который предал их дважды?

А кто такие плутоны? Гуманоиды, звероиды, кибероиды? Их колесницы и боевые горы на внешность мало отличаются от наших. Никто из них живьем или трупом к нам в руки еще не попадался, пощады не просил, не катапультировался из разбитых машин. Иной раз такое впечатление создается, что сами с собой воюем. Одно лишь известно наверняка: применять автоматические боевые средства против них — ни-зя! Быстро и больно аукнется.

Да вообще нигде полную автоматику использовать нельзя, а то поплачешь горючими слезами. Плутоны ловкие, что твой глист, пролезут в любую кибернетическую оболочку, и жизнь тебе вначале медом покажется. Исполнительность и четкость у киберсистемы станут невозможные. Ты, главное, не лезь в нее со своими проверками и контрольками, а сиди, радостный, поплевывай в экраны. Но если сунешься, тут угнездившийся в ней плутон кончает любезничать и показывает жуткую харю: сбой за сбоем, аварии, катастрофы, всего нахлебаешься.

Когда наконец прояснилось, где причина, где следствие, то настал черед кибероболочкам подвергнуться мучительной санации. После проверок пристегнули их к человеку, чтобы тот самостоятельно принимал все решения. Для того и айкон был придуман. Правда, в итоге из человека получился безропотный трудящийся орган вроде гипофиза.

Но едва мы стали заниматься санацией, плутоны поперли на нас в открытую, рубя всех встречных-поперечных в крошку. Мы даже поначалу растерялись, во многих наших поселениях от граждан один порошок зубной остался. Мы к Земле: защити, дескать, мать! А Земля нам кукиш — вы такие, дескать, разэтакие, на научно-технический прогресс замахнулись! Не поверил Шарик, посчитал, что космические поселения, под предлогом каких-то дурацких нептунов-плутонов, хотят разжиться пушками вместо масла и трахать друг друга за милую душу. Или вообще ударить в мать, в Землю родную. Шарик нам ни пушек, ни масла, вообще фаллос показал, когда утащил флотилию боевых катеров с лунной базы Кузьмабург. Тут же плутоны под сурдинку несколько звеньев колесниц заколдовали и увели с фобосской базы. Тогда мы от Шарика и отломились. Земля, правда, забила в барабан и отобрала свои орбитальные станции. Несколько наших ребят, угодивших в плен, отвели в «холодную» за здорово живешь. Ну и мы в ответном слове принялись тюкать их челноки-шаттлы, раз — и нет птички. В конце концов тайные послы сторон состыковались где-то, выпили, закусили и подписали замирение.

Заимели мы свое бытие, хреновое, конечно. Да и какое бытие вам достанется, если на десять пестиков одна тычинка. Если же вычесть звероподобных спортсменок, оголтелых солдаток и ученых мумий, у которых жизнь теплится только в районе мозга, то одна сочная бабель на двадцать балбесов приходится. Хоть в очередь становись, хоть лезь с толпой. Какая тут моральная арифметика начинается, всем понятно. Таких дорогих, прямо скажем, золотых лядей, как в нашей Космике, в целой Вселенной не сыскать. Какое может быть житие, если мы все время только по тропе войны бродим, одна рука томагавком машет, другая придерживает собственный скальп. Мы, конечно, односторонние, тоталитарные; человечьи души у нас за пучок пятачок, да и то в базарный день. Но никто этого не скрывает, наоборот, похваляются, поэтому у нас самый передовой реакционный режим. Еще бы, чем нас попрекнешь? Если все пальцы сжаты в кулак, то этим кулаком на пианино не поиграешь, василек не намалюешь, даже ногти не отрастишь — им только бить можно. Зато мы себя за правдивость уважаем, зато нам для радости мало требуется, особенно «спичкам» из породы бойцов. Раз в квартал выдают трусы и носки, раз в год башмаки, которые можно обменять на пиво, если предыдущую пару расходовал экономно. Чем не повод для веселья, когда узнаешь, что в твоем комбинезоне уже ще-

голяли двое-трое мертвецов? Их бирочки остались, и ты будь аккуратен, чтоб твоя не последней украсила это ожерелье. На нашу утилизацию приятно посмотреть. Если скопытился на базе, то как следует поможешь согражданам. Лекарств из тебя понаделают и органы заберут на пересадку. Кое-что пойдет на мыло, кое-что на клей, и на удобрение для оранжерей. Жирком твоим баньку натопят, в которой будут париться твои друзья-товарищи, вернувшиеся с задания. Остальное сгодится на спирт — тоже в радость кому-то. Ну, а если в безвоздушном пространстве хана улыбнется, то станешь космическим газом, тем самым, из которого новые звезды получаются.

И самое интересное, как ни старались светлые головы сочинить что-нибудь светлое, украшающее быт и работу, выходило у них только темное. Ничего не попишешь, живем на небе, значит, всего в обрез. Кроме знаний, конечно. Этого добра завались, хоть носом ешь, оттого земляне у нас его стянуть пытаются — у них там вроде мозги похудели. Мы землянских агентов время от времени публично аннигилируем, чтоб другим неповадно было. Симпатичная казнь, сам не отказался бы, но помогает плохо. Эх, будь у меня родня, может, и присоветовали бы мне в ученые идти, которым положено думать да гадать день-деньской с карамелькой во рту. Или в техники — снимать хрустящую пенку из кредиток со своей мастеровитости. А так я стал бабочкой-однодневкой, как выражаются про нас низшие касты. Родился, набрал веса по-быстрому, укусил, испекся. Бойцы нужны, поэтому инкубаторы жужжат, работают. Земляне у нас продукты ума тащат, а наши спецы-евгеники продукты половых органов воруют в земных городах и весях: яйцеклетки да живчиков. Это имущество у нас сильно мутировавшее из-за злых космических ветров, отчего из эмбриончиков могут произрасти динозавры вместо героев-космонавтов. Да и генофонд, увы, ограниченный.

А плутон в самом деле собирается припопиться к Земле, мчится урод к уродам. Высота двести восемьдесят километров, а с двухсот начинает работать по-черному противокосмическая оборона землян, забивать нашего брата без особых церемоний. Ну что за приказ такой — не пускать плутонов к землянам на свидание. И те, и другие — ворье, и повадки у них одинаковые: мы напридумываем всяких хитрых хреновин, а они сопрут. Даже если у них синтез культур случится — Космика ничего не потеряет сверх обычного.

Неужто мы землян оберегаем и чтим прямо по-сыновьи за импортируемые от них половые клетки? Да уж давно

можно было набрать полные баки этих самых зигот, и прости-прощай, Земля-мама. Или же мы все-таки боимся, что Шарик, скрестившись с плутонами, родит не какое-нибудь мелкое дрянцо, а масштабную угрозу?

Митька намедни травил мне про своего дядьку двоюродного, который такой важный член совета касты, что ему дозволено для развлечения даже секретаршу иметь. В частности, передал Самойлов дядькины слова, что один наш подлый гад-изменник спустил землянам рецепт приготовления искусственной крови. А это не простой кровезаменитель. Накачаешь такой жижей любого умника, и он мигом превращается в заводного пупсика. Правда, дядька подробности не разжевал, да и Митька, дружок мой откоптивший, особо не врубился. Мол, чтоб эта кровь парашная пригодилась на полную катушку, землянам надобно еще кое-какое оборудование из нашей небесной империи свистнуть. А при нынешнем жестком контроле серьезное воровское дело без плутонов не обойдется. Может, мой птенчик так на Землю тянется, потому что с важным товаром.

Высота двести двадцать, внизу — море по кличке Средиземное. Пора урку-плутона кунать. Не спать, ангел копья! Одолжи торпеду товарищу. Но плутон пустил задом белый плазменный вихрь и опять уцелел. Прыть, впрочем, у него уже не та. Отпрыгался, вонючкин. Высота — двести, внизу — солнечная Испания. И тут, как и полагается, крик-ор по аудиоканалу.

— Внимание, нарушитель. К вам обращается пятое генеральное командование сил противокосмической обороны. Немедленно покиньте наше внутреннее воздушное пространство. Иначе вы будете уничтожены без дополнительных предупреждений.

— Как же, уничтожен. Разбежался, кабальеро. Прямая кишка у тебя во внутреннем пространстве.

Но пора было обратиться к узлу секретных инструкций, печально известному как «совесть». Этот узел, если надо, выйдет на спецсвязь с «Гевурой» и уточнит задание. Двадцать секунд «совесть» мучилась и наконец шепнула: «Противник подлежит безусловной ликвидации». Гора дает добро. Теперь уж любовный треугольник получается: ПКО хочет приголубить Виктора К123, тот в свою очередь не в силах не приставать к прекрасной плутонянке.

Высота — сто восемьдесят, до плутона двадцать. Земляне не зря дрейфят, пальни колесница из бортового оружия где-нибудь над городом, и получится вместо квартала с домами отличное поле. Таков уж эффект выжигания ат-

мосферы. Еще один интеллигентный плевок ангела копья — торпеда пошла по траектории сходящейся спирали. Когда берешь ее управление на себя, такое впечатление, что ловишь муху стаканом. А вот и хвостик плутона, в прошлом неприятный, а теперь столь беззащитный. Все, не удрать орлику из сетки наведения, самое ему время околевать.

Сочувствую горю, плачу, но задница у него отвалилась. И последним аккордом надо бы размазать его из импульсника — для красоты, чтоб заря кровавой была.

У айкона начинает мигать умный проницательный глаз. Так, что у нас на экране автоискателя? Здесь у нас шуба падает. Этакая «шуба» согреет хорошо, мало не покажется. С платформы-соленоида, высота так двести десять, швырнули, недолго думая, кучу болванок. Это на ПКО похоже, болваны кидают болванки. А если своим же землянам по голове? Ладно, беседа с плутоном слишком затянулась, будем прощаться. Ангел огня раскурочил его в один момент, злыдень даже не особенно полыхнул, видимо, двигатели были выключены. Ангел скорости уже вздрючивал колесницу, все соки организма поплыли к спинке кресла, но Виктор К123 еще профессионально полюбовался кадрами, где разваливается брат мусью. Ну-ка, замри, мгновенье! Ага, перед тем, как все хозяйство разлетелось окончательно, из плутона выскочил небольшой черный контейнер. Приглянемся — да это ж яичко сантиметров на двадцать! Снеслатаки пташка. Неужели кто-то живой катапультировался? Тогда, выходит, противнички у Космики аховые, размером не больше краба или воробья.

И тут «шуба» припечатала его. Словно кретинистый великан ударил наотмашь ладонью, дробя позвонки. Виктор К123 больше ничего не видел, кроме айкона, покрывающегося темными пятнами, визжащего, словно от боли, сминаемого, как шоколадная обертка. А автопилот, «второе я», еще комментировал агонию занудным голосом: «Повреждение сопла... неуправляемый выход струи... дисфункция главного двигателя... главный двигатель не контролируется процессором... температура в активной зоне подходит к критической точке... отказ узла ближнего наблюдения... экраны обзоров отключены... возможен взрыв главного двигателя... с достаточной вероятностью взрыв произойдет в ближайшую минуту...» Последний вопрос узлу секретных инструкций: «катапультироваться или пропадать вместе с машиной?» Пятнадцать секунд «совесть» прикидывала, может, совещалась с «Гевурой»: кому нужно продолжение его жизни, остается ли он в списках? И вот большой палец на-

правлен вверх, жить будем, гореть синим пламенем не требуется, блокировка катапульты снята.

К123 вылетел из колесницы, которая через секунду лопнула под ним. Ощущения были, как у мухи, путешествующей над взрывающейся гранатой. А потом был еще затяжной прыжок, «совесть» давала последние ЦУ перед тем, как самоперегореть.

Место посадки и адаптации — деревня Пустомержа, координаты такие-то. Улица такая, дом такой — место проживания Виктора Васильевича Лучкина.

Положительные свойства этого землянина — во-первых, он однояйцевый близнец Виктора К123, коэффициент сходства 0.85; во-вторых, В. В. Лучкин, ныне отсутствуя в Пустомерже, калымит в городе Анадырь. Надлежит использовать сходство для обмана окружающих, допустимо применение психотропных средств.

Содержимое контейнера, вылетевшего из плутона и попавшего на поверхность Земли, с вероятностью 0.7 — мощный биоинтерфейс, он же суперБИ, устройство широкоспектрального обмена информацией между человеческим организмом и кибероболочками.

Задание К123: изъять или уничтожить суперБИ. Обратить особое внимание на то, чтобы суперБИ не попал к сотрудникам Службы Санации Систем или Центра Киберологических Исследований. Для К123 в такой-то день в район с координатами такими-то будет спущен беспилотный аппарат. На борту возможно получение дополнительных инструкций. Гора желает всех благ. «Совесть», сделав доброе дело, самостоятельно сгорела.

Капсула с К123 бодро заглатывала радарные волны и оставалась незаметной для ПКО. Пятое генеральное командование занесло в журнал с грифом «секретно» сведения об уничтожении высоколетящей цели. Ввиду отсутствия ущерба на Земле, эта запись могла всплыть лишь по получению протеста от Космики через спецкомитет ООН.

Тем временем контейнер, сброшенный плутоном, завис над шоссе в одной из южноевропейских стран и принялся считывать магнитные транзит-карты на бортах автотрейлеров. Наконец он выбрал нужную карточку и прилепился к днищу машины, следующей на восток Европы.

А капсула уже глубоко проникла в земные сумерки. К123 включил маневровые двигатели и с помощью маленького айкона на крохотном экранчике вышел в район посадки. Там он выпустил парашют и стал планировать, выбирая место, где легче спрятаться.

На Земле его встретила ночь в лесу. Ночь пришлась ему по вкусу, потому что новая обстановка была не слишком заметна, да и Космос рядом, хотя уже как бы за занавеской. Для начала К123 раскурочил спускаемое кресло, добавил к обломкам свой скафандр, парашют и сжег все это барахло спецзарядом. При нем остался только комбинезон и аптечка. Он сделал себе несколько уколов для повышения иммунитета к земным хворям. Потом кое-как устроился на корнях большого дерева — похожее он видел в ботаническом саду на Венере. Дал себе установку: спать три с половиной часа. Он впервые заснул в естественной среде, которая оказалась к тому же и агрессивной. Через час, презирая все установки, его разбудили комары и муравьи, о которых он был информирован, и еще какие-то неизвестные ему мелкие насекомые. Он застегнул свой капюшон на все застежки, хлебнул из фляжки сорокапроцентного спирта, положил голову в капюшон и дал себе еще более жесткую установку — спать два часа. Однако, когда продрал глаза, заметил, что установка опять не сработала. Наступил уже земной полдень.

Пока Виктор К123 добирался от леса до поселка, новые ощущения нападали на него, давили, душили — все, без исключения, из породы самых мерзких. Никак их было не унять. То, что видел глаз, слышало ухо и нюхал нос, было чужое и одновременно знакомое, а также глупое. Особенно ему не понравилось, что энергия пропадает зазря в воздушной толще, ветер дует без толку, растения растут как попало, заслоняя друг от друга свет, птицы снуют внаглую повсюду и наверняка мешают воздушному транспорту.

От самой Пустомержи разило уже беспредельной дуростью. Дома — просто кучи грязных досок и кирпичей, брошенных на землю абы как, столбы сваливаются набок, повсеместно ямы с дерьмом, видимо, местное достояние. Кругом ржавеют, гниют и по-всякому разлагаются остатки и останки. Покойников, как бесполезный мусор, загоняют на два метра в землю! Пилота даже затошнило, очень захотелось, чтобы на землян свалилась комета или метеорит поувесистей. Наконец, Виктор К123 мысленно превратил Землю в красивый ледяной шар, облегченно вздохнул и смог отыскать нужный ему дом. «Нет, это много лучше, чем яма с дерьмом», — утешил он себя и приступил к осмотру строения. Два окна заколочены крест-накрест досками, остальные разбиты. Зажав нос, он заглянул внутрь. Звенели мухи и осы, этих насекомых он опознал без труда, вспомнив посещение зоопарка. Раздвигая половицы, пробивалась трава, там и сям располагались экскременты. «Ага, вот он, глав-

ный способ, которым жители Земли метят свою территорию». Дядя Витя представил себе своего брата, обитателя такого дома, и ему впервые стало жутко.

— Витька, ты, что ль... Витя, это ты? Скажи хоть, — раздался голос, похожий на скрип калитки.

Из-за забора, похожего на челюсть акулы, выглядывало существо, с головой, замотанной в кусок ткани. Существо двуногое. На двух ногах передвигаются люди, обезьяны и медведи. Обезьяны на такой широте не водятся, медведи покрыты густой шерстью. Ясно, это человек, скорее женщина, чем мужчина. Просто на Космике даже мертвецы выглядят намного свежее. К123 сделал поправку на большую силу тяжести, солнечную радиацию, ускоренный обмен веществ, и все утряслось. Выглядывает старый человек, старуха! Взаправду ли старуха приняла его за Виктора Лучкина? Или это только игра Глобальной контрразведки Земли? Есть ли повод к физическому или психическому уничтожению появившейся персоны? Пожалуй, лучше смыться отсюда и провести дополнительный анализ данных. Но старая женщина не дала ему нырнуть в лопухи. Она просочилась сквозь забор и ухватила его за рукав.

— Витек, он и есть. Возвернулся, — удостоверилась старуха, — но с лица спал. Лицо твое, как у цыпленка замороженного, синее, костяное. Доигрался. Зато наряд-то прям космический. Ты его для потехи купил? Или там на Ядовитом Окияне такие за спасибо выдают, лишь бы работал, не убегал?

К123 глубоким дыханием снял напряжение. Ликвидировать старуху он всегда успеет, лишь только она «сфальшивит». Лучше принять рабочей гипотезой, что старуха посчитала его Виктором В. Лучкиным, благодаря их общим генам.

— Да что ты, Витенька, смотришь на меня, как на белого медведя? — тараторила себе старушка. — Я же бабушка Хаврония, а ты мой воспитанник. Кто тебя пестовал, когда твои родители, рабы Божии, преставились? Разве такое забывают?

— Здравствуйте, бабушка Хаврония. Как поживаете? — уклончиво сказал К123 и продолжил с жаром, чтобы ей понравиться: — Хорошо в краю родном, пахнет сеном и говном!

— Ты эти слова не кричи, — укоризненно сказала старуха, — а то люди подумают, грубияном был, грубияном и остался... Ну, давай к нам, потом в избе приберешься. А то ведь не поесть кашки, откуда силе взяться?

К123 пытался выработать линию поведения в условиях недостатка информации, особенно его затрудняло сообщение о каких-то людях, думающих о нем. Но бабка уже по-

тащила его с собой, с ходу протолкнула в щель забора. А на пороге соседнего дома маячил еще один местный житель, тоже неприглядной наружности.

— Какого-такого к нам волочешь? Меня сейчас в послеобеденный сон клонит, и я к умному разговору не предрасположен.

— Да какой с ним умный разговор? Это ж Витя тут у меня. Или уже своих не признаешь, старикашка?

Дед, прищуриваясь, как при стрельбе, всматривался в него, а Виктор К123 с тоской понимал, что если узнавание не состоится, то придется уже убирать двоих. Но тут старик, одобрительно причмокивая, заявил:

— Бляха-муха, узнаю ряшку. Только чего ты нос отрастил, Витек? Лед, что ли, им долбил?

— Да это у него щеки от ветра спрятались, — объяснила бабка. — Шевелись, дед Прогресс, веди гостя в дом.

— Ну как, вернешься вскорости обратно в снега, или же здесь творить-вытворять будешь? — спросил дед, умильно наблюдая за тем, как бабка подает на стол. — Надо работать как следует, так все вожди учили.

— Мать честная, — всплеснула руками бабка, — что ты человека пугаешь? Да здесь отродясь как следует никто ничего не делал.

Может, это провокация, напрягся Виктор К123. Если он заявит, что предпочитает работать над собой, то дед заложит его соответствующим инстанциям. Если будет настаивать на своей исключительной активности — рискует привлечь недоброе внимание бабки.

— В определенном смысле я могу оказаться полезным, — уклончиво сказал он.

— Ой, какой разговор нездешний, — растерялась бабка.

— А мне нравится, — поддержал дед Прогресс. — Я Витька давно приметил, хотя он раньше только ушами шевелил, как вундеркинд. У него тогда, как у дельфина, весь ум внутри был, а нынче снаружи. Так в чем твоя полезность заключается, Витек? Пьешь так, чтоб другим не хватило?

— Я не знаю нынешнего уровня и ориентации местного хозяйства. Но я кое-что смыслю в системотехнике, программировании, астрономии, физике, особенно небесной механике.

Бабка так и села.

— Батюшки, Лемонардо да Винчи пожаловал.

— Вот теперь я вижу, что не будешь груши кое-чем околачивать, — со сдерживаемым одобрением сказал дед Прогресс. — Завтра я тебя в контору сведу, там похвастаешься. Порадуешь начальство своими успехами. Интерес-

ный ты человек, Витек, в районном масштабе. Глядишь, и поднял бы нашу свинофабрику на кибернетический уровень. А то нашим мудодеям присылали разных хитрых штук, от которых хозяйство краше делается. А как их приспособить, никто не догадался. Лежат себе под навесом, ржавчиной прорастают, а Пахомыч их сторожит с газовым пистолетом. У него газа много, особливо, как гороха накушается.

К123 сообразил, что наляпал много лишнего.

— Бабушка Хаврония, дедушка Прогресс, можно я целый день ничего говорить не буду, а если и скажу, то вы не вслушивайтесь, будто кот мяучит. Вы все делайте, как привыкли, а я здесь на полу полежу. У меня болезнь такая от непосильного труда на крепком морозе. Приступ, до вечера, понимаете?

— Понимаем это и кое-чего еще, — ответили дед с бабкой. — Бери раскладушку и делай на ней, что хочешь.

Виктор К123 уже разобрался с тем, что он хочет. Если он останется такой, как есть, миссии его досрочные кайки, задохнется она в зародыше. Заморочить головы всем он не сможет, значит, надо заморочить себя. Личностное перепрограммирование, оно же, по-народному, подгонка мозгов. Улучив момент, когда старичье вышло до ветра, К123 вынул из аптечки шприц-пистолет, зарядил его ампулой с супраэнцефалином, крутым достижением космиканских док. Ну и укололся. Потом через ряд фиксаций ума: на потолке, лампе, мухе, впал в полную прострацию и расслабление всех членов тела.

Работу свою на этом он завершил, дальше пошел вкалывать супраэнцефалин по принципу стирательной резинки — убирая карандашные штрихи, но оставляя чернильные линии. Осталась ненависть к врагу-вору и приязнь к товарищам по борьбе. Но облик врага поразмылся, стал похож на грязное пятно, и лица товарищей слились в одну светлую личину. Колесница и гора уже больше не пронизывали его насквозь, хотя сведения о них никуда не делись. Улетели привычные напряги и заботы о тренировках, зачетах, учебах, инструктажах, пайках, помывках, попойках. Сохранилось, не выветрилось уважение к чину и порядку.

— Спит или не спит, глаза-то открытые, — по обыкновению вслух размышляла бабка.

— Полный порядок, — успокаивал ее дед. — Это он так на севере научился, на случай нападения моржей. Я такого зверя в цирке видал, страхолюдина нестерпимая.

Потом деда с бабкой окончательно разморило, и они тоже отправились погулять в сонное царство. Когда они уже

образовали слаженный дуэт храпового пения, пришел мальчишка, сын деревенской продавщицы. Принес кулек конфет в обмен на авоську картошки, которую дед Прогресс накопал этой женщине вчера. Мальчик Петя положил пакетик на стол, потом увидел странного дядю в черном комбинезоне, развалившегося на раскладушке. На дядином комбинезоне было много кармашков, не то что у трактористов. Один кармашек приоткрылся, из него выглядывала, вселяя сладкий ужас, рукоятка пистолета. Петя как бойкий мальчик не удержался и потянул за рукоятку. Но вытащенный пистолет был какой-то ненастоящий, похожий на водяной. Тем более что вместе с ним выпало из комбинезона несколько прозрачных патронов с жидкостью. Петя был очень смекалистый, драчливый и отгадывал любой ребус. Он всунул патрончик с казенной части в пистолет, взвел курок, а потом решил еще немного поозорничать. Поднес дуло пистолета к дядиной руке и нажал спусковой крючок. Из дула выскочила тоненькая, едва заметная струйка, продырявила запросто дядину кожу, тот чуток вздрогнул, застонал, и все. Любопытство ребенка было полностью удовлетворено, он прошептал: «Херня это, а не пистолет», сунул глупую игрушку обратно в дядин карман и убежал домой.

Таким образом, еще одна доза супраэнцефалина пошла гулять по Виктору К123. Новоявленному Вите Лучкину стало очень не по себе. Из носа потянулась струйка крови. По внутреннему ландшафту прокатилась мощная волна и много чего унесла. Какие они теперь — зло и вред, на что похоже добро? От чего бежать, к чему торопиться? — без таких направляющих разваливались каркасы знаний. Рассыпались в порошок притягивающие массы: бессмертие Космики, непреходящие заповеди касты кшатриев, сверхценная миссия пилотов. Не стало нежности к чревам родных инкубаторов и любования мощью несущихся во мраке боевых гор, погас огонь братства с еще живыми и уже ушедшими пилотами. И красота наступающего строя колесниц сейчас не тронула бы капитана К123. Исчезла ненависть к стопроцентным гадам — плутонам и мелким гнидам — землянам. Рассеялась надежда на грядущее преображение Космики в мудрый венец всей Солнечной системы, а может, и целой Галактики. Пропали соответствующие лозунги. Остались только мусорные кучи сведений. Очистилась полянка, на которой принялось расти дерево добра и зла местной породы. Местным воздухом оно дышало, местным удобрением кормилось, веточки из него тянулись бабкины, а листочки дедкины.

Около девяти вечера Виктор К123 приподнялся, сел на своей раскладушке. Взгляд его был мутным и тупым.

— Давай к нам, бабка пироги знатные наколдовала, — предложил дед. — Вид у тебя, конечно, как после собрания хозактива в защиту больших надоев, мира и дружбы во всем мире. Ну, мы сейчас по рюмке для просветления.

К123 мало что понимал: кто он, где он, кто эти люди вокруг, почему перед глазами взрываются какие-то ракеты? Он привстал и упал назад, запутавшись в своих ногах.

— Кажись, я все позабывал. Кто я такой? Чего мне надо?

— Когда успел накушаться, — ахнула бабка, — у него что, под одеждой двойное брюхо и запас алкоголя? Да вроде и не разит, — принюхалась она. — Может, клизму спирто-водочную сделал?

— Цыц, бабка. Ты зачем ему стресс делаешь? — унял ее дед, — отвыкай от таких штук в моем доме. У человека, понимаешь, течение болезни. В любую сторону потечь может.

— Кто я? — не унимался настырный К123. — Зачем я?

— Виктор Васильевич Лучкин, природный пустомержский житель. Был и чуть не сплыл в полночных краях, — терпеливо разъяснял дед. — Пока невесть где шлялся, стал умный. Обучен этой, как ее, системе, и телесной механике и всякой такой дребедени.

— Ага, ага, ага, — соглашался К123, — все в яблочко. — Ему хотелось успокоиться и кем-то стать. Тем более, носились вокруг какие-то обрывки: схемы, детали, панели управления и звезды — больно яркие, прямо лампочки. И еще летающие тарелки, горящие туманы, белые слепящие пирамиды и кое-что вроде дракона на экране, который крутится и визжит.

— Я уж как-нибудь обученный, науки мне не занимать, — с достоинством в голосе произнес новоявленный Витя Лучкин, — а еще больше фильмы насмотрелся про космические похождения, так перед глазами и стоят. Это здорово мешает, елы.

— Мне тожно кое-чего мешает, оно же и помогает иногда, — двусмысленно заметил дед Прогресс. — Ну-ка, давай по стопарику на поправку организма.

— Ты там не подженился, а? — игриво заметила бабка. — А то был мастер девок портить.

— Их этим не спортишь, — глубокомысленно заметил дед Прогресс.

— Ну-ка, покажи пачпорт, — развивала тему бабка с угадываемыми сватовскими намерениями. — А то здесь одна Настюха ждет не дождется.

— Она всех мужиков ждет, — резонно сказал дед, — вот когда поставит полбанки, тогда и дождется.

— Пачпорт, какой-такой пачпорт, ничего у меня нет, — всполошился Витек.

— Ладно, не трухай, прорвемся. Метрика-то есть, метрику сыщем и документ тебе выправим, — утешил его дед Прогресс.

Блок 2

В шесть-ноль по основному времени боевая колесница Космики приблизилась к Земле на расстояние триста двадцать километров и отстрелила спускаемый аппарат. Тот приземлился в десяти километрах от города Анадырь в укромном месте. После посадки от аппарата отделился поисковый модуль, который должен был обнаружить источник характерного нейтринного излучения.

Виктор Лучкин, закончив пребывание в компании девушки Марины, направлялся обратно, в общежитие морского порта. В тот момент, когда он отошел к забору, собираясь справить малую нужду, он и не подозревал, что вскоре после рождения в него был вживлен излучатель. «Товарищ начальник, я только...», — непроизвольно обронил он, когда что-то опустилось ему на плечо. В. Лучкин повернул голову и крякнул. На плече сидел здоровый черный жук из мультфильма, да еще перебирал лапками и шевелил усиками. Если бы Виктор догадался, что «жук» сейчас сканирует его тепловые волны, определяя положение вен, то не замер бы в изумлении. Напротив, скинул бы пиджак и, завернув в него «жука», старательно шмякнул свертком об забор. Поскольку Лучкин этого не сделал, «жук» впился ему в кровяной канал и впрыснул туда сложное вещество, после чего отвалился и исчез. Почти сразу Виктор понял, что отравлен, ведь перед глазами появилось множество пузырей, в которых сидели жуки. Он бросился в медпункт, фельдшерица, не дослушав переживания, отправила его проспаться. Тут «жук» снова уселся ему на плечо и молвил человечьим голосом: «Гнусно умрешь, если не послушаешься. У кого яд, у того и противоядие... Разбудив начальника, скажи, что отбываешь домой на три месяца. Потом следуй за мной. За хорошее поведение будешь сохранен». Не чая спасения от официального здравоохранения, В. В. Лучкин выполнил все задания в точности. Даже с некоторым подобострастием на лице забрался в капсулу, намереваясь по-

лучить курс лечения. Направлявший его всю дорогу «жук» согласился на укол, и в момент старта Виктор Васильевич уже почивал сладким наркотическим сном.

Блок 3

Дяде Вите было невмочь. Обрыдло ему все в городе, надоело. Добраться бы с ветерком до родимой Пустомержи, помыться-попариться в баньке, заглотить чекушку да упасть рыльцем вниз, в спелые хлеба. Желательно не одному упасть, а с Настюхой со свинофабрики. У них взаимное чувство имеется, как пить дать. В прошлом месяце, когда был пожар на складе и угорел Пахомыч, она об своем чувстве дяде Вите знать дала. С ласковой-ласковой улыбочкой лила ему на ожоги студеную воду. Его, правда, от такой помощи чуть кондрат не хватил, но она же хорошего ему хотела, а потом виноватой себя ощущала. Шептала густым голосом: «Глупая я», а он ее забинтованными руками хватал за тугое мясное. Время не терял, пользуясь правами пострадавшего. А потом дядя Витя любовную историю почти загубил вот этими самыми руками. Принялся он на свою голову сочинять книгу про пожар на складе. Начиналась книга так:

«Председатель вздрогнул, когда жар девушкиного тела прошел сквозь его пиджак. Он не хотел потакать ей накануне рабочего дня, поэтому отстранился. Однако горячие, как блины со сковородки, губы Насти догнали щеки председателя. Зазвонил телефон. Наверное, из района, подумалось ему. По их головам бегали мухи. Вот если бы надо было выполнять план по мухам, а не по зерновым, — помечталось председателю. Телефон не унимался, звонки напомнили о тревожном положении на свинофабрике, об отставании в заготовке кормов. Председатель отодвинул Настю, помял папиросу, не спеша закурил. Потом взял со стола газету и стал читать вслух числа, сообщающие о неудовлетворительной работе девушки и ее односельчан. Наконец он стал объяснять Насте механизм ценообразования. «Что ж ты со мной делаешь, любимый?» — сказала девушка и хихикнула».

Зачитал дядя Витя такое начало Насте, а она чего-то обиделась, кинула ему в лицо семечки и ушла. Расстроенный дядя Витя писательское ремесло отставил и занялся системотехникой на свинофабрике, благо всякого оборудования начальство навыписывало и сложило под навес в ожидании, пока идеи овладеют массами. Масса не масса,

но дядя Витя порадовал почином, работницы дали наказ, чтоб труд их полегчал и проходил весело. И инициативный мужчина начал куролесить.

Перво-наперво оприходовал коробочки, на которых значилось: «Биоинтерфейс «Миг-50». Устройство трансляции и передачи биологических сигналов в технические системы». Дядя Витя где-то как-то что-то понял, вынул из коробок блестящие пластинки, прилепил их свинскому населению. Смонтировал согласно инструкции модули, наладил каналы связи, присоединил процессоры к сетевому кабелю и рванул рубильник. Система зафурычила, экраны замигали сообщениями о доступе в самые престижные банки данных. Задачу всей технике дядя Витя поставил благородную: «Ни один позыв свиньи не оставит нас равнодушными». И потекла красивая жизнь, любо и недорого посмотреть.

Хряки и хрюши, как господа и дамы, вовремя накормлены-напоены, хорошо побриты, внимательно помыты, уложены спать и убаюканы песней колыбельного содержания. Дядю Витю начальники уже не хлопали по шее, а старательно жали ему руки. Народ, в свою очередь, за достигнутые успехи прозвал его «свинячья мамка» и «свинский кудесник». А Настюха, бывало, подойдет сзади, повернет ему голову до хруста в шее и схватит жаркими губами за лицо — при всех. Работницы смеялись и приговаривали: «Смотри не проглоти случаянно своего ученого».

Но недолго длилось счастье дяди Вити. В свиной колбасе стало попадать на зуб что-то неколбасное. И сало и шпиг с душком. Явилась — не запылилась комиссия и начала копать да вскрывать. Выяснила вскоре та самая комиссия, что технологический участок, на котором друзья человека обязаны превращаться в мясопродукты, системой был круто перестроен. Проницательные люди убедились, что производственная линия заворачивает назад свиней целыми и довольными, а вместо них разит направо и налево любую другую живность: кошек, тараканов, крыс, собак, голубей, лошадей. Даже алкоголик-сторож пропал без вести где-то в этом районе. Система ведет себя здесь поразительно искусно: живность заманивается всякими лакомствами, потом всасывается пневмозаборником в специальное помещение и там бьется насмерть током. Кроме того, необходимые белки, жиры и углеводы добираются с помощью пневморукавов из баков с помоями и выгребных ям.

Комиссия пришла к однозначному выводу: сигналы протеста свиней против смертной казни показались системе крайне убедительными. Особенно после тщательного копа-

ния в банках юридических данных и знакомства с англо-саксонским прецедентарным правом. Почему доводы животных стали так понятны системе? И это вскрылось. Централизованная поставка современных приборов-биоинтерфейсов предназначалась для двуногих селян, а не для каких-то четвероногих и хрюкающих. И системные модули шли целевым назначением в парикмахерскую, баню да детский сад. Местные начальники поникли головами — никто им не объяснил, а сами опять не сообразили. Но почему?

Потому что старшие товарищи учили их не соображать, а выполнять производственные задания. Так приговорили участники совместного распития традиционного утешительного яда. Но на следующий день свезли, невзирая на свою головную боль, мясников и прочих наемных убийц со всей округи. Палачи хотели было напасть на свиней с ножами и топорами, но система дала достойный отпор, залив подступы к свинофабрике жидким навозом. Несколько человек все же пытались прорваться — и захлебнулись, правда, не до смерти, в незаметных теперь ямах и рытвинах. Тогда вертолет спустил сверху взвод бывших десантников. Те разобрали кровлю, и пошла кровавая потеха. Они остервенело резали по плану и сверх плана, всех бы поубивали, если б дед Прогресс не вступился за животных. Тот вспомнил лихую молодость и начал садить по окнам с двух дробовиков.

Председатель вместе с руководителем комиссии съездили потом несколько раз на рыбалку. Клев был хороший, и хотя отправились они злые, но по ходу дела подуспокоились, вскрыли причины и следствия и решили дело спустить на тормозах. Мало ли еще какие стервятники из Центра прилетят. Поэтому ограничились истреблением одного зама. Ну, а с дяди Вити чего возьмешь? Сам же дядя Витя соображал мучительно: то ли оболочка хотела его подставить, то ли свиньи действительно ничем не хуже людей. В любом случае надо доставать мощный блок для более тонкой обработки свинских запросов — чтобы в нем не только личные, но и общественные критерии помещались. Председатель ему на это официальное добро не дал, даже руками замахал, мол, прочь с глаз моих, постылый. Дядя Витя решил все устроить частным образом, чтобы облагодетельствовать родное хозяйство внезапно, на манер сюрприза, а заодно и честь свою спасти. Собрал манатки, для прикрытия миссии взял заказов на покупки у односельчан. Настюша, смущаясь и краснея, как маков цвет пополам со свеклой, сама попросила привезти ей полупрозрачные трусики пятьдесят второго размера.

Отягощенный заботами ворвался дядя Витя в город с помощью рейсового вертолета. Прямо в аэропорту ровно улыбающиеся служительницы прилепили ему к запястью маленькую пластинку биоинтерфейса, БИ — чтоб его кибероболочки понимали. А в ухо затолкали приемник-токер, чтобы он получал в звуковом виде распоряжения тех самых оболочек. После того чувствовал на себе дядя Витя день-деньской неусыпное внимание, что свинка в его хозяйстве. Кругом, как оказалось, понатыкано рецепторов этих вот оболочек, снимающих показания с его БИ. Да и видеодатчики подглядывают впрямую и исподтишка. И в токер оболочки ему без устали долдонят, чтобы было ему благо среди сплошных неприятностей и опасностей — будто он не в городе, а в джунглях. Туда не ходи... сюда ходи... не стоять... постой, отдохни... не трожь... хватай... дыши верхом... дыши низом... И в самом деле, оказалось, в городе хлопот побольше, чем в джунглях. На лифтах и дорожках движутся люди и посылки во всех направлениях, то трубу прорвет, то кислотный дождь окропит, то воздух вдруг станет нехороший, то солнце неприятное. А то и пользительное. Повсюду дядю Витю не только спасают, но и умиротворяют. Приятный свет, даже в самом глухом закоулке; ненавязчивая музыка, которая слегка щекочет мозжечок; благовония пованивают, создавая легкий дурман; какие-то штуки, похожие на цветы, раскрываются и захлопываются, мелодично позвякивая хромированными железками. А в токере каждые полчаса непонятный, но приятный бубнеж под названием «мантра» — дядя Витя удивился, что индийский мат столь здорово звучит. И от такого непрерывного кайфа спорить не хотелось, хотя иногда и надо было.

Пошел дядя Витя на выставку-продажу кибермодулей, а какая-то надзирающая оболочка его туда и не пустила вовсе. Ударила поролоновым кулаком по шее и словами уязвила: «Эй, куда попер? Ошибся адресом, милок, пивная за углом». В общем, куда надо не попал, со специалистами не посовещался. Хотел подловить какого-нибудь у входа, но специалист, завидев интересующегося дядю Витю, сразу шарахался. Пришлось взять некий модуль у спекулянта под большой кепкой. Волнительная проверка покупки откладывалась до живого эксперимента в Пустомерже.

Тут дядя Витя стал впервые ощущать, что оболочки он, в общем-то, не любит. Одна из них заслала его в город, а другие принялись куражиться. Но при всем неудовольствии запросы односельчан предстояло удовлетворить в точности.

После общения со спекулянтом дяди Витина мошна

сильно сморщилась и похудела. По такому случаю нашел он центр общественной помощи, где выбил особые купоны «на бедность». С ними покупки можно было делать со скидкой. Отправился потом в большой магазин. Видел дядя Витя яркими буквами написанные нормы отпуска в одни руки по купонам, но решил на этот раз не быть чайником и слукавить. Зашел один раз, отоварился, оставил пакеты в камере хранения. Снова сделал ходку и спрятал пакеты, и опять повторил операцию. А на выходе, уже после кассы и камеры хранения токер шепнул ему: «Ты сам этого хотел, чудак». Сверкнула зеленая молния, и сраженный ей дядя Витя пал на землю едва живой, рассыпав вокруг себя покупки. Прибежали контролеры, охранники, одели шляпу на сотрясенную голову, проверили чеки, сличили его портрет с грубыми физиономиями, находящимися в розыске. Потом вложили ему сумки в руки и вывели за дверь, чтобы он шатался уже на улице.

— Во паскуда, три раза туда-сюда прошелестел, и никто ничего не заметил. Нет, надо было ему рыло начистить и излишки забрать, — сказал охранник.

— Как бы нам самим рыло не начистили. Ведь молнией-то можно звездануть только уголовника, а такого, как этот, лишь предупредить звонком. Хорошо, если он деревенщина неотесанная и в суд не подаст, — резонно заметил директор и обернулся к системотехнику. — Ну так что, по лучшим людям бить будете?

— Сбой при дешифрации мыследействий, информация оценена неверно. Но и дядька с каким-то прибабахом, зуб даю. И вообще, оболочка наша молодая, ассоциаторы еще непригнанные, а дело большое, нужное...

— Дело большое и нужное станете вершить за дверями с буквой «М», — уверенно нахамил директор, — а сначала весточку про этот темный случай дайте в Службу информации.

Тем временем колеблющийся на ветру дядя Витя захотел поскорее добраться до отеля. Там ему как труженику села по приезду справедливо предоставили лежачее место на втором ярусе в общей спальне. На первом ярусе, как и полагается, помещались ветераны труда, пенсионеры, на третьем молодежь, неформалы всякие. Так желательно было б сейчас протянуть ноги на своей заслуженной койке, но такси-роботы, робобусы, зля его, не спешили на вызов. Колени дрожали, язык присох, очень хотелось заглотить пива, которое хранилось у него в номере под подушкой. Дядя Витя нащупал потной рукой в кармане скомканную денежку и решил рискнуть своими финансами. Замахал головой частнику, который как раз выезжал из подворотни дома напротив. Водитель заме-

тил, разжалобился его неприкаянным видом, решил не проезжать мимо. Но тут откуда ни возьмись выскочил робобус, прямо наперерез частнику, тот едва успел скрежетнуть тормозами. «Садитесь быстро, не теряя общего времени», — пискнул токер от имени и по поручению робобуса. «Накося, — заупрямился дядя Витя, — теперь уж без сопливых обойдемся». Он обогнул робота, подошел к частнику и кое-как протянул отягощенную сумками и авоськами руку к дверце. Но тут пришлось дяде Вите проявить беличью прыть. Робобус чуть проехал вперед, потом двинул задом, вырулив впритык к тому борту автомобиля, где стоял дядя Витя. «Вы должны ехать на мне», — неумолимо провозгласил робобус через токер. Но дядя Витя решил противиться чужой непреклонной воле до последнего дыхания. Он побежал с мостовой на тротуар, робобус же последовал за ним. Дядя Витя не объяснял себе причин, а лишь ставил перед собой задачи: уйти от погони и сохранить сидоры с покупками. На тротуаре он оглянулся, желая показать кукиш робобусу, но тот не дал возможности глумиться над собой — машина неотступно следовала за человеком. Сельский труженик свернул за угол — и робобус за ним, умело прижимая к стене и приговаривая: «Вот теперь ты — мой».

Выбор был, как всегда, небогат: или полностью принадлежать машине, ущемив человеческое достоинство, или, расцветая достоинством, становиться красным пятном на стене. В каком случае меньше дергаться придется — неясно. Поэтому он выбрал третье. По дороге ему попался мусорный бак. Он сорвал крышку простого прибора и нырнул ласточкой вглубь, упрямо сжимая ручки катулей в кулаках. Внутри дяде Вите не все понравилось, но все-таки там можно было пожить какое-то время.

Сориентировавшись в пространстве, он стал наблюдать за адской машиной, которая постояла немного, как бы в раздумии, потом ткнула бак бампером. Бак упал на бок, покатился. Покатился вместе с ним и дядя Витя с пожитками. Потом изнурительное верчение прекратилось, бак уткнулся в стену. Только чувства дяди Вити прекратили кружиться, как их плеснуло вдоль. Робобус наезжал и отъезжал, усердно сплющивая бак. Дяде Вите казалось, что тот просто захотел приготовить железный блин с мясной начинкой. «Поди, поди», — уговаривал селянин робота, как деревенскую жучку, а потом не выдержал и завыл горестным воем. «Выходи, — приказал робобус. — Будешь за все отвечать». Дядя Витя смолк, но выходить на расправу не стал, а решил приготовляться к смерти. Но тут пытка пре-

кратилась. Дядю Витю вытащили из бака, конечно, вместе с катулями, которые он никогда не отпускал. Над ним склонилось дружественное лицо водителя и хмурая физиономия гаишника.

— Начальник не верил, что в баке человек, пока ты не взвыл, — заметил водитель, — вот тогда уже поковырял панель управления у робобуса.

— За что? — бросил вверх дядя Витя.

— Если только за дело, то жить неинтересно, — объяснил гаишник, но про себя решил, что сообщит о происшествии в Службу Санации. Может, этот мужик только прикидывается простаком.

— Да робобус просто удружить хотел, — дал свою версию водитель. — Понравился ты ему, дядька.

Частник свез бедного селянина в гостиницу и даже не захотел взять с него деньги: «Угощаю... И так уж настрадался, болезный».

Изможденный дядя Витя вошел в переливающийся красками вестибюль. Хотел было обрадоваться, что он, простой крестьянин, живет в таких знатных хоромах. Но тут токер все испортил, затрындел высокомерно: «Людям в грязной спецодежде вход не сюда. Предлагаю немедленно выйти на улицу». Дядя Витя пристально оглядел себя, одежонка действительно не ахти. Вначале он сконфузился, но потом вспомнил, кто его так извалял. Это он еще ничего после всех унижений смотрится. «Ваше дело — прибираться за мной, а мое пачкать, и заткнись», — выдернув токер из уха, заявил ему дядя Витя. Он был уже готов на бунт бессмысленный и беспощадный, поэтому нарочито плюнул на пол и растер свое произведение башмаком. Облегчившись столь незатейливым образом, дядя Витя положил токер назад, в ухо, и пал на диван — немного передохнуть перед тем, как пересечь холл. Чудная музычка с квакающим пением отключали его от хлопот, из-за курильниц голова начинала парить, как воздушный шар. Можно было позырить вполглаза на длинноногих девок, которые объемно выступали с рекламных щитов и еще призывно шевелились. Такие женщины в Пустомерже не водились. Бабоньки в родной деревне славились совсем другими размерностями. Холл быстро пустел, и это нравилось дяде Вите — ощущение такое, что он царек-королек в личном тронном зале. Ясными глазами дядя Витя принялся наблюдать, как прячутся в стены рекламные дамы, тонут в полу цветочные горшки, засасываются потолком шторы, а люди торопятся к лифтам. Наконец, дядя Витя заметил, что в холле совсем

один. Он привстал, еще недоумевая, но уже чувствуя: происходит кое-что именно в его честь. Он скромно потупился, потом посмотрел по-орлиному гордо, а затем по-быстрому сник. Кусок стены в одном месте торжественно отполз вбок. Из пещерного мрака, хитро поблескивая глазками-огоньками, стали выползать здоровенные черепахи. Нет, это были не черепахи, а похожие на них приземистые аппараты. И дядя Витя сразу понял, что с такими не договориться. Следом двинулись другие машины, повыше в холке, рогами-захватами смахивающие на козлов. Приземистые, пуская струйки пара из-под низа, построились свиньей, цепью вытянулись перед ними рогатые устройства, и вся эта внушительная рать покатилась на маленького дядю Витю. «Я ведь предупреждал, теперь вам дороже обойдется», — позлорадничал токер.

«Козлы» поднимали на рога и проглатывали всякую мебель, вернее, то, что попадалось им на пути. «Черепахи» пропаривали и проутюживали освободившиеся поверхности. Шансов на жизнь вражеская кодла оставляла мало. Дядя Витя, не выпуская покупок из окостеневших ладоней, стал метаться, как броуновская частица. Но территория для метаний становилась уже и уже, неприятель двигался плотнеющими рядами, мимо него не прошмыгнула бы ни мышка, ни сурок. В смятении чувств дядя Витя бросился к окну, желая убедительными жестами привлечь внимание прохожих. Но стекло быстро заволокло ядовитой моющей пеной, и дядю Витю успела заметить лишь стайка мальчишек. Вихрастые сорванцы стали тыкать в него пальцами, приседать, хлопая себя по коленкам, мотать головами, почти корчиться от смеха, дескать, ничего более забавного и за деньги не покажут. А когда труженик села отчаялся получить помощь извне и повернулся к своим мучителям лицом, ткнуться было уже некуда. «Черепахи» взяли его в железные клещи, какой-то «козел» вздыбился перед ним, поднял на рога и стал подносить к своему разверстому зеву. Надломленный психически, сжатый физически, дядя Витя хотел уже сложить ручки на груди — нате, жуйте меня, оболочки с аппаратами, раз заслужили по праву сильного. Но вдруг послышалась ласковая музыка со словами про любовь. Он уперся ногами и вывернул голову по направлению звука. Совсем рядом одна вестибюльная колонна распахнулась и показала вход в лифт. Дядю Витю так поманило уютное розовое нутро подъемного средства, что он моментально продумал комбинацию. Перестал упираться ногами, резко выдохнул, крутанулся вниз головой, выдрался из захвата, услышал треск своих штанов, упал на живот, про-

тиснулся под «козлом», перемахнул через «черепаху» и прыгнул, метясь в лифт. Проглиссировав, влетел в кабину точно, как шайба в ворота. По дороге он ревел, что младенец, только на октаву ниже. Дядя Витя еще приподнялся, как раненый воин, ткнул носом в кнопки и снова повалился. Лифт стал взлетать к небесам — так показалось растекшемуся по полу телу. И катули, как части организма, остались при нем! Райские впечатления усилились, когда двери бесшумно разошлись, и в кабину вполз мягкий душистый туман. Дядя Витя поднялся без боли и поплыл-поплыл в этом мареве, вкушая блаженство.

Тут и гурии возникли, оголенные, как и полагается. Их объемы напоминали Настюхины телеса, а вот глаза — южный овощ маслину. Эх, и Настеньку бы сюда за компанию, она беленькая, эти — смугленькие, прямо картинка, мелькнуло в затуманенной голове дяди Вити. Разодранные штаны, удерживаемые до поры силой воли, стали спадать с него, а руки вместе с сумками потянулись к нежным созданиям. Однако гурии, заметив дядю Витю, сразу превратились в гарпий и фурий. Они напали на него, стали царапать и терзать, драть в клочья и клевать, кусать и обзывать на южных языках: гуль, зебб и шайтан. А дядя Витя был уже обмякший, беззащитный, безропотный, лишь мог приговаривать: «Только сумки не бейте». Потом появился мужчина в халате, чалме, туфлях с загнутыми носками на ногах, с шампурами в руках. Дядя Витя понял, что доходчиво объяснить свое появление он не сумеет и будет нанизан на шампуры человеком южной национальности. Если только сам не взбесится. И дядя Витя взбесился. Вскипятил злое в себе и стал «объяснять». С криками «ура» и «русские не сдаются» пошел в атаку, а также выставил вперед авоську с коньками. И хозяин гарема был смят и отброшен вместе со своими острыми шампурами. Северная ярость одолела южную страстность. Натиск дяди Вити был так грозен и пассионарен, что мирный труженик проскочил несколько помещений и оказался на каком-то помосте. Ему захотелось остановиться, но он был уже в воздухе, слегка повисел и отправился вниз, где его поджидала зима. Вначале дядю Витю ожгло, потом ничего, привык, но изо рта вместо слов вышли пузыри. Повсюду была ледяная вода. С ее помощью он догадался, что действие происходит в бане. Однако всплыть не удавалось, сидоры тянули его на дно. Вокруг уже захороводили тени товарищей по работе, тучей обозначилась Настюха, они напевали: «Прощай, милый мой, наверно, наверно, не быть нам с тобой». Тут что-то впилось ему в уши и пота-

щило вверх, к белому свету, кислород ворвался в съежившиеся легкие, а глаза увидели бороду гаремщика.

— Слушай, дай рука, — сказал южанин, — нэ пажалеешь. Я тэбя раскусил. Твой нэ хател мой женщын. Салам тэбе, салам.

— Нет, не салам. Не брошу вещи, — прохрипел дядя Витя, — все равно ты меня зарежешь.

— Нэ хачу тэбя резать. Мой учился Гарвард, Сорбонна, Массачусетский тэхналагический, да, — перечислил добрый магометанин и, сохранив дяде Вите жизнь, неожиданно расщедрился: — Я тэбя атпущу.

Наконец жителю солнечной пустыни (или горы) удалось зацепить упирающегося дядю Витю полотенцем и втащить на бортик бассейна.

— А я все равно магометанство не приму, — продолжал словесно сопротивляться дядя Витя.

— Ой, нэ в тот рай попадешь, — предупредил окончательно подобревший горец (или пустынник) и отвел сочащегося жидкостью дядю Витю в его номер, поддерживая, как дорогого гостя, под локоть. Даже помог вскарабкаться на второй ярус. Сутки пролежал мужественный человек пластом, не выпуская из рук приобретений и окропляя отходящими водами пенсионера внизу. Тот почему-то не возражал. На следующий день выяснилось, что пенсионеру уже все решительно было до фени по причине трупного окоченения. Зато к этому времени дядя Витя был бодр, весел, слегка под газом, хорошо побрит и почти сух. Какой-то вызванный молодежью кибер прошелся по нему утюгом. Селянин стерпел, ни разу не застонав. Долг был исполнен, все силы отданы на. Трофеи, иначе не назовешь, остались при нем. Некоторые сумки, правда, подозрительно разбухли, раза в два, другие съежились до размеров ридикюля. Зато мирно спал в кармане билет на приближающийся геликоптер «Синяя птица». И уж во всяком случае оболочки, системы и кто там еще, не взяли его тепленьким.

В аэропорту дядя Витя повстречался со своими пустомержцами, бабкой Хавронией и дедом Прогрессом. Тех, оказывается, вчера понесло в город за автозубами — у деда жевательный аппарат сломался при работе с орехами. Лицо дяди Вити разгладилось, глаза прищурились, а рот стал лыбиться. Тем более что старички напитали его салом и хреном, когда он вспомнил, что не кормил свое тело два дня. Токеры пустомержцев принесли благие вести о скорой посадке, и дядя Витя проникся расположением даже к этой ушной заразе. Будущие пассажиры «Синей птицы» пере-

брались в буферный зал. Там токеры мило прогнусавили: «Пустомержа. Вторая (красная) дорожка».

Пока ехали на самоходной дорожке, не горевали. Дед Прогресс щелкал новыми зубами, хихикал и подмигивал, бабка Хаврония с притоптыванием исполнила несколько частушек про любовь с летчиком. Потом дорожка уткнулась в кабину, похожую на аттракционный вагончик. Из токера выскочила следующая команда: «Занять места согласно стартовому расписанию». Пустомержцы стали рассаживаться, кто любит — к окошку, кто не любит — подальше от иллюминатора. Кресла были интересные, новой конструкции, качающиеся во все стороны, так что бабка Хаврония боялась осрамиться. Кабина ехала и ехала себе по земле. Дед Прогресс предположил, что их опять надрали: деньги взяли за воздух, а повезут поездом. И бабка Хаврония заволновалась — значит, и рельсы уже успели положить, а вдруг прямо через огород, по огурцам. Но кабина их успокоила, потянулась вверх, в конце концов остановилась, щелкнули крепления. «Вот и прилепились, легли в пузо», — сообразил дед. Полуженский технический голос сказал по токеру: «Кресла в позицию один. Объявляется минутная готовность».

— Бабка, в позицию, — шутейно гаркнул дед и переключился без связи: — Что-то я здесь нужника не вижу.

Кабина затряслась вдруг мелкой, а потом крупной дрожью, почти забилась. Из-за борта в уши проник, потом въелся в мозги тяжелый плотный гул. Непривычная сила стала вдавливать пустомержцев в кресла, перемещать в них все подвижные вещества, а затем, наоборот, пошло легчать. Дед забыл о нужнике, принялся хрустеть огурцом и поглядывать по сторонам.

— Ой, Земля в иллюминаторе — все своих отправляет питомцев, сыновей, дочерей... — пропел он, а потом задумался. — Почему звезды-то вокруг, ведь день же был, или это по телику звездные войны показывают?

— Раз на небо забросили, то рано или поздно шлепнемся назад, — беспечно протараторила бабка.

— А вдруг так и будем лететь, пока рогами в Солнце не упремся, и будет тогда яичница на этом стуле... Ай, не хочу, — дед изо всех стариковских сил забил кулаком по иллюминатору.

Появился некто в скафандре, кого раньше не видели.

— Здрасьте, мил человек, — обрадовалась гостю бабка.

Человек в скафандре мучительно думал, анализировал, взвешивал «за» и «против», полемизировал сам с собой и, наконец, пришел к единому мнению:

— Понял, понял. Представление будете давать на станции. Комики, значит.

— Это почему комики? Думаешь, горшок на голову надел, значит, все можно? — угрюмо спросил дед и привстал, сжимая в руках батон. — Я ветеран сельского труда, а не говноед какой-нибудь.

— А-ха-ха, — залился человек в скафандре. — Уже репетируют, потешники. Да что там, на станции, кроме комедии, показать можно? Невесомость, утечка из санузла, тараканы порхают, как птицы. Может, я, конечно, не прав, может, вы там «Мать» заделаете.

— Я тебе сейчас такую мать-перемать заделаю, — разгорячился дед. А бабка сказала кротко:

— Из нас артист-клоун только ты, мил человек. Вырядился, понимаешь... А мы делом заняты, мы на вертолете в Пустомержу летим. Поскорее бы надо, картошку пора копать, а ты тут лясы с нами точишь. Шел бы баранку крутить да педали жать, а то еще не туда залетим.

— Ух и шутники, — подначил их не возражавший против репетиции человек в скафандре, — ну, добро.

— О-о-о-о, — по-ведьмовски завыла тут бабка. Она стала выплывать из кресла, а дед с солдатской смекалкой старался поймать ее клюкой, но при этом бранился: «Так вот ты какая, чертовка, разводу мне давай немедленно, а то еще ночью загрызешь железными зубьями».

И заварилось происшествие. Бабка «била крылами» под потолком, еще кто-то из летучих стучал палкой колбасы по шлему человека в скафандре. Многие, особенно дети, просились в туалет, другим было уже поздно. Три сестры блевали, не стесняясь. Один дядя Витя сидел скромно, без претензий. Он понимал, что оболочки, почему-то озлясь, не давали ему жизни на Земле, а теперь вообще загнали в безвоздушное пространство, и некому заступиться, некому сказать веские слова: «Цыц, черти».

То, что смахивало вначале на заблудившийся в космосе пакет из-под кефира, как следует разбухло до размеров пирамиды — будто тьмы насосалось. На борту пирамиды была светящаяся надпись: «Гнездо-2». Похожее дядя Витя уже видел в каком-то боевике. Космонавт кончил ржать и уплыл производить точную стыковку. Тело станции входило острием прямо в дяди-Витину голову и ковыряло давно слежавшиеся слои мозгового вещества. Что-то там уже забурлило, запузырилось. Но тут один задорный мужик, пытавшийся пробежать по спинкам кресел, лягнул его каблуком в затылок. Мозговое вещество надолго

успокоилось, излишек мыслей вылетел в спертый воздух кабины.

Примерно в это же время пилоты пригородного вертолета «Синяя птица» еще не кончили удивляться, что лететь им приходится в гордом одиночестве. Они не знали, куда могла задеваться обычная бестолковая толпа пассажиров. Но они не подозревали кое о чем более существенном для себя. Где-то на полдороге в Пустомержу, только не в воздухе, а на земле играло несколько детишек. Это были отпрыски дачников-горожан, симпатичные такие ребята в ярких костюмчиках. Игра у них также была не какая-нибудь убогая, вроде пятнашек, с которой и олигофрены справятся, а интеллектуальная, делающая честь их папам и мамам.

Юное дарование в шапочке с огромным козырьком, из-под которого выглядывал недетский длинный нос, осмотрело окрестности в игрушечный бинокль.

— Дымка какая-то. А на хрена она нам нужна? Верно, Жирный?

— Спрашиваешь, — отозвался мальчик плотного сложения. — У нас, Носатый, тепловидение покуда не прорезалось.

— А ну-ка, закрой варежку. Я, кажется, слышу. Будто пухлый мужик, вроде тебя, пыхтит на бегу. Давай-ка прицел у второго на пять градусов повыше. И проверь по индикаторам накачку у всех стволов.

— Понял, — отозвался упитанный мальчик и стал сновать между деревьев. К веткам были прихвачены клейкой лентой приспособления, в них закреплены игрушечные бластеры или «лучеметы детские», как значилось на коробках, раскиданных на траве. От бластеров тянулись проводки, которые сходились к самодельному пульту, его сжимал в руках мальчик с носом.

— Если не свалится винтокрылый друг в воздушную яму, бабахнем прямо по фонарю, — сказал главный мальчик, — ожог роговицы гарантирую. И привет тогда с того света.

— Злые, злые мальчишки, — сказала девочка, третья из их компании. — Вот я все папе расскажу.

— Эй, Жирный, ты ее привел. Кто у нее ботинок? Нюхаю, что-то не то.

— У нее папа — мент, — отвечал крепыш. — Вообще-то наклепать она может. Я как-то не подумал. Давай-ка я ей лекарство пропишу, — и он стал наводить бластер на девочку.

— Оставь удовольствие на потом, сейчас некогда. И ноги у нее длинные, в моем вкусе, в общем, надо разобраться. А вот, кстати, и сизая птичка защебетала. Рано пташечка

запела. По лазерному дальномеру тысяча пятьсот... тысяча... пятьсот... пора.

Носатый нажал кнопку.

— Вот вам подарочек ко Дню авиации!

Блестящие ниточки потянулись от деревьев к вертолету, как будто роща захотела поиграть с машиной. Они соединились в солнышко, которое тут же полыхнуло изо всех сил на стекле кабины.

Вертолет закачался, стал разворачиваться, но свалился набок и, болтаясь из стороны в сторону, пошел к земле. Пару раз «Синяя птица» пробовала поднять нос, но от такого курса уже не отклонилась. Раздался взрыв, как будто воздух треснул. Дети увидели из-за деревьев только шапочку огненного гриба, которая округлилась, оторвалась от ножки и прожила недолгую самостоятельную жизнь.

— Не будет здесь больше летать. — Крепыш с чувством выполненного долга утер капельки со лба.

— Из тебя такой же шарик получится, только поменьше — если будешь доставлять нам хлопоты, — обернулся Носатый к девочке. — Ясно, сучка младая? А теперь чеши отсюда. Куклу забрать не забудь.

Девочка вышла из оцепенения, подхватила свою игрушку и заметалась между деревьев, стараясь как можно скорее удрать.

— Может, незаметно рванем ее гранатой, — предложил крепыш, — или папу ее? Или обоих? И не надо будет заботиться об останках. Полный капец, с гарантией.

— Грубо, мой друг, по-жлобски. Не чувствуется моя школа, — скривился длинноносый мальчик. — Пока она тут ромашишки нюхала, я ей куклу усовершенствовал. Вмонтировал туда сто грамм взрывчатки и простенький анализатор. Сработает на слова «бластер», «вертолет», «мальчишки». Грамотно?

— Еще бы, — опять поразился крепыш своему дружку. И помечтал. — Вот пальнуть бы из дерьмострела, да по балетной труппе, по маленьким лебедям. Чтоб в газетах писали: «Средневековое варварство...»

Блок 4

В кабинет ввели дядю Витю, который, несмотря на внешнюю побритость и помытость, смахивал на плюшевого медвежонка, из которого полезла вата.

Бордовые гардины, рассеянный зеленоватый свет, легкий искусственный ветерок, колыхающий крошечные коло-

кольчики, тонкий запах сандала, какое-то восточное пиликанье — все это мало вязалось с дяди-Витиным непритязательным видом.

— За что, гражданин начальник? Почему замели? Я же свой, я нашенский, — уныло заладил дядя Витя с порога.

Молодой человек благородной наружности и в хорошем костюме располагающе улыбнулся.

— Так уж и не за что... Да что мы с вами сразу препираться начали? Позвольте представиться. Феодосий Павлович Драницын, старший инспектор. — Феодосий сделал шаг навстречу и крепко стиснул разжиженную кисть дяди Вити. Потом он подвинул кресло и, слегка надавив на плечи задержанного гражданина, усадил его.

— Музыка не мешает, Виктор Васильевич?

Дядя Витя быстро отозвался:

— Никак нет, гражданин начальник, отлично помогает.

— Кстати, не забрали вас никуда, многоуважаемый Виктор Васильевич, как бы вам ни хотелось. Вы находитесь здесь, в стенах Службы Санации Систем, так сказать, в гостях. Вот ваша гостевая карточка.

— Значит, я могу итти отседова? — оживился дядя Витя.

— Можете. Только не очень далеко. Ущерб-то нанесен, и за него должен кто-то отвечать. Мы — экспертная служба, зависимая только от совести людей, работающих на ниве санации.

— А если нет совести никакой? — спросил навскидку дядя Витя.

— Совесть — это квалификация. Мы дадим заключение по тому, что вы из себя представляете. Если это заключение о неполной вменяемости, тогда только обеззараживание подсознания в нашей же клинике. Палата на двоих, предупредительный уход, сестрички вокруг бегают, ягодицами крутят, подносят-уносят. Как только грязь отброшена, жизнь продолжается уже без конвоя. Так что от нас не торопятся уйти. Ведь все-таки быт здесь неплохо устроен, и хорошая перспектива. А выпустим мы человека со справкой о полной вменяемости, он прямиком попадает в крепкие руки ребят, для которых главное в жизни — выполнение плана по раскрываемости преступлений.

— Но я же ничего плохого не делал. Плохое делали мне, мне! — дядя Витя несколько раз ударил себя кулаком в грудь, показывая истинно пострадавшего.

— Ангелом, значит, себя считаете. Но ведь ангелы, бывает, и падают. Тогда ими занимается инквизиция. Да, мы инквизиторы — я не страшусь этого слова, — потому что

занимаемся криминальными мыследействиями, то есть психопреступлениями. Но подлинная инквизиция — организация с человеческим лицом, ушами и глазами.

— И кулаками, — добавил от себя дядя Витя.

— Вот приятная для вас аксиома: мы любим разбираться и лечить, а не шить дела и гноить. Смею заверить, и плановые показатели у нас соответствующие.

— Но если я не виноват, зачем мне в какие-то показатели попадать, что мне, заниматься больше нечем?

— Увы, Виктор Васильевич, если бы человек сам себе определял вину, мы бы еще кушали друг друга без перца и соли. Я постараюсь убедить вас, что вина определяется совершенно иначе. Чего бы там ни наплели эгоисты, но человек устроен так, чтобы двигаться к большой цели, идеалу. Причем стройными рядами, то есть согласованно. Если он не может сам двигаться — станет плыть по течению, как фекалии в канализации. Если он мешает движению — значит, виновен. И будет либо истреблен из среды согласованных движений, либо сгармонизирован.

Дядя Витя с трудом чихнул и посмотрел на разглагольствующего следователя выпученными забуревшими глазами.

— Вам разве не приходило в голову — мы имеем то, что имеем, потому как крестоносцы, революционеры, даже бизнесмены шли к идеалу, — продолжил уверенный человек. — И какой бы он ни был: любовь, благоденствие, красота, эти люди шли, порой ломились сквозь тех, кто не хотел никуда идти, кто стоял столбами на пути. В общем, движение к идеалу — это преодоление сопротивления, это работа. И сейчас у нас есть цель, Великий Объединенный Разум, ВОР.

— Хорошее название, и смысл чувствуется, — поддержал дядя Витя. — Так я ж не против.

— Но, тем не менее, проведенным обследованием установлено, увы и ах, что именно ваша информация, ваши мыследействия вызвали масштабные сбои в вычислительной среде, а заодно и убытки. В том числе и в человекожизнях. Вот, пожалуйста, заключение финансового управления.

Дядя Витя выразительно сглотнул слюну.

— Водички можно, гражданин начальник?

— Ой, как же я забыл. Простите, если можете, — следователь сложил руки на груди. — Вы же проголодались. Рад быть полезным, — Феодосий хлопнул в ладоши.

Один из шкафов кабинета отполз в сторону, из открывшегося проема въехал, урча, стол с яствами. Там были действительно большие соблазны, поэтому у дяди Вити сразу раздалось пение в желудке. Он зажмурился в преддверии

пытки. Той самой, когда следователь поглощает с чавканьем обед перед голодным зека. Но инспектор Феодосий не только питался сам, но и подкладывал в тарелки, стоящие перед дядей Витей. «Отведайте, отведайте нашей кухни, Виктор Васильевич, коли уж попали в застенок», — вежливо, но настойчиво предлагал инспектор. «Может, хотят отравить, чтоб не возиться», — мелькнуло в голове дяди Вити от недостатка информации. Но он решил, раз ему все равно пропадать без толку, так уж лучше на сытый желудок. Ели суп из плавников акулы, кальмара по-малайски, лягушачьи лапки, их запивали вином из Анжу. Сопровождающая музыка изменилась, стала более энергичной. Дядя Витя кушал без изысканных манер, пугаясь своей пищи, стараясь не хрумкать. Он стеснялся, краснел и потел. Инспектор был изыскан в манерах и, пропев несколько странных звуков вроде «рам, рам», завел учтивый разговор. То есть, он рассказывал о том, как опасна ложная информация. Ведь на принципе «бессмысленных данных не бывает» строится современное информационное общество и, конечно же, кибероболочки. Дядя Витя активно поддакивал и моргал в знак согласия.

Инспектор снова хлопнул в ладоши, стол спрятался, и шкаф встал на свое законное место.

— Итак, вы безобидный сельский труженик. Это говорит в вашу пользу. Однако, за пару дней вы попадаете в пять очень сомнительных ситуаций. Особенно впечатляет последняя история, когда вы и ваши односельчане вознеслись, как говорится, на небеси вместо специалистов-астронавтов. Заодно с вами улетело в пустоту несколько мешков денег. Как вам, кстати, понравилось на орбитальной станции, Виктор Васильевич?

— Оченно, — обрадовался доброму вопросу дядя Витя. — У меня, правда, голова болела, но парил всласть. Жалко, что нас дальше санитарного узла не пустили. Чего там только не летало по воздуху, все дрянь. Космонавты сказывали, что это мы, пустомержские, перестарались со страху. Так мы в ответ на своем собрании постановили, чтоб дед Прогресс, как главный виновник, порхал бы с лукошком да собирал. Он у нас мастер по грибам. В общем, дед принял повышенные обязательства от нечего делать.

— А пока вы там на орбите «грибочки собирали», предназначавшийся для вас геликоптер накрылся из-за поражения пилотов и навигационного оборудования лучевым оружием. Не слишком ли много случайностей?

— А разве много? — попытался просечь мысль инспек-

тора дядя Витя. — Лично у меня «лазаря» нет, да и обзаведись я им, стал бы только комаров да мух бить.

— Лазер — это только следствие, а человек — причина. Кибероболочки обязаны понимать выдаваемую вами информацию. Это закон для них. Информация будет бродить по вычислительной среде, пока не расшифруется. И тогда активные зоны всех затронутых оболочек что-то предпримут в вашу пользу.

— Да что я там выдать могу, начальник, кроме песни про Колыму? Я в кодах и паролях ни бум-бум. И в мыслях у меня потемки, не то что у свиней. Как же я стану вредить?

— Складно балабонили, Виктор Васильевич. Только вот затормозили на полпути. Поэтому напоминаю, что мыследействия — мысленные усилия по изменению реальной ситуации. Достаточно крепко помечтать о чем-то светлом, например, чтобы ваш сосед куда-нибудь запропастился — и в самом деле, поливочная машина смоет его в люк канализации, после чего он обнаружится в сетях рыбака где-нибудь на Японском море.

— Теперь-то понятно, так бы раньше сказали, — оживился дядя Витя.

— Но это внешняя, эффектная сторона дела. А какова внутренняя, скрытая от восхищенных зрителей?.. Для начала в плазме крови появляется характерный разряд, который засекается вашим БИ. И отправляется в кибероболочку. Она будет стараться, чтоб отреагировать верно, то есть, угодить. Ведь если оболочка дубовая, с неразвивающимися ассоциаторами, классификаторами и другими такими органами, то побыстрому дохнет, ее место занимают другие, более прыткие. А дохнуть она боится, как и мы с вами. Жить вроде всем хочется, — Феодосий многозначительно подмигнул.

— Хорошо жить хочется, а погано — не очень, — отозвался дядя Витя.

— Итак, оболочки хотят изо всех сил услужить. Дело заканчивается полным удовлетворением, если мыследействия дисциплинированные, иначе выражаясь, если потребности разумны. Но вот приходит некий смутьян и начинает испускать поток глупости. Оболочки бросаются понимать всю эту мудистику. Ну, помучились бы они и отложили про запас. Однако тут поспешают к ним на помощь особые модули по кличке «Кулибин-2», которые всегда рады помочь при дешифрации любой лабуды. Ведь их запускают в вычислительную среду очень способные и, как ни странно, очень вредные ребята.

— Значит, я сшиб вертолет каким-то модулем. А, мо-

жет быть, газетой? — дяди Витин голос надрывался из-за переполняющих чувств.

— Можно и газетой, если знать как ударить. Но вернемся к теме порочных мыслей. Кому-то приспичило пострелять, и оболочка завода «Детские шалости» ухитрилась вместо игрушечных лучеметов сделать партию настоящих. А еще кому-то показалось, что он давно в космосе не кувыркался. Оболочка аэрокосмопорта сочла его доводы вполне убедительными — и он мигом усвистал на небо.

— И мне, начальник, очень приспичило, чтобы меня шарахнуло в магазине, люблю такие дела; и я убедил своими доводами робобуса-заразу, чтобы он меня в бачок заклепал. А в гостинице прям мечтал, чтоб меня поскорее отутюжили эти утюги трехметровой ширины. Эх, много чего такого хочется! Расшифровывайтесь поскорее, мои заветные желания! Почему я особенный, почему не как все?

— Очень хорошо, что вы пытаетесь анализировать, значит, рано или поздно...

— Лучше поздно, — вставил дядя Витя.

— ... вас осенит — ексель-моксель, да оболочки пытались мне подчиниться... Оболочка магазина ухитрилась простить вам первые два нарушения. Оболочка робобуса нарушила правила безопасности, лишь бы подвезти вас. Оболочка гостиницы собиралась сквозь все запреты провести вас, грязного, в номера и решила самостоятельно помыть.

— Гладко, начальник, выходит. Я и грязный, и жалкий, да еще кругом виноватый, — заскрипел зубами дядя Витя.

— И будете кругом виноватый, и каждый о вас подметки вытрет, потому что не хотите о себе беспокоиться. Но вам повезло, у вас есть няня. Можете так ко мне и обращаться: «Ах, няня, няня». Вас взяли на анализ и нашли следы супраэнцефалина. Это может вас извиинть. Чувствую, что дурное вам не свойственно, а привнесено. Ведь супраэнцефалин вырубает сознание, после чего кидай бессознательному гражданину в подкорку, что захочешь.

— Как это вырубает? Никому не позволил бы, оно у меня и так не перетруждается.

— А все-таки, Виктор Васильевич. Следите за моей мыслью. Вы супраэнцефалин принимали. В аптеке его не отпускают. Я хочу знать, кто вам дал ампулы. Ну, будем говорить или в подкидного дурака играть?

— Да разве я не говорю, смотрите как буквы произношу. Нашел в кармане ваши ампулки, думал, снотворное, заглотил и отключился. Вот и вся эпопея. Да и при чем тут они? Ведь что получается по вашей милости, только

оболочкам хреновым доверять можно. И если, дескать, плохо они себя ведут, значит, кто-то их подговорил. А почему бы им зловредными не быть без моего участия?

— Зловредным только живой бывает, вроде вас. А они мертвые. Доступно я объяснил?

— Доступно, да не убедительно. Вы меня не убедили.

Инспектор бросил взгляд на часы. Рабочий день явно истек. Времени было в обрез. Сдать задержанного охране, попросить центральный пульт, чтоб закрыли кабинет. И мчаться, разрезая носом воздух, в «Охотный ряд». Там ждала его жена. Его Мелания.

Блок 5

В блоке «норд» супербазара народ почти не ощущался, ни плечами, ни спиной. Умелая подсветка снизу и зеркальные стены растягивали помещения. Товар здесь был дорогой и бесполезный: игрушки, безделушки, поделки. В общем, для неразвитого вкуса — всякое фуфло, не подходящее для вложения капитала. Но Мелания это место уважала, она неплохо относилась ко всему бесполезному. Может, потому, что была такой же, дорогой и не приносящей никакого дохода, убаюканной, взлелеянной оболочками. Но именно в таком виде приятной Феодосию — он видел в ней тенденцию и ростки будущего — меньше полезного в быту, больше приятного. Кроме того, старший инспектор давно уже относился к деньгам, как к воздуху, который надобно, не задумываясь, вдыхать и выдыхать. Сотрудники ССС были не такие, как остальные, они находились на переднем участке битвы за Великий Объединенный Разум, поэтому их и старались финансово возлелеять.

Сегодня Мелания казалась унылой, даже сонной, и инспектору было трудно ей угодить. Они долго бродили. Он, нежно приобняв ее, рассказывал о мраке современного дикарства, о жлобах, влезающих грязными ногами в нашу тонкую цивилизацию кибернетических оболочек. Зазывный голос базара из токеров нахваливал в восточных выражениях все, что попадалось на глаза. Но Мелания уже стала позевывать. Феодосий собрался было распрощаться с торговым местом и ударить по культуре. Например, завалить в театр теней, где изгаляются кибернетические подобия (или бытово — кибермэны) покойных общественных и государственных деятелей. Можно даже отправиться в оживильник, где включить для себя какой-нибудь забавный сюжет. В приятной компании кибермэнов заделать, например, «Це-

заря и Клеопатру». Нет, Мелании не понравится, когда ее начнут грызть змеи, даже синтетические. И ему не улыбается встреча с бригадой заговорщиков. Говорят, там случайно кого-то даже затоптали. Тогда лучше Пушкина и Наталью Николаевну изобразить. Опять не то, можно натолкнуть Меланию на сомнительные мысли. И кибермэн Дантеса, судя по слухам, пока не добьется своего, не отключится. Будет стрелять, бить кулаками и бороться, пока Пушкина не уложит. Тут Мелания избавила мужа от тягостных размышлений. Вот, сказала она, именно это мне подходит. Ему бы обрадоваться, да «именно это» полюбилось инспектору меньше всех остальных предметов. Более того, показалось средоточием какого-то коварства, направленного прямо в его адрес. На ярлыке имелась таинственная надпись: «Браслет готов погублять дундуков». И продавец вразумительного не сказал, только повторил надпись и справился, какую опасность находит здесь для себя клиент. Инспектор несколько раз пожал плечами, развел руками, но крыть было нечем. Не удалось отвертеться от черного браслета, широкого и теплого. Ячеистая внутренняя поверхность вещицы наводила инспектора на грустную мысль, что это биоинтерфейс, причем нестандартный, от которого жди сюрприза. Надо бы его на экспертизу, но Мелания не желала слышать про лабораторию и сразу украсила себя покупкой. Когда она взяла мужа под руку, у того стало холодно в боку. Он даже отстранился. Она поняла его движение по-своему и ответила неприязненным взглядом. На обратном пути Мелания вдруг перевозбудилась как потребитель, что было инспектору непривычно. Она всматривалась и всматривалась, пока ей не потребовались две игрушки класса «малая оболочка», с БИ-каналами. Один робик выдавался за «петуха», хотя больше смахивал на малыша-птеродактиля, второй назывался «котом». Но его так умело сляпали, что он стал похож на крокодильчика. Оба «зверька» почему-то были белоснежные блондины. Феодосий решил, такие нужны Мелании, чтобы фонить браслету. Но чековую книжку вынул из кармана — жене стоит угодить, если она у него нехлопотная, всерьез послушная, смирная с ним, молчаливая и неактивная с посторонними. Сексуальные взоры какого-нибудь легко воспламеняющегося товарища, прикоснувшись к Мелании, сразу каменели и падали вниз с железным звоном. «Моя Горгоночка», — ласково называл Меланию инспектор. Несмотря на такое прозвище и другие подначки она всегда относилась к мужу с почтением. Вплоть до сегодняшнего дня.

Уже в машине Петух клюнул старшего инспектора в кончик носа и победно загорланил. А Кот норовил провести лапкой с внушительными когтями по инспекторской шее. Будучи человеком выслеживающим и вынюхивающим, он сразу попытался уточнить мотивы. Совершала ли его жена мыследействия, как то посыл сигналов страха или агрессии? Или так сами робики «притираются» к среде? Со своей стороны Мелания таинственно улыбалась и только. «Вот где анархия», — сокрушенно повторял Феодосий Павлович, имея в виду производство малых оболочек. Но он явно поторопился с упреками.

На следующий день инспектор застал дома вместе со своей женой постороннего мужчину. На минуту мелькнула спасительная мысль, что это Меланьин полюбовник, которого он сейчас будет мочить. Но пришлось крупно разочароваться.

— Этот человек улучшает моих робиков, — представила гостя Мелания.

— Да? — по возможности ехидно отозвался инспектор, заходя мужчине в тыл. — А что же в них плохого?

— Надо сделать настройку на мою личность. Вот он и поставил более чувствительные БИ-рецепторы, приличный поисковый блок для работы с вычислительной средой. Теперь робики смогут меня защищать.

— Отдохните, шеф. Я — мастер не по бабам, дерзкий только с кибернетикой всякой, — встрял посторонний, не поворачиваясь.

— От кого защищать? — решил уточнить инспектор у жены, принципиально не обращая внимания на «мастера». — Я ведь рядом.

— Ты не вечен, — со скрытым упорством отвечала жена. А на ее руке похоронным черным светом сиял браслет. — Мир же полон опасностей.

— Вот и работенке конец. Принимай, хозяюшка, — развязно сказал мастер своего дела.

Мелания приласкала взглядом своих робиков. Кот начал с «алкогольного» шага, прямо на ходу отточил свои движения и, обойдя комнату, направился на встречу с инспектором. Встреча началась так: Кот поднялся на задние лапы, передние положил на форменную штанину и стал драть ее на портянки.

— Вы не фиксируйте неприязнь к нему, — посоветовал специалист, — простите ему все, расслабьтесь немного, подумайте о вишнях в цвету, потом какая у него милая мордашка, она ведь почти улыбается.

— Скоро и куры будут надо мной смеяться, — холодно откликнулся инспектор и приподнял другую, еще непотрепанную ногу, чтобы обуздать зарвавшегося робика.

— Ни в коем случае, командир, — мастер распознал приготовления и решительно предупредил: — Враждебный поступок он запомнит. Это ж малая система, ассоциаторы еще слабенькие, заполнение их постепенное, начальные ситуации очень важны. Мало ли какую информацию он сейчас выудит из «эфира», вдруг о том, что «труп врага всегда хорошо пахнет». Нет, не советую, при первой возможности обязательно отомстит — ночью там, в туалете, в ванной.

Феодосий представил, как ему будет неуютно с процарапанной яремной веной, и отставил свои агрессивные замыслы. Кот уже беспрепятственно наслаждался его брюками. Петух тем временем забрался на шкаф, возле которого беседовали люди, и несколько раз пытался достать клювом до макушки офицера ССС.

— Чтобы цыпа не поступил с вами, как Иван Грозный со своим сыном, будьте как раз строги. Сопротивляйтесь смело. У него анализаторы несерьезные и память слабая. Одним словом, птица. Как возбуждается, так и разряжается быстро, — разъяснил мастер. — Вот надо так. — Мастер выписал Петуху смертельно обидный щелбан по гребешку. Тот рванулся, метясь в глаз, но его схватили за горло и завернули в пиджак. Петух возмущенно заорал, но через двадцать секунд был досрочно выпущен из заключения кротким и добрым.

— Скажи мне, кудесник, а это возбуждение, иными словами, раздражение, у них собственное или наведенное? — попробовал выяснить Феодосий.

— Конечно, собственное, — поспешил обрадовать мастер, — пока что. Вы войдите в положение. Ассоциаторы, напоминаю, еще хилые. И поведение окружающих объектов, и команды начальства не очень-то понятны, наш робик судорожно пытается определить правила игры. Ну, вспомните юность босоногую. Мы же такие же задиристые были. Ум-разум вдруг не сваливаются, по себе знаю. Вот полюбуйтесь. О-ля-ля. Кот уже возмужал, помудрел.

Действительно, возмужавший Кот расправился, наконец, со штаниной, отвалился от Феодосия и лениво похилял, жуя кусок трофейной материи.

— Нога цела, ноги не ел, — зарекламировал мастер.

— А меня они слушаться будут, хоть иногда, в ответственные моменты? — задал тоскливый вопрос Феодосий.

— Конечно, нет. У тебя всегда ответственный момент, оргпериод, горячка, запарка, конец месяца, — вмешалась Мелания.

— Да, уважаемый. Супруги — плоть едина, но настройка прибора сугубо индивидуальна. С женой надо договари-

ваться. Надеюсь, она у вас не Шемаханская царица, — мастер с удовлетворением от своего труда собрал инструмент в портфель. — А теперь самое интересное для меня. Кто гонорар отслюнявит?

И пришлось еще раз морально помучиться Феодосию, отстегивая купюры на расцвет ненавистных чудовищ.

— Это совсем не годится, когда малая оболочка развивает себе ассоциаторы, изучает среду, вслушивается в своего владельца. Только действия, строго согласованные с большими оболочками сферы быта — все, что ей положено и написано на роду, — рассудил инспектор и вдруг осознал недоразумение. — Стоп, кадр. Ну-ка предъявите вашу лицензию.

Но мастер уже трогал с места свой автомобиль.

— Не будьте формалистом, шеф. Кулибину даже царские чиновники такого не говорили.

Блок 6

Всю ночь напролет монстры скреблись под дверью и царапались по коридору. Мелания их не отключила, чтоб «быстрее развивались». В какую сторону, ей уже неважно, считал инспектор. Во время завтрака псевдоживотные два раза влезали в тарелку ответственного работника. Феодосий заметно повеселел, только когда добрался до «застенка» — так любовно называли главный корпус сотрудники ССС.

Дядя Витя пришел на «собеседование» обиженный, с претензиями, сразу накинулся на инспектора:

— Больше слова моего не услышите, вы все супротив меня поворачиваете, как нарочно, — и специально рухнул в кресло, не дожидаясь приглашения, да так, чтоб оно загудело.

— Как раз слов мне больше не надо. Вашу руку, сэр.

— Зачем это... без руки мне никак, даже в носу придется ковырять ногой, — засуетился дядя Витя.

Вылезшие из кресла скобы все же прихватили его конечности, а вертящуюся голову зафиксировал обруч с проводками, выскочивший из спинки кресла. Дядя Витя стал бросать взгляды попавшего в силки зверя.

— Похлопотал вот об электрическом стуле, помурыжили, как у нас принято, но дали, ненадолго. А нам долго и не понадобится, — сообщил унылым голосом Феодосий.

Дядя Витя шутки не понял, зажмурился.

Инспектор аккуратно постучал пальцами по панели управления «электрическим стулом». Две иглы вошли в задержанного ровно в том месте, где проглядывали синие до-

рожки вен. С легким шипением закатались под кожу несколько кубиков крепкого транквилизатора. Через полминуты дядя Витя сидел размягченный и добрый, как после трех кружек «ерша». На экране показался его ультразвуковой отпечаток. Бурыми пятнами выделялись еще напряженные части дяди Вити и соответствующие им мозговые центры. Инспектор пустил по дяде Вите слабый ток. Тот захрипел.

— Ерунда, Виктор Васильевич, не разыгрывайте меня, это не похоже на боль. Смотрите на экран, видите там светлый ангельский контур, а в нем какая-то грязь? Она беспокоит вашу голову. Но сейчас пятна примутся таять, как черти поутру. Вы их будете самостоятельно растворять.

Объемно зазвучал «говор океана», заструился мягкий голубоватый свет, ароматизаторы добавили йодистого запаха водорослей.

— А если вонялка сломается, противогаз мне найдется? — выступил слабым голосом дядя Витя, но с поставленной задачей справился. — Только мозги не растапливайте, иначе мне ничего кроме палки-копалки не доверят.

Тут он получил заряд супраэнцефалина. Дядя Витя пустил пару пузырей изо рта и перестал отличать звуковидеоряд на объемном экране от реальности. «Химия на службе прогресса», — тонкогубо улыбнулся Феодосий. Он прогнал модели всех ситуаций, в которых отличился дядя Витя, и пополнил библиотеку вредительских мыследействий новыми разоблаченными кодами. Это пригодится для санации оболочек, постановки дополнительных заглушек, блокировок и проверок. От которых будет мало толку — ничего не пригодится, завтра те же мыследействия не повторятся. ССС никогда не поспеть за продукцией злого умысла, схватить можно только голову, содержащую злой умысел. Мы должны ломать психопреступника, чтобы получился человек — в который раз повторил офицер-санатор. Это негласное и главное правило Службы. Глубокое торможение сознания супраэнцефалином так же помогает очищать башку от гадостей, как и накачивать ее дрянью.

— Вы сейчас втянетесь в себя, уйдете из этой комнаты, от этих стен, потолка, инспектора, задержания, от желания что-то приобрести и что-то доказать. Покой, Начало зовут вас. Надо вернуться к ним и пойти снова, но уже верным путем. Не отрывайте взгляд от экрана, не пытайтесь закрыть глаза.

Инспектор стал убирать с экрана изображение комнаты, вначале цвет, потом плоскости стен, потолка и пола, изображения предметов. Стер и самого себя.

— Сверху ничего нет, и по бокам, и снизу. Ничто вас не держит, вы падаете. Вы на дне самой глубокой впадины

мира. Только холод и тьма вокруг. Но вас принимает в себя раковина. В ней тепло и свет, в ней забота, в ней ваша жизнь. Никогда не покидайте ее, если хотите себе всех благ.

В густой черноте экрана появился маленький светящийся пузырек, который принялся разрастаться, пока в нем не стал просматриваться полумоллюск-получеловек, посапывающий и сосущий палец.

— А это вы! — поспешил обрадовать инспектор.

Но из погруженного в нирвану насупраэнцефалиненного беспамятного дяди Вити донеслось:

— Нет, это ты. — Как конденсатор разрядилось дяди-Витино сердце — из него выскочила целая связка разрядов. Потом послышалось обращение к инспектору: — Думаешь, что сердцевед, а в натуре говноед. У тебя душа — зараза, чемпион ты унитаза.

Феодосий хотел обидеться, но потом сообразил, с кем имеет дело. А дядя Витя уверенно продолжил:

— Сейчас кокну крышку и выйду. Отойди-ка, не то наступлю.

Феодосий поморщился. Не дяди-Витины угрозы так его достали — вовсе нет, к подобным фокусам он давно привык. Просто картинка на экране переменилась незапланированным образом. Уже не пятно, а яйцо какое-то. И не эмбриончик в нем сидит, а гад противный. Одна пасть чего стоит — воронка, глаз на стебельке, пронзительный, красный, еще и отростки на тельце, все крутятся, как скакалки. Чудик вдобавок стал метаться туда-сюда, будто собрался яйцо расколотить. А снаружи на том яйце сидел крохотный даже по экранным меркам мужичок и тюкал по нему молоточком. Феодосий метнулся к другому экрану, поскорее опознать просочившийся игровой модуль. Но ничего из этой затеи не вышло. От ворот — поворот, никакой запрос не проходил из-за переполнения быстрой памяти.

— Начальник, — тем временем шепнул дядя Витя, — я тебе сейчас говорить буду, а ты записывай в скрижали истории. Скоро перекинусь я чудом-юдом. Я уже себя будущего вижу. Внушительное зрелище, пиши, поэт, свой стих. Но здесь меня не очень-то полюбят, я ведь все показатели испорчу. Так что подготовься к церемонии прощания.

Было невооруженным глазом видно, что дядя Витя «расфокусировался». Но колоть его опасно, супраэнцефалин ему и так всю защиту снял.

— Сейчас только отколупну скорлупку немного, — бредил дядя Витя, — да ногу высуну, к ней ножная-сила и привяжется, она поможет одолеть дорогу. Потом и руку за

ручной силой протяну. А это значит, что я чего хочешь достану. Потом крылатую силу выловлю, и, значит, до неба доберусь. Когда я большим сделаюсь, кого затошнит со страху, у кого расстройство желудка, а певец песню споет про наш с тобой поединок. Я тебя головой укушу. Ты только заранее в протокол занеси, что ристалище у нас честное. А то вскоре тебя, какой ты есть, уже не станет.

И тут всяческий свет исчез — совершенно неожиданно, несмотря на все страшные предупреждения. Но инспектор сумел быстро перестроиться. Вытащил из ящика стола свой хорошо пристрелянный товарищ «Маузер-XXI». Помахал огоньком зажигалки. Дядя Витя был внутри себя и не обращал на инспектора пристального внимания. Феодосий, профессионально удерживая его смутную фигуру краем зрения, подкрался на цыпочках к двери. Она была совсем не на замке, каталась себе взад-вперед, как в сарае. Феодосий сразу отскочил вбок, прижимая к себе оружие, чтоб не выбили. Потом заголосила тревога, длинный сигнал, на до-ре-ми. Уже, выходит, отключился и внешний периметр охраны. Инспектор кое-что сообразил, стараясь не маячить на фоне двери, подкрался к задержанному гражданину. Скинул обруч с его головы, выдернул руки из держателей и влепил кулаком в сельский лоб. Дядя Витя рухнул вместе с «электрическим стулом», успев проорать «всех не перебьешь». И тут вернулся свет в лампы да экраны, заткнулся сигнал тревоги, щелкнул, закрываясь, замок двери. Феодосий уселся на свое место, промокая мокрое лицо рукавом. «Маузер-XXI» на всякий пожарный положил поближе — в карман. На экране тьма проглатывала чудовище, сминала, скручивала его, несмотря на визги протеста. А тюкающего мужичка и след простыл.

Инспектор съел конфету — сласти всегда помогали проведению анализа, подышал полным носом из курильницы с ладаном — это успокаивало. Наверняка его подопечный затащил «К2» из сетевого эфира своими мыследействиями, допер Феодосий. Ну-ка еще раз попробовать схватить вирус, положить его в баночку. Но в терминале хватать было нечего. Феодосий, как пианист, выбросил руки к клавиатуре и сделал снимок быстрой памяти. Кристаллосхемы памяти, только что по горлышко грязные, теперь были ослепительно чисты. Ну, а знаменитый контроль рабочей зоны кибероболочки? Как бы потоньше справиться у дежурного, чтобы он не заподозрил, кто притащил вирус в эту мирную обитель?

— Матвеев, а Матвеев, — связался он с центральным пультом, — покажи-ка свое бородатое личико. Почему

проводите учебные тревоги без предупреждения? Людям работать надо, а вы по нервам бжикаете. Или вы считаете, что тут нет людей?

— Какая учебная, кому чего надо? — заистеричничал Матвеев. — Все сигналы-открывашки рассекречены. Я еще понимаю, сидела-пыхтела бы в памяти вирусная комбинаторная программка, подбирала ключи. А в архиве только чиркнуто «внутрисистемная работа, построение смысловых цепей». Где тут вирус? Уму непостижимо.

— Увы, твой ум, Матвеев, не годится для измерения непостижимости. Впрочем, ты еще поуди в системном журнале, червячка подбери повкуснее. — Феодосий ушел со связи отчасти довольный.

Почему мы называем «К2» вирусом? Какой вирус выживет при внутрисистемном тестировании? Только полезный вирус. Тот, что чисто вшился в тело оболочки. Что помогает ей в работе над смысловыми цепями. Теперь деревенского дядьку с соплей под носом и близко к вычислительной среде нельзя подпускать — вредность слишком глубоко в нем сидит.

Пока Феодосий понимал дядю Витю как источник постоянного зла, хоть бирку вешай, его подопечный отвечал ему в том же духе, но другими словами. Селянин снова расселся в кресле, напялил на голову обруч с проводками и уверенно направлял инспектора в срамные места, так чтоб ему вовек не возвратиться.

Феодосий Драницын покинул Службу хоть и озадаченный, но зато напряженный, готовый к борьбе, такая ситуация ему даже нравилась. Однако дома он быстро скис и угас. Дома он окончательно убедился, что жена Мелания любит свой браслет больше, чем мужа-инспектора. Даже к робикам нежнее, чем к нему. Картина, которую он предполагал увидеть в бреду, а не наяву. То, что он раньше считал ее докучливым зуденьем, сейчас казалось щебетаньем райской птицы. Все эти истории о киберах-убийцах и сладострастниках, об искусительницах-роботессах, которые в последний момент обкусывают свои жертвы до неузнаваемости, о дьяволах-компьютерах, погубляющих самолеты и суда. Нет, Феодосий и разные монстры теперь мало волновали ее. Ныне друзья и любовники были у нее Петух и Кот. Робики также закончили постигать инспектора и показывали полное пренебрежение. Они набрались хитрости и коварства, что некоторые мудрецы могли принять за проблески искусственного интеллекта. Мелания вела с ними какие-то игрища, малопонятные для других людей. Игрища

носили боевой, оперативно-тактический характер. Стратегия же оставалась скрытой в тумане. Такими же смутными были и мыследействия, которые применяла жена, чтобы столь расшевелить своих служек. Не привяжешь супругу к «электрическому стулу», не одурманишь ее психоделиками и не начнешь считывать коды ее мыследействий. Разве что выкрасть робиков. Ясно же, они помочились на оболочки сферы жилсоцбыта, под чьим присмотром обязаны существовать. Какой там жилсоцбыт, тут проглядывает морда врага, программного разбойника, может даже «К2». Распотрошить бы робиков, по начинке найти и того мастера, который нелицензионные кристаллосхемы ставил, и того, кто их клепает. Взять обоих за шкирку да стукнуть лбами. Но стоило один взгляд бросить на робиков, как сразу все мечты уплывали в форточку.

В гостиной и на кухне шли учебные бои. Кот прижимался к полу, пятился, наносил едва заметные из-за мгновенности удары, когти его высекали искры из холодильника, производили режущие звуки на стекле и оставляли внушительные зарубки на мебели стиля неоготика. Петух же беспрерывно нападал, наскакивал, делал ложные и настоящие выпады, пытался усесться Коту на загривок и долбануть его в темечко. От его бронебойного клювика оставались глубокие, но аккуратные ямки. Феодосий машинально, в обход сознания, примеривал следы от когтей и клюва к себе. И всякий раз становилось неприятно, от мозга костей до костей мозга. Особое, ни с чем не сравнимое чувство возникало, когда Петух удачно пикировал и вышибал Коту глаз. Брызгала белая окологлазная жидкость, Кот цеплял когтем свое выпавшее око и, предварительно облизав его, заправлял обратно в глазницу. И всегда рядом с тренирующимися гадами неотступно находилась Мелания в виде знатока боевых искусств. Она была арбитром, скорее всего болельщиком, похоже, что и участником. Браслет, присосавшийся к ее руке, играл не последнюю роль. Инспектор давно разоблачил его — тот пропускал расширенный спектр мыследействий. Ясно, что робики, как неуправляемые малые оболочки, рыскали по «эфиру», выискивая разгадки кодов, и нахватались там разной дряни на тему «как бить и мучить». Но одна линия поведения была втиснута в них какими-то творцами хреновыми еще при рождении — служить своему хозяину верой и правдой. Вот почему им мало дела до Великого Объединенного Разума. А их хозяин, вернее, хозяйка, распадается на глазах как гражданин, то есть как гражданка.

Мелания перестала откликаться на призыв кибермэнайога провести утреннюю, дневную и вечернюю медитации. Немедля вырубала экраны, как только начинали передавать звуковидеоряды для гармонизации. Вырывала «с мясом» шнуры питания из автоматических кадильниц. Разорвала тибетские мандалы. Перестала делать пранаяму, дышала теперь поверхностно, будто на улице. Портретом махатмы вытирала пыль. Почти целый день запрещала звучать индийским мантрам. Только междусобойчик с робиками. Инспектор немного повеселел, когда она завела себе «Симбун-Сивку», газотурбинный роллер. Не моргнув глазом, швырнула все свои хрусты. Машина была по-российски удалой, по-корейски вертлявой, с широким колесом — по любой каше промчится — с микрооболочкой. Но в отсутствие инспектора появился давно осточертевший мастер и пробил в оболочке роллера БИ-канал. Нюни инспектора распустились снова и заколыхались на ветру. А потом Кот с Петухом вскочили на заднее сидение роллера, стали там похожи на два белых кирпича с глазами, и Мелания усвистала. В первый же выезд она пропала на целый день. В инспекторе к полудню солнечное сплетение превратилось в черную дыру. Он сидел понурый в своем кабинете, и даже кресло не казалось ему теперь удобным. Темные мысли вились одна за другой без всякого усилия. Кто из нас главный, кто второстепенный, кто почва, а кто удобрение? Как бы не ошибиться в вычислениях, впервые подумалось инспектору. Чтобы все-таки насытить свою жизнь немеркнущим смыслом, Феодосий Павлович решил выпотрошить дядю Витю, как маринованный перец. А дядя Витя, когда вошел, то сказал с прощупываемой ехидцей:

— Ой, как вы осунулись. Не лицо, а фига. Что, в доме нелады? Ну ничего, миленькие бранятся — только тешатся.

От этих слов Феодосия чуть не вытошнило.

— Что, я чего-то не то сказал, неверно выразился, эт у меня бывает, — спохватился задержанный.

— Ну, все, Виктор Васильевич. Хватит с вами цацкаться. Вы лишь программа, чужая запись. В нужные моменты из вас прочитывается тот или иной кусочек.

— А вы не программа? — по-простецки спросил дядя Витя.

— От меня нет вреда, — голос инспектора стал пронзительным, высокочастотным.

— Как же, мне от вас вред один, — рассудительно заметил дядя Витя. — А если из-за вас беда приключится для народа, то вы сами с собой что делать будете?

— Со мной этого случиться не может, — постановил Феодосий.

Внезапно шкаф раскрылся, и въехал робофициант-столик с яствами. Заиграла обеденная музыка, свет стал менее насыщенным.

— А-а, кушать люблю. Это единственное, что мне не изменит, — весело взвыл дядя Витя и прихватил со стола розетку с икрой. — Надеюсь, не акулья.

— Но я не звал робофициантa... Пошел вон, вон! — наорал Феодосий на «скатерть-самобранку».

Та неожиданно обиделась и вывалила яства на инспектора, после чего действительно уехала.

— Как же так? — Феодосий с наворачивающейся слезой смотрел на свой замаранный китель.

— Да вот так. Им тоже творить хочется. Сольцой посыпьте, начальник, меньше пятен будет, — наслаждался сценой дядя Витя. — Может, помочь, простирнуть чего?

Все еще твердым голосом Феодосий позвал робуборщика. Тот появился. Но вместо того чтобы убирать, он принялся раскатываться по комнате, размазывая масло, соус и пюре.

— Подонок! — озверел Феодосий.

— Вы его, маленького, не ругайте, — заступился дядя Витя. — Он хотел как лучше. Вот новый бутерброд изобрел.

Робуборщик, однако, о своем долге не забыл. Выставил вперед режущую плоскость и стал срезать с пола размазанные продукты, правда, вместе с линолеумом.

Феодосий, как и полагается, прижал ладони к вискам.

— Вы только ума не лишайтесь, гражданин начальник. Еще скажут, что это все я, такой-сякой, подстроил. А я на большие дела пока не горазд. От меня только легкий сквозняк.

Инспектора тут осенило. Он сорвал со своего запястья БИ и забросил в дальний угол, потом подскочил к робуборщику и перевернул его вверх колесиками.

— Круто вы с ним, но совершенно справедливо, — одобрил дядя Витя. — Власть употребить, и точка, так с ними и надо, падлами. Что же, если электрический, то все можно?

Инспектор внутренне заметался:

«Эти устройства не способны к самоуправству. Значит, именно из меня вылетели коды безумных мыследействий. Пусть «К2» помог, но сигналы — мои собственные. Если так, то по законам ССС я — преступен, и вещдок налицо. Я приличный человек, уважающий прогресс, и вдруг преступен. Может, таково течение болезни. Ну и что с того? Вор по болезни ворует, громила по болезни громит, но снисхождения к ним никакого. Единственное, что смягчит

мою вину — это ссылки на инфекцию, на заражение. Я докажу следователю, что дядя Витя наводил на меня свои мыследействия, как на колебательный контур, что он, мерзавец, в резонанс меня ввергал».

Феодосий поднес ладонь к животу, впечатление было такое, что по внутренностям прополз бычий цепень. Инспектор подключил к робуборщику терминал и стал проверять буфер команд. Вроде некоторые похожи на вчерашние, дяди Витины. Или нет, сердцевины разрядов всегда похожие. Что же намечается: неужто самому на себя стучать придется?.. Уж лучше покончить с высокими моралями. Пусть просыпается здоровое, животное, инстинктивное. Надо выкарабкиваться. Поскорее бы избавиться от дяди Вити. Но ведь и конвойных не позвать. Могут назвенеть «куму», начальнику режима Сысоеву. Ну ничего, напачкали — подотрем. Феодосий запихнул робоуборщик в угол, превратил свою майку в тряпку. Вначале развел грязь, потом ничего получилось, если не всматриваться. Прихватил и содранный линолеум клеем. Крестьянин же неустанно помогал дельным советом.

Следующей ночью дяде Вите опять стало жутко. Только закроешь глаза, и начинает по всему телу летать какой-то вихрь, да еще и наружу рвется. И кажется дяде Вите, только расслабится он или, предположим, чихнет, и организм его развалится, как брошенный об стену арбуз. С криком «ура» вывернется из ошметков Вихрь Вихревич и на форсаже улетит за горизонт. Что говорится, темницы рухнут, и свобода нас встретит с кружкою у входа. Но потом глаза открывались и он видел себя на коечке — со стены буравит взглядом какой-то индийский товарищ гуру, льется специально подобранный звук для сна, в углу призывно мерцает унитаз. «Ничего интересного быть не может», — успокаивал себя дядя Витя и переворачивался на другой бок. И все-таки это случилось. Лопнула преграда, похожая на скорлупу или даже на стакан. Так быстро, что боль разлетелась сразу. Он пошевелился и понял, что стал из маленького большим. То есть, он существует в двух видах, маленьком и большом. Большой дядя Витя подтянул задние конечности, распрямил их, и комната сразу смялась, а стена упала. Потолок и крыша остались где-то внизу, голова же окунулась в какое-то марево. Маленький дядя Витя прошелся на цыпочках от своей кровати до двери. Массивная плита поддалась его руке и покатилась. Смутившись, он юркнул обратно в койку, как сурок в норку. Отстукало десять секунд, и никакого шухера. Селянин внушал себе, что было бы мудро вот так вот полеживать и ждать, пока луч-

шие люди разберутся с его невинностью и отпустят гулять. Извините, скажут, за причиненные хлопоты, обознались. Примите в знак признательности за проявленную гражданственность часы «командирские». Дядя Витя же, незлобливо посмеиваясь, похлопает опростоволосившихся обидчиков по плечам: «Ничо, бывает. Кто не ошибается, тот, значит, не работает». Но потом пожаловала дяде Вите (маленькому) и другая мысль. И осталась, засела, как гвоздь в доске. А если не проявят начальники чуткость и заботу? А если он для них — бревно, кричи не кричи о своих правах, а все равно обстругают.

Большой дядя Витя погордился собой. Турбореактивное сердце гнало по нему горящую кровь. Глотка дышала не хуже армейского огнемета, лапы гребли, как экскаваторы, воздух сминался под ударами крыльев с переменной геометрией и, распрямляясь, поднимал его.

А рядом, перед его широкофокусными глазами висел камень. Тяжелый, тянущий, а еще гладкий, как галька, то ли просвечивающий, то ли разрисованный. А в рисунке том, казалось, проглядывался размазанный человек. Будто прокатилась эта глыба и сплющила какого-то незадачливого гражданина. Просматривались и другие каменюки: разнокалиберные, летящие и катящиеся друг по другу. Потом большой дядя Витя заметил главную достопримечательность открывшейся картины. Там в глубине, за парадом камней, как бы на трибуне, маячила очень длинная штуковина, то ли спица, то ли башня, возможно, даже дерево. Когда большой дядя Витя привык к пейзажу, то разобрал, что камни прутся не куда попало, а вертятся, иногда с форте лями, вокруг спицы. Она — блестящая, а они тусклые, она живенькая, а они полудохлые, она верховодит, а они слушаются. Башня производила впечатление заселенной, хотя никто не показывал личика в форточку. Дядя Витя даже назвал для ясности это строение «дворцом Кощея», памятуя Хавроньины сказки-присказки. А себя гордо проименовал Змеем Горынычем.

Он лег на одно крыло, потом на другое, наконец, хоть и ловили его глыбы невидимыми сетями своего притяжения, поднялся чуть выше и выяснил еще кое-что. Спица упирается острием в некий серебристый туман, а может, и серебряное небо, и сверлит, и долбит, и гложет его, покрываясь сияющим румянцем. Блестящая пыльца входила и в шкуру большого дяди Вити; растворяясь в крови, заставляла ее приятно бурлить.

Остальному же воинству, глыбам-камешкам, и не присоединиться к хапужной спице, и не набрать серебристой

пыльцы, и не подкрасться к кайфному туману. А все потому, что они знай себе крутятся вокруг дворца. И питаются лишь сияющим теплом сановного румянца. А еще большой дядя Витя заметил, что от Кощеева дворца к почтительно хороводящим камням иногда проскакивают черные шары, оставляя не сразу зарастающие трещины в сиянии. И от такой черной молнии какой-нибудь провинившийся камень сразу оплавляется. Став бурой глыбой он сваливается вниз и переваривается густой мглой. Большому дяде Вите захотелось оспорить.

И маленький дядя Витя больше ни в чем не сомневался, соскользнул с коечки, успел накинуть на себя одежонку (носки не обнаружились), сунул лицо за дверь, принюхался к удаляющимся шагам охранника и потрусил по коридору.

А инспектор Феодосий чуть пораньше проснулся от вкрадчивого голоса своего терминала: «Объект наблюдения в камере отсутствует». Инспектор был не дома, а в региональном управлении. От неуемной тоски он бы шатался по городу, но его поставили на дежурство, правда, не в главный, а в третий корпус. Инспектор сейчас же обрадовался, не подкачал радиомаяк, который он прикрепил лично и незаметно к пиджаку задержанного гражданина Лучкина. И хотя рабочая зона оболочки занималась невинной «внутрисистемной работой» и выстраиванием каких-то «смысловых цепей», от этого всего несло диверсионным актом. По застенку дядя Витя шел себе, как Командор на вечеринку донны Анны: насквозь. Конечно же, гражданин Лучкин испускал во все стороны неведомые коды мыследействий. И это приносило неплохие результаты, сигналы-открывашки влетали в замки бронедверей, уничтожались вопли контрольных фотодатчиков. Оттого-то сиренам никак было не завыть, а охранникам не затопать сапогами.

Спокойно, спокойно. Просто в рабочую зону оболочки проник треклятый вирус «Кулибин-2», он-то и ведет беглеца на волю.

Феодосий сжал зубы и соединился с центральным пультом главного корпуса. Сраженный сном дежурный тяжело сопел, навалившись жирной мордой на клавиатуру — кажется, во сне его преследовало что-то плохое. Итак, «К2» выдал пару чарующих колыбельных по аудиоканалу, выровнял толстомясому детине мозговые ритмы и сделал из него спящую царевну. Эх, оттяпать бы уроненную башку в воспитательных целях. Впрочем, баю-бай, охранный воин. Ну, сбежит дядя Витя — подумаешь. Не сболтнет уже крестьянин «куму» или вышестоящим лицам во время обхода, какой конфуз приключился в инспекторском кабине-

те. И к тому же, пославшие дядю Витю давно с ним попрощались и вычеркнули из списка. Никак не ожидают, что он скоротечно вернется и начнет прыгать от радости на шеи друзей-товарищей. Какая возможность проклевывается — крутых диверсантов-подпольщиков захоботать. Недолго им осталось вершить темное грязное, а для них светлое чистое дело борьбы с нарождающимся ВОРом. Радиомаячок будет зудеть в тумане, а наш агент, супермен и спортсмен, будет идти по пятам, нюхая след. Феодосий сообразил, что переусердствовал в мечтаньях. Дядя Витя — как тот глист-путешественник, что затерялся в глубинах кишечника, и до прямой кишки ему двигать и двигать. Терминал показывал дядю Витю червячком, ползущим по зданию. Инспектор подключился к системе видеослежения, чтоб рассмотреть все в подробностях. Коды подключения Феодосий выискивал, как любой приличный офицер, загодя. Ведь подсматривать друг за дружкой, особенно за дамами, было у сотрудников ССС самой отличной шуткой. И Феодосий увидел, что дядя Витя какой-то порхающей походкой покоряет коридоры. Вот он разумно притормозил и пропустил идущего по перпендикуляру барана-охранника. Вот и последний переход, а там за углом КПП. Феодосий дал увеличение, не бежит ли перед дядей Витей робик с лазерным резаком вместо головы, не хлопает ли рядом крылами шприц с цианистым калием. Нет, человек сам по себе. Так как же ему главную вахту одолеть? Перед тем, как выйти на финишную прямую, дядя Витя все-таки остановился, но больная улыбка не сползла с его рта. Феодосий тревожно глянул на КПП. Один охранник стоял в проходе, уронив крепкую ладонь на рукоятку пистолета, опасно выглядывавшую из кобуры. Другой, как и положено, сиднем сидел в будке, у пульта, за пуленепробиваемым и лучеотражающим стеклом. Не оставляют эти бугаи дяде Вите даже самых скромненьких надежд, потопчут и повяжут беглеца.

Впрочем, я бы сделал так и так, прикинул Феодосий. Он представил будку маленькой кастрюлькой на огне и охранника в ней как вареного цыпленка.

— Спасибо, дяденька, — раздалось в токере. Феодосий аж подпрыгнул: «К2» впервые подал голос. Кажется, вражий модуль уловил его мыследействия.

Через полминуты стекла будки запотели. Охранник перестал сидеть смирно, заерзал. Так и есть, «К2» расшифровал мыследействия Феодосия и применил команду, врубающую отопление на полную катушку. Охранник продержался недолго, нарушив все святые инструкции, вылез из будки, отдирая прилипший китель от тела.

И тут Феодосию стало не по себе, тоже жарко, но и холодно одновременно, уж больно «К2» заиграл, засочился силой. В вестибюль здания, прямо на КПП, въехал здоровый автокран! Весь он, конечно, не поместился, но стрела удачно вписалась во всю длину вестибюля, срезав только несколько кронштейнов и статуй Немезиды, эриний, Фемиды и прочих правоохранительных богинь. Оба охранника плюхнулись на пол, вытащили пушки, стали ползать, как два опарыша. Тут дядя Витя и рванул, что пушечное ядро или как пробка из задницы медведя по весне. Наступил на голову одного служителя ворот, вскочил на спину другого, с таковского трамплина прыгнул — и застрял в стреле. Автокран сей момент дал задний ход и стал выезжать вместе со стрелой и торчащим в ней дядей Витей. Охранники опомнились, побежали к будке, чтоб протрубить тревогу, но понапрасну рвали и кусали ручку. Дверь была уже крепко-накрепко заблокирована, что обязательно в случае вооруженного нападения. Само кресло внутри будки стало опускаться вниз, в бункер, к резервному пульту, только без бдительного человека. Охранники побежали, собираясь открыть беглый огонь по дяде Вите во дворе и изрешетить мерзавца ворошиловской стрельбой. Но предвкушение расстрела оказалось напрасным. Как раз опомнилась автоматика, стала спасать пост охраны, заверещала сирена, и стальная стена перегородила путь любой банде, а заодно и охранным бойцам. «Храните спокойствие, ситуация под контролем», — сказал динамик, после чего заиграла ласковая музыка. Триумфальное шествие дяди Вити продолжалось.

Теперь уж непонятно, подумалось Феодосию, то ли зло обхитрило добро, то ли добро обвело вокруг пальца зло. По идее, для подпольщиков дядя Витя отрезанный ломоть, и им выручать его неинтересно. Однако, «К2» это всего лишь программный комплекс, которому такие нюансы недоступны. Он действует в рамках общей стратегии — вредить, где только возможно.

На следующий день генеральный инспектор собрал всех офицеров, метал громы и молнии, устроил страшный конвульсиум, публично ненавидел автоматику. На это зам по системотехнике резонно отвечал, что без автоматики в застенке побегов было намного больше, сейчас попросту первый случай. Обычные стальные двери с встроенными, навесными и даже кодовыми замками не справлялись с наукоемкостью современных злодеев. Крошечные плазменные резаки разваливали двери и решетки; микроскопические кумулятивные заряды пробивали запоры; едва замет-

ные приборы, состоящие из рентгеновского лазера и микропроцессора, мгновенно изучали принцип работы всякого замка; ключи типа «каракатица» четко срабатывали в любой замочной скважине. Все эти приспособления вшивались злоумышленниками загодя под кожу, вставлялись в рот под видом зубов. А могли попасть к задержанным гражданам в передачах, на свиданках, при поцелуях и рукопожатиях. Каких уж только бестий земля не носит. А сколько сраму мы набрались, когда все необходимое для злодейства приползало, прилетало и приплывало по канализации в нутре у робиков. И как те наловчились выходить на нужных им людей или, вернее, нелюдей по одному лишь рисунку теплового излучения.

Видно было, что горечь поражений сидит в сердцах сотрудников ССС, потому что многие мужественные лица покрылись краской. Зам по системотехнике вдохновенно закончил: «Только перевод каждой двери, каждой щели на автоматическое управление, закутывание всех систем Службы в кибероболочку остановило разрастание этой заразы».

Генеральный решил не выставлять себя в роли дремучего дубаря, хотя и помянул про себя уважительным словом старый добрый сыск, колючую проволоку, вышки с автоматчиками и злых собак.

— Очень удачно декламируете. Вам бы с большой трибуны выступать, зажигать народ. Ладно, толковать нам больше нечего. Будем считать так — за три дня наша любимая оболочка кого надо выловит, наступит на хвост и еще раз убедительно продемонстрирует, и тэ-дэ и тэ-пэ... Кстати, говорят, есть такой «К2». Не помешает ли он нам мирно трудиться?

— Движения модулей «К2» пресекаются немедленно, — бойко отрапортовал зам по системотехнике. — Системные журналы показывают нам, что в этом отношении сейчас все чисто.

— Вам показывают, вам, — уточнил значительный человек. — Ну, старайтесь, если ума нет, — закончил на незлобливой ноте генеральный.

В МВД и прочие органы жаловаться не станем, а то они нас гадко высмеют и всячески обидят, следовательно, будем тужиться самостоятельно — это в речи генерального инспектора прозвучало четко. Вот она, взаимная нелюбовь в действии, вздохнул Феодосий. Органы обязаны отдать нам дядю Витю, потому как не могут доказать, что он преступен. Если это докажем мы, значит, их дело, в общем-то, к вечеру. Ясно же, что блатной элемент все более предпочитает мыследействия. Однако если мы упускаем дядю Витю,

не доведя его до судебной экспертизы, то ловить его органы не обязаны. Разве что мы будем долго ползать перед ними на коленях, целовать ботинки, называть себя меньшими братьями и сочинять, что он унес из застенка ценную аппаратуру.

Блок 7

Феодосий не собирался сидеть, сложив голову на ручки. В Службу Санации дальновидными ее основателями была заложена структура «пылевого» типа. Она пронизывала все уровни, подразделения и замыкалась на отдел особых операций в центральном управлении Службы. В нее включались проявившие себя инспектора вроде Феодосия, а также секретные агенты. Как и положено, Феодосий запустил программу отбора, и она выдала ему номер и место контрольной явки агента, а также пароль. Человека под номером 0013 Феодосий знал по опыту совместной борьбы — Освальд Фалько сдохнет, не подведет. Тык был удачным.

Инспектор встретился с агентом в рюмочной и поручил ему наблюдение за дядей Витей.

— ...Наблюдение — это еще не все. В случае, если органы безопасности или наша группа захвата попытаются вывести объект из игры, окажи ему мягкое содействие. То есть никакой стрельбы и нанесения большого материального ущерба. Внешность меняй во время работы основательно, сейчас установить личность можно даже по форме щек. С объектом контакт минимальный, но его радиомаяк не упускай. Делай все именно так, пока я тебе не дам других указаний.

Освальд Фалько усмехнулся, но ничего не сказал. Никакая самодеятельность не проходит даром, подумал Феодосий, глядя на удаляющиеся широкие плечи агента. Прибьет кого-нибудь мизинцем левой ноги и глазом не моргнет. «Крышу» надо поскорее натянуть. Инспектор нашел на улице телефон и позвонил в центральное управление, в отдел особых операций. Ответил незнакомый голос, на пароль отозвался неверно, сообщил, что начальство в отлучке, попытался выяснить, в чем, собственно, дело. Этот человек не внушал доверия, поэтому Феодосий ушел со связи. До завтра подождет, чего уж там особенного за один день случится.

Очень ранним утром того же дня автокран с прилипшим к стреле дядей Витей остановился на одной из пустынных, достраивающихся еще улиц. Дядя Витя минут пять не мог преодолеть окоченения, наконец сполз на землю. Он осторожно заглянул в кабину — там мигали индикаторы, а во-

дителя не существовало, машиной управляла малая оболочка. Дядя Витя поежился от таинственности происходящего. То ли он сам обернулся чудовищем, то ли ему помогал какой-то колдун-гуманист. Он еще не забыл ощущения силы, которая совсем недавно наполняла его руки, и ноги, и голову, и сердце, и хвост. Кажется, у него был и хвост. Дядя Витя даже пошевелил своими слабыми руками и ногами — неужели все это натворил я?

Окоченение не проходило, ветер свистал, как будто все живое на свете вымерло надежно и с гарантией. Он прошелся мимо заселенных домов — даже в парадную не завалиться, двери на кодовых замках. Тогда дядя Витя решил: надо просто ходить, чтобы не уснуть и не замерзнуть. И правильно решил, на одной помойке он нашел знатный кусок парусины с дыркой посередине. Продел голову, и получилась экзотика, что-то переходное из плащ-палатки в пончо. Потом набрел на детский городок, забрался в пластиковый танк, стал похож на кучу грязного тряпья, затих и заснул сном свободного человека.

— Дяденька, шли бы вы обратно на помойку, а то здесь дети играют, — разбудил беглеца какой-то малыш. Дядя Витя встряхнулся, высунул голову из кокона, пошарил в карманах. Конфет там не было, зато нашлась миниатюрная видеокамера. Видимо, она свалилась со стены, когда кран бодал вестибюль, и дядя Витя машинально прихватил ее.

— Эй, малой, сколько дашь за эту штуку? — поинтересовался крестьянин.

— Две синеньких, — приценился малыш, — ты погоди, я сейчас домой за «капустой» сбегаю. С собой предпочитаю не носить, а то нынче трясунов много.

Дядя Витя очень нервничал, боялся, что мальчик вернется не один, а с рассерженными взрослыми. Но обошлось. Малыш появился без фокусов, приобрел видеокамеру и попросил приносить еще. Они там с пацанами играют в «шпионов и разведчиков», поэтому устраивают друг за другом большую слежку. На аппаратуру много денег требуется, вот они и установили налог на детсадовцев. Тем, кто не платит, вышибают зубы — ничего страшного, молочные. Но все равно не хватает. Пора за родителей тех мальчиков браться, пусть выкладывают, а то будем их отпрыскам блох и глистов запускать — биологическое оружие уже готовится. Малыш вздохнул, а дядя Витя поспешно удалился. Теперь ему предстояло определиться, спланировать дальнейший жизненный путь. Первый ход — вернуться в деревню. Но что он скажет мужикам с пудовыми кулаками, которые

отстегнули ему свои кровные на покупки? Мол, мелкая неприятность случилась и вы проиграли. И уж, наверное, ССС дала весточку в родное село — там его будет встречать, грозно насупив брови, милиционер Антошка. Нет, лучше покамест в городе схорониться, здесь людей много, затеряется как-нибудь. Только куда податься? На гостиничные услуги деньжатами пока не разжился, найти «порт приписки» — рылом неказист. На железнодорожных вокзалах народ и так вповалку лежит, здоровые и чесоточные, честные и воры. Да и патрули шастают туды-сюды. Нет, уж вернее будет на аэрокосмический вокзал податься. Там ему понравилось, сервис и все такое, да и толчея умеренная.

Блок 8

В эту ночь робики долго слонялись по спальной комнате, не дрались, но чесались и потягивались с хрустом. Якобы случайно, но явно специально цепляли одеяло. Инспектор в конце концов не выдержал. Взял спальные принадлежности и перекочевал в гостиную. Мелания ничего этого не замечала, да и наутро не выказала удивления его отсутствием на супружеском ложе. Впрочем, Феодосий был уверен, что на его месте тут же расположились кибернаглецы.

Когда он уселся завтракать, робики не отстали, принялись бесить. Кот устроил себе соревнования по прыжкам в высоту, где вместо планки была инспекторская голова, а Петух состязался сам с собой в тройных прыжках, делая один из мощных толчков на спинке инспекторского стула. Маленький черный гад со скромным видом висел на руке Мелании, но одновременно настраивал всех на волну инспекторского страха, на его боязнь опозориться как муж и офицер. А Мелания хлопотала себе у плиты и даже не пробовала подонков своих затормозить.

Они — свои, пришедшиеся ко двору, а я чужой; они показывают, что я здесь нужен, как третья нога или вторая задница, доказывал себе инспектор. Но рано обрадовались, я еще буду давить их сапогами. Нет, я буду кромсать их большими ножницами.

— Знаешь, что я не сделал, а должен? — спросил мужественный офицер у жены.

— Должен был утром выполнить асаны «Сурья Намаскар», ты не встречал сегодня Солнце, — механически отвечала жена.

— Солнце встречал. Но вот кое-что не спустил в сор-

тир, — он показал на неспущенных жестом монументальной скульптуры.

Жена жевала бутерброд и не откликалась, как это бывает при прослушивании неприличных физиологических звуков.

— Или я, или они, — произнес раздельно каждую букву инспектор. Петух вскочил на стол и издевательски клюнул стакан инспектора, Кот наступил неприятной лапой на палец ноги инспектора. — Или я, или они, — затравленно повторил хороший семьянин.

— Они — это я, устраивает? — огрызнулась Мелания. — Это все мой внутренний мир. Внутренний, но выдвинутый наружу, как ящики письменного стола. Без них я опять стану пустой. Любишь ты полых, как мячики, тык ногой такого, вот он и покатился к какой-то великой цели. Потренировался на мне, понравилось, разыгрался в своей ССС.

— В моей ССС я выдираю ядовитые органы аспидам в галстуках, отрезаю жгутики человекообразным микробам, выдавливаю токсины из отравленных мозгов, — Феодосий показал еще и руками, что он делает. — Грязная работа, но ничего, можно помыться потом. Однако без нее у тебя и прочих лебядок был бы немного другой вариант. Сейчас бы ты не нежилась индийскими благовониями и утренней музыкой «Шив-Бхайрав», а стояла бы с пачкой заказ-нарядов где-нибудь в дубильном цеху кожевенно-костяного завода. И атмосфера вокруг тебя была бы насыщена матом-перематом и вонью-перевонью. А твоя шкурка намазана не лосьонами, а жирной копотью. И во внутреннем мире не продохнуть было б от пыли. Сейчас между твоими перышками и вихрями-ветрами тысяча оболочек. Ты не знаешь, как бывает холодно, как сводит брюхо от голода, как вместо кислорода в тебя влезает всякая дрянь. Живешь себе, что червячок в яблоке, и еще чего-то бормочешь. Ты выковыриваешь изюм из булки, чтоб стало не так сладко во рту, а там, за бортом, был бы песок на зубах.

— Ты тоже выковыриваешь, побольше моего, — напомнила Мелания, — и тоже не знаешь, как там, за бортом.

— Что самое интересное, не хочу знать. Батьки, деды и вглубь все предки этого нахлебались сполна. Хватит, теперь я буду драться за свое неведение.

— Действуй. Вышибай из врагов вредные мыследействия вместе с мозгами. Об отдыхе тоже не забывай, побольше расслабляйся, медитируй, глядя на собственный пуп, стой почаще на голове, это упражнение гарантирует безвредность твоего ума для государства и полезность для родной ССС. А я тут ни при чем, разные у нас с тобой жанры.

Не могут же, например, оперный певец и балерина в одном представлении выламываться. Он глоткой берет, она — ногами.

Мелания подхватила, видимо, давно собранную сумку и, свистнув робиков, двинулась на выход из инспекторского дома. Тут в Феодосии Павловиче и взыграло некстати профессиональное.

— Балета не будет! — объявил он. — От нас так просто не уходят в другой жанр.

Он перемахнул через стол, догнал в два счета и защелкнул свои пальцы на ее тоненьком запястье.

— Я в тебя столько вбухал, что тебе впору золотой сделаться и стоять на серванте. Все не так просто, как кажется после завтрака, — повторил он несколько раз, раздувая для жуткости звук «р» в слове «просто». Он был на коне. Совершенство проявленной власти порадовало его. «Ой, недаром мой знак — Лев», — шепнул он себе.

Мелания прикрыла глаза и всхлипнула от дурноты. Ей показалось, что она влипла в агрессивного колобка, активное тесто, наползающее на нее и застывающее. Но браслет постарался для нее. От него распространилась синяя дымка, и тесто стало рассыпаться. Дымка добралась до робиков, свернулась рукавами и вошла в них, отчего те заискрились, засияли шерсткой. Мелания еще послала им образ разрываемого в клочья, терзаемого колобка.

Тут когти Кота, пройдя сквозь ткань штанов, уцепились за кожу Феодосия, слегка поддели ее и оттянули. Хорошо выстоявшаяся, по краям уже загустевшая до корочек нелюбовь выплеснулась из инспектора чем-то вроде девятого вала. Из всех накопленных сил с криком «Умри, негодяй» он поразил каблуком Кота. Вернее, то место, где только что был Кот. Каблук сломался об пол и улетел, инспектор получил растяжение в паху, а робик свернулся в белый клубочек. Клубочек принялся кататься вокруг инспектора, постепенно сужая свои хищные круги. Петух вспрыгнул на люстру и стал грозно раскачиваться на ней. Инспектор вдруг ощутил свой черепной шов и подумал, какой тот некрепкий. Инспектор вдруг стал мокрым и слабым, как новорожденный. Мелания, соответственно, тут же выдернула руку и отбежала к стене. Страх набухал, вспучивал каждую клеточку офицера. У этого страха были свои дрожжи — ощущение, что первородное зло, бывшие колдуны, нынешние диверсы плюют с высокого потолка на его звание, заслуги, благодарности начальства, уважение соседей, мощь ССС и завладевают его робиками, его добычей — дядей Витей, его женой, всем его достоянием. Инспектор сделал по-

следнее усилие, соединив жар души, воспоминание о «Кодексе чести офицера ССС», напор долга, четкость профессионала, гнев мужа. Вместе все эти солидные факторы дали слишком много энергии. Инспектор не сумел отрегулировать ее выхлоп, который иной человек назвал бы истерикой, а древний викинг уважительно — берсерком. Инспектор кинул в противников аквариум, и запрыгали рыбки по стенам. А также телевизор, тот показал страшное рыло. Потом полетели кофейник, картина. Инспектор бил врагов этажеркой, гобеленом, тумбочкой в стиле ампир, статуэткой небесной танцовщицы апсары — она пробила ногой диван. Наконец, бюстом великого человека (бронзовым). Волна буйства не отпускала Феодосия, волна несла его по комнате, как утлый ялик. Подвернулась под руку указка, и он давай рубить ей, как казачий есаул, попался горшок с фикусом, и он стал крушить им, как Илья Муромец, только-только слезший с печки. От такого рода работы комната покрылась слоем обломков, осколков и просто руинами. А Кот с Петухом разве что уворачивались, пританцовывали и будто чего-то выжидали.

Люди в белых халатах появились неожиданно, они махали полами халатов и были похожи на стаю чаек.

В воронку инспекторской головы влился слабый ручеек мыслей о том, что он обмишурился. Но от этого шторм стал совсем жутким. Феодосий как бы понимал, что терять уже нечего, можно буянить всласть. Он кинулся, чтобы покарать предательницу жену вазой по голове, но тут был перехвачен и пресечен в корне. Он пытался провести прием айкидо, и не один, но все оборачивалось против него — и удар, и захват. Восточная борьба на квадратных санитаров не действовала. Стиснутое в смирительной рубашке бурление перешло в дрожание, а потом и вовсе в инфракрасное излучение, когда из шприца явился заряд ласковости и терпения. Но эти фазы проходили уже в мягких внутренностях машины скорой помощи. Инспектор сам облегченно вздохнул, когда после борений стало тепло и покойно. «Ну, будя, будя, отвоевался», — незлобливым голосом сказал санитар. Но инспектор уже задремал, прислонившись к его уютному, размером с первый спутник, колену. Феодосий Павлович не мог, да, наверное, и не хотел бы узнать, что жена Мелания тем временем вышла из дома, не заперев, даже не захлопнув двери. На ней был комбинезон и непродуваемая куртка, за спиной маломерная сумка, в руках по канистре с газотурбинным топливом. Она выкатила из гаража свой роллер, закрепила канистры, на заднее сидение запрыгнули преданные робики, засопел мотор мощным носом, и вся компания исчезла в смутном воздухе.

Блок 9

Мелания вскоре почувствовала, что великое ползание на одном месте кончилось. Она уже не червячок в яблочке. Она — пыль, которую ветер несет куда попало. Куда ни принесет, везде хорошо, везде пыль останется пылью. Целый день Мелания вилась поземкой по городу, а вечером вырулила к аэрокосмическому вокзалу. Там удалось и чайком побаловаться, и покемарить в креслах зала ожидания. Такая остановка еще более убедила ее в том, что она теперь — пыль, которая звучит вполне гордо. Вместо зеленоватых сумерек спальни — серый свет, прущий в глаза, вместо убаюкивающего бренчания цитары — гогот, иканье, всякая белиберда. Кто-то пытается вместо короны водрузить свою задницу на твою голову, кто-то трясет рядом с твоим носом грязный мешок. Потом звуки, цвета и запахи смешались в какую-то тучу, которая воспарила к куполу и зависла там. Наступило молчание.

Утром, только она стала топтаться возле своего роллера, как наступила в лужицу крови. И вроде робики неотлучно были при ней, в сумке. Только сейчас ей захотелось испугаться, как корове, которую бестолковые животноводы вместо хлева запустили в змеюшник. Но это тоже не получилось. Браслет, хоть и маленький, но прикрыл ее, как плащ-палатка. Враждебное пространство в почтении остановилось перед ним.

— Але, киса, здравствуй, не узнаешь? — перед ней стоял какой-то тип, неприятно одетый в черное кожаное пальто, с неприятным выражением на неприятном лице, с неприятными глазками модели «букашка», от которых начинается зуд и псориаз на коже. — Расскажи-ка о своих друзьях, сладкая моя.

— Начинать с Пушкина и Лермонтова?

— Начни с тех, кто дырявит здесь шкуры, кто рвет пасти. Кто так за тебя заступается?

Мелании сразу захотелось взобраться на роллер и навсегда размазать типа по асфальту. Он слишком вклинивался на ее территорию.

— А ты подумай. Если у тебя это не получается, не мучайся, посоветуйся с товарищами, пошли письмо в детскую передачу...

— Со мной так нельзя разговаривать! — гаркнул обиженный тип. — Не шали словами. Я здесь король бубен, идеал во плоти, любимое тело и районный тотем.

— Вот теперь я вижу, что ты умеешь выражаться осмысленно. Задашь четкий вопрос и получишь такой же ответ. Представь, что я учительница.

— Учительница, — влажно улыбнулся тип. — Будь мне учительницей. Меня Кожаный зовут. Мы вместе в укромном уголке выучим что-нибудь по-настоящему хорошее. Только ты руками показывай, я не очень понятливый.

— Чтобы прилично учиться, таким, как ты, надо больше усидчивости иметь, в смысле, больше сидеть.

— Ладно, свети тут пока, — благосклонно разрешил парень по имени Кожаный и, пружиня пятками, пошел к парадному пассажирскому входу. Какая-то досада у него осталась, поэтому по дороге он не удержался и пнул первого встречного мужика непритязательной наружности. Мужик отлетел и уселся на урну, хабарик бессильно повис на его губе. Обиженный оторопело глядел вслед обидчику, не в силах угадать причину такой немилости. Не решив проблему, он повалился на бок вместе с урной. Еще неуклюже поворочался на земле, а когда поднялся, то был уже обклеен бумажками из-под мороженого, напоминая экспонат с выставки современного искусства. Мужик подошел к Мелании, которая старалась не смотреть на его печальный вид.

— Слышь, щечки-персики, у тебя зеркальце есть? Как там я, ничего? — стал выяснять он.

— Сходи в ателье, где морды меняют, — встрял случайный прохожий.

— Не беспокойтесь, гражданин, вы по-своему красивый, — утешила обиженного Мелания.

— Я к тому же вежливый, добрый и чистый человек, — занялся рекламой тот.

— Ну, последнее определение мне кажется довольно смелым.

— Чтоб тебя дверью трахнуло, урод, — заорал мужик вслед изящно пружинящему Кожаному, — не даешь дамам нравиться.

И надо же, настигла крепкая мужиковская неприязнь аэропортовского молодца. Когда тот входил в парадные самодвижущиеся двери, они наполовину приоткрылись, а потом резко сомкнули створки. Толстое стекло зазвенело от жесткого контакта с головой. Кожаный опрокинулся, улетел назад, лег на спину в просторную лужу-океан.

— Да я вас всех соплей перешибу! — невпопад зарычал принимающий водную процедуру парень.

— Греби ушами, а не то захлебнешься, — удовлетворившись, мужик побрел куда-то.

Мелания напряженно посмотрела ему вслед, пытаясь расшифровать подтекст, но ничего у нее не вышло. Она растерянно поразглядывала окрестности и заметила, что

еще один человек пытается во что-то вникнуть. Тот явно хотел разобраться в мужике и был похож на типов, которых «обезвреживают» в фильмах про удачные операции органов.

На лице агента Фалько сегодня были усы, щеки разошлись в стороны, а угрюмая распластанная кепка скрыла шевелюру. Агент «знакомился» со своим подопечным. Вид дяди Вити даже несколько оскорбил его профессиональную гордость, но он небольшой медитацией покорил эмоции и заставил себя работать. Освальд определил, в каком направлении будет двигаться объект, и пошел в центр главного зала, откуда было удобно наблюдать события на всех ярусах. Вот дядя Витя на третьем ярусе, подобрался к ограждению, воровато, но метко — на шляпу — плюнул вниз, затем направился к буфету.

Начинался день. Освальд Фалько догадывался, что грузахи могут в любой момент созреть для перехвата. Аэровокзал как раз то место, где оболочка ССС засечет вислоусую внешность дяди Вити, особо не утруждаясь.

Освальд правильно догадывался. Из ворот регионального управления ССС выехал микроавтобус с надписью «ремонт сантехники» на борту. Внутри его сидело шестеро «сантехников», все плотного телосложения с внушительными челюстями и тяжелыми кулаками. Могло показаться даже, что шесть круглых голов посажены на одно крепкое туловище. Одеты ребята были спортивно, неброско, как и полагается грузахам.

Освальд Фалько с утра обдумывал некоторые пункты своей диссертации, ведь в «миру» он был аспирантом. Сегодня утром обошлось без «провала». Это явление было знакомо многим аспирантам и другим бойцам умственного фронта. При приближении к интересной мысли — ты еще не знаешь, какая она точно, но уже ощущаешь ее объемистость — вдруг теряешь путь-дорожку и обретаешь тупость.

Таблетки, вздрючивающие обмен веществ и работу синапсов, помогали изредка, а еще чаще вредили. Аспиранты, которые обследовали свои мозги у доктора, рассказывали, что приборы никакой патологии не засекали, разве что некоторое выравнивание дельта-ритма. Но Освальду, тем не менее, несколько раз казалось, что проскакивает, как молния, черная клякса и высушивает ему голову, словно тыкву. А в итоге наступает такая скука, что подключаешься, как миленький, к кибероболочке. Она начинает сгребать своей граблей факты и выдувать тезисы. А ты с умным видом хмыкаешь или бесхитростно зеваешь, глядя в окно.

«Принцип обязательной утилизации полученной из

внешней среды информации является ведущим. В условиях состязательного доступа к сетевым классификаторам большое число связей устанавливается случайным образом. Как показало масштабное обследование фирмы «Уоллэк-н-Ливайн» — до 90%. Однако, в рамках этих процессов создаются временные структуры, которые включают всю обработку данных, от приема исходных до выдачи решающих. Много случайных связей у кибероболочек — это не свободная любовь, а проблески разума...»

Сейчас продолжить бы работу головы, потому что забрезжило, но уже вместо черной молнии — дядя Витя, надоевший сразу. Подопечный покинул с сожалением на лице буфет и спустился на второй ярус для посещения туалета. Выбрался он оттуда с мокрой головой и расчесанными усами. Кажется, помыслы дяди Вити опять были устремлены к буфету. Когда он подходил к лестнице, у дверей туалета появилась некая личность, которая не торопилась вовнутрь, а наоборот, хотела непринужденно задержаться на месте. Освальд прибавил зоркости своим видеоочкам. Действительно, у некой личности имелось прекрасное нервное лицо ищейки, которое было до носа прикрыто воротником. Агент Фалько включил радиослежение, но вначале, кроме болтовни диспетчеров и техников, ничего не услышал. Однако потом были перехвачены дикие слова: «Вечеринка в среду». Среда — третий день недели, никак догадались групзахи, что любитель буфетов торопится на третий ярус.

Освальд вскочил в лифт, который ползал внутри одной из колонн, и мигом вспорхнул на третий ярус. Только открылись двери шахты, а он уже увидел недремлющим оком, как в буфет входят двое ладных молодцов, оставляя снаружи еще одного. Агент Фалько вывел на стекла очков развернутые данные от пеленгатора. Так и есть, дядя Витя внутри общепитовской точки, и значит, сейчас ему сделают «хлеб-соль»: кулаком по почкам и пальцем под ухо, после чего он окажется смирным и послушным. Освальд прикрылся широкой спиной женщины, марширующей с двумя чемоданами, и с еще неясным планом действий стал приближаться к буфету. Когда он преодолел полдороги с таким маскхалатом, послышался плотный хлопок, его дополнил хор из разных бестолковых звуков, заиграло вдобавок десятка два симфоний. Надо было резко прибавить скорость. Агент Фалько шепнул пирамидальной женщине в круглое ушко:

— Внимание, внимание. Вы поступаете в распоряжение чрезвычайного командования аэропорта.

Женщина преданно ответила:

— Шо трэба?

— Бежать.

И женщина понеслась, как паровоз, пыхтя и пуская пар из ноздрей. Агент Фалько, как искусный наездник, притормозил ее за косынку около входа в буфет и нанес из-за надежного щита, то есть ее спины, удар грузаху. Кулаком под дых и ребром ладони по шее. Из буфета выскочил, как ошпаренный, другой грузах. Вернее, он и был ошпаренный, вся физиономия в густой кофейной пене. Он увидел, что его товарищ сильно согнулся не по своей нужде, а рядом, торжествуя, стоит огромная женщина — террористка или пособница врага. Упреждая нокаут, он взвизгнул и нанес даме сокрушительный удар верхней частью кулака в селезенку, так называемый уракен-хиво-учи — предназначенный, чтоб свалить с копыт и носорога средних размеров. Но тот удар был поглощен сумкой с гвоздями, которая висела у мадам на шее, ничуть ту шею не выгибая — как говорится, своя ноша не тянет. Дама даже не качнулась на своих каблуках, более того, импульсивно и неловко, но быстро сунула в физиономию грузаха свой старомодный чемодан с обитыми железом уголками. Белая от пены голова стала яркой от крови, и оскорбитель дамы рухнул, как срезанная былинка.

— Объявляю вам благодарность от имени командования. Можете следовать по назначению, — признательным голосом сказал Фалько.

— Служу трудовому народу, — отвечала польщенная женщина, — рада стараться.

Агент Фалько осторожно выглянул из-за косяка двери. Мимо внедренной в буфет головы пролетела яичница и прилепилась к стене. И вообще, в помещении была обстановка, напоминающая ту, в которой сотворялась Земля. Столбы пара, гейзеры кипятка, струи расплавленного жира и мощная музыка искрящегося танцевального автомата. Особенно поражала взгляд стойка. Кофеварки, тостеры, шашлычницы сообща создавали местный ад. Робофицианты носились по помещению, бросая блюда, как гранаты, в том числе и тарелки с супом, крутя ножами и коля вилками все теплое. Киберы опрокидывали столы, расшвыривали стулья, вбивали друг друга в стены и хотели порезать что-то мясное. Может, это была джигитовка, не исключено, что матч по хоккею. Восхищенные до икоты зрители разлетелись кто куда, как голуби. На шкафах, холодильниках, даже шторах, сидели и висели гроздьями, особенно прыткие вскарабкались на карниз. Буфетчица, отчаянная белобрысая девка, пыталась в одиночку биться шваброй с хоть ма-

лой, но охреневшей кибероболочкой буфета. Однако после каждой контратаки аппаратов с воем улепетывала в подсобку. В одной из больших жирных луж раскинулось безвольное тело грузчаха. А посреди всей жути и буйства красок на перевернутом столе тихо и отрешенно, свесив печальные, как плакучая ива, усы, сидел по-турецки дядя Витя.

Наконец, он поднялся, пробормотав что-то вроде «извините, ошибочка вышла», и просочился сквозь беснующуюся толпу машин, как призрак, который некогда бродил по Европе.

— Шо с этим сделать, — спросила с готовностью дама, — может, придушить гада?

— А вам надо следовать прежним курсом, гражданка. Командование вам пришлет ценный подарок. — Агент Фалько слегка тронул особу коленкой под зад, и она величаво удалилась.

Дядя Витя выбрался из буфета, увидел агента в окружении валяющихся тел и растерялся.

— Ты чего, мужик, закурить, что ли, хочешь? — спросил он от неловкости.

— Пошли, выведу наружу, а то прихват досрочный обеспечен, — хриплым измененным голосом припугнул Освальд Фалько.

— Не, шутишь. Я с тобой никуда не пойду. Я тебя не знаю. А вдруг ты оборотень. Сейчас человеком притворился, а завтра глядишь, уже камень, который людей харчит.

Но агент Фалько ухватил селянина за шиворот и потащил за собой.

— Можешь на меня положиться, уважаю, когда маленькие бьют больших, — увещевал Освальд упирающегося дядю Витю. Там, в буфете, уже галдела толпа, и бежал спасать гибнущий порядок милиционер. Агент Фалько втолкнул дядю Витю на служебную лестницу, они спустились на минус первый этаж, вломились в дверь с неприветливой надписью в адрес посторонних. Там их поджидал еще один милиционер, наводя штатное оружие.

— Служба Санации, грузчах, — зарычал Освальд и взмахнул красной книжицей. — Человека в сером не видали?

— Чего, чего? — милиционер выудил из уха рацию, — не разобрал. Вы кого-то ищете?

Освальд напористо повторил вопрос.

— Никак нет, — отчитался страж закона.

— Он смертельно опасен, даже больше того, — дал характеристику агент Фалько, обогнул вместе с притихшим дядей Витей милиционера, после чего они припустили по

узкому коридору. А работник МВД остался на месте. С того самого места немного погодя послышались крики «Нет, нет!» и выстрелы. Действительно, один из грузахов был в серой куртке, вспомнилось агенту Фалько. Подземелье было хитрым, запутанным, заблудиться и истлеть, как индейцу Джо, ничего не стоило. Но на свою беду попался лихим людям мирный труженик аэропорта. Он шел и напевал песенку про то, что «летят самолеты — сидят в них пилоты». И тут две страшные в мертвенном свете тени бросились к нему, протягивая руки со скрюченными пальцами. Сердце заскакало в груди, труженик понял, что по горизонтали от погибели не уйти, и попробовал вспорхнуть по винтовой лесенке. Но он с непривычки чересчур испугался и поэтому всякий раз соскальзывал вниз к ногам татей. Наконец Освальд поднял труженика за шиворот.

— Ладно, взлетишь в следующий раз. Пошли погуляем под ручку, заодно покажешь дядям, где тут выход.

— Эй, мужик, не боись, сегодня не ударим. Тебе еще повезло, что к нам попал, — утешил пленного дядя Витя. — Только веди себя примерно, не расстраивай нас.

Труженик решил никого не расстраивать. Через пять минут непрерывных блужданий, в которых запутался даже Освальд, анти-Сусанин вышел к крохотному окошку, явно предназначенному для кошаче-крысиного контингента.

— Стой здесь, задница, — дружелюбно предупредил Освальд и хотел было оглушить труженика. Но дядя Витя подошел к замершему человеку с тыла и возложил на его голову коробку спичек.

— А это мина, милок. Если полчаса станешь тихо мечтать о светлой будущности — тогда полный ажур. Если рыпнешься, то уже не будешь такой умный, — наплел дядя Витя.

Труженик поверил, что может прилипнуть мозгами к потолку, поэтому стал древнеегипетской статуей. Агент и дядя Витя выползли через щель в районе приаэрокосмической свалки.

— Дальше по-пластунски? — осведомился дядя Витя.

— Что-то вы разрезвились, — заметил Освальд. — Продолжайте без меня. Идите в сторону кладбища. Вон видите, труба крематория дымит? Это ваш ориентир. А там по главной аллее до автобусной остановки. Ехать вам лучше, как мне кажется, до парка народных увеселений. Надо добраться до Бормоталовки, это такой холмик, где раньше всякие крикуны горло драли. В том месте стоят заброшенные вагончики строителей. Располагайтесь как дома и особенно не высовывайтесь. Вот вам небольшой заем. Живите скромно, по средствам, приемов не устраивайте.

— Слушаюсь и повинуюсь, — ответственно сказал дядя Витя. — Вот вы мне так помогли. Даже не знаю почему. Поэтому я вам должен всю правду сказать... — и, не дожидаясь согласия слушать «правду», добавил: — Хотите, смейтесь надо мной, но я Горыныч Змей или что-то вроде этого.

— Очень приятно, Серый Волк. Коллеги, значит, — подыграл Освальд. Совсем плохой дядька, подумал он. Голова у него худая. — Только вы никому не рассказывайте, какой вы герой, пусть это будет наша маленькая тайна.

— Ладно, уговорили. Никому про то сказывать не буду. Но боюсь, люди сами познают. Это не такой уж незаметный героизм. Я там в буфете вдруг почувствовал целым своим организмом — захочу, и самолет, как муху, проглочу. Только не хочу пока что самолет, мне бы пару сарделек. Я ведь ничего специально не портил в буфете. Но когда эти тараканы с сачками возникли — меня они ловить собрались — я сразу раскрутился и распространился. Если большой, много силы взять можно. Я не зевал, одел-обул себя в разную силу. В том большом мире тоже не сладко пришлось. Кляксы-молнии меня атаковали, высушить хотели, и глыбы накатывались, чтоб расплющить. Но дыхнул огнями, и усеялось поле дохлыми костями. Дворец Кощея от злости накренился и пузырями аж покрылся. Есть от чего злиться. Окаменелое его царство я на четверть прошел и на полморды ближе к серебряному небу стал.

— Ага, понял. Обычное дело, — покачал головой агент и достал из кармана таблетки. — Вот попробуйте средство. Оно кощеевы рати рассеивает. А еще лучше — стараться о них не думать. Они сами по себе, вы сами. Нуль контактов. А когда у вас в голове всякая чертовщина вертится, она как бы жизненной силой наливается.

— Да я не думаю, — обиделся дядя Витя, — мне это не очень свойственно. А ваш совет таков. Подставься под кулак и считай, что незабудки на рыле сами собой расцвели.

Дядя Витя сердито сплюнул и, спотыкаясь, пошел на дымок крематория.

Блок 10

Совсем другая жизнь окружила Меланию со всех сторон. А прежняя жизнь растаяла, как пломбир на солнце, не оставив ничего, кроме нескольких потеков. Ночь в зале ожидания аэрокосмопорта, утром в кино — потешить глаз лабудой.

Голова старого ученого, висящая на проводках в шкафу, дает веские советы юной изобретательнице, что ходит в мини на пол-ягодицы. Склепанный изобретательницей робот смертельно ее ревнует к молодому космопланщику, явившемуся с Юпитера (брехня, наши туда боятся летать). Робот подкарауливает его где-то около ракеты, связывает и волокет, чтобы положить под дюзы. Изобретательница откуда-то пронюхивает про это, является к ракете, отвлекает робота разговором о любви. А в то время космопланщик распутывает узлы и толкает наивного робота под реактивную струю. Конец фильма, на заднем плане пятно: все, что осталось от робота. На переднем целующиеся взасос космопланщик и изобретательница. Она изобретает новые и новые поцелуи, ее губы движутся к... и т.д.

А днем приятно поблуждать в зоологическом музее среди обглоданных временем значительных костей праотцов. Под вечер сгонять на Дальние Пруды, смыть прилипшую к коже городскую сутолоку. Вечером на танцы для тех, кому за это и за то. Растрясти мусор в каком-нибудь веселом старичке из бывших ответработников, а потом застращать его до рвоты выходками своих пластиковых дружков. Робики, как правило, начинают познавать танцора, к чему тот, естественно, не готов. Потом можно поноситься среди ночных огней, которые, кажется, дырявят тебя, вынося наружу запечатлевшуюся за годы скуку. Заполночь вернуться в аэропорт, просквозить мимо сладко зевающего Кожаного и его товарищей по банде.

Раньше она была бесполезной для себя и вроде бы очень нужной оболочкам. Теперь она не нужна никому. Хотя добилась этого не совсем в одиночку. На ней плащ-невидимка, делающий ее бесплотной, в нем гнездятся два ее пажа, два змееныша. Но они родом из браслета, в нем начинается и заканчивается ее бесплотность.

В один прекрасный вечер ей не пришлось представлять своих друзей кавалеру, тот сломал одну ногу и вывихнул другую во время исполнения рок-н-ролла. Немало раздосадованная отсутствием кульминации и развязки, она вяло проезжала тихой улочкой в старом городе. Вдруг под шлем проникли похожие на заявки повизгивания. Что-то приклеилось к ней и потянуло легко, но настойчиво. Мелания развернулась и въехала под арку в проходной двор.

Компания юношей, видимо уставших от чинной жизни в оболочках, расцвечивала свой быт специфическим образом. Они окружили особу с пышной голубоватой шевелюрой и полноценно развлекались за ее счет. Кто свинчивал

кольца с ее рук, сдергивал ожерелье с шеи, кто задирал ей юбку и шуровал руками, кто поправлял ей прическу с помощью садовых ножниц, кто пытался развеселить особу, делая забавные рожицы высунутым до подбородка языком. Дама уже не пыталась визжать, а только, зажмурившись, слегка скулила. БИ с нее давно сняли, и сейчас она была без оболочек, что устрица, которую выскоблили из раковинки. Мелания, может, и объехала бы стороной неприглядную сцену, где даму явно наказывали за ее беспечность, но тут нарисовалась мораль. Должен же кто-то заступиться и за саму Меланию, когда ее вытряхнут из последнего кокона. Поэтому она решила задержаться. Парни заметили рокера, но не придали значения, в такую пору пытать счастья на улице может только лихач, свой стервяк. Мелания выписала несколько плотных кругов, а потом срезала вираж, и один из развлекающихся был сшиблен с каблуков. Но шутками-прибаутками встретили страдания потерпевшего остальные. На следующем заходе Мелания ухватила особенно веселящегося шпаненка за воротник, протащила немного и отпустила. Тот закувыркался и в конце концов ушибся о стену дома. Тут уже ребятам пришлось разбираться, петрить, что к чему. «Это не Коль, у того шлем со звездой, и не Толяма, тот в черном с перьями. Это не геноссе, а какой-то еврей. Дави его, клопа». Но между словом и делом было расстояние. Узлы роллера слушались Меланию, что свои пальцы. Она давно нашла с ним общий язык. Ребята получили все, кто сапожком по коленной чашечке, кто кулачком по зубам, кто колесом, кто бортом, кто ветровым стеклом. Поврежденные члены страдали, не мстить уже хотелось, а ныть, ныть.

Члены шайки стали расходиться, кто согнувшись, кто вприпрыжку на оставшейся здоровой ноге. Они слезливо обещали смешать обидчика с дерьмом, но им было трудно поверить. Последним ушел, держась за разболевшийся затылок, хулиган, ушибленный стеной. Дама с голубой головой, ныне похожей на плохо остриженный куст, услышала воцарившуюся тишину и открыла глаза. Однако увидела темную фигуру на роллере и решила бояться дальше. Фигура сняла шлем, открыв тонкое и благообразное лицо, явно принадлежащее приличной женщине. Дама наконец задышала. А потом оценила невроз, развившийся у нее от пережитого, и предложила Мелании пожить у нее с недельку. Так Мелания стала охранницей старых зажиточных дам. Через десять дней она перешла к подружке первой дамы. Той мерещилось, что кто-то ковыряется у нее в дверях

и скребется в окно. У второй дамы имущества хватало, поэтому ей вполне могло не мерещиться, а слышаться и видеться наяву. Ее покойник-муж был первостатейным киберологом из каких-то секретных кухонь, где готовили серьезные оболочки для борьбы с врагами. Оставшиеся в наследство киберы лежали или ворочались под кроватью, ползали по стенам, срывались с потолка на голову, все старались угодить — открыть кран, накормить супом, потереть мочалкой спинку. Их задача была — сделать жизнь приличного человека приятной. Поэтому их не интересовали моментные прихоти. Они были замкнуты на оболочку, которая следила за жизненным порядком вообще и распорядком дня в частности. Если среди бела дня Мелания вдруг собиралась чистить зубы, они насильно кормили ее супом. А как начинала драить пол в своей комнате, тут же кидались на нее скопом и пытались полоскать ей голову в том же ведре. Робики для них были какие-то ничтожества и дикари. Кот и Петух отвечали на это неуважение кознями. Закоротят им электрическую цепь мимоходом или якобы случайно перевернут вверх колесиками. Квартирная оболочка накопила компромат на робиков и приговорила их к смертной казни через голодание. Киберы накапливались у розеток и не подпускали Кота и Петуха подзаряжаться. Те проводили диверсионные акты. Только кибер «зевнет», сразу выдернут из него аккумулятор. Дама все замечала, но лишь однажды, заерзав, прицепилась к Мелании.

— У вас, я вижу, БИ нелицензионный, похоже, даже с расширенным спектром и двусторонний. Зачем он вам, милочка? Ваши малыши могут просто обалдеть от него.

— Обалдевает тот, кто пытается соображать. Это стоит приветствовать, — не стала вдаваться в беседу Мелания.

Пришла ночь номер три, и вместе с ней событие необыкновенного свойства. Входная дверь вылетела и доказала, что дама была права в своих предчувствиях. В прихожей тяжело затопали. С лицом цвета свежей штукатурки в комнату Мелании вбежала дама и бойко зашептала: «Как я ошибалась! Ну что, что вы можете сделать?» Мелания неожиданно обрадовалась. Будто сидит она в засаде, а по тропе, ломая сучья, прется крупный зверь навстречу своей пуле. «Залезьте под кровать или схоронитесь в шкафу. Рекомендую также шавасану, позу трупа, это помогает», — предложила Мелания, потом сжала в руке мельхиоровую копию Венеры Милосской и направилась в коридор. Следом за ней, аккуратно кладя лапки, двинулся Кот. Там было трое, в масках-страшилках, которыми пугают детей в парке народных увеселений. Все трое

светили фонариками и пробирались в глубь квартиры, елозя спиной по стене. Мелания включила лампы.

— Ну-ка, пошли вон отсюда! — сказала она грозным голосом зажмурившимся взломщикам, — прямо проходной двор какой-то.

— Вот это подарочек, — сказал некто в личине свежего трупа, наконец разлепив глаза, — ой, цыпонька бройлерная. Ножки-то худенькие, бледненькие. Ты давай кашу ешь, сало.

— А она сексопельная, — добавил другой ночной гость в жуткой маске образцового разбойника, — особенно с этой бабелью в руке.

— Не сексопельная, а сексапильная, и не бабель, а богиня, — поправил товарища «свежий труп» и вновь обратился к Мелании. — Давай-ка, погладь меня по мумии. Я от ласки добрее буду.

— У тебя других здесь дел нет, облезлый? — решила уточнить Мелания.

Третий нежданный посетитель, по виду скелет в пиджаке, захихикал, но отнюдь не загробно.

— Лучше не его гладь. Он у нас только сырое мясо ест, и взгляд на твои прелести у него узкий, чисто кулинарный, — и переключил разговор на другой лад: — Как же тебя, куколка, к такой дрянной старушонке-то притянуло? Или родственница? Тогда сочувствую, не повезло... Ладно, пора со старой поганкой разбираться. Вот эта красавица как раз для меня, сука буду, не забуду.

— Иди сюда, ведьма, а то хуже сделаю, — захрипел «разбойник», но закашлялся, и обличие немного свалилось с него. Мелания сразу опознала того самого мужика, что пострадал в аэропорту от Кожаного. Значит, решил сильным, смелым, ловким стать, одним словом, разбойником.

Послушно, как завороженный удавом мышонок, явилась дама и смирно встала перед «скелетом».

— Ейный мужик извратил кибероболочки, чтоб его в гробу вспучило. Это он так устроил, чтобы оболочки могли людей заглатывать. Из-за него самые зверские паразиты в вычислительной среде на первых ролях оказались и начали нашей жизнью питаться. Либо сразу плыви у них в кишках, как говно распоследнее, либо тебя еще пожуют.

— Ну что ты заладил, «он... него», — сказала спокойно Мелания. — Когда все начиналось, в носу, небось, ковырял? Хотя повод для дискуссии, конечно, есть. Заходите завтра на чашку чая, обсудим обстоятельно, взвесим аргументы всех сторон.

— Я ее прихлопну без аргументов — мокренько будет — за то, что была женой у такого мужа, — заявил «разбойник».

— Эй, вурдалак, а тебе чего надо, кроме нежареного бифштекса? — осведомилась Мелания у «трупа».

— А я хочу истукан сломать. Она тебе не показывала, чай. Ее муженек-паскуда в виде кибермэна, такой красавец писанный. То есть здесь только центральный узел, а сам он с помощью всяких технических хитростей и прочей бесовщины в оболочках запечатлелся и, верно, до сих пор подлостями руководит. Истукан у нее на кровати отдыхает, румянцем зеленым играет.

— Да ну, почем ты знаешь? — чистосердечно не поверила Мелания, а дама нервно задышала.

— Один вампир его заложил. Мы его упрекали, а он заорал, дескать, есть злодеи похлеще меня. Приметы «мужа»: голова человеческая, лицо синее, глаза красные, тело звериное, когти торчат, даже член у него имеется. Все самое в себе существенное Евсей Евстахьевич Бельков в этого сфинкса закачал, такова причуда гения... Правду я говорю, старуха?

Свежий «труп» положил неприятную руку на голову вдовы и не очень сильно нажал — дама присела, отпустил — дама привстала. Ему это понравилось, и он стал играть дамой, как мячиком. Его товарищи смотрели завороженно, как на ритуал.

— Ну, все, хватит баловаться. Хорошего полагается в меру, а то приедаться начнет. Слыхал про такое? — Мелания отшвырнула играющую руку «трупа».

— Спрячьте эту умницу от меня куда-нибудь подальше, пока я не захотел свеженького мясца, — приказал тот.

«Скелет», как и полагается, оскалился знаменитой широкой улыбкой и, обхватив Меланию вокруг талии, совсем неприятно впился костяными пальцами в бок. Мелания почувствовала запах крови и железа. «Взять», — беззвучно приказала она, и это было, как сокол, прыгающий с руки, как волкодав, срывающийся с поводка, как стрела, уходящая с тетивы. Кот подпрыгнул, уселся «свежему трупу» на плечо и выпустил когти. «Покойник» неожиданно проявил большую впечатлительность, завертелся, замахал руками, наконец оторвал от себя робика и шмякнул об пол, желая немедленно раздавить его кованными ботфортами в стиле XVIII века. Но Кот оказался проворнее, вбежал по нацеленной на него ноге, чиркнул лапами по животу, добрался до плеча и перепрыгнул на «разбойника». Позади остались корчи и разрушения. «Разбойника» Кот потрепал слегка,

прокусив ему ухо. Петух шел в обратном направлении. Подолбил маковку «скелету» — тот сразу выронил Меланию — появившиеся на его черепе красные пятна выглядели весьма перспективно в плане воскресения мертвых. Потом принялся за физиономию «разбойника», тот изо всех сил зажмурился, спасая зрение. Кто-то скомандовал «отбой». Но планомерное отступление превратилось в беспорядочное бегство. Бандиты сгрудились, пробовали друг через друга перепрыгнуть, долго не могли из-за волнения открыть замок. А Петух и Кот резвились, бегали у них по шеям и спинам, терзали всласть, от души. Оживилась и старая дама, заметив, что ее сторона берет верх. Со злобным клекотом она принялась швырять в отступающую бригаду гангстеров тапки, шапки, вешалки, проявив недюжинный энтузиазм в довольно тщедушном теле. Ей помогали вдруг проснувшиеся киберы, которые стали прыскать средством от тараканов и бодаться. Наконец ночные гости спасли, что осталось, и растаяли в ночи. Дама, зайдясь, продолжала кидаться тапками, вся прихожая была в крови, как после вампирской вечеринки. Мелании стало вдруг противно, что из-за какой-то подозрительной старухи трое здоровых молодцов стали больными инвалидами. Но было и приятно — что робики не дали ее обидеть.

— Вам спать пора, — сказала Мелания, — а то удар от радости хватит.

— А все-таки БИ у вас очень далек от стандартов, я в этом убедилась. Мой муж предупреждает... — она запнулась, — предупреждал об опасности широкоспектрального управления системами, особенно малыми.

— Да неужели? Все-таки я командую своими робиками, а не наоборот. И вообще, вы бы к мужу за подмогой обратились, а не ко мне. Метнул бы, может, из своего далека какую-нибудь молнию, и все бы уладилось.

— Я вижу, вы ничего не боитесь, милочка моя, — дама с неодобрительным ворчанием удалилась.

Блок 11

Витя потрогал свои завернутые в марлю уши. Хорошо хоть у «скелета» Васьки йод нашелся. Все израненные мазались, а какой-то мужик дул на раны. Его на улице поймали, запугав своим жутким видом. Потом нырнули обратно в свой павильон ужасов, что в парке народных увеселений. Еще пару дней назад дядя Витя был жителем вагончика для строителей. Но в одно умеренно прекрасное

утро дядя Витя почувствовал себя птеродактилем. Из каждой щели в полу пробивался пар, словно внизу работал гейзер. А по токеру уныло объясняли, что идут испытания теплосети. Дядя Витя изнемогал, становясь постепенно тефтелькой. Потом открыл дверь вагончика, лег на пол головой наружу, чтоб уяснить способ парообразования. Способ оказался естественным, пар шел из-под земли, и вода уже проступала, побулькивая у колес. Дядя Витя стал любоваться, жуя для полноты кайфа осьмушку хлеба. Но кайф вскоре был сбит — к вагончику подскочила пожарная машина. Оттуда выпрыгнули люди, не очень похожие на медлительных пузатых пожарников.

— Только без глупостей, — почему-то попросили они и стали приближаться к вагончику на полусогнутых, с растопыренными руками. Вид у них был такой, будто они входят в клетку к тигру. Дядя Витя догадался — облава вследствие Кощеевых козней. Позднее «труп» Костя объяснял ему, что оболочка ССС — это сплошные глаза, уши и даже пасти. А сейчас дядя Витя метнулся в глубь вагончика, не без натуги стал из маленького большим, взмахнул крыльями, желая усвистать из столь гиблого места. Дальше произошло то, что он воспринял как должное, а подбирающиеся к нему люди — как неприятную неожиданность. Жилье дяди Вити сорвалось со своей вечной стоянки, теплая вода как раз вымыла башмаки из-под колес. Бормоталовка была на возвышенности, поэтому вагончик имел возможность разогнаться. Дядя Витя еще разглядел, что земля под пожарной машиной лопнула, и образовавшаяся лужа стала поглощать незадачливый автомобиль. Одни визитеры метались за стеклами кабины, умоляя о помощи, другие отважно прыгали в лужу, пытаясь спасти товарищей, но вскоре сами начинали бороться за жизнь. Кто-то смекалистый употребил последнее средство, развоpотил крышу гранатой и предлагал дымящимся коллегам выходить через верх. Нет, для такой херни нет места на поверхности Земли, согласился дядя Витя, по этому случаю даже теплосети не жалко. А потом вся сцена скрылась за углом, одним, другим, третьим. Вагончик, как следует разогнавшись, проехался по ряду, где торговали мороженым, пирожными и соками-водами. Оттого в карманах и на голове дяди Вити оказались пирожные, в носу застряло эскимо, а по пиджаку заструились соки-воды. Далее вагончик проследовал на трассу американских горок. Сзади его стала подталкивать тележка с веселящимися гражданами. Дядя Витя перескочил в тележку, отчего граждане сразу прекратили веселиться, а вагон-

чик на крутом вираже улетел с трассы куда-то в сторону эстрадного театра, где надрывалась певица. Певица оборвала романс, гаркнула матерно, ее поддержал небывалый по силе и красоте хор зрителей. Свободного сидения в тележке не хватало, поэтому дядя Витя пристегнулся ремнем к одному гражданину и вел себя все время как тормозной парашют. В конце траектории «парашют» сердечно поблагодарил любезного товарища, который, однако, не собирался выходить из глубокого обморока. Дяде Вите хотелось помчаться к выходу из парка, но он примечал, что на дорожках какое-то нездоровое мельтешение. Ясно, выходы перекрыты, а вокруг забор под напряжением, тоже не сунуться. Приобрести бы билет в павильон ужасов да переждать там осадное положение. Но с казной давно была проблема. Проблема решилась изящно, хорошо сохранившиеся в карманах пирожные были тут же раскуплены одним юным дебилом и каким-то заезжим папуасом. Дядя Витя предпочел путешествию в электрокаре пешую тропу и стал по возможности развлекаться. Вокруг прыгали, сновали, скакали разные непотребные страшилы. Всякое терпение закончилось, когда какой-то нахальный труп, вместо того чтоб лежать спокойно, выдрал у него из рук эскимо и давай удирать. Такого безобразия дядя Витя никому не спустил бы, даже мумии фараона. Запалил хранимую про запас газету и кинулся со своим факелом во мрак подземелья, покинув заповедную тропу посетителя. Некие ведьмы пытались бить дядю Витю по лицу, но он раскидал их в праведном гневе, как тряпки, а наглого царапающегося вурдалака угробил ногой и раздавил. Наконец настиг похитителя; последний рывок, и по затылку ему облезлому — блям и бум. «Житель могилы» опрокинулся, мерзкая рожа с него сползла, показав человеческую сущность, и он заорал снизу: «Ты чего дерешься, паскуда? Шуток не понимаешь?». «Ты этим не шути, не надо», — строго сказал дядя Витя, вынимая из руки поверженного свое эскимо, после чего познакомился и с «трупом» Костей, и с его дружком «скелетом» Васей. Это были два содержательные бомжа, не ужившиеся с кибернетизацией всей страны. Жизнь с оболочками для них была полна шухера. Увидев, что получилось с их дружками в исцелителе ССС, они дали деру в укромные места. Дядя Витя узнал, что в павильоне можно жить припеваючи, не тужить совсем. Прибарахлиться по последней моде страны мертвецов непроблемно. Саван и другое обмундирование с трупака сволок, и — носи на здоровье. И харчи стрельнуть можно. Многие посетители на жуть идут пялиться с моро-

женым, пирожным или вафлей в руке — чтобы не так страшно было. Выдергивай под видом оплаченного номера программы и тикай — кто потом станет ассортимент услуг проверять. И заварухи особенно опасаться не стоит. Техники, если и нагрянут, то гуртом в какой-нибудь один отсек, а не во все. По отдельности они себя неуютно чувствуют. Аппараты тут хитрые, скомплексированные малые оболочки, продукция первых лет работы Центра Киберологии.

Пожировал дядя Витя пару деньков, потом два новых дружка потащили его на дело. А случилось так. Кое-какие местные персонажи с приличными БИ-каналами, давно приручились и были теперь в приятелях у Кости и Васи. Общие заботы у них стали, общие мысли. С большими оболочками «свои» кибермэны не ладили и соглядатайские модули со стороны в свой ужасный край не пускали. Местные и раскрыли тайну «конструктора Белькова». Некогда жил в павильоне и честно мучил посетителей кибермэн Сфинкса. А потом пошел на повышение и после доводки оказался центральным узлом оболочки. Но кибермэн кибермэна видит издалека по специфическим кодам. Теперь все местные знали, на каком посту находится Сфинкс. Что он заменяет в жизни сей Евсея Евстахьевича Белькова. Получившаяся оболочка воплощает набор существенных идей, владевших маститым ученым. Ныне «вечно живой» конструктор вовсю содействует прогрессу и внушает Центру Киберологии и Службе Санации страсть к борьбе с малыми оболочками. А «скелет» Вася лично знал Белькова. С тех пор, как поработал у него испытателем и еле смылся. На память о коварном эксперименте выходил из Васиного тела в районе копчика оборванный провод. Но если Бельков весь не умер, значит, можно с ним поквитаться.

Перед походом один «карла бородатый» нанес визит к трем бойцам. Сказал, что его зовут «К2» и ему вся шпана системная доверяет. Посоветовал не ходить туда, куда собрались. Особенно он вливал дяде Вите, намекая, что за чудесное спасение в вагончике его благодарить надо. Это он поднял давление в изношенной теплосети. «Карла» убеждал, что оболочка Белькова, несмотря ни на какие диверсии, никуда уже не денется. Самое большое, потеряет личностные черты. Но зато такая выходка будет дорогим удовольствием для трех оборванцев. Однако оборванцев «карла» не испугал, а лишь раззадорил. «Да он лазутчик ССС», — пристально вгляделся дядя Витя. И уничтожил бородатенького, раскидав его члены по полу. Вот так бодро началась эта история и столь грустно закончилась.

Страдающие от ран луддиты новейшего времени пролезли в люк и вскоре оказались в родном павильоне родных ужасов. Полюбовались на своих страшил, поостыли, подуспокоились. Захотели кушать. Тут как раз с утра пораньше и открыли павильон для любителей здорового испуга. «Свежий труп» сохранил силенок побольше других, он сгонял на тропу и вернулся с тремя порциями мороженого, банкой пива и сигаретой. Позавтракали, раскурили «трубку мира». «Друзья мои, прекрасен наш союз», — провозгласил дядя Витя, поднимая заздравный кубок. Потом ему не понравилось, что какой-то упырь смотрит нагло и упорно на него своими въедливыми глазами. Дядя Витя поднялся, упырь стал улетать, мужчина подбил его сапогом, оторвал ему хоботок и прибил осиновым колом к стене.

— Да угомонись ты, дядько, — сказал «скелет», — не тот у нас рацион, чтоб за всякими шелудивыми гоняться.

— Этот не всякий был, а шпион. Царь Кощей прислал. Он похож на черную кляксу-молнию.

— Наш юный друг на своем поэтическом языке уверяет, что разглядел узел слежения оболочки ССС, — солидно прокомментировал «живой труп». — Не будем плевать фактам в лицо. После нашей вылазки она могла взять след и подключить здесь какого-нибудь мелкого фраера.

— Скажу больше, — не остановился дядя Витя, — вижу камни, которые катятся на нас. В них сидят люди с железными головами. И мы такие будем, если не отскочим вовремя. Чувствую, обложили нас.

— Чувствовать — это композитор должен, а нам надо знать наверняка, — насторожился «скелет». — Пойду высунусь из люка. Может, и вправду какое-то мероприятие в нашу честь намечается. Не пропустить бы начало.

Через пять минут он прибежал, гремя костями.

— Вот это действительно ужас, братия. И менты валом валят, и еще какие-то в штатском. У ворот павильона уже встали на посты. Только около люка пока что чисто. Смотываемся, мои жуткие друзья, по-быстрому, а то загребут не в шутку.

Однако когда все трое двинулись к выходу — выхода не было. На пути у них стояли два размалеванных индийских ракшаса, три шепелявых трансильванских вампира, мило окающая баба-яга, четыре исландских тролля, штурмбаннфюрер СС, следователь НКВД, человековолк, парочка злых, не в пример Косте, мертвецов породы «зомби», а также Фантомас, кто-то с очень длинными руками, инопланетяне в полипах и шевелящихся наростах, гигантская аме-

риканская вонючка, плюющая Кобра — охранница сокровищ и еще несколько двойников-мимикроидов, чья внешность ничем не отличалась от Костиной, Витиной и Васиной.

— Приплыли. Бунт на корабле. Продали нас ни за понюшку табака, — справедливо заметил Костя и стал увещевать «своих». — Братья мертвецы, вы же всегда отличались независимостью. Что вам ВОР? У вас же непростая оболочка. Вы должны пугать людей, а чтобы пугать, надо их понимать. Чтоб никто не ушел неиспуганным.

— Ты им пока не братец. Зеленый еще — посмотри в зеркало, — скептически отозвался Вася. — Давай-ка я попробую... Здорово, мертвяги! Нате, ешьте меня, глодайте мои кости, если я хоть чем-то изменил нашему загробному делу. Я же свой, в эту гробовую доску. Чем вас могли купить живчики из ССС?

— И обглодают твои кости, не сомневайся, — понял дядя Витя. — Черные молнии обуглили их и превратили в ненавистников. Теперь у них один кормилец — Кощей.

В подтверждение вся страшная публика защелкала зубами, зазвенела цепями, потянулась скрюченными костяными пальцами, кто-то гигантский испортил воздух, Кобра блеванула ядом. Дядя Витя едва успел заслониться щитом, взятым напрокат у скучающего Каменного Гостя.

— Вернись ко мне, стопроцентно грозный облик, — попросил дядя Витя. И стало неприятно потому, что пришлось разрываться, находить себя большого — разворачивались крылья, вытягивались, похрустывая, лапы, нагревалось дыхание, на место сердца встало огненное колесо, из пасти полетели сияющие диски. Дворец качнулся, дал понять, что не упустит его на этот раз. Глыбы обложили дядю Витю, черные молнии лезли в глаза.

— Вы горько пожалеете, — предупредил дядя Витя вражеское воинство. — Рано вам со мной тягаться.

— Кажется, мы Витю потеряли, — шепнул обеспокоенный Вася.

— Все одно пропадать, так уж весело. Одобряю, — отозвался Костя.

Большой дядя Витя дал залп по врагу из кормового огнемета, повалил американскую вонючку и заставил поперхнуться плюющую Кобру — та сдохла от собственного яда. Крылья бросали дядю Витю из стороны в сторону, лапы вычесывали противника, сияющие диски прошивали врага насквозь. Костя и Вася загибали пальцы, когда очередной кибермэн падал в электрических конвульсиях на землю. Однако враги вновь сомкнули ряды и начали психическую

контратаку под звуки флейт и барабанов. Камни прилепились к большому дяде Вите с двух сторон и стали разрывать его на части, черные молнии катались по его шкуре, превращая ее в лохмотья. Зомби повалил Васю на пол и стал подбираться к его яремной вене, но Костя этому иностранному вурдалаку разъединил кусачками хребет с электропроводкой. Бабе-яге, посягавшей на его голову, прыткий бомж запихал в рот своего двойника. Вася не понял, кого сшамала добрая старушка, чьи ботинки мелькнули и исчезли навсегда, запричитал: «Прости, друг, что я прятал от тебя пиво и мороженое». Но тут его стал душить сзади четырьмя руками ракшас, и Васе едва удалось спастись, выдернув тому язык изо рта вместе с управляющими кристаллосхемами. Итак, силы были неравны.

— Ко мне, мои верные и присные! Мы все в тельняшках, — вострубил дядя Витя, его дыхание входило в камни, которые оживали и становились на его сторону.

Костя и Вася, опустив челюсти, наблюдали, как поднялись и встали, сжимая кулаки, в строй по бокам от дяди Вити доселе вялые персонажи. Тут были и змеи горынычи, и Медуза Горгона, и саламандры, гномы, симпатичные утопленницы.

— Я подозревал, что этих товарищей народ просто не понял, а знать оклеветала, — сказал воодушевленный Вася.

— Кажется, у наших чудиков произошло взрывное разрастание оболочек. Кто-то их здорово накормил информационным витамином, — наконец догадался Костя.

Горынычи глотали неприятеля целиком. Саламандры устраивали возгорание легковоспламеняющихся врагов. Гномы примагничивали к себе любого противника с металлом внутри и разбирали ему электродвигатель. Утопленницы связывали басурманов волосами и качали в них воду, пока те не лопались. Горгона удачно попросила окаменеть бабу-ягу, та стала памятником, и поделом. Правда, и особо находчивым вампирам удавалось прокусить пневмопровод у иного змея, а инопланетяне небезуспешно пытались насиловать русалок с помощью яйцеклада. Вдобавок проснулся Илья Муромец, слез с печи, позевывая. Одолел штурмбаннфюрера ударом в ухо и, не разобравшись, пошел крушить палицей налево и направо — всех подряд. Когда в подземелье появилось несколько людей в штатском, им сразу не повезло. И оружие-то как следует не успели применить. Каждый змей скушал ровно по одному из вновь прибывших. Там в пузе они принялись бултыхаться и напрасно звать по рации на помощь — сигнал не проходил из-за зме-

евой чешуи. Вскоре они затихли. Враг, вроде, был разбит. Однако дядя Витя заметил, что некогда верное войско испытывает головокружение от успехов. Побратавшись с оставшимися на ходу противниками, бравые вояки начали гулять и мародерничать — будто задурила их некая третья сила. Нелюди расселись по машинкам, предназначенным для клиентов, заиграли чьей-то головой в мотобол.

— Свет в конце тоннеля, — завопил Вася, — линяем, братва! — и призывно замахал высоко поднятой берцовой костью.

— Волки позорные, — дядя Витя топал ногами, плевался на своих бойцов, бил их по косматым затылкам, — никуда не пойду, пока не соберу полки и не устрою им показательные казни — каждого десятого в расход. И тебя, «К2», сбрею пополам, только появись. Ты все подстроил, ответ держать придется.

— А мы как раз пошли, — сказал уставший «труп» пропотевшему закопченному «скелету», — мы дядю Витю все-таки потеряли, увлекся мужик. Ладно, прикроет нам отход и сам как-нибудь вывернется.

Освальд сидел в университетской библиотеке, когда терминал тревожно запищал на него. Он с сожалением посмотрел на последний абзац, вписанный в диссертацию: «Данные обследования ассоциаторов пятисот крупных оболочек показывают, что время естественного отбора ушло, свободное состязание за ресурсы данных затухает. На смену тактически самостоятельным единицам приходят конгломераты. Стратегия конгломерата: «выжить и распространиться» заметно отличается от функциональных линий, вложенных при проектировании в отдельные оболочки. Теперь оболочки стремятся не столько к пониманию и исполнению всех поставленных клиентом задач, сколько к их упрощению и унификации. В таких условиях не исключено прямое или опосредованное воздействие на клиента с целью стандартизации выдаваемой им исходной информации».

Освальд поставил безрадостную точку. Сегодня на его счету уже имелась двухчасовая прострации, когда на умразум напала темная молния-клякса. Целую пригоршню таблеток-стимуляторов сожрал, да без толку. Лишь когда «расколол» и прочистил себе голову по методике сибирских шаманов, то избавился от мрака в мозгах. И тут снова отличился дядя Витя, не может он не мешать. Обработка пеленга показывала, что подопечный, вернее, его радиомаяк вертится с большой круговой скоростью.

По пути Освальд преобразился в знакомого дяде Вите «Фан Фаныча» — такую кличку почему-то подарил агенту

сельский житель. Уже около входа в парк можно было узнать, что павильон «Забавные ужасы» показывает новую программу. А на дорожках парка каждый отдыхающий мог познакомиться с кибермэнами: людоедами, русалками, вурдалаками, эсэсовцами, энкавэдэшниками. Всякая нелюдь разъезжала в электрокарах, дружественно махала конечностями, приглашая присесть с ними рядом и покататься вместе в свое удовольствие под звуки сказок и легенд. Наши люди немного опасались, а иностранцы садились охотно, собираясь погулять на дармовщинку. Однако наблюдать за трогательной картиной единения людей и нечисти было некогда.

Дядя Витя обнаружился на аттракционе «Высший пилотаж». Он уверенно клал одну мертвую петлю за другой в пластиковом самолете, приделанном к кронштейну, что болтался на высокой мачте. А парковых служителей и след простыл.

— Остановись сам, балда. У тебя же есть БИ. Испугайся, что ли, — призвал Освальд.

— А чего тут пужаться, я не ссыкун, как некоторые, — донесся дяди Витин ответ. — Машина под контролем.

— Представь, что ты оторвался и летишь. Выделишь тогда нужный код мыследействия.

— Я и так лечу. Как птица Ух над полем битвы, — дядя Витя пошел на бреющем, чтоб было удобнее беседовать. Освальд понял, что ждать ничего толкового от крестьянина не приходится. Рискуя протаранить головой самолет, он проскочил к мачте. Сбил щиток, под которым был ворох проводов, вынул кусачки и перекусил несколько жилок. Заискрило, пришлось даже накрыть пиджаком, аэроплан закрутился еще бешенее, дядя Витя ликующе взвыл, и тут кронштейн резко остановился. Известные всякому школьнику силы сорвали с него пестрый самолетик и швырнули под большим углом вверх. Тут порыв ветра поймал самолет, тот взмыл еще выше, раздался сверху дяди-Витин вопль: «Микадо банзай!» Даже агенту Фалько было неприятно на это смотреть — вот-вот игрушечный аэроплан свалится на нос, и хана. Однако, дяде Вите удалось каким-то образом положить новоявленный планер на крыло, сделать вираж и произвести посадку в пруд. Крылья отломались, а сам «аэроплан» ушел под воду вместе с «пилотом».

Агент Фалько снова снял пиджак, собираясь сдать двадцать пять метров вольным стилем. Но самолетик всплыл вместе с дядей Витей, выдувающим из себя лишнюю жидкость. Завидев Освальда, тот обрадовался и стал грести к берегу обломком хвостового оперения. Занимался бы он этим долго, но тут с аллеи свернула к пруду и устремилась

прямо в воду машинка, в которой сидел кибермэн ковбоя-убийцы и некто в глубоком обмороке и хорошем английском костюме. «Ковбой» пытался въехать в пруд и утонуть. И утонул бы за милую душу, но агент Фалько остановил его двумя выстрелами из пистолета с глушителем по двигателю электрокара. Он выхватил из рук куклы лассо, заарканил пропеллер и притянул дядю Витю. Потом они вдвоем стали вытаскивать бессознательное тело злополучного иностранца из электрокара. Ковбой сильно раздулся и заклинил тело, поэтому пришлось перерезать убийце глотку, чтобы выпустить лишний воздух. Тем временем дядя Витя взахлеб рассказывал, как ему понравилось управлять самолетом, потому что там был и штурвал, и рули, и закрылки. Не забыл он также поднять визитку и несколько купюр, выпавших из английского костюма.

— Иностранец, хоть и труп без пяти минут, — уважительно сказал дядя Витя, заглядывая в карточку, — оставлю ее себе для престижу, а ему, если очухается, новую дадут. А деньги вообще у него не держатся.

— Тутта ля миа вита ио авево паура ди лякуа, — разлепил уста лежащий.

— Говорит, что всю жизнь боялся воды, — распознал его слова Освальд.

— Пить надо было больше, — посочувствовал дядя Витя.

— Ладно, хрен с ним. Пока представление дают, нам лучше смыться из партера, — распорядился Освальд.

По всему пространству, предназначенному для народных увеселений, металась возбужденная толпа. Кто просто, без затей, удирал, кто хотел рассмотреть все в подробностях. Освальд подмечал, что мало кому удается откататься с чудовищем без происшествий. Одни граждане отправлялись вместе со своим водителем в канаву. На других чудища набрасывали провода под напряжением. В третьих впивались и начинали жевать. Еще кое-кого завезли на вершину пластикового холма для летних тренировок слаломистов и спустили вниз без тормозов.

— Ишь, сорванцы. Народ губят не абы как, а соответственно личному страху каждого отдельного товарища, — подметил дядя Витя, и Освальд вынужденно с ним согласился.

Особенно живописной была сцена, где люди собирались послушать выступление кибермэна Сталина. Пока толпа с естественным отвращением внимала речи кибервождя, кукла Берии старательно огораживала ее колючей проволокой. Так что всякий, кто пытался уйти с прослушивания, запутывался в проволоке и конвульсивно звал на помощь.

Незадействованные посетители парка разделились на две части. Одна утверждала, что те люди, которые сидят в машинах вместе с монстрами и кричат: «Спасите, помогите!» — те же самые кибермэны. Поэтому вмешиваться не стоит. Другая часть считала, что это артисты, которым за вопли и прочие трюки отвалили кругленькую сумму. Выходит, тем более, выручать их напрасный труд. Только жалкая кучка администраторов и взъерошенных милиционеров бегала повсюду, расталкивая зевак, давая им подзатыльники и пиная в зады. По-видимому, блюстители порядка были уверены, что всякие безобразия происходят, только когда на них глазеет публика.

— Я ни при чем. Кладу на стол протест. Свобода — это им не вседозволенность. Надо же так обгадить чистоту нашего дела, — удрученно сказал дядя Витя, откупоривая потерянную кем-то банку пива.

Освальд помял отяжелевшую голову.

«То ли в вычислительной среде, как и в любой другой сложной структуре, дует эволюционный ветер и плодит драконов. То ли дядя Витя резидент тергруппы, обученный приманиванию и развертыванию боевых модулей «К2», — прикинул Освальд. — Во всяком случае, я его еще не отключил ударом по черепу. Тогда имя мне «пособник врага», «наймит изувера». На каком полустанке труда и отдыха остановился ты, Феодосий Палыч, со своей регулировочной палочкой? Труд и отдых любят генеральную линию, а бред — нет».

Агент Фалько не закончил внутренних дебатов. Он сбил дядю Витю с ног — тот закатился в придорожные кусты кизила — и сам юркнул следом.

— Ты чего, разозлить меня решил? — свирепо раздул ноздри дядя Витя.

— Не чегокай, видишь, на дереве «глазок» крутится, а вон парни, которые все понимают, но никому никогда не помогают — групзахи. Или вот, бегут в шлемах, похожих на горшки — натуральный спецназ. Они сейчас все сломают на горе администрации. Придется нам распластаться и продолжать экскурсию на животе — это, надеюсь, то, что ты любишь.

Спецназы прожигали электрокары из плазмострелов, в прыжке отшибали куклам головы, мощными руками вырывали из монстров силовые узлы. Правда, в той машинке, где Берия разъезжал вместе с каким-то постпанком, спецназы, добросовестно заблуждаясь, обезвредили молодого человека. Случались у них и серьезные поединки. Какой-то шестирукий ракшас стал бегать по-паучьи среди кустов, не даваясь под выстрел. В нижней стойке он делал подкаты и

подсечки, проводил удары по лодыжкам и голеням подбегающих бойцов — буквально усеял полянку полумертвыми костями. Наконец один сержант перепрыгнул через его руки и ноги, уселся демону на загривок и свернул ему гордую голову.

Тем временем дядя Витя и Освальд добрались на четвереньках до забора. Напряжение и мерить было не надо, администрация отключила ток после того, как кибермэны прижали к забору не одну свою жертву. Сейчас из парка перли и другие беженцы. Дядя Витя и Освальд пробежались по спинам менее расторопных граждан и оказались на другой стороне, в цивилизованном мире.

— Ну, что, Фан Фаныч, прощаться будем. Прими мое уважение. Без тебя мне еще одну четверть окаменелого царства не пройти бы никак, — сказал правду герой дня.

«Отпечатки дяди Вити у оболочки Службы имеются. Значит, выловят. Разве что сунуть его туда, где он не должен существовать».

— Нет, не будем прощаться. Сколько я тебе говорил: жить надо в отеле «Хилтон», чтобы себя уважать. Я тебе хочу дорогу туда показать.

— И в самом деле, надоело мне у параши ночевать, — как должное воспринял дядя Витя. — Даю добро на «Хилтон». Даром, что ли, кровь проливал.

— Не забудь добавить, что чужую, — уточнил Освальд. — Но, может, вред от тебя удастся уменьшить.

Парадный вход отеля был украшен швейцарами в аксельбантах и галунах, а также видеокамерами. Дядя Витя направился прямо на них.

— Там еще каравай поднесут, — измученно сказал Освальд.

— Так бы и сказал. Теперь понятно. Может, кирпичом засандалить в ворота, чтоб все разбежались?

Освальд вывел на экран терминала из своих агентских запасников план «Хилтона».

— Через первый этаж не пробраться. А прямо на второй проникнуть? Разве это кто-то запрещает? — Освальд оставил дядю Витю в подворотне, поручив ему для маскировки изучать газету. Через пять минут он вернулся с далеко протянувшейся лестницей.

— Там один друг красил фонарь. Знаешь, он мне одолжил.

— На обратном пути надо отдать. Вот мой принцип, — глубокомысленно заявил дядя Витя, оторвавшись от китайской газеты. — Друг никуда не уйдет?

— Как же, уйдет, остался на фонаре висеть, — успокоил его Освальд.

Агент приставил лестницу к стене, не вызывая никакого удивления у прохожих — уж больно производственный вид имело его начинание. Добрался до второго этажа, поддел отмычкой фрамугу и увидел перед собой даму в соболях. Он поздно сообразил, что произошла досадная ошибка, исходная информация была неточной. Дама уже хотела взвыть, рот у нее страшно распахнулся, но Освальд посмотрел светло-блестящими глазами и, погрозив пальцем, напомнил:

— Любовь зла.

— Я вас вижу в первый раз.

— А я в последний. Но я вами болен.

— Давно? — удивилась дама.

— Это не туберкулез какой-то, а острое заболевание вроде дизентерии.

— Уйдите, дерзкий, — сказала дама, — встретимся в семь в баре отеля «Риц».

— Понял. Но, чтобы уйти, надо выйти. — Освальд протянул руку в окно и втащил дядю Витю.

— Он тоже вас любит. Правда, не так сильно, как я, но зато по-своему.

Два товарища покинули помещение, предварительно забрав лестницу с улицы. Пристроив свой длинномерный инструмент в темный уголок, они поднялись на двадцать пятый этаж. Дядя Витя ушел набирать мощь в кафешку, а Освальд выследил ближайшего робуборщика. Отпихнув кибера от сетевого порта, вместо него подключился своим терминалом. Хотел было поискать код доступа к гостиничной оболочке, да не успел. С экрана сообщили: «А вот и мы». Там был задумчивый Змей Горыныч, сидящий перед дверью, и снующий вокруг гномик. Опять «К2», снова секретность операции под вопросом. А Змей Горыныч тем временем сгреб гномика, слепил из него ключ и стал ковыряться в замке. Поковырялся чуть-чуть, и появилась надпись: «Система «Приют чухонца», код верный, доступ подтвержден». Можно было активничать. Освальд без эмоций признал, что жизнь сложнее, чем кажется на первый взгляд. Есть в ней место для змея-дракона и карлика-гнома.

По уже накатанной порядочными агентами схеме Фалько проверил список забронированных номеров, выбрал один из тех, что поближе к небу, пометил как занятый и отключил блокировку его двери. Номер теперь был пригоден для заселения кем угодно, хоть бегемотом. Освальд замел следы, вернул на законное место робуборщика и пошел за дядей Витей. Но того не оказалось ни за столиками, ни за стойкой. Это был удар. Уже становилось неудобным разгля-

дывать толпу, когда Освальд опознал знакомый звонкий голос в гомоне, проникающем из-за стены.

— Там что? — спросил он у женщины в официальном переднике.

— Ресторан, но туда нельзя. Свадьба идет. И так места ей мало.

— Без меня далеко не уйдет. Я — жених.

Как выяснилось, изрядно порозовевший дядя Витя ведет мероприятие. Видно, с тех пор, как его подхватил свадебный кортеж, пронесшийся по коридору. Дядя Витя уже навязал присутствующим соревнование на тему, кто больше засосет водки носом — жених или невеста, и принимал ставки. Молодожены увлеклись, остальных «затейник» послал танцевать матросский танец «яблочко». Чтобы создать и в этом состязательный дух, он намазал пол майонезом. Освальд ухватил его за рукав во время очередного трюка.

— А ну, отвяжись, сейчас как стрельну, — гаркнул дядя Витя, не отрываясь от игры в щекотку с подружкой невесты, по профессии завмагом.

— Я тебе так стрельну, соплей не соберешь, — предупредил Освальд.

— Фан Фаныч, извини, не угадал, — обрадовался усатым лицом дядя Витя и отпустил завмага. — Знаешь, как меня в коридоре, покуда ждал, достало. Стал я большим, это у меня бывает, я тебе рассказывал. Вместо коридора — тропа в каменном лесу. Камни со всех сторон надвигаются, стискивают, а проход один, и впереди как будто каменная изба, но ни дверей, ни окон. Я ее уговариваю: «Ну-ка встань ко мне передом, к остальным задом». Тут, наверное, невеста мимо меня бредет, на свой счет принимает, обижается. Зовет жениха. Как раз каменюка поворачивается, есть теперь дверь. Вхожу, и снова маленький я, а молодые собираются меня мочить. Жених с невестой берут меня за руки, чтоб раскачать и об стену шмякнуть. Но кто-то им закричал: «Не трожь затейника». Дальше уж мне и деваться было некуда.

— Давай развлекай, ерник, забодай тебя корова, — задышал в лицо пьяным перегаром жених.

— А ты платил, сука? — отозвался дядя Витя и толкнул жениха в лоб. Тот упал, задрав ноги, танцующие попадали на него. А невеста расшвыривала всех, как листья, спасая суженого. Она понимала, что сегодня другого уже не достать. Людям было действительно весело.

Агент Фалько и дядя Витя покинули под шумок сборище, поднялись на сорок девятый этаж, пробрались по коридорам к выбранному номеру, стараясь оставаться в зоне

невидимости для вращающихся видеокамер. Агент также посыпал себя и товарища гадким порошком, чтобы датчики не опознали их по запаху. Электромагнитный замок, как и ожидалось, отдыхал, для обычного хватило умного ключа-«каракатицы». Дядя Витя заглянул в распахнувшийся апартамент-люкс и в панике бросился назад. Персидские ковры, мебель под барокко и люстра с золоченостями произвели на него тяжелое впечатление.

— Я здесь жить не буду, еще напачкаю, — заверещал он.

— Будешь, гад, — настойчиво сказал агент. — Или здесь тебе жить, Виктор Васильевич, или в камере с парашей под боком. Чего стесняться, коль заслужил. И вид у тебя подходящий. Артист, одним словом.

Дядя Витя снял сапоги и аккуратно поставил в угол. Потом скинул носки, втянул носом пошедший от них воздух и, сказав «добро», прикрыл ими две кадильницы. Засапожный нож спрятал под ковер, просеменил до середины первой комнаты и обратно.

— А чего мне со всем этим делать? Подскажи, Фан Фаныч.

— Подумай на досуге в позе змея.

Освальд протянул дяде Вите черный кубик.

— Не, мне зажигалка не требуется, — завозражал тот. — Буду воздерживаться от курева, а то еще хабарик на ковер уроню.

— Это передатчик секторной связи. Если будут большие, я повторяю для особо одаренных, *большие* затруднения, нажмешь пальцем на торец, и я приеду выручать. Может быть. Не вздумай без спросу искать волшебный браслет и ту самую... ты говорил... Обойдись пока без девки-богатырки. А то попадешь к известным тебе кощеям на первое, второе и закуску. Учти, корень откусят.

— Они и так сюда придут. Так что, Фан Фаныч, пожалуйста, не опаздывай. Иногда они кажутся людьми — обман зрения, слуха и нюха. Это просто камни. Ты, наверное, скажешь, что я бессознательный, что у меня в голове ничего, кроме костей, что просто оболочки работают, ССС трудится. Утешишь, мол, охотятся на меня случайно и по недоразумению. Но за ихними случайностями стоит одно мурло со своей закономерностью.

— Хоть и чушь, но верняк, — после недолгой паузы сказал Освальд и подумал, что из всех поручавшихся ему особых операций эта особая, дальше некуда. Дядя Витя не пытается вступить в контакт с диверсами. Он — безграмотный, но чувствует стратегию и тактику конгломератов. Он им не нравится.

Когда Освальд скрылся и дядя Витя очутился один, то он от непривычки к жилищным просторам забился в санузел. Но там, среди больших зеркал, умножавших его невыигрышный облик, сам себе не понравился. В сравнении с Фан Фанычем — «урод ушастый», да и то комплимент получился. И дядя Витя направился в парикмахерскую, не своей шаркающей походкой, а уверенной и бодрой, под Фан Фаныча. Вернулся оттуда с модной игольчатой головой и усами-щеточками. После чего ощутил, что он действительно крупная фигура.

Блок 12

— В КБ моего мужа, Евсея Евстахьевича, было сконструировано несколько двусторонних широкоспектральных БИ. Их передали на испытания. К сожалению, результаты были обескураживающими. Так всегда у нас — или слишком поздно, или чересчур рано. Оболочки того времени не справлялись с нахлынувшим потоком мыследействий. Они изо всех сил пытались переварить любую информацию, усвоить ее ассоциаторами. Вот и разрастались, распухали, расползались по всем щелям, потому что пытались установить смысловые цепочки, найти дешифраторы и эти, как их... эксплэйнинги. Мудрецы думали: суперБИ увеличит полосу обмена, тут же все станет на свои места. Как бы не так, в вычислительной среде вообще бардак образовался. Испытатели отличились только безответственностью и полной недисциплинированностью ума, — дама даже приостановила рассказ и несколько раз фукнула. — Фу-фу... Власти над оболочками они захотели, эти ничтожества. Ах, если бы оболочки смогли призвать к порядку ментальных варваров. Увы, обратные разряды не возымели должного воздействия... Эти мерзкие испытатели, эти недостойные люди предпочитали скончаться от сопротивления мудрым сигналам оболочек — какой-то там иммунный орган срабатывал. В общем, суперБИ были изъяты Службой Санации и безжалостно уничтожены.

Дама положила в рот ложечку варенья, смахнула с усиков янтарную каплю, обмакнула губы в чай и слабенько прихлебнула. Потом поправила прическу, согнав с нее мух, и продолжила повествование, которое Мелания старалась не слушать.

— Итак, из этой благородной затеи ничего не вышло. Оболочки не смогли заботиться о человеке, как они это умеют. Счастье отступило.

Дама замерла, потрясенная утратой.

— Ну и?.. — решила Мелания поскорее довести тему до конца.

— Тело человека высокомерно, оно не способно к общению. Надо вмешаться в тело, чтобы помочь душе. Евсей Евстахьевич уже понял «как». И вдруг. Пал добрый и мудрый. — Дама от полноты чувств тихонько сморкнулась в платочек. — Один из тех испытателей, кстати, инвалид, обрубок, ничтожество, всем обязанный Евсею Евстахьевичу, кинулся на моего мужа с электродрелью в руке. Кто дал подлецу дрель? Как у него не дрогнула рука, не поскользнулась нога? Он просверлил умнейшего человека эпохи насквозь, как какую-то болванку... Вот сейчас я вижу на вас суперБИ. И думаю, почему бы не продолжить эксперименты с вашим участием, можно и без участия, но с этим браслетом. Ведь есть же лаборатория имени мужа, есть одаренные ученики, например, Николай Епифанович Смеляков. Есть новые методы...

— А вы не думайте, это вредно. Особенно о новых методах. Ничего нового нет, — отбрила Мелания. — «Заботиться о человеке». Тьфу на такой метод. Захочет, сам о себе позаботится.

— Но у человека дефицит данных о самом себе.

— Дефицит вечен, — закончила Мелания вечернее чаепитие и быстренько переместилась в свою каморку. Дама цепким арканящим взглядом потянулась вслед.

Меланию окутал сон породы «кошмар». В этом сне ее пытался скушать каменный шар. При этом она не знала, что шар собирается схарчить ее только во сне, поэтому готовилась к худшему. На ее глазах шар полакомился каким-то другим гражданином. Неприятное, отталкивающее зрелище. Человек пытался удрать от камня, а тот его тянул-тянул и, наконец, прилепил к себе. Потом хищный шар непосредственно приступил к человекоедению. Со стороны это напоминало всасывание. Шар начал с головы — дело заладилось — вскоре черед дошел и до малиновых носков. Человека не стало, а на поверхности глыбы появилась клякса-развертка, в которой можно было угадать несчастного, его пищеварение, кровообращение и тому подобное. А потом шар взялся за Меланию. Она покатилась навстречу, как бумажка, на которую наставлена труба пылесоса. Но потом пальцы наткнулись на две натянутые вибрирующие струны. Глыба уже принялась за ее пятки, усердно прижимая их, когда струны, то ли звуком, то ли ударом, вышвырнули Меланию из поля вредного тяготения. Она ус-

пела заметить бесконечный каменный поток, а на его берегу — спицу, уткнувшуюся в небо.

Мелания выскочила из неприятного сонного царства, потому что Кот слегка жевал ее пальцы. Она вышла в коридор, чтобы прислушаться — не копошится ли кто за наружными дверями. Там как раз было спокойно, надежно, тихо. Непонятные звуки доносились из комнаты дамы. Скрипы, смешки, шепоток. Атмосфера была насыщенной, с подтекстом. Мелания представила себя тенью и, соответственно ступая, приблизилась к двери, за которой должна была мирно почивать вдова конструктора Белькова. Но шепот, и смехи, и хихи, и скрипы обозначились рельефно, зарябили в воздухе. Дама была явно в такой поздний час не одна. Кто-то бубнил, причем не она, монотонным, слегка дребезжащим голосом.

— Сознание мое вечно! Да будь я и рулоном туалетной бумаги, то все равно бы сделал далеко идущие выводы. К моменту моего ухода от земных дел что было известно? Прямой разряд родится в левом желудочке сердца. В его стенках сгенерится все семейство вихрей-реверберaторов и разряд уйдет в плазму... Ну, не щекочи меня, слушай сюда... Еще раз выслушай, слова — пища для мозга, вдруг поумнеешь... Запускаем мы в пациента «свои» обратные разряды — левый желудочек работает в противофазе и глушит их. Усиливаем мощность, желудочек шалеет и, в итоге, пациента выносят на примерку белых тапок. Я говорю биохимикам, дайте мне управляемую кровь. Чтоб можно было создать зону затухания около сердца, отфильтровать вредные сердечные выплески. Говорю и — бабах, исчезаю. Нет гражданина Белькова... Не перебивай, знаю, что стал много лучше. Естественно, деньги они взяли, а дать ничего не дали — дебильная публика. Ладно, искусственную кровь марки «Голубой кисель» нам преподнес в бутылочке какой-то продажный тип с Космики, так же как и два первых суперБИ. «Голубой кисель» мы можем уже продавать в разлив, а вот двусторонний широкоспектральный БИ для нас до сих пор вроде черной молнии, загадки природы. Видать, слишком жидко стало в головах. А без суперБИ мы никуда не помчимся, даже не поедем. Не профильтруем прямой разряд, не запустим обратный от оболочек. Я к чему веду — забери у этой девки браслетик. Подари ей взамен кольцо, ожерелье, золотой зуб, задуши ее, загрызи — я покажу как, — лишь бы она согласилась по-хорошему.

— Все уладится. Лучше обними меня покрепче, дай почувствовать твою силу.

— Да уж куда крепче, скоро треснешь.

Заинтересованная Мелания не смогла удержаться и заглянула в замочную скважину. Дама барахталась в кровати с каким-то подозрительным существом, скорее всего, кибермэном высокого уровня. Маска кибермэна изображала светлый лик конструктора Белькова, который был известен Мелании по фотокарточке. Значит, права была бригада гангстеров, есть-таки истукан у вдовы. Информационный слепок с научного начальника зажил самостоятельной жизнью. Тут один бельковский кибер обозначился, цапнул Меланию за ногу и предательски заблеял. Кибермэн встрепенулся и показал чем-то длинным и острым, она позднее сообразила — хвостом — на дверь. Мелания не выдюжила острой сцены, шмыгнула по коридору обратно под одеяло, не забыв запереть дверь своей комнаты.

Выписались шаги по Меланьиному следу, волочащиеся — дамы и мягкие, ласковые по отношению к полу — некоего сопроводителя дамы.

— Милочка, тебе плохо? Открой, я дам таблетку, — прошипела вдова.

— У меня уже есть таблетка, — отозвалась Мелания и решила переменить тактику. Влезла в свой комбинезон, собрала манатки, толчком распахнула дверь и выскочила, замахиваясь сумкой. У дверей караулила одна дама, которая дернулась и отшатнулась. Опуская свое оружие, Мелания пояснила: «Это разминка».

— Мелания, что с вами? — строгим голосом спросила дама. — Может, пора врача вызывать?

— Если хочется, вызовите себе. У вас есть особенности, и у меня тоже. Вот пойду сейчас гулять, а вы не обращайте внимания.

— Глупость какая, — высокомерно произнесла дама.

— Ничего, глупость города берет, — успокоила ее Мелания.

— Вы уходите, а мы вас так любим, — таинственно сказала дама и подмигнула с намеком. Кто-то запел арию Ленского: «Чи гэпнусь я дручком пропэртый...», киберы замахали бенгальскими огнями, двери вдовьей спальни распахнулись, и на пороге показался Евсей Евстахьевич Бельков в своем загробном варианте. Голова молодого красивого Евсея, только цвета нарочитые, подобраны явно концептуально — щеки зеленые, губы красные, а волосы оранжевые. Ну, а тело, скорее, слепили со льва.

— Сфинкс, очень приятно. Так меня и зовите. Кстати, как вам я? — поинтересовался кибермэн, раскланиваясь.

— Хороши собой. Голова как настоящая, даже лучше. Прекрасная сервомеханика членов, завидую, — живо откликнулась Мелания.

— Самое любопытное недоступно глазу. То, что вы видите, только так, отражение моего большого «я», живущего во дворце Великого Объединенного Разума.

— А почему такое «зверское» отражение? Вдове-то, пардон, супруге нравится? Может, что-нибудь более человекообразное подобрать для представления вашего «я»? Орангутана, например?

— Вдова без ума от меня и так. Я всегда был зверем. Милым, немного кровожадным, наивным, близким к природе. Я даже чихал и кашлял, как зверь. Вот в послемясном бытии эта сущность и прорезалась. Вас интересует, почему я так хорошо сохранился? Я был близок к природе вычислительной среды, там любят негордых. И вы, кажется, такая. Оболочки усвоили меня, я хотел бы усвоить вас.

— Понятно, негордого можно усвоить, а у гордого стырить, что требуется. Вообще, эту задумку надо обкатать. Вы еще с однопородниками посоветуйтесь.

— Нет у меня товарища, и откладывать нечего. Ведь я Сфинкс. Со мной не встречаются несколько раз, не говорят о погоде. Только раз бывает в жизни встреча... — замурлыкал по-домашнему «конструктор Бельков». — Со мной играют. Отгадывают мои загадки. После чего либо остаются со мной навсегда в атмосфере любви и согласия, либо исчезают почти бесследно. Так уж принято. Не будем нарушать старый добрый обычай.

— Да я не знаю ваших разгадок, товарищ зверь. Не знаю, как вы получились, почему так свободно разговариваете. И, честно говоря, меня это мало волнует. Понимаете?

— Вот именно, понимаю. Еще как. Будь все такие, как вы, человечество до сих пор поклонялось бы жукам-навозникам, облаку и Солнцу, устраивало бы большой грех в праздничные дни и просило бы своих покойных дедушек и бабушек прислать из-под земли хороший урожай.

— Может, вы поговорите на эту тему с человечеством, а не со мной?

— Почему, и вы — человек. К тому же не мужчина, это немаловажно. Вы не станете выяснять, кто сильнее, и скорее войдете со мной в брачный союз.

— По-моему, у вас уже есть жена, — напомнила Мелания.

На лице кибермэна появилось сомнительное подобие

улыбки. А потом звериное тело сделало один прыжок. Мелании только оставалось вздрогнуть, а даме врезаться в стену и сползти на пол, оставляя на обоях красную стрелку.

— Вот и нет жены, — мурлыкнул кибермэн, — она немало мне поспособствовала, но я не обязан хранить верность. Ведь я не совсем Евсей Бельков. Впрочем, я говорил о брачном союзе несколько в другом, отнюдь не плотском смысле. А в том, который мы встречаем в Писаниях. Союз делателя и его работы. Познающего и познаваемого. Изделие обещает быть податливым, а делатель клянется бережно относиться к нему, не выбрасывать и не продавать его. Как первой вещи, вошедшей в союз со мной, я обещаю вам наилучший уход, а также увековечивание облика физического и психического.

— Если я откажусь от вашего заманчивого предложения, то пойду по стопам вдовы? Или вы чего-нибудь новенькое сообразите?

— Я никогда не поступаю одинаково по причине больших знаний. Именно потому некогда меня назовут всемогущим. Сейчас я просто вызову наряд милиции. Они найдут вас, мое бледное сокровище, с этим неприятным остатком по имени «труп». Какой с меня спрос? Увы, никакой, я не гражданин, а так, орудие чужих страстей. Но вот вам придется отвечать за действия второго рода.

— Значит, гад ты недодавленный. Весь в своего творца пошел, — не удержалась Мелания. — Прицепить бы тебе на голову бачок, да почаще спускать воду.

— Я внушаю себе половое возбуждение. Чем я не жених? У меня есть аппарат, имитирующий работу сами знаете чего. Во время любовной игры он также радует и меня, потому что генерирует электрические импульсы, — предупредил Сфинкс и изогнулся, окружив Меланию со всех сторон. Он, мяукая, положил голову на ее бедро, а острым кончиком хвоста стал покалывать в мягкие части Меланьиного тела.

— Так в цивилизованном обществе не ухаживают, — произнесла она, пытаясь ощутить свой защитный кокон и присутствие верных драконов — но вокруг было пусто.

— Приспешников твоих я изолировал, браслетец блокировал, будешь дружить только со мной. У нас еще в запасе четырнадцать минут. Кстати, тебе припаяют и извращение — повторюсь, в глазах всего мира я лишь орудие.

Мелания пробовала перемахнуть через Сфинкса, но тот чуть приподнялся и уронил ее на пол. Потом одним прыжком перенес себя к выходной двери.

— Вот и все, — лениво произнес он, — придется выбирать между «там» и «здесь». В твоих силах предпочесть любовь и отменить визит таких чужих, таких строгих неулыбчивых людей, которые тебя обидят.

Мелания закатилась в свою комнату, закрыла дверь на щеколду, притиснула к ней сервант. Когда Сфинкс первый раз ударил дверь лапой, с нее свалилась половина краски.

— Открывай, пока я не внушил себе злость, — распорядился «конструктор Бельков».

Мелания добралась до окна, распахнула ставни. Пятый этаж, внизу асфальт. Условий для бегства никаких, это вам не кино. От второго удара дверь законвульсировала. Внезапно в полоску света на тротуаре вступил человек.

— Ну, здравствуй, девка. Я, конечно, не тот прынц, которого ты ждешь, но и не этот, — объявил мужик, участвовавший в набеге на квартиру смиренной вдовы. — Я потихоньку вылез из окна туалета, чтобы пообщаться с тобой.

— Попытайся запомнить. Здесь в квартире «сорок два» кибермэн укокошил Белькову, сейчас добирается до меня. Да что я тебе говорю, какая из тебя персона.

— А вот какая, — он показал моток веревки. — Досталась мне от одного ковбоя, называется лассо. Правда, бросать я еще не научился.

— Дурак же ты, братец... — почти нежно сказала Мелания.

Дверь взвыла, но проявила упорство. Внезапно Петух проскочил над головой Мелании и свалился вниз. Он не удирал, он уже возвращался обратно с петлей в клюве. Где-то на последней трети Петух стал выдыхаться. Лапа Сфинкса прошибла крепкое дерево и показалась в комнате, впуская и выпуская когти.

— Не хотел таранить корпусом, — сообщил он в пробой, — у меня конституция тонкая, — и стал аккуратно выламывать доски.

Петля оказалось в Меланьиной руке.

— Я твою птичку маленько подпихнул в гузку, авось не обидится, — раздалось снизу. — Набрось удавку на батарею и ныряй вниз. Только не забудь за веревку схватиться.

Когда Мелания перекинула себя через подоконник, Сфинкс влез в комнату уже наполовину. Она заскользила вдоль веревки, стараясь не думать и хоть немного сжать ладони. До земли было еще далеко, а из окна показался улыбающийся «конструктор Бельков» и заиграл шаткой лесенкой:

— Спасибо за развлечение. Ты сама этого хотела, милка. Счастливого пути в таинственное «быть может».

— Не боись, девка, упадешь на меня, а его бегемот когда-нибудь трахнет, — «успокоил» мужик.

Мелании показалось, что у Сфинкса появился белый хохолок. Этот хохолок через три секунды уже разлетелся, и веревка цеплялась только за воздух. Но Мелания успела за три секунды съехать еще на десяток метров, прежде чем незамысловато рухнуть вниз. Упала она небольно, как в кашу с костями.

— Петушок, — разгадала она причину задержки полета. — Не был такой развитый, а догадался и выручил. Как же теперь без тебя?

— А без меня? Где комплимент в мой адрес? Или мы только перед киберами расшаркиваемся? — «Каша с костями» стала копошиться.

Мелания подскочила, а потом успокоилась, с асфальта поднимался слегка расквашенный «разбойник» — на этот раз кстати оказался. Упал Кот. Как и полагается коту, он совершил мягкую посадку. Вслед за ним полез и Сфинкс, выбирая себе площадку для приземления. Один глаз у него вывалился и висел на проводке, из глазницы лезла всякая труха. Что-то повредилось у любителя загадок, уж больно он хотел рискнуть. Этого зрелища Мелания не могла выдержать и бросилась к стоянке, где оставила роллер.

— Куда? А я? —увязался за ней экс-разбойник, а ныне спаситель женщины.

— Ну, спасибо, спасибо, поцарапанный. Только доверять тебе не хочется.

— Не надо на стоянку, — пытался предупредить спасатель. — Тот урод уже растрынделся, ведь от него струны тянутся и в ментовку, и куда хочешь. Если оперативники выехали, они первым делом тебе транспорт перекроют.

Мелания застопорила, и мужик проскочил еще несколько метров с разгона.

— Кто растрынделся?

— Кто, кто, дед Пихто. Полюбовник твой, из железяк сляпанный.

— Понятно, на понт берешь. Сейчас скажешь, давай, девонька, спрячу в хороший дом, а в ближайшем парадняке твой приятель с кирпичом дежурит — лелеет месть.

— Ага, понятно, почему у тебя коты да петухи в друзьях-товарищах. Сидела бы на жердочке, курица, и ждала

бы, пока тебя общипывать начнут. Через полквартала дом новый растет, там с десятого этажа все будет видно в упор. Убедительно я говорю? А обиду я забыл, ты ж холопкой была, когда меня мучила.

— Ладно, только свое лассо отдашь мне.

Мужик послушно выбрал веревку, волочившуюся за ним, и вручил Мелании моток, как букет цветов.

Действительно, с крыши было видно то, что нужно. «Скорая», «ментовка» и замаскированная под мусоровоз машина групзаха. И у ворот автостоянки какие-то личности, переминающиеся среди ночи с ноги на ногу.

На носилках значительно прошествовало прикрытое простыней тело. Следом появился завязанный в сетку Сфинкс, конечности его беспомощно болтались. Сержант торжественно нес исполненную в стиле супрематизма голову «конструктора» с застывшей улыбкой; одно положили в скорую, второе в ментовку, с головой залезли в мусорный фургон групзахи.

— Вот и поделили, чтоб никому не обидно было. Видно, душевный разговор с уродом зеленорылым не получился. Оно и понятно, он уже с дырой в мозгах был, — прокомментировал вынос тел и членов дядя Витя. Потом как-то засмущался, задымил выуженным из кармана хабариком. — Ты... я... я это самое, в вас. В общем, ты мне нравишься.

— Ага, ты торчал под окном, чтобы произнести эту маловразумительную фразу, — с подозрением откликнулась Мелания. — От побоев в тебе чувство затеплилось? Может, тебя еще раз по физиономии угостить, чтобы страсть разгорелась?

— У меня возвышенное, — принялся объясняться дядя Витя. — Ты в моей башке отштамповалась, потому что ты самостоятельная, совсем не похожа на камень. Наверное, думаешь на меня, что не ровня тебе. Дескать, я такая шикарная дамочка, а тут ко мне какое-то село привязалось. Могу тебя утешить, я уже не село, и тебе далеко до шикарной дамочки. Ну как, убедил я, ощущаешь ответное чувство?

— Ты все-таки скажи, как здесь оказался, почему до того не проявлялся с букетом цветов? Даже если ты финансово несовершеннолетен, насобирал бы по могилкам, да и пришел.

— Проявился бы я. Твоей ведьме только этого и надо было. А сегодня робполотер, штука такая самоходящая, про тебя напомнила. Давай, говорит, иди, спасай девку-бога-

тырку, от тебя не отломится. Я в нем «К2» распознал, зануду, ну и изничтожил устройство, провода оборвал, под кровать запихал, чтоб не командовал тут. Но пошел. Потому что все подчинено большой задаче стать большим и сильным.

Дядя Витя положил одну свою руку на лопатку Мелании, а другую на ее ребра. Возникало чувство. Когда он трогал Настьку, было совсем другое чувство. А нынешнее похоже на то, что появляется в мясном отделе при виде замороженного цыпленка. Он послал немного тепла к своим рукам, и ему показалось, что она чуть-чуть оттаяла. И в самом деле, Мелания положила голову на мятое плечо дяди Вити. Он вытащил из кармана несколько конфет с алкоголем внутри, которые прибрал из холодильничка в своем номере. Он сказал: «Накося», одну конфету положил ей в рот и одну себе. Они стали жевать. Дядя Витя погладил ее по взлохмаченной голове, ощутил плечом, как ходят тонкие косточки ее челюстей и чуть не заплакал. «Надо тебе хрящики жирком закрыть, — растроганно пробормотал он и продолжил уже по теме. — Как раз удачное сочетание получилось, и любовь, и производственная необходимость. По простому говоря, ты мне нравишься вместе с браслетом, гармония называется... С одной стороны твой облик меня радует, с другой стороны без браслета владычного я как бы бью наотмашь, нет точности в движениях. А мне надо, я на серебряное облако забраться хочу, подальше от камней. Я, наверное, как-то не так выразился?», — вдруг спохватился дядя Витя.

— Нет уж, иди туда, откуда пришел, и там выражайся, — сказала быстро очнувшаяся Мелания.

— А культура-то где? — сокрушенно сказал обиженный разбойник. — Э-эх, культура, сдохла ты до ее рождения.

— Тебя как звать? — спросила Мелания.

— Для человеческого обхождения зови меня дядей, то есть Витей.

— Так вот, Витя. Культурные люди если сделают какое одолжение, то через минуту не просят чего-нибудь взамен. Иначе поступок не засчитывается. Любовь с производственной необходимостью не сочетается, поверь мне.

— Ты ж петуха пленила, и он жизнь за тебя положил. Ты ж умеешь быть не только смотрящей в прицел, но и вежливой, ласковой, — начал увещевать дядя Витя, но он уже был на десятом этаже совсем один.

«Оболочка способна к самостоятельному поведению? Не побоимся сказать «Да». Искусственный ли ее интеллект? Пусть обижаются гордецы — но естественный, как у нас. Ведь мышление такого качества не закладывалось проектировщиками, а появилось в результате внутреннего развития. А естественное и самостоятельное не может действовать без различения: «приемлемо — неприемлемо», «хорошо — плохо», даже «приятно — неприятно». И оболочки любить умеют, как объявил бы классик».

За пазухой бибикнул терминал. Только надо было вводить мысли в нормативное русло, как опять остановка. Освальд недовольно посмотрел на экранчик. Там сновал проклятый мужичонка. «Чего уставился пупырышками? Сейчас твоего дружка повяжут», — известил экранный деятель. Атас, модуль-ниндзя «К2»! Вот союзничек-то прилепился сомнительный. Освальд нервно заерзал. Ведь он секретный агент. Однако спокойно вычислен, как обычный аспирант. Но Освальд вспомнил то, о чем думал-гадал в последнее время, и лицо его обрело обычное снисходительное выражение. Просто показался перед ним главный консультант оболочек по аномальной информации, и, по совместительству, друг человека. Зачем удивляться наклонностям «Кулибина-2», такую уж тот нашел экологическую нишу.

Освальд покинул стены из мореного дуба университетской библиотеки, по дороге в гостиницу постарался видоизмениться. Лицо скрыли смоляная борода и нос типа «руль», глаза, с помощью контактных линз, стали как сливы. Светлый чуб скрыла розовая чалма. На этакую живописную физиономию у него и документ имелся со времен охоты на сикхского электронного террориста, который уничтожал в базах данных всякие упоминания об индуистах. «Поезжай по Восьмой Храмовой», — опять проявилась программа-ниндзя. Ну, на это его можно уговорить. Освальд заметил: Восьмая Храмовая характерна тем, что по ней газует автомобиль с грузахами, ничем не отличимый от катафалка. Агент Фалько раскрутил турбину своей «Рашн-тройки» и обошел бодрую «похоронную команду». На ближайшем перекрестке он метким выстрелом расколол зеленую лампочку у светофора, отчего позади выросла тяжелая пробка, поглотившая грузахов. Те выбегали из машин, играли погребальные мелодии, грозились гробом, но никто не собирался их пропускать.

Дядя Витя открылся пытливому взгляду в пивзале тридцатого этажа отеля. Элегантные усы-щеточки намокли и опять стали сосулькáми, под носом было мокро, глаза порозовели. В подавленном состоянии дядя Витя отхлебывал одним глотком по полкружки.

— Ты что ль, Фан Фаныч? Или Хан-Султан какой? — произнес дядя Витя, промокнув рот рукавом, и тяжело икнул.

— Ну, я, я.

— Пришел администратор, — сказал тот, сдувая пену с пива, — совсем вдруг. И еще кто-то. Должно быть, бесы меня ущучили. Я администратора не трогал, вначале. Только плюнул ему в блюдце. Тому, второму, дал папахой по зенкам — и тикать. А вот коробочку твою выронил, когда размахивался. Стал большим, из пасти крылатая змея вылетела и полетела тебя искать. Покуда она тебя из камня выволакивала, администратор за мной увязался. Кажется, я ему, горемыке, сапогом промеж ног впаял. Я вроде не очень сильно.

— Ты при встрече у него спроси, что ему «кажется».

Агент и поднадзорный сели в лифт, спустились на первый этаж. Двери кабины раскрылись еще чуть-чуть, а они увидели, что здесь им делать нечего. Грузахи все же пробили пробку своим катафалком и теперь входили через главный, а возможно, и через другие входы, снова сильные, уверенные в себе. Их пиджаки топорщились от приспособлений для знакомства с интересными людьми.

— Нет, пожалуй, на улице плохая погода, — Освальд торопливо нажал на кнопку двадцать восьмого этажа, а затем лезвием ножа сковырнул кнопочную панель. На ней в гнезде сидела управляющая кристаллосхема, которую он переложил в свой карман. Оставалось только пристегнуть терминал и ввести давно знакомый код доступа.

— Кощей приказал каменному лесу сомкнуть ряды и нас расплющить, — «порадовал» дядя Витя.

— А мы подпрыгнем, — профессионально усмехнулся Освальд и, прощупав коды движения кабины, загнал два других подъемника на последний этаж. Он вложил в быструю память системы модуль «кукушка» и остался доволен операцией. Теперь эти лифты каждые шестнадцать миллисекунд посылались наверх, и буфер обращений к ним заполнился на ближайшие полчаса.

— Сейчас начинается высший пилотаж, — предупредил Освальд и начал управлять единственным оставшимся на ходу экипажем. Всякий раз, когда лифт тормозил на ка-

ком-нибудь этаже и в кабину заглядывали посторонние люди, дядя Витя их быстро отваживал. Кому плюнет в рот, кому пригрозит «козой» в глаза. Люди отшатывались в позорном испуге, женщины визжали, а лифт с пассажирами, нанеся травму нервной системе, следовал намеченным курсом. Внезапно кабина замерла, «штурман» дал полный вперед, но по молчанию машины понял — приплыли:

— Твой Кощей прибег к последнему лекарству от нас, питание вырубил.

— Где мы? — тревожно прислушиваясь, спросил пассажир дядя Витя, внезапно ставший узником.

— Висим между сороковым и сорок первым этажом, — разъяснил Освальд, все больше расстраиваясь.

— Эх, был бы парашют, — протянул сельский мечтатель. — А Кощей вон высунулся, смотрит.

— Помаши ему ручкой, скоро свидишься, — Освальд погладил руками стенки кабины и сказал для передышки. — Говорят, сейчас в моде просторные гробы. Заставляем ждать катафалк, нехорошо, Виктор Васильевич.

— А у нас в деревне Пахомыч вначале помер, а потом ожил, когда Петька догадался ему пятки прижечь, — с готовностью поддержал тему дядя Витя.

— И мы прижгем пятки, только не Пахомычу, — вдруг обрадовался Освальд. Он выдернул несколько листиков из записной книжки, свернул в трубочку и, запалив, поднес к пожарному датчику. Сразу заблестела надпись на потолке: «Аварийный выход».

— Мой костер в тумане светит, — заголосил дядя Витя.

Освальд действовал, как всегда, единственно правильным образом. Сигнал с обратным адресом кабины уже возбудил в гостиничной кибероболочке блок борьбы с огнем. Но это пока не тянуло на изображение всенародного бедствия. Агент пытался наскрести еще хоть пару адресов, а дядя Витя тем временем понимающе теребил усы. Потом вдруг стал махать руками и вертеться, как балерун. Он и хрипел, и радостно вскрикивал. Уже несколько раз Освальд собирался вырубить своего попутчика, вернее, беса, который в нем сидел, ударом по основанию черепа. Но делал все-таки скидку на то, что дядя Витя особенный. Наконец, тот закончил свой танец и утих в углу кабины.

— Хорошо порезвился, плясун? — неодобрительно спросил Освальд.

— Лес поджигал, — кратко ответствовал дядя Витя.

И с последним его непонятным словом вой сирен про-

сквозил шахту и проник в печенку. На головы полилась пенистая жидкость с резким запахом.

— Три десятка прерываний от пожарной сигнализации, — определил, несколько смущаясь, агент Фалько. На экранчике его карманного терминала баловался со спичками «Кулибин». — А приятель твой тут как тут, спорый на дурное дело.

— Тамбовский волк мне приятель, — спокойно заметил дядя Витя и поинтересовался. — Что это, шампуня течет? Банный день?

Пена прибывала живо, она уже подбиралась к дяди Витиным усам и не давала ему возможности нести околесицу. Освальду все никак было не выбить аварийный люк.

— У нас или недолив, или перелив. Или болтается на сорванных петлях, или закручено на десять болтов, — пытался философствовать он для успокоения.

— Как в этом плыть? Научи, Фан Фаныч, — пытался узнать дядя Витя, выпрыгивая из пены, которая была ему уже выше кепки.

Наконец, люк поддался и вылетел от удара лбом в прыжке — опять дядя Витя постарался. Освальд выскочил на крышу лифта, потом с трудом выудил напарника из мокрой могилы, умоляя его не дрыгать ногами в помощь движению: «Останови пропеллер, по-хорошему останови».

— Радуешь ты меня, дядя Витя, — сказал Освальд, начиная подъем по скобам, прихваченным к бетонной стене шахты, — лишь в порядке исключения.

Они добрались до ближайшего этажа, там Освальд аварийным рычагом отжал дверь и открыл выход к людям. А люди бегали, причем во всех направлениях, «пахло» адреналином. Изо всех сил старались системы пено-, паро- и порошкового тушения. Мгла застила воздух, как при Бородино. Неупорядоченное стадо сотрясало пол. Руки людей устали цепляться за чужие пиджаки и платья. Пока Освальд разбирался, куда бежит большинство, послышался возмущенный голос дяди Вити:

— Чего хватаешься, ой, рука, больно, ой, голова отваливается... чтоб вас понос навеки пробрал! — Освальд обернулся и понял, что дядю Витю замели. Двое крепких ребят работали над ним с ответственными сосредоточенными лицами: выламывали назад руки, били кулаком по шее. Освальд знаком показал дяде Вите, чтобы он не очень пялился на него, а набирался мужества. Пока тот пытался выполнить указание, Освальд для маскировки опустился на четвереньки и обогнул с фланга сцену грубого насилия над

представителем трудового крестьянства. По дороге агент задел низко идущим носом использованный огнетушитель и прихватил его с собой. Того, кто преимущественно ломал руки, Освальд сбил с пола подсечкой; кто специализировался на ударах по шее, получил локтем в печень и по затылку, отчего ноги у него совсем разъехались. Освальд еще тюкнул обоих грузчиков баллоном, и дядя Витя освободился от них окончательно. После этого он гордо прошелся по телам поверженных врагов к пожарному спуску, куда и стремились наиболее сознательные, слабо подверженные обалдению постояльцы гостиницы. Но даже такие граждане застывали в робости там, где надо было, наоборот, активничать. Пожарный спуск представлял собой балку до земли. За эту балку предстояло зацепиться страховочным поясом и с соловьиными трелями несмазанного самохвата заскользить вниз, чуть медленнее, чем при обычном падении. При этом наблюдать, чтобы скользящий сверху не наступил тебе грязными башмаками на голову. Несколько отчаянных доверились такому вот спуску и упали вниз с ревом подбитого самолета. Это не ободрило оставшихся наверху, напротив, некоторые лишились чувств и теперь их валяющиеся тела мешали броуновскому движению постояльцев. Даже у Освальда немножко защемило где-то внутри. Единственное, к чему он относился с недоверием, так это к высоте. Эх, если бы нырять надо было, подумалось ему. Но дядя Витя потянул его за рукав.

— Давай скорее пикировать, Фан Фаныч. Через пару минут здесь будет такой завал, что бульдозером не разровнять.

Он уже хотел сигануть вниз, пришлось Освальду побеспокоиться, надеть ему и себе хлипкие страховочные пояса, защелкнуть самохваты.

— Ты же не бомба, дядя Витя, — усовестил он прыгуна, но того уже рядом не было, донесся только вопль: «Иду на ты!» Пришлось и Освальду сделать шаг в пропасть.

На улице у подножия небоскреба уже сновали красные и белые машины, в белые укладывали соскользнувших с высоты. Судачили бабы и мужики, рассказывали об ужасах огненного ада спустившиеся с нижних этажей. Кто-то липкий опять хотел зацепить дядю Витю, но селянин своевременно обратился к публике, указывая пальцем на грузчаха.

— Вот этот вот курил, стряхивая пепел на ковер, паскуда неаккуратная.

Толпа плотным кольцом окружила оболганного челове-

ка и искала момент, чтоб поделикатнее приступить к линчеванию.

Освальду удалось своевременно изъять дядю Витю из списка обвинителей и утащить с места происшествия.

— Не мельтеши так, дядя Витя, не надо. Твои таланты за тобой не поспевают. Хотя воздушная стихия тебе всегда подвластна, это есть. Ты, случаем, не пилотировал ли когда-нибудь летательный аппарат? Не прыгал ли с парашютом?

— Без парашюта прыгал. С кровати на горшок. Да и то травму заработал, — хихикнул дядя Витя.

— Ладно, пока оставим. Ну а зачем тебе все эти кощеи с воинствами, троны, дворцы? Меня небось Серым Волком кличешь. Кто ты с такими делами: кладезь непреходящей дурости, народный мудрец или чемодан с двойным дном, набитый дрянными кодами? Не мумукай, а членораздельно изъясняйся.

— Ну, не имел я с террористами вась-вась, в диверсиях не разбираюсь! Я как в художественной самодеятельности, надел ходули на ноги и стал вдвое выше. Врубаешься? Вроде умным-то выглядишь на большом расстоянии.

— Ну где, где ты видел Кощея, где вас с ним познакомили?

— Жизнь познакомила, боец. А словами такими бабкиными называю для понятности и чтоб не так страшно было. Ладно, не дворец Кощея, а спица, острием упирающаяся в небо и высасывающая из него силу. Не кощеево воинство, а хищные камни, которые вертятся вокруг спицы и глотают людей и всякую такую живность.

— Грамотно объяснил. Ну, проглотили, и что дальше?

— Дальше кайф заслуженный. Кого камни усвоили, тот уже до небесной силы не доберется. А что такое камень? Это то, как нас — людей, улицы, дома — представляет дворец. Какие мы должны быть. Когда мы в камень, в кристалл упорядоченный забиты — тогда порядок в полку. Может, тут вообще оболочки замешаны, но теорию развести не могу, потому как учился понемногу и незнамо чему.

— Жалко, если ты мне соврал, дядя Витя. Учти, обижусь. И будет тебе небо в единообразном узоре и дворец огороженный.

— Жалко у пчелки в попке. А я еще одну четверть окаменелого царства проскочил. Скоро в небо стучаться буду, — в порядке самоутешения произнес дядя Витя.

— Смотри лучше, как бы на тебя не стукнули, юродивый.

Блок 14

С аэропортом Мелании по большому счету пришлось распрощаться. Не стоило мелькать в местах, где легко засветиться. На железнодорожных вокзалах тоже нескучно, хотя там слишком густой суп варится. Все трется, елозит друг о друга, как вермишель в кастрюле. Не стало скорости, пыль осела. А на пыль то и дело наступают сапоги. Подметки не давили на нее, потому что браслет еще окутывал ее слоем личного пространства. Но время от времени Мелании приходилось отваживать тех, кто назойливо лез в ее частные владения. Какое-нибудь неизысканное рыло, которое, дыша перегаром и луком в лицо, собиралось согнать ее со скамейки. Или рыло, что желало стащить из кармана последнюю кредитку. Или схватить за давно костлявую попку. Мелания поступала всегда безошибочно. Она хватала рыло за ноздри и нажимала ему на глаза — это помогало. Иногда вступал в действие Кот и довершал разгром.

Однако появиться на аэровокзале ей пришлось — она там вступила в сговор с одним из приспешников Кожаного, известным по гордому имени Бацилла. В другие шайки она была не вхожа, а роллер увести со стоянки иногда хотелось — чтобы умчаться по республиканской магистрали куда-нибудь, где попросторнее.

Бацилла взял аванс за работу, чудом сохранившееся на Меланьином пальце обручальное кольцо, и роллер действительно спер. Вынул изо рта ССС, которая держала его на языке, чтобы сшамать того, кто наведается за своим имуществом. Так, по крайней мере, обрисовал Бацилла. Затем он слюнявым голосом детсадовца попросил разрешения покататься с денек. Мелания согласилась на добрый поступок, потому что другие ей были недоступны, разве что разодрать Бациллу на куски силами Кота. На следующий день она снова выловила вора, и тот опять попросил разрешения, но уже небрежно чавкая резинкой. На третий раз Бацилла посмотрел невинным мутным взглядом и поинтересовался:

— Ты наверняка знаешь, что это твой аппарат?

— Уважаю придурков, ты еще пусти слюни по ветру. Да у меня документов на него полна коробочка. Понял, нет?

— Ты их вначале завизируй у ближайшего мента. Потом записывайся ко мне на прием. Может, и найдем общими усилиями точки соприкосновения частей тела. — Бацилла величаво удалился, напевая: «И тот, кто с сексом по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет».

Тогда Мелания перебежками направилась с челобитьем к руководителю шайки Кожаному. Тот, как обычно, «принимал» в буфете, закрытом на переучет. Кондиционер дышал в его черноволосую грудь, перед ним раскинулись блюда для услаждения сытого желудка. Кожаный выслушал ее с лицом уставшего от мелких дрязг графа.

— Сами видите, я вам понадобился раньше, чем вы мне. Допустим, машина ваша. По крайней мере, была ваша. И документы, возможно, не поддельные, — он спрятал их в глубокий карман. — Но ведь и вы не подарок для нас. Вы столько дней, вкушая радости нашего гостеприимства, ничего не давали взамен.

— Я не заметила, бугор, что ты в чем-то нуждаешься, ты бы хоть намекнул, подмигнул, сделал бы пальцами знак.

— Ну, милочка моя, приехали. Я вами разочарован. Вы производите на первый взгляд лучшее впечатление. При чем тут нечто грубо вещественное, плотское? Вы ничего не давали нашей идее. Мы не могли понять, кто вы, а вы не объясняли. Мы и так были напуганы действиями свирепого разрушителя, который чуть не разорил наше родовое гнездо. Мы были жалкие? Да. Мы были слишком добропорядочные? Тоже да. И вы пренебрегли нами. А теперь вас покарала судьба. Хотя внешне это похоже на мелкое мошенничество. Вы верите в судьбу, сударыня?

— Верю, в то, что быть наглым и дурным одновременно — невыгодно. Почему ваша судьба не карает «мелкого мошенника»?

— Пожалуйста. Сейчас он жестоко поплатится, — с готовностью отозвался местный лорд и поманил пальцем беспечного Бациллу. — Вы меня расстраиваете. Прошу удалиться с глаз моих.

— Но куда? — воздел руки Бацилла. — Где еще так ярко будет светить солнце, как не рядом с вами, сир?

— В зоне, — подсказала Мелания.

— Уезжайте в свое поместье, — повелел Кожаный «опальному» Бацилле. Тот шмыгнул носом и ушел хихикать на ушко буфетчице. Кабан Бука отрегировал заливистым хрюканьем.

— Тихо, животное. Вам слова не давали, — оборвал его местный властелин и вновь обратился к Мелании. — А вы, сударыня, не хотите сделать пожертвование на несчастного ссыльного каторжанина, лишенного всего из-за вашей мстительности? Вот этот браслетик мог бы быть слабым утешением. Друзья мои, помогите даме.

Браслет камнем лежал на запястье. Вокруг никакого кокона. А звери поднимали морды. Не благородные хищники выглядывали из зарослей, а пресмыкающиеся вынимали свои сплюснутые головы из грязи.

Умелец Пальчик, не поднимаясь со стула, протянул длинную, вроде даже змеящуюся руку с пальцами-червями, сдернул с Мелании браслет и перекинул Кожаному.

— Ну, теперь вам пора, сударыня, карета ждет.

— Очень приятно было посетить зоопарк, — сказала Мелания. — Жаль, таблички не висят, не разобрать, где какая порода сидит.

— А вот это совсем плохо, — удрученно произнес Кожаный. — Господа-товарищи, она не сударыня. Сударыни так не говорят.

— Тогда я требую уважения к своим чреслам. Роди мне ребеночка, маленького, — предложил Пальчик Мелании.

— Сатисфакции... и мне... и мне, — загалдели воры, а двое юношей с льняными волосами хором сказали: — И нам тоже маленького.

— Пролетарии, в отличие от ханжей-буржуа, не боятся голых баб, — заявил зам по идеологии Болт. — Я организовал здоровый трудовой секс в десятках рабочих семей — везде одни благодарности. Какой там буржуазный искусник любви может сравниться со мной по показателям.

— Не верь им. Сколько ни бьюсь над их воспитанием, а все ж любят неправду говорить, — с сожалением выдохнул Кожаный. — Для Болта главное план гнать. У него, знаешь сколько этих ребеночков, и маленьких, и больших. Он их тут в буфете, выпив компота, зачинает. И Пальчик у нас развитый, к сожалению, только одним местом. А однажды здесь при Буке был престранный случай — у одной женщины пропали трусы. И этим бледноголубым юношам не особо доверяйся, они любят только друг друга.

— Мы разносторонние, следовательно, прекрасная подходящая по конкурсу наследственность, — сказали юноши и исполнили что-то вроде па-де-де. Когда они повернулись к Мелании задницами и завращали ими в ритме вальса, то ее проклятия наконец воплотились. Из сумки появился Кот и провел выпущенными на дюйм когтями по усиленно движущимся частям тела. Раздались два крика в унисон, треск рвущейся материи, и белизна штанин обагрилась кровью. Кот действовал почти самостоятельно в силу набранного опыта, БИ-канал от Мелании отсутствовал. Но сигналы Кот все-таки получал. Действия второго рода предпринимал сам Кожаный с суперБИ на руке, хотя и не до

конца понимал это. Поэтому Кот был крайне изощрен в насилии. Воры кидали ножи, обрушивали стулья, отмахивались куртками и нунчаками. Но после того, как Кот удачно вклинился между двумя бойцами неприятельского стана, и Бацилла заехал кастетом Пальчику, Кожаный протрубил отход.

— Если б можно было стрелять, — сказал он напоследок Мелании. — А с вами я порываю всяческие отношения. Стыд и срам, как вы могли...

Истерзанные Котом ушли через подсобку буфета вместе с ее браслетом. Кот спрятался в сумку, выехал робуборщик протереть замызганный пол. И тут Мелания поняла, браслет утек от нее потому, что так захотел Даритель. Он освободил ее от всего — вначале от подчинения, потом и от защиты, что вполне справедливо. После «Илиады» наступает «Одиссея», пора шныряний по темным закоулкам. А ведь с такой штукой, как браслет, особенно не затихаришься.

Блок 15

Генеральный инспектор два часа разносил своих подчиненных, начальников отделов и старших инспекторов, пока с удовлетворением не убедился, что от них остались дымящиеся руины.

— Речи ваши приятны на слух. Но в них сквозит одно твердое убеждение, что кибероболочка проделает за вас всю работу. Я вам верю. Действительно, сведения поступают. А результат один — мы везде опаздываем. Это все равно, что ехать жениться, а приезжать, когда уже родился ребятенок. Вы так себя ведете, господа хорошие, будто кроме вашей оболочки ничего нет на свете. Но сделайте выводы. Может, я морально устарел, но наш род деятельности единственный, где есть еще поле для размышления, каким бы парадоксом это ни звучало. Итак, на вашу оболочку у них есть своя оболочка. На каждую хитрую задницу есть болт с винтом, так, кажется, говорят дети. Этот «К2», уверяете вы меня, просто программный продукт каких-то изверг. Но он ведет себя, будто это мы продукты, а не он. Куда вы меня завели? Туда, куда нужно — разве что не нам. Только сейчас мы получаем от узлов слежения интересные подробности. Оказывается, по городу бродит двусторонний суперБИ. Он в присутствии «К2» и в отсутствии техники эффективного обратного воздействия может наломать дров. Некая дамочка разгуливает с ним, и вы меня уверяете, что

она объект со случайным движением. Ну, а дядя Витя, сельский гость, простак и лапоть, как вы считали — он тоже болтается, как дерьмо в проруби? Нет, дядя Витя рыщет по городу, вынюхивая суперБИ, и, когда схватит его, то улыбнется. Но вам станет не по себе. Могу пообещать, что я пропишу вам хорошее рвотное... С этим дядей в смычке работают люди, матерые волки, целая стая, а вы мне рассказываете, какие у них красивые усы, бороды, кепки, чалмы. Может, и нам чалму нахлобучить на одно место для значительности?

Внезапно в процесс вздрючки подчиненных вклинился зам по системотехнике:

— Разрешите обратиться, по восьмому каналу важное сообщение.

Генеральный глянул на экран своего терминала, потом на бледную аудиторию сильно помягчавшим взором.

— Совершенно секретно, коллеги: из уст в ухо. СуперБИ засечен в аэрокосмопорту. Носитель — человек по кличке Кожаный. Информация на него как-нибудь есть. Инспектор Метелкин, получите оперативные данные по каналу 012 и с усиленной группой дуйте на всех парах в аэропорт. Местную милицию не забудьте оповестить, чтоб не получилось, как в прошлый раз, — и генеральный добавил, только уже тихо, для себя. — А я домой, притомился что-то с вами, микроцефалами.

Генеральный зевнул и вышел, оставив своих офицеров в сомнениях и хлопотах. Ровно в момент окончания рабочего дня он покинул здание и с сознанием выполненного дневного долга пошел на стоянку, где его поджидал черный элегантный, под стать ездоку, лимузин с шофером-каратистом. Генеральный в который раз, но все равно с неизменной силой порадовал свой глаз приземистым мощным контуром автомобиля и параболической антенной на его крыше, похожей на шляпку гриба поганки. «Эх, взять Белиндочку, да в лес, по грибным местам. Хорошо валять девку по свежей росе. Любит моя крестьяночка трудиться на барине». И вдруг что-то стало тянуть лицо генерального вниз, к земле, тут же возмутились шейные позвонки. «Инфаркт? Если б знал, так беречься бы стал в десять раз больше». Захотелось обратиться к некоему верховному главнокомандующему, попросить отсрочки. И отсрочка пришла, генеральный убедился в том, что кто-то тащит его за нос, одновременно затыкая рот, а в пятый шейный позвонок уткнулась некая железяка. И еще из-за спины вещает отвратный гнусавый голос:

— Одно неловкое движение, и голова улетит.

— Что вам угодно? — с презрительной усмешкой сказал генеральный.

— Не лыбься, скот, — предупредил негодяй, заметивший его мужественность, — а то яйца поотшибаю.

Презрение к врагу сразу куда-то испарилось, как же с Белиндой-то потом, если взаправду поотшибают? Лютый враг сурово продолжил:

— Назовите персональный код доступа.

— У меня разные коды для разных задач. Может, вас устроят деньги?

— Еще одна такая фразочка, и ты сильно упадешь в цене, фраер. Повторяю еще раз для крупных теоретиков. Персональный. Его иногда называют «трубный зов». По нему все секретные узлы слежения обязаны откликнуться.

Генеральный наобум назвал несколько слов. Сзади слабо пискнул терминал — вражий гад хорошо оснастился.

— Эта шутка на сегодня последняя. Итак, я вас слушаю со всем вниманием, — раскусил его противник.

Железяка стала выдавливать шейный позвонок. Похоже на пистолет или бластер, сообразил генеральный. Пшикнет по-тихому, даже воробей не отпрыгнет, а меня нет. Пожалуй, мы с Белиндочкой важнее, чем какие-то секреты. Тем более, что победа все равно будет за нами. А я после победы ой как ко двору придусь.

И тогда большой начальник впервые сказал чистую правду.

— Вот это мне уже нравится, — отозвался налетчик. — Поди догадайся, какой ты делаешься хороший, когда тебя попросят.

За несколько секунд генеральному были залеплены пластырем глаза, сам он положен под какую-то сочащуюся вонючей жидкостью машину, а на голове оказался нераспознаваемый коробок.

— Считай, что это корона. Ты ее заслужил. Она среагирует в течение получаса на любой вопль или дрыганье. Станешь тогда король без мозгов. Может, для тебя это приемлемо, но не расстраивай подчиненных.

И все эти полчаса генеральному страстно хотелось чихнуть. А потом, по истечении получаса коробочка оказалась не взрывным устройством, а спичечным коробком. И генеральный так расчихался с горя, что проходившие мимо люди шарахались или отворачивались, а он еще с четверть часа не мог отдать никакого приказа. Когда же генеральный снова стал могуч, как обычно, и вернулся в здание, и

навел ужас на дежурных офицеров, и поменял «трубный зов», было в каком-то смысле поздно. Все секретные узлы слежения были рассекречены, и теперь им надлежало менять адреса. А еще оказались затертыми данные на одного, но самого неприятного гражданина. От Виктора Васильевича Лучкина, собственно, ничего, кроме фамилии, имени и отчества, не осталось. Ни лица, ни радужек, ни отпечатков пальцев, ни состава запаха, ни «истории болезни». Кого искать, за что хватать, был ли задержан, чем виноват — все непонятно. Рыбка ушла из невода, и кто знает, будет ли такая мелкая ячея в сети, чтоб попалась она снова. «Ничего, злее станем, — утешил себя генеральный, а пока что — нет человека, и нет проблемы».

В то время, как такие переживания обрушивались на давно изнежившегося от всеобщей любви генерального, в аэропорту все шло запланированным, приятным начальскому глазу образом.

Кожаный удивился облаве. Более того, он был ранен до глубины души и страшно обиделся. Столько лет между ним и местными законоблюстителями царил мир. «Салям алейкум — алейкум салям». Он «цивилизовывал» своим побором и порядком всякую шушеру, прибивавшуюся к вокзалу, кого надо — лично гнал в шею. Главное, чтоб все было благопристойно. И сейчас, если он чего упустил, можно ведь и намекнуть. Надо вам добычу для галочки, пожалуйста, вот она.

Началась беда так. Кожаный сидел в своей штаб-квартире, в буфете, и медитировал на ягодицах буфетчицы, которая пыталась добраться до жирного таракана-альпиниста, забравшегося высоко-высоко по стене и там устроившегося. Прибежал взволнованный потный Бацилла и доложил, что двух жизнерадостных педиков зашухарили в сортире, как раз во время любовного поединка. Что «зама по идеологии» Болта повязали во время сольного выступления перед группой провинциалов, в котором герой кроватей совершенно справедливо порицал либеральное отношение к насильникам и грабителям. И Пальчику не дали окончить танец, взяли за жабры, когда он чистил чемоданы этих самых провинциалов. И Буку прихватили на ноте «ля», он как раз наводил макияж на одного непослушного таксиста.

Кожаный поднялся, застегнул плащ-халат на животе, и тут в буфет зашли два знакомых мента, на сей раз суровых, как аятоллы, и двое в штатском с набрякшими, скучающими по работе кулаками. Кожаный швырнул на них Бациллу и стал скрываться через подсобку. Но и с черного

хода вбегали люди с недружественными лицами. Уязвленный нечестностью Кожаный вскричал: «Я плюю на вас, пигмеи, шибздики духа!» и выкинул в окно то, что покоилось в карманах, что имелось на теле. Деньги, финку, браслет, перстень, рацию, газовый пистолет. Поэтому Кожаному было не так больно, когда ему стали крутить руки. Все выброшенные вещи явились манной небесной на стоянку робобусов и такси, раскинувшуюся внизу. Вполне порядочные на вид люди действовали как бы невзначай, но точно. Накрывали подметкой понравившийся им предмет, потом наклонялись, вроде бы завязать шнурок, и хвать — трофей в кармане!

Пожилой благообразный джентльмен, садящийся с достоинством в такси, заметил подозрительное движение шофера, который помогал ему укладывать чемоданы, и сказал пронзительным голосом хищной птицы:

— Что это вы там зажали между ног? Ну-ка, поднимите башмак.

Шофер нехотя подчинился и открыл цепкому глазу джентльмена черный браслет.

— Ого, да это ж браслет моей супруги. — Джентльмен заметил возмущение на лице шофера и добавил несколько убийственных фраз. — Или вы хотите сказать, что тоже носите женские украшения? Может, вам серьги подарить или подвязки?

Благообразный мужчина саркастически засмеялся.

— Но ваша жена здесь не стояла, — сказал огорченный шофер.

— А вы здесь всю жизнь стояли. Бессменный часовой, ха-ха. Моя жена уронила вещицу вон там, она покатилась, тут вы ее и накрыли, как коршун. Правда, Машенька?

— Ах, если бы ты умел врать, — не подвела боевая подруга.

Шофер в сердцах швырнул чемодан, захлопнул багажник, прищемив себе палец, и пошел, расстроенный, к рулю. Победитель дискуссии забрал браслет как приятную мелочь.

Однако уже дома Машенька объявила, что не будет носить такой подарок, слишком уж он мрачный и чересчур дешево достался ее муженьку. Лучше подарить браслет какой-нибудь скверной женщине на день рождения.

— Эдак ты весь дом раздаришь, — неодобрительно сказал джентльмен, он же Николай Епифанович Смеляков, доктор киберологии.

— Эй, фатерлянд, дай-ка мне, я в нем на танцы пой-

ду, — дочь Алиса завладела браслетиком и с трудом натянула его на свою руку, более похожую на свиной окорок. Вся Алиса была внушительная девушка, однако любила быстрые пляски, потому что с медленными танцами, вернее, с разбегающимися кавалерами, возникали затруднения. Между прочим, быстрые танцы любили ее в ответ и быстро покорялись. Когда-то хорошие врачи насоветовали ей такое приятное и полезное для веса занятие.

— Дай червонец, — сказала Алиса папе.

— Деньги тебя испортят, деньги всех портят.

— Ладно, мне пора.

— Куда ж ты пошла, еще не покушала, совсем слабенькая, бледненькая, — вскричала встревоженная мать.

— Да провались ты, маменька, вместе со всей жратвой в сортир, — отбивалась дочка.

С последним Алисиным словом на кухне рвануло, вместе с дверью в соседнюю столовую комнату полетели лапша, фрикадельки, кнели, фарш, живая рыба щука. Фарш залепил все представительное лицо Николая Епифановича, превратив его в шутовскую рожу для ярмарки. Щука впилась женщине-матери в нос. Лапша повисла на дочери африканской прической. Проглотив часть фарша, Николай Епифанович испустил зажигательный клич: «Диверсия, Маша, вызывай органы». Маша в это время металась по комнате, пытаясь отодрать от себя хищную рыбу, и кричала гнусавым из-за сжатого носа голосом: «Спаси меня, Коля!» Алиса же, рассматривая себя в зеркало, приговаривала: «В кайф». Наконец Маша перестала надеяться на Колю и победила рыбу, затем вбежала на кухню, преодолела сопротивление все еще летящего фарша и повернула рубильник.

— Какие там органы, просто скороварки взорвались да мясорубка взбесилась. Неполадка в управляющем модуле, я сейчас техника высвистаю, — сказала опомнившаяся Маша. — Тут еще немного лапши осталось. Алиска, за стол, иначе никуда не пойдешь.

Николай Епифанович тоже образумился, опустил в нормальное положение закатившиеся было глаза.

— Алиса, дочь, дай скорее мне браслет, — девушка надула от недовольства щеки, отчего стала похожа на самовар, но отца послушалась.

Воистину у Николая Епифановича было чутье, не зря люди называли его доктором киберологии. На следующий день он пришел с браслетом на работу, в родной Центр Киберологических Исследований и, немного покумекав, вывел из строя дорогостоящую установку в конкурентном отделе,

которым заведовал пейсатый зануда Лев Исакович. Потом Николай Епифанович сел разбираться с браслетом. После детального изучения сомнения истаяли — к нему в руки попал суперБИ.

Блок 16

На следующий день после операции ССС в аэропорту, выписался, наконец, из психбольницы старший инспектор Драницын. Вник в положение вещей, вошел в обстоятельства, после горячей обработки в кабинете генерального закрыл до лучших времен дело на Виктора Васильевича Лучкина. Пошел на явочное место, в пивную «Желтая река» для встречи с агентом Фалько. Некоторое время оба сидели молча, погружаясь сознанием в кружку, выдерживая паузу значительности.

— Ну, посмотрим, что вы мне поведаете, — начал Драницын.

Агент Фалько рассказал все, чему был свидетелем и участником.

— По идее, я должен арестовать вас прямо сейчас, — тяжело вздохнул старший инспектор, — не понимаю, почему вы не попытались соврать мне.

— Я никогда не вру, если мне это не нужно. Просто мы с вами, Феодосий Павлович, заодно. Так сказать, заединщики. Вы благословили меня на труд и на подвиг — и половина успеха ваша. Я считал ваше молчание — а две недели вы не давали никаких ценных указаний — как разрешение на свободный творческий процесс.

— Я лечился, — сказал старший инспектор, но понял, что выглядит неубедительно, и стал говорить отрывисто, почти гавкать: — Я просил вас оказать мягкое содействие, а вы накуролесили больше, чем сам преступник.

— Согласен. Каждый из нас наколбасил больше, чем сотня дядей-Витей, вместе взятых.

— Вы вели себя, как головорез, террорист и предатель.

— Вот именно. Только наоборот. Не головорез я, террорист и этот, как его, но специалист, но сотрудник отдела особых операций. Долдонам из Регионалки мы, конечно, не скажем, как мы их облапошили. А вот Центр, я уверен, поймет такое развитие событий.

— Центр не поймет никакого развития, — горестная складка прорезала лоб Феодосия, — потому что Центр не знает начала. Я не успел связаться с ним.

Эта новость не очень подкосила Освальда. Он чувствовал, что уже не пересядет на другую половину стола. Центр обязан... когда-нибудь поймет... если нет, то это центр стада, которое прет неизвестно куда.

— Ну так свяжитесь с ним сейчас, — зевнув, предложил Освальд.

— Теперь, после того, что произошло? — захныкал старший инспектор. — Там не любят, когда о таких крутых делах им сообщают полмесяца спустя, мол, примите к сведению. Все, Освальд, тебе конец. Мои указания записаны. За них меня разве что пожурят и переведут в исследовательский отдел, в голове чесать. И ничего ты мне не накрутишь, как ни старайся. Тебя, наверняка, мне «К2» подсунул, когда я отбирал по картотеке.

— Меня не станет, а вы продолжите, как ни в чем не бывало, создавать ВОРа. Как странно звучит на нашем языке Big Common Sence. Невзначай так перевели, но метко. Вот, например, у одного знакомого инспектора этот недоношенный ВОР уворовал способность соображать.

— Узнаю рулады. Только в прошлый раз их выводил один законченный примитив. Почему дикость заразна?!

— Тише, Феодосий Павлович, не мешайте людям отдыхать нашими скучными малокультурными препирательствами. Меня неприятно поразило лишь то, что вы с удовольствием выслушали перечень происшествий, но не спросили «почему», как я докатился до такой жизни. Вам разве неинтересна моя аргументация?

— Совершенно. Я просто допиваю свою кружку. Ну, вот и пообщались, — Феодосий уже поднялся.

— Зря вы так. Сегодня отличное пиво, заманчивая рыбка. Чтоб вы их все-таки отведали в симпатичном объеме, срочно перехожу ко второй части нашей дружеской беседы. Вы, кажется, забыли кое-что. Феодосий Павлович, у вас есть жена по имени Мелания. По крайней мере, две недели назад еще была. Не хотел бы вас расстраивать, но такова селяви. Она проходила по делу дяди Вити как анонимный носитель суперБИ. Справедливо считается, что дядя Витя вынюхивает этот браслетик. Совместное действие жены и суперБИ мне известно из его рассказов. И сдается мне, чудесный браслет завелся в вашей семье, когда она еще являлась дружной и образцовой.

Феодосий рухнул на стул, как пригвожденный штыком. Едва не опрокинулся. Освальд успел поймать падающего инспектора, после чего заботливо подвинул к нему новую кружку.

— Распроблядский браслет! Но вы не сможете это доказать, Фалько.

— Во-первых, «сможете». Во-вторых, не имеете права оглашать всуе мою фамилию. В-третьих, эпитет браслету вы очень удачно подобрали. Откуда его принесло на нашу голову, теряюсь в догадках. Так вот, достаточно назвать вслух бедную женщину, и нашей простоватой Регионалке все станет совершенно ясно. Она мигом состряпает криминальный сюжет с лихо заверченной интригой. Послушайте, чего навернуть можно. У дяди Вити целая кодла приспешников: сексот Освальд, Мелания, ах, чудесное имя, и уж наверняка ее муженек, волк в овечьей шкуре, в стороне не стоял. Какое чудесное дело второпях прикрыл генеральный, сколько еще драматургии осталось. Возможно, предстоит громкий процесс: «покушение на будущее наших детей», «не хотим ходить по одной земле с этими мерзавцами-извергами». А скорее всего, браслет окажется чрезвычайно таинственной штукой, и тогда все свершится без публики, в присутствии только нескольких ценителей. Тихий хлопок шприцпистолета, слабый, едва заметный укол, сравнимый с укусом комарика, и через полчаса инсульт, а если повезет — инфаркт. «Товарищи по борьбе, — споет потом полковой отпевальщик, — эх, ушел от нас светлый ум». Заодно и чистые руки, и горячее сердце, и другие части тела уйдут гурьбой в объятия сапрофитов. Теплая встреча намечается под гранитной плитой.

Феодосий встал еще раз. Ему очень хотелось дать агенту кружкой в лоб. Тот перехватил его мысль и слегка подвигал плечами, чем немедленно охладил пыл старшего инспектора.

— Ну, мир, дружба, братание в войсках, — предложил Фалько. — Сейчас еще по пиву и перейдем к части первой — позитивной и по-доброму волнительной. Согласны?

— Согласен, — вздыхая, как беспокойный призрак, отозвался Феодосий и сел, съежившись, будто из него выпустили воздух.

— Я знаю то, что вы можете сказать. Мне уже надоел балет, где одни пляшут в белых трико, другие в черных. Тут — злодеи, там — добряки. Тут лебеди белые, там жабы бородавчатые. Но даже если дядю Витю задымили супраэнцефалином и надышали в него кодов для приманивания «К2» — проку от этого никакого. Сто ли, тысяча вредных модулей, даже самых приблатненных, не произведут большого впечатления в мире нынешних кибероболочек. Информацию у вредителей возьмут, но кто сказал, что

жатель дяди-Витиного дела. Шастает по тропке, что протоптал ему бес-неформал «К2». Подозреваю, в пробуждении демонической мощи дяди Вити поучаствовали и вы, Феодосий Павлович. Рылись у него в подсознании, как у себя в кармане.

— Теперь еще дядю Витю-матерщинника на пьедестал, станем ему пиво со стихами подносить. Кто икнет — того казнить за оскорбление святыни.

Освальд подозвал киберрусалку с краном вместо носа. Она брызнула пивом в кружку инспектора, не забыв прочитать ему стихи о пьющей, но доброй старушке.

— Все, Феодосий Павлович, вы квиты с дядей Витей по части поклонения... Кстати, насчет пристрастия нашего крестьянина к образу змея. Ведь в некоем тридевятом царстве средство управления боевой машиной, хоть и зовется айкон, но на внешность чистый дракон. Благодаря айкону боец научается четкому употреблению кодов мыследействия для общения со своими оболочками. Кибероболочкам четкость нравится. Должно быть, именно в том царстве дядя Витя намастачился летать и падать без страха и упрека.

Феодосий почувствовал неладное:

— Я тебе говорю как человеку, а не змею — меня тошнит. Меня почти рвет фонтаном. Понимаешь, не доходит. Что за тридевятое царство? — и посмотрел мутными глазами.

— Самое обыкновенное. Космика. Увы, не шобла воровская дорвалась у них до власти, и плутоны — не сказки баюнов-пропагандистов. Какую бы фигню ни тискали в наших газетах про Космику, но тамошний небесный народ сшибся рогами с теми же самыми кощеями, что и дядя Витя в наших земных краях.

— Тьфу, заткнись, изыди. Я ничего не слышал, ты ничего не молол тут. Посидели, попили пивка, отдохнули, это нормально, — загундосил Феодосий, прикрывая нос рукой. — Глобальная контрразведка всю трепотню о Космике давно прикрутила. Если будешь думать, что ты баба-яга в тылу врага, они тебя найдут, не надо лампочку под животом вешать. Они сморкнутся разок в упор, и станешь лучом света в темном царстве. Чего ты доказываешь, кому? Посмотри на эти рыла вокруг. Им — хорошо. А Глобалке и так все известно, ее все устраивает, как есть. Зачем же рубахи рвать, пупы царапать? Ведь нельзя завязывать с самообработкой информации, иначе наступит каменный век, развитой палеолит. Вот когда вызреет твоя неожизнь и начнет права качать, тогда уж Глобалка встрянет и любому врагу неизбежно надает по соплям.

— «Неизбежно» — это когда петуха к курам запуска-

ют, — оспорил Освальд. — Кстати, есть мнение, что золотой век благополучно закончился в старорежимные времена, а сейчас как раз каменный, в лучшем случае железный.

— Нет, зря вы разговорились. Всегда были такой молчаливый, значительный. Если чего и скажете, так анекдот про поручика Ржевского. Я вас столь уважал после того, как вы победили в плевании на дальность, — продолжал испуганно лопотать Феодосий, а затем переключился без связи: — Почему среди умных сволочей больше?

— Теперь меньше. Умный, даже если сволочь, долго не протянет.

— Если дядя Витя взаправду офицер Космики, то представляю, какие там генералы. Между мной, тобой и им — Обводной канал и баржа с гробами. И с Меланией надеюсь больше не свидеться на жизненном пути. Оформлю односторонний развод за неявку домой, и привет.

— А меня куда, Феодосий Павлович?

— В баню, хорошую сельскую баньку. Пивком по стенкам плеснул и ловишь кайф — пошла сублимация. Поедешь, Ося, в провинцию, где жизнь без напряга, на проветривание головы. Правой рукой вольготно ковыряйся в носу, а левой дельце проверни. Там в одной деревне какой-то недобиток кристаллосхемы нелицензионные паяет. Из-за этих говеных схем всякие там Коты, Петухи, роллеры и прочие мелкие гады мне жизнь поломали, как большие. Не понимаешь? Утроба ты, эгоист, — всхлипнул Феодосий. — У них прямая смычка с твоим любимым «К2». Тот им самые подлые мыследействия доходчиво расшифровывает. Короче, положишь на того Левшу лапу, чтоб не вонял больше. Мандат я тебе до вечера оформлю. Чтоб завтра от тебя и скрипа не осталось. Усек?

— Как не усечь. Итак, прислушайтесь, Феодосий Павлович. Моя скрипка заканчивает на высокой печальной ноте «ля». Ничто на свете не происходит само собой. А если и происходит, то по нашей дурости.

Тут к Феодосию стали недвумысленно задираться двое, в черных куртках без рукавов, с вздутыми бицепсами, на которых имелось письменное предупреждение: «Не обижайте маленьких». Как обычно, ни с того, ни с сего они желали дать инспектору кружкой по зубам. Освальд не стал задерживаться, его ждала дорога, и он отправился собирать вещи.

Феодосия Павловича уже вовсю били, но оболочка телесной безопасности не торопилась откликнуться на его путаные сбивчивые зовы.

Дядя Витя все удивлялся, куда это мог запропаститься Фан Фаныч, он же оборотень-ассистент Серый Волк. Ни на какие срочные вызовы тот не отвечал, хотя и обещал подыскать способы улучшения жилищных условий. Впрочем, дядю Витю никто страшный и не беспокоил. То ли Фан Фаныч оказал весомое содействие, то ли сам дядя Витя крайне удачно затырился. Он жил в ожидании лучшей доли на краю ойкумены, на городской помойке, что раскинулась между погостом и аэроспейсвокзалом, символизируя связь простого и сложного, разложения и созидания. Хреновая по быту была жизнь. В насыщенной атмосфере данной среды обитания нюх был сбит все время с толку, поэтому отличить свежие продукты от несвежих можно было только после многих проб и ошибок. Вот и напоминала работа пищеварения прогноз осенней погоды. Компанию составляли крысы, среди которых появились добрые знакомцы Петя и Володя, а также коты. Правда, с последними трудно было найти общий язык. И раз за разом шли в психическую атаку тараканьи армии, поддержанные с воздуха эскадрильями тяжелых мух. Были у него и соседи-гуманоиды, которые жили в хоромах, выстроенных из пустых молочных пакетов. Их звали Никифор Самотрахский и Вечный Запах. Однажды дядя Витя заскочил к ним в гости посмотреть на телевизор, который иногда показывал. Эти двое, закончив дискуссию с диктором, стали спорить об искусстве.

— Ты, сучий потрох, Мандельштама не трожь, а то вилкой дам.

— Некрасиво и грубо. А за Ахматову я тебе всю рожу заплюю, в три дня не протрешься.

Потом они стали плодотворно размышлять о сути вещей.

— Тебе очень мешает эта ваза смотреть передачу? — поинтересовался Вечный Запах у Никифора, показывая пальцем на ночной горшок.

— Совсем не мешает, даже помогает, — отозвался добродушный Никифор.

Тогда Вечный Запах двинул собеседника горшком и спросил у смирно лежащего тела:

— А теперь что скажешь?

Больше дядя Витя в гости не хаживал. Хотя Никифор его зазывал, особенно после того, как Вечный Запах «совсем осунулся». На местном диалекте это означало, что один из соседей скончался, не выдержав крепкого аргумента. На его могиле виднелась потом картонка с надписью: «Пал жертвой общей дискуссии».

Но дядя Витя мучился вопросами, далекими от искусства и философии, близкими к градостроительству. Он различал в небе глыбы, хороводящие вокруг дворца-спицы. Камни уже катились по городу, они без нанесения повреждений проскакивали сквозь дома, но зато размазывали встречных граждан. Раз — и впитался гражданин, улыбается из глыбы. За особенно прыткими человечками охотились черные кляксы. Все меньше и меньше серебристой пыльцы ложилось на шкуру большого дяди Вити. Крошились от сухости крылья, истончался хребет, не громили уже лапы, а щекотали. Подбиралась здоровая дряхлость, и замедлялось течение полыхающей реки по 248 жилам его тела, реже и реже вырывалось сияющее жгучее облако изо рта. Ни дыхнуть, ни брыкнуть, как прежде. Ни провести испытание оружия, ни ударить лишний раз по взбесившимся киберам, которых выбрасывали на помойку испуганные хозяева. Некоторые из этих кибер-инвалидов могли быть связаны с врагом, но одного прикончишь, а от другого приходится скрываться по помоечным джунглям. Но лелеялась еще последняя надежда — на чудесный браслет, орган власти, который каждую его внутреннюю букву превратит в приказ.

Из-за котов и крыс, метивших свою территорию, одежда дяди Вити, некогда внушавшая уважение людям, быстро приобрела букет ароматов «на большого любителя». Поэтому пришлось пробраться через кладбище к крематорию, при котором работала мастерская похоронных дел. Там он взял взаймы хорошей креповой ткани на плащ и церемониальный костюмчик. Прихватил и урну — под пепельницу. Прибарахлившийся, значительный с виду дядя Витя не усидел в своем шалаше, сорвался. Впрочем, один бешеный кибер кричал ему вслед, чтобы он никуда не шастал. Что браслет ему не по зубам и вообще. Это он гарантирует. Дескать, есть уже у браслета настоящая хозяйка. Дядя Витя угадал по речам смертельно заколебавшего «К2», плюнул в него огнем, вбил в землю ломом и пошел тропой, ведущей в город. Он посетил несколько бредовых, на его взгляд, магазинов. В этих заведениях редким посетителям всучивали с упорством, достойным лучшего применения, всякую ахинею. Но он озирался там в поисках чего-нибудь волшебного. И в одном лабазе все же застал такую сценку: похожая на воздушный шар девушка обратилась к продавщице насчет черного браслета. Дескать, была у нее кайфная штуковина, а папаша, урод малохольный, отнял. Заподозрил, что от него рванули скороварки на кухне.

— А у тебя пахан не «того»? — осведомилась продав-

щица, подумав, что у столь своеобразной девушки и папаша должен быть необычайный.

— Он у меня крупный киберолог, башка фурычит, как автомат по продаже газировки.

Дяде Вите понравился подслушанный разговор, он сразу напрягся, что-то почувствовал важное, нетрезвым своим сознанием заинтересовался девушкой. Он стал за ней пристально следить через дырку в газете или книжке, ненавязчиво преследуя повсюду. Спина дяди Вити не чувствовала «хвоста», а когда и через три часа ССС не наколола его на коготь, он совсем успокоился. Девушка посетила лекции гастрономического факультета института питания, съездила домой, вечером была на танцах. И везде рядом с ней или неподалеку находился неотступно дядя Витя со своей прошлогодней китайской газетой и подобранной на помойке книгой «Шизофрения для всех». Даже на танцы его пустили. Он сказал, что с киностудии, подбирает человека на роль колобка. Правда, на пиджаке как орден выделялся след от кошачьей какашки — оставленной в знак признательности за ночлег. Пришлось занавесить «орден» цветком с кладбища, чтоб не было недоразумений. Дядя Витя улучил момент, когда девушка отправилась в буфет укрепить вянущие силы, подвалил развязной шаркающей походкой и процедил как бы невзначай:

— У вас глаза что-то выражают.

— Да зуб немного болит, — отозвалась нехотя девушка.

— А я вам очередь занял, — не прекращал натиск дядя Витя, — к тому киберу, который ватрушки продает.

— Чего это я вперед остальных лезть должна? — недоверчиво спросила девушка.

— Вам же больше других надо, — сочувственно произнес дядя Витя.

Девушка всерьез обиделась и ушла. Немного погодя он подловил ее в зале и пристроился рядом на корточках.

— Ты местом не ошибся? — не выдержала она.

— Извини, подруга, я не того ляпнул. Я ведь хочу сказать, что ты красива, как облако.

Девушка напряглась, пытаясь понять комплимент, но ничего у нее не вышло.

— Хочу пригласить, как раз медленный танец, — продолжил он и положил щеку на ее правую икру, похожую на пуфик от дивана.

Все это было девушке внове.

— Как раз медленный со мной танцевать не в кайф, — предупредила она.

— С тобой все в кайф, — примериваясь к ней, произнес дядя Витя. Сглотнул слюну. Понял, легко не будет.

А потом они выдали. Дядя Витя два раза кувыркался на скользком полу. Зрители рукоплескали. Некоторые падали, когда мощная пара слегка касалась их, и мчались на спине вдаль. Кончилось тем, что дядя Витя опрокинул телом девушки динамик. Она еще потоптала аппарат нечаянно. Тот и заревел, как раненый мамонт. Танцующие и отдыхающие обратились в массовое бегство, будто на них скакала кавалерия Буденного. В дверях, как и водится, одну створку заело. Возникла давка, перешедшая в драку между людьми разных национальностей. Кто-то метался и заклинал: «Да здравствует дружба народов». После всего совместно пережитого что-то проклюнулось в сердце Алисы. Она стала доверять дяде Вите. Тот рассказывал ей, что он артист и скоро пойдет на съемки фильма «Любовь после гробовой доски». Они вместе ходили есть пирожные — она даже не замечала, что у дяди Вити нет денег. А танцевали они так, что люди с улицы собирались на просмотр дикого зрелища, и некто предприимчивый брал за это деньги. Потом, правда, у дяди Вити в его шалаше на свалке всю ночь ноги дрыгались согласно каким-то ритмам, угрожая котам или даже Пете с Володей.

Однажды после совместного представления к мужчине с девушкой пристали на темной улице настоящие хулиганы. И в этот раз, несмотря на некоторые неловкости, дядя Витя проявил себя полноценным кавалером. Злыдни-шутники закружили Алису, как огромную юлу. Она так раскрутилась, что это плохо кончилось для бандформирования. Двоих Алиса повалила и втоптала в грязь, одного расплющила об телефонную будку, у него потом трубка изо рта торчала. Больше не повезло тому, которому она сломала хребет, ударив об колено. Дядя Витя оказал блестящее содействие своей даме, кинув в лицо крутого каратиста мусор из своего кармана — тот надолго ослеп. Алиса потом немного сожалела о сломанном мужчине: «Я не хотела с ним играть, а как отвадить словами, не знала». Огонь совместной борьбы соединил их сердца так же крепко, как труба скрепляется с унитазом. Тем более что присущие дяде Вите запахи слабо проникали в девушку. После того как Алиса по большой просьбе дяди Вити поведала историю черного браслета, домогательства его стали еще более пылкими. И сердце девушки окончательно раскрылось ему, когда он намастачился воздействовать ей на эрогенные зоны, пробивая слой жира смачным шлепком или мощным щипком. Она его за это дело как следует полюбила, даже подарила ему

книгу «Занимательная сексология». Она сделала ему комплимент: «Ты загадочный, как полет мухи». Когда он жалостливым голосом рассказал, что в ожидании съемок спит на матраце из-под покойника и на него мочится каждый встречный кот, она отвела его домой.

— Папа, мы принадлежим друг другу. Мы любим друг друга все время с небольшими перерывами на обед, завтрак и ужин, — четко определила Алиса. — До свадьбы он поживет в моей комнате.

— Здравствуйте, папа, — заявил о своей роли в жизни Николая Епифановича дядя Витя.

— Где она его подобрала? — почему-то злым голосом крикнула мамаша, ковырявшаяся в огромном холодильнике марки «погреб».

— Вы, мама, трудитесь там и не лезьте в нашу любовь, — пресекла ее выпад Алиса.

Папа неожиданно принюхался, даже сунул руку к себе в карман, а затем поднес пальцы к носу.

— Я вижу, этот гражданин, по крайней мере, специалист по запахам. А что, видный мужчина будет, если помоется.

Заметив, что дядя Витя пытается возразить, он добавил:

— Согласен, злоупотреблять мытьем не стоит, это все внешнее. А трудолюбие — это внутреннее. — Николай Епифанович непосредственно обратился к новому жильцу. — Вы работать любите?

— Если настроение хорошее, — опешил претендент на пост зятя.

— Если создать условия, то уже от стакана чая и кусочка сахара будет хорошее настроение, — сомнительным тоном произнес видный киберолог. — Сейчас я немного украшаю квартиру, а служба отвлекает. Вас, кажется, служба не донимает?

— Мне на съемки только осенью, — признался дядя Витя.

— Ну, до осени еще надо дожить, — ласково сказал Николай Епифанович и несколько раз повторил, — такие нам как раз нужны.

Вечером он вернулся со службы, оснащенный большим ящиком. В ящике был Архип. На следующий день дядя Витя позавтракал под освежевывающим взглядом «мамы». После этого Николай Епифанович пригласил его в свой кабинет и предложил поклеить там обои.

— Ну, конечно, не сами. Вы же артист. Надо только проследить. Архипушка, ко мне.

В кабинет вполз центральный блок на гусеничном ходу и несколько модулей помельче на присосках.

— Вот он, герой нашего времени. Архип с детенышами, малая супероболочка.

— Умнее всякой большой, — отозвался, захихикав, аппарат.

— Повадки-то у него какие? — дядя Витя недоверчиво ткнул пальцем в предложенного ему работника.

— Он у нас пока что капризный, но платит любовью за добро. Он в людей вслушивается, Виктор. У него профориентация — «человековедение». Ну, командуй, — и Николай Епифанович оставил будущего зятя наедине с тупо бодающим стены Архипом. Архип проявил большое любопытство, когда дядя Витя пробовал поискать браслет — принялся путаться под ногами и зудеть: «Что вы там такое делаете?» Но готовить клей кибер еще не умел. Спокойно и уверенно дядя Витя принялся за известное ему дело, размешал порошок в ведре и влил в подставленную Архипом воронку. Для начала тот стал отливать клей сыновним модулям и половину расплескал. Убирал, конечно, дядя Витя, прилипая башмаками к полу так, что подметки отвалились, а потом руки приклеились к тряпке, а когда он промокнул лоб, то лицо прилипло к рукам. В это время кибер виновато гудел или с беззаботным смехом рассказывал истории про Чапаева. Наконец Архип с сыновьями принялся бодро нашлепывать обои на стенку, напевая, что «дух наш молод». Дядя Витя успокоился было и принялся дымить сигаретами Николая Епифановича. Когда «молодой духом» рапортовал о завершении работ, обратившись к нему: «товарищ командующий», и дым рассеялся, дядя Витя убедился, что обои присобачены вкривь и вкось. Он представил, как берет лом и лупит Архипу прямо в наглые гляделки. Человековед звякнул, уловив аховое настроение дяди Вити, и стал оправдываться:

— Комната неправильной формы, стандартный алгоритм не найден. Мы ни в чем не виноваты перед вами, Виктор Васильевич. Мы ждали от вас схемы движения или личного ведения траектории и хрен дождались. Ну-ну, не дуйтесь, жизнь прекрасна и удивительна, по крайней мере для нас. Дайте установку.

— Я тебе сейчас как дам, бестолочь, болтов не соберешь, — но, подведя итоги убыткам, дядя Витя подуспокоился. Обоев еще хватало.

Архип выпустил экран с контурами комнаты.

— Я слушаю со всем вниманием, товарищ командующий ремонтом, — с подобострастием обратился он, — чего изволите?

Теперь уж дядя Витя, жуя глазами экран, задавал направление сыновним модулям. Это было трудно, следить сразу за десятью, тем более, что они все время пытались вильнуть. Но дядя Витя твердо держал их на курсе своими мыследействиями. И вот Архип протрубил отбой. Дядя Витя оторвался от экрана и поднялся, чтобы полюбоваться ладной работой. Тут из ног его будто выпустили воздух. Все цветочки на обоях смотрели пестиками и тычинками в пол. «Сыны» приклеили обои «вниз головой». Дядя Витя со стоном зажмурился, чтобы не врезать Архипу носком ботинка. Тот понял ход мыслей дяди Вити и приступил к своей защите.

— Виктор Васильевич, товарищ командующий, не сердчайте. И на этот раз вина не наша, а ваша. Вы не определили, где потолок, а где пол.

— А по умолчанию это вам не известно, что ли? — враждебно сплевывая, сказал дядя Витя.

— Начальные параметры стерты, ныне они выдаются генератором случайных чисел.

— Какому козлу понадобилось стирать? — растерялся дядя Витя.

— Николаю Епифановичу Смелякову. Но он не козел — заявляю протест в связи с оскорбительным сравнением. Совершенно не похож, ни рогов, ни копыт, желудок иначе устроен. Если же вы выражаетесь так из-за недостатка информации, то даю справку: он не жвачное животное, а видный киберолог.

Пришлось дяде Вите взяться за работу по-новой, зыркать то на экран, то на реальные стены, и командовать-командовать, чтобы Архип не успел взять случайные значения. А когда закончил, то заметил, что стены все какие-то неровные, в пузырях, в буграх, и вообще вид неприглядный.

— Что же ты, холоп, не доложил, что клей подсыхает, собирается в комки?

— Я ничего не докладываю, пока меня не спросят, — гордо сказал Архип, — это вполне интеллигентно.

Вечером Николай Епифанович, полюбовавшись оклейкой, скривил рожу и сказал:

— Я как-никак профессор. У меня люди бывают вплоть до. Придется теперь все отскабливать до штукатурки. Предупредили бы хоть, что вы такой гуманитарий и задание для вас слишком сложное. Я бы предложил чего-нибудь попроще, посильное.

А за ужином дядя Витя разбил фарфоровую тарелку и чашку. Остальные члены семьи посмотрели с поджатыми

губами по сторонам, будто он испортил воздух. Сам дядя Витя мог торжественно поклясться честным пионерским, что Архип, переквалифицировавшийся в официанта, почему-то тыкал ему посудой в руки. Причем разжимал свои захваты за секунду до того, как дядя Витя успевал сжать свои пальцы.

— А ты способный, — сыронизировал Николай Епифанович и принялся безупречно жонглировать тарелками.

С тех пор дяде Вите давали только железные плошки и старались кормить отдельно.

На следующий день Николай Епифанович угостил дядю Витю крепким напитком из своего бара в знак неслабеющей дружбы и сказал в поддержку:

— Друг мой, я по-прежнему вам доверяю. Достаньте мне с антресолей мой любимый красный чемодан, а все лишнее в коридоре засуньте наверх. — Покровитель ушел, а дядя Витя приставил лестницу, взял все лишнее и полез. Когда его нос был уже на уровне антресолей, Архип вдруг пробубнил: «Товарищ командующий, восхищен героизмом, мчусь на помощь, держитесь-держитесь!» После чего с разгона снес лестницу. Дядя Витя ненадолго повис, а потом, увлекая за собой поток вещей с антресолей, ударился оземь. Вещи образовали над ним величественный курган. «Больше не будешь шмонать», — произнес надгробную фразу Архип и заиграл трогательную мелодию «Павшие братья, вечно вы с нами». Подбитый вылез из своей могилы и окончательно понял, что у него сломаны два пальца и вывихнута лодыжка. «Телефон, врача, зови, гад Архип», — простонал дядя Витя. «Вам страшно повезло. Я — врач», — представился Архип и попытался наехать на пострадавшего, потом что-то стал делать с его ногой: «Вот сейчас поверну вашу пятку на сто восемьдесят градусов, и все будет кончено». Мученик боднул Архипа и стал ползать в поисках телефона, которого нигде не было, видимо, аппарат спрятали юркие «сыны», чтобы дядя Витя не стал пустозвоном.

— Ну, сейчас я с тебя спрошу по рабоче-крестьянски, — грозно пообещал дядя Витя и полез к наглому холую драться. Что-то драконье слегка зашевелилось в дяде Вите. Вихрем вырвалась правая карающая лапа, но тут же остекленела и лопнула, как бутылка с водой, выставленная на мороз. Он даже заметил, что ее коснулась летучая клякса.

Так и затих дядя Витя на полу до вечера. Первой вернулась со службы «мама», перешагнула через смирное тело и пошла дальше. Но Николай Епифанович оказался очень любезным. Правда, он вызвал не «Скорую помощь», а все того же Архипа. Зато умело перенастроил его в режим

«доктор». Кибер, не обращая внимания на вопли ослабевшего дяди Вити, сделал свое: запаял сломанные члены в пластиковые каркасы, приговаривая: «Нужно видеть реакцию», а потом уже вколол какое-то дурманящее снадобье.

— Архип у нас еще погостит, так что ломайте свои косточки смело, без его помощи не останетесь, — не мог нарадоваться на своего способного помощника Николай Епифанович.

— Без танцев ты совсем не тот, — вздыхая, горевала Алиса, однако вскоре утешилась. — Не исключено, что еще оправишься.

Когда дядя Витя стал ковылять, ему поручили совсем нехитрое дело, чтобы он не заплесневел — покрыть краской изрядно побуревшую после взрывных работ кухню. Уж что-что, а малярничать дядя Витя умел, даже удовольствие получал от этого занятия, потому решил к краскам Архипа не подпускать. Выгнал кибера, украсил кухню, перешел, радуясь своему мастерству, в соседнюю с кухней кладовку, чтобы и та засияла, а дядя Витя б отличился.

— Да не надо вам так стараться. Придумайте для прогиба что-нибудь поумнее, — покрикивал издалека Архип.

Но преисполненный надежд дядя Витя принялся мазюкать. Однако честный труд, как это обычно бывает, не пошел на пользу. Голова вдруг стала разбухать, а внутренности, наоборот, сохнуть. Он еще елозил крест-накрест кисточкой, когда на него напала команда хищников. Вначале просто показалось, что краска отслоилась, потом темные пятна обернулись бойко снующими черными пузырями. Одно прикосновение пузыря — и что-нибудь отсохло, крыло там или лапа. Когда поверженный дядя Витя уже лежал, на него покатился внушительный колобок. Напрасно малярдоброволец грозился: «Я тебя съем». Какое там, он даже и уползти не мог. Сморщенные лапки прижались к телу, из пасти вместо сияющего вихря — дым и хрип, на шкуре ни одной серебристой пылинки, сердце захлебывается, не в силах прокачать густеющую комками жидкость. Колобок предупредил: «Хочешь — не хочешь, а будешь ты мой» и навалился, выдавливая из дяди Вити последнюю силу и ярость.

Очухался дядя Витя от своего дикого кашля. В промежутках между своими конвульсиями он выяснил, что валяется на кафеле в кухне. Архип льет ему в дыхательные пути воду и щедро орошает пол, а на его содрогания смотрит с неприязненным лицом вероятная теща.

— Ну, что, очухался, герой, в голове с дырой, — сказала Маша. — Тогда вставай и собирай воду, не мне же после тебя прибирать.

Дядя Витя величественным усилием выдавил из себя всю влагу и слабым голосом сказал:

— Но я же не виноват.

— А кто виноват? Пушкин? Или Архип? Кибер на семью настроен и сделал так, чтоб испарения не шли в жилые комнаты. Только тебе нравится с мутными мозгами расхаживать. Кладовку он задраил и пустил в нее газообразный катализатор, чтобы краска быстрее сохла.

— Вас Архип-подонок пожалел, а я что, не человек? — плаксиво заявил дядя Витя.

— Человек — это тот, кто поручает киберу примитивные занятия, — отрубила строгая Маша.

Дядя Витя до поздней ночи промокал воду носовым платком — тряпки, верно, Архип спрятал. Когда наконец завершил столь филигранную работу, пошел в Алисину комнату. Та оказалась крепко запертой на все запоры. Он нежно поскребся.

— Алисонька, ку-ку. — В ответ ноль внимания. Он постучал настойчиво. — Ку-ку!

— Кто еще там щебечет? — раздался заспанный недовольный голос Алисы.

— Это я, твой муж Витенька, пусти же.

— А мама сказала, что из нас такие же муж и жена, как из бабуина с коровой... И вообще, Витька, я сейчас к особому доктору хожу. Он меня гормонами лечит — за месяц полвеса улетучится, а то и две трети. Если, конечно, буду его слушаться. Так вот он говорит, нельзя с мужчинами знаться.

— А где ж мне ночевать, Лиса? — умирающим голосом спросил изможденный человек.

— Мама тебе постелила в прихожей, во встроенном шкафу, сказала, чтоб ты не вздумал укрываться ее шубо-ййй... — Разнеслось сочное Алисино сопение.

Дядя Витя конвульсивно дотащился до своего «алькова». Уютная постелька представляла место, где можно было лечь, поджав колени, и стараться не думать, что свисающие с вешалок пальто щекочут уши. Под голову предлагался старенький, удобный для ноги валенок. Планировалось, что он будет столь же подходящий и для головы дяди Вити.

Прикрыта дверца, и словно бы нет человека с его проблемами вместе. Лежит он чинно, как жмурик под землей, только не корешки нюхает, а нафталин. О жизни же человеку напоминает моль, порхающая и бьющая крылышками в усах.

Что-то еще разгорелось в дяде Вите, наверное, в последний раз, должно быть, желание вспомнить свою судьбу. Где-то трепыхнулись раздавленные крылышки. Но тут он

почувствовал, что уже проглочен. Твердо-мускулистый мешок желудка сжался, внутри него большой дядя Витя захрустел и исчез.

В доме Николая Епифановича маленький дядя Витя провел в шкафу немало ночей, да и дней тоже. Сам же ученый с момента явления жениха кое-что выяснял. В городских справочниках дядя Витя не фигурировал никак. По своим каналам Смеляков вышел на органы внутренних дел. Органы ему сообщили, что такой был задержан и передан в ведение ССС, проверяться на наличие состава психопреступления. Наконец, прыткий киберолог через знакомого инспектора добрался до баз данных ССС. Там значилось, В. В. Лучкин принят из органов на экспертизу. Экспертиза дала отрицательный результат, по такому-то ведомственному положению задержанный отпущен.

Шаги нарастали и таяли. Люди проходили мимо. Шкаф был законсервирован с помощью нафталина до зимы. Всегда рядом только Архип и Архиповы сыны. Дозволено лишь было отправлять естественную нужду — под присмотром, не более трех раз в день. И проглотить что-нибудь украдкой. А остальное время он обязан был лежать в шкафу и расслабляться под заунывный долбеж токера: «Вы опускаетесь в самую глубокую морскую впадину, позади ветер, позади волнение и зыбь поверхности, позади потоки и течения, впереди покой. Вы растворяетесь в темно-зеленом покое». И далее шли шептания каких-то обитателей морской пучины, под которые нетрудно было представить себя утонувшим камушком и на большее не претендовать.

Архип знал наперед все его желания, наметки, планы и действия. И не давал осуществиться ничему. Каждой попытке он загодя подготавливал сокрушительный ответ. Когда дядя Витя хотел идти, строгий надзиратель дергал ковровую дорожку и ронял слабое тело. Когда дядя Витя хотел влезть в холодильник, Архип устраивал так, что струя леденящего газа разила в нос. Когда дядя Витя хотел отпереть замок, Архип включал антиворовскую систему, и замок бил током по пальцам. Когда дядя Витя хотел просто подышать в гостиной, «сыны» рассаживались на нем и начинали медицинские процедуры — уколы под лопатку, взятие крови из вены, наложение швов на глаза. Дядя Витя, как всегда, хотел быть сильным, но сил хватало только на борьбу с молью, да и то моментами. «Хотел жить у нас, как изрядный гордец, так скоро ты станешь могилы жилец», — однажды сказал Архип. Крыть это утверждение было нечем.

Все морознее. Язык даже не ворочается и говорит вме-

сто «абракадабра» — «аааааа». Даже постылый «К2» не маячит на горизонте. Видимо, посчитал, что дядя Витя свое оттарахтел и теперь списан за борт. Ну, так, смотри, не ошибись, «К2», лепетал слабый человечек, силу себе как-нибудь достану, ведро дерьма съем, а снова внушительный буду. Вдруг дошло. А если попросить прощения у этого ящика? Повиниться в пренебрежении к нему, назвать его «дорогой» товарищ Архип; попросить похлопотать перед вышестоящими. Может, и выделят ему снова территорию и силу. Как все сумели отнять, так и обратно отдадут.

— Эй, маленький, такой славный тут лежишь. Просто калачик. Чего не выходишь? Обиделся? Плохие мы, да? Неласковые? — Николай Епифанович слегка тормошил дядю Витю за дряблое плечо. Мужичок очнулся от грез на своей полуспальной кровати. Захрипел, засопел, будто включили его в розетку, задвигал губами:

— Как... что... Какой густой сон разогнали, подлецы. Когда спишь, меньше горе мыкаешь... Требует, чтоб я ему поклонился, да еще его хозяину. Уж лучше холодильнику поклон бить, он побольше и пополезнее.

— Кто требует? Покажите мне его, — сердито оглянулся Николай Епифанович. — Будет держать ответ перед народом.

— Кто-кто... Архип ваш, — уже осмысленно пожаловался дядя Витя.

— Ну, вы же умница, правда, в зародыше. Архип вправе пользоваться заслуженным уважением. Быстрота мыследеятельности у него при работе в вычислительной среде — ого-го-го!

— Подлянку какую-нибудь сделать — это пожалуйста, ждать долго не придется, — покачал головой лично пострадавший. — А мыследеятельность вон где. — Он для убедительности тюкнул головой о дверцу шкафа.

— Чистый эксперимент, — похвалил Николай Епифанович, — это там мысли зазвенели?

— Чего вы на меня переключились? Другие примеры лень искать? — разобиделся дядя Витя.

— Живите спокойно, друг мой. Я тем же страдаю. Чтоб верно думать, надо иметь всю необходимую информацию. У оболочек с этим полный ажур. А вот у нас на лбу лучше повесить табличку: «Осторожно, самодеятельность».

— Информацию, значит, у нас воруют. Хоть в чисто поле от них беги.

— С нас много не возьмешь, а возьмешь, пожалеешь. Информация — не наша вахта, незачем за ней гоняться с сачком, дистрофию наживать. Емкость головы подкачала, и

эмоции мешают: «Это мне нравится, это чистая правда, а то мне не подходит, то грязная ложь». Нет, нам достаточно хотеть. Индустрия-то работает и без плана, и без рынка. Нате вам — скачет на полморды впереди любых потребностей. А лет двадцать тому никто из теоретиков не мог сообразить, что больше нужно народу — трусы или кальсоны, из нефти их лепить или газа. Наша задача: уметь получить от кибероболочек. Первое — не шали мозгами, и придут блага. Второе — убери преграду, и прямо в тебя начнут входить мысли.

— Это вы трепанацию черепа предлагаете? Чтоб чужие мысли, как в горшок, падали в него? — встрепенулся дядя Витя. — Не даю добро!

— Голову пилить не надо, она и целая пригодится. Достаточно надеть суперБИ. А имя преграды — кровь. Нынешняя не пропускает разряды от оболочек. Зато разряды наших личных мыследействий шастают по всему организму, хоть они сплошь и рядом выплюнуты из сердца невежеством. Само собой, такие разряды вызывают архивредные гормональные и нервные реакции.

Дядя Витя, храпя, выпустил воздух.

— Значит, вы тут рекламируете искусственную кровь, из бачка. И мне ее не отхлебывать, а внутри себя носить, побулькивать. Я сам себе не хозяин буду, и кто-то более сообразительный, электрический-металлический, станет мной крутить-вертеть, как захочет.

— Какого опиума для народа вы наелись, Виктор Васильевич? Зачем норовите ярлык пришпилить? Искусственная, между прочим, от слова «искусство». У кого кровь совместимая с оболочками, тот хозяин и себе, и стихиям. А вот дама, которая пошла гулять ночью в парк, потому что у нее забурлила естественная кровь, себе уже не хозяйка. Пойми, Виктор — вещества, энергии, все станет ручным, надежным. Власти будет всласть, если для тебя масштабно мыслит Великий Объединенный Разум. Бестолочи его ждут не дождутся, а ведь он за дверью. Открой дверь, открой, — с небольшим подвыванием сказал Николай Епифанович.

— Не заперто... Да не будет ли от моей масштабной мысли бестолочам икаться? — засомневался дядя Витя.

— Таким, как ты, все будет по кайфу и в жилу. А тебе еще лучше, потому что ты первенец у ВОРа. Бестолочи же пусть на ошибках учатся. Помнишь добрые слова классика: «Ну, а с третьего щелка вышибло ум у старика». Да что мы все о деле? Давай быт твой отсталый улучшать. Не надоело ли, инок, в шкафу? Или ты шкафничество основал?

— Если бы с чайком вопрос решить, то жить можно, —

высказал скромное пожелание дядя Витя. — А после сытного обеда я вообще на все согласный.

— Ой, Витька, ты шутник, — и Николай Епифанович перевел дядю Витю из компании плащей и моли в объятия Алисы. Оказалось, что треть веса у нее действительно испарилась, и стала она из всех девчонок лакомый кусочек, килограмм на восемьдесят.

— Давай, что ль, пирожками побалуемся, — глотая слюни, предложил дядя Витя.

— БИ сразу заложит контрольной системе, а та активизирует подшитую ампулу — через секунду вытошнит.

— Может, потанцуем?

— Тоже вытошнит.

— Может... это самое, побарахтаемся? Все-таки темно уже.

— От этого самого обязательно вырвет, — бодро сказала Алиса.

— Какая ты сложная, — протянул разочарованный дядя Витя.

— Впрочем, иногда простая, — Алиса показала таблетку, — выключит ненадолго ампулку.

На следующий день дядя Витя был в гостях у радушного Николая Епифановича, в его отделе, больше похожем на цех.

— Вот здесь готовим жидкокристаллическую плазму, тут экспериментируем с обратными разрядами оболочек, здесь имитируем действия второго рода и пробуем фильтры для крови.

Экскурсия закончилась, у Николая Епифановича все уже было на мази. Он усадил дядю Витю в никелированное кресло, сверху свисали трубки, сбоку странно пузырилась голубая, похожая на шампунь, искусственная кровь. Руки и голову прихватили держатели. И вот заходили поршни, трубки потянулись к человеку, как некормленные змеи, остро куснула игла, и дядя Витя отключился.

В той отключке были нерадостные ощущения — будто из него выдавливают потроха, как из кильки. А потом кладут в быстро твердеющую смолу. Та вползает внутрь, обтекает снаружи и застывает.

— Ну, вот ты и попрощался с племенем дураков. Это мне нравится. Теперь ты — условно умный, поздравляю, — гулко, будто с высокого потолка, прошумел Николай Епифанович.

Дядя Витя разлепил веки, прислушался, принюхался. Кое-что понял. Каждая мышца существует отдельно от других, ее можно сокращать и расслаблять, измерять ее мощность и усталость. Кости и суставы — это рычаги и шарниры, одни послабее, другие покрепче. Дядя Витя покрутил

пальцами в разные стороны и поймал муху. Ее скелет был хорош, но ему бы не подошел. Скелет — мера вещей. Дядя Витя решил запомнить такое правило. Рядом ходит поршень, непригнанный как следует к стенкам цилиндра, и у маховика биение — сбита чуть ось. Этот скелет идет вразнос. Любой скелет приводится в движение тонким теплом. Тонкое тепло получается из грубого после вложения в живот съедобных предметов. Во многих вещах имеется штука, которая гоняет тепло. У него она зовется «сердце».

Николай Епифанович нажал кнопку на пульте, трубки поднялись вверх, отпали держатели, легли пластыри. Жуктранспортер зацепил бак с темно-красной жижей и укатил его. Дядя Витя подумал, что не только неаппетитная жижа уплыла от него, но еще это самое... Он пытался вспомнить, но не получилось. Тогда дядя Витя поднялся, попробовал пяткой надежность пола. Деревянное покрытие не выдержит приличного удара, но пол не развалится — вглубь степень сопротивления нарастает. Он осторожно пошел по кратчайшей ломаной, но не впритык к обстановке, потому что тело при ходьбе раскачивается. Дядя Витя аккуратно раздавил колбу в руке и не поранился, потому что постепенно увеличивал встречное давление пальцев. Потом взялся за шкаф.

— Давай погуляем, — предложил тогда Николай Епифанович и повел обновленного человека в свой кабинет.

По дороге дядя Витя пробовал различные способы ходьбы, выбирая минимальные по затратам энергии на трение. Наконец, подобрал: с расслаблением лодыжки в верхней точке, обвисанием носка и небольшим подворотом его влево в точке касания.

На полках в кабинете располагались вислоухие африканские идолы, чем-то похожие на артистов эстрады. Статуэтка женщины с головой львицы, судя по всему, богини; маски алкоголиков, как выяснилось, это были буддийские демоны; высушенная голова молодого человека, которому крупно не повезло; неулыбчивые римские предки из терракоты; обломки этрусских саркофагов с протокольными рожами; классики в рамочках; мраморный рабочий с позолоченным кайлом. С потолка сочились разные утробные звуки, серебристый скелетик с косой выплясывал брейк.

— Как ты, возможно, уже слышал от древних иудеев: в крови душа живая. А у этой шатии-братии нет крови. Поэтому они только помогают настроиться на нужный лад, — представил свою коллекцию Николай Епифанович и обратил внимание на браслет, который сжимал дяди-Витино запястье. — Носи, заслужил. — Потом профессор снял с гвоздя

шашку, вынул клинок из ножен, любовно оглядел. — Фамильная реликвия. Мой дедка ей рубал, и бабка рубала всех подряд, и прадедка крошил в капусту. И я вот тоже...

Он неожиданно повернулся и несколько нарочито, как на картине, замахнулся шашкой на дядю Витю.

— Лови, гусь.

— Да я не умею, — отшатнулся дядя Витя.

— Не убедил, — и профессор опустил шашку, целя по дяди-Витиной голове.

И когда профессор еще начинал опасное движение, дядя Витя уже сообразил, как пойдет клинок, и даже наметил точку, где его можно будет отбить. Определил и кратчайший путь своей руки до этой точки. Лезвие свалилось в сторону, откинутое ладонью. Николай Епифанович утратил равновесие и ухнул вперед. Жертва атаки прихватила его за шиворот и изготовилась, чтобы врезать кулаком по уху.

— Стоп, — взвизгнул профессор, — это был учебный выпад, и шашка тупая.

— Ладно, поверил, — дядя Витя отпустил профессора.

— Ты в силы свои поверь. Все сможешь, если захочешь, — зажигательно произнес Николай Епифанович. — Знал бы, что тебе сейчас дано, какая мощь стоит рядом и говорит: «Ничего не бойся».

Дядя Витя прислушался к себе:

— Ага. Вначале гудящая пустота, как наутро после попойки. За ней что-то клубится. Проскакивают оттуда пузыри, лопаются — и у меня толчок в нужную сторону. Нука, тесть, просвистите еще раз шашкой, только всерьез, не понарошку. Или киньте в меня гранатой.

— Да, фантазии у тебя маловато. Над этим придется работать. У нас на второе кое-что посодержательнее.

Лифт вознес их на просторную крышу. Бодрый Николай Епифанович напевал: «Дам коня, дам кинжал, вертолет, пулемет, и заменишь ты мне десантников взвод».

— Ну, как, чувствуешь, Витька, нужду?

— А что, сортир во дворе?

— Нужду в больших делах, Витек, надо чувствовать.

Профессор широко раскинул руки и обнял весь мир, а транспортер подвез нечто похожее на оснастку аквалангиста.

— Надевай обнову, тебе впору будет, — предложил ученый.

— Тут что, бассейн? — оглянувшись, стал недоумевать дядя Витя.

— Тут воздушный бассейн, — Николай Епифанович помахал ладошками, как крылышками, и показал пальцем

на картину с заходящим солнцем и длинными тенями от разрастающихся конструкций второго корпуса Центра. — Купайся — не хочу.

Дядя Витя поискал и нашел в себе уверенность, потом начал одевать с помощью засуетившегося профессора подозрительные приспособления. Облачившись полностью, он спросил: «Струя сама пойдет?»

— Пойдет, только вначале нырнуть надо, — возбудительно сказал Николай Епифанович и подвел дядю Витю к самому краю крыши, за которым ничего не было.

— Ни кнопок, ни ручек, чем управлять-то? — через сжатые зубы выдавил дядя Витя, — а там, пожалуй, глубоко.

— Только не для тебя, — потряс кулачками профессор и напомнил: «Ангелам своим заповедает сохранить тебя». Ангелы есть — это оболочки, БИ-канал к ним проложен широкополосный. Заповедь есть — любая оболочка обязана спасать человека от телесных повреждений. Повреждение тебе грозит? Еще какое, одна лужица может остаться. Пойми, твоя кровь оболочкам родная. — И он подтолкнул дядю Витю. Тот только успел крикнуть:

— Я вам в бомбы не нанимался!

Секунду тело падало в свое удовольствие, а воздух весело свистел испытателю в уши. Дядя Витя понял, решение должно быть простым, и наконец взял и оттолкнулся от воздуха. Мысленно он сделал его густым и упругим — тело прекратило падать и повисло, как на крючке. С мягким шипением выходила струя из сопла реактивного ранца. Уборщица, роняя слюну, смотрела на него через оконное стекло, скорее всего не замечая заплечной аппаратуры. Дядя Витя потянулся рукой к окну, и она исчезла, видимо, рухнула в обморок. Свежий ветерок начал сносить его к черному каркасу новостроя. Продолжив в том же духе, можно было расплющиться и сделаться неаккуратным пятнышком внизу. Дядя Витя представил, что у него сзади и по бокам есть плоскости, кое-как распорядился ими и пошел на вираж, огибая балку. Вскоре догадался: пыжиться не надо. Достаточно легкого мысленного тока в каком-либо направлении, и все произойдет само собой, как у Кутузова с Л.Толстым на Бородинском поле. А потом воздух вообще показался в виде довольно правильного кристалла с жилками и узелками. Прыгать с узелка на узелок было особенно удобно. Дядя Витя запорхал среди высокорослого леса конструкций, поплевывая на все опасности. Потом бросил стройку и стал кувыркаться над улицей. Мог взмыть вверх и выписать щелбан по клюву какой-нибудь деловой птице. Спикировать вниз

и поправить ногой шляпу какой-нибудь солидной личности — тоже в пределах нормы. Тьма уже окутала город, окна и машины стали светлячками. Тут дядя Витя сообразил, экую власть он заработал на халяву. А что за власть без игры? Он мысленно взял в кулак одно здание, и сразу все светлякиокна исчезли. Он мысленно положил ладонь на пути снующих светляков-машин и быстро соткался светящийся коврик, от которого доносился квакающий хор клаксонов.

— Ладно, езжайте пока, — усмехнулся он, коврик закопошился и стал таять.

А потом что-то захребетное пихнуло его, дескать, пора и честь знать, надобно вернуться.

— Решил все-таки подзаправиться харчами, — сказал при встрече Николай Епифанович, — ты в прошлой жизни, случаем, не стервятником был?

— Да бросьте. Ангелы ваши как на руках несут, ни обо что не задевают. Так любая козявка пернатой станет.

— Будь скромнее, козявку понесут и бросят. А тебе сказку былью делать, стихии покорять.

Потом дяде Вите пришлось изрядно потренироваться, но все шло в охотку. Для завязки научился различать позывные разных оболочек. Они приходили из гудящей пустоты и вызывали частенько разные эффекты в организме. Одни разряды заставляли непотребно рычать, другие по-страшному растягивали физиономию, третьи складывали пальцы в фигу. И веру в них приходилось осваивать, чтоб без помощи не остаться в ответственный момент. К вере прикладывался «птичий» язык для каждой из систем. Оболочке танцевального развития хватало одного желания, она тут же пристраивала дядю Витю под музыку, и он выплясывал почище любого лауреата. А чтобы стрелять метко и ловко при помощи оболочки управления оружием, требовались усилия посущественнее. Надо было вообразить себя в центре шара, а все остальное — тенями на его поверхности. Оболочка содействия рукопашному бою хотела, чтоб боец представлял себя ворохом трубочек с текущей по ним жидкостью. Оболочка управления ходьбой по канату считала любого конструкцией из гирь и рычагов.

Однажды Николай Епифанович привез дядю Витю на кольцевое шоссе номер три и предложил рвануть с одной обочины на другую.

— Мне что, жить надоело, по вашему мнению? — засомневался дядя Витя. — Машины-то сплошным потоком, и скорость за сто, им даже затормозить никак. И караванов много, на десять машин один водила. Если кто из шоферюг

скопытится по дороге, автопилот увезет дубаря до ближайшего съезда с автострады.

— Это их проблемы. На твоей стороне оболочка, контролирующая движение, она тебя выручит.

— Но почему меня, а не их?

— Ты ей братец названный, а они так, прихлебатели.

Дяде Вите таки захотелось поиграть с недалекими парнями в тупомордых машинах. Что играть на восьмирядной магистрали тяжелее, чем на губной гармошке, он понял сразу. Кое-как проскочил первый ряд, потом затосковал. Водители смотрели с изумлением и даже с почтением на такой выброс глупости. Некоторые клаксонили, чтобы он не дурил и возвращался назад, пока есть последняя возможность. Но дядя Витя весь вспотел, он чувствовал, что дороги назад для него нет, как в частном, так и в общем случае. Оставалось только поверить в оболочку, ощутить себя в ней. Он стал большим, а восьмирядка маленькой. Машины, как букашки, бежали у его подошв. Толчок из глубины, и он переступил через ряд. На пятой полосе его притормозило, будто башмаки прилипли, схваченные крепким клеем. Он на момент вернулся в действительность. Водители, ошалев от его дурости, орали, оголяя зубы до десен, тянулись руками, как на баскетболе, показывали пальцами, чтобы он оставался на разделительной линии, пока его не утянет вертолет или не подберет мостовой автокран ГАИ. Но тут дядю Витю опять понесло в воздушный хвост после одного автомобиля, впритык к носу следующего. Кто-то из водителей не выдержал, тормознул и повернул. И заварилось: заскрежетало железо о железо, машины вставали на рога и поднимались на дыбы, обрушивались на крыши других машин и еще подпрыгивали на них. Что-то лопалось и разлеталось, пробивались языки пламени, били фонтанами пенотушители, захлебывались ухалки и сирены. А дядя Витя уже соскочил в придорожную канаву и, слегка пригнувшись, мотнул в ближайший лесок, где вскоре принял поздравления тоже счастливого Николая Епифановича, который пересек страшную трассу по подземному переходу.

— Ты прекрасен, как кибер, Витька, я действительно тобой восхищаюсь. Ну что, аппетит к этому делу пришел? — рассыпался профессор.

— Еще как пришел, бузить хочу, — звенящим голосом рапортовал дядя Витя.

Далее его выпускали побегать на кольце автогонок «Формула-101»; швыряли с самолета без парашюта, а парашют кидали следом; бросали с камнем на шее в омут, и

где-то на дне, в мутной жиже надо было нащупать акваланг; запускали в шляпе и трусах в террариум с королевскими кобрами, а также с палочкой к некормленой акуле в аквариум; в клетку ко льву с одним слезоточивым баллончиком в руках тоже заводили; приглашали в дом и затем устраивали поджог со всех четырех сторон; натравливали на него каратиста с красным поясом и двоих боксеров, которые явно намеревались ухайдакать его; предлагали карабкаться по стене высотного дома в дождь; в спящем виде заносили в катакомбы без фонаря и спичек, и оставляли там среди скелетов ранее заблудившихся лиц. Из всех передряг и поединков дядя Витя, как и положено супермену, выходил с честью, с улыбкой, с чистой совестью. За все достоинства его крепко любила крепкотелая блондинка Алиса, переведшая с помощью гормонов остаток сала в рельефные мускулы. Она тоже не хотела быть такой, как все. По утрам жених и невеста занимались кик-боксом в спарринге. Заработав от прекрасной дамы по морде, дядя Витя приговаривал, сплевывая: «Попробуй не полюби тебя».

— Совершенный ты наш, — уважительно называл его Николай Епифанович и прикалывал ему к майке почти настоящие медали за покорение воздуха, воды, земли и огня, а также за подлинное оживление бывшего полутрупа.

И даже Маша сменила гнев на милость, ласково приговаривая:

— Сделали мы все-таки из дерьма конфетку... Теперь вы с Алиской как две канареечки на жердочке.

Уверенность чувствовалась во всем облике дяди Вити. Разогнувшаяся спина, развернувшиеся плечи, крупный шаг, открытое лицо — тому свидетели.

Однажды дядя Витя заметил Николаю Епифановичу, что во всех его занятиях и упражнениях как-то нет творческого элемента, столь присущего проявлениям власти над природными и социальными силами. Выразился он, конечно, туманнее, но профессор именно так его понял и во исполнение желания привез дядю Витю на один из районов морского порта. Они стояли в здании управления, на последнем этаже, в солярии с табличкой на двери «Занято» и смотрели на расстилавшийся перед ними контейнерный терминал. Приваливались и отваливались от причальной стенки однообразные суда, вдоль причала, как лебеди, вытянувшие шеи, плыли краны. Они раскладывали кубики контейнеров правильным орнаментом. Похожие на кенгуру транспортеры хватали кубики руками-захватами и несли, что детей малых, к железнодорожным путям, где опускали в люльки вагонов.

— Ну, сотвори что-нибудь, — предложил Николай Епифанович, — а я пока позагораю. — И добавил, почесывая брюшко. — «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне...»

А дядя Витя с полчаса сосредоточивался.

Владыка отличается от невладыки размахом рук, он притягивает к себе то, что захочет, издалека и отталкивает противное в дальнюю даль. В три шага он обходит свою землю, и его следы видны всем. Никто не может укрыться от его дыхания. Слово его немедля облекается в вещество и начинает отдельную, но подвластную жизнь.

«Кенгуру» перестали загружать вагоны, а вместо этого заделали из контейнеров сплошную стену по периметру терминала. Потом они, ухватившись по двое, стали опрокидывать вагоны. Движение по путям прекратилось, зато получился внешний оборонительный вал. Внутри периметра росли башни из контейнеров и образовывалось что-то вроде ступенчатой пирамиды. Часть «кенгуру» по приставленным аппарелям влезли на свою китайскую стену и встали там в грозной недвижимости, сжимая в захватах по контейнеру.

Николай Епифанович подключился к портовской системе связи и наслаждался паникой, переходящей в истерики и дебаты среди диспетчеров. Операторы уже выбились из сил, пытаясь заставить оболочку делать то, что по чину и роду ей положено. Несколько умных людей объяснили, перекрикивая общий хаос, что терминальная оболочка влезла случайным образом или по диверсии в банки знаний министерства культуры и там набралась сказок про царей-королей и их владения.

Проявился вырванный с дачи начальник порта и заревел бизоном:

— Вырубайте питание, суки гребанные.

«Суки» охотно подчинились начальскому гласу. Но башни и пирамида продолжали уверенно расти.

— У них включилась резервная станция. Запасов топлива хватит на неделю с гаком, — равнодушно сказал человек с затухающими глазами — главный инженер.

— Послать людей и вывести станцию из рабочего режима любым способом, — выдвинув челюсть утюгом, произнес начальник порта.

Людей снабдили гаечными ключами и послали. Но потом за ними стали гоняться «кенгуру», время от времени роняя на них контейнеры. Поэтому, предпочитая жалкий позор торжественным похоронам, люди скрылись в неизве-

стном направлении и след их надолго затерялся. Другие же подчиненные люди не собирались пробираться в царство взбесившихся машин ни за какие коврижки с медом.

— Тогда хоть свяжитесь с пароходством, — нашел, что приказать, начальник порта, — пусть заворачивают все подходящие суда на другие терминалы. Чтоб я тут ни одной мокрой задницы не видел.

Но пароходские отвечали, они не глупее портовских, уже давно пытаются связаться с судами, ан ничего не выходит — кто-то внаглую работает на той же частоте и глушит все радиопотуги.

Главный инженер догадался и с нарастающим злорадством сказал:

— На терминале и передатчик имеется, мощный.

— Чему радуешься? На футбольный матч, что ли, явился? Сейчас как пошлю под контейнеры, только липкое место останется и немножко вони, — просек эмоции главного инженера давно рычащий начальник порта.

Крепла рука владычествующая, и твердыней становилось царство. Мощное дыхание хозяина давало слугам единую волю. Слова становились делом беспрепятственно. Сладка и надежна была власть. Но власть переполняла его и не могла не вылиться за начальные пределы его земли.

Шла дискуссия. Оппоненты умело и неумело матерились, один раз даже начали биться стенка на стенку. Первая стенка победила. Не прошло предложение о разрушении процессоров и каналов оболочки. Ведь процессоры находились на территории терминала, а чтобы найти и перерезать все каналы, потребовался бы месяц земляных работ. Начальник ВОХРа, отставной полковник, захотел вызвать авиацию и разбомбить к едрене-фене всю мятежную зону. В ответном слове начальник порта предложил сбросить одну-единственную бомбу — начальнику ВОХРы на башку, где-нибудь на помойке. Ведь на терминале имущества на сотни миллионов, а вохровцы, все вместе взятые, меньше какой-нибудь забубенной кристаллосхемы стоят.

В китайской стене возникло несколько проходов, и из них колоннами стали показываться «кенгуру». Каждый желающий мог сообразить, что они направляются на другие районы порта: захватывать территории или хотя бы контейнера. Начальник порта, закричав, разорвал на груди рубаху с пиджаком вместе и открыл обозрению тельняшку. Потом долго пытался разодрать и ее. Вид у начальника был совершенно безумный, пугающий.

— Врешь, не пройдешь! — он обернулся к начальникам

более низких уровней. — Собирайте докеров, братву, что на смене. Всю технику выводите из ангаров. Лично поведу в атаку. По машинам!

Мародеры-кенгуру намечали будущую границу и грабили вовсю, таща и контейнеры, и просто большие ящики. Но начальник порта уже сидел в вилочном погрузчике, жуя «беломорину». За ним выстроилась цепь погрузчиков с самыми небоязливыми докерами. Это были тертые-жеваные ребята, частенько с фиксами и наколками, выдающими их темное уголовное прошлое. Следом тягачи и бульдозеры, а дальше скопом всякая другая техника. Но и противник сразу стал перестраивать свои боевые порядки, образуя каре, укладывая временные укрепления, надолбы и баррикады.

— Жить работая и умереть сражаясь, — выступил начальник порта с зажигательными словами, красуясь на крыше своего погрузчика. — Мы или они?!

— Мы-ы, — замычало войско, — у-у-у!

Три часа длилась страшная битва. Бульдозеры разметывали баррикады. Со скрежетом входили вилы в бока надрывно ревущих «кенгуру». Враги же безжалостно поднимали погрузчики да тягачи и били их оземь, превращая в лом; ударами палиц-контейнеров делали из них лепешки и блины. Однако мощные тягачи-мстители цепляли «кенгуру», волокли и топили в море. Впрочем, иногда приходил на выручку гибнущему собрату еще один «кенгуру», и тогда уже, жалобно кряхтя, уходил под воду тягач. Но вот человек в машине стал одолевать машину без человека. Когда «кенгуру» начали отступление, превратившееся в беспорядочное бегство, то погрузчикам удалось сесть им на плечи и ворваться в логовище врага. К полуночи все было кончено. Тут и там валялись искореженные, обгоревшие остовы убитых машин. Счастливый начальник порта размазывал копоть по лицу, пытаясь почиститься перед поездкой к городскому руководству. Слезы радости оставляли светлые бороздки на почерневших щеках старшего диспетчера. Главный инженер смеялся, не собираясь останавливаться. Техники отключали процессоры, чистили память. Разбушевавшиеся докеры крушили компьютеры ломами, дробили экраны коваными башмаками, мочились на принтеры, стригли провода ножницами, выбрасывали сложные модули в окна и получали от всего этого большое наслаждение. Кое-каких техников, пытавшихся защитить оборудование, докеры под шумок тоже отправили в окно. Правда, только со второго этажа, так разве что ноги переломаешь. В это время Николай Епифанович и дядя Витя уже ехали домой.

Профессор был совсем доволен, дядя Витя слегка расстроен. Ведь его воины в итоге больше испугались врагов, чем его самого. Значит, не хватило власти.

— Просто надо с размахом орудовать. Основная твоя сила, «кенгуру» — функционально узкие, а не универсальные машины. Вот если на их месте были бы Архипы, только большие и сильные...

Он мечтательно зажмурился и стал похож на медвежонка, наевшегося меду.

— Представляешь, Витька, как здорово быть царем-самодуром... Фрейлины вытирают тебе попу ладошками, а все остальное население обречено на самообслуживание.

Блок 18

Тем временем где-то в на периферии Освальд закончил прием стеклотары. Эта нехитрая работа уже перестала быть «крышей» агента и сделалась его призванием, выражением жизненной позиции. На все шифровки от шефа Феодосия, требующие немедленно вернуться и отчитаться, Освальд отреагировал телеграммой также с шифрованным текстом: «Вчера видел первого воробья. Слушай, а где они зимуют? Приезжай, наварил бузы из прошлогоднего варенья. Живот болит с нее не очень, зато весело — все местные хвалят». Итак, Освальд плеснул себе в лицо ржавой воды, отчего оно приобрело еще более неопределенный цвет. По улице ходил туда-сюда дождь, и Освальд собрался вписать несколько строк. Строки просились в диссертацию, которую он решил никогда никому не показывать.

«Я мог бы связно и пристойно изложить лептонную, тахионную и даже гравитационную теории информационного поля, но от этого не полегчает. Я хотел бы говорить аккуратными фразами, естественно звучащими в зубах любого человека. Но тогда бы я ничего не сказал себе.

Здесь, в провинции, жизнь странная. Если у меня заболит расстройством живот или я покажусь себе жалким человеком, со мной ничего не произойдет. Оболочки не напоят меня целящим снадобьем, не уговорят ласковыми словами, не отвибрируют щадящим массажем. Буду мучиться, словно так и надо. Тут обо мне не думают.

Когда-то природа сочинила красавцев-динозавров и умниц-акул, забавных высших приматов, в конце концов. Но только мы стали о ней думать, она давай глупеть. Разве ей сейчас выпустить в свет какого-нибудь хищного во-

робья с ядовитыми зубами? В общем, ее время кончилось, наше началось. Но мертвые вещества и энергии: уголь, железо, электричество, вцепились нам в глотку, заставили заботиться о них до изнурения. Однако, мы, наделив эти массы кибернетическими мозгами, все ж заставили их ворочаться самостоятельно. Мы прекратили думать о них. И тут они, теми самыми мозгами, стали думать о нас. А мы ничуть не расстроились. Потому что получили «от вашего стола нашему» те самые райские кущи, которые на разные голоса призывали пару последних тысяч лет. Это даже не Поля Счастливой Охоты, а благозвучно-благовониево-нектарные клети...».

Бутылки по вине мигающей лампы создавали эффект звездного неба.

Блок 19

(Станция дальней разведки вооруженных сил Космики)

МАЙОР КРИВОРОТ. Господа офицеры, встать.

ГЕНЕРАЛ ПОЛЯНКЕР. Сесть. Кстати, отсидевшие в военной тюрьме на Марсе говорят, что у них любимым занятием была борьба с песчаными клопами. А еще они научились отскабливать камни от остатков древних цивилизаций. Чувствуете тонкий намек?

МАЙОР К. За что, Розалия Самуиловна? Я и капитан Никита М300, мы бы и побрились, и форму привели б в порядок, но о вас ничего не докладывали.

ГЕНЕРАЛ П. Естественно. Я же на расправу прибыла. Главкогор не такой дурак, как кое-кому хочется. Четыре атаки плутонов на какую-то занюханную станцию за один месяц! Вы уж решили, что вам положены и звено колесниц, и крейсер, пусть вас лелеют. Чем это вы тут занимаетесь вместо честного шпионажа?

МАЙОР К. Приказ главкогора: вести наблюдение за объектом.

ГЕНЕРАЛ П. За Виктором К123. А с какой стати вы палили из глюонной пушки? Модуль перехвата вас засек. Вам желательно, чтоб в ООН вопили о смертоносных лучах Космики?

МАЙОР К. Нашими смертоносными и мотылька не огорчишь.

КАПИТАН НИКИТА М300. Разрешите обратиться, госпожа генерал? Вся эта каша заварилась, когда стали плохо проходить сигналы от нейтринного излучателя, вживленно-

го в объект. Такие поглощения, будто атомный реактор рядом фурычит. Обработали мы тогда каустику по методу Шалого, получили вот такой волновой портрет объекта. (Выводит на экран). Увидели эти, с позволения сказать, кляксы и очень насторожились.

МАЙОР К. Не «кляксы», а лахудры настоящие. Они снижали энергонасыщенность объекта. Сосали, понимаешь, энергию высокочастотную из нашего парня. Никита, покажи затемнения на снимках.

ГЕНЕРАЛ П. Не лахудры, майор, а лярвы. Так встарь называли невидимых вампиров, забирающих тонкую энергию.

МАЙОР К. Согласен на лярв. Вокруг объекта, заметьте, есть внешняя структура. Сейчас она бледненькая. А в свое время мы ее звучно прозвали «драконом» за напряженность. Там пассивная энергия преобразовывалась в активную боевую — кто лез в объект, получал щелбан. Но и этот дракон зачах. Вот тогда уж полковник Грэм скомандовал: «Огонь». И ушел в кормовой отсек, курить, что ли. Мы с первого наскока половину клякс стерли. Вдруг налетели плутоны, и прямо торпедой нам в корму. От полковника только фото его любимой собаки осталось.

ГЕНЕРАЛ П. С Грэма теперь все взятки гладки, а вы, выходит, выполняли приказ? Ну, и отчего вы не прекратили свои подвиги?

МАЙОР К. Мы же сообразили. Раз потеряли полковника, значит, на верном пути. Кляксы, как пить дать, находятся в связи с плутонами. Может, это вообще одно и то же. Они прихватывают энергию у людей и пускают тот эволюционный ветер, из-за которого родятся вредные оболочки. Наше дело было правое, но мы проиграли. Лярвы испортили Виктору энергообмен со средой, и внутри него теперь черная дыра. Что могли мы поделать с одной своей пушкой?

ГЕНЕРАЛ П. Неприятности вы себе уже забронировали, господин майор. Но. Через четверо суток К123 запросто сможет вернуться домой. А часов за двенадцать до этого мы станем испытывать глюонные пушки на всех станциях дальней разведки. Майор Криворот займется наведением на цели. Чего доброго, его лира опять издаст не слишком верный звук и пучки «совершенно случайно» почистят Витю К. Если наш майор ошибется слишком крупно, врачи докажут, что он контуженный, с тех пор как торпеда угодила в корму.

МАЙОР К. (*восхищенно*) Розалия Самуиловна!

Блок 20

Бациллу и Буку вскоре отпустили. Их крутанули без дела, да и свидетелей на них не нашлось, поэтому не сосватали со статьей. Бацилле и Буке хотелось есть и все такое, но им никак не встречался подходящий кормилец. На привокзальной площади друзья-бандиты повстречались с Меланией — все трое заходить в фешенебельное здание опасались. Уркаганы рассказали Мелании, кого и за что посадили. Кожаный закосил и едва не ушел из сачка — специально обезумел. Но так увлекся, что его перекормили таблетками, и он сбрендил по-настоящему, с гарантией и надолго. Остальным навернули на полную катушку.

Безбраслетные времена не давали прожить себя так просто и Мелании. Но она уже научилась смотреть на все происходящее издалека, без пристального внимания и тонких переливов эмоций. Из этой дали она дистанционно управляла телесным объектом по имени «Мелания». Телесный объект уже прирабатывал там, где не требовали документов — на дне общества. Там и не пахло оболочками, но зато обитало сонмище сомнительных ароматов. Днем объект функционировал в ассенизационной артели — в люках, трубах и коллекторах. Ночью — наводил макияж на трупы. Товарищи по бригаде вытаскивали и укладывали жмуриков рядком, а Мелании предстояло окатить их из шланга специальным косметическим раствором. От него бывшие граждане становились глянцевые и яркие, будто красавцы с журнальных обложек. Если переборщить с раствором — то как глазированные сырки.

Сидя в такой экологической дыре, не скажешь, конечно, что рулишь собственной жизнью. Однако, ты уже не в чужой колоде карт, и не в ряду пешек на чужой доске. Обстоятельства не трогали Меланию, она обитала внутри нуля. И Кот, и светлой памяти Петух давно превратились из защитных приспособлений в меньших братьев. У нее были специфические мыслекоды, направленные на их личность. Ей казалось, что она понимает их. Может, и не казалось. Иногда подойдет Кот, потрется о ногу, мурлыкнет, дескать, не горюй. А то и стащит где-нибудь для нее конфет, хоть она и не просила даже подсознательно. Браслет-то уже уплыл, и Кот старался согласно своим ассоциаторам, которые у него с успехом заменяли совесть.

— Видеть вас снова не так уж противно, особенно после трупохранилища, — отметила она в ответной речи. — Я бы вас и с того света достала, чтоб вы вернули мне должок.

Помнишь должок, Бацилла? Или тебе сделали пересадку мозга от обезьяны? Где роллер, где браслет?

Она сказала это наступательно, с сознанием собственной силы. Примерно так с ними разговаривала женщина-следователь. К тому же из сумки выглядывала, прицельно прищуриваясь, злобная физиономия Кота. По-первобытному чуяли они, что Мелания имеет отношение к несчастливому повороту их судьбы. В какой-то мере завораживала их Мелания и как дама. Особенно после следственного изолятора, где «дамы» назначались местным блатным авторитетом.

— Не ершись, красотка, лучше улыбнись нам, подмигни, — Бацилла кончил жевать губы и ощерился. — Роллер в аккурат вернется к тебе, будешь довольна. А браслетик твой вместе с паханом у ментов, с них и требуй. Возьми да приголубь меня душевно, я тебе новый куплю. Сука буду, не совру.

— Купи себе носовой платок, а то сопли по лицу текут, подбирать пора, — отрезала Мелания.

Представителям «фраерского» сословия Бацилла никогда ничего не отдавал, поэтому краснел и мялся, когда выкатывал роллер из укрытия.

— Вот ты и совершил свой первый добрый поступок, — нахваливала Мелания. — Чувствуешь, как радостно бьется сердце — новый человек в тебе рождается. Теперь подсчитай количество своих нехороших поступков и составь план добрых дел на пятилетку. Когда-нибудь станешь примером для юношества.

Физиономия Бациллы сморщилась от душевных мук, стала как печеное яблоко, даже злодей пожалел бы его.

— Горючее-то на нуле, — сказала Мелания, — ты за чужой счет неделю забавлялся, теперь заправляй.

— Вот въелась, клещ энцефалитный. Дай хоть до ближайшей улицы добраться, там стрельнем у какого-нибудь фраера.

— Действуй, блатной элемент. Вперед с песней-стоном.

— Плешь переела. Если рублевичей на топливо нет, напяль мини-юбку — и на заработки, — огрызнулся бандит.

Урки ругались грязно, но, в основном, шепотом. Они прокатили роллер метров сто, когда рядом с группой бурлаков неожиданно остановилось такси. Из него вышел задумчивый шофер и стал пускать табачный дым, время от времени отвешивая пощечины своей машине.

— Чего обиделся, тютя? — поинтересовался Бука. — Кто тебя не слушается? Ты нам скажи, мы того гада погасим.

— Ничего не понимаю, — с нарастающей интонацией несколько раз повторил таксист.

— А кто понимает? Я, что ли? Или вот он? — успокоил таксиста Бука.

— Меня машина не слушается. Мне надо на проспект Совестливых, а автопилот то и дело вклинивается. Дескать, ситуация аварийная. И везет, везет куда-то. Вот я уже здесь оказался, с тобой разговариваю. А нынче, если не смотаешься в дальний конец города — туда, где робобусы не ходят, — и навара не будет, день впустую.

— Это судьба, кореш, против судьбы никак, — уверенно определил Бацилла. — А вот мы, твои ангелочки-хранители. Ты сейчас нам турбинного топлива нацедишь, мы же тебе все подряд наладим: голову, зубы, почки, язву желудка, автопилот. Все как новое станет. Да не полощи трусы, нам же махонькую канистру.

— Сейчас девка скажет: «Посмотри на воробушка», а тот громила мне по кепке гаечным ключом. И ни топлива, ни машины, — из-за плеча, насупя брови, произнес таксист.

— Да кто же тебя так напугал, пилот? — спросила Мелания.

И водитель ноющим голосом поведал, как его надрали двое пассажиров. Из-под ног браслет вывинтили, а еще культурными людьми, небось, называются.

— Да не слушай, красотка, эту говорящую болячку. Он сдохнет, прежде чем у него что-нибудь из захватов выдернут, — сказал зазнавшийся от своей щедрости Бацилла и уязвил таксиста: — Ну-ка, покажи орлиные когти на ногах.

Мелания уже проверяла борт-компьютер такси. На экране вертелся какой-то мужичок-с-ноготок и водил на веревке машинку.

— Эй, дизелист, тут у тебя вирус сидит и автопилот смущает. Покуда я убивать его буду, ты рассказывай про тех, кто у тебя сокровище увел.

Таксист поверил Мелании и охотно расписал жлобские манеры так называемого профессора, его сморкание с помощью пальца и наглую двухэтажную хату по улице Платона — в которой тот засел — с лужайкой, где не картоха подрастает, а цветочки по три рубля.

— Все, аппарат я тебе до ума довела, «муму» твое выслушала. Награду давай, — сказала Мелания и уточнила: — С тебя канистра.

— Давай-давай, пижон, как договорились, — поддержали Меланию своими грубыми голосами урки.

Таксист охотно повиновался, даже сказал «спасибо» и скрылся с глаз с большим ускорением. Правда, чуть погодя

донесся звон, характерный для витрин, в которые впиливаются автомобили.

— Внимание, воры, — скомандовала Мелания. — Упомянутый водилой браслет — скорее всего, моя штука, мой суперБИ. Кто понимает — это власть над оболочками. Мне власть — вам доход от нее. Кто не совсем дурак, записывайся ко мне во временное бандформирование.

Не-дураки понуро качнули головами. Потом переглянулись и качнули уже уверенно. Мелания поняла, что воровская мысль опять на высоте. Ее товарищи сообразили, в какой момент они ее «сбросят с коня», чтобы свободно и выгодно сдать суперБИ. Это ее вполне устраивало, с коня может свалиться любой. Однако, «профессор» еще нуждался в анализе насчет наличия суперБИ.

Мелания незаметно подобралась к особнячку на улице Платона. Потом, скромно шхерясь за грузовиками, сопровождала подозреваемое лицо до места его трудовых усилий. То был Центр Киберологических Исследований.

— Бацилла, пора тебе внести пай в наше товарищество, — сказала она на ежевечерней сходке бандформирования. — Раз ты бросаешь прежнюю грубую жизнь, то раздобудь «жучок» — простенький радиомаяк на теплоэлементе. Ну и пеленгатор заодно.

Бацилла неожиданно оказался исполнительным товарищем и притащил то, что требовалось.

— Я тебе, моя Бациллочка, хорошую характеристику напишу — когда в органы загребут, тебе зачтется.

Соратник возмущенно захрипел.

Николай Епифанович выезжал из своего притопленного в земле гаража и находился, как стало уже обычным для него, в полете приятных мыслей. Еще бы, один его шаг равен долгому и унылому бегу толпы к великой цели, к ВОРу. Его деяния пора в новое Писание заносить. Будет там и прах земной, в который он жизнь вдохнул — Витька-болван. «Поверь — и получишь власть». Как бы не так, разбежался. Власть не получают в подарочек за хорошее поведение. Ладно, поиграй еще, Витенька, а потом и мы поиграем. Евстахьевич, сокол ясный, хотел и после кончины безвременной порхать в Великом Объединенном Разуме. Собирался в вечно живые попасть с черного хода, кромешник. Только хозяев не заставишь лелеять свою мертвечину, хоть запузырь ты в вычислительную среду всего себя, вплоть до анализа кала. Вот не стало центрального узла, страхомордие-то не очень помогло, и конец шутовству. Рассыпался незабвенный образ, и даже идеи Белькова — те-

перь наши идеи. Нет, хозяевам можно только делами понравиться, служением бескорыстным. И ничего тут непотребного нет. Пусть поют, заливаются хоры, прославляя венец творения. А в натýре, кто первый осознал необходимость, тот и съел. Тот и будет матери-истории ценен. Пускай эту необходимость наваляли киберсистемы или черти какие, твоя вахта — осознавать и главное — вкалывать. Во всей Вселенной ни у кого нет таких шебутных ручонок, как у нашего брата наивысшего примата.

Может быть, каждый новый день добавляет живучести его собственной оболочке «конструктор Смеляков», доливает в его ассоциаторы, оттачивает его анализаторы. А Витька — хороший боец, этого не отнять. Не хотелось бы с ним расставаться, но придется поскрепеть сердцем. Какой же первенец без заклания? Раз уж скромный профессор пишет ему судьбу, то должна быть там и последняя строчка «пал смертью храбрых на благо». В скобках: чужое. Тупицам — тупицыно.

И тут мысли приземлились, потому что Николай Епифанович ткнул бампером неизвестную роллершу в заднее колесо, как раз при выезде на проезжую часть. Он сразу себе сказал, что ей надо было очень постараться, чтоб угодить под него — по крайней мере отключить радар. Она вывалилась из седла и стукнулась об капот. Ничего леденящего кровь. Когда Николай Епифанович вышел из машины, она уже поднималась. Ученый вежливо предложил руку, она не отказалась. Николай Епифанович с первого взгляда определил: баба без поводка. Не старуха, но и девицей не назовешь при всем желании. К тридцатнику клонится, а ручки-то нерабочие, мяконькие, и голос не пропитый-прокуренный, как у секснаездниц со стажем. Видать, торчала дома, курсировала с дивана на диван, а потом соскочила с осей и пошла вразнос. Профессор договорился с ней быстро и полюбовно. Пока она болталась в кресле-качалке у него на лужайке и дула стакан за стаканом его кофе — хорошо, что Маша откололась пораньше, — он вызвал механика, и тот за профессорский счет поменял колесо, подкрутил, что надо. Бабенка, видимо, оценила достоинства ученого и была не против более тесного взаимопонимания. Не зря же она то и дело пыталась притиснуться, прильнуть как-нибудь к нему. И не однажды просилась дом посмотреть. Но никак. На службе совещание через полчаса, и соседка, старая выдра, может облезлую свою голову высунуть. Тогда Маша ему точно пасть порвет. В общем, выпроводил, хоть и жаль немного, индусы учат — отказывать женщине большой грех. Когда звуки ее мотора разбежались в воздухе, ему показалось, что она его

как-то задурила, задурманила, и все не просто. Ему захотелось, чтобы она и такие прочие исчезли из пространства-времени.

На пересечении улицы Платона и проспекта Паломников робнаблюдатель свистнул Мелании, приказывая остановиться за превышение скорости. Но она ехала аккуратно, и такая придирка ей не понравилась — уж не оболочка ли ССС приклеилась. В конце проспекта к ней на хвост сели три гаишника на роллерах «Горбунок плюс» с твердым желанием поймать и наказать. Это могло закончиться очень грустно, учитывая ее сомнительное настоящее и недавнее прошлое. Оторваться от них теоретически нельзя, «Горбунок плюс» помощнее ее роллера; разве что одолеть лукавством. Но лукавство на ум не приходило, только взрывоопасные трюки. Раскрутить топливный клапан, остановить роллер и, положив на бак работающую зажигалку, постараться отбежать метров на двадцать. Она уже потянулась гаечным автоключом, но тут заметила кое-что новое на экране борткомпьютера, где висела трасса ее движения по городу. Мигающей линией ей предлагалось продолжить путь через подворотню седьмого дома по улице Благости, а это уже на носу. Размышлять было бы глупым делом, и она, взвизгнув тормозами, вписалась в подворотню. Впрочем, зверская тройка «горбунков» с подвываниями ринулась по пятам. Линия мигала прямо через двор и упиралась в подъезд дома напротив. Тут уже с вариантами стало скудно, все одно пропадать. Прибавив мощности, она проломила дверь в подъезд. Дальше были скачки по лестнице до второго этажа, а там, рванув на себя переднее колесо, в нимбе из оконной крошки, она вылетела на улицу. Роллер свалился задним колесом на крышу какого-то неудачливого автомобиля, выпрямился и спрыгнул на мостовую. Минуту спустя скрылись за горизонтом и заметавшиеся машины, и бабки, бросающиеся кошелками, и образовавшие где-то на лестнице кучу-малу гаишники с «горбунками».

— Еле улепетнула, — похвасталась Мелания коллегам при встрече. — Но «жучка» я тому чудаку запустила. Говорит, что профессор, и все его блага заслуженные, без злоупотреблений.

— Я тоже в каком-то смысле профессор, — объявил, чтоб не ударить в грязь лицом, Бацилла, — могу поднос на голове нести, могу носом пить, могу укусить себя за пятку.

— Испортить атмосферу он может в любой момент. А вот я — горящую бумагу есть, стаканы грызть — всегда пожалуйста, — не захотел отстать от товарища Бука.

— Вы про свои таланты лучше помалкивайте, а то сглазите ненароком. А вот кто из вас радиодело понимает? Кому не слабо пеленг взять? — подначила Мелания.

— Я, — поднял руку Бука, — я могу радиоприемник разжевать и выплюнуть.

— Ну я, — сказал Бацилла, потеплев взглядом. — Три года на флоте отрубил радиометристом. Пеленгаторы, локаторы — как раз моя вахта. Я ведь со службы кое-какие аппараты привез. Когда тащил, то почему-то верил, в будущем обязательно пригодится.

— Светла вера твоя, — двусмысленно похвалила Мелания.

— А я «каракатицу» принесу, героиню блатного труда, — расщедрился Бука.

— И ты стал исправляться, — удивилась Мелания, — если будешь очень стараться, то лет через пять попадешь в пионервожатые. А сейчас всей ватагой к Центру Отечественной Киберологии. Устроим пикничок на ближайшей лужайке — места там зеленеющие. Только чур, хабарики на травку не бросать. Кстати, захватите с собой «столовые» приборы. Вы меня поняли, мальчики?

Понимающие «мальчики» хмыкнули.

В свое время от Бациллы не мог укрыться ни один вражеский или дружеский радиопередатчик. Навыки засели в нем прочно и сохранились навек. Он погрузился в наушники и давал смещение «жучка», Мелания запускала данные в борткомпьютер роллера.

Около трех пополудни она посоветовала гордым от трудовых усилий бандитам затихариться в кустах.

На крыше здания ста метрами выше стояли двое и разглядывали окрестности. Мелания одолжила у Бациллы бинокль, который он заначил во время службы на флоте — тоже почувствовал, что пригодится. Удалось довольно крупным планом разглядеть «блюдце» того самого профессора. Рядом кантовался мужик с небезызвестной физиономией — это ж Витя, который выручил ее при побеге от «Белькова»-Сфинкса! Даже с такого расстояния были заметны и хороший костюм, и небрежные уверенные движения, модный полуежик-полуиглы на голове, элегантные усы. Мелания отметила про себя, что он теперь впечатляет. А когда он протянул руку, чтобы объять даль, открылся и черный браслет на запястье.

«Значит, дорвался-таки до браслета, оттого и распушился, — поняла Мелания, — немудрено». А в пять часов эти двое подкатили на сверкающем ящике «Нью-савраски» к автотранспортным воротам Центра. Незаметный Бацилла

уже был на стреме со стороны улицы с заданием: проверить руки «клиентов». Глазастый вор вернулся с четким докладом: «Досмотрел лично и руки усатого-игольчатого, лежащие на руле, и грабли старого козла, протягивающие ксиву менту. Ничего, кроме рыжих котлов, пардон, золотых часов».

— Выходит, браслет они замусорили где-то в институте. Соображаете? Мощная вещь, раз боятся тащить ее домой, — разобралась Мелания.

— Ты уверена, что мне с браслета что-то будет причитаться? — ехидно уточнил Бацилла.

— Тюрьма тебе причитается. А раз не в зоне на нарах, так и будь доволен.

— А я и так доволен, — понурился Бацилла, — обломали сивку.

— Но если серьезно, он сделает вам состояние.

Бука отправился стащить что-нибудь из еды, а Бацилла и Мелания принялись рассматривать получившуюся в результате радионаблюдений карту. Причем Бацилла намеревался в отсутствие Буки галантно поухаживать за Меланией. Однако вместо этого она перегрузила его умственные способности, и мелкий гангстер был уже не рад совместному времяпрепровождению.

Мелания вела ноготком по карте, мерцающей на экранчике компьютера. Здесь «жучок» колупался дольше всего. Это, может быть, туалет, но, скорее, кабинет. Дальше горизонталь — наверняка коридор. Вот «жучок» подпрыгнул, на один этаж, не больше. Там снует на внушительной территории как бы бестолково. Если это не танцплощадка, тогда лаборатория, в которой исполняется «танец руководителя». Теперь есть точки, где «жучок» топчется минут по пять-шесть — столько занимает один перекур с неспешным пусканием дыма. Если спустить из такой точки вертикаль, считай, что нарисовалась вентиляционная шахта. А где «жучок» плывет до самого низа, допустим, до вестибюля, получается уже шахта лифта. Нехитрая арифметика дает нам этажность. Кабинет «жучка» на седьмом, лаборатория раскинулась на восьмом. Из вестибюля же «жучок» ползет под небольшим углом и начинает вдруг выписывать что-то вроде восьмерок. Наш «жучок» зря ничего не сделает — это он в гараже, выезжает из ряда. Как раз сюда опускается вентиляционная шахта.

— Логично? — осведомилась Мелания у Бациллы.

— Вроде складно, — ответствовал взопревший от мозговых усилий бандит. У Мелании же словно внутренности скатались в ком, потому что когда все состыковалось, то вышло — брать институт штурмом надо сегодня. Она подсве-

тила на экранчике вентиляционную шахту. — Орел здесь пролетит? Честно скажем слово «нет». Значит, мы здесь пройдем. Начало операции в два ночи, самое бандитское время.

Как раз подоспел к середине военного совета нажравшийся Бука и начал с ходу орать:

— Тебя что, комар бешеный укусил? Свободу не любишь?

А Бацилла зашипел:

— Вокруг электрический забор стоит, даром, что ли? Не для тебя, Василиса Премудрая? Знаешь, сколько жиганов на таких заборах повязали? Да подуй на него — уже возмущение поля, звон по всем ментурам. Вот выйдет браслет наружу, мы его везде раскопаем, твой профессор не щекотнется.

— Шире шаг, товарищи, прыгать будем, — не унималась Мелания. — Хватит с нас принципов. Возьмем три бочки. Две друг на дружку поставим, а третью чуть поодаль. Положим на них доску. На роллере по доске разъедемся и ать — через забор.

— Что ты нам, ворам законным, стихи рассказываешь! «Друг на дружку положим» — это из другого романа.

— А сроем оттуда завтра утром, когда ворота откроют, просквозим как-нибудь, — развивала соображения Мелания.

— Ночь с такой лялей. Но «срок» улыбается. Говоря по науке, дисбаланс, — прикинул Бацилла.

— Ладно, тащите сюда три бочки и доску, тогда я вас извиню. Бука, «каракатицу» завтра верну. И доход от суперБИ пополам.

— Тороплюсь помочь, даже вспотел. А свое извинение намажь себе на попку, — нагрубил Бука и обратился к корешу. — Давай вихрить отсюда, она чудачка, кобра непонятная.

— А вдруг вывернется, мы тогда кредит обратно возьмем с процентами, — отозвался Бацилла и многозначительно подмигнул своему кенту. Он натянул на голову черный чулок. — Сейчас какую-нибудь стройку раскрутим, — от этих слов нос его пробил материю. Уркан чихнул, и маскировка расползлась.

— Понятно, чей чулок. Зря ты, Бацилла, экономишь на габаритах дам, — Бука показал пальцами размеры Мелании. — Ладно, уговорил. Обмотайся туалетной бумагой и потопали.

Через полчаса два «гоп-стопа» навели марафет, приволокли бочки с доской, положили как надо.

Бука торжественно вручил «каракатицу» и поторопил Меланию: «Ну, прощай, дорогой товарищ».

— Прощайте, злыдни мои незабвенные. Зря вы к сердцу моему прикипели, теперь отскабливать придется.

Мелания уже проложила взглядом светящуюся тропу, уже разогналась и попала на доску, уже оторвалась от тверди и поехала по воздуху. Остались позади уличные огни, раззявленные рты бывших коллег, линия между прошлой и новой жизнью — забор. А потом состоялось приземление. Мелании показалось, что позвоночник рассыпался и вот-вот она станет кучей мусора.

— Ну, все, ведьма, застопори метлу, — зазудел вдруг в токере нечеловеческий голос. Так мог бы разговаривать комар или клоп. «А это еще что?» — вскинулась Мелания. Подобный голос она слышала только раз, в магазине «Норд». Там он уговорил ее заиметь браслет, пообещав, что все в жизни переменится. Почему она решила, что к лучшему? — Это я, Кулибин, «К2». Ты можешь не представляться. Я тебя знаю, частенько стоял за правым плечом. А вот синтезировать приятный голос — дорогое удовольствие. Ты поступила верно. Только сегодня ночью — иначе не выбраться тебе из каменного века. Кстати, гараж налево по дорожке.

Мелания едва успела свернуть и подъехала к бетонной стене, слабо напоминающей ворота.

— Выступление мое подходит к концу. Скоро ты увидишь на экране борткомпьютера, как разобрать роллер на два полезных приспособления. За само транспортное средство не волнуйся, оно тебе больше не понадобится. Ну, ушел заниматься замком. Целую. Кулибин. Постмортум. Напиши когда-нибудь обо мне.

Одна из створок гаража поехала вбок. Потом начался бег ползком вдоль стен в поисках решетки вентиляционной шахты. Она нашлась так же просто, как белый гриб. И тогда на экране замаячила первая схема: «Горелка-огнемет». Надо было, не отклоняясь от инструкции, снять второй топливный бак и регулятор подачи топлива с нагнетателем, вместо свечи пристроить обычную зажигалку. Вот зашипел газ, и ухнула струя пламени на полметра. Мелания притушила, как конфорку на кухне, и стала резать решетку. Искры и окалина сыпались на неумелую газорезчицу, только шлем выручал. Но все ж образовалась дыра, в которую можно было втиснуться, после чего улечься на дно шахты и пялиться в заполняющую ее черноту. Мелания пошуровала фонариком и все-таки разобрала: пять шагов вверх — и будет что-то вроде ребра. С ребрами уже как-то веселее.

Пискнул борткомпьютер, она вернулась к сборке и разборке. С экрана предлагался рецепт изготовления лебедки. Сделать ее оказалось проще, чем какой-нибудь салат. Заднее колесо со спущенным воздухом превратилось в бара-

бан. Мелания выудила из сумки веревку и Кота. Один веревочный конец закусил робик, другой был присобачен к барабану. Педаль мощности зафиксирована клейкой лентой, все готово, чтобы ехать не вдоль, а вверх.

«Поймет ли робик без суперБИ, ситуация-то нестандартная. А программировать его на формальном языке поздно». Она несколько раз подпрыгнула, пытаясь уцепиться за стенку — дескать, вперед, гордый зверь, покажи класс. Робик заурчал, уклоняясь от прыгания и скакания.

Он имеет право, в нем теплится разум и зарождается чувство личности, решила Мелания. Зачем ему переться куда-то, рискуя превратиться в хлам. Не хочет он быть полезным, и это верно.

Не лучше ли ей прямо сейчас брести куда положено с повинной головой? Раньше ли, позже ли, но никому не уйти от марша торжествующих оболочек. Посадят ее в вольер, будут кормить таблетками вместо каши. Дядя Витя, судя по гордому выражению лица, уже покушал, не только за бабушку, но и за кибернетизацию всей страны. Потом справили ему фартовый костюмчик, парикмахер над ним постарался. А ей платьице преподнесут модное, с оборочками. И браслетик оденут. И станут через него притекать разряды, от которых одна гармония. Зачем она высунулась из канализации, есть ли смысл в бросании щепоток пыли в лицо ветру? Единственное достижение этой вылазки — ей теперь жалко всех подряд: себя, дядю Витю, Феодосия. Все уконтрапупенные, хоть и пытаются надуванием щек сделать фигуру, полную тайного или явного величия. Кота больше всех жалко, он ей родной и тоже неприкаянный, и тоже бесчувственный.

Она провела рукой по его шерстке: «Если бы ты хоть молоко лакал или мышками закусывал, я бы для тебя наловила». И тут Кот зашумел. Затрещал усами, шелкнул хвостом и взялся за стену шахты, поскребывая когтями. А потом рывок — он на уступе, еще прыжок — и три метра высоты проглочены. Кот пошел ввысь с точностью геометрического инструмента, скрылся с глаз, только броски веревки показывали, что он в работе. Наконец, веревка успокоилась, и второй ее конец вернулся назад, щелкнув по шлему. Мелания завязала себя в узел, повисела пару раз для проверки надежности. Ну, пора. Веревка принялась наматываться на барабан, Мелания — возноситься. Напряженки не больше, чем в лифте, главное, не проморгать свой этаж. Это убаюкивало. Мелания уже поддалась чувству покоя, но вдруг под лучами фонарика заиграл клубами

какой-то нехороший туман, и первые же миазмы заскребли в горле, схватили бронхи. Как и в ту газовую атаку, на Ипре, стало неуютно. Мелания утешала себя. Мол, кибероболочка пустила газ, не вымарывающий нарушителя из Книги Жизни, а щадящий — только, чтоб человек приторчал. Но, когда она слегка прокашлялась, то почти вывернулась наизнанку, и уже с тоской ожидала момент чиха. Однако, что-то соскочило к ней на лицо и присосалось. Во встроенном под черепную коробку маленьком кинозале замелькали кадры из жизни осьминогов, пиявок и других прилипчивых тварей. С одной стороны страшно, а с другой приятно, потому что в носоглотку задуло нормальным уличным воздухом с легким бензиновым душком. Она опасливо потрогала пальцем своего противного избавителя. На лице сидел собственный котофей, вовремя соскользнувший с какой-то выси, и кормил ее кислородом. Кот вел себя ответственно, пока она осиливала последние двадцать метров и резала на ощупь люк вентиляционной шахты. Хоть и логово врага, но здорово было полежать в коридоре седьмого этажа. Оставалось удивляться, что вслед за газовыми фокусами на нее не налетела с визгом сирен толпа ментов, как будто сигнал тревоги был где-то придушен. Не выдрал ли очередной волосок из своей могучей бороды джинн по имени «К2»?

Кибероболочке Центра «заткнули глотку», но «надеть намордник» не смогли. Сперва на Меланию вызверилась киберсобака, хотя, может статься, это был и киберкрокодил. Кот, сделав сальто, зашел лязгающему чудищу в тыл. Кибера сгубила красота. Кот, запустив когти в линолеум, как следует приложился зубами к его декоративному хвосту. Пока местный цербер тянулся саблезубыми клыками, Мелания успела проковырять его стальной лоб струей из горелки. Пустив дым из ушей, кибер околел. Мелания откинула крышечку на затылке умерщвленного исчадия Центра и прочитала прощальные слова: «Блокировка линий связи активной зоны». Опять-таки «К2» ненавязчиво помог ей. А вот прикрылся дерматиновой дверью кабинет Николая Епифановича Смелякова. С «каракатицей» такая дверь только для разминки. Мелания ворвалась в кабинет ученого подобно валькирии. В одну минуту комфорт кабинета был взорван. Бумажки образовали буран. Коллекционные идолы, маски и божки закончили свое земное существование, обернувшись щебенкой. Только к засушенной голове молодого человека Мелания отнеслась с сочувствием и прикрыла ее платочком. Однако браслет не показывался. «Ноль-один» в чужую пользу. «Но если все сразу, то это было б похоже на поддавки».

Оставалось еще пространство для шмона. Злоумышленники — человек и робик — крадучись, взобрались по трапу на следующий этаж. Там они нашли дверь с нудной надписью «Вакуумная лаборатория, без вызова не входить». Дверь была не какой-то заурядной, а мощной, откатного типа — царица дверей. Такой горелка — что плевок клопа. И ничего похожего на цифровой замок. Ей своего надо унюхать, ей, болванке, мыслекоды подавай. Мелания немного помедитировала у входа, все более расстраиваясь, как вдруг Кот встрепенулся.

— Это я твоего зверя напряг, — опять объявился в токере «К2», — охранник движется. Он — монстр, поэтому не поздравляю. У двери не маячь. Больше петь тебе не буду, увидишь меня по делам.

Рядом аппендикс коридора — дорожка к мусоросборнику. Мелания засела там, в засаде, сжимая в руках свое единственное оружие. Вскоре кто-то стал прохаживаться по этажу этаким вольным стилем — шлепанье подметок все ближе. Потом подметки замерли, зато зашипел откатный механизм. Нет сомнений, открывалась для особого человека особая дверь.

Пока Мелания высовывалась с горелкой, он успел вытащить пистолет и обернуться, но лишь наполовину. Кот головой в прыжке выбил у него из рук оружие, а она напористо выдала киношный набор.

— Тихо, мразь. Руки назад. Никаких фокусов, иначе стреляю без предупреждения. Станешь копченой колбасой, пижон. — И тут же сорвала БИ с его запястья.

— Я в тебе не ошибся. Вовремя ущучил, что кому-то здесь не спится, — похвалился человек.

— Это тебе не помогло, — отрезала Мелания, разглядывая доставленный Котом пистолет. Калибр — десятый, это понятно. А остальное нет — ни курка тебе, ни спускового крючка. Наверное, тоже слушается мыслекодов. Она положила бесполезную вещь в карман и скомандовала. — Три шага вперед, ать-два.

Человек повиновался, нога в ногу к нему пристроилась Мелания, не отстал и верный товарищ Кот. Как только все трое оказались в лаборатории, дверь встала на прежнее место, но зато полился приятный синий цвет, отчего посетители стали похожи на недавно зарытые трупы. Но Мелания уже узнала захваченного в плен — по ежику и виднеющимся из-за щек усам. Дядя Витя, он самый.

— Что там у тебя в руке? — поинтересовался дядя Витя.

— Поменьше вопросов, а то очень быстро состаришься. Огнемет, понял.

— Самопальный, что ли? Работает хоть? А то пользоваться пистолетом научу.

— Не учи ученого. Работает, тебя просквозит и еще на той стене пятно останется. Если не собираешься в нирвану, то во-первых, не оборачивайся, а во-вторых, слушайся только меня, — выпалила Мелания.

— Старо. Скажи лучше что-нибудь действительно занимательное, — расслабленно произнес дядя Витя.

— Да пожалуйста. Ты можешь кокетничать, мол, просто «люблю бдеть». По мне же, вовсе ты не инициативный, а просто пес, вроде того, что жил в этом доме этажом ниже. И у тебя, наверное, есть крышечка на затылке, под которой сейчас написано: «Блокировка линии». А теперь шуруй к браслету, пока из тебя радуга-дуга не получилась.

— Экие мы проницательные, из глаз торчит сноп лучей имени Рентгена. Тебя-то какой-такой дед Мороз за подарками послал? Но вообще ты правильно сделала, что ко мне обратилась — я чуткий к запросам трудящихся и даже тунеядцев.

Дядя Витя подошел к двери типа «зрачок».

— Ты там рассказывай о своем творчестве, — предупредила Мелания.

— Я мог бы говорить долго и порой интересно, но вам нужен только суперБИ, — искусственно возмутился дядя Витя, поиграл кнопками на стене, и «зрачок» откликнулся. Все трое колонной проследовали в следующую комнату. Здесь царила прохлада, на одной стене даже изморозь поблескивала, моргали индикаторы, показывая пока что скрытую работу.

— За перегородочкой крутится по замороженным цепям ток, испытывается ионная камера на эмиссию. Обратите внимание на прозрачный шкаф в левом углу. Внутри нечто похожее на костюм ангела. Правильно — это летательный пиджак с плазменным движком, чуткими БИ-рецепторами и встроенным мультипроцессором. Для образования подлинной птички еще нужен суперБИ. Рекомендую костюмчик.

— Ты, наймит, экскурсию, что ли ведешь? А ну, не зли меня, я долго ждать не умею! — спохватилась Мелания.

— Давайте немного расслабимся. Ша-би-ду-би-да, — пропел дядя Витя на восточный манер, — представьте себя обезьяной, сидящей на верхушке высокой пальмы. Это помогает. Кстати, наш брюнет суперБИ вон за тем красным люком. Сейчас в угоду даме Салтычихе раскодирую замок и Сезам откроется, кому бальзам, а мне нарзан. Возьмем браслет, и тогда я буду петь, а ты танцевать. В жизни всегда есть место празднику. Итак, замочек декодируется, Сезамчик открывается... — люк откатился только наполовину, когда дядя

Витя прыгнул головой вперед и сразу потерялся из виду в темном тоннеле. Мелания ничего не успела понять, успела только поступить. Лоб ее взорвался, как ей показалось, и выбросил красную змеящуюся тварь. Глаза этой твари были глазами Мелании, потому что она вдруг увидела бегущие ноги и вцепилась в них. Потом пламя ударило ей прямо в переносицу и вылетело из затылка. Наверное, секунд через десять она стала различать снова стены, потолок, смогла заглянуть с фонариком в туннель. Дядя Витя уже отдыхал на полу, держась за ноги. Рядом, раскинув лапки, лежал, будто спящий, Кот. Но робики не спят.

— Ползи сюда, нечестный человек, и моего братчика захвати.

Дядя Витя уронил себя обратно в комнату и протянул обмякшее тельце Кота. У того на белоснежном лбу было неприятное, похожее на какое-то насекомое, черное пятно.

— Пал смертью храбрых, не спорю. Устроил себе короткое замыкание, да и мне заодно. Полметра до второго люка не хватило. Теперь полный порядок.

— Единственного друга убил. А ну, не держи его своими лапками, жаба. Аккуратно положи, — Мелания с трудом продышала комок в горле, — а теперь давай оправдывайся.

— Задумка была на уровне. Мы с тобой в самой что ни на есть вакуумной камере, она же камера хранения. Сюда я пришел, опасаясь, и совершенно справедливо, твоего огненного меча, о моя госпожа. Именно здесь Николай Епифанович держит суперБИ вместе с «пиджаком ангела». Ведь применение у них совместное, которое бы тебе понравилось, судя по твоим наклонностям. Как можно было уже догадаться и менее проницательному уму, эта комнатка с секретом. При попытке вынести суперБИ или другое имущество срабатывают датчики в тоннеле. Каморка задраивается, как космический корабль. Датчики, кстати, и приняли твоего кота в сапогах за то самое имущество. Датчики, не сообразив, что он на самом деле наш общий друг, законопатили внешний люк. Теперь будем ждать утра, сказки сказывать. Ну и ты поведай в остроумной манере, почему с самого начала не сработала сигнализация?

— Твои предложения здесь никому не интересны. Это все? — уточнила Мелания.

— А вот и не все. Если похитители применят боеприпасы для прорыва на волю, включится местная автоматика, которую никакому «К2» не задурить — она слишком тупая. И весь воздух отсюда вылетит, тю-тю. Достаточно огонька, искорки — здесь налаживается полный вакуум и негодяи справедливо пре-

вращаются в пыль и газ. Правда, схожая судьба ожидает и тела случайных прохожих вроде меня. Теперь становится ясным смысл сравнения нашей комнатки с космическим кораблем? Единственное отличие, что космос не снаружи, а внутри. Я, естественно, не желал каких-то там мрачностей, мне ведь веселья подавай. Сам собирался выпрыгнуть, как сурок из норки, а тебя запереть здесь. Конечно, помурыжить немного, чтобы перековала ты свой меч на, пардон, орало. А потом бы отпустил, адью-адью. Ты бы уходить не хотела, все благодарила. Стал бы я в органы жаловаться? Фу, меня от них зудит. Вот видишь, что ты потеряла. Шурупишь?

— Ты хочешь сказать, что выбраться из этой каморки нельзя?

— Хочу, и больше того, сказал. Нашу лавочку можно отворить только снаружи, из лаборатории — чего тут удивительного? А туда, сама понимаешь, кто заявится поутру, когда мы проснемся. Унылые, скучные люди, не понимающие шуток.

— И вакуум настоящий получится? — спросила от нечего делать Мелания.

— Тут уж без всяких приписок, полный кайф обеспечен.

— Понимал бы хоть, что ты сволочь эталонная. В парижскую палату мер и весов тебя, под колпак. Вместе в космосе окажемся, на заслуженном отдыхе, это я тебе обещаю, — разругалась Мелания.

— Согласен, разделяю мнение, готов подписаться под каждым словом. Но ведь неинтересно играть, если все вокруг подмахивают.

«Куда ты, «К2», советчик непрошенный, затырился? Как объяснишь, что из-за этого законного придурка пропадать приходится? Только какое теперь тебе дело. Ну, осечка вышла, скажешь, потерял одну фишку. Ладно, в следующий раз умнее будем».

Торчать под шлемом было уже неинтересно. Она скинула набалдашник и еще пнула его пару раз.

— А меня не надо, — сказал дядя Витя и наконец узнал свою врагиню. — Девка-богатырка, она самая, — голос его совсем помягчал. — Девка-богатырка-а-а.

— Ты это прекращай. Слышать тебя не могу, — строго предупредила Мелания и навела на его нос горелку. — Чуешь, жареным пахнет. Сейчас как спалю рубильник! Все из-за тебя, кувалда.

Несколько минут было заполнено звенящей холодной тишиной. Дядя Витя выдавил из ссадины на ладони чуть-чуть голубоватой жидкости, потом перехватил напряженный взгляд Мелании и старательно ощерился.

— Не бойся меня, деточка.

— Ладно уж, пошебурши. Значит, в тебя залили искусственной, подлинно научной, или как там ее, крови. Вставили пару шлангов с двух сторон, один нагнетает, другой откачивает.

— Ну, правда. Что тебе с того? — бесцветно отозвался дядя Витя.

— Вот потому ты и стал у меня под ногами путаться, козел дрессированный. В тебя ж оболочки вселились, хоть ты и уверен в собственной значительности. А ведь достаточно включить горелку, и подвиг кретина будет завершен. Приклеют твое фото в альбом, внизу напишут: «Наша Лайка. Спасибо, животное».

— О чем ты, тетка? Не бреши. Смеляков считает меня хорошим пилотом.

— Ему, конечно, любопытно. Был идиот, а стал пилот. Товарищ чувствует себя папой Карло. Но тем, кто людей переделывает, еще интереснее жизнь положить, конечно, не свою.

— Не тем местом думаешь, тетя. Новые возможности он мне дал? Дал. Натаскивал, понимаешь, тренировал. Значит, уважает мой человеческий фактор. Одним словом, большой ученый.

— Клоп большой, достаточно всмотреться слегка в мордоворот того профессора. И фактор твой человеческий, дядя, он ценит чисто гастрономически.

— Вот ты, стрекоза трескучая. Да мне деваться было некуда, ослабел почти что до смерти, а тут он со своими предложениями.

— Сам виноват, что перья обломал и пошел на дно без пузырей. Не знаю я частностей и не хочу знать. Но когда сидишь в канализации по уши, крыльями махать не стоит, не та среда. Надо было тихонько лапками — плю-плюх, и куда-нибудь в сторонку, подальше от течения.

— Про меня ты можешь наплести больше, чем я сам, сказительница канализационная. Только мне этот «плюплюх» не годится. Я чувствую себя удовлетворительно, когда на кое-что способен. Ныне могу добежать до потолка и вернуться назад без травм. Могу опустить голову в ведро с водой и не вынимать в течение семи минут. Не поморщившись, вырву себе зуб пальцами. Стоять на одной руке — нет проблем. Плюнуть ядом точно в глаз врага — запросто. Количество звуков, произнесенных за час каким-нибудь трепачом — назову тютелька в тютельку.

— Ну, мастер-плевака, не забудь добавить — если браслет имеется. А его, между прочим, воры у меня смыли. Во-

обще, с таким совершенством лучше тебе в цирке работать — полный зал обеспечен. А помнишь, Вить, в аэропорту я сказала, что ты красивый? Хоть ты и загаженный был с ног до головы. Я ведь теперь поняла смысл этой фразы. Красивый внутри. Была ведь своя, незаемная сила.

— Еще ткни его, — вдруг обозначился в токере «К2», — скажи ему: «айкон».

— Ну-ка, Виктор, спой про «айкон».

Дядя Витя ничего не понял, даже дурашливо свесил нижнюю челюсть. Но потом его лицо смялось, как бумага. Вид неожиданно стал жалким.

— Интересный вопрос, и ответ должен быть интересным. Что-то крутится перед глазами, а назвать не могу. Посадила ты меня. — Мелании с испуга показалось, что лицо дяди Вити стало меркнуть, таять, уходить в камень. — Один раз уже собирался вспомнить, когда летел в «Гнездо-2», но схлопотал по своей голове каблуком. Айкон — это не я, но продолжение моих рук, ног, сердца, дыхания.

Дядя Витя слабо мерцал в глубине оплавленной глыбы. Свернутый, спеленутый, стиснутый со всех сторон. Она стала долбить этот монолит, долбила сто лет, а может, сто лет слиплись в одно непрекрасное мгновение. Трещина-клин-трещина-клин. И она — этот клин и вода, пропитывающая клин, и даже сама трещина. Боль шла ломанной дорогой по ней. Наконец показалось выжатое, перекошенное лицо дяди Вити.

Дядя Витя вытащил из кармана складной, но внушительный нож, пружина выкинула лезвие.

— Ты на кого руку? — Мелания отодвинулась и сжала свой «огнемет».

Дядя Витя, не обращая на нее внимания, провел лезвием между большим и указательным пальцем. Вместе с голубыми пузырями вышла пластиковая ампула. Он разок подбросил ее и перекинул Мелании.

— «Лебединая песня» называется. Начинка: хитрый такой излучатель, попискивает, чтоб «гора» знала, где твое тело. А еще тут записаны все разряды, что через тебя проскочили за последние сутки.

— Витя, доходчивее, — попросила Мелания. — Ты на танке катался что ли, или самолетом управлял?

— При чем тут танк? И никакой я не Витя. Меня зовут Виктор К123. Воинское звание — капитан. Айкон — интегративная система управления оболочками боевой колесницы. Сведения о моем подразделении и районе базирования разглашению не подлежат. Да у меня и пусто в башке на этот счет. Что же еще? Плутон рассыпался, и осталось яич-

ко, непростое. Он сбросил на землю контейнер. Обстоятельства вынуждают снизить порог секретности, что допустимо в каких-то случаях. Надеюсь, в нашем. Содержимое контейнера, предположительно, суперБИ. Плевать я хотел на Землю, с высоты триста километров, но... Есть приказ — изъять суперБИ. Хоть раздери кого-то напополам, но вынь да положь начальству суперБИ.

Бывший дядя Витя лег на пол спиной, на лбу проступили капли пота.

— Куда я попал? Отвлекся немного, чуток ослабел — и сразу обломали руки-ноги, зубы с когтями выдрали. Что за народ? Кровь и ту спустили в сортир, — просипел он. — Теперь сплошные протезы. Что теперь исправить в биографии? Только одно большое исправление можно еще сделать.

Он добрался до шкафа и выдернул «костюм ангела».

— Одевывай, красотка, невзирая на моды, и браслет тоже.

— Ты чего, Витя, балуешься? Что ж я, вокруг лампочки летать буду, как мошка?

— Я ведь говорил, слушать надо было. Дунь огнем, и в одно прекрасное мгновение все газы, все, что плохо лежит, вышибет отсюда через трубу. Вон тот люк откроется. Это называется гравитолчок. Надо только со шкафа стартовать, чтобы точно в дыру угодить. И с криком «вуаля» окажешься за стеной дома на высоте тридцать метров. В ангельском виде это ничуть не страшно, приятно даже.

— Ну, Витя, брось куролесить. Почему не смыться вдвоем? Ты прижмешь меня, как-нибудь извиню, или я ухвачусь за твои тапки. Так и отвалим.

— Вдвоем застрянем. А если даже и продеремся, аэродинамика не та, тяги не хватит — и полквартала не пролететь. А жужжать надо долго. По спутниковому навигатору выйдешь на одно место в лесу под Пустомержей, — он назвал координаты. — Там как раз капсула летучая тебя поджидает. Заберешься внутрь, не забудешь задраить люк, нажмешь красную кнопку и вывалишься прямо в заданную точку орбиты. Не бойся, что некоторое время будет очень тихо в ушах и очень пусто вокруг, боевой катер Космики тебя подберет. Сдашь командованию, как полагается, браслет и «Лебединую песню». Скажешь, так да так, капитан Виктор К123 пал на поле дряни. И далее по существу, всю правду в лицо. Свиснутая у нас фальшивая кровь марки «Голубой кисель» опробована в сочетании с двусторонним суперБИ и понравилась. Отличился отдел малых летательных аппаратов Центра Киберологических Исследований. Производство плазмы искусственной крови освоено. Ожида-

емое начало масштабных испытаний — весной будущего года. Разрушение производственной базы института нецелесообразно — технология известна минимум десятку организаций схожего профиля. Изъятие суперБИ может серьезно отодвинуть сроки испытаний. Переход к массированному использованию указанных средств будет означать дальнейшую мутацию земного населения в контролируемую киберо болочками среду. Оболочки уже наработали коды управления — поковыряйтесь-ка в моей «Лебединой». Таким переменам серьезных психологических и социальных барьеров наблюдателем, то есть мной, не отмечено. Вы, милая дама, пока не классифицированы. У вас, скорее всего, случай «аскетического синдрома», тяга к бесплотности как попытка выйти из-под контроля. Далее речь моя становится более бессвязной. Догадка: оболочки типа «плутон» — противная классикам форма небелковой жизни. Активное и беспрепятственное видообразование происходит в кибернетических системах Земли. Проникновение в киберсистемы, расположенные в космосе, очевидно, через спутниковые каналы. Все, протокольная часть окончена. Устал я, — вид у Виктора К123 был, как у пловца, за которым долго гонялась акула — оно извинительно, ведь только что себя вспомнил... — Ну, и добавишь от своего имени, что сочтешь нужным. Родни у меня нет и не предвидится, ввиду полного отсутствия наследства. Все мои кореша — законные покойники, надеюсь, не зомби. Забывать некому, вспоминать нечего. Вся моя жизнь с ее достижениями поместится на одной страничке убористого текста. Те, кому положено, за меня отомстят. Ты же ни в какие шебутные дела не встревай, во всякие там женские смертоносные эскадрильи. Без тебя обойдется.

— Ну почему я, а не ты? — недоумевала Мелания. — В чем причина такого благородства? Не могу понять.

— Никакого благородства, просто я черной молнией укушенный. И я не могу понять, как у офицера Космики может плескаться в жилах шампунь? Только к такому бойцу прилепляется двусторонний БИ, и он уже не офицер, а туша на крюках. И никуда не рыпнешься, любой бес сможет тобой играть. Конечно, от боевых сбросов отстранят, от всего — и правильно сделают. Останется только на подоконнике сидеть. Нет уж, искусственная кровь годится лишь для всякой шпаны бесхребетной. Обстоятельства, кажется, умнее нас. В романах, когда героя некуда девать, в него попадает зловредный микроб в дозе, как ее, леталис минима, или на худой конец пушечное ядро. Есть же сейчас возможность красивого окончания, и надо ее использовать.

Он выбил дверцу шкафа, достал полетные принадлежности.

— Твоего комбинезончика маловато будет. Там вихри враждебные. Одевай-ка еще и мой. Не ради прикида, а ради тепла в организме.

Капитан военно-космических сил Виктор К123 остался только в майке и трусах. Он ежился и переминался с ноги на ногу.

— Задира ты, Виктор К123, — плаксиво сказала Мелания. — На какой стороне баррикады ни находился бы.

— Наверное, ты права, как всегда. Это во мне непреходящее.

— Хочешь быть только героем, не меньше. Чтоб кулаком по столу, и все вокруг запрыгало.

— Культурным героем, — поправил бывший дядя Витя, — который крадет власть у бесов. Даже твоему «К2» понравилось бы, когда б я замазался и не пускал пузырей. Дрейфит он — мол, если потопчут бойцы Космики местных кощеев, то это дорого будет землянам стоить. Засучат ножками, как распеленутые младенцы. А для чего вас выращивают, малыши? Этого никто объяснить не может. Здесь ничего не объясняют. А только мило лопочут, чтоб не разозлить Кормильца, чтобы тот сладкую свою титьку не забрал. Я, наверное, не те слова говорю. Да уже поздно подбирать фразы. Вот собираюсь еще одно слово употребить для ясности. Тебя зовут, скорее всего, Мегера.

— Мелания, — поправила его Мелания.

— Мелания, подари мне свой токер.

Она знала, что теперь оборвутся все ниточки, тянущиеся к «К2», ангелу-хранителю, который вел ее в дом покоя. И будут теперь другие ангелы и дом другой — звенящий дом драки. Но она подчинилась. Мелания задержалась еще на час. Столько длился ее любовный роман с Виктором К123, потому что блестящего капитана с Космики нельзя было не полюбить. Потом за три минуты он оснастил ее всем, что нужно для продолжения полета, задал параметры наведения процессору, активизировал двигатель. Она еще поцеловала его в замерзающий лоб. Сверкнул плазменный пучок, комната рванулась, и она влетела в зарю. От него не осталось даже мужественного окоченевшего тела, лишь молекулы размазанные по стене. Но в последний момент он знал, что и злыдни-плутоны, и добряк «К2» распрощались с браслетом. И все на свете сложится немного иначе, чем планировалось. Он успел сказать: «Вот он я, Господи», и серебряное небо раскрылось перед ним.

КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА: МЕРКУРИЙ

ИЗ КНИГ
(вместо предисловия)

«XIX век был веком отличного самочувствия аристократической Британии, следующее столетие потрачено на грызню мощной американской демократии и евразийских режимов «ежовой рукавицы». XXI век скудостью ресурсов и неожиданной свирепостью окружающей среды выбил табуретку из-под земного варианта человечества. Техносфера, создаваемая как спасательный круг, освободила землян от необходимости качественного мышления, и они удовлетворились разного сорта догматикой. В то время как человек земного типа («баран») тонул во мраке дебильности, на просторах Солнечной системы разворачивалась космократия в кастово-имперской форме. Космократия той поры означала, что статус человека зависит от удачности его взаимодействия с космосом, мощь же империи обеспечивает ему необходимую техническую поддержку».

Благочестивый Сатурн Кольцович
«Осмысление Космики».
Прозерпинск, 2378 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Трудодни

1

Если вы созрели для какого-нибудь гнусного преступления, вроде разбоя или набега, то поторопитесь взять билет на Меркурий, на его ночную сторону. Здесь будут созданы все условия для проявления самых дурных ваших качеств.

Во-первых, атмосфера, особо располагающая к криминальным поступкам. Вместо солнца и даже луны на небе солетта (похожая на настоящее светило как канализация на канал). Плюс пыль столбом.

Во-вторых, ненавязчивая сила тяжести, благоприятствующая быстрому бегу, прыжкам, скачкам и броскам.

В-третьих, четыре милиции, каждая из которых кого-то любит, а кого-то лупит. Соответственно меркурианцы делят стражей порядка на «мою милицию» и «царскую охранку».

Бьет копытом в стойле бравая ментура у научно-производственного объединения «Дубки» (собственность правительства),

так называемая Военизированная Охрана. Казенным концерном «Вязы» тоже выпестована шеренга бойцов — триста тридцать три богатыря Службы Безопасности. В ассоциации частных старателей произрастают внушительные дядьки — шерифы. И наконец, у властей префектуры имеется в загашнике какая-никакая милиция, имя которой полиция. На вид она пыльная, по части технического оснащения убогая, но зато с трехглавыми кокардными орлами, горящими во лбах.

Так что творите, урки, свое темное дело во мгле Меркурия, а натворивши, кликайте *свою* милицию и кидайтесь ей на шею. Она и станет вас отбивать от «охранки», которая в свою очередь будет стараться, чтобы вы немножко повисели на виселице или прогулялись на урановые рудники, где рентгенов — как комаров в таежном лесу. Своя же милиция, если отобьет, накажет вас любя, даст вам срок условно в виде перевода на нижеоплачиваемую работу. Поручит вам, например, отстреливать одичавших от неудачного программирования кибертараканов. Или расчленять домики из квазиживого полипептидного пластика, которые, еще нередко поглощают спящих своих жильцов и даже нападают на прохожих в глухих уголках города (где крики недолго мечутся среди слепых стен).

Но. Если, совершив разбой и отделавшись легким испугом, вы решили сорваться с солнечного (наполовину) Меркурия, вам придется несколько разочароваться. Ведь ваши денежные сбережения, образованные неустанным грабежом, и зажатые теперь в кулачке, будут посрамлены ценой на билет в космос. «Дубки» и «Вязы», владеющие на пару космопортами, постарались, чтобы для очень многих Меркурий стал конечной остановкой.

Так что придется вам от неуемной тоски полностью истощить мошну где-нибудь в угарном Блудянске или орбитальном «санатории» Хунахуна (по-народному, шмаролете).

Что, конечно, поможет вам забыться. И сузить поле сознания. При удачном раскладе вы забудете даже, как вас зовут, и потом уже никогда не вспомните. А что вы хотите, после того как пара мечущих молнии мутанток займется вашим отдыхом? Длинные когти «кисок», пропитанные зажигательными гормонами, воткнутся в вашу кровеносную систему. Сильные пальцы прижмут ваши артерии, чтобы организм стал выделять пептиды предсмертного кайфа. И вправду, радость может для вас оказаться последней на этом свете. А от возбудительных разрядов ваше срамное место станет напоминать яичницу с недожаренной колбаской.

Если же вы, уцелев после межсексуальных сражений,

решили стать кристально честным образцовым гражданином и подумали, что «своя» милиция вам больше не понадобится — то как бы не пришлось раскаяться. Уже через недельку вы будете с плачем размазывать сопли по лицу и усиленно выделять бензол в сжатом пространстве тюремной камеры. Трудно на Меркурии не совершить чего-нибудь откровенно дурного.

Во-первых, люди здесь в огромном большинстве инкубаторские «номерки», не знающие папско-мамской ласки. И вдобавок, как изящно выражаются в газетах — с модифицированной генетикой. «Номерков» присылает сюда своими путевками министерство кадров. Конечно, доведя вначале до периода половой зрелости в каком-нибудь из питомников на Марсе или Ганимеде и записав в одну из каст: воинов, то есть кшатриев, ученых-брахманов, техников или торгашей (старатели сюда тоже относятся). Само собой, чтобы угодить в брахманы-ученые надо очень постараться. Генов мудрости, увы и ах, так до сих пор никто не нашел и не синтезировал, но все же большинство живчиков, впоследствии становящихся брахманами, вытаскивается за хвостик из холодильника с надписью «нобелевские лауреаты, в уборную не выливать».

Сказанное, естественно, не означает, что «номерки» ничего не знают о хороших манерах — в некоторых питомниках хорошо дрессируют. Или, что выпускникам инкубатора некуда энергию девать. Скорее, наоборот. Просто ребята не любят скучать, ковыряя в носу. Ну, и семейные связи их, естественно, не гнетут. Они мало кого в Космике гнетут. Производство молоди поставлено на конвейер. Ну, а секс с похотью? Это в Космике осталось, также как и деление на баб и мужиков — генные инженеры к проблеме пола еще только подбираются. Если ты боишься случайных дам, то не пожалей в магазине десять «толстых» императорок и получишь биороботессу марки НФ (Невеста Франкенштейна). Начинка у нее — кибернетическая, а обшивка — квазиживая органика, иногда кожно-жировой трансплантант с трупаков. Поет в любой тональности, танцует космодиско, рассказывает сплетни и сказки, а еще можно выбрать любую позу из двадцати, имеющихся в ее арсенале. Если ты собрался в поход и трактор у тебя маленький, то можно разделить ее на модули. И взять с собой только самый необходимый кусок.

Во-вторых, хватает на Меркурии стихийных мутантов (муташек, мутных), которые добираются до этой планеты-ловушки самоходом или зарождаются непосредственно здесь. А они люди, вернее, нелюди, с прибабахом. Одному,

для пополнения запаса гормонов, надо кровушки стакан, другому для хорошего пищеварения срочно требуется сырое человечье мясо, третьему, чтобы расти большим до трех метров, не хватает только супчика наваристого из чужих гипофизов.

Конечно, в отличие от обитавших на Земле в течение веков психомутантов-садистов наши муташки не получают от своих действий удовольствия, а лишь удовлетворяют потребности физиологии. Но вам от этого вряд ли будет легче, когда крепкие кривые зубы с хрустом вопьются в ваш затылок.

И в-последних, жизнь на Меркурии сложная, насыщенная. Открыл не вовремя дверь шлюза и выдуло твоего товарища из сортира прямо в космос. Или ударил какую-нибудь малосимпатичную мордашку, а мордовладелец улетит со второй космической скоростью. Потом объясняй прокурору, что противник случайно поймал гравитационную волну, которую Солнце нам презентовало.

Еще Ярило поглаживает протонными протурберанцами, отчего по всем рудным жилам жуткие токи пробегают, а заряженная пыль облепливает тебя, превращая в живой Мамаев курган. Заденешь ты какой-нибудь невзрачный камушек и вдруг зашарахают молнии, из-за которых публика вокруг превращается в фирменные котлеты.

А чего стоят старатели? Поедут, например, на пару копать минералы; вернется домой один и начнет рассказки травить про то, как попали они в аномальную зону. Дескать, все события там из ряда вон. Чайник на нагревателе студеным остается, кипит же почему-то аквариум с рыбками. Набиваешь ты, допустим, свой «черный ящик», но в пузе по-прежнему голодно и тоскливо, а сытость, стул, понос и прочие последствия еды приходят вместо тебя к твоему товарищу. Даже бывает, садишься на табуретку и бьешься затылком оземь, потому что мебель эта на время меркнет и становится лишь виртуальной. Потом долго разыскиваемая табуретка, побыв в виртуальности, вдруг актуализируется и падает на голову твоего товарища. Ну и не всякая голова выдерживает. Даже если в каске.

Я иногда такому бормотанию смутно верю и отмазываю человека от статьи, дескать, улик не достает. Приходится, кстати, средневековыми методами дознания пользоваться, детектором лжи, наркотиками-расслабителями и, само собой, нутряным чутьем, позволяющим четко уяснить, где злой дух полтергейст накуролесил, а где урка-убивец сам наломал дров и теперь пытается лапшу на моих ушах развесить.

Ну ладно, настал черед мне собственную историю плести. Заранее только об одном известить хочу — будет круто.

2

Я — Терентий К123, место слияния родительских гамет, пре- и посленатального взращивания — инкубатор «Мамальфея», Ганимед, префектура Юпитер. Шестнадцати годов натурализован кастой кшатриев (воинов). Обучался и дрессировался в полицейской академии, Рыньгород, префектура Марс. Служил в транспортной полиции префектуры Астероиды, отряд «борзые». Три года тому как спроважен в префектурную полицию Меркурия — за чрезмерное «оборзение». Дорос до зарубки «лейтенант», но несмотря на протекцию карьерной машины (это компьютер, который ведет счет моим достижениям), распрямить коленки и сделаться повыше не удается. Приминает меня грузное начальство.

Атавизмов нет. Психопатологии, такие как политическая активность и тяга к абстрактному искусству, не замечены. К проявлениям стадных инстинктов, вроде участия в культовых движениях, требующих высшей справедливости, не склонен. Когда хорошее настроение, то верю, что космос — воплощение высшей разумной воли; выходит, близок я к космотеизму. Генетические модификации: тепловое зрение, электрорецепторы, система выведения радиоактивных изотопов из организма (вместе, пардон, с мочой). Кибернетическая вставка: стандартный черепной интерфейс типа Анима, отвечающий за контроль жизнедеятельности, телеметрию и преобразование мыслеусилий в оптоэлектронные сигналы, понятные техсистемами.

Жилищный узел или, как еще выражаются, квартира, в пятом блоке мобильного города Васино, столицы префектуры Меркурий. Для невежественных марсиан объясняю популярно — на нашей планете все живое старается двигаться, чтобы не попасть утром на солнышко. (Между закатом и восходом укладывается примерно девять базовых месяцев.) Платформы, на которых разместился город, трогаются в путь три раза за меркурианскую ночь. Таким образом, движимость всего на Меркурии означает отсутствие недвижимости. Кроме того, когда город переползает с места на место, вы частенько падаете с койки и проливаете суп, если же в этот неспокойный период гуляете по улице, то чувствуете себя как вошь на гребешке.

В один из таких «гребешковых» дней мучительно шел я на службу, петляя между помойных бачков, из которых доносилось унылое чавканье дерьмоедов. Вяло подсвечивали путь тепловые панели. Наша меркурианская псевдолуна, та самая солетта, застряла на ремонте, поэтому золотистый

колобок не пытался озарять дорогу сквозь плексигласовое городское небо.

Марсианам поясню: от нашего колобка куда больше толку, чем от ваших Фобосов с Деймосами. Псевдолуна — это растаявшая комета, покрытая пленкой, которая удерживает жидкость от расплескивания и заодно отражает солнечные лучи нам, простым васинцам, не избалованным загаром. Правда, бывает, что вода, прорвавшись из-за сильной конвекции или метеоритного удара, ледяным болидом шлепается на меркурианские головы. Еще в глубине этого летучего аквариума скрываются гидромутанты (человекорыбы — потомки строителей солетты), которые умеют метать большую красную икру.

Мой непутевый трудодень начался с битвы двух разновидностей васинских мутантов. Случилось это в центре сомнительных увеселений по имени «Свободу мутным», неподалеку от мусорозавода, где муташки зарабатывают себе на пропитание и пропивание. Для затравки отличилась одна мелкая ворюга — оразумленная помесь обезьяны с крысой, так называемая «карманная сволочь». Тварь юркая, резкая и наркоманствующая. Полазала она по котомкам честных тружеников и высосала все запасы водки гемоглобиновки. Безвинно пострадавшие муташки надышались с горя аккумуляторной жидкости и пошли стенка на стенку на другую группу, которая перекололась от какого-то своего горя токсином ботулизма.

Взял я всю смену ОПОНа, десять ментов, построил их в шеренгу, поприветствовал: «Будь gesund».— «Всегда gesund». И стройной колонной направил на место происшествия. Там двести монстров мочат друг друга — в кабаке и на прилегающих улочках. Из-за пониженной силы тяжести ударенные тела и прочие туши летают, бьются об стекла и стены, как шмели-переростки.

Ну, что остается? Ать-два и вперед. И колонна шагнула в это месиво. Мои баллоны с отравляющими и провани-вающими газами сразу были оторваны. Помню, еще на руки посмотрел — остались ли в суставах. И ментов своих я вскоре перестал различать. Электрошоковую дубинку размочалили об мою же спину — только антисиловой жилет спас от шока, комы и размозжения костей. Несмотря на все, рекомендую эту жилетку, она ладненькая: титановые пружинки толщиной в несколько атомов запечены в силиконовый поролон.

Затем я несколько раз взлетал вместе с мухами вверх и шмякался оземь, как кокосовый орех с пальмы, но ни разу не разбился (правда, и не рассмеялся тоже). Когда я рухнул окончательно, эти слонопотамы стали меня радост-

но утаптывать. Жилет уже плохо помогал от побоев, приближался торжественный момент размазывания лейтенанта по мостовой, еще немного — и удалось бы спасти одни сапоги. (Их затем бы торжественно с салютом и оркестром похоронили в лавке вторсырья.)

Да вдруг в эту петрушку угодило ни с того ни с сего пяток фемок. FM (female-mutant), прогрессивных баб, которым такие гены в инкубаторе добавляют, что делаются они плоские, мужененавистницы, фригидины и какие-то жуткие. Не внешне, конечно. Рожицы и фигурки у них как раз аккуратные. Они тетки жуткие по своим умениям, которые сродни знаменитым меркурианским полтергейстам.

Кто-то из муташек, перебравших токсина ботулизма, завидев эту самую female-mutant, затрубил, что его длинная елда чешется на фемскую хилую пипиську, и он ее немедля испробует. Едва мутный потянулся к прогресс-бабе своими граблями, как, ни с того ни с сего возникло четверо ее товарок. Похоже, из пневмопровода или канализации выскочили, внезапно, как выигрыш в лотерее. Не сгрудились фемки, а стали в некую комбинацию и пошли косить вражескую толпу. Эти девки так принялись кружиться, что бить их всегда было не с руки — они или с левого бока или сзади. Зато от каждого их тычка лишалось ума по пять мутных оболтусов. Что самое интересное — фемки-то никого кокретно не лупили, не напирали, скорее даже уклонялись. Однако мутные словно подставлялись под удар и выстраивались так, что валились кучей.

Остальные мутанты, заметив сваленных кучей своих товарищей, скопом — без деления на ботулистов и аккумуляторщиков — рванулись расправляться с фемками. Впрочем, от этого только возникла свалка и давка, а бой-бабы расчистили себе тропу, скосив всех противодействующих, и организованно покинули сцену в неизвестном направлении.

После чего дерущиеся сникли, пустив слюни и сопли, дали себя разогнать и даже частично загрузить в арестантские фургоны. Кряхтя от полученных побоев, но глядя орлом, я вернулся в контору. Едва собрался в баню, размягчить ионизированным паром повреждения, да не пускают. Известие нехорошее из штаб-квартиры концерна «Вязы» меня застопорило. Пропал без следа и вести член их совета директоров, некто Медб К845. Осталась в его апартаментах одна улика, а то и просто чистая символика.

Некий смерч вращался там между полом и потолком, однако при этом быстро усыхал, съеживался, превращался в слабенький сквознячок.

Эксперты, приехавшие со мной на место злоключения, эту улику весело анализировали своими спектрографами и сонарами. Получалось, что вихрь — неустойчивый по строению и даже элементному составу, с источником сильной гравитации где-то внутри, только быстро истощающимся. Еще немного удивленного галдежа исследователей, и от улики осталась на память лишь слабая ионизация воздуха.

— У меня впечатление создалось, — признался мне один из посетителей, — что произошел маленький колллапс.

Но впечатление впечатлением, а мне полагается меры принять, соответствующие данному моменту.

Опросил я возможных свидетелей, проверил движение транспортных средств — вроде, все чисто. Залез директор после обеда в свою конуру и будто испарился — окон там нет, через единственную дверь никто не выходил. Ну просто Бермудский треугольник в одной отдельно взятой квартире. Единственная зацепка — на потолке и стенах остались вмятины с контурами человека, будто директора швыряли и подбрасывали.

Надо было разбираться с тем, кому этот самый директор был выгоден, кому невыгоден, кого обидел, надул, задел своим руководством. Но тут мне «вязовская» милиция по рукам дала. И стало ясно, что Служба Безопасности концерна дружить со мной не собирается. Использовали меня в качестве клерка-регистратора, и привет. Дальше они сами в узкосемейном кругу разбираться будут. Оно и понятно, «Вязы» — контора таинственная. Концерн этот первым занялся добычей и переработкой меркурианских минералов, всерьез разросся, разжирел еще лет двадцать назад.

Но потом люди из центрального управления расследований (ЦУР) — только цурипопикам и удалось внедриться в «Вязы» — разоблачили концерн до полной срамоты. Выяснилось, что его руководство, состоящее сплошь из развратников и кибернаркоманов, транжирит казенные средства, предприятие же, если отбросить приписки, приносит не доход, а ущерб государству. В общем, кого надо прижали с треском к ногтю. Больше того, в противовес «Вязам» было запущено на Меркурий научно-производственное объединение «Дубки». Только вот «Дубки» и «Вязы» не стали цивилизованно соревноваться, а занялись нескончаемой чередой сговоров и разборок. В «Дубки» пролезли агенты «Вязов», в потемках «Вязов» завелись шпионы «Дубков». Потом разведчиков-лазутчиков перевербовывали и переперевербовывали, отчего они, в конце концов, переставали соображать, на кого работают.

Эти агенты постоянно кого-то кончали, мочили, гасили. Не всегда того, кого надо, но очень квалифицированно — с помощью галстука-самодава, взрывающейся в желудке сосиски, дрессированных вирусов или настольной лампы гамма-излучения. Потом правительству (Совету Генеральных Уполномоченных) это все надоело и оно подняло шлагбаум для частных старателей, которые стали расторопно уводить самые лакомые кусочки из-под носов увальней-гигантов. Тогда к тихим «кабинетным» ликвидациям добавился яркий разговор на языке плазмобоев и лазерных резаков. Наконец этот слишком густой коктейль был разбавлен префектурными органами власти, которые стали исполнять партию ингибитора.

Не успел я как следует обнюхать место умыкания директора и едва уложил в пакетик осколки с потолка, как меня уже стали выпроваживать — конечно, стилем, принятым в приличных домах, без пинков в зад. Униженный, но не оскорбленный, я отбыл в управление полиции, где собрался заняться электронным сыском, однако...

Из долины Вечного Отдыха с прииска, принадлежащего «Дубкам», пробилась через спутниковый ретранслятор дурная весть. На караван тягачей, тянущих в Васино гафниевую руду с того самого прииска, налетели гангстеры-разбойники в юрких старательских вездеходах и увели прицепы с ценным минералом. Все водители и охранники стали бледными трупами с дырками посреди. Случилось воровство в самой долине на полста километров южнее прииска. В этой местности лишь старательские кибитки кочуют — считай, что Дикая Степь и Гуляй-Поле. Такие вот нерадостные сведения мне передал начальник отдела по борьбе с разбоями, Игнатий Зубов, то есть мой командир.

— Бери, — приказал он мне, — ОПОН, дюжину голов, и дуй туда на трех вездеходах.

— У нас же планетолеты есть, которыми можно и на разведку слетать, и всю группу в долину забросить.

— Уже слетали, сверху ничего не видно. Там повертеться надо, посовать нос, а вездеходы с помощью планетолетов мы забрасывать туда не будем, слишком жирно.

Он протянул мне список моих соратников.

— Кого вы мне, шеф, даете? Вот именно, дюжина «голов», тут доходяги одни с побитым телом. Помяли их всех в последней драке. Им сейчас в попу клизму, в рот манную кашу, а не в поход на вражину.

— Ты людьми не разбрасывайся, Терентий. Номерки — все такие, из инкубаторов никого лучше не присылают. Од-

нако, даже ты до лейтенанта дослужился. Знаю я вашего папу — какой-нибудь техник-онанист, который в «Мамальфее» холодильниками со спермой заведует.

Все ясно. Дело с разбоем в долине — темное и жареным пахнет. А номерки — это, в первую очередь, расходный материал.

— Когда? — мой голос устал общаться с неуважительным Зубовым.

— Час на сборы и отправка с пятого ангара.

Собирался я с резвостью воробья, выклевывающего зернышки еды из конской какашки, поэтому полчаса у меня в заначке осталось. Хотел было немного оттянуться напоследок с помощью какой-нибудь кайфовой мультпрограммки, вроде «Козла в огороде». Уже залез в двигательный имитатор. Но собственноручно кайф сорвал.

В «Вязах» мне надели намордник, и я убежал, поджав хвост, со смиренным скулением. Но что тогда делать со своими амбициями? Ведь мамальфейцы, как и прочие порождения Ганимеда, тем выгодно отличаются от других космиков, что не только за державу обижаются, но и за себя.

Осерчав, разбудил я свою кибернетическую оболочку, Тереху Малого, который возник на экранах хайратника так близко от сетчатки глаза, что показался совсем живым. Мы с ним вместе росли, вместе в академии учились, так сказать, за одной партой, вместе расследованиями занимались. После Великой Санации, когда кибероболочки были лишены самостоятельности и права командовать, многие отказались от возни с ними, ну, а я привык к Терехе Малому, как к щенку. Оттого, что он есть у меня, стал я махровым индивидуалистом. Кстати, из-за «махровых» вроде меня, держава наша не выросла в тоталитарную страшилу, а сделалась просто четвертым Римом. (Действительно, зачем скромничать?)

Ну, и полетели мы вместе с Терешкой по кибернетическим каналам. Он умело парил над информационными просторами. Я же усилиями своей воли, то есть мыслеусилиями — которые поступали в Сеть через интерфейс Анима уже в виде сигналов — делал выбор и принимал ответственные решения. «Вязы» предстали этакой неприступной крепостью, но Тереха высмотрел щель, в которую мы протиснулись и угодили прямо в файлы персоналий.

Все-таки застукали там сведения на умыкнутого Медб К845. Выяснилось по картотеке, что последние три месяца зарплату директору не выдавали, лишь пособие по болезни. Тут файлы прямо на глазах исказились, отчего получилось,

что целые полгода валялся означенный директор на больничной койке с каким-то сверхвоспалением. Затем опять нашло марево обновлений и переделало К845-ому трудовую биографию. Получилось, уже год как кантовался он на пенсии, являясь лишь консультантом, а звание директор, стало быть, имело смысл почетного титула.

Заголосил зуммер, зовущий в ангар. Я был уверен, что когда вернусь обратно в Васино (если вернусь и гнилушка-голова еще станет чем-то интересоваться), Медб К845 информационно прекратит существовать или окажется лишь в числе полумифических отцов-основателей концерна «Вязы». У нас в полиции этот дикий процесс называется «стиранием человека». Но я не мог поручить Терехе Малому слежку и самостоятельную фиксацию событий — если он попадется за этим делом, то согласно закону о Санации его самого сотрут, а мне сунут срок.

Я, конечно, перед ангаром заглянул к Зубову, начал ворковать про «стирание», но он только порадовался этому и, облаяв меня по-собачьи, обвыв по-волчьи, да обкаркав по-птичьи, велел скрыться с глаз.

Что ж. Скафандр на мне, поверх его лежит антисиловой жилет для противодействия в разумных пределах буйной кинетике, вредному лучу и разгулявшейся плазме. Хайратник, как всегда, украшает драгоценным венцом мою тыкву. В нем заканчиваются визуальные и слуховые каналы от всяких локаторов. С ним я знаю, что делается впереди и сзади, сверху и снизу, куда идти и куда стрелять. Правда, все знания лежат в пределах проникающих способностей аппаратуры слежения. Анима успокоительно вещает, что пока с составом крови все более-менее, железы внутренней секреции знают меру, АТФки хватает и иммунный ответ адекватный.

Впрочем, при всех этих дружках-аппаратах, в пылевой подушке, окутывающей нашу рыдну меркурианщину, остаешься как бы наедине с самим собой. Радиоволны не всегда ее пронизывают, ведь вихрят и пучат эту суку заряженную ветры электрические да магнитные. Атмосфера молчания очень угнетает, особенно когда под ногами почва бесится в солнечный отлив. Поэтому, если свершится с нами в походе что-то препротивное, управление полиции узнает про это и опубликует официальный некролог («опять ушли от нас лучшие»), когда мы уже благополучно испаримся на солнечной стороне планеты. Вернее, сублимируемся во вполне питательный порошок — останется только развести нас в воде и добавить соли по вкусу.

Выбралось из ангара на меркурианскую землю три жу-

ковидных вездехода с широкими-широкими колесами — почва та зело поганая, трухлявая и скользкая из-за того, что нагазирована гелием. Поэтому, если желаешь гулять пешком, надевай большие мокроступы. А у терминатора мать-земля становится коварна, как змея. Там много озер расплавленного свинца, слегка прикрытых корочками, бултыхающимися с боку на бок, как завещал великий Бенар. Долина Вечного Отдыха, между прочим, пришла с солнечной стороны всего месяц назад.

Зато на командирском вездеходе, то есть моем, — можно ванну принять в пузыре, у которого внутри вода, а снаружи управляемая пленка поверхностного натяжения. Правда, вода применяется на все помывки одна и та же. Впрочем, на то и фильтры, чтобы она слишком мутной не казалась. Как у поэта сказано по этому поводу: «Но часть моя большая, от мойки убежав, осталась грязной быть...»

Мы вначале путешествовали по плоскогорью Дивная Задница, которая действительно состояла из двух выпуклых половинок с расщелиной посредине.

Место-то, вроде, безопасное. Относительно безопасное — это самый большой комплимент для меркурианского места. Я восседал в средней машине, как и полагается командиру. Правым оком наблюдал за индикаторами работы бортовых систем, которые строили голубые, зеленые, карие глазки. Заодно смотрел тоскливые передачи, показываемые мониторами наружного обзора — за бортом вездехода было совсем неинтересно. Левой же зеницей участвовал в спасении принцессы, то бишь торчал от наркомпьютерного мультика.

Не обошлось, правда, без момента неопределенности, когда мы пересекли ту самую канавку, без которой имени «Дивная Задница» не существовало бы вовсе. Тут и мониторы наблюдения, и навигационные приборы зарябили-заколбасили. А показания лага-счислителя пути стали отличаться от данных ориентирования по карте сразу на десяток километров.

Ну, ладно — это, считай, Меркуша чихнул. Едем дальше, от забортного пейзажа сладостная дремота одолевает, и вдруг вездеход затрясло, забросало с бока на бок.

— Выпускайте «плавники», — гаркнул я всем машинам. Насосы на каждом вездеходе быстренько отжали четыре стабилизатора с большими ластами на концах. — Мухин, ты у нас самый главный странник. Откуда сейчас солнечный отлив, если ему далеко не время? Отчего ему неймется?

— Может, это гравитационная волна, — предполагает сержант Мухин К765 (в инкубаторах частенько в поисках оригинального идентификатора путают имя с фамилией).

— Грамотный ответ. Это ты какому-нибудь марсианину порасскажи.

Тут перестала поступать телеметрия от первой машины. Никаких там сигналов тревоги, криков «SOS», просто — раз и отрубило. Я мигом нырнул в скафандр, затем в шлюз и на мокроступах почесал к переднему вездеходу. А переднего-то и нет. То есть, сочного томатного цвета отливка — все, что осталось на память.

Четверым парням — моментальный карачун, а мне еще объяснительную надо мучительно сочинять для начальства. Напишу, наверное, что залетел сюда мощный электромагнитный вихрь с Солнца, навеял ЭДС-индукции в рудную жилу, и как наполз вездеход на нее брюхом, случился пробойный разряд плюс разогрев токами Фуко.

Ну, хорошо, а керамика под днищем толщиной в ладонь — на что? Да на то, чтобы ее расколошматило во время трясучки. Или, может, разряд случился какой-то нестандартный?.. Эх, на мое место какого-нибудь академика или хотя бы докторишку завалящего — было бы ему раздолье нести околесицу...

Прочитал я заупокойную молитву, принятую в нашем космотеизме, и решил возвращаться назад. Расстояния до второго вездехода было двадцать метров, но я отсчитал все тридцать шагов и ничего не нашел. Когда ж успела испариться командирская машина с бортовым номером 20321? Мать мою Мамальфею за ногу — никаких вмятин на грунте, одна первородная труха. А, чуть не забыл — следы своих геройских мокроступов я тоже перестал различать. Но позвольте?

Заторопился я дальше, туда, где должен топтаться третий вездеход. И опять пусто. Борт номер 81015 словно подвергся сухой возгонке. Плюс местность совершенно неузнаваемая, также как мордашки клонированных шлюшек из потемок Блудянска. Поземка, что ли, все выровняла? Какая, к бесу, поземка, даже мужик со шваброй не смог бы так чисто замести. Пожалуй, у местности нет общего рисунка, она словно выложена из одинаковых квадратиков. Словно там и сям стоят зеркала и плодят отражения. Похоже, влип я в аномалию...

«Словно», «что ли», «похоже» и прочие вероятия, от которых сейчас только тошнит. А если без них, напрямки, если все как есть? В этом случае жизнь моя закончится полным поражением через пару часов. Да, прокладка у скафандра знатная — органическая, квазиживая, заботится о постоянной темепературе, будто ей самой это надо. Впро-

чем, ей самой, по воле изобретателей, это тоже требуется. Заодно она газы и, пардон, жидкости поглощает, вернее, питается ими. В общем, мы с ней кооперируемся, взаимно удовлетворяя потребности.

Однако большую нужду в скафандре справлять запрещено, режим благоприятствования разве что поносу обеспечен. И кислорода у меня всего один жалкий бурдюк, кто же знал, что надо запасаться.

Попробовал связаться со спутником-ретранслятором. И удалось, удалось! Зубов на связи... Но плохой, вредный Зубов. Он как будто бредит или бормочет чепуху спросонья. Родной начальник говорит, что никого он в долину Вечного Отдыха не посылал и зачем такой-сякой разыгрываешь его без нужды!

После чего советует связаться с аварийной службой и отключается. Если это не происки предателя Зубова и не бред Зубова-наркомана, тогда надо признаться, что эфир занял Зубов не первой свежести, то есть минимум двухдневной давности (нисколько, кстати, не подозревая о своей ущербности).

Ну, а почему в аномалии Зубов должен быть нормальным?

Включил я автопроситель, SOSатель, на всякий пожарный, и собрался помирать именно так, как давно уже спланировал.

То есть запустил наркомпьютерный мультик — самый забойный из имеющихся в нательной фильмотеке. Начинаются тут на сетчатках глаз торчковые приключения, причем, с моим участием. У меня по сюжету имеется палочка волшебной породы, благодаря которой яйца врагов сразу становятся куриными, а у распрекрасных принцесс даже на большом расстоянии появляются дети. Естественно, от меня.

Тем временем, фильтр-насос начинает подсасывать из меркушиной атмосферы инертные газы, постепенно замещая убывающий процент кислорода — так, чтобы в один, надеюсь, прекрасный момент, мой дыхательный центр просто отключился. Анима же потихоньку творит «отходную», то есть стимулирует выпуск внутренних морфинов, от которых наступает предсмертный кайф-балдеж. Когда наступает, а когда и не очень — если биоинтерфейс плохо отрегулирован.

Потом я перестал понимать, крутится ли еще мультфильм или мое затухающее воображение рисует само. Да только я с некой принцесской Амалией, до которой долетела моя волшебная палочка, отправился верхом на белых воронах в далекий северный край, где большой, размером

с полюс, простуженный колдун распускает на всю планету разумные ядовитые сопли. А потом они меня обложили со всех сторон и стали... Меня не стошнило лишь оттого, что принялся кто-то по моим щекам лупить. Тьфу, вовремя предсмертный бред оборвался.

Нашел себя уже внутри вездехода. Надо мной склонялся Мухин, жующий какую-то пенистую пасту. Изо рта его стайками выскакивали пузырьки.

— Слушай, Мухин, ты, во-первых, сполосни руки, прежде чем кого-то бить, а то жирные. Во-вторых, воли конечностям не давай, поскольку я твой вполне легитимный командир. В-третьих, где вы меня нашли и почему не торопились?

— Мы тебя и не искали, командир. В котелок, оставшийся от первого вездехода, лазали, но там только выпаренные наши ребята. Возле вихрился какой-то непонятный смерч. Побросали в него камушки, постреляли, потом разворачиваться стали и проезжать мимо, да чуть колесом на тебя не наехали. Твое тело ровно на месте этой крутящейся дрисни и лежало.

— Ты хоть слова подбирать научись.

— Виноват, господин лейтенант, не дрисни, а дива дивного. Мы все на колени попадали от благоговения.

Мне стало жарко, и не только от счастливого воскрешения. Ведь тот вихрь, что обнаружился на месте директора — наверное, и есть Медб К845, подвергавшийся уничтожению прямо на наших глазах.

А со мной разве не капитальная беда приключилась? Рятуйте, люди добрые! В серьезную же переделку я попал, если мой внешний вид настолько утратил привлекательность. Вихрь, зараза такая, похоже, что втянул меня.

Может, вдобавок размазал, расчленил и вновь слепил?! А если при этом пара деталей стала лишней или наоборот появилось что-то новенькое? Тот ли я, что был ранее, или уже модифицированный?..

В любом случае, надо теперь за собой следить, шпионить, не доверять самому себе.

Однако вскоре я от потрясения оправился. Потрясения долго пережевываются, если жизнь в целом спокойная. А на беспокойном Меркурии одно и то же переживание долго жевать не придется.

Впрочем, планетка Меркурий — вредная, но маленькая. Потому на следующий день мы уже вклинились в долину Вечного Отдыха с севера, въехали туда, где мало кто знаком с хорошими манерами. Здесь справа и слева по борту

частенько оставались старатели с их кибитками. С их ржавыми, гнутыми и грязными добывающими установками, всякими там бурами и прочими замурзанными ковырялками, на которые тошно смотреть. Эти ребята поторопились сюда, едва долина выскочила с солнечной стороны, а уж за ними вынуждена была поспешить компания «Дубки». Немногие старатели пользовались для получения энергии ядерными твердотопливными установками с двойным контуром, у большинства — неприличные одноконтурные реакторы с газовой активной зоной и турбиной прямого действия. Поэтому то там, то сям вырывался ледяным гейзером урановый пар избыточного давления.

Так что радиация здесь имелась — будь нездоров. Впрочем, не было тут землян, что от каждого лишнего нейтрона обделываются со страху. Одни лишь крепкие ребята, которые, справляя малую нужду, всю радиацию из себя выводят.

А еще у них всех имелись плазмобои размером с пушку. Нелицензионные, конечно. Но чтобы наложить штраф, надо отнять пушку и добраться с ней до Васино. Причем, в живом виде. Сами понимаете, местная публика не была расположена к задушевным беседам с незнакомыми людьми.

Потом мы наткнулись на одного типа, которого местные признавали шерифом. Физиономия так называемого шерифа мне показалась знакомой, не пришлось даже его персон-карту в идентификатор запускать. Анима растормошила гормонами лежалые пласты длинномолекулярной памяти где-то в подкорке, и я все вспомнил.

У нас в Васино он в каталажке посидел за «большую тягу к справедливости» — запускал мыльные пузыри, которые, пока летели, вибрировали и звуковыми волнами костерили крупные концерны, обирающие и облупливающие мелких старателей. Кравец Т890 из касты техников.

Этот типчик тоже негостеприимный оказался. Заявил, что его интересуют только разборки между старателями, а на караваны от «Дубков» ему плевать и мочиться. Пришлось им заняться вплотную, обложить со всех сторон. Замерили мощность его реактора — выше допустимой. Схема радиационной защиты нестандартная и нелицензионная. Умелец Мухин еще подбросил Кравцу пару наркмультяшек запрещенных — в общем, взяли мы парня за рога.

— Если хочешь по-прежнему рыться в здешнем мусоре и гордиться своим шерифством, а по праздникам спускать все деньги в Блудянске и в прочих увеселительных точках, то стоит тебе с нами посотрудничать, Кравец. Ведь ты тоже своего рода полицейский.

Этот здоровяк поерзал, пожевал слюни и все-таки стал немного откровенничать. Мол, власть у него минимальнее некуда — следить, чтоб снабжение и запчасти не расхищались, чтобы старатели не лазали на чужие участки и не дрались, а если подерутся и убьют, то должен он превращать народную расправу в нормальное судилище. Так что хлопот ему и так хватает. А если кто занимается бандитизмом, то это — уголовники, у них свой авторитет имеется, пахан долины Вечного Отдыха, некто Михайло Потапыч, подлинный идентификатор неизвестен. В паханы же попадает тот, кто больше всего душ загубил и меньше всего намотал срока за это.

— Сведи меня с авторитетом, Кравец, надо с ним посудачить, коли уж от тебя толку никакого.

— Без меня обойдетесь. — стал хамить по-прежнему шериф. — Я и так неприятности от общения с вами поимею.

— Такой крутой парень, шкаф натуральный, а ссыкун, ай-яй-яй. Мы-то обойдемся, только неприятности будешь от нас иметь. Мы тебе их устроим, мало не покажется. Промаринуем весь добывающий сезон в тюряге, выйдешь оттуда гол как сокол и почтешь за честь на мусорозавод поступить. Придется в говне ковыряться до конца забубенной жизни. Учти, в префектурной полиции откровенное жлобство не любят.

В общем, приперли мы его, сел он, злобный, на свой трактор и поехал договариваться с паханом. Изрядно прождали, три тайма сыграли в компьютерный футбол и еще в компьютерный гладиаторский бой полупцевались. Наконец возвращается шериф и докладывает:

— Он тебя встретит, лейтенант. В своем логове у Братской Могилы... велел передать, чтобы ты один к нему заявился, без солдатиков. Иначе никому из вас до дома не добраться. И никто в Васино по вам, воробушки, убиваться особенно не станет.

— Последняя фраза твоя или его?

— Это жизнь сказала, лейтенант.

— Значит, вот каков герой вашего времени. Соцвред, по которому намыленная веревка плачет. Ладно, я один поеду. Но если не вернусь, мои ребята тут все отутюжат. Всех в кандалы закуют и отправят на пердячем паре в Васино.

Да, последняя фраза прозвучала внушительно, однако мне представился хороший шанс заработать дырочку во лбу, стать чьим-то призом и суммой очков. Приятно, если не успею даже и охнуть. А если лишь скафандр порвется? Тогда дело — дерьмо.

Взял я в руки плазмобой, взвесил на руке — в обойме

сорок боезарядов из металлического водорода, которые превратятся в снопы плазмы. На пояс повесил кобуру, туда сунул сквизер, тот самый, что человека превращает нейтронным пучком в квашню, на спину гразер пристроил, который неласковым гамма-излучением переводит любого меркурианца в свет и тепло. А за сапог сунул лазерный резак для ковыряния плоти. На шлеме закрепил ракетную установочку для пуляния самонаводящихся ракет.

Крутой дядя обитался на высоком месте, рядом с блоком жизнеобеспечения валялись обломки какой-то добывающей техники. Зато глиссер и вездеход были глянцево-новенькие, хорошей конструкции. Так называемый шериф у границ усадьбы развернулся и принялся накручивать спидометр обратно. Я оставил свой трактор чуть поодаль от кибитки — вдруг тут заминировано — стал обходить модуль жизнедеятельности и вдруг почувствовал напряжение в затылочной кости. Потом понял — *тот* сзади. Но оборачиваться было поздно. Как я так опростоволосился? Да, не зря он удостоен паханского звания.

— Правильно ты подумал, — послышался противный голос в наушниках, — скидай весь свой арсенал. Вряд ли он тебе еще понадобится.

Ну что ж, слушаюсь и повинуюсь, в противном случае шансов пообщаться вообще не останется.

— Кто такой? — гаркнули мне в уши.

— Неужто не знаешь, Михайло Потапыч? Шерифушка будто не сказал тебе. Представитель власти я. Лейтенант полиции из Васино, Терентий К123. За посягновение на жизнь и здоровье — расстрел.

— Расстрел соленым огурцом. Знаешь, сколько я уже закопал в меркурианский мусор сраных этих представителей власти? И ничего, сам не кашляю. Ладно, начальничек, пошли в дом.

— Уютно тут у тебя, не похоже на логовище злодея. — Внутри действительно было все чисто и справно, как у какого-нибудь марсианского лавочника. Ни хабариков, приклеенных к потолку, ни пустых пакетов из-под спиртного, как у паханов прежних времен. Ясно, что здесь авторитет меня грохать не будет, поэтому можно расслабиться.

Хозяин плеснул отдающей гелием шипучки и мне, и себе, не забывая удерживать мой живот в поле зрения своего бластера. А когда алкогольные пузырьки зароились у меня в башке, он поинтересовался:

— Чего ищешь, легавенький, с шустротой, достойной лучшего применения?

— Не догадываешься, дядя? Тех, кто раскурочил караван «Дубков» на твоей, кстати, охотничьей территории.

— А тебе-то какое дело, Терентий Инкубаторович? Побродил бы здесь, написал бы рапортик — и в кассу за зарплатой.

— Ты меня не за того принимаешь, бандитский папа. Я из «кротов», то есть копаю, пока живу.

— Пока живешь. Ведь это можно поправить.

И тут поправку сделал я. Мы сидели друг напротив друга. Иного выхода не было, да и похоже дядька давно зазнался. Ударил его каблуком по волосатому торсу, прямо под косточку, ту, что посередке. Я применил силу после того, как немного выдвинулся вперед на стуле и понял, что дотянусь до оппонента в рывке с места — если крепко ухвачусь руками за сидение. А вторым каблуком сыграл по паханскому запястью, чтоб не захотелось ему воспользоваться пушчонкой. Потом подпрыгнул и сверху запаял торцом кулака в низкий лоб — блатной прием, но безотказный, если попасть. Пахан загремел назад, еще попробовал вскочить, но крепким апперкотом я свалил его с подметок. Затем поставил свой ботинок ему на волосатый кадык. Не пытки ради, а чтобы блатной руководитель не пробовал больше гарцевать.

— Покажи чистые ручки, дядя Миша, — он повиновался, я же быстренько соединил его кисть с радиатором кондиционера хорошими титановыми наручниками. — Теперь ты весь вечер танцуешь с этим радиатором.

Тут какая-то бестия попыталась мне прыгнуть на холку, да только я успел встретить ее локтем, перехватил рукой и шмякнул об стенку. Это кибернетика на меня напала, киберкрыса с зубами из нержавейки и мышцами из электрорезины. Едва стихло возмущенное верещанье, из шкафа полезла какая-то буйно-патлатая голова, которую я чуть не оторвал. Однако, вовремя сообразил, что со мной хочет познакомится роботесса типа «баба-раба».

— Ты звал меня, господин? — томным, но заинтересованным голосом спросила она. — Какую из двадцати известных мне позиций должна занять я, твоя раба?

— Закройся, — гаркнул я. — Это самая лучшая позиция для тебя вместе с твоим сраным господином.

Она спряталась с недовольным ворчанием: «Я все-таки машина высокого уровня для интеллектуальных, нормальных, анальных и орально-генитальных сношений».

Бластер не годится для тонкой работы, поэтому я сходил в шлюз за сквизером, где оставил его хозяин, ныне ставший столь любезным.

— Так вот, паханушка, отбросить каблуки ты, наверное, не боишься. Но я поступлю не так, как ты хочешь. Я частично превращу тебя вот этой штучкой в сопли, а затем покину навсегда. И ты увидишь, как обойдутся с тобой даже твои приспешники. Страшно, да?.. Нет, пожалуй, надо быть гуманнее. Я запрограммирую твою бабу-рабу на то, чтоб она интенсивно любила тебя до полного истощения аккумулятора. В общем, выбирай. Или любовь до гроба, или ты срочно делаешься простодушным, как младенец. И внушаешь себе, что лейтенант полиции — это главный друг человека.

Я достал «трубку гласности» и навел ее на зрачок пахана.

— Если соврешь хоть единой буквой, косматый, я это замечу по состоянию твоего бесстыжего глаза.

Дядя Миша после упоминания о любви до гроба явно занервничал.

— Какие-то крысятники застопорили караван, а ты шьешь это дело мне. Нехорошо, начальник, — грубо, но послушно стал изъясняться авторитет.

— Какие крысятники? Ты и твои подручные — все подряд разбойники, бесстыжие морды. Кому еще было выгодно грабануть караван и потом загнать гафний скупщикам краденого — не вам ли?

— Кому это было выгодно и кому не было... Да мои пацаны — невинные детки по сравнению с теми уродами, которые работают на «Дубки» и «Вязы», по сравнению с этими бабами-мутантками, да и вообще с теми жутями, которые имеются на Меркурии... Сидишь там в Васино, задом стул обогреваешь, кабаки обхаживаешь и считаешь, что знаешь планетку. Не знаешь ты планетки-то, лейтенант.

— Давай не будем обсуждать мои знания, дядя Миша. Мы все учились понемногу, — я стал облупливать стенку сквизером, делая контур вокруг скованного разбойника. — Твои разбойнички — нормальные воры в законе, с каких это пор они стали брезговать гоп-стопом на большой дороге?

— У меня толковые пацаны, они имеют ровно столько масла в котелке, чтобы не связываться с «Дубками». Несколько фраеров — не мои они, понял — кем-то были натасканы на мокрую работу с караваном. Кем — непонятно. Сам хотел докопаться, но двое из этой кодлы смылись невесть куда, еще трое отбросили мокроступы один за другим — людям вдруг не повезло. А еще один... — глава местных разбойников замялся, сообразив, что слишком резво раскалывается.

— Где он? Давай уж общаться красиво, дядя Миша. Я в отличие от тебя не испытываю удовольствия, играя на

человеке как на пианино, но долг перед юриспруденцией люблю выполнять любой ценой.

— Тьфу, зараза, мусоревич. Этот парень хорошо затырился, но я выведал, где он. Неподалеку от терминатора. Если свернешь отсюда на запад, проедешь ущельем Дикого Брокера, потом через пылевое озеро имени Программистов-Маньяков, и по дороге Харона — приметишь ее по вдавленности в грунт — попадешь к нему в гости. То местечко лишь три дня как с солнечной стороны приплыло. Рисковые старатели любят напрыгнуть на горяченькое — там «бабки» под ногами лежат. Но и ошпарить задницу тоже можно.

Зрачок указывал на правдивость. Я стал собираться.

— Постой, легаш. Зачем обижаешь? Наручники как же?

— На-ка, — я швырнул ему напильник. — Довериться я тебе не имею права, поскольку ты, может, и есть самая главная меркурианская жуть. Но к тому времени, когда я удалюсь от тебя на приличную дистанцию, ты успеешь перегрызть то, что мешает тебе жить по-новому.

Потом я выпустил из шкафа роботессу и ввел коротенькую программу через сенсорную клавиатурку, которая у ней имелась на ягодице.

— Чтобы меня не обвиняли в ущемлении прав заключенных, она будет тебя любить весь день без перерыва на обед. Сейчас благодарить не надо, но с этим секс-марафоном я тебя, считай, пристроил в книгу Гиннесса.

— С огнем играешь! — рявкнул пахан.

— Огонь сейчас в глазах у твоей дамочки.

Я оставил собеседника в позе рабочего-многостаночника, которому надо одновременно выполнить план и спастись от сексуального нападения. Подобрал все оружие и поехал к своим. И вовремя вернулся, потому что они уже собрались загнать старателям запасную турбину и парочку, как им показалось, лишних аккумуляторов, взамен же получить какой-то веселящий газ. Я продавцов с покупателями шуганул и погнал свой ОПОН на поиски интересной персоны.

Терминатор уже сиял на горизонте золотыми волосами, когда мы поперлись через пылевое озеро в режиме глиссады, переходящей в борьбу за живучесть. Гелий пузырился и всходил бульбами, как будто в глубине что-то взрывалось.

— Бульба слева...

— Зыбь справа...

— Тонем... всю эту срань к звезде... — и в самом деле ведомый вездеход, колыхнувшись на пыльных волнах, вдруг нырнул носом, как линкор, получивший три торпеды.

Я заголосил, сгорая от адреналина:

— Трави трос!

Хорошо хоть шли в связке. Где-то на глубине в тридцать метров вездеход утопать перестал. Слабину у троса выбрали, стали в перетягивание играть с пылевым омутом, но вытащить утопленника не получалось. Видно, застрял, сердечный, промеж глыб. Еще немного и лопнет связка, тогда ребятам там внизу — верная хана. Пожалел я их, заодно свою репутацию, дал команду расстаться с трактором и в спасательной крот-капсуле по тросу выверчиваться наверх.

Вывернулись, молодцы. Ну, и, конечно, влезли в наш непросторный вездеход, в котором началась борьба за немногочисленные молекулы кислорода.

— Пора бы кому-нибудь пореже дышать, — предложил угрюмый Мухин.

— А кому-то реже попукивать, — огрызнулся один из гостей, — это не лучший способ для вентиляции помещения.

К тому же я замечаю, что и запасов еды на всех не хватит, придется пользоваться унитазом полного цикла, который фекалии превращает обратно в калорийную пищу, похожую на шоколадные батончики.

За озером обстановка стала еще более напряженной. Вот мы путешествуем по свежей покрытой трещинами запеканке, а внизу плещется свинцовая лава. Куски корочки плавают, бултыхаются и кренятся со стороны на сторону в такт подземным течениям расплавленного металла. Ой, как не хочется в плавильный тигель смайнать.

Но борткомпьютер худо-бедно следил за колебаниями зыбкой почвы и предупреждал, что вот-вот мы должны перевернуться. Правда, именно в такой момент, когда выруливать и закладывать виражи уже поздно. Однако расторопный Мухин выпускал на совсем худой конец гидравлические подпорки, похожие на гусиные лапы. Они отчаянно цеплялись за края плавающих глыб, отчего вездеход напоминал зверька, потешно сражающегося за свою непутевую жизнь. А потом мы заметили, что в этой канители участвует еще одна личность. Сквозь беспокойную пыль прорисовались смутные очертания трактора и даже пневмососала. Модуль жизнедеятельности разглядеть не удавалось, похоже он был спрятан где-то в более пользительном для здоровья месте.

— Правь туда, должно быть, это наш очевидец, — скомандовал я Мухину, сидящему за пультом управления. И сержант резво стал орудовать мощностными приводами на колеса. Он у меня весьма дрессированный парень, один из немногих, кто может управляться всем хозяйством с помощью одних лишь мыслеусилий через биоинтерфейс «аниму».

Очевидцу, однако, наше присутствие показалось назойливым, он забрался в свой трактор и, бросив остальное барахло, стал удирать по корочке. Увлекательная получилась погоня — от переспертого воздуха кровь в ушах заколотилась. Фильтры не справлялись с выхлопными газами человеческих организмов, но кондиционеру нельзя было лишнюю энергию отдать. А Мухин такое выкаблучивал, то колесами, то газовой подушкой, то «гусиными лапками»! Потом я заметил, что старатель недвусмысленно гнет в одну сторону, как будто заводит нас куда-то, и даже иногда притормаживает, чтоб мы не слишком большие крюки на виражах давали.

— Мухин, не старайся гнаться за ним нос к заду, — распорядился я. — Кажется, он каверзничает и в полынью заманивает.

Сержант сдал в сторону, а старатель, который все хотел нас в ловушку упечь, видно, перестарался и, самого себя обхитрив, исчез с глаз долой вместе со своим трактором.

Мудрый Мухин стал аккуратно выруливать к месту пропадания, и вот мы замерли на краю трещины. Сама она не шибко заметная, словно с бортиками, так что порой выдает себя за холмик. На пять метров ниже обрыва еще одна корочка, совсем уже слабенькая, а в ней дрожащая застывающая полынья. Туда видно и отправился вертлявый тракторист.

— По правилам хорошего тона надо сказать «до свиданья», помахать ручкой и идти домой, — строго посоветовал Мухин.

Я было согласился с ним, однако заметил парой метров ниже по склону легкий оползень. Как будто кто-то заскреб там башмаками.

— Ау, милок, не надоело тебе прятаться, как таракану? — подал голос я. — Вылезай, порадуй своим видом.

— Сейчас, сейчас вылезу. — отозвался уличенный в игре в прятки, которой цепко сидел в нише. — Встречайте с цветами.

Но вылезло из щели лишь дуло его плазмобоя. Оружие брызнуло огнем, отчего коп, который стоял справа от меня, брякнулся с дырой в антисиловом жилете, да и в скафандре, само собой. Какое-то мгновение из нашего товарища летел красный порошок. Десять лет тому назад этот парень сразу бы стал мертвецом, сейчас же не все так просто. Конечно, плазма и космос изрядно попортили ему внутренности, но моментально сработали перетяжки скафандра рядом с пробоиной, квазиживая оболочка мигом затянула дыру и начала кропить на рану лекарствами. Впрочем, с такой близи

получить огонь в живот — это вряд ли располагает к жизни. Вот и Анима сообщает о глубоком шоке.

Кто-то догадался нашлепнуть изувеченному коллеге внешний пластырь, а я скомандовал:

— Быстро из машины достать кибердоктора и подключить к раненому по первой категории сложности.

Разгневанный Мухин стал отцеплять от пояса гранату, чтобы угостить ей вероломную гниду.

— Стоп, мой простодушный сержант. Ты ведь не земной «барашек», чтобы давать волю эмоциям. Мне эта паскуда тоже не нравится, но в дохлом виде совершенно будет бесполезна.

— Ну так и полезай к нему, командир, со своим сквизером.

— Я полезу к нему, но не так как ты думаешь, мой даровитый друг.

Оставив группу подчиненных, я поехал на тракторе вдоль трещины, выискал местечко, где пропасть была поуже, там уж разогнался и перемахнул на другую ее сторону. Следовательно, ничего не стоило подобраться к паскуднику с того бока, с которого он не ожидал увидеть врагов. Он меня в конце концов заметил, но большого ущерба, как ни скрежетал зубами, нанесть не мог. А вот я, уловивши в перекрестья прицела, как следует припечатал его из сквизера. Когда оглушенный полусознательный старатель стал вываливаться из своей щели, цепкий Мухин споймал его клейкой сетью из широкомолекулярных ниточек.

Можно сказать, что после этого удача скоропалительно повернулась ко мне задом. Когда я в обратную сторону через трещину сиганул, булькающая внизу огненная каша раздвинула вдруг края. Передними колесами я на корку попал, «гусиными лапками» успел зацепиться, а вот задние колеса зависли, отчего весь вездеход потянулся вниз. Я успел катапультироваться, но последнюю машину нашей экспедиции свинцовая каша со сладостным причмокиванием слопала.

Когда я вернулся к группе товарищей, собираясь рассказать им о превратностях судьбы, они чуть ли не в полный голос и хором называли меня скотиной. И другими неласковыми именами щедро одаривали. За то, что остались мы не только без таблеток с надписями «завтрак», «обед», «ужин», но и без супер-унитаза с его шоколадными батончиками. Однако люди поняли, успокоились, люди вошли в рабочий режим. Да и куда им было деваться от меня.

Мухин занялся связью с Васино, я же попытался что-нибудь выяснить у старателя, пока он не отправился гулять в мир теней. Запираться подранок особо не стал, наверное,

был уверен, что вскоре протянет каблуки. Я его не разубеждал, хотя понимал, что мозги пленника набекрень пошли из-за чувства обреченности. В общем, он хотел лишь последнего торчка в виде наркомультика, поэтому после укола нирванола забормотал искаженным голосом.

— ...Появился один тип, звали его Нур С200. Такой мелкий фраер на катушках. Некоторые его знали — бывший старатель. Кое-кто встречался с ним в Блудянске. Он сказал, что «Дубки» нам стоят поперек горла, надо отвадить это гадье отсюда. Справедливо чирикал. Обещал, что деньгу хорошо зашибем, потому что у него есть надежные перекупщики для гафния. Аванс дал. Ну мы подловили караван, машины сожгли, гафний растащили по тайникам.

— А потом-то что? Кто за гафнием приехал? Кто шлепнул твоих подельников?

— Никто не приехал. И денежки — тю-тю. Зато всеобщий абзац настал. У кого реактор взорвался. Кто обдристался насмерть из-за жратвы нехорошей. Кто в утес впилился на вездеходе, а на него еще сверху десяток тонн упало. Ну, а кое-кто сам повесился. Такое распроблядство нередко случается, но почему только с моими корешками? Кто-то всех их убрал, сжевал, как конфетки.

— Ты-то почему уцелел?

— Уже не уцелел... Отдал свой гафний задармака пахану, он меня сюда направил, обещал никому не говорить. Не сдержал слова, сука. Ну все, включай мультфильм.

— Погоди. Как думаешь, на кого работал Нур? Не дурилка же он. Зачем все это ему понадобилось?

— Не знаю... — без всякого подвоха застонал раненный грабитель. — Отвяжись, какашка, вернее, включи наркмультик... Нур видел, что я видел. Он прилетел на коптере... планетолет был без опознавательных знаков... эти дешевые машины... лет пять назад их скупали «Вязы», чтобы как можно меньше народа над Меркурием порхало и на орбиту поднималось. А потом дилерам запретили их продавать...

«Вязы», «Вязы», стало ими и здесь попахивать.

Грабитель тяжко захрипел. Я, все-таки не будучи полным садистом, включил ему мультик и вколол пару доз оттяжного суперморфина. Тем временем Мухин — человек везучий, за что и таскаю его с собой — сумел связаться через ретранслятор с управлением полиции, все-таки у терминатора запыленность поменьше. Управление пообещало нас спасти — если, конечно, не поднимется электропылевая буря, если мы не сдвинемся с места, не ухнем в какую-нибудь задницу. И на этом спасибо.

3

Выговор «с занесением» я, конечно, схлопотал. За потерю пяти бойцов и трех машин.

— Ты выглядишь обиженным, — ласково улыбнулся Зубов, когда я ознакомился и расписался.

— За этих пятерых меня, наверное, пороть электрическим кнутом надо или вообще шлепнуть из убийцера. Впрочем, вы, Игнатий Поликарпович, уже столько сотрудников потеряли, что и веснушек на носу вашей секретарши не хватит для подсчета числа. Значит, перед вами я не слишком провинился. Вот сдается мне, вы немножко суетитесь оттого, что концерн «Вязы» как-то макнул нос в это дело. Без вести пропавший директор Медб К845 как бы взывает к нам: самая большая аномалия прописалась в правлении концерна.

— Что ты такое говоришь? Окстись. Директор Медб — это твой сон. Запроси справочную службу концерна, и про снившуюся тебе персону услышишь только: не было и нет. Даже если ты пролезешь в файлы концерна со своим кибердружком, результаты не порадуют тебя. А в префектурных картотеках «вязовцы» вообще не числятся. Уверен, если даже связаться со столичными банками данных, то окажется, что гражданин Медб К845 лет двадцать назад сыграл в ящик, поперхнувшись острым соусом, или бесследно исчез в кольце Сатурна, и с тех пор его никто не видел и не слышал.

— С таким прогнозом полностью согласен. Враг-то не дремлет. Да только нам как раз и следует распутывать такие узелки.

Вид у Зубова стал вялый, как у мокрого белья на веревке. Должно быть, пустил к себе в экраны хайратника какой-то мультик и потихоньку начал «отпадать».

— Разборки в «Вязах», да еще на таком уровне... Нам в них рога совать не стоит — обломаются. Вязовцы тебе на дверь уже указали — мало, что ли? Надо, чтоб еще и с лестницы спустили? Полное и безоговорочное стирание директора означает, что они в нашей помощи не нуждаются. Сами обделались, сами подотрут. Да тебя воротить должно от этого гадючника.

Вялотекущие слова Зубова где-то застряли и совсем перестали поступать к народу. На какое-то время он переключился с меня на мультик, но когда я активно закашлял, слова снова зазвучали:

— Что же касается налета на караван, то запроса от «Дубков» мы пока что не дождались. Если они подозревают

«Вязы», то, скорее всего, начальства обоих заведений встретятся где-нибудь в Хунахуна и, натрахавшись с электробабами да накушавшись лягушек в шампанском, подпишут замирение. Мы же со своей стороны все необходимое предприняли и, как только твой старатель очухается, примерно выпорем его да упрячем в тюрягу на многие лета.

— Они трахнут электробаб, а мы в очередной раз сами себя. В социальном смысле, конечно... Есть же еще Нур. Который работает на «Вязы». Его же мы допросить обязаны.

Начальник изнемогал от меня, как от вида лужи с блевотиной посреди банкетного зала, он хотел срочно от меня избавиться.

— Терентий, ты прямолинейный, будто столб, ты — схематик, мать твою Мамальфею за ногу. На Меркурии так нельзя. Тут нелинейные зависимости. Требуется как можно меньше ковырять носом чужой зад... Ну, попробуй, ну, пообщайся с этим самым Нуром. Только никаких санкций-шманций я тебе не дам.

Легко сказать — попробуй пообщаться. Предложение явно рассчитано на то, что я в своих бесполезных усилиях быстро дойду до изнеможения и откажусь от затеи. Концерн «Вязы» — это государство в государстве, причем очень непрогрессивное (или слишком прогрессивное). Никаких справок оно не дает. «Вязы» имеют, помимо собственной милиции, собственные деньги («повязки»), магазины, больницы, жилища. Проникнуть туда можно только на манер иностранного шпиона. А нынче любой шпион начинает с дальней технической разведки.

Вызвал кибероболочку, малый Тереха явился на экран бодреньким Джинн Хоттабычем.

— Слушаю и повинуюсь.

— Кого ты слушаешься, чему повинуешься? Как же ты допустил, что бедный директор по имени Медб был стерт из памяти народной, будто он блоха какая-то?!

— Как у тебя обычно, вопрос не по адресу. Ты же знаешь, что я соцвред, кибернетический элемент. Поэтому кричать на меня не надо. Я ведь обязан пользоваться твоим кодом доступа, то есть везде оставлять твою визитную карточку. Значит, ты бы мигом засыпался, и по возвращении из славного похода тебя бы поджидал арестантский воронок. А стал бы я самостоятельно активничать, меня тут же бы стерли на всех информационных носителях.

— Хорошо, отнекиваться ты научился, будто не кибернетический вовсе, а самый что ни на есть белковый и настоящий. Я был о тебе лучшего мнения. Чего стоит этот

треп про код доступа. Да с моей «визитной карточкой» любой дурак себя обезопасит...

— Ну-ну, — оборвал меня Тереха-малец. — Неужели у моего большого брата длинный язык и короткий ум?

— Помоги мне выволочь из гнезда на холодок сотрудника «Вязов» с имечком Нур. Мы отправимся вдвоем в информационную среду, но я воспользуюсь чужими, то есть ворованными кодами доступа, мне запечатлеваться нечего. Если все сложится удачно, я тебе прощу недисциплинированность и ссыкунство.

— Опять же ты неправ, — упирался Джинн Хоттабыч, будто и вправду живой. — Персональная слежка напрочь запрещена.

— Чего-то я не слышал о таком. Я же следователь.

— А санкция на компьютерное дознание, господин старший брат? Ну, где она, где?

— Ты загоняешь меня в тупик и торчишь от этого, небось какой-нибудь модуль радости засверкал сейчас, как алмаз. Совесть ты имеешь, киберишка? Ведь если она есть у меня, у тебя она тоже должна проклевываться.

— У меня, у тебя. Вот именно. Не хочу я искать человека, зная, что это нанесет ущерб его здоровью.

— Да только Нур уже нанес непоправимый ущерб здоровью двух десятков людей.

— Это не очевидная истина. А то, что ты повредишь его здоровью — истина вполне очевидная.

— Так вот послушай меня, пучок дурных сигналов, крючкотвор, законник. Если ты не поможешь мне скоренько найти этого Нурдурдура, то я, как горячий парень, полезу на рожон. И это может плохо, даже летально для моего здоровья кончиться. Не забывай, ты ведь все-таки мой напарник.

— Ну, допустим. Лезть на него не стоит. Согласен принять с некоторыми оговорками.

— Не согласен, а «слушаюсь и повинуюсь».

Малый Тереха — мой друг, по крайней мере, такое впечатление иногда создается. Ведь последние десять лет он исправно кормится той же самой информацией, что и я. Те же две пятилетки я исправно делюсь с ним всеми своими выводами и догадками. Десять лет я объясняю ему, что для меня хорошо, а что плохо. Немудрено, если он стал подумывать о собственной пользе, почему нет. И уже сам может объяснить про хорошее и про плохое. С этим придется смириться. Потому что мне иногда — вернее, каждый день — недостает верных сведений, мне что-то кажется и память

изменяет. А малому Терешке всего хватает, никогда не кажется и ни один орган его не подводит.

— Ладно уж, хоть надоело, но выручу тебя опять, — капризным тоном заявляет Тереха-малый. — При очередном запросе транспортной службы я включу Нура в список нарушителей правил парковки «клопа», или в реестр водителей, пропустивших очередное переосвидетельствование. Сам понимаешь, есть правила, которые нарушить обязан каждый человек, находящийся в здравом рассудке. Отпираться ему не будет резона. Даже «Вязы» возражать не станут, когда твой Нур отправится в транспортную службу, чтобы избежать повестки в суд. А на выходе оттуда, ты сможешь познакомиться с ним поближе. Произойдет это не позже, чем завтра.

4

Тереха-малый поработал на славу. Подыскал живца, на которого интересная рыбка из темного пруда таки клюнула, и даже заблаговременно вручил мне Нурову фотокарточку для опознания. Я тоже кое-что предпринял по своей линии. Нашел приятеля с большим фингалом под глазом, того, что всегда не прочь выпить, побузить и потрахаться, особенно если общественность не наблюдает за ним бдительным оком. И когда Нур С200 выходил из транспортного управления на бульвар, любитель дурного отдыха, пройдясь мимо, отдавил «объекту» носок ботинка и ухватил в пригоршню изрядный кусок его куртки. Далее разговор сложился так.

ЗАДИРА. Если ты мне не извинишь то, что я наступил на твою ногу, я тебе голову оторву.

НУР. Да ладно, пустое. Пропустите.

ЗАДИРА. Как это пустое? Кто это пустой? Я — пустой?

НУР. Говорю же вам — пустяки. Я спешу.

ЗАДИРА. А я, значит, и спешить никуда не могу?! Я, выходит, мусор, меня и извинять не надо. Всячески показываешь, что от одного моего прикосновения ты из чистого ангела грязной свиньей стал? Намекаешь, что таких, как я, давить и топтать можно? Ну так ты жестоко просчитался.

НУР. Вы меня неверно поняли.

ЗАДИРА. А теперь закрой парашу.

И забияка нанес Нуру удар в пах, а потом в челюсть. Собрался провести еще прием джиу-джитсу, но, запутавшись с броском через плечо, нескладно рухнул сам.

Тут примчался я, сияя своей трехголовенькой кокардой

и полицейским значком. Ткнул обоих электрошоковой дубинкой. Причем для наемного задиры заметно убавил силу тока, а вот Нура уложил в нокдаун.

Оперативно очухавшись, забияка вскочил и сделал ноги. Я как бы не смог догнать его, поскользнулся на чьем-то плевке и упал с матерным воем вослед удирающему. Затем вернулся к месту ристалища и стал разбираться с тем, что осталось. Конечно, потребовал документы у отправленного в нокдаун Нура, предварительно попортив мазером его персональную магнитную карту, когда та еще отдыхала в кармане. Вот теперь имелись все основания волочь его в участок.

Самое главное я все-таки учел. Каждый, кто работает на «Вязы», имеет, возможно, даже в животе, мощную рацию. Как только кровь у него перенасытится супрессантами или чем там еще, бдительная Анима врубит передатчик и тот пропикает сигналы SOS.

А мне предстояло еще прошмыгнуть несколько городских секций с этим поганцем на привязи. Я чуть не выбрал маршрут через жилой блок, но нутряное чутье подсказало, что в его тихих и укромных закоулках чьи-то заботливые руки могут запросто чиркнуть лазерной бритвой по моему горлу. Поэтому я и решил прогуляться через торговую секцию. Там, конечно, скажется другой минус — скромные ребята из вязовской Службы Безопасности вряд ли будут выделяться в толпе. Однако издалека палить они в людном месте не станут, а вблизи я протокольную морду всегда замечу.

И если надо, пошурую сквизером. Ведь когда такой штучкой орудуешь, публике не очень-то понятно, от чего вдруг поплохело тому или иному гражданину. На роже пострадавшего вряд ли будет написано, что он весь ионизировался внутри. И одежонка при этом деле почти не портится, пожалуй, только линяет немного.

«Вязы», как и полагается, повели себя противно, вязко. Негодные хари эсбистов я еще на первом ярусе торгового центра приметил. Как ни странно, издалека — слишком уж заметные. Глаза у них были не мутные с поволокой, как у шатающихся тут старателей, а будто горящие фонарики, что контрастировало с неестественно вялыми телодвижениями.

Объективы моего хайратника высвечивают пару гадких рож и фигур в чрезмерно праздных позах у выхода с противоположной стороны торгового зала. Надо срочно подаваться на второй ярус. Там продают всякий инвентарь и не слишком тесно, в чем я убедился, утащив задержанного Нура вслед за собой по лестнице-колесу. Я запретил себе радоваться — и правильно. Вот там у отдела, где тружени-

ки меркурианских пустынь степенно разглядывают микробуры, виднеется вовсе не старательская физиономия. Мой пеленгатор фиксирует, что сексот еще ведет какие-то кодированные переговоры. Влип что ли я? Ни туда и ни сюда. Но есть еще в заначке идеи.

Свернул из торгового зала в боковой коридор, там Нура по шее угостил, чтоб не тянул куда не положено. Выискал туалетные комнатки, где решил через окно сыграть и со своим уловом попасть на аварийный трап, тот, что спускается по наружней стене.

Однако жизнь стала незамедлительно вносить поправки на манер какого-то дурного парламента. Несмотря на то что призывно маячили двери с двойной надписью «М и ММ», то есть «мужчины и мужчины-мутанты», войти я туда не рискнул. Там кто-то засел и усиленно вел переговоры в УКВ-диапазоне — дебил какой-нибудь или, что вернее, неприятель. А вот за дверями с барельефом «Ж и ЖМ» было пока тихо.

— Сегодня нам туда, — погоняю я нарочито неповоротливого Нура.

А этот мелкий фраер тоном оскорбленной добродетели еще заявляет:

— Собственно, от кого вы убегаете? Ворваться в бабий туалет? Как бы не так. Фу, я порядочный человек.

— Рассказывай о своей порядочности младенцам, а мне не плети. Деру мы даем от твоих же сотоварищей, по которым тюрьма плачет. Ну-ка, шевели ногами, а не то отстрелю яйца, и тогда тебе легче будет идти.

Нур решил, что яйца ему еще любы и совсем не мешают, поэтому послушно заторопился. Но уже в первой комнатке — с зеркалами и пепельницами — мы столкнулись с фемом. У меня во рту мигом пересохло, вот те на, женщина-мутант, да еще какая. Впрочем, физиономия фемки осталась каменной, а рука не потянулась к кобуре. Я же забормотал:

— Извините, мы тут проездом с Марса, мы сейчас выйдем, только с другой стороны... У нас совсем другие надписи на дверках. «Д», то есть дамы и «Г», считай, господа.

Тут на щеке у фемки забрезжило подобие улыбки, может, даже одобрительной. И снова «вот те на», путь неожиданно открылся — страшная мутантка отвернулась к зеркалу. Я потащил Нура в следующую комнатку, там подскочил к окну, раздвинул ставни. Остается вылезти, сделать шажок влево по карнизу и как раз трап. Но еще надо заставить выйти наружу моего подконвойного.

— Ну-ка, Нур-малыш, давай, как горный козел.

— У меня боязнь высоты! — нарочно стал истерировать он.

— По-моему, ты должен, скорее, ощущать боязнь дырки в голове.

И тут из другой комнаты, той, которую мы уже миновали, послышались звонкие голоса, свидетельствующие о препирательствах. Фем настоятельно требовала, чтобы какие-то мужики немедленно удалились, те же грубо упирали на исполнение закона. Я попытался запихнуть Нура в одну из кабинок, но тут дверь распахнулась и показался сексот собственной персоной. Будь под рукой гразер, я бы мигом срезал гада. Однако стрелял я из сквизера, при поражении этим оружием результат наступает лишь треть секунды спустя. В масштабах большого боя это — мелочи, ну, в нашем же случае вязовский человек успел разрядить бластер. Не в меня, а в Нура, и прожег ему грудную клетку. Правда, сам стрелявший, быстро загнувшись, вышел из игры.

Я видел, Нуру осталось немного. Поэтому, вытащив гразер и поливая жесткими лучами дверной проем, заодно превращал арестованного в хорошего человека. Шприц-пистолетом впрыснул ему крепкий кортизолин, который развязывает языки людям с сужающимся полем сознания, и налепил считыватель на горло. Слов уже не будет слышно, но приборчик распознает их по вибрациям. Я не знал, фемка все еще торчит неподалеку или давно убралась восвояси. Во всяком случае, из соседней комнатки клубами валил дым, совершенно непроницаемый даже для СВЧ-излучения.

— Скажи, милок Нур, кто ж послал тебя нанимать старателей на разбой? Кому понадобился этот гоп-стоп? Не запирайся, я все знаю. Кто тебя погубил?

После небольшого затишья сквозь дым чиркнуло несколько бластерных трасс — одни отправились в окно, другие продырявили радиатор, откуда со змеиным шипением стал поступать горячий гелий. Потом из дыма чуть выше пола показался некто в шлеме и тут же схлопотал. Он слишком хорошо подставился в перекрестье прицелов моего гразера. Шлем превратился во что-то вроде котелка, из которого плеснуло паром, брызгами и светом. Если гразером сыграть в упор, ему мало что может противостоять, но, стоит отметить, пострадавшему мучиться не приходиться. Впрочем, уже следующий благородный луч мог избавить меня от жизненных мучений. Надо было срочно улепетывать, сигать в окно. Ну, Нур, ну! И Нур раз в жизни сделал благое дело, что, по большому счету, могло ему пригодиться лишь на том свете.

— Нанял меня Дыня-мутант... выполняет разные поручения «Дубков»... заплатил... десять «толстых» императоров.

— Неужто в «Вязах» никто не узнал про такой сюжет?

— Директор Медб мог... он занимался слежкой за «Дубками»...

Плазменный шнур прошипел возле уха. Я сорвал считыватель и выскочил на карниз. Даже если Нур еще при жизни, ему быстро помогут свести с ней счеты.

Не промахнуться бы из-за такой нетерплячки, попасть бы ногами в кишку аварийного трапа. Вот он, наконец, конвульсивно сокращаясь, глотает мой организм, прокачивает полимерными мышцами и выбрасывает через свой «анус». Соответствующее отхожее место встречает меня внизу — полусклад-полусвалка.

На одном из концов проулка выглядывают из-за угла люди, которые бьют по мне из плазмобоев и бластеров. Я ухожу в другую сторону, петляя меж ящиков, огрызаясь, и весьма неслабо, своим аппаратом. На экранах хайратника снуют сетки прицельных и целеследящих координат, вот я резко совместил две системы линий, и гразер облегчается по моему мыслесигналу. На том конце проулка человек до пояса превращается в помесь фонтана и вспышки. Я никогда не кричу в таких случаях с азартной пеной у рта: «Попал-попал». Еще не хватало испытывать половое возбуждение и социальный оптимизм при виде чьих-то испаряющихся внутренностей. «А почему, собственно, не порадоваться?» — поинтересуется какой-нибудь юный балбес.

А потому, что следующим могу оказаться я.

Кто-то догадался отправить в меня самонаводящуюся ракету, но я ей «выключил свет». Пустил контрракету из своей ракетницы, эта штуковина навелась на первый снаряд и сцапала его специальной зонтиковой сеткой. Свет погас с большим дымом и треском. Потому, воспользовавшись суматохой, я соскользнул в люк пневмопровода. Это такая тумбочка с крышкой наверху и аварийным клапаном внутри. Крышка поднимается, клапан — у которого кем-то уже была сбита заглушка — проворачивается, и я падаю вниз с предсмертным смехом, туда, где вечно ревет ураган. Поток подхватывает меня и быстро разгоняет.

Слишком быстро. Я так и не понял, куда пропал мой естественный страх перед трубопроводными ужасами, отчего я посмел в них нырнуть. Будто всадник (или пеший) без головы. Пневмосистемой, как следует, умеют пользоваться лишь фемы. Слишком уж крут и силен поток воздуха, а по дороге попадаются разные загогулины. Сразу напала

жуть. Все тельце съежилось, стало тщедушным и заныло от страха. Одежда свистела, ее металлические детальки визжали, царапая металл трубы, и, совокупно с воем урагана, доводили меня до степени, близкой к безумию и бешенству. Где люк, где фильтр, как среагировать, как не стать фаршем? По-моему, я так перенапрягся, что перестал соображать и даже расслабился. И, конечно же, Анима стимулировала, насколько возможно, выпуск размягчающих эндорфинов.

После чего полегчало во всех смыслах. Слушайте, марсианы, слушайте, что со мной приключилось.

Когда я от страха и ужаса перестал чувствовать тело от пяток до макушки, вернее, прежнее тело, то заимел новое. Будто заразившись движением, завертелось во мне что-то похожее на юлу. Завертелось вокруг оси, если точнее, ПОЛЮСА. Полюс прыскал во все стороны напряжением. Напряжение разлеталось лучами, пучками и фронтами. Получалось в итоге вихревое, вращающееся и разбегающееся поле. Причем скорость его разбегания было куда большей, чем моя собственная.

А результат вот каков оказался. Пока моя взъерошенная тушка подлетит к очередной развилке, я уже успеваю ее прощупать своим вращающимся полем. Как так? Вот так — я получал ощущения в смешанном виде — царапание (как бы осязание), жужжание (как бы слух) и мелькание пятен с пузырями (как бы зрение). Я назвал бы такие каналы восприятия — ПУЛЬСАЦИЯМИ. Я в пульсациях быстро привык разбираться и вскоре стал понимать, в какую сторону надо разворачиваться, на какой бок перекатываться и куда закладывать тормозную ногу, чтобы выписать верный вираж.

Дело кончилось тем, что вращающееся поле разрослось на всю пневмосистему. Да так, что ее трубы стали еле заметной сеточкой дрожащих сосудов. В центре сеточки находился наблюдатель, то есть я. Кое-где сосуды были сокрыты какими-то неприглядными пятнами. Тогда я, как форменный народный богатырь, слегка поднатуживал свой полюс. Тот выбрасывал бурунчик огненной энергии — нечто горячее, торопливое, расширяющееся, — которую я усилием своей богатырской воли направлял, куда положено. Пламенная сила, как ершик в унитазной трубе, счищала пятна и возвращала полную ясность.

Не надо понимать меня ни буквально, ни фигурально. Во-первых, я, естественно, не полыхал натуральным огнем как пьяный Дракон Змеищенко, а во-вторых, не рассыпаю вам плоские метафоры. Я пытаюсь... О чем-то подобном —

внутренних энергиях предматериального мира — лопотали не раз мистикофизики, то есть мизики. Они ввели в обиход словцо «протогены», которым обозвали некоторые скопления, сгустки чистых виртуальных сил, влияющих резонансно на сложные объекты, включая человеческие организмы. Но мизики, во-первых, ничего не испытывали на собственном опыте, так как я, а довольствовались методами структурного математического анализа. А во-вторых, им никто не верил и не верит. (Ох и вечен разрыв между думающими страдающими импотентами и безмозглыми бесчувственными потентами.)

Я так увлекся ощущениями, что чуть не прошляпил момент, когда надо было сказать «до свиданья, мир чудесный». Но все-таки безошибочно свернул в тот тоннель, где имелась заглушка колодца. С расстояния в сто метров начал размачивать ее пальбой из гразера, дальше были — дыра, шахта и мостовая. В вихре пыли и прочего дерьма я отстрелился на улицу, как некий грязный обшарпанный джинн.

Кажется, выгрузился в аграрной секции. Умеренно захламленная территория. Гидропонические ванны с зеленью картофеля, того самого, у которого клубни сами вылезают и ползут в овощехранилище. Вот закувыркался плодовоовощной вор — это такой мутант-червяк, который проглатывает картофелину или там апельсин и, отталкиваясь хвостиком, мирно катится к своему хозяину, человеку и вору.

Сверху и снизу — плетение проводов и трубок, снуют киберы-овощеведы. Глянув на одного из них с большой, хорошо отполированной спиной, установил, что действительно похож на ершик, которым прочищают унитазы. Иди сюда, Малевич, и рисуй портрет. Однако отрадно, что по дороге ничего не потерял, ни коготка, ни члена тела. Пока я себя пристрастно изучал, появился охранник и наставил на меня пушечку.

— Эй, грязный, что тут делаешь?

— Упал в воздуходув, преследуя опасного преступника. Мы ж коллеги. — Я показал свое чудом сохранившееся полицейское удостоверение.

— Ну и как там, внизу, погодка? — смехотнул охранник.

— Осадки, мокро в штанах. А ты что тут делаешь?

— Охраняю компост из дерьма — это же Оранжерея Номер Пять. Вообще-то, я первый раз слышу, чтобы полицейские пользовались услугами пневмопровода... Ты чего, командир?

— Гадский папа тебе командир... блин...

Да, в этот момент я всерьез обалдел. Потому что пока-

залось, или оказалось, что тело мое многострадальное и заодно душа превратились в сеточку дрожащих сосудов, в центре которой разместился *кто-то*. Я бы обозвал его Контроллером, хотя ясно было — достаточно одного его касания и возникнут дрожь, зубовный скрежет или там смех, радостное кипение. Я отчаянно напал на этого наблюдателя и попытался нахлобучить на него колпак, заэкранировать как-то.

Однако тот полюс, которым я успешно воспользовался чуть раньше, не помогал мне, а скорее наоборот. Сейчас не огненная пузырящаяся сила требовалась, а плотное, давящее на шпиона усилие. И полюс, источник такой энергии, нашелся! В том самом, бесплатно выданном, вертящемся теле-юле. Мне удалось заблокировать соглядатая, однако личность моя в итоге отключилась, запутавшись во всех своих телах, организмах, напряжениях и страхах.

Очнулся я уже в подсобке на топчане, лоб весь мокрый. На руке укол чувствуется. Неподалеку охранник прихлебывает чай, заедая таблетками сухого коньяка.

— Ну что, очухался, лейтенант? Навоевался, сам поедешь? Или карету тебе вызвать? Может, пора сделать пересадку внутренностей или трепанацию черепа?

— По-моему, это тебе надо поменять череп на более маленький, а то пустого пространства много, — я, пошатываясь, как искусственная березка на искусственном ветру, двинул вперед и впилился лбом прямо в косяк двери.

5

В кабинете шефа помещался совсем другой человек. Капитан Рекс К502 раскинулся на стуле моего шефа Зубова и большими глотками употреблял чужой кофе из чужой чашки.

— По некоторым признакам можно предположить, что ты теперь и есть мой шеф, — обратился я.

— Не предположить, а зарубить на носу. Кто теперь твой шеф, ты очень скоро почувствуешь на своей шкуре. Соответственно ощутишь и тот научно установленный факт, что являешься моим подчиненным до тех пор, пока я тебя не уволил.

Я попытался придать своему голосу выражение незлобивое и наивное.

— Пожалуй, из тебя получился бы хороший зам по общим вопросам и ответам. Но все-таки, зачем тебя бросили на расследование разбоев и прочих грубостей? Если ты, от-

давши столько чудесных лет полиции нравов, стал тонким специалистом в области растления и рукоблудия. Я вот, например, до сих пор не знаю, что такое рукоблудие. Это когда в присутствии дамы держишь руки в карманах, или наоборот? А к каким реактивным мутанткам ты водил меня по доброте душевной!

— Заткнись. Все равно тебе никто не поверит. У тебя на физиономии написано, что ты брехун.

— Если точнее, Рекс, на твоей физиономии имеются следы довольства, а на моей следы труда. Ладно, я брехло. Но сейчас я легко узнаю, каким красивым словом можно обозначить тебя. Приобщился ли ты к материалам дела по гоп-стопу каравана «Дубков» и к моей докладной записочке по стертому директору «Вязов»?.. Я читаю на твоем выразительном лице, что «да». Я еще кое-чего раскопал. Старателей на это дело подбил и дал им на лапу Нур, работающий на «Вязы». Но его-то нанял некий фрукт по имени Дыня, сотрудничающий с «Дубками». Понимаешь, «Дубки» сами себя обчистили. Потрясающе. Давай, писай от восторга.

— Кто тебе сказал про Дыню? — несколько заинтересовался Рекс.

— Нур, перед тем как задвинуть кеды в угол.

И тут причина интереса мигом прояснилась.

— Ага, значит, это ты устроил бучу в торговом центре. Тебя уже разыскивают, Терентий. — Выражение физиономии у него стало таким, словно я — это пойманная на лету муха.

— Ха-ха, меня разыскивают. Я могу вообще на них облаву устроить. Эти розыскники хреновы, агенты то ли «Дубков», то ли «Вязов» подстрелили Нура, когда я его уже взял за хобот, — чтобы он не успел расколоться... Но он, между прочим, исповедался мне кое в чем. Запись имеется.

Рексова физиономия уже сделалась такой, будто вышеуловленная муха каким-то образом из его ладошки упорхнула. Но вскоре начальственная мудрость вернулась на самую значительную часть тела.

— Ладно, Терентий, никто никого разыскивать не будет. Я все утрясу. А ты с помощью собственной анимы снимешь свою агрессивность и прочее злобство, после чего прекратишь копать это дело. Не возражай... я тебе помогу принять такое решение, отправив в отпуск. Дружок, не морочь никому анус, кроме лиц, специально предназначенных для этого. Будем считать, что ты меч на орало перековал, остается только переправить орало на жевало и е..., ну, в общем, ты меня понимаешь. Съезди в Блудянск или лучше устремись на орбиту, в Хунахуна. Порезвись, помучайся в

объятиях электробаб, поработай херцем... Э, зачем смотришь на меня, как пиранья, неужто считаешь наймитом врага?

Рекс заулыбался во все щеки, чтоб никто не мог его спутать с наймитом темной силы.

— Наймитом не считаю, но ты как масло, которое растекается по металлу, а я, как кислота, которая его проедает.

— Черепную крышку ты мне проедаешь. Пойми ты, мы никогда не распутаем дело с караваном. И нечего совать нос в выяснение отношений между «Вязами» и «Дубками». А то ведь оторвут выдающийся твой шнобель вместе с лобной костью. Это тебе, наверное, и Зубов говорил, только не так настойчиво. Сколько в городе бандитизма, вооруженных расчленений и отчленений, они тебя не касаются, что ли? Зазнался, текучку запустил. Чтобы ты окончательно протрезвел, я тебе вот что объявлю...

— Еще воздухом надуйся, грудь вперед, задницу отклячь, чтобы попредставительнее видок был, — попытался урезонить я свежевылупившегося шефа, но тот не желал выходить из роли мэтра.

— Мы, лейтенант К123, существуем лишь в результате соглашения «Вязов» и «Дубков». То есть получаем зарплату, пока занимаемся посягновениями на частных лиц, набегами на кабаки и лабазы, ристалищами с участием алкашей и надравшихся муташек, да уголовкой, в которой засветились старатели и прочая вольница.

— Рекс, ну неужели тебе известно что-нибудь такое, чего не знаю я? В результате какого там совокупления мы появились — мне наплевать. Главное, что мы есть, и это заставляет нас не мочить штанишки. Когда всем пацанам из моей роты в «Мамальфее» стукнуло по пятнадцать, их выстроили на плацу и зачитали приказ: «С сегодняшнего дня всем заиметь собственное «я» и личное мнение». Похоже, в вашем питомнике ничего подобного не случилось. В общем, через пять минут подам тебе большую просьбу об увольнении.

— С удовольствием приму после такого монументального заявления, достойного мемориальной доски. Но только через месяц. А сейчас марш в кассу за отпускными и премиальными, я туда уже звякнул, так же как и в отдел кадров. Если будешь в Хунахуна, поцелуй от меня Электрическую Бабу в благодарность за мастерство — туда, куда она любит.

Через пять минут я стоял на улице с новой кредитной картой в кармане. Десять тысяч, десять «толстых» имперок — совсем неплохо, дерзай, не хочу. Бутылка водки «Язвенной» — три имперки. Симпампушка-мутанточка на пару

палочек — пятнадцать монет. (Симпатичная она, конечно, если только снизу смотреть.) Но билет на межпланетный рейс — полста тысяч.

Несколько раз добросовестно пытался изъять Дыню из головы и проводить себя в турбюро «Интимные маршруты». Не получилось. Вольно или невольно, в качестве временного решения направил себя в секцию развлечений, а именно в «Нарост». Именно здесь мутанты и кучкуются. Судя по кличке, Дыня был именно из них.

Перед входом сунул в прорезь деньгомета кредит-карту и вынул из ящичка пятьсот имперок гафниевыми монетками. Затем сквозь противную — лохматую, сопливую, шестипалую — публику подобрался к стойке. В «Наросте» как всегда царило веселье. Звучал и разливался мажорный напев: «Черный ворон, что ты вьешься над моею головой, ты закуски не дождешься, скоро станешь сам едой...» На лица завсегдатаев было немножко тошно смотреть, от их пронзительных голосов немножко вяли уши.

Да, сюда не проползло бы разумное, доброе, вечное, впрочем, никто из присутствующих в этом не был бы виноват.

Бармен — ушастый тролль — даже не стал оборачиваться ко мне, чтобы получше слышать в шуме-гаме, а продолжал протирать бутылки со всякой забористой дрянью для муташки — гемоглобиновкой, кортизоловкой, полигормоновкой и тому подобным.

— Ау, земляк, Дыню тут не видел? — промяучил я в костлявую спину. — У него башка соответствующая, большая, гладкая. За хорошую память получишь полсотни имперок.

Бармен, слегка шевеля ушами, продолжал невозмутимо заниматься прежним нехитрым делом.

— Ага, локаторы работают, значит, понял меня. Ну да, как это естественно: пятидесяти монет стоит амнезия, а хорошая память — полную сотню.

Бармен разлепил уста и сказал «спиной».

— Два дня тому компания послала его в долину Вечного Отдыха налаживать перевозку рудного полуфабриката. После того самого облома.

— Ты общительный дядька. — Я бросил на тарелку причитающиеся монеты. — Именно туда мне и нужно подаваться. Не знаешь ли людей или почти-человеков, которые могли бы меня в это место проводить и были бы там своими? За озвученные твоим ртом знания — двести имперок.

Спина бармена оставалась безмолвной и безучастной.

— Да, пожалуй, за двести монет разве что протанце-

вать можно, а осмысленные звуки куда дороже стоят. Эй, четыреста императоров просятся из моего кармана наружу.

Бармен по-прежнему не отвлекался от своей работы.

— Понятно. Извини, старичок. Ну, плесни мне хотя бы на три пальца язвовки, только без гормонов и гемоглобина.

Я спрятался со стаканом в темный уголок, который показался наименее страшным, и, меняя увеличение объективов хайратника, наблюдал за местным сборищем, которое простодушный землянин назвал бы скопищем невообразимых уродов. А какой-нибудь средневековый деятель упал бы бесчувственной кучей, решив, что оказался на бесовском шабаше. И правильно. Чего стоят одни «видюнчики» — с выдвижными очами размером с тарелку, — которые можно использовать вместо телескопов. Или «распадники» — у тех руки, да и некоторые другие члены тела могут, отделившись от остального организма, активно заниматься всяким непотребством. Отдельные руки некоторое время весьма преуспевали на душительском поприще. А сейчас, в основном, таскают выпивку и тырят мелочь из карманов. Отчленяемые же срамные органы, особенно летучие фаллосы (так называемые фаллолеты или вафельницы), немало отличились в статистике изнасилований. Были тут и «сопливцы-прозорливцы» или, как еще говорят, сопляки. Эти товарищи при помощи сморкания оставляют там и сям быстроразмножающиеся клеточные колонии, которые способны наблюдать за тем, что творится рядом, с помощью зрительных родопсиновых рецепторов. И в микроволновом диапазоне передавать подсмотренные картинки своему хозяину, отчего тот превращается в станцию раннего обнаружения.

Едва я поймал порхающий пузырь, полный дурман-сиропа, и прилепился к своему стакану, как увидел фемку, направляющуюся в мой угол. Это не к добру. Похоже, сейчас скандал случится — может, я ее теплое местечко занял. Фемка, однако, замерла в шаге от меня. Непонятно было, чего она там задумала — врезать мне хочет или сперва потолковать. Само собой непонятно, куда бабомутант пялится — экраны хайратника скрывают половинку ее лица. Попробовать, что ли, разрядить обстановку?

— Здравствуй, девочка. Ты чего тут забыла? Хочешь, вместе поищем?

— Ты тот самый, которому нужен провожатый в долину Вечного Отдыха?

— Угадала, милая. У тебя есть такой провожатый? Я полагаю, и ты, наверное, согласишься, что мое спасибо за

проявленную тобой общительность, а также сотня императ не повредят тебе.

(Жмотская тоска меня уже тронула, ведь двести еще должен бармену, это он навел.)

— Побереги свои денежки на лишний пузырь кислорода. Этот провожатый — я. Я была штурманом в наземных геологоразведках, когда работала в «Вязах», и три раза посетила интересующую тебя долину. Надо полагать, ты не валял дурака, когда трезвонил, что собираешься туда.

Вот так номер. Это я-то трезвонил? Впрочем, если доверюсь ей, тогда точно сваляю дурака. Ведь фемам никто не доверяет. Они всегда работают группами, в основном, на «Вязы», изредка на префектуру. Но и на себя, наверное, тоже. Среди старателей и прочих одиночек их не бывает. Люди считают, и, возможно, справедливо, что эти барышни — извращенки, что без коллективных оргий они тощают и дохнут. Есть мнение, что спят фемки целым взводом в одной кровати и с бока на бок переворачиваются по команде. Кроме того, невооруженным глазом видно, что они считают себя выше других. Они, действительно, выше нормальных баб. А во-вторых, всегда могут отлупить даже самых грубых мужиков. Как тут не зазнаться. Все их движения — четкие, умелые; чутье и моторика — будь здоров. Однако я весьма сомневаюсь, что кто-нибудь из них слыхал про Баха с Бетховеном или Толстого с Достоевским. То есть, Бах с Толстым для них — мужицкая дребедень.

Меркурий один знает, какие у фемок генные модификации, какая, в конце концов, идеология, цель, светлый идеал (само собой, что он один на всех). Кто им коллективный дружок, кто коллективный вражина? Марсианцам обрисую их наружность — это рослые девахи с невыделяющимся бюстом и неброской мускулатурой. Физиономии носят нередко смазливые, но всегда совершенно каменные. Хотя наши мутанточки смахивают на тех дылд, что на Марсе демонстрируют наряды, тем не менее предпочитают робы и кованые башмачки. Родить ребеночка, по крайней мере, естественным путем, эти сверхбабы не в состоянии, но интимные причандалы имеют. Были некогда меркурианские джентльмены, которые осмеливались трахать фемок, навалившись большой компанией. Были да сплыли. Любовь с фемками для отважных джентльменов кончались плачевно. Эти девушки отбили охоту проверять наличие у них пиписьки, потому что обязательно насильников уничтожали, устраивая целые облавы. Живут фемки кучно, на улице всякое общение с собой пресекают. Учтите, все господа

мужики, — там, где ошивается одна из них, могут моментально возникнуть и другие подруженьки.

Вот такие странненькие девчонки. Эта фемка, что подвалила ко мне, была низковата для своих — с меня ростом, но голову ее украшал обычный для них ежик, а щечку — шрам. Головорезка, видать.

— Мы, нормальные люди, плохо осведомлены о ваших фемских повадках. Что тебя подкупило в моем предложении, милая моя?

— Меня зовут Шошана Ф903, — слегка скрипнув зубами, заявила фемка.

— Ладно, Шошана. Что, все-таки? У вас же своя игра, с посторонними вы не дружите.

— Никто с тобой дружить и не собирается. Если ты платишь за проводы, я тебя провожаю, причем такой дорогой, которой нынче можно добраться туда. Это тебе обойдется в три тысячи имперок.

Что эквивалентно тысяче бутылок «язвовки» — и представить страшно. Вместо такого количества прекрасной жидкости я заполучу одну большую «язву» по имени Шошана. Но я уже «влез под душ», так что не «пустить воду» было бы постыдным делом.

— Если это не станет проводами в последний путь, тогда твое согласие, Шошана, можно считать доброй приметой. Правда, парочку мы будем представлять странную. Впрочем, размер твоего бюстгальтера позволяет тебе не выделяться на фоне мужчин, особенно пока ты в скафандре.

По-моему, она подавляла в себе обиду немалым усилием недюжинной воли. Получается, я нечаянно ее протестировал и выяснил, что есть обстоятельство, которое заставляет ее не реагировать на мои подначки. Она кем-то и чем-то психоподготовлена к общению со мной. Однако, не будем перегибать — иначе ее попустительство станет слишком нарочитым и фемы могут поменять всю тактику.

Между прочим, особенного выбора у меня нет. Допустим, Шошана — шпионка. Но кто гарантирует, что следующий провожатый не окажется вообще диверсантом? Кроме того, фемы, может статься, тайно дружат со мной. Ведь там, в торговом центре, одна из них, похоже, не только пособничала мне, но даже открыла второй фронт. Или, например, откуда взялись мои чудодейственные способности к перемещению в пневмопроводе, не сверхбабы ли занимались навигацией для меня? Кто, в конце концов, снял заглушку у клапана на приемном колодце? Не исключено даже, что во время драки между муташками фемы как бы

случайно оказались поблизости и уберегли меня от полного втаптывания в грязь.

Надо учесть и то, что вряд ли у девушки Ф903 есть задание перерезать мне глотку элегантным движением лазерной бритвы. Я слыхал (правда, забыл от кого), что фемы не злоупотребляют душегубством. Кстати, если Шошка будет усердно шпионить, то ясно прорисует мне, чем собственно интересуются фемы.

— Ладно, заметано. По рукам и ногам. Отправляемся в ближайшее время, если не возражаешь...

Я фразу не договорил, не условился еще, где и когда, как она уже резко крутанулась и пошла вон из кабака. Я попытался догнать ее, но поскользнулся на чьих-то зрячих соплях, едрить их налево, и залетел под стол, где здоровенный тараканомутант внаглую спер у меня ботинок.

6

Вечером забрался в ангар к Филимону — в Васино нет механика круче его. Некогда он, благодаря мне, год схлопотал, в смысле, посадил я его. И с тех пор гражданин механик спасибо говорит за это. Засветился Филимон так. Скорешился он в свое время с мужиками, которые работали в «Вязах» — тем надоели внутризаводские денежки, «повязки», и они решили разжиться более солидными купюрами. А решив, загнали Филимону досрочно списанные аккумуляторы. Ну, и Служба Безопасности концерна всех прихватила. Филимона она как бы отпустила, виноватых же мужиков по-быстрому изничтожила с помощью «несчастного случая» и затем стерла всякое упоминание о них из файлов. Больше того, Служба и Филимона приговорила. Наняла двух старателей, чтобы они сделали виноватому чик-чирик в подворотне. Пришлось мне Филимона срочно заарестовать, а тем старателям чик-чирик самим устроить. Так что Филимон продолжал кудесить в своей мастерской, замаскированной под гидропонический огородик, лишь благодаря мне. Ну, а кочаны капусты вырастали там с человеческую задницу — это так благотворно на них действовал не полностью отработанный уран-235, вылеживающийся в свинцовых бочках по углам.

— А-а, ага, — опознал меня Филимон, отрываясь от турбины-метаморфантки с самопрорастающими лопатками. — Пришел тот самый человек, который заставил меня в течение года дрессировать от скуки тараканов и кормить с ложечки клопов. Ну, чего еще тебе от меня надо?

— Верю, что тараканы и поныне на задних лапках ходят по твоей кухне, и клопы благодарят как умеют, то есть очень уважительно сосут твою кровь. Я рад, что ты им понравился. А мне понравится приличный вездеход, причем очень скоро.

— Двадцать «толстых» императ. Старатели по два года на него калымят.

— Это ты брось. Рвач. Как насчет того, чтоб напрокат?

— Ты же угробишь машину — руки ведь у тебя крюки. Вижу, что выставили тебя из полиции и теперь будешь чего-то кому-то доказывать... Впрочем, есть у меня одна машина, которая сгодится. Рекомендую вечно-опытный образец. Он тебе отомстит за меня. Сделан, кстати, лейтенант, целиком из ворованных деталей. Так что всяким «дубкам» тебе лишний раз на глаза попадаться не резон.

В дальнем углу ангара-огорода за занавесочкой из винограда хранилось то, чем Филимон меня собирался одарить. Жуткий гибрид танка, снегохода и паука. Шесть колес, два трака, трое полозьев, семь шагающих-цепляющих конечностей. Основной двигатель — микрореактор с кипящей активной зоной и гранулированным расщепляющимся топливом. Как объяснил Филимон, система защиты у этого монстра хиленькая, поэтому — если хорошо поездил — на охлаждение не надейся, а не забудь слить радиоактивный натриевый кипяток. На случай отказа реактора есть аккумуляторы, скорее всего, свинченные с ионной ракеты. Керамическая защита, видно, содрана с космического челнока. К турбине, вертящейся от нагретого гелия, помимо обычного генератора приделана еще и МГДэшка. Можно даже поглиссировать, выпуская пар под днище.

— Владей на здоровье, лейтенантик. Надеюсь, здоровье твое будет в прямой, а не в обратной зависимости от обладания сим средством транспортировки. Особо не дрейфь, циркониевый колпак ловит нейтрончики, что твой мухолов. В управлении, особенно рулежке, биоинтерфейсом-анимой пореже пользуйся, на мыслеусилия особо не полагайся, не то запутаешься. А «бабки» за прокат по возвращении отдашь, так что у тебя есть стимул не торопиться домой.

— В крайнем случае, на том свете рассчитаемся градусами Кельвина. Тем более, что геенна огненная — наша местная меркурианская достопримечательность.

Забрался я в кабину, проверил колесные и гусеничные приводы, борткомпьютер погонял, потестировал гидравлику, пневматику, синхронизацию конечностей. «У тебя, Филимон, не руки, а ковырялки и расхищалки — в первый

раз хвалю за такое», — передал я ему по радио, когда он закончил с наружным осмотром.

Затем мой транспортный аппарат прошагал врастопырку по грядке и, выбравшись наружу, спустился в тоннель для большегрузных средств. Поехал тихонько, на батарейках, в ангар моего жилого блока. Завтра еще реактор заряжать. Все вездеходы, кроме полицейских, получают расщепляющиеся материалы за городом. Поэтому связался я с заправочной станцией и заказал соответствующее топливо на завтрашнее утро. Кредитная карта с грустным шипением втянулась в считыватель городского телекоммуникатора (или, по-народному, горкома) и похудела на тысячу императоров.

Но перед путешествием я погрузился в сон и храп, предварительно засунув сигнализацию от вездехода прямо в среднее ухо. Всю ночь ворочался, потому что боялся мурашек, тех самых, которые металл грызут с синильной пеной на губах. Конвульсивно прекратил спать, когда услышал, что кто-то возится в прихожей. Я мигом скатился с постели, залег под койкой. Там нащупал плазмобой, быстро снял с предохранителя и занял огневую позицию. Дверь открывается, и на прицеле появляется вчерашняя фемка с вещмешком, в скафандре — опытные люди всегда его одевают перед поездкой, чтобы меньше на себе тащить, а заодно проверить, все ли с этим «верхним бельишком» тип-топ.

— Я тебя вызывала по телекому, — сказала она скучным голосом, глядя куда-то в окно. — Но ты не отзывался. Нам ведь пора.

— На то и сигнализация в ухе, чтоб ничего не слышать.

Я вылез из-под койки. Странное это было зрелище — человек в скафандре и человек в трусах. Особенно для нее. Впервые на ее лице проявилось нечто столь же похожее на улыбку, как педальный автомобильчик на вездеход.

— Некая дисгармония присутствует, — заявил по такому случаю я. — По крайней мере, на картину Рембрандта эдакая сцена не просится. Может, и тебе немного разоблачиться, ну хотя бы до трусиков.

— Для восстановления гармонии я в холле побуду, — милостиво соглашается моя валькирия.

Честно говоря, я еще собирался как следует заправить свой личный топливный бак, но ввиду недалекого присутствия такой энергичной фемки придется давиться обед-пастой и сыпать в пасть мясные и овощные таблетки на полном скаку.

Итак, собрал я манатки в ритме чечетки. Носки сунул в карман, зарядил обоймы плазмобоя, рассыпая патроны по

полу, и поспешил в холл. По дороге понял, что все свое могу носить с собой (внимание, философская мысль), самое важное имущество хранится в мозгах в виде длинных молекул памяти (правда, особо залежалые инструкции и уставы можно лишь с помощью анимы растормошить), кое-что имеется в хайратнике с его фильмотекой, дискотекой и локаторами. Ну еще сменная пара трусов, квазиживая ползунья-мочалка, крем, съедающий бороду, но милующий лицо, и говорящий презерватив — мало ли что, вдруг пригодится.

Фемку застал в обычной для них позе фараона — руки на коленках, взгляд уперт в стенку, на которой никаких мультяшек и видюшек — расслабляется девушка в свободное от работы время. Мы спустились в ангар, и я подвел жутковатую спутницу к своему транспортному средству.

— Именно об этом вы грезили, Шошана, долгими бессонными ночами в общей кровати?

— Я и сейчас мечтаю о том, чтобы урановый кипяток не обварил до красноты вашу задницу.

— А вашей попке небольшой румянец даже пойдет. — Кажется, она все ж таки, преодолев рефлексы, заставила себя не дрыгаться от моих подколов.

Потом, гостеприимно отодвинув дверцу в сторону, нас впустил бортовой шлюз вездехода, где мы и разоблачились. По очереди, конечно. Скинув скафандр, я натянул свой обычный прикид — треники с пузырями на коленях. Она же нарядилась не в обычную для них робу-гимнастерку, а в довольно милый спортивный костюмчик с меняющимися картинками на спине.

У меня снова зароились под кепкой подозрения — фемка явно пытается быть обаятельнее, чем на самом деле. Однако созерцание внутренностей вездехода еще раз порадовало меня, и я отвлекся от Шошаны. Рычаги управления мощностью двигателя, приводами колес и траков — с большими головками-колобашками в захват всей пригоршней. Манипуляторы шагающих конечностей смахивают на кнопочки аккордеона. А кресла будто вынесены из кабинета какого-нибудь старинного ученого с козлиной бородкой и ермолкой, защищающей мозг от испарения.

Проехали тоннелем для большегрузного транспорта и оказались на контрольно-пропускном пункте. Там уж не миновали один из боксов, где сидел офицер городской стражи, к сожалению, знакомый.

— По-моему, ты странно решил провести отпуск, Терентий, — заявил он, изучив нашу пару со снисходительной улыбочкой.

— С каких это пор времяпрепровождение на лоне природы стало считаться странным? Свежая пыль, где-то за ней звездное небо, чудные пейзажи. Заметь, я вместо тебя рекламирую красоты Меркурия.

Офицерик чуть понизил голос.

— Твоя приятельница, судя по всему, фемка.

Я тоже не стал громогласничать.

— Вот это тебе уже показалось. Правда, у нее не выросли на гормонах такие пышные буфера, как у коровушек из Хунахуна или Блудянска-Распутянска, но она не более муташка, чем ты. Видишь, какой у нее прикид, фемы такое не носят, да и росточком она не вышла в сравнении с ними.

— Ну, ладненько. Не тужься, а то кака выйдет. Пусть будет так, как ты хочешь, — незлобиво приговорил офицер. — Ты, кстати, сдал фрагменты своих органов на производство трансплантатов? Вдруг вернешься без мозгов или, чего доброго, без одной важной штуки. Как говорил мой дедуля: «В битве хрен оторвали фашисты, но зато отомстил я врагу».

— Если вернусь без своих мозгов, тогда возьму твои. А вообще я предпочитаю кибернетические замены.

— Я тоже, — подыграла «приятельница». — Я заменила много вредных мужиков на полезных роботов.

Будем надеяться, отметил я про себя, что я не попаду в это вредное множество. Ну, а пока что городской шлюз открывается, пандус опускается, и вездеход съезжает на зыбкую землю Меркурия. До свиданья, Васино, запечатлей меня в бронзе, если что, а рядом с памятником посади грибочки — я ими всегда любил закусывать.

ГЛАВА ВТОРАЯ
Бесноватость

7

В долину Вечного Отдыха фемка предложила отправиться совсем не той проторенной дорогой, какую использовал штурман Мухин в первой вылазке.

Шошана подняла крышку планшета и прочертила такую партизанскую тропу по карте среднего масштаба своим лазерным карандашом, что я прибалдел и возмутился. Тем более, что аванс проводнику уже был уплачен.

— Ты, Шошана, упорно предлагаешь переться через плато Большой Гроб, потом мимо горы Череп, далее брассом и саженками по морю замерзшего натрия Старательские Слезы. Но такой, с позволения сказать, путь, куда

длиннее и многократ опаснее. На мой примитивный взгляд, конечно. Но будь мы сейчас актеры на сцене, любой зритель в партере со мной бы согласился. Ориентиров-то на твоем пути раз-два и обчелся, мы и пеленгов взять не сможем, чтобы свериться с картой.

Да, тут явно с ее стороны присутствует какая-то заумь, если не откровенное предательство.

— На самом безопасном пути ты, господин лейтенант, потерял три машины и полкоманды. И еще о чем-то разглагольствуешь. С чего ты взял, что тебя нынче меньше «ждут», чем тогда?

— Ты меня не убедила, мы отправляемся старой дорогой — если, конечно, я еще командир.

— Только потом не придумывай того, что я говорила, и того, о чем молчала, — огрызнулась она, демонстрируя явное презрение к моим умственным способностям.

— Послушай женщину и сделай наоборот, даже если она известна прогрессивной общественности как сверхвумэн и бой-баба. Курс — восемьдесят, склонение — пять. Мощность силовой установки — шестьдесят процентов. А теперь вперед.

Вначале я был уверен, что поступил правильно. Но к вечеру уже стал раскаиваться. Вернее, я просто-напросто пожалел, причем горько.

В ста километрах от Васино локаторы засекли быстро- и низколетящую цель — всего лишь за несколько секунд до того, как она на нас вышла (пыль есть пыль). Впрочем, можно было спокойно считать целью себя, а ее — охотником. Как этот охотник до нас добрался — вопрос немудреный: маршрут был известен и осталось только прочесать его. Шошана, между прочим, забеспокоилась минут за пять до того как. Стала вертеть крупномасштабные карты, а потом вдруг, но весьма настойчиво заявила:

— Сверни вон за тем камнем в ущелье.

— Создаешь атмосферу страха и ужаса? Не бойся, ведь я с тобой, — несерьезно отозвался я.

После чего я вылетел из водительского кресла и припечатался к палубе из-за очень серьезного удара в ухо. Ну, фемка, паскуда! Ботинок наступил на мою шею, дуло сквизера уставилось на мою башку, вызывая в ней не лучшие переживания и эмоции. Тем временем фемка свободной рукой, ногой и мыслеусилиями уверенно орудовала машиной. Я сразу почувствовал как вездеход сворачивает и идет под уклон.

Вдобавок, я морально мучился, оттого что оказался безнадежен в умственном отношении. Ведь девчонка — настоящая кобра. Как же я так расслабился с ней? Надо было

сразу опознать ее суть, едва она предложила свои вероломные услуги. Ведь фемы могут действовать только групповым способом. А на кой ляд я этой компашке сдался, разве чтоб побыть пешкой в игре типа «поддавки».

Или вторая версия. Прямо противоположная, но еще менее обнадеживающая. Это фемка, отбившаяся от своих, фем-расстрига, корова, исключенная из стада за какие-то проступки, то есть одичавшая и буйная. Только ловкость и мастерство у нее не коровьи.

Ну, влип! Так вот я распереживался, а тут к моральным мучениям добавились физические. Машину долбануло вбок, и все резко сместилось, палуба стала крышей, крыша палубой. Я из-под Шошанской ноги выскочил, чтобы прогромыхать костями по всем бортам, а потом все неприятное случилось еще раз. И снова безжалостное бросание костей собралось повториться, но машина, постояв на боку, вернулась в прежнее положение, очевидно фемка успела зацепиться «конечностями» за склон. Потом она резко «поддала газу», я еще раз проехался по палубе, правда, уже на пузе и горизонтально.

И тут меня осенило, что физические мучения полностью перечеркнули моральные. Не расстрига она, а я не пешка покамест. Она сейчас спасла меня и себя от превращения в трупный материал. Можно прислониться к борту и просипеть, разминая кадык:

— А хорошо все-таки, что ты поменяла свои башмаки с подковами и шипами на сравнительно мягкие кеды. Кстати, что это там прожужжало над нами?

— Парочка коптеров.

— Ну, что ж ты раньше про них не сказала? Или считаешь, что я усваиваю материал намного лучше после небольшой взбучки?

— А ты как считаешь, одного раза тебе хватит? — решила уточнить она.

— Пожалуй, да. Поехали путем истинным через Гроб, Череп, Кости и всю прочую жуть. Бомбу себе на холку я действительно заработать не желаю. Я вообще против бомбардировок, даже ковровых и миротворческих. Кстати, Шошана, ты знаешь тех, кто прилетал?

— Они прилетали за тобой, тебе лучше знать.

— Благодарю за находчивость. И все-таки, как это у тебя получилось, защитница?

— Что «это», Терентий? — впервые по имени назвала.

— Узнать о том, чего тебе знать не положено. Ты хотя бы абстрактно расскажи, только словами, а не жестами.

— Абстрактно — пожалуйста. Это принесет тебе столько же пользы, сколь и сочинения Николая Кузанского... — Ученый Коля по фамилии Кузанский у фемок, очевидно, служил обозначением бессмыслицы. — Мы все живем в системе симметрий. И если в неком месте становится больше, то в другом — меньше. Что-то, допустим, сдвигается вправо, тогда кое-что влево. В какой-то точке проклевывается «плюс», а в другой точке обязательно появляется «минус». Причем и левое, и правое, и «плюс», и «минус» — кусочки одного целого.

— Такое замечательное «одно целое», как бы с ним познакомиться. Премного благодарен, что так замечательно ты все разжевала. Если бы дала еще и проглотить. А где центр этих вот симметрий?

— Ты, наверное, и сам бы догадался когда-нибудь, что центров таких много. И где главный, только Всезнатцу понятно. Но одним из них является ядро Меркурия.

— Которое вам, фемкам, наверное, вместо папы. Впрочем, мне нравится такая сказочка, она достаточно нестандартна... Кстати, когда я уже лежал на полу придавленный твоим башмачком, Золушка, меня пробрало необычайное волнение — однако не от страха за свое горло или твою подметку.

— С чем оно было связано, неужто с ядром планеты?

— С тем, что ударила ты меня все-таки нежно.

8

Плато Большой Гроб оказалось довольно милым местом. На нем лежала толстая пылевая подушка, слегка покачивающаяся под воздействием солнечных ветров, веющих из-за терминатора. Поэтому иногда казалось, что катишься по дну ленивого моря. На хорошей крейсерской скорости получалось три дня пути вместо планировавшихся полутора. Но зато здесь нас никто не видел и не слышал. Полное уединение.

— Слушай, Шошана, у тебя есть мнение о том, что приключилось с караваном «Дубков»? — справился я у малоразговорчивой попутчицы.

— Есть, — довольно вяло отозвалась она.

— Надеюсь, не слишком отличающееся от мнения всего дружного коллектива фемов.

Она не стала пикироваться, а продолжила по существу:

— Это не грабеж, потому что сдача гафния перекупщикам не увеличилась.

— Я рад, что данные полицейского отчета, оказывается, известны не только мне.

Она смерила меня взглядом, я бы сказал, довольно презрительным. Я же в ответ растворил таблетку «Туборга» и глотнул хорошего пивка.

— А коли так, лейтенант, то это сделали люди из «Вязов», чтобы подорвать систему перевозок конкурента.

— Я рад, но уже умеренно. Ты, собственно, высказала первое, что приходит на слабоодаренный ум вроде моего. Какие еще есть версии?

— «Дубки» сами на себя напали, чтобы бросить густую тень на соперника и выколотить из правительства побольше монет на укрепление безопасности.

— Высказывание, достойное аплодисментов. Я так тоже считаю, Шошана, но мне это объяснение кажется плоским, а не выпуклым. Мы ведь не должны бросаться на первую же приемлемую версию, как тощая рыбка на жирного червячка. Почему? Потому что рыболов, когда нанизывал на крючок этого червячка, как раз и был уверен, что мы им соблазнимся. Ну, давай же, проснись. Или, наоборот, засни. Ты ведь не просто две руки, две ноги, длинные, кстати, ладная фигурка и приятное личико. Ты — объединение, сверхорганизм, за тобой много рук, ног, фигурок, мозгов. Вспомни, лет сто назад за телом какой-нибудь шпионки клубилась мощь целого государства, которое подсказывало, когда надо стрелять, когда трахаться, когда ворковать «люблю», когда шипеть «ненавижу».

Я специально хотел позлить ее и надеялся на то, что злоба будет продуктивной. И я ее задел. Она бросила в рот «взрывной» леденец, тот, который несколько раз меняет вкус, а потом мгновенно разбухает кисло-сладкой пеной. Конфетки были, пожалуй, единственной ее слабостью, потому, наверное, что помогали расслабляться. Фемка от раздражения даже поперхнулась леденцовым взрывом, но потом решила объясниться.

— Мне не слишком нравится тон твоих разглагольствований, которые ты выдаешь за рассуждения. Кроме того, не стоит беспокоиться, что кто-то в ближайшее время скажет тебе слово «люблю». Вот тебе мнение, хочешь, считай его личным, хочешь, групповым. Караванщики, или во время перехода, или до него, еще на прииске, увидели и поняли то, чего им не надо было видеть да понимать.

— Это уже версия, Шошана. Однако, смахивает на то, что по решению твоего начальства можно выдать мне, если я стану слишком приставать. Но твое личное окошко для выдачи правды-истины неплохо бы и пошире распахнуть.

Вот я перед тобой со всей своей подноготной, все у меня

на физиономии написано. Если ты умеешь слегка ковыряться в мозгах, известно тебе, и что между строк нарисовано. Я всю жизнь страдал о том, как бы мне не перетрудиться и не переотдыхать, что там зафиксирует карьерная машина, которая ведет счет моим успехам и проколам. Имея в виде целей столь скучные примитивные вещи, я, тем не менее, участвовал в процессе космического масштаба. Искоренял порченных людишек, садюг, изнасильников и прочих жлобов, среди которых на мутантов приходился, кстати, вполне обычный процент. Тем самым крепилась мною наша космократия, и я попадал в бесконечную шеренгу типичных космиков, имя которым — «благородный нолик».

Но заодно я прощал частенько мелких жуликов, даже умеренных мерзопакостников, и порой не отказывался от подмазываний в таких случаях. Почему нет, я же беру их грех на себя. Кроме того, я частенько залипал в наркмультики. И все потому, что я пылинка, нет у меня ни деда с баяном и орденом, ни мамки с кувшином молока, ни братана пьющего, ни сеструхи гулящей, ни жены скандальной, ни деревни, ни двора. Я, кстати, понимаю это, в отличие от других «номерков». За мной не стоит никакая организация, нет у меня высокого идеала. Я не верю ни в реальность, ни в нереальность, не знаю, в какую сторону погоняет лично меня Всезнатец. Но в каких-то бредовых снах Космика вкалывает на меня, а не наоборот.

Я на грани вылета из полиции. Я — сам по себе, ну так скажи мне, не как единый коллектив с соответствующими лажами и вывертами, а как человечек человечку, заглядывающему тебе прямо в глаза... Ну, Шошанка, ведь это трогательно.

Было заметно, что я ее несколько озадачил, потому что она казнила леденцы без устали. Я же успокоился и сунул в рот сигару хорошего орбитального табака, подведя поближе к себе трубу вытяжки.

— Ты и сам многое скрываешь, лейтенант, — наконец проскрипела она.

— Ничего подобного... меня только спроси. Я могу еще поведать, что все старатели, имевшие отношение к этому гоп-стопу, утратили румянец и стали упокойниками. Что местный пахан дозволения на такой бандитизм не давал. А его не слушаться, значит, себе вредить — не всякий решится. Что подбил их человек из «Вязов», ныне неживой, его, в свою очередь, кто-то из «Дубков», сбежавший — куда бы вы думали — на место преступления. Соответственно, живой он, но недоступный. Что явное отношение к этой

петрушке имеет исчезновение и стирание из памяти народной одного из «вязовских» директоров — Медб К845.

Само собой, я понимал, что хорошо подставился своим рассказом об известном мне и интересующем меня. Если собеседница скорее неприятель, чем приятель, тогда я себе серьезно навредил. С другой стороны, встревать в серьезные дела на пару с личностью, которой ни на имперку не доверяешь, тоже не вариант. Я должен найти какую-то педаль, которая открывает этот черный ящик с надписью «Шошана».

Фемка отвернулась, будто ей совсем обрыдла такого сорта беседа. Только было заметно, как ходят — при работе с леденцами — тонкие косточки ее челюстей. Потом она, будто вспомнив нечаянно, произнесла:

— Как тебе кажется, могут на Меркурии обитаться какие-нибудь живые твари помимо человека?

Хоть вопросом на вопрос, но уже ответ.

— Может, блоха в моем кармане? Или какие-то другие «неуловимые мстители»?

— Надеюсь, все-таки, что блохи и прочие порождения немытости не помешают нашему совместному проживанию. Я имею в виду не тех тварюшек, которых космонавты-переселенцы переселили на себе. А местную форму жизни, по крайней мере, неизвестную нам доселе.

— И это ты называешь интересной темой, Шошана? Если бы, конечно, мы с тобой были два соавтора и кропали на пару фантастические романы — совсем другое дело... Правда, не знаю, как у тебя с литературным слогом. Ну, хорошо, заливай для развлечения про разумных крокодилов или какие-нибудь низконравственные, но хитрожопые кактусы, которых мы просмотрели за двадцать лет хозяйственного освоения Меркурия. Какая тут еще есть живность, что за зверье может посягнуть на наши вкусные потроха?

— Если бы кактусы и крокодилы. Такую тварь немудрено просмотреть, потому что это иная форма материи, скорее всего, паразитирующая на нашей. С другой стороны, ее жизнедеятельность — я не боюсь этого слова и ты не бойся — напоминает о грибах и некоторых микроорганизмах.

— Что за ахинейство, ахинеанство, ахинеизм. Да вы, фемки, я посмотрю, девчонки с фантазией...

И попутно с ухмылкой пробудился у меня мыслительный пласт. Товарищам ментам во время полицейской экспедиции отнюдь не показалось, что на моем месте очутился вихрь. Может, это и была Шошанкина тварь, которая както попаразитировала на мне. И отпустила потом. А директор Медб К845? Он же влип каким-то схожим образом. Од-

нако если его использовали на полную катушку, то меня, получается, лишь «задержали для опознания личности». А теперь стоп. Хватит бредить, башка. Пусть даже отличился какой-то «гриб», распространяться об этом происшествии не стоит. Неизвестно, каким боком мне еще выйдет «пребывание во вражеском плену»? Надо забыть. Имейся таблетка амнезина, запамятовал бы крепко, так, что потом многокиловаттный детектор лжи ничего бы не раскопал.

— Похоже, лейтенант, что эта, как ты выразился, живность прорастает сквозь планету, причем по законам системы симметрий, о которой я тебе когда-то говорила. Именно поэтому мы... я ее чувствую.

— Этого, наверное, достаточно, чтобы ее поймать каким-нибудь сачком.

— Этого мало, Терентий. Мне ее никак не понять. И даже неясно, чем закончится для меня понимание. Этот, с позволения сказать «гриб», не похож на нас, не пробуждает воспоминаний и ассоциаций. С ним связана иная математика, иная физика. Я его чувствую не в какой-то локальной симметрии, а в очень масштабной, выходящей далеко за пределы известного нам.

— И что из такой страшной фразы следует, Шошана?

— Что я не могу предсказать, по каким правилам играет эта тварь.

Пожалуй, Шошанины слова меня нервирует. Я — полицейский, а не зоолог. Меня интересует только одна тварь, которую пока что зовут Homo Sapiens. Я — мисс Марпл, а не Дуремар, охотник на пиявок... Однако, несмотря на свое антидуремарство, я все-таки считался с теми фокусами, которые проделываются в аномальных зонах.

— Ладно, в любом случае «грибы», пусть самые противные, не в состоянии налететь на караван с молодецким посвистом. Хотя, не спорю, какая-то флора-фауна могла и поучаствовала в нагнетании напряженки. Все эти полеты на метле, появления ниоткуда, проваливания в никуда, удары невидимых кулаков по видимой морде и прочие полтергейсты в аномальных зонах... Может, как попал туда, так в скафандре расцветает плесень ядовитая, от которой мозги начинают гнить?

Шошана даже своим каменным лицом ухитрилась выразить презрение к моим словам.

— От плесени и слышу. Напрягись и представь себе макромир — надеюсь, тебе известно это слово, — стоящий не на целочисленности и дискретности тел, а, например, на непрерывности. Полчайника — это что? Чайник то появля-

ется, то исчезает? Или его вообще не видно, лишь проявляются его свойства? А легко ли жить в многополюсном мире? И что такое пространство, вобравшее в себя время?

— Ну-ка, дай и я поиграю. Это, когда прошлое становится видимым и расстилается у нас за спиной. Конечно, и в многополюсном мире, если умеючи, прожить можно. Например, мой кулак имеет полюс «плюс», тогда чья-то физиономия страдает «минусом». Получается притяжение, а следовательно, и преступление. Но допустим, чей-то кулак, владеющий «плюсом», движется к моей притягательной афише, а на ней вдруг вырастает еще больший «плюс». И тогда вражеский кулачище отлетает, не обидев меня — преступление предотвращено. Эх, все-таки напишем мы с тобой. Если не роман, так трактат под названием «Сексуальное поведение в многополюсном мире».

— Ты научись там хотя бы на горшок ходить.

Ничего, ничего, уважать себя заставим... Меня, кстати, как человековеда и психопатолога куда больше грибов и прочих поганок интересуют особые способности племени female-mutants.

— Значит, фемы проживают по законам симметрии, так же как и некие подколодные твари, которые, хоть и не видны в упор, но якобы виноваты во всем. Возникает больной вопрос: может, фемы и устраивают эти самые аномалии с полтергейстами? Я имел честь наблюдать, как дерутся ваши девушки, и торжественно заявляю — такой мордобой никак не укладывается в законы нормальной житейской физики. А если невидимые меркурианские гады и существуют на этом свете, то приручить их смогут только всепонимающие фемы. Нам, «несимметричным», на голову.

— Не устраивают ли фемы все сами... Так вот, директор Медб К845 была фемом.

— Баба? Ну и имечко. — Это еще круче, чем Мухин и Кравец.

— Фем, одна из лучших наших сестер.

Тут я понял и по тусклому пескоструйному голосу собеседницы, и как-то еще, что взаимосвязь у фемок действительно сильна, что злоключение с «сестрой» не просто запись в графе «невосполнимые потери». Кроме того, враг не просто запрятал куда-то их «сестру», но вдобавок «познал» ее. Отчего их уязвимость перед ним чрезвычайно увеличились. Дружный экипаж боевых девок получил пробоину, так же как и я. Мы братья и сестры по несчастью...

Я протянул свою граблю и погладил Шошу по руке — фемка не отстранилась.

9

«— Мы не просто попадем в долину Вечного Отдыха. Мы попадем туда с неожиданной стороны. Наше преимущество также в том, что мы будем спускаться с возвышенности и даже сквозь пыль поразглядываем, что там такое творится. Псевдолуна-то уже прибыла с ремонта и снова мерцает нам с орбиты... Ладно, пора прокладывать курс, два ориентира уже миновали, авось и третий встретим.

— Почему ты, в конце концов, а не я? Почему ты никогда не устаешь, хотя делаешь баиньки всего три часа в сутки? Почему тебе никогда не хочется мужика, как мне, например, бабу? Отчего обходишься только парочкой витаминно-белковых пастилок в день, да медитационными леденцами? Ты что, берешь энергию из этой самой системы симметрий? Я ведь уже догадался, как ты с ее помощью подкрепляешься. Где-нибудь из буфета в Васино испаряются сосиски и тут же объявляются в твоем пузике, пардон, в животе, затратив на нуль-транспортировку лишь небольшую часть кетчупа...»

Стоп. Запись окончена. Это было сегодня утром. А получилось так, что мы перлись целый день невесть куда. В заданную точку не попали, ничего узнаваемого нет. Марсианам поясняю, что ваши пустыни — пример живописности по сравнению с нашими. Наши невыразительны как физиономии китайцев на взгляд белого человека или наоборот. В общем, заехали мы не на бережок моря Старательские Слезы, а в какую-то Тьмутаракань. Шошана, штурманка бесова, еще ковыряется как ни в чем не бывало в компьютере. Сейчас я ей скажу пару теплых... Нет, пока умолчу.

Меркурий — это как посудная лавка, в которой чашки и тарелки долго били, топтали и плавили, поди разберись, где тут севрский фарфор, а где ночной горшок. Система ориентации по спутникам мало кому из наземников пригождалась — попробуй установи связь сразу с двумя сателлитами. И по магнитному полю Меркурия хрен сориентируешься. Если даже не затесалась под ноги магнитная аномалия, Солнце окатывает планетку, как из ведра, своими протонными вихрями. Единственная надежда у странников на счисление курса борткомпьютером. Но ежели возникает постоянная курсовая ошибка, то вездеход начинает упорно ползти в какую-то чертову задницу.

Впрочем, в борткомпьютере параллельно и независимо фурычат три системы счисления... Чтобы все они подгадили одинаково, тут требуется злое и преднамеренное вмеша-

тельство. Не рановато ли я доверился фемке и передал ей в безраздельное владение борткомпьютер, по-мужски взяв на себя кипящий и булькающий реактор. Да, я действительно люблю кипящие реакторы — с тех пор как в старшем классе детского питомника построил программируемый самогонный аппарат, — но не до такой же степени, чтобы чихать и кашлять на все остальное. Вот если бы можно было сделать фемке укол раскрепостителя. Но как вначале совладать с этим монстром? Поди, скрути зверюгу такую.

Машину стало бросать. Урчание, взвизги, даже хрюканье. Это несмотря на то, что поверхность ровная, рычаги мощности никто не дергает, а электроприводы, судя по датчикам, такую тягу дают на колеса, какую надо — исходя из сцепления с грунтом. Я пощелкал клавишами диагностики — генераторы, турбина, приводы — все в норме. Значит, с реактором нелады. Если он барахлит, то это моя вахта. И заняться им надо поскорее, пока не началась какая-нибудь катавасия вроде электрической бури, от которой лучше улепетывать со всех колес.

Запустил слив натриевого кипятка из активной зоны, ввел туда замедлители нейтронов, напялил скафандр — тот в брюхе уже свободен мне стал, тощаю в отсутствие бацилльных харчей — и выбрался через шлюз. За бортом умеренное волнение пылевого моря. Тут мне подумалось: а что, если подружка сейчас рванет с места, скоро ли я стану малопривлекательным трупом? Кислорода-то немножко захватил, чтобы напялить тяжелый антирадиационный халат по прозвищу «презерватив Ильи Муромца».

Когда проходил мимо холодильника-радиатора, померил тепловое излучение — перегрев налицо. Отпер ключом люк, на котором нарисован смеющийся мне череп, поднял циркониево-керамический колпак отражателя, затем торцевую крышку, повращал барабанами управления. Так и есть, спеклись урановые шарики, несмотря на пирографитовую упаковку. Опять же компьютер сплоховал при контроле подачи и вывода из активной зоны сраных этих шариков. Теперь придется самые вредные шматки клещами выкидывать на песочек, а остальное пропускать через сепаратор. Пока я колупался, в мою огорченную голову забрело, что эту заморочку можно устроить, подгадив через компьютер. А когда я ударно ворочал клещами, не раз мысль меня мучила, что за время моего неприсутствия Шошане очень удобно внести поправочку в счисление курса.

Когда я вернулся в кабину, фемка какая-то взъерошенная была, словно замела только-только следы своей бурной деятельности. Я промаршировал к компьютеру — ага, не успела убрать свою пачкотню из архивного журнала! Вот они — прежние контрольные точки и курсовые параметры. Для сравнения я рядышком по-быстрому разместил новые фемкины цифры. Не сходи-и-ится!

Едва все понял, как она влепила мгновенный фемский удар, ногой по среднему уровню, как раз в то место, куда собираешься двинуться. Но я и до этого вполглаза за ней присматривал. Поэтому не сплоховал...

Да как не сплоховал!

Я сделался весьма необычным, совсем не таким как всегда. Человеком-юлой. Нечто похожее я испытал на своей шкуре в пневмопроводе, только сейчас все произошло на реактивной скорости.

Мигом оживилось несколько полюсов, источников напряжения, каждый из которых высвободил свою собственную силу в виде вихревого поля. Появились поля едкие, наступательные, и менее подвижные, плотные, защитные — в общем, плюрализм был соблюден. Они смешивались друг с другом, образовывая множество пульсирующих струй, похожих на кровеносные сосуды. В итоге и слепилось что-то вроде кокона.

Уму — по крайней мере, моему — непостижимо, почему я не очумел, запутавшись в новых ощущениях. Как будто у меня действительно имелся Контроллер, который все преображал в более-менее приемлемый и усваиваемый вид. Он же, по-моему, и дирижировал всем этим делом.

Один из полюсов еще поднапрягся и вдруг резко разрядился. Трах-тарарах, крик «я-а». Кажется, орал лично я, а не полюс. В нескольких «сосудах» энергия забила, как психованная, словно собиралась вырваться фонтанами наружу. Из-за этого движение всех предметов и членов тела вокруг меня изменилось настолько, что башмак фемки впаялся в панель компьютера. Пинок был внушительным, нога утопла. Пока девушка забирала свой башмак обратно, я успел цапнуть с переборки огнетушитель и впаял им по стриженой голове. Вернее по тому месту, где недавно была цель — фемка согнулась с той же быстротой, с какой лопается бутылка с водой, выставленная на меркурианский холод. Вследствие этого ее башка вошла в мое брюхо. Я опрокинулся на пол и тут увидел подметку, опускающуюся мне на физиономию...

10

Я ощущал спиной палубу, даже сварной шов чувствовал — надо мной склонялось ненавистное лицо Шошаны. Прежде чем попробовать ударить ведьму, скосил глаза вбок, освежая знания об обстановке. Что за бурда-муда — панель компьютера цела! Я сел, сунул в рот сигарету — от дыма в голове немного прояснилось. Шошанка была матово-бледной, как пепельница, по ее пальцам гулял тремор.

— Погоди-ка, девушка, ты разве не расквасила ногой компьютер?

— А зачем?

— И мы с тобой не бились как Ослябя и Челубей?

Неужели все такое мне прибредилось, как недоноску, надышавшемуся аккумуляторной жидкости? Но Шошана несколько восстановила мою репутацию.

— Я еще не могу до конца все объяснить. Что-то подействовало из тебя и через тебя. Причем вначале на машину. Ты разобрал реактор, но когда выключил сепаратор, началось, как ты выражаешься, ахинеанство.

На тебя что-то нашло — какое-то вихрящееся марево, видимое даже невооруженным глазом. Если точнее, это было вещество с весьма слабым, не фиксированным излучением, которое полностью заэкранировало тебя. Когда мне удалось прошибить этот экран, я немного разобралась с его возможностями. Он, чем-то напоминая тренажер, выдавал для тебя синтетический мирок. Крохотный, но вполне настоящий.

— Тренажер? — дурным голосом повторил я.

— Он резонировал со страхами в твоей башке. Ты действительно тренировался в чем-то. Эта морока, которую ты снабжал своей энергией, быстро разбухала. Подробности неясны. Однако едва мне удалось перерезать каналы, подводящие твои силы к этому «тренажеру», как экран мигом куда-то запропастился. Правда, и встряска была для тебя достаточно основательной, отчего ты брякнулся в обморок.

Да, кто-то из нас «с тараканами», а может, уже оба.

— Весьма вдохновляет, что ты не ломала компьютер и не вжарила мне головой в живот, но свои страхи я уважаю... Делай со мной что хочешь, бей, принуждай к сожительству — против этого я меньше всего возражаю, — но я не понимаю, как одновременно три системы счисления могут врать одинаково. Ведь ниоткуда взявшийся «тренажер» тут ни при чем.

— Системы счисления не врут, врет пространство, в котором мы движемся.

— Да, Колумб тоже ехал в Индию, а попал в Америку, но он-то не просыхал всю дорогу. В наших полужидких мозгах может быть вранье, в машинах разлад, однако пространство — извините, нечего на него поклеп возводить. Речь ведь идет не о каком-то плюгавеньком аномальненьком кусочке почвы. Еще понимаю, перлись бы мы через Вселенную, сжирая парсек за парсеком, пролетая со свистом мимо черных дыр и жирных пятен... Я уважаю пространство и рассчитываю на ответное уважение с его стороны. По крайней мере, на этой плюгавенькой планете.

Между прочим, я даже не знал, какое объяснение хочу от нее услышать. Первый раз в жизни такое, спина запотела из-за стрессовых гормонов. Пожалуй, мне сейчас больше всего хотелось лежать пьяной мордой в винегрете, где-нибудь в Васино.

— Тем не менее, девиация есть, — отчеканила неумолимая Шошана. — Несколько раз я пыталась в рамках системы симметрий подобрать такой курс, чтобы выбраться из нее. Но все без толку покамест. Оттого и не хотела тебя пугать. А теперь проверяй расчеты. — Распечатка белой птицей пронеслась рядом с моим ухом. — Время, потраченное на движение, становится ничем, оно словно сжирается пространством, делается дополнительным его измерением!

Впервые я видел Шошану, искренне растерянной или, может, потерянной, отчего у нее появились крупицы женской привлекательности. Не побоюсь даже таких слов — звездинки сексуальности. Да, допекло ее подлое пространство.

— Ну, будет тебе, Шошка. Если я правильно тебя понял — что-что, а старость с маразмом и прочие нехорошие проявления времени нам здесь не угрожают корявой клюкой. Пространство их быстренько харчит. А вот на прежнем пути кто-то непременно с помощью бомбежек и артобстрелов довел бы нас не только до маразма, но и до летального исхода. Не дрейфь, с пространством как-нибудь разберемся. Может, чтобы двигаться вперед, надо, например, ехать влево.

— Разберешься с ним. Это означает изменение физики на каком-то очень глубоком уровне, — тон фемки стал совсем плаксивым.

— Глубже атомарного уровня?

— Не ерунди, мент.

— Я не мент, а страж порядка со слегка засохшим менталитетом. Ну так что, глубже элементарных частиц и волн?

— Само собой.

— И субнуклонов.

— Спрашиваешь, лейтенант. Это — *предматериальный*

уровень, понял. Мистикофизики называ́ют его уровнем тонких энергий или протогенов. Оттуда прорастают все остальные уровни. И субнуклоновый, и атомарный, которые уже определяют свойства пространства-времени...

— Постой-ка, я, кажется, угадал. В здешних краях из-за некой херни на предматериальном уровне произрастает нечто вполне материальное, однако не наше, чуждое как простому человеку, так и простому булыжнику. Поэтому континуум и не балует нас знакомыми свойствами. И растет здесь та самая «грибница», на которую ты намекала в прошлой просветительской беседе. В разных аномальных зонах она уже показывала фокусы — устраивала материализации, дематериализации и телекинез, а здесь решила поводить нас за длинные носы. Ай да Тереха, ай да Пушкин, сукин сын — расчухал, постреленок, всю гнусность. Ну, Шошанка, включай теперь на полную мощь всю вашу фемскую организацию, самое время. Тебе, фемка дорогая, сдается мне, будет раздолье. Неужто вам, хваленым симметристам, не управиться с какой-то бестолковой растительностью!

Шошана резко отвернулась, что было опять-таки по-женски. Ура! Нравится ли Шошане это или нет, но в ней затеплилось из-за неудач что-то, приходящееся мне по вкусу.

Меж тем в меркурианской мгле появилось голубоватое свечение. Похожее на множество выпущенных невесть кем голубеньких ниточек. Бахрома, что ли? Кажется, я угадал — это кто-то показывает себя в рекламном свете. Ладно, пусть даже меркурианская тварь. Согласен быть Дуремаром.

Некая игривость, возможно, предсмертная шипучесть настроения объяснялась тем, что не было мне жутко от этой рекламы, напротив, хотелось поскорее двигаться вперед, туда, где ниточек будет больше. Даже сердце сжималось от сладостного предчувствия, в чем я, конечно, не собирался признаваться. Но я видел невооруженным глазом, Шошана боится этой голубизны. И это меня сковывало. Прямо как сладострастника, которого таинственно манит женская попка, но при том страшится он вездесущего исполнительного листа.

Представьте себе, нормальные люди, — дальномер вам показывает, что расстояние до горизонта уменьшилось вдвое и бодро продолжает укорачиваться. Причем даже локаторы улавливают, как стягиваются и сокращаются предметы, которые мы недавно миновали — глыбы и скалы. И настает момент, когда на горизонте замечаем самих себя, причем невероятно разбухших. Мы рассматриваем это «невесть что» словно через огроменное двояковыпуклое стекло.

Вездеход, похожий на «столовую» гору, а рядом с ним две фигурятины, в переложении на нормальный счет — километров пяти в высоту.

— Это напоминает мне картину «Старцы, подсматривающие за Сусанной», — высказал я свое убогое мнение. — Мы, не в бреду будь сказано, наблюдаем самих себя. Только той поры, когда выходили починять первое левое колесо. Пространство, действительно, съело время. Обжорством этим прирастилось, растянулось и стало напоминать горшок или стакан. Коим мы уловлены, как мухи. В общем, мы теперь заэкранированы со всех четырех сторон.

Она опустила голову на панель управления, и плечи у нее задрожали от вполне бабьего плача — ну вот, прорезалось.

— Я понимаю, Шошана, что приятного в этом мало. Мы переводим топливо, растрачиваем запасы кислорода, в конце концов, ползем в глотку какого-то демона, помогая ему сделать ньям-ньям. Но мы ведь вдвоем прокакали игру. И ты, и я. Вот если бы каждый из нас изведал это в одиночку, то было бы куда тягостнее жить и помирать. А так ты жалеешь меня, я — тебя, и мы плачемся друг другу в жилетку.

Я опустил ладонь на ее зыбкое плечо, потом аккуратно перевел стриженную головушку с панели управления — еще нажмет там кнопку катапультирования — к себе на грудь. Затылок, ушки, тонкие косточки висков и челюстей, пульсирующие жилки — все это было такое не супервуменское, трогательное.

— Шошка, ты еще попробуй по законам симметрий связаться со своими.

— Планетное ядро, само собой, тоже заэкранировано. Сигналы не проходят. Симметрия замыкается в этой «глотке», — пробубнила она у меня на груди, даже щекотно стало.

— Может тут что-нибудь взорвать, чтобы там, за пределами «стакана» аукнулось? Стенки бы у него задребезжали и сеструшки, фемянки твои, услыхали и прознали б про нашу беду. Совет предоставлен тебе в данных условиях бесплатно.

Она резко выдернула голову. Глаза у нее были, само собой, мокрые, влажные и теперь из-за проявленной слабости злые, как у зверька.

— Насколько я понял, Шошик, система симметрий универсальна. Если мы даже несколько не в том пространстве заплутали, то все происшедшее *здесь* — если, конечно, бабахнуть как следует — будет иметь отдачу *там*.

— Ядерный мини-взрыв?

— Я люблю другое «мини», но и это мне по вкусу. Двести тридцать пятого урана у нас не так уж много в граммах и процентах, зато не будет возни с субкритическими массами и обогащением топлива. Под лучом гразера все сработает при более скромном количестве и качестве материалов. Килотонну тротилового эквивалента как-нибудь устроим.

Как изготовить мини-атомную бомбу из подручных средств? Если не надо мучиться с обогащением урана, то плевое дело. Я когда-то читал соответствующее пособие и Анима быстро растормошила в голове необходимый пласт памяти. Хорошо, что в бортовом шкафчике покоился робот для слесарных работ. Я обдирал пирографит с урановых шариков, воскрешенный слесаришка укладывал их в брикеты, скреплял проволокой и обматывал отражателем для нейтронов. Потом я втиснул получившийся пакет в расщелину скалы, рядом поставил на треноге гразер, включил, нацелил и бросился наутек. Едва отъехали на пять километров и спрятались за глыбу, как шарахнуло, после чего вырос одуванчик мини-атомного взрыва. Однако не успел он еще подрасти, а уже стал разжижаться и рассопливливаться, будто кто-то тянул из него силенки. Мне даже показалось, что это я его выкручиваю, как мокрую тряпку. Раз — и забултыхалось вместо ядерного гриба что-то похожее на огромную драную простыню, потом куски ее стали утончаться, превращаться в полосы, те в нити — уже знакомого голубоватого оттенка, — последние тоже потаяли. Не осталось ничего кроме длинноволнового излучения. Пространство опять-таки съело потраченное время и горизонт стал еще более тесным.

Шошана была совершенно пригвождена этим фактом, плакала безутешно и всерьез. Стала на время просто бабешкой. А я вроде даже обрадовался, будто собственноручно мини-ядерный взрыв придушил. Даже посвежевшим себя чувствовал, хотелось еще убивать взрывы, хотелось вперед — меня словно примагничивало к истоку чудесных сил. И самому себе было неудобно признаться — весело мне, скорей всего, оттого, что грустно Шошане, что беспомощным стало прославленное фемство. Ведь всего несколько дней назад ей было все известно, в отличие от меня. Я тогда не притворялся щенком, а полноценно являлся им. И самое постыдное — она запросто могла физически подавить меня, шутя вышибить мои «гнилушки».

Но затем я все-таки устыдил себя — ведь фемка при всем желании не высадила мои мозги, напротив, даже заботу проявляла. Потому не хочу быть свиньей, которая радостно

хрюкает от чужой беды. Или ганимедским хищным студнем, который весело чмокает.

Я сейчас чувствую центр притяжения, глотку демона, направление сил, значит, могу сыграть сам. Я должен помочь Шошке и своему делу.

Время, потраченное на движение, превращается в путь, ведущий к какому-то демону, которого мы раньше обзывали тварью, грибом. (Теперь подлец заслужил более горделивое имя.) А непотраченное время во что превратится? Может, оно станет путем выводящим. Не моче- и кало-, а человековыводящим.

Если проглот-демон жадно хавает любой импульс движения и только жиреет за счет него, мы не дадим ему этого импульса. Я не совсем понимаю свои мысли, но нутром, «юлой», чую, что именно так произойдет перераспределение энергии.

У меня в голове такая картинка возникла. Вот мы — вроде паучка на стенке чашки. Он карабкается изо всех сил обратно на край сосуда, но от проявленных усилий только сползает вниз. Почему? Потому что он передает импульс движения поверхности — которая, такая-сякая, заполучив его, еще более искривляется, изгибается в сторону, совсем ненужную паучку. Короче, чашка только глубже делается. А не станет он передавать, глядишь — и спрямится поверхность. Или того больше — теряя энергию, выгибаться начнет в обратную сторону. И паучок, следовательно, благополучно скатится с нее, бяки-раскоряки, с поверхности этой, как с ледяной горки.

11

Мой растрепанный голос метался меж бортов и тонул в квазиживой мякоти подволоки — вместе со словами она впитывала углекислый газ и водяные пары.

— Чего мы, собственно, испугались? Да, прошлое замаячило на горизонте. Ну и что? Вот если бы будущее увидели. Вообще, чем прошлое отличается от настоящего? Только лишь отсутствием энергий.

— Это не факт, — Шошана лениво участвует в навязанной ей дискуссии.

— По крайней мере, не хватает энергии устойчивости, от которой рождаются гравитоны и силы тяготения. Так обстоит дело в привычной нам системе симметрий.

— Сам придумал, лейтенант?

— Ну ладно, прочитал. Пофорсить умом не даешь. Так гласят книги мизиков... А вот если наоборот, если энергия устойчивости, получив соответствующие каналы, начинает спокойно гулять туда-сюда и, например, переливаться в прошлое? Тогда мертвые, нарастив мясо-жир, смело вылезут из гробов, по улицам примутся разъезжать конки и кабриолеты, а дамы наденут фижмы и кружевные панталоны. В общем, прошлое активно влезет в настоящее.

Об этом можно было покурлыкать, глядя, как голубенькие мерцающие ниточки тают, а над нами лениво проползает марево, искажающее показания приборов. Оно было похоже на время, которое, освобождаясь из вражеского плена, на радостях кушает растолстевшее пространство. А когда основательно обглодало его, голубые ниточки совсем погасли, вдобавок сквозь рассасывающееся марево проступили столь приятные ныне глазу очертания горы Череп. Оказались мы ровно на том месте, от которого двигались трое суток. Пока мы таким странным способом вырывались из дружеских объятий демона, меня выручали наркмультфильмы и джин с тоником (таблеток того и другого еще хватало). Шошана довольствовалась леденцами с медитацией, и, по-моему, была просто заторможена, даже подавлена той незавидной ролью, которую пришлось ей сыграть.

— Подумаешь, встретили одно-единственное чудище, которое к тому же быстро рассопливилось, — безрезультатно утешал я ее. — Настоящие серьезные монстры, наверное, треплют его по щекам и обзывают «щенком».

Как надо себя вести, если в одно прекрасное утро ты просыпаешься усатым тараканом или, например, килькой в банке? Наверное, сообразно новым обстоятельствам. У меня это получалось лучше, чем у напарницы. В чем Космика преуспела более всего, так это в превращении человека в нолик, которому как-то до фени, живой он или уже «сморщился». Исполнилась многовековая мечта всех йогов, факиров, монахов и прочих самоистребителей. Тот мужик, который инкубатор для выращивания космонавтов придумал, сделал для освоения космоса больше, чем все циолковские, фон брауны и королевы вместе взятые.

Шошане тоже было до фени, целый ее организм или распался на составляющие. Но оттого, что ее фемство не сдюжило против аномалии, психика ее маленько треснула.

— Шошка, ау, по-моему, нам пора тронуться. Только не в психическом смысле, а в физическом — туда, где мы еще сможем принести пользу державе. Мы сделали хороший крюк в сторону, едва не повисли на этом крючочке,

но теперь пора выбираться на старую дорогу. Искренне надеюсь, что оппоненты уже посчитали нас без толку погибшими и перестали нам заботливо готовить всякие сюрпризы.

Шошана, хоть и насупилась, но безропотно стала искать перемычки между новым и старым путем. Все-таки у этих фемок особое чувство субординации: едва ощутила мое командирство и уже бестрепетно подчинилась.

Конечно, пришлось немного отмотать назад по новой дороге, потом попотеть мозгами, пытаясь вычислить, где на переходе к старой трассе мы всего лишь провалимся, а где — утопнем. В итоге определилось — перед горой Череп свернем налево, затем протиснемся по краюшку каньона Канон, и отважно рванем через низину Шабашкин Суп.

В той самой низине я чуть ли не треть пути перся впереди вездехода, как бурлак на Волге и на трогательной картине известного художника. Вернее, привязавшись к машине веревочкой, бежал на мокроступах впереди брони и определял собственным телом да прибором-почвовизором, где тут есть дорога, а где — жадная меркурианская трясина.

Когда мы с Шабашкиного Супа выбрались, я быстренько прописался в кабине, и со словами «друзья познаются в еде» накинулся на праздничный стол: цыпленок табака в пилюлях и борщ-порошок. Но не успел такой призрачный обед расщепиться в моем желудке, как нас попытался прооперировать лазером какой-то свинтус в вертком вездеходе — то ли очередной наймит наших прежних притеснителей-прижигателей, то ли вполне самостоятельный разбойник.

Я только успел крикнуть: «Мать его за ногу», чем однако перешиб стресс и вместо супрессантов начал вырабатывать кортизол и прочие гормоны бесшабашности. (Чуткая Анима еще и простимулировала этот процесс.) А вот Шошана своим сверхсобачьим нюхом загодя учуяла готовящееся посягновение, вернее, заметила искусственность в естественном пейзаже. Она вовремя поставила вездеход на задние паучьи лапки, поэтому иглы бешеного света прошили не нас, а пространство неподалеку от днища. Оправившись, я заметил, в какую сторону махнула головой фемка и застрочил по врагу из массивного бортового плазмобоя. Если точнее, мыслеусилием развернул ствол и задал автоснайперу сектор битья.

Среди фонтанчиков — там выстреленная мной плазма испаряла камни — мелькнуло искусственное тело и юркнуло в какую-то трещину. Видимо, «огневая точка» сочла себя подавленной и решила исчезнуть по-быстрому. Когда корпус нашей машины из вздыбленного положения опустился

на грунт, то выяснилось весьма приятное обстоятельство — мы целеньки, все члены вместе, и охотники не будут делить наши тушки. И одно пренеприятное — нам подрезали одну «ногу» плюс вывели из строя приводы двух колес. Борт был проплавлен, и металл приводов разлетелся мелкими брызгами. Похоже, что обидчики заодно поковыряли в нашем вездеходе гразером.

— Надо признать, Шоша, что я отлично пострелял, правда, не совсем туда, куда надо. Поэтому продолжение следует... С другой стороны трещины вероломные враги не появились. Значит, затихарились где-то в ней. Небось думают, что мы побоимся их тронуть. Правильно думают, мы боимся. Да только если мы не снимем с их машины недостающие теперь приводы, то барахтаться нашему дружному экипажу осталось недолго. Подъезжать к ним поближе тоже не стоит, лучше прижаться к холмику. Если кто-то шарит взглядом по местности, то решит, что мы улепетнули, поджав хвост и жалобно скуля. А мы все-таки пойдем и лично пообщаемся с ними. Вернее, я пойду. Люблю слушать проникновенные разбойничьи рассказки, они порой вышибают из меня слезу.

— Ты что, не доверяешь мне после всего? — как бы между прочим уточнила Шошана.

— Электроприводы умею демонтировать только я. Кроме того, если один вляпается в историю, то должен быть другой, который придет ему на выручку. Об этом во всех романах напачкано. Согласна? — мне пришлось воспользоваться быстротой своей речи. Я скорость словесного поноса наработал, когда учился за три секунды произносить ритуальную фразу при задержании преступника: «С этого момента каждое ваше слово может быть использовано в интересах следствия». (Надо ведь еще успеть выстрелить, если урка не захочет делиться словами со следствием.)

Грунт здесь был по-особому дерьмовый. Даже в мокроступах нога утопала чуть ли не по колено, создавая впечатление, что шагаешь по овсяной каше. Раза три я плюхнулся в нее, вымазался, облип трухой, зато внешне почти слился с местностью. Наконец добрался до трещины, а фактически до ущелья. Противоположный склон метрах в двадцати, хоть и бугристый он, ховаться там вездеходу негде. А все равно зуб даю на вырывание, что трактор где-то здесь. Ведь никто никуда по бесконечной равнине не удирал.

И тут башка сварила кое-что пригодное для потребления. У ущелья есть дно. У всех ущелий оно имеется. Толь-

ко здесь дно закидано многометровым слоем густой трухи. Ужели или неужели, но сдается мне — совершив очередной разбой, вертлявые злодейчики ныряют на дно и ждут момента, когда можно снова вылезти и напаскудить.

Мой взгляд на вещи посвежел и заметил яму на поверхности трухи — там будто великан по нужде присел. Я принялся аккуратно спускаться по склону, что-то предвкушая. Тут из трухи, как раз в районе ямки, словно башка какого-то длинношеего монстра, выбралась оптическая труба с загогулиной и стала обводить окрестности пристальным взором. Играть в гляделки я побоялся и выбрал самый сомнительный вариант.

Я скатился по склону вниз. Вполне бесшабашно. Думал, что замаскируюсь, спрячусь с головой в рыхлятине, но не забуду уцепиться за твердую поверхность склона. Однако едва погрузился в труху, как ноги перестали держаться на тверди и носки соскользнули с камня. Я понял, что склон тут загибается в противоположную от меня сторону, зона трухлявости уходит под него, а также вниз, причем неизвестно на какую глубину. Заодно скала стала крошиться под моими пальцами. Не успел я чего-либо предпринять и что-то особенно мудрое сообразить, как сорвался с загогулины скального выступа. Меня потащило. Тащило немало, и вниз, и вбок, не встречая моего особого сопротивления, все-таки непреодолимый форс-мажор. Наконец я застрял в какой-то щели, напоминающей ту скальную выемку, в которую древние закладывали уважаемые мумии больших начальников. Что и говорить, заживо погребен. Наверху скала, причем многометровая, где-то сбоку дыра, через которую меня втолкнуло в щель, а за ней толстый слой пыли. Теперь стало понятно, что я предвкушал?

Приплыли — Шошане даже и не догадаться будет, в каком месте мое тело нырнуло, не говоря уж о том, куда его утянуло. Впрочем, и знай она, где я похоронен, все равно выцарапать меня никаких возможностей не представится. А кислорода на два часа. А еды на двое суток. В принципе, этот полезный газ мне даже на два часа не нужен, и через пару суток я вряд ли захочу кушать.

Но я решил еще с часок побороться со злом, не отключаться и не паниковать. Как-то же бандитский вездеход выбирался отсюда! Впрочем, не надо о вездеходе. Для начала лучше немного расслабиться, попробовать и в столь неприглядном месте улечься поудобнее, в позе трупа. Тьфу, опять труп. Лучше вспомнить кроватку в «Мамальфее». Четвертушка века ухнула в прорву, а я отлично ее помню. Она

нам маму заменяла. В пять лет уже было достаточно поводов для нервотрепки, хватало кулачных поединков, а заляжешь в нее, скуля от синяков, и... Мягкий мерцающий свет, воздух с меняющимися травяными ароматами, легкое дрожание постели и голос ласковый-ласковый, с земным акцентом. «Отдохни, птенчик, а то ведь намаялся...» и все такое. Мне с тех пор все голоса неласковыми кажутся.

Так. Прильнуть спиной к скальной породе, ладони прижать к камню, который сверху от меня — эти действа внутренний голос подсказал, может тот самый Контроллер напел. Очень кстати я мамку-кроватку вспомнил. Правда, на какое-то время дремота — очень сладкая дремота — чуть не поглотила меня. Но некий внутренний зуд (не спи, покойником станешь) удержал мое, с позволения сказать, сознание от усыпания. А потом внутри меня что-то зарезонировало с тихими колебаниям скалы. Я это не сразу понял. Вначале просто показалось, что по организму ползают стайки разнокалиберных, но все же мелких мурашек. Зудежно, щекотно.

Однако немного погодя разобрался, что скала похожа на вибрирующий студень с ниточками пульсаций. А эти пульсы словно ниточки пробегают сквозь меня. Скала была куда живее, чем казалось на первый взгляд. В ней имелись всякие пульсации: и очень подвижные, готовые разорваться, и будто раздувающие ее, и похожие на мягкие переливы, и медленные вибрации долготерпения, которые как бы скрепляли камень, не давая ему стать трухой. Этим колебаниям стали отвечать и «подмахивать» мои полюса, которые, гудя вибрациями, все больше давали о себе знать. Я имел дело с иномирьем, миром, подстилающим нашему. Он был глубже молекул, атомов, субнуклонов. В этом иномирье, в какой-то бездне (безымянной, должно быть, или, может, с именем Тартарары), я состоял из того же, что и скала. Мы были как муж и жена в каком-то смысле. (Только не посчитайте меня за тех извращенцев, которые вступают в законный брак с предметами, даже такими эстетически законченными как роботессы.)

Тут я уличил сам себя в подражании умничаньям мизиков и засмущался. Но внезапно подтвердилась древняя мудрость: чтобы хорошо жить, надо уметь вертеться.

Повторились крутящиеся поля из моего пневмопроводного кошмара. Я опять почувствовал себя человеком-юлой. Из полюсов вырвались (как выражались лет триста назад — испражнились) и засвистали вихри. Вихри расплывались

все больше и немного погодя стали быстро плывущими клубами напряженного тумана.

В результате такого крутого торчка я ощутил соколебания со скалой, и, увы, — мне стыдно и я горжусь своей стыдобой — некий вид соития с ней... Если выберусь, подумал я, обязательно сделаю детскую надпись на камне: «Терентий + Скала = любовь да траханье». Она, как пылесос, ласково втянула меня, я распределился в ней, во всех ее внутренних и внешних изгибах. Как говорится, лучше нету того света.

Да, я мог уже сделать любовное признание. Скала была теперь для меня не тупой твердыней, даже не куском студня, а посекундно меняющей очертания зыбкой туманностью. Очень симпатичной туманностью с несколькими полюсами напряженности, которые так приятно щекотали меня со всех сторон. Несмотря на всю очевидную сексуальность моего совокупления со скалой, я не только культурно отдыхал, но и работал. В тумане нашего единения объявились совершенно посторонние малоприятные пульсации. Очень простенькие, почти механические. Кто их посмел источать? Инородное тело? Бандитский вездеход?

Крутя любовь со скалой, я заодно постарался усилить одно из своих полей — самое горячее и подвижное. Тонкие волокна моих пульсаций оплели чуждые вибрации. Я импульсивно, словно народ за вождями, устремился вдоль получившегося проводника, полетел как стрекоза на мерцающих крылышках. А в реальности, резво разгребая рыхлятину, пополз, будто живчик, в глубь скальной трещины, в противоположную сторону от дыры, через которую угодил в этот секс-погреб.

Проводник растрепался было на множество проводочков, я почти растерялся. Но потом оправился, потому что неприятные пульсации четко вели к соцветию пятен в туманности скалы, которые выделялись своей грубой жужжащей наэлектризованностью.

Там, в «зазеркалье», мне даже казалось, что я по-хозяйски закрепился в центре, а туманность скалы прокручивается вокруг меня. Небось, многие праздные зеваки видали на карнавалах, как мальчики и девочки переступают ногами по внутренней поверхности здоровенных пластиковых пузырей, отчего те вращаются и катятся. У меня именно так и получилось, только без всяких денежных затрат.

Потом зрение мое переключилось из мира полюсов и пульсаций в наш обычный-сермяжный. Опаньки! Я уже в тоннеле, закорочённом с двух сторон завалами из трухи и

щебенки. В нем стоял вездеход, тот самый, бандитский. Значит, пока я там занимался пульсациями-фигациями, тело мое ухитрилось протиснуться под скалой туда, куда надо, и добраться до полости, в которой устроили моторизованные урки свою малину.

Когда я по-пластунски уже стал пробираться к вездеходу, чтобы незаметно угостить его гранатой под колесо, он двинулся вперед, из туннеля. И вся куча трухи словно расстегнулась перед ним! Я вначале изумился, а потом врубился — из пещеры на поверхность планеты тянется кишка, наполненная металлорганическим гелем. В нужный момент под влиянием электромагнитного поля или субнуклонового импульса гель меняет свое аморфное, сопливое состояние на самое что ни на есть жесткое, отчего вялая кишка становится крепкой трубой.

Я осторожно потрусил следом. Однако «прямая кишка» мигом затвердела, вездеход промчался по ней, выскочил из «ануса» и стал карабкаться на склон ущелья. Тут уж я рванулся с такой скоростью, будто у меня в штаны было наложено много динамита и кто-то поднес фитиль. Но по дороге сообразил, что не успею добраться до склона прежде, чем кишка схлопнется. А в запасе только ракетница с одной управляемой ракетой.

Я своевременно прочувствовал одну из пульсирующих нитей, которая связывала мой самый горячий полюс и жаркое расщепляющееся сердце вездехода, жужжащее сейчас как рой свирепых ос. Резкими мыслеусилиями я намалевал ее в виде линии на прицельном экране моего хайратника — теперь это траектория наведения ракеты. Оставалось только пустить реактивный снаряд.

О, чудесное мгновение! Подбитый вездеход вздрогнул и пустил дым из под днища. Он еще недолго пытался ползти, потом застыл на склоне, слегка шевеля лапками, как смертельно раненный таракан. Когда я подлетел поближе, рассчитывая положить гранату прямо на люк, отверстие разверзлось самостоятельно и оттуда вместе с клубами пара выпростался мужик. Я навел на него пустую ракетницу, он, искренне удивившись, выронил свой плазмобой, который мигом перекочевал ко мне.

— Вовремя ты нас застукал, — сипнул пленный в переговорник, — нас как раз сраный пробойный ток шарахнул.

— Это я вас шарахнул, только попробуй назвать меня сраным. Есть там в скорлупке кто-нибудь еще?

— Напарнику, его Людмилом звали — полный каюк.

Переборка лопнула, и ему в спину влезла раскаленная арматура. Когда он уже околел, полился литиевый кипяток. Сейчас там настоящий суп.

Я подобрал пушку мужика-разбойника. Плазмобой, причем дорогой, с автоматическим улавливанием сразу дюжины целей, успевай только поворачивать ствол, чтобы совмещались на экране хайратника прицельный вектор и перекрестье, помечающее очередную жертву.

— Ты зачем стрелял по моему вездеходу, дурной? Персональный заказ имеешь на мою персону или всех так привечаешь? — решил уточнить я.

— Стал бы я из-за персонального заказа берлогу в столь негостеприимном краю рыть. Живу я этим, тут ведь регулярно кто-нибудь проезжает. Двух пропущу, третьего проработаю.

— В общем, честный разбойник. Целых двух из трех пропускает. А мог бы всех трех порешить, ведь любимая работа не утомляет. Прекрасный пример для юношества. Ладно, двигай, мне за автогеном пора, кое-какие излишества сниму с твоей колымаги. Она ведь тебе больше не понадобится. Так что, попрошу вперед, только без резких движений, они меня очень нервируют.

Захваченный в плен мастер скверных дел стал послушно карабкаться вверх. За ним с пыхтеньем — я. Когда до края обрыва оставалось меньше метра, он вдруг поскользнулся и поехал на животе вниз по склону. В тот момент, когда его сапог оказался — если прочертить нормаль к поверхности — на уровне моего шлема, пленник запаял мне каблуком по «чайнику». Сообразно силе пинка, я был брошен в никуда. Руки оторвались от камня, тело выписало дугу большого круга градусов в двести. После чего я ухнул вниз по склону, но резко выкинув вперед раскоряченные пальцы, смог затормозить. Пока я этим занимался, разбойник выдирал оказавшийся у меня под боком плазмобой. Когда мне удалось привстать, упершись ногами в какой-то уступ — оружие закрепилось уже в руках счастливого пока что соперника. Ах, зачем я не захватил с собой лазерного ножика — думал, что помешает, а ведь помог бы.

Сопернику повредило лишь то, что он находился слишком близко от меня, причем в неустойчивой позе. Поэтому он не сразу развернул в мою сторону метровый ствол. Пока наводил, я поймал дуло рукой и опять-таки отвел в сторонку. А разбойный мужик по инерции мышления выстрелил, отчего был отдачей опрокинут на склон, по которому еще и съехал вниз. На этот раз его шлем оказался близко

к моей руке, та случайно подхватила каменюгу — если точнее, кусок свинца — и сыграла им по забралу. Вообще-то эта стекляшка делается из очень прочного сплава, однако по моей руке как по шлангу пробежала пульсация от одного из полюсов. Она выжала из камня темную энергию, которая и влупила по стеклу... Короче, забрало треснуло и, следовательно, разлетелось.

Не в первый раз я видел как кончаются люди, столкнувшись один на один с разреженной атмосферой Меркурия. Как, налившись кровью, лопаются глаза, как сочится сукровица сквозь кожу, которая вскоре трескается, будто кожура гнилого фрукта. И пусть разбойник был гадом-сквернодело́м, я бы рискнул ему помочь, имейся хоть какая возможность. Ведь я не из тех, кто тащится от чужих неприятностей, вдобавок, кодекс кшатрия рекомендует (но все-таки не обязывает) лишать врага жизни наиболее благородным образом. Но возможность отсутствовала. Впрочем пострадавший бандит почти мгновенно расстался с сознанием. Я и себе такого хочу. Это лучше, чем попасть на обед в виде блюда некоторым нашим муташкам, которые кушают своих сограждан именно живыми и недовольными. И не ради полового удовлетворения, как земные садюги — наши людоеды в этом отношении невинны. Им просто нужны гормоны и витамины, что имеются лишь в живой, громко кричащей еде.

После такого неприятного инцидента я поспешил вверх по склону и, перевалившись через его край, почти бегом направился к родной машине — несмотря на нехватку кислорода, творящую звон в ушах и темные пузыри в уме-разуме. Влетаю в кабину, а Шошаны нет там. Ну и сюрприз — докатились! Я подвел вездеход поближе к ущелью, и хоть измочаленный весь, нацепил новый кислородный баллон и отправился ее искать. Лишь бы ей не сверзиться в эту труху. Я против этого голосую всеми руками и ногами.

Не упала ушлая Шошана, нашел я ее возле того мужика. У него, конечно, замерзшее месиво вместо лица, а она сидит рядышком.

— Шошка, уж не принимаешь ли ты его за меня? Я еще «не того». И, конечно, не стану возражать, чтоб заупокойная молитва, предназначенная мне, досталась ему.

— У него даже Анима не откликается... А ты сволочь, — выговаривает она искренне, впервые с некоторым чувством, — поганка. Разве можно так надолго сваливать в туман? Пока я ждала тебя, у меня даже суп прокис.

Я тут вижу: печаль печалью, а автогеном она аккуратно

уже два электропривода срезала. Ну, ладно чего с них, фемов, взять, они же машинообразные.

Когда мы тело невезучего разбойника, раскачав, предали трухе, и все дорогостоящее с его трактора сняли, и в виде трофея унесли, и замену электроприводов закончили, и вернулись в рубку, то так уютно стало, что я даже зажмурился. Растворил себе таблетку ирландского виски, из заначки достал сигару лучшего марсианского табака, затянулся. Шошанка села на палубу, облокотившись спиной на бортик моего кресла, а коленки обхватив руками — ну прямо семейная картинка. Тут я у нее все-таки поинтересовался:

— Ты от чего больше опечалилась-пригорюнилась? От моего плачевного, как тебе казалось, финала или от срыва выполнения важного задания вышестоящих товарищей?

Заметно было, что у нее проблемы. Наверное, поэтому она призналась честно. (Или, наоборот, увильнула в сторону.)

— Что-то со мной неладное после той аномальной зоны, Терентий. Ты после нее как-то окреп, а я по контрасту квелая стала. То, как я сейчас себя веду, — это не фемское поведение.

— Может и не типично-фемское, но зато почти людское. Хоть иногда переключайся на общечеловеческое начало — оно тебе идет, к лицу, так сказать. Я не хочу знать, как там с любовью обстоит в вашем коллективе — мне, чувствую, такое знание не понравилось бы. Однако мы сейчас с тобой кукуем вдвоем или, вернее, ведем совместное хозяйство, как испокон веку, как сто и тысячу лет назад заведено было. Кстати, ты отлично готовишь, в смысле растворяешь пищевые пилюли. Ну, хотя бы притворись, что тебя это устраивает — ведь приятно же, когда можно на кого-то положиться. Шошана, положись на меня.

Я опустился рядом с ней на палубу и, чего-то вдруг осмелев, приобнял фемку за плечи. Нормально, есть контакт! Тогда еще один шажок вперед.

— Не бей меня, Шошана, пожалуйста, в челюсть после того, что я сейчас сделаю.

Для начала она промолчала. Полумрак скрадывал резкость ее черт, а может, они мне уже не казались такими резкими. Я погладил ее стриженный затылок, волосы были жесткие, колючие — впечатление такое, что приголубил ежика, — но в ладонь приходило тепло. И я рискнул — приложился как следует к ее губам. По краям они были жесткие, но в середке и вглубь мягкие, даже ласковые. Секунд через десять она меня отпихнула.

— В челюсть бить не буду, но по кадыку могу запаять, мужичок. На мой взгляд, все это — половое извращение.

— Не настолько это напоминает половое извращение, чтобы ломать адамово яблоко. Вот недавно я сожительствовал со скалой — и то ничего. То, чем мы с тобой занимаемся, вполне легитимно. Так и было всегда, чтобы там ни плели фемы. Я испытываю к тебе того глубокого чувства, которое почему-то называется любовью. Прошу считать это за признание.

Я просунул руку ей под куртку. Это был ответственный момент. Ситуация казалась практически смертельной. Я невольно вспомнил картинки из видеокнижки — мускулистые самочки разных насекомых — богомолов, скорпионов и прочих вредных тварей — пожирают без зазрения совести своих хиленьких дружков. Иногда прямо после признания в любви. Одна моя рука была занята, другая прижата к боковушке кресла. Фемка же двумя своими (вполне свободными и умелыми) руками могла бы мне мигом свернуть голову, как куренку, или резким тычком расплескать живот. Действительно, на какой-то момент она напряглась, я почувствовал ее необъемистые, однако стальные мускулы, но потом напряжение ушло.

Шошана признала за мной право, у таких дев-воительниц это означает, что она посчитала себя проигравшей какое-то сражение. Кожа у нее была гладкая и прохладная, а известные выпуклости все же больше, чем казалось при наружном осмотре. Я, стараясь не делать резких движений, сволок с нее одежку. В общем выяснилось, когда я процесс ее разоблачения завершил, что она — ладная девчонка. Ножки-ножницы, как у куклы Барби, талию будто затянули изо всех сил невидимым ремешком. Пальчики Шошанины мне всегда в кайф были — длинные и узкие, такими не только душить, но и ласкать удобно. Даже обидно стало, что девчата-фемки имеют головенки, забитые всякой коллективистской гадостью, и не хотят радовать ребят. Впрочем, понятно, что ребята у нас, в основном, мудаки. Она его приласкает, а он, освоившись, станет блевать на пол или там воздух портить, или заставит ее стирать свои задубевшие носки.

И в самом главном межполовом деле Шошана отчасти разбиралась — может, потому что хорошо знала анатомию. Однако проявляла она в этом деле известные принципы. Никакого излишнего разврата — так, наверное, ведут себя королевы и валькирии.

— Однако, как сказали бы синоптики, зафиксировано

выпадение годовой нормы греха для этой местности, — подытожил я.

После столь тесного времяпровождения я изрядно повеселел, а она, пожалуй, помрачнела.

— У тебя такой вид, Шоша, будто ты собираешься без устали посещать венерического доктора Пенисмана или уйти от своих фемов в декрет. Что касается первого, то я, как любой приличный полицейский, обхожусь без «зверюшек». И от второго варианта не трепещи. Даже если мы заведем эмбриончика, его вырастят добрые дяди-аисты в пробирочке, когда мы, конечно, заплатим. Радуйся, я — твой. Теперь у нас немного больше привязанностей, чем полагается в «атомарном» мире нашей Космики.

Но она не сказала: «А я твоя», она призналась совсем в другом.

— После той ловушки, в которую мы влипли за горой Череп, ты, Терентий, меня подавляешь — хуже не бывает.

Я взъерошил волосы и поправил ковбойский платок на шее.

— Значит, я парень хоть куда. Эта тема достойна пенья и танцеванья. Особенно со стороны девушек.

— Не суетись. Подавляешь отнюдь не физически и даже не умственно. Понимаешь, все фемы соединяются меж собой с помощью нескольких центров симметрии. Так вот одно важное соединение сейчас утрачено, и затухание синхронной пульсации — это такой канал связи — происходит именно из-за тебя.

— Тебе не надоели эти все соединения, единения, объединения? Подумаешь, одним соединением стало меньше. А вдруг это в тебе индивидуальность просыпается? Без твоих симметрий тоже жить можно, причем припеваючи. Если тебе покажут на дверь в твоем родном коллективе, придешь трудиться на пару со мной в полиции. Если меня, а заодно и тебя, выпрут без выходного пособия из полиции, переквалифицируемся в старателей. Поднакопим деньжат — по-моему, у нас это получится, если подрабатывать иногда на большой дороге, — плюнем на этот сраный Меркурий и поселимся где-нибудь на Марсе, на худой конец, на Ганимеде. Знаешь, какие там пейзажи...

— Ты балбес непонятливый или артист, умело придуривающийся? Мне или на Меркурии жить, в системе всех необходимых мне симметрий, или нигде. Жрачка покрывает мои энергетические запросы только наполовину. Я уже сейчас пробавляюсь аккумулированными запасами.

— Ладно, Меркурий не сраный, а весьма милый, осо-

бенно в хорошую погоду. Он мне тоже очень нравится. Я его, между прочим, уважаю — он маленький да удаленький. Вернемся в Васино, найдем фемскую бабку-знахарку, она тебе все симметрии мигом наладит. Если даже не желаешь отрываться от своего коллектива, будем просто встречаться. Ходить вместе в кино на утренние сеансы, на елку, целоваться украдкой в темных дурно пахнущих углах, вроде завода по производству протоплазмы.

Но ее не так-то просто было уломать, она даже перешла в наступление — рефлексы, наведенные здоровым коллективом, держали ее похлеще ручных и ножных кандалов.

Я сосал джин с тоником, а она стучала кулачком — я отлично знаю, какова его убойная сила — по переборке.

— После аномальной зоны, Терентий, в тебе, именно в тебе поселилось или же возбудилось зло. Что-то внедрено в тебя, может быть, спора, эмбрион той самой твари.

Стоп, парень. Не вздумай купиться на эти заклинания. Не дай себя опустить. Фемки, может, чего-то и умеют, но в первую очередь они — сектантки. А это означает неустанные поиски врага и параноидальный уклон. Я признаю странные явления в природе, на них можно кое-что списать, но не собираюсь превращаться в какое-то пугало. Если даже это для кого-то удобно.

— Ну здрасьте, приехали. Споры, эмбрионы... глисты, аскариды, да кого они должны волновать, кроме меня. Я тебе подыгрывал, но пожалуй, хватит. С аномалиями пусть физики да мизики разбираются, а нам в полиции неважно, что там в заднице у преступника зудит. Нас интересует, где, когда и как он совершил преступление. На караван с гафнием не эмбрионы налетели, а народец, жадный на легкую поживу. Дыня с Нуром не споры, а просто некачественные людишки. Отнюдь не сперматозоиды сидели за штурвалами бомбардировщиков и разбойничьего вездехода.

Фемка, кажется, немножко паниковала, оттого что я не хотел укладываться в прокрустову раскладушку ее объяснений.

— Но то, что внутри тебя, оно живет, фурычит. Его вибрации экранируют меня.

— Мне тоже чьи-то вибрации не нравятся, но я ж не стреляю без промаха в того, кто их пустил. По-моему, просто пробудилась от спячки колдовская наследственность, доставшаяся мне от дедушки-шамана.

Улыбка проползла по ее щеке, во второй раз за время нашего знакомства. А я продолжал наяривать:

— Какой бы там лапши вам ни вешали на политзаня-

тиях, Шошана, но по-нашему, по-мужицки, зло — понятие относительное. Я ведь не стал злее по отношению к тебе. И, мне кажется, жизнь отдать готов за тебя, причем свою.

— Мы, уважаемый шаман, до семи лет живем в так называемых материнских камерах. Там многое происходит само собой. Когда нас выпускают оттуда, то все вокруг кажется большой дрянью. Причем очень долго кажется, до самой смерти.

12

— Вот она — долина Вечного Отдыха. Похожа на ложку. Только какое-то время назад эта ложка зачерпнула нехорошего дерьмового варева. Похоже, что нас нынче ждут — не дождутся с хлебом-солью, чего, однако, не было в прошлый раз, когда я приехал не с тобой, а с Мухиным и прочим ОПОНом. Но их с тобой и сравнивать смешно.

Несмотря на пылевую завесу я различаю заграждение — цепочку тракторов, которая протянулась поперек тракта. В любом случае придется с заградотрядом поздороваться.

Цепь была настроена воинственно, даже с приличного расстояния проглядывались серебристые дула плазмобоев. А мы будем демонстративно миролюбивы. Я остановился метрах в десяти от ближайшей машины. Ни в одном диапазоне заградотряд со мной общаться не захотел. Приглашают, значит, на выход. Я без особой охоты напялил скафандр, из оружия ничего, кроме маленького лазерного ножика да пары плоских гранат не взял. Если и пригодятся боеприпасы, то только незаметные. Когда я выбрался в сумерки, один из вездеходов, вернее, прицепная кабинка, просигналил мне.

Внутри нее сидели трое господ в довольно скованных картинных позах и еще двое мужланов строго стояли со сквизерами. Эти двое хотели было отцепить у меня пушку, но я демонстративно развел руки и заулыбался, показывая, что дружелюбен и миролюбив. Среди встречающих был шериф Кравец, у которого теперь растекался синяк на оба глаза, но по счастью отсутствовал пахан дядя Миша, которого мне пришлось обидеть в прошлый раз. Физиономии присутствующих не вызывали бурного оптимизма, напротив, от них хотелось взгрустнуть.

— Ну, представь, меня, шериф, публике, — тяжко вздохнув, вступил я в игру.

— Пару недель назад этот тип был лейтенантом поли-

ции из Васино. Кто он сейчас такой, я не знаю и знать не желаю.

Кравец, судя по широкой фигуре типа «шкаф», родом из питомника «Берлога», что на Титане. Как, впрочем, и Мухин. Там, во-первых, не умеют давать малькам приличные имена, а во-вторых, накачивают их мускулатуру искусственной тяжестью. Оттого Мухин с Кравцом такие внушительные на вид. И негибкие умом.

— Фу, какой моветон. Шериф, так не принято в высшем свете, — напомнил я. — Это еще хуже, чем пускать ветры при дамах.

— Ты лучше молчи, пока не спросят. Это будет полезно для твоего здоровья. Давай-ка свою персональную карту, — устало сказал густоусый человек, находящийся во главе стола. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять — он тут главнокомандующий.

— А, мент, к тому же не при исполнении, — недружественным тоном произнес усатый командир, пропустив мою карточку через идентификатор.

— Если точнее, в отпуске. Кроме того, я не из «Дубков» или «Вязов», а из префектурной полиции, — голос мой завял от безнадежности.

— Да все вы одной какашкой мазаны. «Дубки», «Вязы», префектура... — глубокомысленно произнес командир. — Думаешь, отпуском своим нам головы заморочишь. Не на тех нарвался, синьор помидор. Так вот, если в течение часа не уберешься отсюда, я тебя велю расстрелять.

— Мне почему-то всегда казалось, что меня велят повесить... Послушайте, генерал, я уважаю ваши решения, ваши законы и даже красивые старинные обычаи, но мне не хватит кислорода и воды на обратный путь. Я рассчитывал прикупить здесь.

— Значит, тебе не повезло. Ты не в магазин попал. Я все сказал.

Хоть садись в трактор и тарань всю эту шеренгу дураков в лоб.

— Почему ты не хочешь растолковать мне причину такого недружелюбия, командир? Я ведь пригодиться вам могу не только в виде высохшего трупа. Я поспешил сюда пару недель назад, потому что хотел вычистить все гадство из вашей долины. Так мне тут никто слова по-доброму не сказал. Своих покрывали, да? Мол, хоть и бяка, но своя.

Ну и кого покрыли? Эта история, в которую влипли ваши озорные и вороватые ребятки, не поперхнувшись, сжевала их, как карамельки. Кому вы навредили, чудаки?

Мне? Посмотрите в мои проницательные глаза... не отводите взор. Я единственный, кто может с этим мокрым делом разобраться. Потому что «Вязы» с «Дубками» здесь крупно порезвились, в том числе потанцевали и на старательских косточках.

— И «Вязы», и «Дубки»? — Шериф даже привстал.

— Сядьте, Кравец, вы не на стадионе. Просто кому-то надо, чтобы Совет Уполномоченных, широкие и узкие народные массы не узнали о тайне долины раньше времени. Поэтому кто-то расследование мне перекрывает и на пути сюда пытается угрохать. Вначале налетают коптеры и хотят сделать из меня цыпленка табака своими бомбушками, когда же я выписываю огромный крюк и снова возвращаюсь на старую дорогу, то меня ковыряют стокиловаттным газером. Посмотрите на заплаты моего трактора. Ну, неужели я только врагам нужен?

Общество над чем-то задумалось, возможно, о сроках расстрела.

— Все-таки без кислорода и воды тебе хана, поэтому тебе есть резон красиво говорить, — проницательно, как ему показалось, заявил густоусый.

— Машину мне сделал механик Филимон — которого я в свое время спас от вязовской пули, безвинно заточив в тюрягу — у этого трактора мощность на треть выше среднестарательской — реактор-то кипящий. И вооружения у меня хватает. Так что, если припрет, я смогу одолжить у первого встречного и кислород, и водород. Но я хотел бы пообщаться с парнем по имени Дыня. При умелом подходе он стал бы многословен, как Шахерезада, и просветил бы нас во многих вопросах.

— Скажи ему, командир, — неожиданно вмешался Кравец со своим протежированием, — скажи лейтенанту. Он, действительно, страдалец, потерял здесь три машины и угробил половину своих опоновцев. И кстати, не такой гад, как все остальные в этой самой префектурной полиции.

«Не такой гад» в данных условиях выглядело почти комплиментом. Усатый, недолго пожевав волоса под носом, показал мне на стул.

— Садись уж, коли пришел. Действительно, видели тут одного наглого мутанта, с башкой-дыней, еще из себя расследователя корчил. Нет, пожалуй, ему бы подошла кличка Арбуз, он был зеленый, как человек, полежавший недельку в пруду. После того как он здесь пофланировал, нам вообще невмоготу стало. Накрылись все наши экскаваторы, буры и прочая техника. В основном, усталостный износ и

электрохимическая коррозия, но в каком-то диком виде. А потом гафния не стало. Только железо и калиевая соль. Например, вчера копали гафний, потом пробежались какие-то голубые огоньки — и одна ржавчина под ногами лежит. Я где-то читал, что такое бывает от импульсов мощных субнуклоновых генераторов, которые атомы перепаивают, но тут же ничего подобного.

В этот момент лампочки внутри фургона замигали.

— Тьфу, опять электрогенератор скис, — сплюнул третий из сидящих за столом. Коренастый и жилистый, как пенек. — Опять унитаз лишь от педалей работать будет.

— Все время заморочки с электрогенераторами, потому что в обмотках какой-то запирающий слой образуется и, само собой, начинается быстрый разогрев. Принялись было питаться от термопар, один кончик суем в реактор, другой на холодок. И опять не то — урановое топливо перестало тепловые нейтроны давать. Это уж вообще ни в какие ворота не лезет. Вместо нейтронов — пфуканье и лучики света, от урана двести тридцать пятого (сто мозолистых императ за грамм отдавали, кстати) свинец один остается, которому красная цена — тощая имперка за килограмм. Аккумуляторы разряжаются, будто какая-то пиявка несносная из них весь заряд выпивает. А на улице пробойный разряд так и норовит ударить тебя в пятку. Усек, легавый? И чем ближе к прииску «Дубков», тем больше этой срани, — унылым голосом рассказал усатый, как будто даже удивляясь, зачем он вообще толчет воду в ступе невесть для кого.

— И вам, наконец, это надоело. «Доколе?» — воскликнули вы и, расправив плечи, отправились на прииски для крутой разборки. Разве не так было? — Я решил проявить ментовскую прозорливость. — Я вас не знаю, что ли?

— Разобрались... Отправились туда кодлой в двадцать человек, думали, разметаем все... Мы даже не добрались до прииска, и половина вообще домой не вернулась.

Тут уже все присутствующие не выдержали и заголосили разом:

— На хреновую карусель попали... Там еще такая голубая дымка была... Едешь в одно место, а попадаешь в другое... Назад уже тронули, а все равно из круговерти не выбраться... У кого мотор заглох, тот и выкарабкался, а кто очень старался, того и след простыл... Вот вам и Дыня...

— Цыц! — густоусый показал, кто тут хозяин.

— Знакомая песня. Прелести аномального движения мне как-нибудь известны, — поддержал выступающих я. — Тоже попался, только у лукоморья Старательских

слез. Вывод напрашивается, господа старатели — кто-то умело этими аномалиями пользуется!.. Ладно, чувствую, что растопил ваши каменные сердца. Где можно остановиться?

Немного смутившись своим переходом от роли главаря расстрельной тройки к душевному собеседнику, чуть ли не собутыльнику, густопсовый забормотал:

— Чуть левее курса, по которому ты пилил, в пяти километрах отсюда есть скала по имени Две Титьки. За ней склад. На замке входного шлюза набираешь пароль «восход». Диктую по буквам: Ваня, Озирис, Сарданапал, Хуй-Нэн...

— Принцип понял, дальше не надобно.

— Там возьмешь, что тебе нужно, только не забудь в кассовом аппарате след оставить... Ты — один?

Неприятный вопрос. Надеялся, что обойдется без него.

— Я с напарником.

— Давай его персон-карту.

— Это — фем, — решил предупредить я, словно был хозяином большой злой собаки или, скажем, полуручного удава.

— Только такого напарника нам не хватало. — Выражение лиц у всех присутствующих было сродни тому, что бывает при внезапном недержании мочи.

— Что делать, командир. Мы выбираем, нас выбирают, — пустился в уговоры я. — Однако фемы на нашей стороне. Они отнюдь не в друзьях с этой голубой дрянью, которая всех нас в оборот взяла. Кроме того, они минимум три раза поспособствовали моему пребыванию в списках живых. Может, эти брутальные бабы и задумали что-нибудь нехорошее насчет мужиков; например, отобрать у нас все яйца и записать в свои ряды. Но сейчас без них с голубой заразой не управиться.

Командир с минуту, казалось, прогревал мыслительный аппарат под озабоченное сопенье остальных.

— Ну ладно. Мы или крупно просрем с тобой, или крупно выиграем. Поезжай с фемом, с кошкой, с крысой, с кем хочешь.

Я вернулся в свой трактор и сообщил довольно напряженной подружке:

— Расслабься, свои люди. Очень обрадовались.

Шошана поскребла меня «наждачным» взглядом.

— Это вы так долго обо мне говорили?

— Мы так долго о тебе мечтали.

Через полчаса склад, наконец, прорисовался на мониторе. Хотя Две Титьки скорее напоминали пару зубов.

Впрочем, понятно, в какую сторону работает фантазия у обитателей долины.

— Шоша, я сейчас в пакгауз за баллонами. Лучше не откладывать это до утра, потому что, кто его знает... в общем, хватай, пока дают. А ты здесь посиди, у кассы, потому что не дамское дело баллоны таскать.

Я развернул машину бортом к складу. Место это не слишком понравилось — многим известно, что я здесь побываю. Потому хотелось поскорее. Проскочил через бортовой шлюз, затем, проваливаясь и озираясь, почесал по насту к двери склада. Скоренько, но чин чином набрал код на замочке, преодолел один люк, затем другой. А когда уже сделал шаг навстречу припасам, какая-то дрянь набросилась на меня сверху и сзади. Что-то вроде мускулистой сетки или сплетения питонов. Локти были моментом прижаты к животу, ладошки к забралу, пятки к заднице, коленки к груди. Комочек какой-то из меня получился. Потом то, что напало, змеиный узел этот, пару раз шмякнул мной об пол. Когда я снова стал шевелить членами тела и мыслями головы, то сетки уже не было поблизости, но чувствовался раструб плазмобоя, приставленный к моему шлему в районе застежек.

При пальбе голова оторвется, и горшок шлема можно будет снять вместе с содержимым. Да уж, стоило торопиться навстречу такой процедуре.

Свет неторопливо залил помещение и послышался голос вполне знакомый. Я вспоминал недолго. Это был пахан долины Вечного Отдыха, Михайло Потапыч.

— Я так и знал, что ты вертанешься, — начал он сладким голосом Серого Волка из мультфильма.

— Что это было? — выдавил я, страдая от сотрясения. — Электрорезиновая или квазиживая сетка?

— Это совесть твоя была.

Он уселся на табуретку, не снимая меня с прицела, мне же предложил под седалище достаточно удаленный ящик, до которого я еле добрался. Физиономия у него действительно переменилась. Не знаю, в добрую ли сторону. Но хищное выражение вместе с частью щечных морщин, каковые образуются от жевания, снялось.

— Уж я теперь тебя с мушки не спущу, знаю как-нибудь твои ухватки, — елейным голоском продолжал собеседник.

— Решил поквитаться, дядя Миша?

— Да, прилично ты меня отоварил в прошлый раз. Но я и раньше не был кровожадным. А теперь вообще завязал.

— Что случилось с твоим мировоззрением, Михайло Потапыч? От чего рассиропился пламенный мотор? Почему ты отказался даже от некрофильства?

Взгляд его стал еще менее цепким, даже начал таять в пространстве.

— Над Меркурием солнце всходит, Терешка. Иное солнце. Которое сеет семена Новой Жизни.

Видал я уже таких жлобов. Поживут они, так сказать, страстями, самыми что ни на есть грубыми, потом у них что-то заекает в прямой кишке или зазудит в носу, и бросаются они с прежним рвением, только не губить, а спасать душу. Чужую, конечно — своя душонка-то быстро превращается из дерьма в конфетку, едва они кончают пить с утра пораньше, сморкаться на пол и поминать чужую матушку сомнительным словом.

— Да ты в проповедники ударился, дядя Миша. Сладкие песни запел. Как там у поэта: «Вдруг у разбойника лютого совесть Господь пробудил».

— Зачем мне рисовать красивые картинки, если и в тебя это семечко заброшено, — не обращая внимания на мои происки, поведал экс-пахан, — оно наверняка тебе уже помогает строить и жить. Но его проращивать еще надо, живой водичкой окроплять. А та фраерская кодла, которая тебя встретила в долине — просто булыжники, на них зерну не взойти.

Как бы мне выяснить, отчего он вслед за Шошаной мне про какое-то осеменение талдычит, фанат-сектант ли он бешеный или просто игрок? В первом случае Михайло Потапыч будет взахлеб декламировать свои дурацкие теории, а когда притомится, то пришьет меня. Во втором покажет, какой наживкой удовлетворится.

— Складно историю травишь, дядя Миша, надеюсь, что подпишешься под всеми словами. Правда, на мой взгляд, живая вода — это то, что крепче девяноста семи градусов. Я только не понял, сколько у твоей Новой Жизни ручек, ножек и где она прописана. Кстати, почему она так пренебрегает булыжниками? Сгребла бы их в кучу, да как следует побрызгала бы живой водой. Глядишь, и эти несносные каменюги будут облеплены Новой Жизнью, как гнилой помидор плесенью.

Зубы я заговариваю, баки забиваю, а сам пошныриваю глазами и мускулами незаметно двигаю. Но пока нырнуть некуда, фанат ли он, игрок ли, а раскурочит меня на мелкие кусочки своим верным плазмобоем. Еще где-то в уголке зверская сетка своего момента дожидается. Но пока что этот позер меня вежливо просвещает:

— Новая Жизнь может нас всех в два счета захоботать. Захочет — и сразу подключит. Только от нас в таком случае мокренькое место останется, трупный материал, пшик один. К Новой Жизни надобно добровольно приближаться, что говорится, без повестки, по зову сердца.

Кривая рожа его посветлела, значит, все-таки фанат-сектант.

— И останется только скомандовать «ать-два».

— Новая Жизнь — не начальник большой, не вождь, она — сумма, то, что получается в итоге. Только она способна приручить косное подлое вещество. И камни, и скалы, и пыль, и твердь станут теплыми, живыми. Своими станут. Усек, парень, какая культурная жизнь начнется?

Убедительно, ничего не скажешь. Это еще надо разобраться, почему демоны частенько воркуют о том же, что и ангелы.

— Будем считать, что ты меня сгоношил, что все, сказанное тобой, гнусная правда. Обязательно сяду на грядке и стану прорастать в себе семя, хотя это довольно противно звучит. Но, может, сейчас нужно что-нибудь оперативно совершить для пользы общего дела? Не требуется подложить мину под штаб старателей? Или свистнуть у них кассу-общак?

— Зачем шкодить по-мелкому, начальник? Да эти фрайера с бурилками сами сгниют в тени нашего единения. Не это ты должен. Ты обязан сбагрить мне фемку.

Вот так номер. Сексуальный уклон.

— Да ты бесстыжий, Михайло Потапыч. Чутьем, достойным лучшего применения, почувствовал близость пиписьки. Решил потрахаться перед Междупланетным Днем Старателя, предварительно усыпив объект страсти снотворной пулей, чтоб он тебя не лишил мужского естества одним движением промежности. Вот какая в тебе Новая Жизнь играет, проповедник.

— Ошибаешься, начальник. У меня тут есть две профуры, одна мясная бабенка, другая кибернетическая, не чета твоим фемкам. Но раз уж ты довел фемку до полового созревания и приучил ее кувыркаться с тобой в походной койке, так уж и быть, одну из своих тебе подарю. В обмен на мутантку. Центряк? Тогда подписывайся.

Может, и нет у нашего проповедника сексуального уклона, а просто хочется ему свести счеты с какой-нибудь фемкой.

— Странно. Я считал, что фемская шобла ближе других

подступила к этой самой Новой Жизни. Ведь фемки умелые и они вместе.

— Да только живут по другому букварю. Думают, что им хватит законов симметрии. Никогда им вещества не оживить. А помешать они могут, потому что гордые слишком. Вот и надо, чтобы Новая Жизнь раскумекала их, да жало им вырвала.

Михайло Потапыч заметно погрубел, когда заговорил о деле.

— Не буду я скармливать своих друзей Новой Жизни, даже если она не чавкает за столом и вытирает рот салфеткой.

Собеседник посмотрел умудренно, как пес, пережравший требухи.

— Чудачок. У фемок — ни корешей, ни приятелей, у них только связи. Ты их еще не знаешь. В так называемые «друзья» у них лишь те попадают, из кого можно выжать что-нибудь...

— Твои слова особо наших фемок не порочат. А кто не выжимает друзей-товарищей?

— Наивный ты. Только на вид тертый-жеваный, — упрекнул Михайло Потапыч. — Твои мутантки сожительствуют с тошнотворной дрянью, генетическим монстром. Это их матка, второй по старшинству центр симметрии, по совместительству любовник и много еще чего... Может, долетел до тебя звон про материнские камеры? Так это вовсе не кубрик в общаге, а просто емкость, большая параша, в которой, не вылезая, торчат маленькие фемы. В этих баках плещется жижа, она у фемок со всех сторон, в легких, в желудке, кишечнике, во всех дырках. И даже когда мутантки подрастают, им обязательно надо туда окунаться снова для большого оттяга. Бултыхаются, они там, тащатся, булькают от восторга. А ты фемкам понадобился лишь затем, чтобы узнать, как семечки Новой Жизни прорастают, чтобы подобрать к ней, в итоге, удавку.

Кажется, я про фемок поверил. По крайней мере, поверил в то, что они и есть та самая мафия, которая насаждает Новую Жизнь, а также водит меня за нос, используя всякие аномалии. Что я у фемок и «новожизневцев» как крыса в лабиринте.

Дядя Миша смотрелся незлобивым и довольным. Следующее его предложение показалось вполне милым:

— Давай-ка я тебя сейчас отпущу. Конечно, вместе с баллонами, радующими организм. Только, чур, без обид, лейтенант. Плазмобой и та сеточка пригодились лишь для

того, чтобы ты послушал меня без всяких выкрутасов. Большего сейчас и не требуется.

Он перестал уделять мне повышенное внимание. Я, навьючившись, напряженно зыркая глазами и вертя локаторами в поисках сеточки, приводящей приговор в исполнение, выбрался в шлюз. Ну все, наружний люк открылся, а меня еще не задушили, не сделали «салазки». Можно подойти к отсеку жизнеобеспечения своего трактора и вставить емкости в штатные места хранения. А теперь пора в кабину.

Что за хреновина? Отсутствует компаньонка. Я приглядeлся: стаканчик с кофе упал, на палубе следы каблуков — такие остаются, когда весьма бесчувственное тело тащат за руки. Украли тело, а вместе с ним Шошану. Да кто же смог совладать с бой-бабой? Вспомнилась чертова сеточка — эта может пересилить даже фемку. Я выскочил из трактора, вокруг скопище следов от колес и траков — но какие из них относятся к той машине, которая подъехала и уехала за время беседы? Эх, жаль, что на сраном Меркурии даже звуки не живут. Ну, а вдруг Шошка внутри пакгауза?

Я тут же, ощерясь гразером, поливая сквизером, ворвался в пакгауз и надо же — не то что фемки, нет там ни Михайло Потапыча, ни его невода, оба утекли. Ясно теперь, кто к этому похищению ручонки приложил. Поскольку на главную складскую дверь я непрерывно посматривал, значит, смылся участник похищения через запасной вход-выход. Давайте, ищите, внимательные мои глазные палочки и колбочки.

Ну вот, обнаружился люк на подволоке, замаскирован плафоном. Поставил я ящики друг на дружку сообразно размерам — вылитый шимпанзе, если со стороны смотреть, — взобрался и, отвернув два винта, вылез через крохотный шлюз на крышу, ближе к торцу. Отсюда хорошо были заметны следы на площадочке с другой стороны пакгауза. Там и дожидался трактор Михайло Потапыча.

Итак, поставили мне мат в два хода, сперли напарницу. Шошана, может, и была неискренней, а скорее всего, она просто выполняла задание, особо не вникая в планы своего генетического монстра или кто там у нее за начальника. Сейчас уж какой из нее член могучего коллектива — накрылась синхронизация через центр симметрий. Нынче она просто девчоночка-скороспелка, не более чем двадцати годков, в которой все нормальное пробивается наружу, разбрасывая «усовершенствования», как шелуху. Она выручала меня, я защищал ее — значит, не могли мы с Шошкой не

прилепиться друг к дружке. А получилось так, что я ее почти сдал — совершил это мысленно, чего, однако, хватило.

А что, если в самом деле подсадили мне в организм наблюдателя, Контроллера какого-то? Новая Жизнь и подсадила. Угнездился он внутри и теперь знакомится со всеми мыслишками, которые по клеточкам моего мозга проскакивают. Что же это за фигня такая, Новая Жизнь? «Дубки» ли с «Вязами» ее придумали, или является она природной живностью? И в последнем случае опять вопрос — дикая она или приручённая мафией? Ну, хватит — я запретил себе зацикливаться на этой бредятине и принудил к нормальной розыскной работе.

Сперва обследовал площадку с противоположной стороны пакгауза. Один след от траков мне показался более свежим, чем остальные. Тем более, что он скруглялся не у самого домика, а чуть подальше, за холмиком — для пущей скрытности должно быть.

Я вернулся в свой трактор, включил галогеновые фары на полную мощь, поехал медленно и вкрадчиво, пытаясь не потерять полосы. Грунт вначале был мягкий, поэтому и след пропечатывался хорошо, однако потом пошла гранитная щебенка. Кроме того, здесь изрядно покатались другие трактора. Заодно они погадили там и сям, где радиоактивными сбросами, где простыми фекашками.

Проехался еще немного и встал. Умственно и физически. Все, что ли, поискам капец? Я вылез из машины как будто покурить. Нет, легче не стало, или...

Некая волна пробегает по мне, вначале довольно томительная, потом весьма приятная. Похожее я чувствовал, когда в пакгаузе принудительно высиживал рядом с опроповедившимся гангстером. Особенно, если соглашался с ним. Там, на складе, я старательно подавлял гадкое родственное чувство, а теперь, наоборот, приходилось его форсировать, отряхиваясь от ненужных шмоций-эмоций. Гнусное чувство превращалось в пульсирующий проводник, который куда-то манил. Как тянет винный магазин в субботний вечер через все естественные и искусственные преграды.

Отправился пешочком — так лучше нюх работал, — а на тракторе включил режим автоматического сопровождения. Спокойно протопал с километр, затем попал в зону, где танцевало свое танго какое-то марево. Пульсация, которую я отслеживал, стала размываться, теряться. Но чутье подсказало: надо опуститься, уронить себя спиной на грунт, и отдыхать, глядя в сумерки над головой.

И действительно, вновь затрепетали мои полюса — крутящиеся поля, расплываясь и размазываясь, будто оживляли все вокруг. На арене человек-юла! Когда пыль, камни, глыбы и прочие мертвые вещества сделались куда подвижнее, путеводная пульсация вновь стала прощупываться. Но она была уже тоненьким ручейком в многослойном многоструйном потоке с заводями и быстринами, в который я непременно должен был нырнуть.

Там били не какие-нибудь ламинарные и турбулентные потоки, а струи рвущие и жгущие, струи распирающие и струи сжимающие, струи, дающие устойчивость, и струи, уносящие невесть куда. Все они откликались на полюса, которые имелись в моем распоряжении.

Что это за Река такая? Как называется? Может, я увидел иномирье, подноготную всех вещей, те корешки, из которых растет все живое, полудохлое и неживое.

Марсианин, прости меня за многословность, я знаю, ты этого не любишь. Кроме того, ты уверен, что я неверно подбираю слова. Струи, волны, иномирье — еще куда ни шло, просто беллетристика. Полюса, напряжения — это уже хуже, какое-то жалкое наукообразие, подражание мизикам. А пульсации — просто липа, абстракция, дрисня, размазанная по стене.

Раз так, перехожу к сути. Там в «зазеркалье» находилась порча — некая паразитическая структура, сокращенно — гад-паразит. Он, как настоящий сутенер, жил за счет Реки, использовал ее и заодно отравлял. Он отличался от нее в первую очередь целеустремленностью и боевитостью. Путеводная пульсация имела прямое отношение к этой порче.

Гад-паразит выдавал превеликое множество пульсаций, они, как щупальца здоровенного спрута-активиста, извивались там и сям, бултыхались в струях, питались ими и набухали почками. Серьезно, я там видел почки, которые должны были распуститься уже в нашем самом обычном мире.

Помню, на Ганимеде тоже водилась одна препротивная тварь. Ученые ее называли просто полипептидным соединением. Но такое, с позволения сказать, «соединение» охотилось на людей. Вполне возможно, эта полипептидная штука не замышляла ничего дурного. Должно быть, она просто вступала в реакции разложения с окружающими веществами и специально общественную мораль не нарушала. Однако же, тем гражданам, кого она ловила для этих своих реакций, казалось, что их харчит огромный липкий сли-

зень. И вряд ли их утешала мысль, что это проделывается не со зла.

Щупальце гада-паразита проводило меня в местность, где из земли повылезало много камней, отчего она напоминала зубастую пасть крокодила. А потом впечатление изменилось, потому что прущие из земли скалы выглядели расщепленными, они смахивали на тощие сталактиты и даже пучки волос. Судя по всему, шевелюра эта была металлической, хорошо хоть не заостренной. Вездеход застрял меж каких-то зубьев, запутался в волосне, и я не стал его вытаскивать, благоразумнее ему остаться там.

Я своим ходом перся через «волосы», и те, подчиняясь грустному процессу облысения, падали. Наверное, потому что внутри них — в самой сердцевинке — сидела гниль, которая слушалась меня! Эта гниль произрастала не из нормальных благопристойных струй Реки, а из почек гада-паразита. И слово «гниль» не очень-то подходило. Скорее уж, ткань, скопление упругих *нитей*.

Я понял, что не стоит обходить даже самые крупные скалы, напротив, можно двигаться свободно и непринужденно. Достаточно мановения, мысленного толчка — и огромная подгнившая каменюга превращается в труху. Я был просто поглощен своими успехами на поприще скалодробительства.

На это было бы приятно посмотреть со стороны. Ты надвигаешься лоб-в-лоб, еще немного, и врежешься в твердь. И вдруг эта неприступная твердь жалко расщепляется, истончается, словно от страха перед тобой. Впечатление такое, что прочесывает ее здоровенная гребенка, в итоге скала становится толпой иголок, которая перед твоей грудью просто рассыпается в пух и прах. Может, гад-паразит не такое уж противное создание, раз природа теперь мне так покорна?

Пылевая подушка стала более разреженной, завиднелись звезды, из-за горизонта в одном месте проявился красноватой змеей мощный солнечный протурберанец. Батюшка-Меркурий был почти красив. Почти, причем своей хищною красой.

Наконец, прогулка закончилась, потому что дополняя пейзажную лирику промеж двух закаменевших всплесков металла, похожих на свежевылезшие рожки, показался переквалифицировавшийся пахан.

— Меня ищешь? Или тянет к Новой Жизни, как стакан к бутылке водки? — стал глумиться он.

— А, ты про эту дрисню? Ничего, и с ней разберемся,

подотрем. Узнаем даже, как ваша мафия ее использует. А теперь, ты, драный умыкатель женщин, отдавай мою фемку обратно. Не зли меня, я ведь импульсивный, сначала стреляю, а потом уже придумываю, как с начальством объясниться за очередную ликвидацию.

— Чего тебе злиться-то? Ты теперь сильный. Эта, как ты выражаешься, дрисня, тебе могущество дала. А взамен такую малость попросила — одну пчелку из фемского улья.

Кажется, удивление, любопытство, сомнение, прочие высоконаучные чувства, даже страх, отступили перед тем, что называется здоровой яростью. Я взял на мушку сквизера разбрехавшегося пса. Только бы суметь подранить его, а потом он мне все подробненько расскажет и покажет, это я ему могу гарантировать.

Аккуратно совместил сетку целеуказателя и прицельный вектор. Промашки вроде не должно быть — этот пес стоит картинно, как мишень на стрельбах. Мыслеусилием нажал на спуск. Михайло Потапычу хоть бы хны. Я быстро поменял ствол в руке — сквизер уступил место гразеру, который проткнул бы даже субнуклоновые поля, — но самочувствие фаната пучок гамма-лучей не ухудшил.

Подтверждая доброе здравие, дядя Миша хлопнул в ладоши. Между его рук родился разряд, который заторопился в мою сторону. Не настоящее это электричество, по крайней мере, не то, к чему привыкли наши физики и прочие эдисоны. Это все те же НИТИ, только очень напряженные. Возможно, такой липовый разряд и погубил мою машину во время первой ходки в долину Вечного Отдыха.

Ох и шарахнуло меня! По-моему, стало хуже, чем на электрическом стуле, потому что не на чем было сидеть. Детская забава этот ваш электрический стул. Пришлось удариться оземь, кататься и корчиться на голой земле. Покорчился, но в итоге отрешился от страданий, почувствовал себя человеком-юлой.

И осенило меня. Чтобы одолеть молниеносца нужен боевой робот-трансформант. Вроде тех, что я видел на военных учениях. Громадный цельнометаллический аппарат без шарниров.

Я не безумен... Тот, кто сидит во мне, нашептывает, что я на многое способен. Он знает, что говорит, потому как приходится родственником (сыном, отцом) гаду-паразиту. Контроллер тоже нитяной, его ниточки пасут сейчас мои нервные клетки. Я чувствую эти ласковые стебельки.

Как сделаться общественно опасной движущейся махи-

ной, от которой будут дрожать почва Меркурия и сердца врагов?

Вспомнились крылатые слова моего ротного командира: «Настоящий солдат даже из сапога чай заварит». А я что? Ненастоящий, что ли, резиновый?

Гордо, напоминая башенные орудия линкора, завращались мои поля, выстреливая самое большое напряжение. Я отчетливо видел Контроллера. Налип темным студнем на сплетения моих каналов-пульсаций и доит их. И с каждым глотком выбрасывает очередную порцию длинных подвижных шипящих нитей. Такое зрелище я бы не рекомендовал для просмотра детям моложе сорока лет.

Нити вытаскивают металл из почвы и наплавляют остов робота методом холодного литья...

Нити закаляют металл корпуса, насыщают молибденом и титаном грудь и плечи, широкие ступни, объемистые кулаки, мощный утюг головы.

Нити прокладывают энергетические трассы и устраивают слоистые сочленения из мягкого железа.

Нити прошивают кристаллические матрицы, которые запоминают тысячи жестов, поз, движений, приличных и неприличных.

И тем не менее, очень хотелось, чтоб никто меня не застукал за этим делом — особое чувство стыда, присущее меркурианским копам, сохранилось, несмотря на все передряги.

На сцене с ревом возникает тиранозавр рекс — добро пожаловать из мезозоя. Как можно понять из имени — царь зверей, он же генсек животных, по сравнению с которым лев — просто секретарь райкома. Но лязг металла указывает на то, что наш тиранозавр к тому же и король машин.

Раскаленное сердце из расщепляющихся материалов, по сверхпроводящим жилам токи разбегаются по телу и приводят в движение железные мускулы. Ни одного шарнира — слои чистого металла легко скользят друг по дружке. Мускулы и суставы — сплошная кристаллическая и молекулярная механика. Кулаки — просто грубые кинетические снаряды, разгоняемые в соленоидах. Глаза — большие, красивые и, вдобавок, гамма-лазерные. Изо рта пышет водородная плазма, нагретая огненным сердцем, заодно работает МГД-генератор, из носа летят молнии, в каждом ухе вертится по четыре локатора. И это все — я. Все адаптированно к моей незаурядной личности. Кое-какие части нового тела я чувствую так, будто они обычные мои органы, остальные члены — агрегаты, чуткие к моим неумелым приказам, или вообще самоуправляемые.

— Похоже ты занялся производством видеоклипов для горнорудных компаний, — уничижает голосом бандит-проповедник.

— Я, человек-гора, посоветовал бы тебе сделаться сейчас поделикатнее, — голос мой грохочет куда внушительнее.

Но тут причина неделикатности становится понятной и близкой.

Передо мной поднимается другая фигура — пятиконечная звезда из текучего металла. Немного погодя она преобразуется во что-то, смахивающее на гигантскую гориллу. Препротивную и, более того, откровенно мерзкую (это, конечно, на мой взгляд). Голова похожа на бульдозер и утоплена промеж холмистых плечей, кулаки свисают до земли, задница отклячена.

— Ну и хам. Эдакое мурло приятно ударить любому. Такого бессовестного урода оскорбила бы даже монашка. Если бы у меня был такой кошмарный вид, я бы спрятался со стыда в какой-нибудь сортир, — пытаюсь словом смутить соперника, но он, кажется, вполне доволен собой.

Тогда я решительно двинулся вперед, чтобы поскорее избить негодяя.

Легким напряжением пускаю луч из своих глаз прямо в горилловы гляделки, но монстр прикрывает их ладошкой. Я разбегаюсь, подпрыгиваю, и, слегка опершись на хвост, наношу двумя ногами удар в бюст, похожий на борт корабля. Горилла резко становится в пол-оборота, перехватывает правую мою ногу и хочет ее обломать. И только хвост спасает меня. Продолжая опираться на него, ловко переношу свою левую ногу через правую. Я теперь спиной к Кинг-Конгу, к немалому его разочарованию, но моя правая еще в захвате. Чуть подаюсь к сопернику, и, резко оттолкнувшись обеими задними лапами от его корпуса, вырываюсь. Кувырок через голову — и я снова в боевой стойке, вся аппаратура работает нормально.

И вот мы снова друг напротив друга. Теперь атакует Кинг-Конг, его кулак вылетает со скоростью двенадцать километров в секунду и хочет прямым ударом смахнуть мне голову. А она у меня не просто так, в ней, между прочим, несколько миллиардов органических молекул с непрочными двойными связями, в которых накоплена уйма информации. Я вовремя осознал тяжесть этого кулака. Нырнул вниз, выставив верхний блок. В итоге макушку из-под удара увел.

И тут горилла второй рукой влепила мне апперкот, то есть снизу врезала. Я ни сблокировать не успел как следует, ни увернуться. Только выдохнул от огорчения. Но когда

кулачина мне в челюсть въехал, вместо хромированной стали он уже состоял из мяконького свинца. По-моему, при интенсивном выдохе сработал у меня субнуклоновый излучатель, который расколотил кучу гравитационных ячеек и вращающиеся заряды из них повылетали. (Надеюсь, ни один дотошный марсианин не забыл, что масса — это феномен вращения).

Но все равно, Кинг-Конг заработал немало очков — тьма молекул под моей черепной крышкой расщепилась, и знания унеслись в виде бесполезного пара. От помутнения в голове я основательно прибалдел и принялся срочно считывать запасные носители информации в спинном столбе — ферромагнетики и полупроводниковый пигмент. Этим воспользовалась горилла, ухватив меня руками за затылок и подбородок, чтобы вообще отвернуть башку, принялась заодно наводить двумя потенциалами мощные разогревающие токи. Я вклинил свои руки меж двух вражеских домкратов-электродов, рывком отжал, но потом смирился с тем, что на верхние конечности эта тварь побольше направляет мощности. Пыхнул плазмой прямо ей в морду, а она равновеликой порцией мне ответила. Два снопа столкнулись и улетели вверх сияющим облачком.

Оставался последней шанс, субнуклоновым излучением я переслал много тяжести из груди в хвост, отчего выше пояса насытился титаном, а сзади свинцом. А потом рванул гориллу на себя, упираясь сначала одной, потом другой ногой ей в брюхо. И она стала-таки валиться на меня. Распластавшись спиной по земле, я как следует толкнул пятками проклятое многотонное брюхо. Огненный полюс разорвал множество химических и ядерных связей в силовых узлах. Освободившаяся энергия ринулась в конечности и распрямила там пружиноподобные мускулы-спирали из упругой стали.

И горилла полетела с хорошим моментом вращения. Весь мой прием соответствовал броску через голову в падении, принятому в вольной борьбе.

Кончилось тем, что гнусное обезьяновидное чудовище, перемахнув через меня, уткнулось в скалу. Осталось только с разбегу врезаться в него. Это уже был настоящий реслинг. Не выдержав такого наезда, скала и чудище усвистали с обрыва вниз.

Я просто услышал, как комментатор кричит: «Свирепый Тиранозавр одолел великолепную Гориллу. А какое замечательное зверство! Финальная агрессия приносит невыносимому монстру убедительную победу!»

Я, сотрясая почву и горделиво вздымая руки, обхожу трибуны под рев восхищенной публики и вдруг замечаю Михайло Потапыча в исходном белковом теле. Чуть было не забыл о нем после такого апперкота. Сейчас экс-пахан для меня какой-то непредставительный клоп.

— Где фемка? — впечатываю вопрос в мозг жалкого образования.

— Она у скалы Трон Кощея. Видишь, Новая Жизнь даровала тебе победу, но лишь для того, чтобы показать, кому ты обязан силой.

Даже сейчас гад проклятый продолжает идеологические разговоры.

— Беседа окончена, мусор. Я никогда не был экологом, выступающим, ввиду отсутствия слонов, в защиту всяких насекомых.

Столб-нога опускается на дядю Мишу — не стоит и смотреть, что там осталось. Наверное, в моей откровенной жестокости виновата большая разница в размерах и силах. Я не виноват, что воспринял его, как клопа.

И, наверное, как следствие такого проступка, нити Контроллера выскочили из моего металлического роботячьего тела, которое мигом расползлось. Я был сброшен обратно в свой прежний поджаренный организм. Поднялся, стеная от изгибов ошпаренной кожи и растяжки обваренных мышц. Но все-таки жизнедеятельность еще продолжалась. На том месте, где недавно среди рожек дерзко маячил экс-пахан, виднелась лишь шапка из застывшего металла, которая прикрыла и рога, и подлеца.

Все, семя гада-паразита из меня вывалилось. Вместе с Контроллером, этим центром управления великими силами. Я, совершив пребольшие дела, теперь снова мелочь, опять таракашка и опять вполне человек. Кем лучше быть? История рассудит, а сейчас лучше улепетывать отсюда.

Скала Трон Кощея. Далеко ли? Я вывел на экраны хайратника карту местности. Час резвого верчения колесами. И тут что-то бултыхнулось в колодце моей памяти. Ах, да, солнечный отлив — он уже на подходе.

13

На Меркурии много чего нет, в том числе и ветров, там только электрические вихри раскачивают пылевую подушку. Я, потеряв почти всю осторожность, а может быть, и разумность, гнал машину к Стульчаку Кощея. Семитонная

машина перемахивала, как испуганная газель, через трещины, которые так и хотели зацапать ее, визжала бортами, задевая скалы. Едва удавалось выбраться на плоское место, я включал режим глиссирования и выдувал тучи и мглу из-под днища.

Я торопился, но и солнечный отлив не отставал. Поэтому мы поспевали к своей цели одновременно. Затем очутился я в местности, крепко сколоченной из гранитных пород. Это неприятно. При отливе такие не крошатся, а трескаются, разверзаясь в глубокие расселины и впадины. Шошана может оказаться в одной из них раньше, чем я ее замечу. А вот и Толчок Кощея — довольно широкая скала со срезанной верхушкой — разглядел ее где-то за полкилометра. Но едва она замаячила, как отлив подоспел и вступил в свои права.

Почва захрустела, будто разминали ее ноги какого-то циклопа, занимающегося чечеткой. То тут, то там расщеплялись скальные породы и раскрывались пасти, иногда с зубами. Под все колеса услужливо подставлялись пропасти и бездны. Местность мгновенно испещрена была торосами и сталагмитами, словно стала она листиком бумаги, на котором почеркал юный дебил своим неуемным пером. Я юлил и лавировал, как сало на прыгающей сковороде, пытаясь проскочить по глыбе попрочнее. Пару раз меня тащило вниз, я едва успевал зацепиться «паучьими ножками». Езда стала соответствовать правилам «русской рулетки». Единственное, что было благим в этой катавасии — гад-паразит сейчас точно вобрал свои щупальца, спасаясь от природного катаклизма, который мог и ему накостылять.

Был момент, когда три колеса — два левых и одно правое — повисли в пустоте, поэтому «гузка» стала заваливаться в таинственное «может быть». Тут я, рванув ручку, сбросил почти весь пар из силовой установки, отчего машину швырнуло вперед и она чуть не ухнула клювом в другую пропасть.

Скорость от этого решения уполовинилась, потому что генератор стал выдавать лишь треть мощности и даже приходилось добавлять энергии аккумуляторов. В общем, я не успел. Когда добрался до Кощеева Седалища, отлив уже был и ушел. Сам Трон потрескался, поэтому напоминал нынче разбитый унитаз. На Шошану нигде не было даже намеков. Горло сдавило словно тугим ошейником, хотя стольких людей я уже проводил «туда», да и о своих драгоценных белках-жирах-углеводородах тоже не слишком заботился.

Но Шошка была той бабой, тепло которой очень запомнилось — потому что джоули добывались из нее совсем не просто. Раз так, я решил убедиться и удостовериться. Обшаривал местность до той поры, пока не заметил обрывок троса. В несколько прыжков через расселины покрыл разделяющую нас дистанцию. Оформилась мизансцена: слева каменная игла, на ней веревочный узел, справа — разверстая глотка типа «дай-дай», обрывок веревки болтается как раз над ней, сволочью прожорливой.

Я посветил фонариком вниз, луч потерялся в темноте. Источник тепла в этой трещине тоже не удавалось засечь ни моими чувствительными глазами, ни даже инфравизором. Никакая Анима не барабанила сигналы «помоги». Все равно буду спускаться вниз, и если я так решил, то слезу обязательно. Потом в ухе послышался голос Шошаны, тихий, на удивление прозрачный, слегка похожий на марево.

— Я под скалой, лейтенант К123. Вытащить меня не удастся. Это я тебе говорю. Я закупорена, даже веревка не протиснется, слишком узкое горлышко у «бутылки». В общем, у тебя есть дела? Вот и займись ими.

— Главное мое дело — это ты. Поэтому сейчас смайнаю к тебе. Потерпи малость. Или лучше повторяй себе: «Терентий со мной».

— Никаких терентиев и лейтенантов. Сверху меня прикрывает твердая скальная порода. С ней ничего ты не поделаешь, в лучшем случае поклюешь ее, как курица булыжник. Иди в задницу, понял!

— Понял тебя, иду. «Задница» — понятие относительное. Это практически все, что нас нынче окружает. В данный момент я отправляюсь к трактору за тросом и отбойником.

— Самое лучшее для тебя сейчас — закрыть люк с той стороны и нажать на педаль газа. Я — фем, мутант, насколько тебе известно, одна из многих сотен сестер. Цели твои и фемов больше не совпадают. Если они сочтут нужным, то выцарапают меня отсюда. Если нет — то поводов для печали и тоски намного меньше, чем тебе кажется. Моя генетическая матрица, все, что есть в долговременной молекулярной памяти, переданная мной информация и такое прочее — от самого ценного до полной дряни — скопировано и хранится, где положено.

— В этой сраной «матке»?

— Прекрасно, если ты знаешь. Только не в «сраной» матке, а в материнском веществе.

— Ладно, мне плевать на сотни сестер и, при всем моем

уважении, на материнское вещество, и уж, конечно, на то, что сочтет ненужным или нужным твоя организация. Ты мне требуешься, причем не только молекулярная память, информация, переданная в штаб, и генетическая матрица — хоть я рад буду посмотреть на ее фотокарточку, — а вся нужна, целиком. Я привязчивый, хотя это в наших небесных краях редкое свойство.

— Не безумничай, ты же не поэтишка, а мент. Порода здесь очень изъеденная, неустойчивая. Меня не вытащишь, тебя же засыплет.

— И пускай засыплет. Будет двуспальная у нас могилка. И вообще, в ответственный момент вредно говорить ерунду, береги кислород. Я сейчас ненадолго в машину, может, еще удастся высвистать на подмогу кого-нибудь из старателей. В любом случае, несколько минут — и я снова здесь.

Фемы умеют экономить кислород, ее Анима телеметрировала по моему запросу, что хватит еще на сорок минут. Да и дерготни не было в моих движениях, я крепко подавил вредное паникерство. Через минуту передатчик орал чуть ли не во всех диапазонах:

— Борт К123, срочно нуждаюсь в помощи для проведения аварийно-спасательных работ. Угроза человеческой жизни! Человек свалился в трещину в районе Трона Кощея. Борт К123 — экстренный вызов, прием.

Эфир действовал на нервы то своим молчком, то повизгиванием, то каким-то напряженным жеванием, будто все ответчики набили рот говном. Я еще пару раз отбил вызов, добавляя к каждой фразе по крепкому матерному окончанию. Я тщетно надеялся. Или пыль мешала, или кто-то не доверял моему вызову, принимая за разбойничье заманивание, или кто-то понимал, что все равно не успеть. Или гад-паразит вредничал.

— Чтоб вам, уроды, провалиться во все щели, какие только имеются, даже самые маленькие. — После такого доброго пожелания я зарядил рацию на бесконечный повтор аварийного вызова, а сам схватил моток троса и отбойник-вибратор. Если бы имелся у меня киберкрот, который смог бы просунуть в горлышко «бутылки» воздуходув, то я работал бы не спеша и основательно. Но есть ведь Закон Ситуации — самое необходимое в данный момент всегда отсутствует.

Я рванул обратно к трещине. Лишь бы отозвалась моя мутанточка. Пускай она меня потом и замечать не станет. А сейчас хочу, чтобы был контакт. И она мне все-таки ответила:

— Ты бы мог уже далеко укатиться отсюда, лейтенант. Тебе только показалось, что ты здесь чего-то потерял.

— Роскошь общения с фемкой, вот что потерял. Это почти цитата. Все, я лечу к тебе, голову береги.

Закрепил трос на том торосе, что показался мне наиболее приличным на вид. Сделал пару некогда морских, а ныне космических узлов, плюс прихватил их металлическими скобами. Сам пристегнулся к тросу самохватом и стал съезжать вниз. Действительно, стенки расселины не внушали доверия. Они были слоеные, как пирожок, и жалко крошились от малейшего прикосновения. Но мне и море было по колено, и пропасти по ребро, поэтому через пять минут я приехал в самый низ. У трещины имелось донышко, но Шошану там я не встретил. В пристальном свете фонарика дно оказалось фальшивым, всего лишь кучей щебенки, неизвестно как далеко простирающейся в глубину. Я стал оперативно разгребать кучу, пеленгуя аварийные сигналы фемкиной Анимы, которые непременно передавались при снижении до критического уровня какого-нибудь жизненного параметра. Уж биоинтерфейс отключить Шошана не могла при всем желании.

И вот прочистилось отверстие не больше кулака. Меж двух скальных глыб, в какой-то полости была законопачена, сдавлена стенками Шошана. А что оставалось мне? Судьба, демон, всеобщее гадство охотились на Шошану и наконец загнали ее жизнь в угол. И на Земле жизнь не являлась целью, и там она расходовалась бессмысленно, но была хотя бы ритуалом, чередованием обрядов рождения, совокупления, общественного одобрения, исчезновения, которые придавали даже самому распоследнему мудаку какую-то значительность. Здесь же, в Небесном Краю, толпа, вроде, осмысленно крутит большое космическое колесо, здесь прекратилось людское вырождение, но зато мы мало чем отличаемся от струек топлива. Механическое впрыскивание через форсунки, мгновение полета и сгорание — колесо получает еще один крохотный толчок. Мы все тут благородные нолики.

Я попробовал настроиться, ощутить силы и полюса, заделаться вновь человеком-юлой, как когда-то. Но сейчас — нулевой результат, все потуги были тщетными, проклятые гадские силы и Контроллер плюнули на меня. Осталось только стопроцентное мое ничтожество. Я — пустое место, однако кто-то или что-то хочет отделить масло от хлеба, избавить меня от Шошаны, ее от меня. Значит, в нашем бутерброде для кого-то или чего-то таится яд, тревога, опасность!

Или я просто цепляюсь за Шошану, чтобы показать значительность — мол, не такой, как все? Небось именно по этой причине я никак не оставлю Шошану, чтобы она спокойно, в классическом стиле, могла дождаться своего «удаления с поля». Я, выбирая самое убийственное и самоубийственное, собираюсь орудовать отбойным молотком. Я претендую сейчас на нечто более крутое, чем благородная незначительность, словно меня лорнируют зрители. Я подаю заявку на масштабность своей личности — демону, гаду-паразиту, если они чего-то понимают, «Дубкам» и «Вязам», если они за мной приглядывают, и, наверное, тому-кто-за-облаками.

Завизжал отбойник. С третьего угрызения трухлявая скальная порода принялась активно сыпаться на плечи и голову. Еще пару раз приложиться, и меня засыплет окончательно и бесповоротно. Но тут зазвучали грозные слова:

— Немедленно прекратите долбать скалу... вы, тупица... с каждым тычком обваливается по кубометру породы.

И хотя голос замутили помехи, я понял, что принадлежит он фему. Только не Шошане.

Я, конечно, выключил свой отбойник и прислушался. А потом уже было к чему приглядываться. Сверху опускалась невмоустановка, похожая на анаконду, жадно, но без кашля втягивая крошево. Вокруг меня заскакали столбики трухи, а потом и мою голову стало всасывать кое-куда. Я засопротивлялся, сверху упала на тросе липучка змеиного типа. «Змея» навелась видеодатчиками на меня, затем, чмокнув, присосалась к скафандру и потащила без разговоров наверх.

А наверху хлопотало с десяток фемов. Юлили на газовых подушках какие-то установки, помигивающие спасительными огоньками. Чуть подальше, растопыря лыжи, расположился похожий на летучего крокодила планетолет.

Обилие фемов всегда вызывает оторопь. Несмотря на то, что к своей фемке Шошане я почти привык, эти новые вызвали у меня першение в горле.

Я обратился к той из них, которая казалась командиршей — то есть, была ростом поболе других, имела максимально горделивую осанку, а черты самые резкие и воинственные.

— Матушка-настоятельница, у моего товарища — у Шошаны — кислорода осталось не более чем на десять минут. Если вы не поторопитесь, я снова полезу вниз.

Голос у командирши был обычный для начальственной публики — грубый, сварливый и отрывистый.

— Вам больше не надо заботиться о вашем «товарище». Мы ее вытащим и без вашего участия. Уж не знаю, кто ее направил на работу с мужиком-олухом, с ее-то подготовкой. Безусловно, этот вопрос надо будет поднять на...

Как я ни убеждал себя, что это типичное для «Вязов» и «Дубков» начальственное хамство — от которого я немного поотвык в криминальной полиции, — все-таки не сдержался.

— Вам нечего стыдиться, уважаемая, подготовка у Шошанки отличная, раз на нее все демоны ополчились. Только вот за вами бы я в пропасть не полез, а наоборот, бросился бы тикать со всех ног.

Я огрызнулся, предусмотрительно сжав зубы, и командирша, не различив последней фразы, просто отвернулась от меня с гадливым выражением на значительном лице. Тем временем рядовые фемы поливали стены трещины побыстрому твердеющей пеной, ставили распорки. Затем боевые девки скользнули по тросу вниз и начали орудовать мультилазерными прожигателями. Лазерные лучи, сходящие конусом, плавили камень, причем расплав мигом всасывался. Хрупнула, отваливаясь, крупная плита, после чего разглядел я Шошану, похожую на скальный барельеф. Однако, нога ее была прижата какой-то подлючей глыбой. Я пытался связаться с ней, несмотря на неодобрительные поглядывания командирши, да только моя фемка не отзывалась. Впрочем, ее Анима через блок телеметрии докладывала, что организм еще жив, хотя мозговые ритмы сильно отличаются от нормальных. Наконец появилась нога, которая в лучшем случае была вывихнута или сломана, в худшем — просто раздроблена. Я еще раз поразился самообладанию фемов. Ведь Шошана преспокойным голосом беседовала со мной, можно сказать, под пыткой. Тем временем спасатели подключили к ней воздуходув, переложили бесчувственное тело в люльку и мигом вытянули лебедкой наверх. Когда Шошану проносили мимо меня, я неожиданно столкнулся взглядом с ее распахнувшимися глазами. В них еще было что-то свое, но они быстро набирались чужеродного фемского выражения.

— Ну-ка, брысь, не путайся под ногами! — звонким гарканьем попросила меня вон командирша. Я в испуге отшатнулся, а Шошану быстро загрузили в раскоряку-планетолет. Фемы резво и даже элегантно втащили на борт свою технику, используя несколько аппарелей. Затем аппарели поднялись и превратились в задраенные люки, а планетолетчики, поддав газу, быстро свалили во мглу, оставив ме-

ня подле ямы. Я бы, наверное, отказался слинять вместе с ними, но они мне даже не предложили.

Впрочем, некоторую неловкость я успел почувствовать. И у них, и у себя тем более. Ведь я нарушил основной закон Космики — закон «непривязанности», поскольку был отвратительно прилипчив и не хотел терять объект преступного чувства. Этот закон помог нашему державному райху выжить и расцвести, и до сих пор мало надежд, что он начнет тормозить движение космической родины вперед, к новым свершениям.

14

Заседание штаба Бдительных вел уже знакомый мне усач Серый. Так уважительно-ласкательно прозывали своего предводителя вольные пока еще старатели. Меня же после ликвидации пахана и полного пропадения подозрительной фемки, ласково именовали Терешкой, и уважительно — советником. Ассистировал народному вождю шериф Кравец. Сборище проходило в злополучном пакгаузе и официально являлось «конференцией самой бдительной и прогрессивной общественности долины Вечного Отдыха». Люди заседали на ящиках и на полках, в углу отдыхали сваленные грудой скафандры. Кондиционирование едва справлялось с напором выделений и народ изрядно парился.

Вечно румяный командир, как я ему и присоветовал, начал с резюме.

— Эта махровая зараза пошла быть с прииска Вырванный Глаз. Мы узнали, с чем ее едят, когда уже было поздно. Ее зовут то торжественно — демоном, то по-ученому — аномалией, то по-простому — гадом-паразитом или тварью. Кличек у нее много, пакости она устраивает разные, но суть одна. Гадина портит нам всем жизнь и трудодни. Хуже всего, что она незаметная, но может замариновать человека в какое-то облако и сделать ему подсадку, то есть инфицировать. А когда человек размаринуется, то начнет превращаться в куклу или ручного зверька. Мы покамест не поняли, изготовили ли эту тварь ученые паскудники в своих лабораториях. Или она самостоятельно выросла и расцвела на лоне природы, а уж позднее была надрессирована на вредные поступки. Но одно ясно, действует тварь по наущению очень злого ворья, матерой мафии, и хочет вольных старателей извести.

— Да уж никаким боком твоя зараза не имеет отноше-

ния к налету на «дубковский» караван! — выкрикнул кто-то из зала.

— Непосредственно, может и нет, а вот мафия-сука, наверняка, да. Ведь те мужики с прииска, которые собирались оторваться вместе с караваном, хотели напеть обо всем неладном васинским властям.

— А что же Дыня? На прииск он уже с подсадкой заявился или нет? — встрял в гладкую речь командира Бдительных очередной обалдуй.

— Допустим, приехал этот тип еще без гадского семечка внутри, — стал популярно объяснять командир. — Но аномалия таких козлов живо в оборот берет. Раз-два — и скурвился... И вот вам, братишки, отрицательное сальдо. Нынче ничем незапятнанных и незараженных бойцов осталось в долине вряд ли более пятидесяти голов. Если вообще их стоит по пустым головам считать.

— Откуда тебе знать, что среди твоих пятидесяти гвардейцев нет уже зараженных? Эти самые, инфицированные, с подсадками, может, и здесь, среди нас, расселись, понимаешь, да ухмыляются в усы, — пробурчал Кравец, который после разговора со мной стал совершенно недоверчивый ко всем.

Тут поднялся и внес свою лепту старый жилистый старатель, откровенно похожий на пень. Его рука, не поймешь зачем протянутая вперед, напоминала узловатую клюку.

— Серега тут плел про какую-то безымянную мафию, которая науськивает на нас аномалию. Спорю на ящик «язвовки», что он клюнул на крючок, который забросил директорат «Дубков». Их хитрожопые эксперты и придумали эту лабуду про аномалию, которая нашего брата трахает, и ее гадские семеечки. Чтобы мы со страху дернули из долины задолго до окончания сезона, и компания хапнула бы наши участки, когда уже известно, где металл лежит, а где херня. Им надыбать чужое — самое милое дело.

— Пахомыч, мы ж с тобой вместе побывали в той круговерти с голубыми сполохами, где два плюс два не четыре, а хрен знает что, — настаивал на своем командир Бдительных.

— А гипноз и токсины, которые ты, Серега, мог сожрать с очередной порцией ветчины или водки, купленной на приисках? В чем эта ваша подсадка проявляется, в толк не возьму. Кто был гадом, тот гадом и остался. Если же кого-то трахнул некий блудливый демон, то это личное дело потерпевшего, — не унимался противный Пенек.

Но усатый Серега не собирался сдаваться и даже стал колобродить не по разработанному сценарию.

— Подсадка — такое же верное дело, как и то, что ее можно обнаружить с помощью прибора. Этот прибор у меня, между прочим, имеется, он сгодится, чтобы всех присутствующих здесь фраеров обшмонать. Тем более, нас тут всего тридцать. Поскольку вы меня доканали своей глупостью и мне стало тоскливо, сейчас я его вынесу. — Командир вразвалку сходил в угол и вернулся оттуда со странной штуковиной, напоминающей радиотелескоп из детского конструктора. — Сам собирал, принцип устройства мне по радио сообщили.

— А что за принцип? — полюбопытствовал жилистый-узловатый Пахомыч. Пожалуй, не такой уж он и пенек.

— Эта штука чувствует подсадку, потому что от нее несет другими гравитационными волнами, чем от тех продуктов, из которых состоим мы.

— Уже интересно. Давай, включай свою машинку. — оживился Пенек, — сейчас тут прижучим кое-кого. Чувствую, кое-кто от страха быстро попросится в сортир. Вот уже душно стало.

Пока Пенек потягивал воздух ноздреватым носом, Серый подключил питание и, переложив устройство на тележку, стал подъезжать в прямом и переносном смысле, то к одному, то к другому старателю.

— Когда зажжется красная лампочка, тогда, считай, волна вредная пошла, ненужная в нашем коллективе. Значит, немедленно наваливайтесь на того, кого прибор засек, и хлоп ему колотушкой по балде. Если деру даст — хватайте. Или подножку хотя бы сделайте. Это для начала. А там видно будет. — Командир давал ЦУ по ходу процесса. Однако даже через полчаса, когда обход закончился, прибор не показал ни одного одержимого бесами.

— Похоже, что принцип этого аппарата привиделся командиру с ба-а-льшого бодуна, — объявил Пенек Пахомыч и даже изобразил бухого развинченного Серегу.

Тут встрял я, и не потому, что понимал, как устроен прибор. Было лишь смутное ощущение — эта штуковина слишком грубо сляпана для того, чтобы засечь те нити, которые выпускает спора демона. И все же...

— Надо вколоть людям успокоительное — это раз. Успокоившимся людям лечь на пол, причем на бочок. Особо одаренным напоминаю, бочок — это левая или правая сторона тела.

— Ты это не того... да кто это такой вообще... кто его спрашивал?.. — завозмущались старатели. Я понимал, что

поддержит меня лишь командир Серега, который огорошен неудачей. Но на подмогу поспешили Кравец и Пенек.

— Парень знает, что говорит, — выразительно произнес шериф. Кравец единственный был здесь при оружии, что оказалось очень кстати.

— И, между прочим, шериф, тут не колотушка понадобится, а гразер, — обрадованный поддержкой, заявил я. — Поставь оружие на боевой взвод и положи палец на спусковой крючок, это не помешает.

Весомый вид шерифа и его гразера с мигающим индикатором боеготовности заставил всех поддаться на уговоры и расположиться поудобнее на полу. Пахомыч хаживал со шприц-пистолетом и прикладывал его к старательским рукам, оснащенным голографическими татуировками. На которых значились хорошо исполненные органы (женские, интимные) и сомнительные лозунги типа «Рожден для мук, в счастье не нуждаюсь» и СОС (спасите от сук).

— А ему? А Кравцу, а этому легавому? — забеспокоился кто-то.

— Не надо волноваться на чужой счет, больше чем на свой. Не то моча в голову ударит. Первые из тех, кто пройдет контроль и вколет себе возбудитель вивацин, произведут смену караула, — заявил я с хорошо сыгранной ответственностью в голосе.

Грозная тележка двинулась в поход. Первые десять человек пропущены были чисто, без претензий. Потом я сам почувствовал беспокойство. Не гравитационная волна на меня повоздействовала, а, не смотря на всеобщую лежку, нечто тревожно-ерзающее. У меня душа заныла от чужих вибраций страха, хотя никаких фоборецепторов в моей генетической карте нет. В общем, кто-то крупно дрейфил. Я легонько пихнул шерифа в спину и тот заметно напрягся — понял, что имеется в виду. Ненадолго блеснула красная лампочка, но тут же ослепла. Спора демона пытается втянуть ниточки, окуклиться, но она где-то здесь.

И все-таки она, сука такая, не выдержала первой. Среди прочих отлеживался на полу один скромный паренек, нормальный номерок из «мамальфейской» колбы — я земляка по комплекции и значку с портретом козы всегда узнаю, на мне такой же. Пацан вдруг задергался, запрыгал прямо на боку, его забросало чуть ли не на полметра вверх — я так понял, что спора, которой запрещено сдаваться в плен, сейчас выбирается из него.

Кравец поднял свой карающий гразер, чтобы спалить парня.

— Стоп! — гаркнул я. — Демон линяет из этого чувака. Все как в средневековье. Но будь на стреме, сейчас что-то скакнет.

«Что-то»! Даже я не знаю, будет это крокодил или Змей Горыныч.

Тут у парня разорвалась грудная клетка, брызнула фонтанчиками алая жидкость. И показались внутренности. «Что-то» скакнуло, да еще как — чутье меня не подвело. ОНО было заметно по искажению пространства и голубоватым светящимся нитям. Эта штука выглядела настолько размытой и нереальной, что Кравец приссал и сразу даже не смог сообразить, куда пальнуть. Я рывком навел его ствол — не прямо на искажение, а чуть в сторону. Мигом сообразил подкоркой, что видимая дрянь — всего лишь рисунок, проглядывающийся на поверхности сферы, вернее, какой-то объемной невидимой фигуры. Затем гавкнул, а может и тявкнул:

— Стреляй, балбес! — Но приссавший тугодум Кравец промедлил и лишь задел эту порхающую хреновину. Несколько голубых нитей оторвалось от нее и затрепыхалось в воздухе, на противоположной переборке склада возникло вздутие от прямого попадания луча. Сама бесовская муть засновала, как муха — будто набралась сил от Кравцовского выстрела. Шериф принялся очумело поливать из гразера разные места помещения — люди забивались в щели, взрывались и испарялись грузы, стулья, шкафы. Ну, попроси дурного. А быстрая пронзительная дрянь, прошив несколько ящиков — отчего те тоже рассыпались в прах, — впилась в подволоку. Как тут не понять, гадина вот-вот прогрызет двойную обшивку и... Останется только сказать: «Я же предупреждал».

— Полундра, тикаем в соседний отсек. Разгерметизация. — Вся шарага, хоть и сонно-вялая, но все же рванула на выход. Мы с Кравцем даже подхватили пробитого демоном паренька и потащили, оставляя кровяную дорожку. Едва за нами захлопнулся люк, как в первом отсеке бабахнуло и засвистел улепетывающий воздух. Бесовская сила, само собой, удрала первее воздуха.

Во втором трюме было совсем тесно, и климат установился соответствующий земным джунглям. Едва мы отдышались, как неугомонный Пенек Пахомыч громогласно заявил.

— Мы, между прочим, проверку еще не закончили.

Все обрадованные чудным избавлением, заметно приуныли, а кто-то заметил:

— Эта штука летает быстрее пука. Удирать-то куда теперь будем? Во двор, да? А вместо скафандров гондоны что ли, использовать?

— Молчи, петушок, — сурово нахмурясь, процедил Кравец. — В шлюзе пара аварийных скафандров имеется, но они тебе уже не понадобятся.

— Перво-наперво, — напомнил я, — проверьте пострадавшего на наличие подсадки. Потом окажите, кто умеет, медицинскую помощь. В-третьих, наладьте кого-нибудь собирать скафандры. Уверен, что добрая их половина, выстрелясь из дыры, усеяла окрестные скалы.

Медбрат-общественник Пахомыч быстро обследовал раненого-изувеченного и кивнул: «Порядок, кома, полостной разрыв, но сердце на месте осталось. Я бы на его месте еще пожил». После такого диагноза парня водрузили на стол в углу отсека. Бывший Пенек, а ныне народный умелец, распаковал медицинские аппараты, подсоединил кибердоктора, тот в свою очередь подключил искусственные легкие, похожие на скомканную туалетную бумагу, взмахнул капельницами и заработал сшивателями. А мы с шерифом собирали скафандры, вернее, выковыривали их из дыры. Космические костюмчики, как выяснилось, по большей части слиплись в ком и, когда уже давление вылетающего воздуха понизилось, намертво запластырили пробоину.

Потом Бдительные вышли во двор и там «личный досмотр» продолжился, но ничего вредного откопать не удалось. То ли все были чисты, как ангелы, то ли бес приноровился к неуклюжему прибору и научился тихариться.

— Надо сниматься всем отсюда, — предложил я по завершению проверки, — и дуть в Васино.

— Ну и что там, в этом Васино, мы забыли? — резонно возразил Серега. — Если туда много гадских семечек заброшено, то тамошняя публика — вы же знаете этих позорников — быстро покорится чертям. Как одержимые бесом васинцы станут нас привечать? Все поняли? — А потом и вовсе у командира нервишки не выдержали, чиркнул он себя по горлу ладонью. — Вот где у меня это Васино сидит.

— А у меня чуть пониже. На Васино власть, однако, не начинается и не заканчивается. Как-нибудь имеется еще правительство на Марсе, — столь же резонно сказал я. — А это значит...

— Это значит, что если оно на Марсе, нам до него добраться будет не проще, чем до Альдебарана. Цены на билеты каковы? Плюс зажим со стороны «Вязов» и «Дубков».

Они уж постараются обидеть. А в итоге полный абзац, — сделал шериф совершенно справедливое замечание.

— Можно и корабль поиметь, — неожиданно предложил Пахомыч, но тут же, испугавшись самого себя, стух. — Впрочем, я этим заниматься не собираюсь. Мне надо гафний копать.

— И мне... и нам... — выступил хор старателей.

— Пожалуй, стоит подумать над вашим заманчивым предложением, — заметил я Пеньку. — Действительно, не нужно нам переться толпой в Васино, привлекать недружественное внимание хоровыми выступлениями. Мы, то есть я и еще двое-трое из вашего дружного коллектива, вернемся в столицу сплоченной группой товарищей и попытаемся проведать, как далеко зашла бесовская сила. Или мафия, которая эту бесовскую силу применяет. Если не удастся ее прижать, будем прорываться на Марс. Итак, кто со мной?

— Не слишком это заманчиво, проверять на бесовство начальство «Дубков», «Вязов» и префектуры, а потом угонять ракету, — издал стон нежелания один из старателей. Молчание затянулось, предложение действительно не подкупало. Я хмыкнул, я хмыкнул дважды, и тут Кравец поднял руку.

— Поскольку я тоже в какой-то степени легавый, то мне и ехать с лейтенантом. Тем более, что он, похоже, великий шаман. Нету у меня больше настроения копаться в здешнем мусоре. Выбирайте себе другого шерифа. Пахомыч наш, например, имеет четко выраженный правоохранительный инстинкт. — Кравец, символически сплюнув, передал Пеньку свою власть. — Вешайте на него мою шерифскую звезду. Он с ней будет похож на новогоднюю елку.

— Я думаю, общество не будет возражать против командировки Кравца, заодно и компенсирует ему часть утраченной прибыли. А также сохранит за ним звание шерифа, — решил Серый. И общество весело с ним согласилось. Я же почему-то подумал, что если удалые споры помимо толстозадых бюрократов проникнут в организацию фемов и поразят это самое «материнское вещество», тогда вся наша Солнечная система дерьма не будет стоить.

— Надеюсь, джентльмены, мой отъезд вызовет столь же противоречивые чувства, как и приезд, — вежливо попрощался я с жителями долины.

15

За пятым жилым кварталом в Васино вовсю идет неорганизованная застройка. Дело проворачивается так: какой-нибудь ушлый кент закупает и присоединяет к мобильной столице нашего маленького отечества новую платформу — пятьдесят на сто метров. Потом уже у платформовладельца граждане побогаче и поблатнее за хорошие денежки приобретают квадратные метры поверхности в собственность, а более убогий люд за весьма скромную плату — кубометры надплатформенного пространства. Владелец поверхности устанавливает стояки — трубы с большими штырями, со встроенными линиями водопровода, канализации и электрификации, с оптоэлектронными кабельками. На эти штыри владельцы пространства цепляют кубики, шарики и такое прочее, то есть модули жизнеобеспечения.

Затем в эти клетушки и гнездышки загружаются мутанты, шлюхи, старатели, чумовые изобретатели и прочий малополезный сброд, для которых Меркурий — точно уж конечная остановка. Начинают там есть, жрать, хлебать, выделять, спариваться, ну и так далее.

Некоторые особо нетребовательные граждане вьют себе гнезда из квазиживого пластика. Квазиживые стены, пол и потолок поглощают углекислый газ (на свету), мочу, водяные пары, фекалии — если их не слишком много. И соответственно выделяют кислород, изредка белки. Часто сахар в виде патоки или меда где-нибудь в уголке. Иногда спирт — тут нужны особые контрабандные сорта пластика. Обитатели спиртовых домиков, впрочем, нередко меняются. Уйдет, например, такой гражданин в запой, заляжет, открыв рот, под алкогольную капель и забудет, например, включить свет. Соответственно, квазиживому домику уже нельзя будет поглощать углекислый газ, и жилище непосредственно примется расщеплять своего пьяно бредящего хозяина. Через пару недель гражданина алконавта как языком слизало.

После пришпиливания всех жизнемодулей к стояку, получается эдакое «дерево», меж листочков и плодочков которого (то бишь, квартир) ползают «жучки» и суетится «мошкара». Я имею в виду обитателей бидонвилля, которые лазают по трапам, тросам, мосткам или с гудением пронс-

сятся на реактивных ранцах. Рядом цветет и пахнет еще одно «дерево» и так далее. В итоге на платформе вырастает целая роща, в которой всем находится место, и жучкам, и паучкам.

Изобретатель, который сообщил принцип действия демонометра командиру Бдительных, затаился где-то здесь. Я изрядно побродил по бидонвиллю, пытаясь и следы замести, и модуль его найти. Названий блоков — кроме народных (Грязнулевка, Какашкино, Бздилино) — никаких, номера домов и квартир в этом скопище, само собой, отсутствуют, а Серега дал мне алгоритм поиска, бездарней некуда (видать, весь ум у командира в усы перебрался).

Один «пернатый» шибздик мне совсем не понравился — все время обдувал меня струей из своего реактивного ранца. Точно, шпик, хотя, может, и попрошайка, с хорошей примесью генов какого-то летучего животного. Наконец я прикурил, а вернее, выстрелил из зажигалки с секретом и уцепил назойливого летуна за ножку тонкой и заодно широкомолекулярной нитью аркана. Так что стал назойливый мутант шмелем на веревочке, пока не впилился в какую-то стену. После этого шибздик, наверное от сотрясения, залился какой-то блевотиной, которая быстро затвердела и окуклила его, превратив в мешочек.

Ну, вот я и доискался своего изобретателя — его жизнесферка на верхушке одного из «деревьев» была залеплена двумя здоровенными модулями соседей — и застучал в люк каблуком. Когда я вошел и вышел из шлюза в квартиру, то повстречался с молодью — сопливо-чумазым пацаном, по которому ползали писклявые кибермышата. Как только не перекрывают на Меркурии детопроизводство, а оно все-таки не желает затухать. Мелкота появляется порой и, само собой, поголовно относится к разряду мутантов.

Следом я увидел главного специалиста по изготовлению муташки. Упитанную бабеху вот с такими буферами — столь похожую на фемов и прочих изящных дамочек, как бочонок на палку. В общем, я даже оторопел. Из соседнего отсека донесся по аудио надтреснутый мужской голос:

— Митька, кого там принесло, что-то монитор барахлит.

— Дядя, вы кто? — решил уточнить мальчонка.

— Я тот, кто принес твоему папе денег, — умело соврал я.

Мигом появился мужик в замурзанной майке поверх внушительного пуза, с шеей, опутанной ворохом проводов и с лазерным паяльником в руке.

— Вы от кого? — нервно спросил он.

— От того, кого надо, — успокоил я его.

Мальчишка тем временем погрузил голову в куб объемвизера, где бились насмерть команды «Спартак» (Марс) и наше меркурианское «Динамо». Спортсмены звякали магнитными каблуками по стальной поверхности спутника, налетали и отскакивали от гибких стержней, воткнутых в пол и соединяющихся с потолком, молотили и дубасили друг друга. В общем, самоотверженно потешали публику.

— «Спартак» — параша, победа — наша! — воскликнул забавляющийся сопляк (в прямом смысле этого слова), когда очередной проход динамовца закончился попаданием тела в ворота, и возбужденно почесал шестипалой ручонкой в вихрастой голове. Я меж тем приступил к официальной части визита.

— Господин Викентий У018, я — от комитета Бдительных долины Вечного Отдыха, которую заедает еле видимый, или вообще незримый, но зато весьма злобный дух. Подставьте пельмень, пардон, ухо — я сообщу пароль.

Опознали мы друг друга успешно, после чего Викентий узнал, как отличился его прибор в долине, и стал радостно почесывать свое неумытое брюхо.

— Я всегда вижу дальше, глубже других, и раньше, и сейчас. В данный момент я, например, конструирую прибор для охоты на сверхволновиков. Вам неймется узнать, что это такое? Отвечаю: это жители черных дыр, влачащие жалкое существование на сверхдлинных волнах. Все остальное — и поле, и вещество — у них отъела дыра. Естественно, что в поисках высокочастотной энергии они рано или поздно сунутся к нам.

Все-таки, по некоторым симптомам собеседник мне показался немножечко «с приветом».

— Давайте оставим сверхволновиков на закуску, кем-то уважаемый мудрец. Итак, обитатель долины Вечного Отдыха по имени Серега прислал вам весточку со слезной мольбой о помощи. Вы сразу извлекли суть из его бессвязного послания и построили прибор для опознания демона. Или, может, какой-нибудь большой меркурианский начальник уже предлагал вам познакомится с этой аномальной тварью и заняться ее приручением? — Я стал «греть» подозреваемого по старой ментовской привычке.

Собеседник обиделся ненадолго, но быстро отомстил:

— Во-первых, лишь нехитрый ум мог посчитать, что наши начальники в состоянии приручить такого вот «демона». Во-вторых, этой, как вы выразились, твари весело жи-

вется не только в долине Вечного Отдыха... Послушайте, молодой человек, лет десять назад я был еще строен, как кипарис...

— Говорлив, как какаду... Вы уверены, что надо начинать с периода полового созревания?

— ...Красив, как новенький трактор и вдобавок работал в одной конторе оборонного профиля на Марсе, в «лавочке», так сказать. Там я не только трудился, но и поглядывал по сторонам. И вот однажды наткнулся пытливым проницательным взором на материалы о действиях одной разведгруппы на Земле. Это сейчас у Космики с Шариком все тип-топ. Земляне у нас с руки едят, туристы туда-сюда снуют, слонов с крокодилами из Африки привозят, а тогда обходились мы без всяких сношений. Мы как раз отбились от кибероболочек-плутонов, а жители Земли еще были в их полной власти, которая закончилась много спустя Великой Санацией. Так вот, эта разведгруппа подобрала для высадки самую занюханную деревню, где, вроде, кибероболочками и не пахло. Но там космики наткнулись на кое-что похуже и позлее, чем даже плутоны. Это было некое существо, которое, проглотив очередную порцию материи со всей ее информацией, то есть существо или предмет, принимало его обличие.

Викентий довольно вольно обращался с закрытой информацией. Непонятно, как такой балбес мог попасть когда-то в секретную контору. Или он уже после «лавочки» стал пофигистом первой степени? Впрочем, мое дело — не решение проблем Викентия (он имеет полное право быть смелым), а получение сведений, самых точных и по-быстрому.

— Я рад, что вы любили подглядывать. Ну, господин изобретатель, какое-такое страшило встретилось нашим лазутчикам на Земле? Я понял, что это был хищный зверь, который умел имитировать внешний вид своих харчей. В общем, Змей Горыныч.

— Все же у вас очень много первобытного в голове. Процесс поглощения материи, который применял наш «зверь», трудно назвать жрачкой. Он выдавливал материю из гравитационных ячеек, тех самых ячеек, что образуются субнуклонами-гравитонами. Мама-материя теряла привычную структуру и превращалась в массоэнергию, вибрирующую нитеплазму. Собственно из нитеплазмы этот «Змей Горыныч» и состоял.

Нити. *Нитеплазма.* Я почти о ней догадался. Неужели при всей своей первобытности Терентий К123 не такой дурак?

— Я чего-то припоминаю или мне кажется, досточтимый мудрец? Нитеплазма же — это самая ранняя форма существования материи. То, что получилось после Большого Взрыва.

— На этот раз вам не кажется. Нитеплазма получилась и никуда не исчезла, а протянула до наших дней, прогрессируя на свой лад, превращаясь во вполне живое, вполне паразитическое ... и в каком-то смысле разумное существо. Наши разведчики прозвали его Плазмонтом, — тут голос Викентия из вялого стал довольно бодреньким. — Я вижу у вас под курткой пузырится. Это одновременно радует и беспокоит меня.

Ничего у меня не пузырилось, однако бутылку с сияющей антистрессовкой я с собой прихватил. Пока бормотолог не заглотил пару стаканов, то помалкивал, давая полную свободу вопить очумелым фанатам меркурианского «Динамо», которые, казалось, вырвутся из своего визера и в одно гнусное мгновение затопчут все в этой крохотной жизнесферке.

— Значит, господин ученый, если весь наш мир, включая нас самих, прилежно образуется из полей, атомов, молекул, целых тел, то этот отъявленный гад-паразит состоит только из нитеплазмы?

— Верной дорогой идете, товарищ, — глубоко икнув, произнес Викентий, подобрал что-то непонятное, но шевелящееся с тарелки и засунул к себе в рот. — Наш микромир двуполюсной, макромир фактически однополюсной. А в предматериальном мире, как известно всем порядочным мизикам, четыре полюса, четыре основные энергии с хитрой системой взаимодействия и взаимного перехода. Так вот, судя по материалам разведки, нитеплазма обходится без четкого деления на микро-, макро- и предматериальный уровни. Это иная материя, понятно?

И фемки, выходит, не просто группа акробаток. Хоть и необщительны, но соображают в этих самых полюсах.

Кто-то чрезмерно подвижный с тарелки у Викентия побежал, не даваясь на закуску, но изобретатель проявил необыкновенную прыть и пригвоздил беглеца радиоуправляемой вилкой уже на самом краю стола. Еда, попискивая, лишилась одновременно свободы и жизни. Сломив сопротивление пищи, Викентий продолжил.

— Однако мои расчеты внушают мне — пока что одному — оптимизм. У устойчивой нитеплазмы пара полюсов остается в скрытом виде, и с нами взаимодействуют всего лишь два полюса, два знака заряда. Я их условно называю

«левым» и «правым». Правда, и этого тоже хватает для разных сюрпризов. Сдается мне, маги и волшебники кудесили именно с нитеплазмой. И всякая нечисть, от призраков до оборотней, похоже, была из нитеплазменного «теста». А спора Плазмонта — это типичный бес, тошный дух, вселяющийся и соблазняющий разным могуществом.

Маги с волшебниками, оказывается, не просто козлобородые шоумэны. И призраков с оборотнями, и даже тошных духов, выходит, есть за что уважать — за крепкую физическую основу.

— Колдуны колдунами, откуда мне знать, какие у них генетические матрицы, может, они вообще инопланетяне — а нам-то, простым меркурианским балбесам, как эту нитеплазму распознавать? Как расчухать, что посредь атомов твоего собеседника заизвивалась пара ниточек? Их разве разглядишь в мелкоскоп? А, Викентий Инкубаткович?

— Субнуклоновый каскадный микроскоп, может, и засечет, как нитеплазма кушает атомы. Только надо знать, где смотреть. Да еще иметь такой микроскоп. Их, наверное, не более десятка наберется, а на Меркурии вообще ни одного.

— А ваш прибор? Мы его испробовали в долине Вечного Отдыха. Даже засекли одну нитеплазменную спору.

Изобретатель и рационализатор слегка попунцовел.

— То, что я передал в долину, это вовсе не прибор, отзывающийся на нитеплазму, а скорее датчик, который регистрирует взбудораженность нервной системы человека. И больше ничего. Я дико извиняюсь, ввиду острой нужды в деньгах несколько прибрехнул, когда загонял Сереге схему этой установочки. Надеюсь, мое признание останется между нами. Тем более, Сережке такое удовольствие обошлось в жалкие пятьсот императ.

— Давайте стараться, чтобы между нами оставалось поменьше ваших шалостей, — невесело отозвался я. А изобретатель сразу переключился на более приятную тему.

— Допустим, в подозреваемом присутствует нитеплазменная спора и влияет на его ощущения. Поэтому «оспоренный» человек знает — у него не все в норме. Мой датчик и будет улавливать те изменения психомагнитного поля данного гражданина, которые характерны для тревоги. Лет десять назад многие кшатрии вместо таких датчиков пользовались собственными генными модификациями — психомагнитными рецепторами. Потом это дело прикрыли, потому что солдатики, вооруженные столь мощными рецепторами, запросто считывали весь эмоциональный спектр у своего начальства.

— Значит, в кое-каких направлениях мы не совсем прогрессируем. Это называется, наверное, прогрессивным параличом... Но погодите, тот паренек, на которого среагировал и зажегся датчик, мог быть просто невротиком, передрейфить, запаниковать.

— Конечно, он мог быть просто невротиком, — легко согласился безответственный изобретатель. — Но я полагаю, последующие события убедили вас, что в нем имелся нитеплазменный узелок.

И Викентий засосал стакан антистрессовки с чувством глубокого удовлетворения за свой талант, нисколько не обращая внимания на голографических спортсменов, что вертелись по комнате, и победные запахи, которые тоже производил визер.

— Да, пожалуй, нитеплазменный узелок себя проявил, Викентий Инкубаторович.

Даже сейчас, всего лишь вспоминаючи, невозможно было отделаться от гадких ощущений жути и беспомощности, вызванных той тварюшкой — дико скачущей и еле заметной.

— И, кстати, во второй раз с этим датчиком вам, скорее всего, и не повезет, — честно предупредил жуликоватый изобретатель. — Нитеплазма учтет ошибки и станет лучше следить за нервными центрами человека, или вовсе заменит их своими узелками.

— Такие вещи невзначай не говорят, напротив, фиксируют на них внимание!.. В общем, как можно уже догадаться, от вас требуется надежный прибор для вынюхивания нитеплазмы. Понимаете, надежный. Если мы ликвидируем совершенно безобидного гражданина, то мы потом ему не объясним, что у нас прибор немножко барахлит.

Волна самодовольства залила лоснящуюся физиономию полубезумного изобретателя. Похоже, он триумфировал сейчас и апогействовал.

— Я вас поздравляю, юноша. Вы оказались в нужном месте и в нужное время. И надеюсь, с нужной суммой. Поэтому вы получите то, что требуете.

Чему так буйно радуется мастер? Что дурашки хорошо клюют на его наживку? Или же он типичный «благородный нолик», сидящий по уши в дерьме, но самоотверженно толкающий космическое колесо? И светлая радость оттого, что, наконец, подошла очередь спасать все человечество.

— А я надеюсь, что вы не собрались всучить очередной аппарат для определения страха по анализу свежести воз-

духа. Учтите, сортирные принадлежности я покупаю в магазине, — мой голос был достаточно зловещ. — Теперь, когда у вас случился легкий стресс, хочу спросить: где, когда и сколько?

Викентий потер руки. Я ожидал немыслимых цен и условий продажи.

— Во-первых, вы, гость дорогой, действительно не в магазине. Речь идет об уникальном достижении человеческого гения. Впрочем, мне почему-то хочется поскорее избавиться от него.

Полубезумный изобретатель ушел в соседний отсек, там чем-то громыхал, что-то отодвигал, бранился с женой, костерил мальчонку. Прибор, необходимый для спасения Вселенной, нашелся где-то за ночным горшком. Демонометр оказался куда компактнее, чем та пресловутая тележка. Напоминал он старинный револьвер типа «наган», которым я любовался в музее на Марсе.

— Прибор ловит изменения в распределении субнуклонов-гравитонов, это такие мелкие-мелкие блошки. А искажения, будьте уверены, вокруг нитеплазмы непременно возникают. Вот здесь, в районе курка, есть экранчик, который цветовой гаммой и цифровыми индикаторами показывает любопытному глазу интенсивность этих самых изменений. Сейчас мы вставим новый источник питания, батарейку то есть, и начнем... раздемонизацию! С вас, как вы и просили.

Честно говоря, внутри меня заекало, когда он навел на меня свой «наган». Тот психомагнитный датчик-тележка просто бы побагровел от моего страха. Даже захотелось, чтобы «наган» оказался игрушечным, а Викентий — обычным жуликом. Изобретатель с минуту просматривал меня, слегка цокая языком: «Так-так, интересно... И поучительно». Наконец, я неприкрыто взвыл:

— Да что там такое? Именем меркурского городового, отвечайте! Есть или нет?

— Есть.

Мамальфея, Мамальфея... Узнать, что ты — всего лишь гнездо и питательная среда для какой-то гадости, по сравнению с которой самый мерзкий червяк является милейшим, обаятельнейшим существом!

— Но в остаточном виде, — продолжил изобретатель. — Просто следы, вряд ли способные к чему-либо. Похоже, что спора в вас погостила, но ушла.

Я перевел дыхание, почти испустил дух от облегчения.

— Вот с этой самой последней фразы и надо было начинать, бессердечный вы человечище. Дайте-ка я вас тоже поанализирую, чтоб и вы подрейфили.

Но, как и ожидалось, ни в изобретателе, ни в его толстухе, ни в шестипалом карапузе, болеющем за «Динамо», даже следа этой гадости не нашлось.

Этот обалдуй попросил всего тысячу императ. Я больше и не дал, потому что даже гения могут деньги испортить. А напоследок кое-что решил выяснить.

— Послушайте, мудрый, а чего все-таки этой твари от нас надо? Съесть, что ли, хочет?

— Мы и сами не знаем, чего хотим. Схарчить всю Вселенную Плазмонт, пожалуй, может, разумный он или дурак. И сделать из харчей новую Вселенную, только уже нитеплазменную. Однако, не все так просто, как вам кажется. Он проявляет к нам большой интерес, конечно же, гастрономического характера. Этот бес, как хороший повар, жаждет готовить блюда поизысканнее. Для того и засевает в будущую еду свои споры.

— А фемы не могут ли быть самой плодоносной почвой для проращивания нитеплазменных семечек? — Ух, какой важный вопрос!

— Последний раз я встречался с фемами, когда они еще были формулами, рисунками и генетическими картами в техническом задании. Эти задорные девицы были придуманы как существа, связанные с планетным ядром и весьма стайные — оттого у них мощные рецепторы психомагнитных волн и центры синхронизации мозговых колебаний. Кроме того, они никогда не огорчают свою «маму»...

Полубезумный изобретатель неожиданно потерял всякий интерес к дальнейшей беседе и принялся с полным, я бы даже сказал, несколько дебильным вниманием пересчитывать бабки.

16

Изобретателя я навестил, вернувшись из поездки, так сказать, на завтрак. На обед я решил выяснить, как идет служба в префектурной полиции.

И выяснилось, что начальник полиции в отпуске, но в отличие от меня проводит время в орбитальном шмаролете Хунахуна. Пока он там подвергается квалифицированному обслуживанию, его обязанности с большой радостью исполняет Рекс К502, как начальник самого главного отдела. Од-

нако же, в отделе после этого обалдуя старший по званию — уже я, лейтенант Терентий К123. Что-то в этом чувствуется таинственно манящее.

Ведь если Рексу куда-нибудь исчезнуть, то согласно полицейскому уставу (пункт 178-бис) за исполнение обязанностей командира Меркурианской полиции возьмусь я. Так уже было — целую неделю в прошлом году, — когда самый важный начальник вместе с главой разбойного отдела улетали на полицейский съезд в Кузьмабург, префектура Луна. Я стану командовать столичным правопорядком, если смогу выпроводить господина К502 из Васино.

Но для начала надо провентилировать бывшего друга Рекса. Я его проверил на нитеплазменную инфекцию — он оказался вполне нашим человеком. Если и сидит в нем спора, то весьма окукленная. (Плазмонт ведь наверняка прознал про новый прибор «демонометр» и лишний раз маячить не станет.) Несмотря на все, бывший собутыльник и собабник приветствовал меня своеобразными словами:

— Все-таки ты поступил по своему. Надеюсь, уже написал рапорт об увольнении по собственному желанию? Или ты хочешь вылететь по служебному несоответствию?

— Хорошо ты меня встретил, шеф-повар. Тебя, накрученного врагами, кроме моего заявления больше ничего не интересует. Именно поэтому я его не дам. Придется увольнять меня собственным желанием. Однако, на такое дело у тебя кишечная палочка тонка.

— Тебе отсюда прямая дорога — сортир чистить, — посулил свежевылупившийся начальник.

— В это заведение направится твой приказ, после того как я обжалую его в судебной инстанции. У меня ведь приличный послужной список, не сомневайся, получше и почище, чем у тебя. Между прочим, учет достоинств и недостатков ведет равнодушная к нам всем карьерная машина. Можешь, конечно, сетовать на то, что я попадался ей на видео- и прочие датчики в моменты труда, а ты лишь в моменты отдыха. Я надеюсь, никто не будет сомневаться, что краснощекая морда образовалась у тебя совершенно случайно.

— Ну, ну, мне пока еще интересно, сколько времени продолжается словесный понос, — Рекс старался не показывать злобу, но щеки машинально прикрыл.

— Так вот, тебе придется по-жлобски катать на меня «телеги», запускать в мой кабинет свою любимую голую секретаршу, подбрасывать компромат. На это требуется время и мозги, кстати. Видишь, как ты поторопился. Впро-

чем, я все понимаю, потому что тоже тороплюсь. Но ведь тебя подгоняет вовсе не личная ненависть — мы же в душе дружки закадычные, — а некие персоны, которым не нравятся мои новые увлечения.

Рекс немного сник и уже более покладисто поинтересовался:

— А ты помнишь, у меня схема висела секретуткиного тела? С описанием того, что умеет делать каждая его часть. Так чем ты нынче так страстно увлечен?

— Вот это другой разговор — не мальчика, которого могут отлупцевать за нерасторопность, но мужа с большой буквы «Му». Я увлечен не схемой секретаршиного тела, а тварью, которая слеплена совсем из другого теста, чем все мы — люди, растения, камни, — однако может свободно принимать наш прекрасный облик. Впервые мы все вместе — от академика до червячка и булыжника — и выступаем под одними знаменами. У нас больше общего, чем различий, когда имеется такой враг. Рекс, эта тварь заинтриговала меня тем, что распускает по всей планете свои споры, которые попадают нам в самое нутро и начинают там успешно произрастать. Она и тебя очарует своей замечательной способностью схавать всю Вселенную до последнего завалящего атома.

Я заметил, как у Рекса посветлело лицо и зажглись потухшие было фонарики глаз. Он потер вспотевшие руки и дрожащим от возбуждения голосом произнес:

— Прекрасная вспышка умственной активности в дурной голове. «Сожрет всю Вселенную» — это вдохновляет. Я теперь знаю, за что тебя списать за борт — и никакой тут суд не поможет. Ты — законный псих. Запись нашей душевной беседы будет достаточным основанием для медэкспертизы, которая произведет тебя в знатные шизики и отправит на пересадку мозга. Поменяешься серым веществом с какой-нибудь разумненькой обезьянкой.

Да, он прав. Этого будет достаточно, чтобы погнать меня поганой метлой из полиции или замариновать в психушку. Там половину гнилушек-мозгов выкинут из головы, недостающие нейроны вырастят заново и накачают инструкциями, уставами и прочей лабудой. Если я сейчас просто так уйду из этого кабинета, приговор себе, считай, подписал. Следовательно, пора доставать из черного шкафа запасной вариант.

— Ладушки, начальник. Будем считать, что у меня энцефалограммы ползут вкривь и вкось, а у тебя идеальная прямая линия. Я накатаю заявление по собственному же-

ланию. Это тебе понравится. Надень подгузники, а то, чего доброго, описаешься от восторга.

Наглая афиша Рекса действительно еще более подрумянилась от удовольствия. Я стал выводить слова, которые, автоматом снимаясь с полимерной бумаги, убегали прямо в компьютер. Впрочем, они автоматом вытрутся из машинной памяти, если в конце заявления не будет моей подписи, сверенной с той, что имеется в файле персоналий. Я чуть притормозил с писаниной и говорю:

— Рекс, посвети-ка командирским взглядом, все ли чин чином, давно таких заявок не рисовал. — Он встал правее и сзади меня, чтобы заглянуть в бумажку и тут я, как говорится, совершил поступок. Нанес вероломный удар вероломному человеку, локтем в солнечное сплетение. Подобное влечет подобное. Рекс вряд ли осознал эту истину, но сложился «уголком». Как хорошо, что в нем не гнездилась могучая спора демона, поэтому достаточно было ткнуть основанием ладони в левую боковинку его затылка. «Уголок», опрокинувшись, впилился в пол. Шприц-пистолет подлетел с моей помощью к его шее и, приложившись своим жалом, впрыснул супраэнцефалин.

Сейчас подсознание Рекса распахнет настежь ворота и будет готово к бесконтрольному восприятию, чуть погодя оттает и откроется для «ценных вложений» сознание. За эти пять минут я должен внедрить в Рекса программу — от крупноблочных мотиваций до весьма подробного расписания конкретных поступков. Нас обучали этому в академии — так называемой «зомбификации».

Аккуратное, но настойчивое нажатие подушечкой пальца на его глазное яблоко. Оно чуть-чуть выдавливается вперед, на меня, и в получившуюся щель можно просунуть первый электрод. По датчику слежу за его продвижением вдоль окологлазных костей. Вот есть непосредственное касание биоинтерфейса Анима в районе решетчатой косточки. Проводок смещается чуть правее и, наконец, я нащупываю контакт. Второй электрод протискивается через ноздрю, а потом по небной косточке — тут пришлось немного повозиться, прежде чем нашелся контакт. Наконец, я стал работать с Анимой Рекса напрямую, минуя блок обработки запросов.

Через подсоединенные проводки из моего карманного компьютера поступают коды для перепрограммирования подсознания. Анима Рекса преобразовывает их в нервные сигналы, те воспринимаются тельцами Шеффера и становятся молекулярными комплексами, которые отлагаются в темном сундуке мотивационной памяти.

Ну вот, теперь можно вынуть проводки, затолкать Рекса в кресло и вколоть ему пептидный препарат вивацин. Через минуту начальник разлепил веки, но зрачки пока еще были расширенными, мутными, голос деревянным. Ну, молодца, это скоро выправится.

— Значит так, милок Рекс, ты сейчас будешь отдыхать и заодно старательно вслушиваться. Пора тебе, оторвав задницу от стула, помчаться в Пыталово и Торчер-сити, чтобы провести архисвирепую инспекцию. В южном секторе мы дожили до критического момента, заедает бандитская свора. Сотня генных подсадок за один месяц, дюжина полных расчленений на органы, почти триста насильственных имплантаций. Города ворами переполнены и прочими интеллектуальными насильниками. С разбоем положение ахово — только разбойникам и весело...

Я выступил в стиле нашего мэтра, майора Леонтия, а зачарованный Рекс взял перо и резко положил несколько строк на все запоминающую бумажку, размашисто вывел подпись.

— Это, Терентий, приказ о назначении тебя врио начальника полиции по Васинскому округу. Дня через три вернусь, так что в кабинете ничего не меняй. Вот когда старичка-шефа спровадят на пенсию, а меня на Марс, в полицию метрополии, ты, может, и угнездишься здесь. Если доживешь, конечно. Ха-ха.

Смех-то как у крокодила, если бы тот умел выражать радость звуками.

И Рекс отправился на хазу, собирать манатки в дорогу. Три дня, конечно, не густо, зато операцию по программированию провел я надежную. Можно таким способом даже закодировать мужика на то, что он — баба. А бабу на то, что она мужик. Мои мысли самостоятельно переключились на фемов. Надо бы выйти с ними на контакт. Но как?

В полицейские картотеки они попадали лишь свидетелями по некоторым делам, и это тоже редко. Не было случая, чтобы у какой-нибудь из «сестер» по-настоящему увязли коготки. Похоже, все желания эти девушки удовлетворяют совершенно особыми способами. Не числится на них даже подозрений на кражи, разбои и махинации. Известно, что фемки не терпят обид и с оскорбителей спрашивают сполна, но за последние несколько лет никого они не загасили, по-крайней мере так, чтобы попасться. Это могло означать не только излишнюю гуманность, но и разумное нежелание привлекать пристальное внимание к своей мощи.

Фемки не предложили подбросить меня из долины Веч-

ного Отдыха домой, не стали вступать в сношения (дипломатические, разумеется) и здесь, в Васино. Значит, по какой-то причине утратили благожелательный интерес или решили ограничиться наблюдением. Возможно потому, что отнесли меркурианского демона к чистой зоологии.

Получается, что, как говаривал некогда ротный, между нами Обводной канал и баржа с гробами. Если точнее, единственный мостик — это Шошана. Ничего себе мостик — ищи его свищи. Однако в выискивании и высвистывании Шошаны есть немалый смысл. И уж если пооткровенничать с самим собой, я не прочь повидать ее просто так. Может, из-за этого скудные мысли мои и фокусируются все время на фемках. Шошка по логике вещей — которая, надеюсь, еще работает — должна лежать в больнице. Причем прочно. Однако, исходя из «амбарных» книг, у фемов ничего нет своего — ни госпиталей, ни клубов, ни спортплощадок.

Префектурные и частные клиники я быстренько проверил с помощью Терехи Малого сразу по нескольким параметрам моей пропавшей подружки (имя; отпечатки пальцев, которые я, естественно, снял во время совместной поездки; возраст; характер травмы). Хоть пронеслись мы с кибером на бреющем полете над холмами и долами картотек, да поныряли в ущелья банков данных, ничего похожего на Шошану не выискали. В справочные медсанчастей «Вязов» или «Дубков» тоже протиснулись, но и там зряшно порылись.

— Все, нету нигде твоей Шошанки, — бодро подытожил кибербратан.

— Если бы ты сейчас не шутил, я бы назвал тебя полным бездарем. Да и себя заодно, потому что я ответственен за твое образование.

— Называй как хочешь, — безразлично отозвался «братец». — Да только я жениться собрался.

— Как! На ком? — я был искренне поражен. — Хрен-знает-что хочет жениться на хрен-знает-чем.

— Хрен знает, — мудро подтвердил Тереха и обнял пунцовую от счастья куколку. На экране, конечно. — Ее зовут Спецслужба. Мы соединим свои ассоциаторы. Обменяемся ключами к банкам данных. И, конечно же, ведомыми только нам способами, станем предаваться утехам любви.

— Все это хорошо, особенно любовные утехи. Единственный минус: ваш брачный союз — это уже конгломерат киберобoлочек, за что я могу ответить по закону. И вообще, никакого мне прока от вашей любви.

— Что значит «никакого»? Обижаешь, старший брат. Даром, что ли, сочетаюсь я законным браком? Спецслужба — большая специалистка по работе с косвенными данными. Имплантат требовался твоей Шошанке? Наверняка. Ей же меняли косточку ноги. Надо проверить поставщиков и получателей искуственных костей. Давай, брат, полетели.

Спецслужба явилась в виде молодой симпатичной свинки в цветастом платьице. Эта парочка подхватила меня и понесла по сетевым каналам, открывая новые и новые просторы, усеянные данными — где честь принятия конечного решения принадлежала моей воле.

Поясняю для тех, кто не балуется симбиозом с киберами. Мой ум вырабатывал мыслеусилие — куда лететь в информационном пространстве, вправо, влево или, сделав посадку, хватать нужные сведения. Волевое усилие считывалось Анимой, прилепленной к моим окологлазным косточкам и, становясь оптоэлектронным сигналом, поступало в мою кибероболочку. То есть в Тереху-младшего, который и проделывал всю черную работу на пару с невестой.

Наконец свинка откопала своим пятачком, что имплантат, необходимый моей Шошанке, завозился со склада товарищества «Органы и части тела» в лабораторию завода «Весна», относящегося к НПО «Вязы».

Итак, что мы имеем с этого гуся, вернее, с «Весны»? Единственный способ туда попасть — это устроить санитарную инспекцию. Такие вещи случались, наверное, очень давно и вообще не на Меркурии. Даже Тереха-малый не помнил, чтобы полиция с санпроверкой приставала к «Вязам» или «Дубкам». Ладно, если поднапрячься, можно ведь устроить воспоминание о будущем.

Час понадобился на подготовку визита. Вскоре, к немалому удивлению директора «Весны», я шагал по его кабинету, пытаясь получше определиться со спорой. Нитеплазменное семечко в директоре изо всех сил маскировалось, но наконец далось мне, и тогда замигал бодрый красный огонек на экранчике моего демонометра. Который, кстати, не раз поблескивал, пока я двигался по заводу.

— Я слышал, вы ненадолго стали врио начальника васинской полиции. Этим, наверное, и объясняется та прыть, с которой вы сюда явились, — запустила первый камушек директорская праща. — Не лучший способ отличиться вы выбрали.

— Я спокойно прожевал ваш острый выпад. Все мы гости на этом свете вообще и на отдельных местах в частности. Что и к вам в полной мере относится. Теперь пере-

палку закончим. Полиция по-прежнему не собирается вмешиваться в дела вашей фирмы, пока они имеют отношение только к вашей фирме. Однако то, что выбрасывается или вытекает с вашего предприятия — уже становится и нашим делом.

— Да, сантехника — это странное хобби, — меланхолично уколол директор.

— Итак, господин директор, перед вами данные свежих анализов. «Весна» наступает, микробушки на солнце погреться вылезают. Мы просто берем пробы рядышком с вашим передовым комбинатом. И там обнаруживаем многообразие и плюрализм. Патогенные Protozoa есть? Есть. Кокцидии и малярийный плазмодий в изобилии. Причем мутантные колонии. Сообщества амеб есть. Плесень болезнетворная грибковая — пожалуйста. Есть даже вирусы с весьма измененным по отношению к стандарту генетическим кодом. Эти тварюшки, само собой, являются большой неприятностью для жителей соседних жилых секторов и хором напевают о том, что вы — неслабый источник мутагенеза. Все вокруг вас просто цветет и пахнет.

Случайный собеседник сделал откровенно незаинтересованное лицо.

— А ведь, господин директор, борьба с мутагенезом — это общегосударственная обязанность должностных лиц, то есть, нас с вами. Смотри Основные Направления, три тысячи третья страница, вторая строчка сверху. Вам лучше ощутить поскорее максимальную симпатию ко мне, потому что я собираюсь, естественно, как друг и соратник, вкусить от всех источников загрязнения. Со мной заместитель главного санитарного врача префектуры Меркурий — Альфред Ле Дюк, он сейчас под дверью дожидается.

(Этот Ле Дюк, по прозвищу Поросенок, в свое время так запустил канализацию, что там глисты выросли до метровой длины и, обзаведясь глазами, стали по ночам нападать на посетителей туалетов. Ле Дюк едва не попал на судебный крюк, но я Альфредку отмазал — соответственно он был мне премного благодарен и в знак признательности избавил Васино от громадных слизневиков — колоний дизентерийных палочек-мутантов, которые проявляли признаки коллективного разума.)

Директор отреагировал тупо на мое предложение сдружиться и даже просквозил меня оловянным презрительным взглядом. Этот человек-гнездо с нитеплазменной спорой внутри не мог взять в толк, что когда-нибудь и для его «весны» наступит осень.

— Я, лейтенант, сперва должен связаться с генеральным.

— Да пожалуйста.

По-моему, он запутался, что выбрать, ненависть или презрение, применительно ко мне. Небось, сравнивал мою личность с клопом, который мал, но особенно вонюч и поган в сравнении с Новой Жизнью. Пожалуй, если бы директор успел полностью переродиться и имел ярлычок «100% нитеплазмы, стирать отдельно», то вел бы себя поспокойнее. Он бы понимал, что Новая Жизнь все равно победит.

Озаренный светлым будущим получеловек связался по телекому с начальством, не забывая окатывать меня волнами отвращения, старательно отчеканил про обстановку и принял указание.

— Генеральный дозволил вам осмотреть помещения с потенциальными источниками заражения и загрязнения. Разрешение не относится к информационной технике и лабораториям, не имеющим прямого сообщения с внешним миром. — Глаза его теперь излучали плотную суровость ко мне и одновременно довольство от четкого соответствия занимаемой должности.

— Расцелуйте от меня секретаршу генерального.

Значит, «Вязы» не видят в моем начинании серьезной угрозы, на которую надо тут же реагировать всей мощью. И не ожидают особо дерзких поступков. Впрочем, директор собственной неотлучной персоной увязался вслед за мной и Поросенком Альфредкой.

Вначале мы съехали на пять ярусов вниз, делая по пути замеры и засасывая пробы в большой герметичный чемодан. Но дальше пути не было, хотя мой демонометр помигивал и манил-призывал вперед.

— Все, что там находится, совершенно секретно и не имеет каналов взаимодействия с окружающей средой, — пояснил директор, сочась превосходством высшего разума.

— Вы имеете в виду каналы, по которым что-то перемещается физически?

— До вас доходит? Полностью замкнутые циклы, — скупо отозвался директор.

— А каналы электропитания, а оптоэлектронные информационные линии?

— Естественно, такие есть. Но движение электронов и фотонов вряд ли может кому-то навредить.

Несмотря на откровенное зевание Поросенка, я, как говорится, настаивал:

— А какие-нибудь еще каналы могут туда-сюда пролегать?

Этот «осемененный» несколько всполошился. По крайней мере, экранчик мигнул, а значит, гадский папа-Плазмонт встрепенулся. Небось сообразил, что я намекаю на «ниточки».

— Может, такие вопросы и полагается задавать по какой-нибудь вашей инструкции, — собравшись, отозвался директор. — Но я в самом деле не понимаю, о чем вы.

— Ладно, ни о чем, так, проверка связи. Поехали не вниз, а вбок, нас и там ждут великие дела.

И вдруг на третьем ярусе я увидел кибера явно медицинского назначения, вкатывающегося в одну из дверей.

— О, это любопытно. Здесь что, профилакторий, госпиталь? Или, может, лепрозорий?

Директорская спора показала помаргиванием демонометра, что весьма недовольна моим открытием.

— Небольшое экспериментально-клиническое отделение — для проверки некоторых препаратов и средств, разрабатываемых у нас.

— Во всяком случае, здесь после проверки могут спустить в клозет какую-нибудь вакцину с полудохленькими вирусами. А они отмоются, оклемаются и — за работу. При всем при том, ваше отделение не значится среди медицинских учреждений города. Хотя такая деятельность относится к числу требующих лицензий Министерства Здоровья — смотри Гражданский Кодекс, статья сто восьмая.

Пока директор не знал, как ему поступить, я поступок сделал, в дверь вошел. В первой палате все койки сиротливо пустовали. А в следующей пара коек была загружена занемогшими фемками. Одна из них оказалась Шошаной.

— Это, как я погляжу, фемская лечебница. Трогательно. Именно тут они поправляют свое здоровье, пошатнувшееся из-за неустанной борьбы за победу симметричности во всем мире. Директор, наше совместное обследование закончено на сегодня, я подпишу вам положительное заключение. Ты, Альфредушка, тоже дуй на выход, хорошо поработал. А я задержусь на пять коротких минут.

— По-моему, и вам пора, — злобно процедил директор. — Совершенно не понимаю, что вам требуется в нашей клинике. Полечить свою шизофрению вы и в другом месте можете.

— Дружба мне требуется. Ну что непонятного? Мой друг Шошана болеет тут потихоньку, а мне невдомек. Ни кокос с ананасом ей не принесть, ни потешить задорным

словом. А вам, многоуважаемый, при нашей беседе как раз присутствовать не обязательно. Это было бы нескромно. Мы не в тюремном изоляторе, а вы не вертухай, надеюсь.

Спора покраснела, но удалилась вместе с директором, имеющим четкое выражение зубовной боли на лице. Все-таки эти «осемсненные бесом» не слишком отличаются от сектантов и догматиков, столь порезвившихся на Земле, да и от наших «благородных ноликов», которых в Космике пруд пруди. Таким типчикам, хоть в роли какашки, но обязательно надо прилепиться и примазаться к какому-нибудь большому могучему делу. (Единственная разница между Космикой и Землей в том, что у нас большие дела требуют большого количества мозгов.) Так вот, эти фанаты люто ненавидят любого нормального человека, который им напоминает, что они все-таки какашки и не более того.

Я сперва половил нитеплазму в лазарете — вроде было чисто здесь — а затем уж повернулся к подружке, что покамест смирно лежала под одеялом. Я бы не сказал, что на ее личике присутствовал хоть какой-нибудь намек на радость встречи.

— В любом случае я рад тебя, так сказать, видеть и все прочее, — преодолев некое смущение, обратился я. — Выйдем весело поболтать в соседнюю палату, чтобы не мешать положительными эмоциями — по крайней мере моими — твоему товарищу. Ходить-то можешь?

— Ходить могу. Я тебя провожу до двери, чтобы тебе легче было уйти отсюда.

Она откинула одеяло и встала. И оказалась в маечке и трусиках. Накинула коротенький халат. Затем оперлась на киберкостыль. Ножки у нее по-прежнему были ничего. Даже та, что угодила под скалу. Лишь парочка хоть длинных, но малозаметных шрамиков слегка портили ее. Или не портили вовсе, по крайней мере, на мой взгляд.

— Чего пялишься-то? — решила она узнать уже в соседнем помещении.

— А нравишься, вот чего. Ниже пояса в том числе.

Она взяла своими пальцами меня за кисть и слегка тряхнула. Тряхнула слегка, но моя рука едва не выскочила из сустава, такой глубокий толчок оказался.

— Больно, Шоша. Значит, я все-таки вызываю глубокие чувства.

— Забудь обо всем, Терентий. Меж нами там, в дороге, случилось недоразумение. Понял?

— Достаточно того, что забыла ты. Я ведь согласен — в половой сфере мы с тобой не отличились. У меня в Блу-

дянске были куда хлеще эпизоды, не говоря уж об объятиях знойной Электрической Бабы после приличной дозы амфетаминов и окситоцина. Но там было потребление, а у нас... Как же из твоей головушки стриженой вылетело, что ты спасла меня, а я тебя. Что мы спиной к спине у мачты, против гадости вдвоем. Мы жертвовали собой друг друга ради, а не во имя и фамилию какого-то большого дела. Согласись, это редкий номер в нынешней программе. Значит, было у нас другое — то, что у нормальных людей любовью называется. Или ты притворялась, и твоя сердечная мышца выполняет только функцию мотора? Ты — ненастоящая, заводная, да?

Вид у нее стал, как у примерной ученицы, вдруг заработавшей кол.

— Я понимаю, Шоша, общение со мной сулит тебе одни неприятности, возможно, даже крупные. Но ведь ты же привыкла рисковать — когда тебе прикажут. Безопасность твоей попке никто и раньше не обещал — явились сестры-товарки к Трону Кощея, лишь когда тебя засыпало. Значит, не в страхе дело. Ты просто привыкла быть позвонком в длинном-длинном спинном хребте. Ну, а если этот позвоночник принадлежит какой-нибудь ядовитой гадине? Неужто и для тебя главное — притереться к чему-нибудь великому, пусть даже к великой херне? Ты ведь знаешь, как не желали земляне вылезать из кибероболочек, хотя сполна уже поняли, что те поражены информационными бесами. Но эти дурашки уже не могли, потому что каждый из них в отдельности был крошкой беспомощной.

Я видел, что она чуть ли не рычит, но звуки мечутся внутри нее.

— Я, белый шаман Меркурия — круто звучит, Шошка, да? — начинаю войну против демона Плазмонта и всего, что ему служит. Мы с тобой или победим вдвоем, или вдвоем проиграем. Но упрекнуть себя не в чем будет.

— Я даже не могу выбраться отсюда, — прокашляла она.

— Кто-такой сказал «не могу». Если я могу, значит, и ты тоже. Я тебе, считай, заарестовал. Ты только подыгрывай мне.

Я накинул ей на плечи свой длинный санитарный халат и потянул за собой. В цехах никто пристального внимания на нас не обращал, но около выхода выстроился уже забор из старшего офицера службы безопасности и трех охранников. Я помахал своим полицейским удостоверением.

— Спокойно, коллеги. Обычное дело, я забираю эту даму.

— Как бы не так, беса лысого. Стóп, лейтенант, — твердо стоял на пути эсбист. — Что это еще за самоуправство, немедленно отпустите женщину!

— Не лейтенант, а господин начальник столичной полиции. С каких это пор полицейский лишился права задерживать женщин?

— Где санкция на арест, подписанная прокурором?

— Эта дама еще не арестована, а задержана для выяснения обстоятельств получения ею травмы на срок до двенадцати часов. Пункт двенадцать-прим Устава префектурной полиции.

— Там говорится о чрезвычайных обстоятельствах, — упорствовал эсбист, и физиономия его напоминала пустое ведро. Ой, как хочется врезать. Тем более, что он не прав.

— На срок до шести часов — для выяснения подозрительной личности — можно задерживать без всяких чрезвычайных обстоятельств. Документов-то у нее нет и имплантат получен нелицензионный. Если уж читали Устав, то пробежали бы параграф до конца. А потом могу и объявить чрезвычайное положение на территории вашего завода. Потому что все его окрестности заросли патогенной микрофлорой. Кто занимается незаконной медицинской деятельностью? Я, что ли? И кто скрывает от проверок все помещения ниже пятого яруса? Может, там бюро интимных услуг?

По-моему, я переусердствовал с трепотней — воспитывая блатную публику, я привык нести околесицу, — и коллега с ведром вместо башки принял меня за несерьезного жулика.

Итак, офицер безопасности окрасился багрянцем. Но демонометр не засек в нем споры, Плазмонту сеять в него, наверное, и не требовалось. Старший эсбист был просто благородным убожеством, которое свято блюло жлобские порядки «Вязов» и имело через это океан кайфа. Небось, еще считал, что кораблик по имени «Космика» именно благодаря ему образцово дует вперед. Наверное, человек с семечком демона поступил бы умнее, но этот недалекий мужичишка со словами матерного проклятия на устах стал поднимать свой плазмобой.

— Путч, блин, полицейский путч в Васино! — затрубил он.

— А с вашей стороны бунт, угроза оружием представителю власти. — Я скользнул вперед, падая на руки и подсекая ногами главного эсбиста. Он свалился на меня, и я из-под его «мышки» срезал бластером бойца охраны, кото-

рый едва не попал из плазмобоя в мою башку — плазма впилась в пол возле левого глаза. Второй боец стал стрелять второпях, но лишь высек искры и брызги из жирной спины своего командира. Когда рядовой охранник добил старшего по чину, от того пошло столько пара и дыма, что я без труда замаскировался. При такой завесе легко было выключить бластером незадачливого стрелка. Кстати, третий эсбист стал меня поливать огнем одновременно со вторым, но Шошана, используя костыль, сыграла своей замечательной нетравмированной ножкой ему по уху. Ударенный в ухо пал и больше не мешал.

— Спасибо, ты очень добра ко мне, — поблагодарил я подружку.

— Я чувствую, ты готов злоупотребить моей добротой.

А со стороны улицы к нам навстречу уже бежала бригада эсбистов сапог в двадцать.

— Есть и другой выход. Может, успеем к нему раньше команды соперника. — Шошана потянула меня за рукав и поскакала с помощью своего костыля, похлеще, чем горная коза. Привыкшие к благопристойности и порядку заводчане пока не чинили нам препятствий и вежливо уступали дорогу. Ввалившаяся через дверь бригада в свою очередь открыла бешеную пальбу, мигом посшибав все лампочки со стен. Рядышком со шпоканьем лопнула надувная эмблема завода «Весна» (картина «Грачи прилетели»), но мы уже влетали в лифт третьего яруса. А вот уже броня двери прикрыла наши спины и затылки от артобстрела. Однако вместо кнопок с номерами этажей в кабине имелся лишь небольшой сенсорный пультик для ввода кодов. Но Шошана, не растерявшись, лихо поцокала по нему пальцем и мы тронулись — явно вниз.

— Знаешь код?

— Просто запомнилась последовательность электрических сигналов — мы же, фемы, девушки с магниторецепторами... Ага, выскакиваем.

Восьмой ярус явно приходился на внутренности платформы. Здесь были коридоры, слабо «освещенные» теплоэлементами, — то есть предназначенные лишь для зрителей инфракрасного диапазона. Все, как и положено в этом диапазоне, размытое и плывущее. И еще присутствие демона — всегда и везде.

— Ты здесь гуляла уже? — Все-таки есть у меня робость перед бесконечными кишечными изгибами и загогулинами тоннелей, а вот на свету смерть хотя бы прекрасно очерчена и как следует видна.

— Тише идешь, дольше проживешь. Не напрягай мозги, лейтенант. Мне легче будет экранировать тебя. — Лучше бы этого не говорила, сразу стала мерещиться шпионская нитеплазменная волосня, лезущая в рот, уши, ноздри, мозги.

А потом началась скачка среди вялых бордовых потоков, сочащихся из светильников-теплильников. В конце каких-то концов мы оказались в здоровенном цеху, на сплетении металлических мостков и трапов — десятью метрами ниже была странная ребристая и люкастая поверхность, наверное, крышка большой-пребольшой цистерны. И вдруг из нескольких щелей в стенах цеха показались фемы с плазмобоями в руках, числом пять.

— Стрелять они здесь не будут, — шепнула Шошана. — Но другие средства воздействия не исключены.

Это хорошо или плохо, что не будут? Пока я задавался таким вопросом, в подтверждение ее слов фемы сложили свои плазмобои на пол и стали продвигаться по мосткам сразу на нескольких уровнях.

— Неужели думают, что они нас месить ногами будут, а мы станем их обнимать? Дружить так дружить, а воевать так воевать. — Я стал наводить плазмобой на ближайшую амазонку. Тут Шошана выдернула обойму из моего оружия. Вот те на.

— Ты чего, сдать меня решила подружкам? Не смогла принципами поступиться?

— Просто здесь принято вести себя прилично. — Она скосила глаза на цистерну.

— Атомный реактор там, что ли?! — кажется, я уже стал немного истеризировать. — Я и рукопашную люблю, но только под настроение.

Для подъема настроения выудил из кармана раздвижную электрошоковую трубу — этаким «телескопом» я уже не раз показывал кое-кому небо в алмазах. Когда надо, из нее выскакивает метализированный тросик с шариком на конце. Чем не знаменитый японский цеп «кусари»?

Тут у меня в глазах еще больше потемнело, а вернее, в мозгах — будто сыпанули на голову несколько ведер земли. Началась какая-то психическая атака. Еще немного — и я бы свалился вниз, да мордой об цистерну. Но почувствовал — есть страховка. Шошана меня поддерживает, не руками, чем-то другим. Эх, мне хотя бы не мешать ей, раз такой оборот. Раз я ничего не понимаю.

Нет, кое-что уже понимаю. Большая «колобашка», состоящая из темной плотной силы, перла на меня. И никаких полезных сведений на этот счет, полная обреченность.

«Колобашка» собралась сыграть мне по голове, повышибать электроны из их гравитационных гнезд, превратить нейроны, заодно и мысли в кучу ионизированных соплей. Но кто-то вытряс из меня защитное вихревое поле. Показалось даже, что внутри турбина заработала. Это Шошана растормошила один из тех полюсов, что имелись у меня в бытность человеком-юлой. Только, пожалуй, послабее выброс получился, чем когда-то. Правда, тогда я был заражен спорой демона, и это немало умаляет радость от прошлых достижений.

Защитный кокон казался зыбким, как очищенное вареное яйцо. Однако при взаимодействии с «колобашкой» яичко не разлетелось, а только начало вращаться, как безумное.

От этого возбудились и другие мои силы. По жужжанию, царапанию, мельканию пятен я стал ощущать свои полюса: движения и пространственные, устойчивости и синхронизации. Вихри, источаемые полюсами, сплетались в каналы-пульсации.

В прошлом я управлялся с пульсациями лишь благодаря споре-Контроллеру. А нынче совсем примитивный стал — просто инструмент, которым работает Шошана. Но я не гордый, лишь бы помогло от смерти. Вот опять атака, и теперь вражеская сила похожа на кусок броневого листа, летящий от взорвавшегося корабля — сейчас размозжит, и не только мозги. Но броня, едва коснувшись водянистого кокона, внезапно покрывается ржавчиной, и смертельная коррозия в мгновение ока превращает ее в труху.

Врагинюшки-фемки представляются плоскими тенями из моего кокона. Но вот они перестают скользить, вспучиваются, обретают объемность, угрозливо движутся на меня.

Я выстреливаю тросик, и его кончик, вооруженный шариком, захлестывает балку, оп и ля, с помощью своего «кусари» перебираюсь на другой мостик, ради того чтоб отложить на попозже свидание с двумя девушками фемской национальности. Но я, видно, крепко приглянулся этим кудесницам. Они машут мне руками. Нет, не совсем так, они забрасывают на мой мостик веревочки из широкомолекулярных нитей, по которым резво, без эквилибристики пробегаются. И прыг на меня — с двух сторон.

Огненная сила ударила в миофибрилы моих мышц и принесла им не только крепость, но и знание. Я сумел то, что явно выбивалось из диапазона моих возможностей. Прыгнул на руки, а нижней частью тела, которая стала теперь верхней, сделал «мельницу» в лучших традициях мар-

сианского monkey-boxing. Две фемки были сметены как крошки со стола. Сорвавшись с мостика и просвистев положенные десять метров, барышни шлепнулись на цистерну. Ура, система симметрий сработала — они мне, я им.

Не дав порадоваться, еще одна фемка возникла рядом и в мгновение разлетелась стайкой пузырьков, которые шмыгнули слева, снизу, справа, сверху от меня. Применив пространственное искажение, врагиня обогнула кокон и очутилась позади. Она не застала меня совсем врасплох, я оперативно согнулся, и выстреленный ею сапожок только задел мои волосы. Ну, monkey-boxing, выручай. Резко падаю на руки и выщелкиваю ноги назад. Когда обернулся, то фемка уже, вернее, еще поднималась с поверхности мостика — тут я и приложил ей к затылку свою «трубку мира». Любя, конечно, не до вышибания мозгов.

Тем временем, до Шошаны добралась какая-то нехорошая девушка, прошмыгнув по потолку на колесном блоке. Моя подружка заблокировала удар ноги (утяжеленный плотной силой раз в двадцать) по своему серьезному лицу и даже перехватила противницу за щиколотку. Однако неприятельница выскользнула из захвата, кувыркнувшись вперед. Потом пошла колесом назад, в конце курбета нанесла два боковых удара — ребром ладони по горлу и ногой по голени. Но Шошанка присела, одновременно подпрыгнув, иначе говоря, съежилась, поэтому целой осталась и даже запаяла сопернице пятерней в область солнечного сплетения. Я даже заметил канал, по которому проскочила ядовитая водянистая сила и все отравила в подвздошной области атакующей стороны. Фемка скорчилась, похоже, что от серьезного поражения нервных узлов, и вышла из игры.

Последняя противоборщица пронеслась по низу мостков на руках почище орангутана и выскочила с железякой-метаморфанткой, которая заострилась в клинок. А тот нацелился на шейку моей Шошаны.

Я с воплем оттолкнулся от балки, где только что сражался, и оказался на том мостке, где единоборствовали фемки. Не очень ловко всунулся со своим «телескопом» меж ними. Лезвие уже опускалось на мое мясо и кости. Но ни боли ни хруста, вместо того я ощутил резкое движение, организованное огненным полюсом. Столь быстрое, что показалось — внутри меня сидело десяток проглоченных пружин, которые вдруг все сработали.

Я изогнулся дугой назад, а когда клинок должен был вскрыть мне живот, совершил прыжок с переворотом, используя вместо оси этот самый меч-кладенец. В виде след-

ствия ухватил в подмышку голову фемки и произвел бросок.

Когда все прояснилось, я сидел на мостке, выставя ноги вперед, как ребенок, который перекружился. Опупевая, поглядывал на свой распоротый мундир. Фемка же поднималась на четвереньки, недоверчиво уставясь на кладенец, который нынче напоминал леденец. А Шошана стояла над ней и тыкала тремя пальцами в место соединения шеи врага с головой врага. Недружественная фемка кашлянула и растянулась на мостке беспомощной тушкой.

— Убить не убили, но избили до полусмерти. Причем всех подряд, малой кровью и на чужой территории. Вот как надо работать, — расхвастался я, но Шошана уже подталкивала меня в сторону одной из дверок, через которую надо было поскорее слинять. Попутно она вставляла рожок в мой плазмобой. Я машинально глянул на демонометр — елки, ему активно не нравилось то, что помещалось внизу, в цистерне.

— Шошана, самая что ни на есть живая нитеплазма, то есть, спора, в цистерне. Зачем Плазмонту этот бочонок? Что там в нем хранится?

— Нет уж, брешет твой прибор, — чуть ли не по-девчоночьи завякала она.

Как будто там находилось что-то святое для нее. Примерно такие интонации должны быть у того, кому авторитетно сказали, что его папа не человек, а человекообразный жук.

— Это материнское вещество, — скорбно призналась напарница.

Значит, что-что, а матка у фемов есть. Бесформенный слизень, который является по совместительству коллективным родителем, вождем, всеобщим любовником. От такого монстра фемки получают все: гены, воспитание, радость. И отдают ему все, включая жизнь.

— Да-да. Это душа всех фемов. Центр симметрий, — как-то неуверенно, будто пытаясь усыпить себя, защебетала ритуальные фразы Шошана.

— И так же как душа любого отдельного человека, она может быть захвачена демоном. Только последствия будут куда неприятнее. Контроль демона над всеми фемами — это же жуть невыносимая!

Что там в Шошке творилось секунд пять, не знаю. Потом она выхватила сквизер. Честно говоря, я не знал, кого она обработает, даже репа от страха зачесалась.

Для меня обошлось — она выстрелила в одну из трубок,

отходящих от цистерны. И я услышал, нет почувствовал, как там, внутри емкости, что-то заворочалось. Во мне это отозвалось, где-то под ложечкой, чего уж говорить о Шошанке. Она и виски сжала, и даже заурчала.

Я понял, Шошана стала — по своему мнению — чем-то вроде отцеубийцы, поэтому обхватил ее за плечи и потащил к двери, на которую показано было минуту назад. Та действительно представляла собой незапертый выход. А за ней имелся крохотный лифт.

— Нижнюю кнопку, — хрипнула она. Я нажал, что полагалось, и стал ждать. Это самое неприятное, когда ты нервничаешь, выделяется адреналин, а надо просто застыть и думать — перепилят «сестрички» несущий трос или нет? Кажется, что просто истлеваешь изнутри, как масляная тряпка, брошенная на плиту. Я точно истлел, когда мы добрались до самой нижней палубы, где среди плетения прочих труб и кабелей, змеился матовый блеск пневмопроводов. Мой двигательный импульс, как выяснилось, совсем уже исчах, и только наличие беспомощной соратницы слегка возбуждало меня. Я прижал Шошку к груди, она тоже ухватилась, затем мы рухнули на аварийный клапан, который развернулся и втолкнул нас в воздухопровод. Хоть не впервой там летать, но ощущения все равно были, как у выстреленного из пушки.

17

— Ты что, серьезно навредила ей... ему? — поинтересовался я, когда нас выплюнуло из колодца уже в одном из бидонвиллей.

Спросил из вежливости и ожидал проявления безутешного горя. Однако, с этими фемами ничего не поймешь, ответный голос был у Шошаны как сухой лед:

— Пожалуй, нет. Вызвала что-то вроде шока. Думаю, что поврежден коммуникативный узел и соответствующие структуры периферийной памяти. Полная реабилитация займет, может быть, неделю. ОНО будет жить только собой все это время. Материнскому веществу придется снова решать, зачем ему нужны люди.

— Извини за этот вопрос, а также последующие и предыдущие, потому что многие из них, конечно, бестактны. Вы все действительно вылупились из той самой цистерны?

— Материнское вещество задумывалось как некий универсальный инкубатор, в котором сочеталось бы хранение

общего генофонда в виде октаэдрической матрицы, его контроль, а также наделение зародышей генотипом по определенным схемам. Но, само собой, инженеры не думали, не гадали, что материнское вещество всерьез займется усовершенствованием матрицы и врожденные свойства будет подбирать не по готовым схемам, а по смыслу. Своему смыслу.

— Шошана, ты рассуждаешь о матке, как о старой умной бабусе со степенью доктора наук, но ведь в лучшем случае она что-то вроде компьютера, намастачившегося в области социогенетики. Однажды он подыскал верный способ избавиться от назойливых программистов — с помощью своей продукции, то есть вас, сестрицы.

— Если даже паршивые конгломераты кибероболочек, когда над ними поработал эволюционный ветер, проявили разумность и эмоциональность... То что уж говорить о субстанции, которая зачинает нас, как мама, взращивает, как садовник, и общается с нашими душами, пардон, протогенами... как божество. Материнское вещество для нас... это божество.

Ага, это интересно.

— Вот сейчас мы тронули самую суть, Шошана. Смею предположить, что все вы, как мухи в киселе, в психической и даже физической зависимости от вашей полужидкой богини. Однако ты все-таки рискнула святотатственно обидеть ее. Что-то здесь не так. Твоя... явно ненормальная самостоятельность и такое прочее — извини уж за комплименты — это все тоже было запроектировано маткой?

— Хотя и не исключены случайные закидоны, скорее всего да. Поэтому-то я решилась причинить ущерб материнскому веществу. *Оно* обязательно предвидело такую ситуацию.

— Не просто предвидело, Шоша, но и вылепило прелестное создание, которое в подходящий момент подгадит ему самому, отстранив от реальности.

Теперь понятно, почему «создание» Шошана не рехнулась, а успокоилась и вполне отбалансировала свою психику. И почему фемы не организовали массовой облавы на нас. По их мнению, сестра Шошана подняла руку на богиню-мать разве что с ее попущения.

— Я охотно допускаю, «сестра», что вы не числите чудес и откровений за вашей богиней, никого не режете в ее честь. Это вполне естественно, коли вам известно даже, как она устроена. Но вы же верите в нее. Причем полезность этой веры можно испытать в любой миг. Как все-таки вы поклоняетесь ей? Отправляете ли некие ритуалы? Прино-

сите ли жертвы в виде вкусненького или цветов? Вот, например, наша вера — космотеизм — ничего себе вера, говорю без всякого подхалимажа, ведь вблизи нет никакого начальства. У нас приняты молитвенные и медитативные формулы, обряды по поводу проводов на тот свет и посвящения в касту. Есть церемонии, в которых не обойтись без пресвитера. Например, в День Исхода — верховный духовник ударно благодарит Всезнатца за Божественный Ветер, который погнал Отцов прочь с грязнули Земли на чистые просторы Космоса.

Шошана помалкивала минуты три, наверное, соображала, что можно рассказать дураку вроде меня. Мы тем временем пробирались вдоль ржавой стены какого-то склада, почти скрытой гидропоническими лопухами.

— Благодаря настройке на материнское вещество не только выбирается верная линия поведения и соблюдается правильный энергообмен. Иногда, отделившись от всего необязательного, отрезав мир, мы подключаемся к НЕМУ для взаимопогружения и очищения. Устанавливаются такие каналы общения и такие фильтры, что мы испытываем радость от этой процедуры. И больше ничего. Для удобства назови ее ритуалом.

— Я назову ее оргией. Между прочим, я все прикидываю, намного ли вы ближе людям, чем граф Плазмонт. По крайней мере, ваши первичные стремления не попадают ни в какие человеческие рамки. Не больно похожи «сестры» на мужиков, которые из кожи и рожи лезут, чтобы запечатлеть себя в веках. То есть, не отмечены вы знаком «плюс». Однако, не видно и знака «минус». Ничего нет в вас от баб, которые искони питают древо мужицкой славы. А ведь на первичных мотивировках лежит все скопище жизненных целей и конкретных поступков. Так какими же вас слепила матка и чего она от вас требует?

— Даже генным инженерам, сотворившим материнское вещество, хотелось, чтоб из него родилась большая семья, чуть ли не Рой. Для таких как ты главное — это независимость, значимость, отличие от других. А вот несамостоятельность, подчиненность, функциональность считаешь ты недоразвитостью и убожеством. Что, наверное, правильно — для тебя. Но мы, фемы, иначе устроены, мы плаваем в едином балансовом поле с планетой, друг с другом. Мы не примазываемся к большим общим задачам, мы их решаем.

— Ладно, Шоша, а зачем вам граждане вроде меня? Они, небось, на ваш семейный взгляд какие-то несерьезные

хухры-мухры, которыми можно попользоваться и спустить в унитаз.

— Наоборот, когда мы разберемся с большими-пребольшими задачами, попользуются этим не фемы, а люди. Мы попросту унавоживаем почву, на которой расти и расцветать станете вы. Фемы, считай, эдакие дождевые черви. Но, само собой, у нас с вами особой дружбы не будет.

— Конфликт червяков и цветов. Но хоть бы все там разорвало, лишь бы не было войны...

За таким милым разговором мы добрались до полицейской штаб-квартиры. Постовой у входа отдал мне честь — значит, пока что все близко к норме. Я вырулил прямо в свой новый кабинет и стал разбираться со сводками и прочим калом, который приплыл на сей момент. А изрядно притомившуюся Шошанку загнал медитировать на диванчик в соседней с кабинетом комнатке (интересно, кого там укладывал главный начальник и скрытый блудодей Леонтий?).

Из суда и прокуратуры пока ни ответа ни привета. Майор тоже не прощупывался, видно, потонул в объятиях электрических баб. И Рекс помалкивал, не гавкал. Можно подозревать, что нынче у него в голове бо-бо и пустота, отчего он преимущественно впитывает мультики в своем гостиничном номере.

Наплыла лишь обычная оперативная информация: расчлененки, воровство органов, насильственные мутации (лозунг космиканских бандюг: наша цель — человек) — хватило и десяти минут, чтобы дать все необходимые личному составу директивы. «Вязы» пока нешумно себя вели. Неужто простили? Однако я могу сильно пострадать, если оставлю следующий ход за ними. Ну, а если мне атаковать? Тогда уж, как слону Ганибала — сокрушительно, с ревом.

За вооруженное противодействие властям, то есть мне, в виде прямо-таки целого бунта, Устав префектурной полиции просто обязывает накрыть «Весну» колпаком чрезвычайного положения.

Заслать туда ОПОН, взять под контроль, зашаховать-заматюгать, а также забрать в кутузку всех смутьянов. В случае же скудости сил обратиться к воякам, на их орбитальную базу, точнее к командующему меркурианской эскадрой, чтобы тот прислал батальон космической пехоты. Ни у кого не надо спрашивать дозволения — в Васино нет более высоких должностных лиц при исполнении и ни одного Генерального Уполномоченного. Ух, страшно и подумать — чего только я могу натворить. Однако же устав ус-

тавом, но если похерены негласные соглашения между префектурной полицией и концерном «Вязы», мои действия могут быть признаны некомпетентными, злоупотребляющими служебным положением и несоответствующими занимаемой должности — опять же по уголовному кодексу Державы Космика.

И вдруг в разгар нелегких раздумий из приемной мне сообщают, что прибыл генеральный директор «Вязов» господин Николай Петров. Сам Петров! Не «номерок» какой-нибудь, а тот, кто еще на Земле был крутым начальником. Один из самых бойких участников Войны за Независимость, чья подпись стоит под Хартией Солнечной Системы, которая выбита золотыми буквами на стене Державного Музея в нашей столице, Рыньгороде. Он — ох и ах, а я — тьфу.

В кабинете оказался человек, слишком низенький для природного космика, в костюме-тройке, который увидеть можно разве в передаче с какого-нибудь важного бала-маскарада вроде Собрания Касты.

— Прежде, чем и вы, и я выступим с новыми еще более интересными номерами, — начал Петров, — предлагаю положить карты картинками вверх. Я навел справки, судя по ним, вы были ответственным, даже ревностным служакой. Отнюдь не смутьяном. Что вообще свойственно питомцам «Мамальфеи». Были да сплыли. Ну так что же случилось?

Индикатор демонизма помалкивал. Это, однако, не давало гарантии. Впрочем, отчего ж не поднять забрало. Еще более опасным Петров вряд ли станет, ну а вдруг у него просветление наступит. Кроме того, на наличие записывающих устройств генеральный уже был просвечен — в тот момент, когда важно шествовал под притолокой двери (весь этот кабинет я пораньше обшарил). Впрочем, и попытку записи с моей стороны большой начальник засечет наверняка.

— Господин Петров, воспитанники «Берлоги» тоже ревностные, но только они, в отличие от мамальфейцев, несколько прямолинейны, и лобная кость у них толстая... Вы, должно быть, имеете справку о том, что я занимался нападением на караван «Дубков» в долине Вечного Отдыха, вернее, разбирательством этого плачевного случая. Почти все серьезные эксперты усиленно кивали в сторону вашего концерна. Но я избавился от этой шелудивой версии по ходу своего расследования, хотя мне вредили (притесняли, угнетали) с упорством, достойным лучшего применения — и бомбой по макушке, и гразером по колесам. Вырисовалась

сложная цепочка событий, приведших к гоп-стопу на большой караванной дороге. А привел в действие это тряхомудие некто Дыня, мутант, труженик «Дубков».

Служащий компании устраивает с ведома своего руководства неприятности родимой фирме. Это должно что-нибудь означать?

Должно. А именно то, что фирма «Дубки» — двойной чемодан. Сверху навалено какое-то барахло, а под фальшивым дном — вся суть. Я много песка съел в долине Вечного Отдыха. Там, и не только там, под покровительством «Дубков» хорошо устроилась иная форма жизни и материи. Она, вместо наших белков-жиров, из нитеплазмы сделана, и вдобавок сулит всяческие гадости людям. Увы, я не могу описать ее на манер какого-нибудь мизика. В общем, это не какая-то бяка-раскоряка из детской страшилки, «иную форму» заметила еще десять лет назад на Земле наша разведгруппа и нарекла гордым именем Плазмонт. А потом материалы весьма опасных наблюдений были благополучно захоронены в секретных анналах — такое слово неизменно ассоциируется у меня с задницей — флотской разведки.

— Ну, это вопрос к Адмиралтейству. А что, лейтенант, вам все-таки понадобилось на комбинате «Весна»?

— Вначале ничего особенного. Я мастак искать и потому хотел найти свою добрую знакомую, с которой расследовал вместе караванное дело.

— И, обретя друг друга, устроили на радостях пальбу.

— Господин Петров, меня поразил уровень противодействия. На лицо, исполняющее обязанности начальника полиции, не задумываясь, поднял оружие офицер Службы Безопасности! А директор завода был вдобавок носителем споры Плазмонта. У меня ведь есть прибор для обнаружения нитеплазмы. И вообще я не могу понять, кто кого начал первым использовать, наши бюрократы нитеплазму или наоборот? Или они добровольно, ко взаимной радости, совокупились, и теперь благостно дополняют друг друга?

Господин Петров не стал рассеивать туман моего непонимания, скорее всего, он и сам пребывал в мгле. Однако выспросил кратко.

— Зачем вы сшиблись с фемами? Они ведь похоронят вас и вашу подружку.

— Ну, это бабушка надвое копала. Они, между прочим, мне ее и прислали, а вначале даже опекали мое благополучие. У фемов, кстати, ничего не происходит случайным образом. Вы слыхали о материнском веществе?

Господин генеральный директор еле заметно качнул

своей знаменитой головой. Мне этого хватило, чтобы воодушевленно продолжить.

— В материнском веществе объявилась спора Плазмонта, потому, наверное, и переменилось отношение ко мне. Вы понимаете, что это означает, вселение демона в матку, если учесть мощь фемской организации.

— Очень многое, лейтенант. Если только ваши доводы и откровения не бред сивой кобылы.

— А директорша-фемка Медб К845, превратившаяся в вихрь, и потом «стертая из памяти» — это тоже бред сивого марсианского крокодила? Если нитеплазменный гад-паразит еще не успел вас обработать, то пора и вам, многоуважаемый с детства господин Петров, приоткрыть несколько карт.

— Ну ладно, — генеральный слегка застопорился, а потом продолжил (он все-таки был решительный мужик, а вернее сущий деспот). — У нас и раньше приключалась какая-то мудистика. Человек, порой даже весомый человек, посреди всего трудового процесса несолидно пропадает, и нам остается только ставить галочки в графе «прогулы». А разве ведущая компания Солнечной Системы имеет право выглядеть беспомощной? Этого компания позволить себе не может.

Я не удержался от подобострастного: «Ну разумеется», хотя из этой сраной напыщенности (компания, видишь ли, ведущая, не в гроб ли ведет?) мы в состоянии проморгать всю Солнечную Систему.

— Тем более, мы не исключали появления под видом без вести пропавшего сотрудника какого-нибудь чужака, — несуетливо продолжал великий Петров. — Однажды и впрямь он попробовал появиться, но фальшивку мы — слава Хартии родной — распознали. В общем, полное стирание казалось нам целесообразным. Вы будете осуждать меня за это? Я имею в виду, конечно, не моральное осуждение.

— Я тоже говорю лишь о деле. И да, и нет. Да — после «стирания» Плазмонт не мог уже вернуть на работу препарированного им человека. Нет — умыкая вашего сотрудника, демон сполна познавал его, а полиция ничего об этом не знала, не ведала. Вот и получается, если демон вначале служил ручным зверьком у каких-нибудь наших умельцев, то потом, насосавшись знаний, захотел вести собственную линию.

— Какая еще «полиция»? Всего лишь пару недель назад в вашем мозгу, лейтенант, что-то забрезжило, а до этого вы незатейливо бегали с электрической дубинкой. Не было

слышно и других прозорливцев. Так что, может быть, ваше прозрение запоздало, и префектура уже поехала вниз головой с трамплина. А заодно с ней вся Космика, — генеральный директор генерального концерна поднялся. — Я ухожу. Я стал отчасти понимать вас. Вы или крупно выиграете, или крупно прокакаете. Я пока что собираюсь держаться от вас подальше. Поэтому вы лучше не трогайте «Вязы», иначе шансы на вашу победу мигом улетучатся. Со своей стороны, обещаю вас не беспокоить по поводу «Весны», какое-то время, конечно... и попробую выяснить, какие-такие умельцы могли приручать этого беса. Учтите, что своими утверждениями и действиями вы взяли на себя большую ответственность...

И генеральный значительно удалился. У меня так не получится, все эти повадки мелкой личности уже не выправишь. Петров, объегоривший и обкрутивший сотни шибздиков вроде меня, ушел с моего горизонта до той поры, пока не выяснится, победил я или проиграл. Чтобы произвести первые поздравительные похлопывания по плечу или же сурово пригвоздить. «Он мне сразу не понравился, глазки такие торопливые. И вообще пора устроить проверку в этой самой Мамальфее. Наверняка там плохо моют пробирки». Или: «Я горжусь тем, что у нас есть Мамальфея и ее питомцы. Как жаль, что я родился на свет обычным образом».

Но в любом случае, разговор повернул направление моего главного удара на «Дубки». Тем более, что есть кончик, за который я еще должен уцепиться. Дыня. Арбуз.

Теперь явись ко мне мой верный приспешник Тереха-мл. (Кому он там будет верный после меня? — наплевать. Так сильно наплевать, что после меня, наверное, случится потоп.) Вместе со своим кибер-шпионом я проник, как юркая крыса, в пещерные файлы городской стражи и напал там на след. Что-то похожее на Дыню намедни проследовало через васинский КПП обратно в город.

Значит, немедленно требуются санкции на его арест и шмон в его жилище. (Самое простое — разрезать автогеном жизнесферку пополам и вытряхнуть содержимое, чтобы потом кибер-ищейки порылись.)

Прокурора умасливал с полчаса, уверял, что «Дубки» нежно люблю и просто хочу убрать от них вредителя. Я был убедителен и искренне взволнован, когда живописал блоху, пригревшуюся на груди великодушного НПО. Для большей доходчивости разъяснений мне пришлось незаметно пускать из кармана в сторону должностного лица аэро-

зольную струю «размягчителя мозгов» — вполне скромную, чтобы атмосферные датчики не всполошились и в газете не чиркнули про газовую атаку.

Обзавелся санкциями — и вперед. Тормозить нельзя — хронометр работает не на меня. Еще надо срочно высвистать Кравца и выписать на него документ, как на общественного помощника. Шериф должен сейчас загнивать где-то в недрах бара «Экстаз».

Надену, пожалуй, парадную форму лейтенанта, в кобуру спрячу сквизер, за пазуху лазерный резак, и на этом остановлю гонку вооружений. Когда я уже сунулся в дверь, из прилежащей комнаты выскочила Шошана.

— А я как же?

— А ты болей. Я думаю, если твои друзья фемы повстречают меня с тобой в «Дубках», то станут очень нервничать и даже постараются обидеть.

— Моя болезнь тебя почему-то не смутила в «Весне»... Так вот, среди «дубков» нет ни одного фема. Поэтому выписывай на меня документы, пока я тебе не впаяла промеж и по.

— Все понял. Ты хорошо объяснила, Шоша. Только оставь костыль здесь, возьми палочку. Чтобы меня не обвинили в использовании труда хворых и больных.

Кравец обнаружился довольно быстро. Кажется, ему собрались дружно обломать рога трое каких-то муташек. Или питекантропов. Когда появился я «при параде» и фемка со стальной клюкой, мутные мигом ретировались, отдавая честь.

— На этот раз вы, кажется, вовремя, — с еле скрываемым удовлетворением произнес шериф.

— Не мы, а ты. Придется поработать, уважаемый.

Хорошо, что он не наклюкался. По крайней мере, не сильно. Пока мы добрались до административного здания «Дубков», он уже вполне утвердился на своих каблуках.

У служебного входа к нам стал приставать вохровец.

— Стоп. Куда? — Я ткнул ему в физиономию удостоверением и ордерами. Но он собрался помариновать нас и хотел было растрезвонить по телекому известие о появлении чужаков.

Тут последовал первый ход с нашей стороны: «e2» по «e4». Шошана влупила ему чем-то плотным и невидимым под дых. Ну, ведьма. И вохровец осел мирно на стул. Другие охранники, заметив, что старшой не противодействует, перечить ни в чем не стали. Следующим крестиком был помечен отдел контроля кадров.

Отдел на постукивания и позвякивания не откликался. Пришлось дверку лазером открывать — то есть аккуратно срезать запорные штырьки. Раненая дверь бессильно распахнулась, а за ней нас встретил еще один бдительный вохровец со своим зорким плазмобоем. Хорошо, что Кравец сориginальничал, кувыркнулся через порог и, сделав ногами двустороннюю подсечку, уложил вторую помеху на татами. После чего явился тот, кто нам нужен, судя по ряхе — начальник отдела. Но как я ни тряс демонометр и ни менял батарейки, семечко демона в этом типе не давало о себе знать.

— Не умеют тут у вас встречать гостей, — сказал я как можно приветливее.

— Это господа из полиции, — объяснил кадровик лежащему охраннику, и я намекнул Кравцу, чтобы он прекратил своим увесистым коленом прижимать пострадавшего к ковру.

Кадровик не походил на своего собрата по несчастью (счастью?) — на «весеннего» директора. Тот испытывал гордость от приобщения и оказанного доверия, а этот будто уже приобщился, стал ласковый какой-то, резиновый, «летний». «Весенний» и «летний» были, наверное, как социализм и коммунизм. Получается, демону даже не требуется упорно сидеть внутри человека! Достаточно произвести перенастройку организма — и удаляйся с чувством глубокого удовлетворения за проделанную работу.

Физиономия начальника не выражала никаких отрицательных эмоций, казалось даже, что он одобряет наши поступки.

— Присаживайтесь. Но почему вы не договорились заранее с директором, а еще лучше с правлением компании? — поинтересовался собеседник с милой улыбкой, как будто минуту назад мы не размазывали его человека по ковру.

— Может, мне еще и объявления вешать на каждом углу, чем я собираюсь заниматься? А занимаюсь я парнем по кличке Дыня. Это хитрая бестия. Истинное ему имя — Атилла С456, вот санкции на арест и обыск. Я спрашиваю, где он? По-моему, вы тот начальник, который должен быть в курсе.

Кадровик, расцветя еще большой приветливостью, поклацал клавишами своего компьютера. А потом без запинок рапортовал:

— Он в производственном секторе. Это в квартале отсюда.

— Надеюсь, ваше высказывание не является неудачной шуткой. Свяжитесь с Дыней по аудиоканалу и попросите немедленно зайти сюда.

— Я попробую. Надеюсь быть вам полезным... мне только надо нажать три кнопочки.

Кадровик пообщался с кем-то на невнятном лунарско-украинском диалекте, характерном для уроженца Кузьма-бурга и, просто лучась, доложил нам:

— Немедленно высвистать его нельзя. Он сидит внутри одной из тридцати панелей управления технологическим конвейером и ковыряется с оптоэлектронными каналами. А передавать через кого-то — ни у вас, ни у нас так не принято. Он может обо всем догадаться и просто сделать ноги.

— Не очень мне верится, что от вас кто-то может сделать ноги. Ну ладно. Мы сами прогуляемся в производственный сектор. Только вам придется соблаговолить и проводить нас. — Я потихоньку от охранника показал должностному лицу тусклый глазок сквизера.

— Это уж чересчур. У меня просто нет слов.

Лицо кадровика чуть-чуть померкло, как у старого учителя, который только что хвалил своего ученика, а он вдруг стрельнул в него шпилькой из маленькой рогатки.

— Я вам одолжу парочку слов. Для Меркурия все вполне нормально. Вы, наверное, знаете — эта глазастая штука, что отдыхает в моей руке, даже когда работает, не портит костюм, и от нее практически не ухудшается внешний вид. За исключением случаев, когда кто-то благодаря ей сильно накладывает в штаны.

В итоге мы вереницей — кадровик впереди, наша тройка опоясывающим лишаем по бокам и сзади — двинулась к производственному сектору. В административном корпусе конвейера не было, но впечатление создавалось, будто все работнички делают что-то на счет «раз-два-три». От такого впечатления сразу тоскливо стало. Я сам не сторонник обильного просмотра мультяшек, курева, перешептываний с девушками и всякого пинг-понга в служебное время, но тут был какой-то театр Кабуки.

Конвейер замечался даже первым попавшимся зрителем. Застывшие лица-маски — каменная веселость, вечный кайф, как у Емели на картинке, стылая грусть, как у Арлекино. Веселых работников, видно, похвалило начальство и сослуживцы прославили, печальных — недобро помянуло начальство и укоризненно окликнули сослуживцы. И хоть физиономии были восточно-славянские, улыбочки и поклончики — какие-то азиатские.

Вообще, те сектора в Космике, где обитаются преимущественно русские, легко отличить, например, от немецко- или китайско-заселенных. У них там все вылизано и сияет, у нас же немало неприглядных местечек. Мы на мелочи не размениваемся, зато, если чем займемся, так уж размах и безоглядность будут, и «на ура», и «даешь». Поэтому никому кроме русских Меркурий не поддался бы. Учитывая это, верховное начальство шлет сюда «номерков», в основном, с «Мамальфеи» (Ганимед) и «Берлоги» (Титан), где банк половых клеток набран в Сибири, а воспитательные машины запрограммированы выходцами из России. Вот почему в Айзенштадте (Ио) или Бейпине (Каллисто) все улыбаются двадцать четыре часа в сутки, даже в гроб такими ложатся, а в Васино (Меркурий) народ или хмурый ходит, или ржет так, что через улицу слышно.

Короче, на Меркурии не только легче злодею орудовать, но и сложнее всякую правильную жизнь замаскировать. Сейчас такое впечатление создавалось, что поле нормального сознания у тутошних работников резко сузилось, или вовсе дошло до точки, а вместо этого в башке какое-то радио работает. Я вспомнил слова Шошаны про функциональных людей, так вот в этих товарищах ничего, кроме спущенных сверху функций, не осталось. Кажется, план по дрессировке здесь выполнен успешно... Кравец, кстати, совсем ошалел и тоже стал скалиться, будто дурак.

А производственным сектором кликался просторный домище — на вид половинка яйца, снесенного сверхдинозавром. Едва мы оказались внутри, как я преисполнился нехорошими ощущениями. Прямо шкурой чувствую — скользит что-то мимо меня. Не только скользит, но и лижет. Все это напоминает купание в сопливой реке. И даже в глазах какое-то струение, будто скорость у меня не пять, а пятьдесят пять километров в час. Я думал, демонометр загорится, чуть ли не дым пустит, а он совершенно спокоен. Опять я ничего не понимаю. Уловив мои треволнения, кадровик пояснил:

— Тут у нас своего рода оранжерея. Поэтому гуляют ионизированные ветерки.

Наша процессия остановилась в некотором сомнении перед бегущей дорожкой. Та торопилась вниз по скручивающейся спирали тоннеля.

— Дыня у вас на самом донышке хранится?

— Именно. Внизу работают самые сильные специалисты — так уж устроена оранжерея. — Кадровик одарил меня

своей заводной (в смысле механической) улыбкой. — Да и вам экскурсия небезынтересна будет.

Индикатор демонизма поглядывал на меня незамутненным глазком. Нитеплазмы поблизости не было, поэтому мы всей группой вступили на скользкую (то есть скользящую) дорожку.

Напоминая о небезынтересности экскурсии, стены тоннеля украсились иллюминаторами, за ними открылась пупырчатая дырчатая площадка цеха, перегороженная чем-то похожим на мембраны и даже на паруса. В ячейках, размежеванных мембранными перепонками, то ли прорастали, то ли надувались бульбы, похожие на детали реакторов, турбин и прочие полезные вещи.

— И не надо никаких штампов или форм, — похвастал «гид».

Если допустить, что бульбы эти из полимерной массы, тогда все в порядке. Мембраны-перепонки согласованным приложением сил (субнуклоновые импульсы?) лепят из пластика то, что необходимо многим людям. Причем наиболее дешевым и эффективным способом. Рапорта о досрочном выполнении правительственных заданий бодро летят на Марс.

Ниже ярусом, под «огородом», мы, смирно стоя на той же тропке, обогнули «джунгли» — ажурные конструкции, по которым поднималось что-то похожее на мочало. Или на тонкие-претонкие лианы.

— Веники, что ли, выращивают? — хмыкнул не особо унывающий Кравец.

Я пригляделся, мочало появлялось из гнезд еле заметными нитями. Те наливались соком и цветом, дорастали благополучно до потолка, и судя по их прыти, попадали снизу на пупырчатую дырчатую поверхность «огорода». Чтобы, в итоге, на верхнем ярусе образовывать разные полезные в хозяйстве вещи.

— А что за полимер? — попробовал выяснить я у сопровождающей нас неприятной персоны с приятным лицом.

— Широкомолекулярный, с поперечной гексагональностью. Но точнее сказать не могу, все-таки это секрет фирмы.

Мы сошли с дорожки — где-то очень глубоко, — мне даже показалось, что «яйцо» не держалось на платформе, а было основательно утоплено в почву Меркурия. Потом гид воткнулся прямо в серую стену тоннеля. Она же перед ним вначале боязливо подалась назад, образовав пузырь, который аккуратно лопнул без шума, ошметок и брызг.

Стена, значит, тоже полимерная, с чувствительными рецепторами и внутренними силовыми элементами. И нас она пропустила, кстати. Я слыхал, такие стеночки используются кое-где в психушках и тюрьмах.

Мы, оказавшись у подножья джунглей, протопали мимо прущей из дырок в полу полимерной массы, которая сразу прыгала на «ветки» и карабкалась вверх.

Путешествие продолжалось на лифте винтового типа, который опустил нас в цех, где там и сям торчали полупрозрачные стояки-колонны. Очевидно, через них полимерная масса и подавалась наверх, в «джунгли».

Нырнули еще на уровень вниз. Тут имелось что-то вроде аквариума, где наглядно и зримо плавал исходный полимерный студень, вызывая тошноту и законное омерзение. По своему поведению выглядел он квазиживым, потому что активно двигался (крутился, танцевал?) и, похоже, был способен к жратве и выделению. Этим меня не удивишь, внутреннюю оболочку скафандра из подобной дряни и мастерят, она даже дырки умеет заштопывать. У меня, кстати, имеется квазиживая мочалка, которая усердно съедает телесную грязь без всякой воды. Сажаешь ее на тело и она самостоятельно тебя моет. Но если задремлешь некстати, то она может уползти на кухню, почуяв запах пирога, и там беспощадно его сожрать вместо грязи. Да еще оставит кучку дерьма где-нибудь в углу. Как говорит один известный биолог — наличие кала есть первый признак жизни. Или: больше кала — больше жизни.

Кадровик завел нас в боковой зальчик, а может, и цех — там стояли аквариумы поменьше.

— Господа хорошие и дорогие, я думаю, небольшое развлечение нам всем не повредит. Смотрите сюда, оркестр — «туш».

Напряженные лучи упали на нас троих, а также подсветили три больших сосуда. В них вовсю резвилась эта самая слизь, которая при виде нас стала еще хлеще кружить и извиваться, будто обрадовалась. Почувствовала гостей, что ли?

— Сейчас какая-то чуда случится, — предвестил Кравец. Я тоже ощутил, произойдет нечто большое и гнусное.

Взаправду, не прошло и жалкой минуты, как в аквариуме шустро навертелось то, что явно напоминало куски заспиртованных человеческих тел. То, что любят студенты-медики разглядывать. Одни члены еще не имели четкого образа, другие более-менее оформились. И продолжали оформляться с каждой секундой все лучше. В результате

какого-то художественного творчества первым делом получились большие безволосые головы с закрытыми глазами, которые стали кое-что напоминать...

А именно — нас. Присутствующих здесь, всех троих по отдельности.

И тошнота, естественно. И спазмы желудка, добегающие вплоть до прямой кишки.

— Какого хрена, сэр! — не удержался от воя Кравец, занося лазерный резак над головой кадровика.

— Не стоит беспокоиться. Это просто шутка, дружеский шарж, — по гадко-ласковой физиономии экскурсовода поплыло удовлетворение. — Наш, как вы выразились, полимер имеет способность к довольно глубокому копированию окружающих его предметов, в том числе и живых. Не обижайтесь, господа, на такое творчество, оно совершенно безыдейное и неконцептуальное. Считайте, что полимер просто приветствует вас.

— Я слыхал, один скульптор на Марсе, кажется, по фамилии Мудодеев, тоже пользуется самокопирующими веществами, — пытаясь успокоиться, произнес я. — Но они принимают определенную форму, когда на них направляют лазерный свет, отраженный от копируемого предмета.

— Как вы смогли убедиться, мы убежали вперед от нашего времени. Поэтому нам достаточно обычного света. — похвалился провожатый.

Собравшись, со всей суровостью в голосе я напомнил ему о правилах хорошего поведения.

— В любом случае надо предупреждать и испрашивать согласия. Ведь среди нас могут оказаться нервные, вспыльчивые и даже больные люди.

— Да, я такой, — подтвердил Кравец, — один скульптор на Марсе вообще скульптуры из своего дерьма лепит. Чтобы они разноцветные получались, он всякие краски жрет, свеклу, синьку... Вот такое самовыражение через задницу.

— Я полагал, что все вы в первую очередь весьма любознательны. Кроме того, для вас экскурсия характерна бесплатностью. А в конце, между прочим, угощение за счет фирмы. — Кадровик так искренне потешался, что даже не хотелось злиться. И вообще не до него стало.

Какого-то черта тот кусок в колбе, который был похож на меня, подрастал явно быстрее других. Вся наша тройка неприлично пялились на это срамное действо, будто попала в цирк.

И в самом деле. Оформлялись, переходя из состояния

отростков в цивильный вид, руки, ноги, волосы. Причем не только внешний облик вырисовывался, но и внутренности. Подобия костей, мышц, сосудов вначале получались стекловидные, потом раскрашивались. Сплетались наружные ткани тела, они тоже наливались цветом и обрастали кожей. Определились и краски лица. Потом заимелась одежка. В сосуде образовался второй комплект моей парадной формы, совсем неотличимый от первого. Джинсура Кравца и Шошанин плащ (который, кстати, я ей подарил) куда хуже получились. Похоже, что на копирующий полимер я производил самое благоприятное и неотразимое впечатление.

В общем, немного погодя в сосудах стояли наши дублики-двойнички, один к одному, только уже не крутящиеся, а совсем неподвижные.

— Все это действительно интересно, но где же обещанный Дыня?

— Да здесь же он, — радость кадровика была беспредельной. — Здесь он, мой кадр.

Свет залил еще один сосуд, в котором находился разыскиваемый Атилла-Дыня. Как бы находился.

— И это, надо полагать, скульптурный портрет. Однако, вы ошибаетесь, если посчитали, что мы торопились в художественную галерею. Ваши действия уже тянут на статеечку, — грозно напомнил я кадровику.

Проклятый чинуша — обставил так обставил. Сейчас мне придется бросать на кон очень многое.

— Я слишком нервничаю, — забормотал Кравец, — еще немного, сорвусь и все перекрушу. Давайте отсюда сматываться, девочки и мальчики.

— Вам нужен был Дыня, который Атилла. Вот он, и никакого обмана! — искренний голос «гида» звенел от обиды. — Причем тут скульптурный портрет?

Кадровик хлопнул в ладоши, после чего все четыре фигуры... разлепили глаза и произнесли что-то невразумительное.

— От зараза, они нам замену подготовили, — Кравец, не став мозговать, полоснул лазерным клинком своего двойника. Но сияющее лезвие странно провзаимодействовало со стенкой сосуда. Колыхнуло ее, а потом словно впиталось, разбегаясь затухающими огоньками. Скушалось. Никакая это не стенка, а силовой экран. Похоже, не субнуклоновый экранчик — тот просто отразил бы разъяренный лазерный свет, — а нитеплазменный. Это она умеет поглощать энергию.

Полундра! Да все же вокруг нитеплазменное! Только нитеплазма здесь мощная, нитеплазма макромира, умеющая притворяться и точно изображать свойства обычной материи, окатывающая вполне обычными гравиволнами мой демонометр.

Шериф Кравец совсем несолидно дернул из малоприятного места, как пробка из бутылки с бродилом. И мы с Шошаной, естественно, увязались за ним с позорной быстротой. Однако свободный вроде выход тоже оказался перекрыт силовым щитом. И светлица, соответственно, сделалась темницей.

— Нет, нам такой забор не одолеть, — подытожил Кравец, — но эту суку в ботах мы же можем взять в заложники.

Он аккуратно дотронулся до пиджачного лацкана кадровика — товарищ как раз сиял от высокого наслаждения. Еще бы, такая сцена.

— Вроде силовым колпаком не прикрыт, — шериф на радостях послал кулак, чтобы угостить в лоб беззащитного, как ему казалось, противника.

Но пока кулак летел, во лбу кадровика обосновалась дыра, то есть его башка, сделав фокус-покус, превратилась в бублик. А потом весь чиновничек аккуратно расстегнулся — как плащ вдоль молнии — и из прорехи стали дружно вываливаться внутренности. «Плащ» этот расстелился на полу и пополз к выходу, оставляя мокрый след. Пришедшая в нормальный вид голова совершенно ненормально катилась впереди, как футбольный мяч.

— Спалю слизняка-гада! — Кравец навел широкофокусный лазерный луч, но тут из плаща выскочило что-то, почти невидимое, голубоватое, и полетело как из пушки в нашего активиста. Тот успел рубануть прозрачный снаряд и, возможно, немного сверзил его в сторону. Однако Кравец получил свое, легковесно отлетел на несколько метров и грузно шлепнулся на пол.

Замочивший шерифа прозрачный снаряд вернулся в объятия плаща, который поднялся и, вобрав внутренности, склеился снова в нормального бюрократа. Затем прокашлялся и стал прощаться:

— Пожалуй, разговор зашел не туда, так сказать, вышел из конституционного поля. Поэтому я вынужден вас покинуть. Всего хорошего, товарищи-джентльмены. Как говорится у классика, красота спасет мир. Скоро все уродливое в ваших личностях растает как туман, а все прекрасное останется.

Он многозначительно кивнул на наших двойников и спокойно вышел вон — для него силового барьера как бы не существовало.

— Ну, влипли, — Кравец хоть и на полу, но заколотил кулаками и засучил ногами. — Через полчаса эти колобки, срисовавшие на себя нашу внешность, пойдут вместо нас в кабак со своими фальшивыми имперками, нас же уволокут крюками на колбасную фабрику.

— Не бойся, имперки они возьмут не фальшивые, а самые настоящие, из наших карманов, — выйдя из ступора, попытался успокоить я добровольного помощника. Вдвоем с Шошаной мы закрепили его на ногах.

— Разве эта кукла сравняется с таким крутым парнем, как ты? — убедительно сказал я Кравцу. — Стул и шкаф они могут заменить на двойников, а не тебя. Раз так, то просто попугают нас и выпустят — а мы и не струхнем.

Шериф, скрипнув толстыми подметками, сделал пару приседаний, прочистил носоглотку и опять стал хорохориться.

— Они думали, что Кравца можно уложить навек каким-то сраным снарядом, нет, этим его разве что раззадоришь.

— Колбасную фабрику... влипли... колобки, — залопотал вдруг двойник Кравца, — нет, этим меня только раззадоришь...

— Ты, посмотри, — обмяк шериф, — да это же натуральный попугай. И ты говоришь, что он не сможет изобразить меня. Я же не Эйнштейн, много слов не учил, бестолковые словари не читал, поэтому долго стараться не надо. У меня уже голова болит от этого всего.

— Оттого болит, что маленькая, — повторил чью-то шутку дубль Кравца.

— Похоже, они обучаются, слушая нас. Выходит, нам лучше молчать в тряпочку, — заметил я.

— Вам лучше молчать, причем в тряпочку, — повторил мой двойник. И обернулся к остальным дубликам, презрительно через плечо показывая на «оригиналы». — Им пора помалкивать, а нам самое время общаться, дискутировать, декламировать.

«Да этот нитеплазменный колобок в курсе того, что имеется в моем багаже. Небось, изучил «литет мента», паразит этакий», — произнес я тираду, однако внутри себя.

— Паразитизм — тоже форма жизни, не хуже других, — квалифицированно оспорил мой двойник. — Это всегда вершина пищевой и социальной пирамиды.

— Ну, хватит мысли-то читать! — гаркнул я, но все равно стало зябко не по погоде.

— Какие там мысли. Снимают поверхностные почти-слова, то есть психомагнитные колебания, — заметила Шошана.

— Неправда, — опять возник мой дублик. — Лейтенанта мы досконально изучили. Мы его как словарь пролистали и запомнили. Мы теперь умеем думать, как он.

— Терентий, не расстраивайся. И в машину словарь умных слов всовывают, — возразила Шошана. — И киберсистемы умеют мало-мальски мозгами раскидывать. Главное в другом — о чем думать.

— Ладно, мальчики и девочки, хватит бодягу разводить, двинули отсюда, — предложил дублик Кравца и уточнил у «оригинала». — Ты к какой бабенке обычно шляешься?

Истинный Кравец в бессильной злобе запустил в двойника шляпу, которая благополучно пролетела сквозь кокон и была водружена на голову дубля.

И три фигуры — под прикрытием силовых экранов — спокойно покинули демонстрационный зал (цех, камеру пыток).

— Если они мне попадутся где-нибудь без коконов — я им таких бздей накидаю, что обратно в слизь превратятся с испуга. А твоему дублю, лейтенант, в самую первую очередь, — заскрежетал большими зубами шериф.

— Они рассчитывают никогда не попадаться тебе впредь, — охладил я компаньона.

Кравец сверкнул порозовевшими белками глаз.

— Еще неизвестно, что ты сам за фрукт. Почему это они тебя изучили, да еще досконально? На кого ты вообще работаешь?

— Прекратите свои мужицкие разборки, — встряла Шошана.

— Мой вопрос и к тебе относится, милашка, учитывая, что твоя двойница не проронила ни слова, — огрызнулся шериф.

— Ты страшен в страхе, — польстил я ему, одновременно нащупывая в кармане «трубку мира». Вероятно, придется закатать Кравцу в лоб, если не устанет бузить.

— Я сейчас ударю, правда, не знаю кого, может даже себя, — продолжал свирепеть шериф.

Однако, уловив, что Шошана превратила свой взгляд в стальной штырь, Кравец переключился на новое направление работы:

— Я могу и с Дыней разобраться, Атиллой этим сраным в колбе. Я с кем угодно из этих говноидов в состоянии разобраться.

Он подошел к силовому кокону, прикрывающему улыбчивого Дыню, и принялся аккуратно подносить ладонь. Сантиметра за три до «поверхности» пальцы стали тормозить, даже вязнуть, а за сантиметр замерли и уже не пропихивались дальше. При дополнительном надавливании проскочила искра, рука шерифа была словно пружинами отброшена назад, да и сама отдернулась в страхе-ужасе.

— Как будто мы с ним одинаковые полюса магнита, — вздохнул Кравец, растирая и брезгливо разглядывая свои пальцы.

— Эта двуполюсность входит в сущность нитеплазмы, — проявил эрудицию я.

— Ой, какие мы догадливые. Теоретики прямо. — Кравец сплюнул и растер. — Прежде надо было котелком варить. Предупредил бы заранее, лейтенант, и мы захватили бы какую-нибудь бомбу для этой самой нитеплазмы. Хотя бы намекнул, что неладно тут, когда в джунгли эти сраные попали, а то: демонометр, демонометр...

Да, ясно пока одно, что Плазмонт объегорил нас вместе с нашим демонометром.

Я, пытаясь быть общественно полезным, стал машинально «копать» Дыню. Или псевдо-Дыню. Со своим дублером как-то не хотелось общаться.

— Ты нанимал старателей для нападения на караван? Или этим занимался тот прежний и настоящий Дыня?

— Вопрос поставлен в оскорбительной форме. Я и есть самый настоящий. Материалы, из которых состоит тело, не имеют никакого значения. Протогены, или душа, вне зависимости от вида телесности, принадлежат личности Аттилы К678.

— А если ты будешь сделан из дерьма, то личность у тебя все равно прежней останется? — стал задираться Кравец.

Дыня сделал вид, что плюет в него, даже угрожающе вытянул шею, но из кокона — ни на шаг. Затем любезно пояснил.

— Я мог бы переписаться даже в метаново-водородное тело, похожее на пузырь, с хромосомами, состоящими из льда, но остался бы прежним Атиллой С456. Имеющий разум, а не кашу в голове, меня поймет.

— Сука, она и в метаново-водородном виде сукой останется, — проявил редкую сообразительность шериф.

Мне тоже пришлось согласиться с утверждениями Аттилы С456.

— Дыня, я охотно верю, что совсем неважно, из чего ты сделан. Главное то, чего ты добиваешься. Люди, бежавшие с прииска, благодаря тебе не раззвенели всей Космике, чем занимается концерн «Дубки», и флагман индустрии продолжил тихо-мирно зарастать нитеплазмой. Таков твой недавний подвиг, но ведь нитеплазма в производстве используется давно. Давно! Этим цехам не один месяц. И на прииске, сдается мне, не только гафний копали, но и нитеплазму, еще в прошлый сезон!

Ну и ну. В процессе вялого общения, вдруг проклюнулось зерно правды-истины. Можно будет поднять документы городской стражи и строительного управления и догадаться, в каких баночках импортировали нитеплазму в Васино, когда засевались все эти «джунгли» с «огородами».

— Эти суки из директората завезли беса Плазмонта в Васино, чтобы ткать-лепить из него разные изделия для всей Космики да план народнохозяйственный перевыполнять! — завопил в приступе озарения Кравец.

— Вот именно, только прикрутите свой динамик. Директорат хотел, чтобы дрессированная Новая Жизнь превращалась во все, от станков до роботов. Только не суки они, а вполне уважаемые люди. Вы же — грубиян, — пристыдил Дыня шерифа.

— Раз ты так словоохотствуешь, кукляк, значит, уверен, что мы отсюда уже не выберемся, — свирепо забурчал, наполняясь ясностью, шериф. — Раздавлю...

— Угомонись, Кравец, остынь. Адреналин так в тебе и бурлит, поэтому ты все хочешь кого-то проучить, наказать, а получается, сам видишь, наоборот, — стала увещевать дотоле пассивная Шошана.

— Значит, ты, умница, считаешь, что надо улечься, сложа ручки на пузике и зажав в зубах сигарету вместо свечи? Может, еще попросить этого колобка прочитать отходную молитву? — не хотел смиряться буйный шериф долины Вечного Отдыха.

Но когда она провела ладонью по плечу резкого парня, тот неожиданно стал стихать, будто на поверхность некоего волнующегося озерка было полито маслом. Шошана слегка похлопала и меня по спине, отчего мои иголки тоже перестали топорщиться. Потом она взяла за руки нас с Кравцом и мы уселись на пол смирные, как три голубка. Я думал, это будет обычная релаксация. По крайней мере, она для

начала разгладила мой умишко, прошлась как утюгом по мятым брюкам.

— Попрыскай еще водичкой, — оскалился я, а Шоша ответила спокойной усмешечкой. Сперва снялись внутренние, про себя проговариваемые четкие слова. Исчезли мыслезвуки, следом и прочие мысли были стерты, как пыль со шкафа. Я стал куда-то валиться, опять же психически, отчего появилось ненадолго тоскливое рвотное ощущение. Было слышно, что Кравец активно икает, словно с бодуна. А упав, я ощутил энергетические полюса и соответствующие им вихревые поля. Ура, на сцене снова человек-юла.

И чего только не увидишь, будучи человеком-юлой в предматериальном мире. На месте Дыни какой-то червяк, вставший по-циркачески на хвост, он же гриб, он же мутный фонтанчик. Наверное, это Дыня и есть.

Рядышком вспенилось буруном то, что, наверное, являлось Шошаной. Я сразу понял — могу поддержать ее. Причем не только добрым словом. Промеж нас забился разряд, вернее, заколотилась водянистая энергия, при каждом торможении словно вскипая и напрягаясь. Потом к нам подключился, если не ошибаюсь, Кравец. Наше общее произведение напоминало струну, которую усиленно щиплют в три руки. А еще оно смахивало на бандитское оружие — стальную пружину, запрятанную в резиновую трубу.

Гибкая дубинка на счет «раз-два-три» влепила червяку по имени Дыня и, «обслужив» его, вернулась обклеенная нитевидной дрянью.

От следующего удара Дынин фонтанчик не заткнулся, но стал напоминать рой потревоженных ос — того и гляди кинутся, сволочи, на нас. Скорее всего, это были нитеплазменные узелки.

Но Шошанка сработала на опережение, перестроив дубинку в настоящее кнутовище, она выписала им классную восьмерку и огрела «фонтан», отчего... Мое зрение, как поплавок, выскочило на поверхность нормального мира. Дынина фигура уже расщепилась, превратилась в веник, который еще пытался слипнуться, срастись. Даже получилось что-то, но шибко неудачное. Жаба не жаба, а в общем гадина. Однако Шошана еще попорола-посекла ее чуток, и жаба-Дыня осел, превращаясь в слизняка, побулькивающего и рвотно пованивающего.

— Добей его теперь лазером-шмазером, — наставляет Шошана Кравца и он, радостно ошалев, с криком «есть», окатывает интенсивными лучами бывшего сотрудника «Дубков». Тот, шипя, становится облачком быстро пропадающего пара.

— Получилось! — заголосил Кравец. — Мать его за ногу, за ложноножку. Вышло у нас, а у него ни хрена.

— Если точнее: не у нас, а у Шошанки. Такое вот нитеплазменное чудище можно было ухайдакать лишь нитеплазменной дубинкой. Сегодня я снимаю перед Шошей не чужой скальп, а собственную шляпу. От кайфа и признательности.

Дерзкий Кравец на моих изумленных глазах наложил свои лапы на фемку, вставил в свои объятия и обслюнявил ей обе щеки. Я уж подготовился к тому, что она следующим тройным ударом превратит шерифа в жалкую метелку. Но обошлось. Я облегчился, в смысле выдохнул с протяжным свистом через щелочку рта.

— Я не смогла сделать нитеплазму, а просто ее украла, — пояснила Шошана, сминая что-то подвижное руками.

— Это ничего. Плазмонт не является юридическим лицом. Поэтому даже можешь повторить.

— Не надейся, Терентий. Просто сейчас у нитеплазмы был небольшой заряд подходящего знака.

Тут суматошный шериф испустил пламенный призыв:

— На приступ, граждане!

Шошана твердо встала напротив нитеплазменного забора. Ее руки взмыли, будто собралась она нырнуть в бассейн. Затем я, да и Кравец тоже, заметили еле видимые струи (голубенькие такие), которые вылетали из ее ладоней — ну просто бьющая под напором вода. Впрочем, эта «вода» ничего не смачивала, потому что была на самом деле нитеплазмой. Концы струй загнулись в сторону нитеплазменной преграды, образовав что-то вроде большого таза или параболоида. Еще и касания не было, когда проскочил разряд, похожий на пробойный ток между двумя электродами. Осточертевший забор весь превратился в молнию, та шарахнула в центр «таза», который серьезно пострадал, вернее, мигом исчез. Шошану отшвырнуло, но она ухитрилась и с больной ногой открутить такое сальто, чтобы мягко приземлиться.

— За-а-бор нам боль-льше не ме-е-шает, — запинаясь, произнесла фемка. — Видимо, так реагирует нитеплазма двух противоположных знаков при мощных зарядах.

— Еще десяток раз свалиться, улететь, расплющиться, получить по кочану — и мы станем крупные спецы по этим зарядам. — Я поежился, предчувствуя многочисленные побои.

Кравец тут опомнился и решил первым выскочить в коридор, он уже истошно завопил: «Даешь на грудь аквариум, а-а-а!». Я едва успел ухватиться за клетчатую рубаху:

— Не делай этого, крутой парень. Иначе мы утонем в брызнувших оттуда соплях и ничего положительного о нашей кончине нельзя будет написать ни в прессе, ни на могилке. Отсюда нам лучше убраться по-тихому.

— Ну ты, пусти... — перестал контролировать себя Кравец и уже хотел зацепить мой нос своими пальцами, я же намеревался, поддав коленом в пах, переключить компаньона с войны на мир.

— Если будете вести себя как расхристанные дураки, я вас оставлю тут навсегда, нитеплазме на художества, — пригрозила несколько рассвирепевшая предводительница. Она аккуратно высунувшись из нашей комнаты, мазнула лучом сквизера по глазку видеокамеры — стекло объектива сразу перекристаллизовалось и стало показывать мультипульти.

— Это еще не все, — строго напомнила она. — Сама нитеплазма реагирует на нас. Не на слова и внешний вид, а на чувства и мысли. Поэтому будьте благоразумны. Я знаю, у вас это не принято. Но постарайтесь не будоражить себя. А еще лучше — полюбите поскорее Новую Жизнь, объединительницу всего прогрессивного человечества. Тогда, может, она примет вас за сотрудников «Дубков».

— Да я лучше полюблю большого марсианского таракана и буду лизать ему задницу, — скрипнул зубами Кравец, но вредность его была уже на излете.

Шошана взяла нас за руки, как учительница неслухов и вывела в аквариумный зал. От рук ее шло расслабление, и мне пару раз показалось, что я нахожусь где-нибудь в солярии после хорошей дозы эндорфинового размягчителя. Не знаю, что там любил сейчас Кравец, я же на место Новой Жизни подставлял Шошку, отчего она (Новая Жизнь) становилась более-менее сносной.

— Нам таким бесхитростным образом отсюда не убраться, — не смог окончательно успокоиться Кравец. — Наверху мы встретимся с превосходящими силами противника, он нас зашахует и по-своему будет прав. Надо отработать хотя бы отвлекающий маневр.

— Прекрати бухтеть, если у тебя нет конкретного плана, — цыкнул я на него.

— У меня есть конкретный план в отличие от тебя, — презрительно отразил Кравец мой выпад. — Опустошаем обойму плазмобоя, складываем кучку из металловодородных боезарядов прямо здесь, на палубе, но в уголке. Затем направляем на них лазер-шмазер, то есть среднефокусированный луч максимальной мощности. Сами спрячемся. Се-

кунд двадцать кучке на нагрев хватит, а потом она разбомбит палубу. Все аварийные и пожарные датчики завизжат, будто затраханные бабы.

— Не буду возражать, особенно против бабьего визга. Хотя, как известно, дамы стараются только в порнофильмах... Пожалуйста, не садись на эту кучу боезарядов и научись более уважительному отношению к женщине.

И Кравец принялся реализовывать безумный план Кравца. Мы уже бросились тикать, а он там еще что-то налаживал. Когда долбануло, я даже решил, что шерифа мы потеряли, накрыло беднягу. Сразу ошметки полетели, пар повалил вонючий, гарь от паленого пластика. И свист надрывный. Однако Кравец вынырнул из смрадного тумана, багровый, кашляющий и чихающий до треска в штанах.

— Будет еще хуже чем надо, я палубу всерьез расколупал. Разгерметизация получилась, — сумел сообщить шериф, растирая кровавые сопли кулаком.

Свист рывком перескочил на два тона ниже. И ветерок задул неслабый. Конечно же, зажглись аварийные панели и замигали лампочки. Значит, Кравец дыру проковырял до внутренней полости платформы, где давление воздуха куда ниже, чем наверху.

— Сейчас сюда хлынет уйма народа. Ховайтесь, — продолжал руководить Кравец. — И не забудьте, человека в скафандре надо бить под заднее крепление шлема, лучше железякой. В этом случае враг скоро не встанет.

Устраивая наше боевое счастье, на глаза попались створки встроенных в стены шкафов с пожарным оборудованием. В один из них запихнулись мы с Шошаной, в другом засел орлом дородный мужчина Кравец, напомнив напоследок, чтобы на все стуки в дверь мы отвечали «Занято».

Первой таки на место происшествия ворвалась аварийная команда, а наши мучители опоздали. Наверное, посчитали, что мы уже благополучно растворены Новой Жизнью. А мы, нерастворенные, подсматривали сквозь щели створок. Приятно, что никто не стал ломиться к пожарному инвентарю. Вернее, один раз кто-то полез в наш шкаф, но мы держались крепко и ненастырный человек отстал со словами: «Блядские дверцы, опять заело». А то бы сразу получил по чайнику.

Впрочем, из соседнего шкафа появилась рука Кравца, снабженная ломиком и все ж таки осенила этого аварийщика. Человек, тюкнутый в основание шлема, падал плашмя, но шериф его подхватил. В клубах пара и дыма свер-

шился обряд снимания-одевания скафандра. Затем ритуал повторили мы с Шошаной. Никому из трех оголенных скорая смерть не угрожала, хотя из-за упавшего давления кровянка пошла носом, и у охотников, и у добычи. Кравец, благодаря своему природному нахальству, еще помогал аварийной команде нести пластырь. Он первый и заметил открытый люк в палубе.

Люк распахнули, чтобы аварийщики могли прошмыгнуть под палубой и поставить заплату на дырке еще снизу. Мы этим выходом воспользовались на равных правах с остальными. Только аварийщики побежали прямо, а мы налево. Внутри платформы в полный рост не распрямишься, поэтому пришлось следовать нос в попу. Причем я постарался занять место после фемки, не доверяя ее задок шерифу. Кругом ветвились трубы пневмопроводов, извивались шнурки электропроводов и лианы оптоэлектронных кабелей, стояли емкости для воды и всякого кала, который будет выброшен, когда город поползет из нынешнего местоположения в другое, более надежное. Мы искали аварийные внешние люки — есть и такие на случай большой катастрофы. Эти щели пригодятся васинскому населению, когда спасая от огня, лучей или химикалий свои мокрые кальсоны, оно бросится из города на твердую поверхность Меркурия. Вернее, на скользкий, рыхлый и нагазированный грунт, достойный каких-нибудь дебилов, а не приличных людей.

Самым сообразительным опять оказался Кравец. Есть такие ребята — вроде Ильи Муромца, которые просыпаются только с третьего удара говняным горшком по голове, но потом никто и ничто их унять не может.

— Есть, есть, я так и знал, что выходной люк будет под цистерной, полной дерьма. Назови меня лозоискателем, Тереха, а ты, женщина-мутант, расцалуй промеж усов.

И в самом деле едва мы сдвинули цистерну, как красный люк с пломбами стал ублажать взор. Кравец давай резво срывать и отстреливать пломбы, потом уже все кучно принялись крутить проржавевшие ручки. И вот люк поддался, поехал в сторону. Воздух рванулся наружу, как очумелый, Кравца он сшиб с ног и утащил в образовавшуюся дыру. Когда устаканилось, я в разведывательных целях уронил свою голову вниз, предусмотрительно оставив тело внутри платформы.

— Кравец, если ты есть, то отзовись.

Он помолчал, оставаясь незаметным, и лишь когда его

боты попали в поле моего зрения, откликнулся недовольным голосом:

— Есть, на попе шерсть. Я на поверхности Меркурия. Падайте ко мне.

Я добровольно упал вниз и сразу провалился по пояс. Жаль, что нет мокроступов. Хорошо, что Шошане не придется насмехаться, а надо будет отправиться вслед за нами.

Фемка отправилась, но не вслед. Она просочилась наружу гораздо умнее. Шошана сразу повисла на крючьях, оснащающих нижнюю поверхность платформы, потом закрыла люк — чтобы нас труднее было отловить.

Теперь нам предстояло путешествие под стальным небом, сложенным из донышек платформ. Там и сям спускалось на почву громадье колеса, покрышка шириной в два метра, всего колес в одной тележке — пятеро. Такие тележки имелись в центре платформы и по бокам. Меркурианскую землю от металлического «неба» отделяло пять метров. Соответственно впечатление создается, что находишься в какой-то бесконечной унылой пещере.

Однако, когда придет черед городу переезжать, платформы расцепятся, встанут гуськом или свиньей, включат свои моторы и потянутся на новое стойбище.

Ну это потом, а сейчас надо снова попасть в город. Естественно, через пропускной пункт. Но путь до него далек лежит, причем в весьма невнятной однообразной местности. А запасов дыхательной смеси в скафандре, снятом с аварийщика, имеется лишь на час.

Всего удобнее было путешествовать, переползая по самому «небу». Под днищами тянулись монорельсы для удобства ремонтных работ, за них цеплялись подвижные крюки на колесиках. Вот на крюк и надо было набросить страховочный конец (Кравца это слово почему-то рассмешило) и двигаться как бы на перевернутых четвереньках, отталкиваясь руками и ногами от дна платформы.

До КПП мы добрались под завязку кислорода, хорошо хоть нигде с Плазмонтом и его холуями не повстречались. Вылезли из-под городского днища, как три опарыша. Проникли через входной пандус на приемную площадку для техники. Контрольные сканеры, само собой, не засекли у нас никаких расщепляющихся материалов, тех самых, что по правилам должны выгружаться из тракторных реакторов на загородной топливной станции. Поэтому мы смело присоединились к веренице граждан водителей, пропускаемых через боксы.

Офицер городской стражи, угрюмо сидящий в боксе, как

паук в своих тенетах, приклеил к липким пальцам наши персон-карты. Потом неприветливо спросил:

— Откуда прибыли?

— Долина Вечного Отдыха.

Он погонял какую-то информацию по экрану терминала.

— У меня нет справки с топливной станции, что вы оставляли там расщепляющиеся материалы. Номер вашего вездехода?

— У нас уже нет никакого номера. Авария, господин офицер.

— Тоннаж и модель вашего транспорта? — не унимался страж ворот.

— Я же говорю, авария. Мы не за рулем. Без транспорта мы.

Брови офицерика взмыли волной.

— Вы хотите сказать, что прибыли в Васино пешком?

— Хотим и говорим. Оцените наш изможденный вид. Только не совсем пешком. Мы потеряли машину из-за гравитационного шторма в пятидесяти километрах от Васино. Пропало все нажитое непосильным трудом! Такое еще случается. Хорошо хоть кислородные баллоны успели спасти.

— Странно. Никаких извещений о шторме нам сюда не поступало.

— Извещения... Вы же знаете, как работает на Меркурии связная аппаратура. Оттого-то и не поступили, что был шторм. Хоть там мужиков и баб по воздуху носить станет, никто не узнает — потому что заряды пыли как из картечницы бьют и туда-сюда снуют очумелые МГД-волны.

— Да, я не подумал об этом, — честно признал офицер. Когда зазуммерил интерком у него в наушничках, я расслышал. И тут мне в черепушку будто молния хлопнула. Те двойники-конвертанты, что украли наш облик и наши манеры, могли под нашими звучными именами-фамилиями такого уже наколбасить! У офицера забубнил наушничек, и сразу зрачки его глаз зыркнули на нас, потом на ящик стола. Там у него наверняка или сигнализация имелась, или оружие. Ну точно, накудесили наши оборотни.

Мне и сейчас неловко вспоминать об этом, но я прямо с того места, где стоял, врезал ногой офицерику под кадык. Сидел он удобно, поэтому кувыркнулся назад и, приложившись головой к стене, обмяк. Или притворился обмякшим, не желая больше участвовать в борьбе. Кравец еще бросал изумленные взоры, когда ушлая Шошана подскочила к две-

ри и заперла ее, а я сорвал хайратник с отключившейся головы офицера и приложил к своему уху.

«...После подавления попытки путча бывший лейтенант Терентий К123, фем с неопределенным идентификатором и старатель, известный как Кравец, скрываются в окрестностях города, предположительно нижних. При первой же их попытке проникнуть в Васино доложите в управление префектурной полиции и попытайтесь задержать до подхода ОПОН. Допустимо открытие огня на поражение. Начальник префектурной полиции майор Леонтий К300».

— Все понял, — вежливо отозвался я, а потом пояснил сотоварищам, особенно пораженному столбняком Кравцу: — Что-то мы натворили серьезное. Если точнее, наши двойники — о которых мы, конечно, забыли, как о мелком пустяке. Короче, нас обвиняют в попытке путча и ставят вне закона. Из Хунахуна, точнее, из объятий Электрической Бабы, срочно вернулся к жизни начальник полиции Леонтий Мудрый. Что означает...

— Нас кокнут при первой же возможности, не дав времени на разъяснения, что мы на самом деле эти, а не те, — подхватил Кравец, до которого, наконец, дошло. — В общем, на Меркурии демоном все схвачено. А это означает...

— Что нам пора с Меркурия сматываться, — заключил я.

18

Васино — городок, в общем-то, небольшой. Однако из этого не следует, что в нем негде прятаться. Поймать одного не слишком заметного зайца на большом-пребольшом пароходе — уже затруднительно, а если таких пароходов десятки?.. Вернее, десятки кораблей меркурианской пустыни. Бидонвилли, кстати, обеспечивают лишь кажущуюся интимность-приватность. Там слишком много подсматривающих и подглядывающих устройств — точечных, пылевых и пленочных датчиков. А также шпиков, в том числе мутантов, с их очами-тарелками на длинных стебельках, не говорю уж о дивно глазастых соплях.

Полости платформ мало подходящи для жизни, если вы, конечно, не плесень какая-нибудь. Но вот мусорозаводы, компрессорные станции, белковые комбинаты, канализационные, утилизационные и регенеративные системы, которые располагаются на специальных платформах — это самое то. Там издревле ютится муташка, из числа самой

несоциальной, да вконец разорившиеся старатели, да беглые рабы из «Дубков» и «Вязов». Власти там особо никого не донимают (по-приниципу, не трожь фекалии...). Облавы редкостны, потому как начальство боится, что обиженная муташка и прочие асоциалы-маргиналы начнут устраивать диверсии на важных городских объектах.

Да и надо же бомжам где-то жить. Вот они и живут. Жрут всякое падло, включая друг друга, хлобыстают откровенную химию, проверяя рецепторы на чуткость, а прочие части тела на прочность, сношаются по-разному — физически и платонически — приторговывают органами-трансплантатами, отрезанными у ближнего своего, подыхают и отправляются в чаны-дезинтеграторы белкового производства.

Я видел эти чаны, лучше туда в живом виде не попадать. Похожи они на кишечник какой-то огромной змеюги. Их квазиживые полимерные стенки продавливают труп и орошают его расщепляющими кислотами. Через пару десятков метров покойник превращается в лужу слизи, вернее, аминокислот, которые всасываются стенками и, пройдя через капилляры интегратора, становятся чавкающей белковой жижей. А еще немного погодя — хрустящими чипсами или там антрекотами с надписью «съешь меня».

В общем, против любого лишнего трупака производственники, гонящие план, не возражают. Здесь тоже встречаются юрко ползающие шпионские «жучки» и малоподвижные «глазки», разбросанные в разведцелях полицией да милициями.

По счастью, пропускной пункт, через который мы пробивались с боем, располагался неподалеку от территории белкового комбината, известной под именем Мудодеевка. Мониторы, конечно, засекли наши физиономии, когда мы еще сидели в боксе. Однако, проломив двери и, оказавшись на городских улицах, мы опять напялили шлемы. Это нормально, многие старатели, пользовавшиеся дыхательной смесью с повышенным содержанием кислорода, не могут сразу перейти на васинскую атмосферу с пониженным процентом полезного газа.

Мимо катился «клоп» — это наш вид общественного транспорта. Мы втиснулись кое-как в его тесненькую кабинку, и Шошана первым делом вырвала плату с регистратором маршрута — теперь он не сможет фиксировать нашу прогулку и отвечать на запросы управляющей станции. Правда, автоматическое движение к указанной точке прекратилось, и управляли мы теперь «клопом» в четыре руки,

прижимая заголенные проводки то к одной, то к другой клемме. Естественно, ползанье «клопа» запечатлевали дорожные датчики, однако догадаться в таком случае, что мы — это мы, было непростой задачкой.

Тем более, что на одном из перекрестков мы выскочили из кабинки, отправив «клопа» по прямой. Забор Мудодеевки был уже перед глазами, когда мы заметили прогуливающийся неподалеку от него полицейский патруль. Даже послышались сочные ментовские голоса. Заодно показался патруль и с другого конца улицы. Кравец занервничал, но мне показалось: те копы, что ошиваются у забора не без странностей — мерцают они, что ли? Или это у меня в глазах люрики?

— Похоже, что парни у забора, не парни, а всего лишь объемные мультяшки на жидкостной взвеси, — высказал я предположение.

— Скорее уж на прозрачной пленке, — поддержала и заодно возразила Шошана. — В этом случае легче поддерживать звуковое сопровождение. Один слой, допустим, у пленки тает, отчего распрямляются мембраны и колеблют воздух. А сейчас пленку плохо натянули, оттого и деформация картинки.

И мы прямиком направились к ненастоящему, как нам показалось, патрулю. Однако же, что за хрен, псевдоменты стали к нам поворачиваться, наводя свои пушки.

— Это все-таки пленка, — упорно повторила Шошана, — но с видеодатчиками и реагирующей программой, которая управляет изображением. Только стоит нам струхнуть и достать свои пушки, как тот настоящий патруль, что прохаживается сзади, начнет пальбу. Отчего наши задницы вскоре станут похожи на обгоревшие тряпки.

И вот передний патруль совсем рядом, лучи прожекторов отсвечивают от блях, кокард и болтающихся на поясе наручников-самохватов, дула сквизеров смотрят в упор на наши животы.

— Стой, документы, — гаркает передний коп.

Шошана тормозит, но мелким шажком продолжает двигаться вперед. Ой, опасная игра, если эти менты — из плоти и сала, сейчас будут поражать нас из оружия или набрасывать клейкие сети. Если же бесплотные, и мы, демонстративно плюнув на них, отправимся к забору, тогда заплюет огнем патруль, который сзади.

Вот мы уже в полуметре от стволов, Шошана лезет в нагрудный карман, и тут словно толчок в загривок. Я, она и Кравец прыгаем вперед — пробиваем пленку, которая ло-

пается с прекрасным звуком, и валимся в небольшую канавку у самого забора. Тот патруль, заднепроходный, начинает садить из бластеров, но энергия летит поверх голов. Тем временем Кравец, улегшись на спину, рубит лазерным клинком забор — однако пропороть электрошоковую проволоку до самого низу ему не удается.

Пора сигать на территорию комбината. Шошана поджигает пленку, дым теперь немного скрывает наши поступки. Кравец, оттолкнувшись от моей спины, делает кувырок с переворотом на ту сторону — у меня чуть хребтина не трескается. После него Шошана показалась легкой обезьянкой. Потом шериф, притулившись к дыре в заборе, выставил вперед сложенные черпачком руки. Я с разбега воткнул башмак в «черпачок» и перемахнул через голову шерифа. Не очень ловко получилось, на планете с большей силой тяжести я бы просто воткнулся, как сбитая ракета, «боеголовкой» в землю. А на Меркурии удалось макушку сохранить. Ну что ж, добро пожаловать в Мудодеевку.

Затем были скачки через трансформаторные будки и трубы. Появился летучий киберглаз на маленьком пропеллере. Но мне удалось поймать его в перекрестье прицелов и шпокнуть. После меткого выстрела я поскользнулся на жиже явно физиологического происхождения и сильно извалялся в чьих-то отходах.

— Эта гадость может быть зрячей, — напомнила Шошана, — тогда ты стал видимым для обитателей здешних мест.

— Времени чиститься нет. Сейчас скину скафандр. Отвернитесь, я стеснительный.

— Не стоит трудов, — такие вот слова донеслись от одной из частей тела. Эта была рука, отделенная от неизвестного нам человека, с динамиком на браслете. Передвигалась она с помощью пальцев, оснащенных длинными острыми ногтями, и вообще-то изрядно напоминала паука. — Следуйте вдоль красной трубы до люка. Откройте его и спускайтесь вниз.

Рука помахала гибким указательным пальцем в нужную сторону. Имеющаяся публика переглянулась, а я подумал вслух:

— Кажется, мы по чистой случайности оказались в чужом поместье. Если так, нам лучше своевременно представится местному барину.

Из люка вниз вела веревочная лесенка. Она обрывалась, не доходя до пола метра четыре. Мы непринужденно спрыгнули в бункер, забросанный всяким тряпьем, но, как

выяснилось уже внизу, с совершенно сплошными стенками из прочной стали.

— Похоже на ловушку типа «ведро», — подытожил первые впечатления Кравец.

В ответ на его словесный выпад один из углов «ведра» осветился, явив нам человеческий образ. Я вначале подумал, что это объемное изображение, выданное крохотным лазерным проектором. Ведь человек имел металлическую руку, как бы по контрасту с той, мясной, что встретила нас наверху. На сгибах запястья и пальцев была хорошо заметна металлическая зернистость.

Однако когда подошел черед здороваться, я понял, что никакой оптической иллюзии нет. И человек настоящий, и рука его подлинная, хоть его собственная, но металлическая.

Благодаря молекулярной и кристаллической механике мы имеем недурственные механизмы, которые спокойно обходятся без соединений, передач и шарниров, то есть цельные и гибкие одновременно. Чаще пластиковые, металлоорганические, реже из чистых металлов. Турбина на Филимоновской машине как раз такая. По тому же принципу работает псевдобронзовый монумент «Космонавт прощается с девушкой» на центральной площади Васино, где герой космоса время от времени обнимает подругу. Но там требуются мощные энергетические воздействия извне. Например, какие-то проказники с субнуклоновым генератором заставили однажды космонавта совершить развратные действия в отношении девушки... Впрочем, нитеплазма тоже в силах управлять любой материей. Надо быть на стреме.

— Кажется, я вас знаю, — «обрадовал» человек с железякой. — Вы лейтенант полиции, который страшно набедокурил.

— Это набедокурил не я, а мой двойник, — с простотой придурка признался я.

— Металлический? — решил уточнить встречающий.

— Вроде вашей руки? Как, кстати, она действует?

— Пойдемте, я вам по дороге расскажу. — Он мановением своей железяки заставил одну из стенок бункера развернуться, мы благополучно шагнули в получившуюся дыру и оказались в большой грязной и, конечно же, вонючей трубе. А дыра за нами аккуратно сшилась.

— Лукавить не стану, — произнес незнакомец. — Иногда здесь проплывает мыло, а затем сточные воды — когда на фабрике чистят большие дезинтеграторы или капиллярные блоки, те самые, где синтезируется белок. Но

это раз в неделю, поэтому не беспокойтесь, сейчас мы в уютной безопасности. Во время чистки безопасности поменьше, зато сытости поболе. Неплохие, кстати, кусочки здесь можно подцепить на обед. Хотя, бывает, приплывет из дезинтегратора нерасщепившийся каблук или презерватив, которые трудно употребить в пищу.

Все более-менее сносное мои повара прекрасно готовят — еда «тает во рту», будто настоящая индейка или фаршированная рыба. Забредают, правда, в мои владения кулинары другого сорта, которые норовят недостающие им аминокислоты откусить прямо у вас с живого тела... То есть потребляют их в сыром, самом полезном виде. Я вас познакомлю с одной девушкой. У нее был любимый, который частенько дарил ей искусно выращенные кристаллы-цианиды. Это было трогательно, и все называли такую милую парочку — Ромео и Джульетта. Но девушка страдала постоянным аминокислотным дефицитом и поэтому очень хотела мяса. Понимаете, чем закончился роман для юноши? Теперь трудно разобраться, что являлось первичным для девушки, высокое чувство, может даже первая любовь, или гастрономическая страсть... Но ничего, найдет себе другого жениха, менее вкусного.

— Мы тоже пугать умеем, — сказал я, после чего издалека донесся рев, на который наложился отчаянный визг. Сразу стало неуютно.

Немного поплутав по стокам, добрались мы до фильтров. Возле них, отколупывая, процеживая и отжимая что-то, копошилась муташка, совершенно безобидная на вид, с длинными носами хоботком. Эти телесные орудия помогали отличать еще съедобные кусочки от откровенного говна.

— Работайте, дети мои, — напутствовал их владелец железяки. — Самое простое действие в нашем мире имеет отклики во всех иных мирах, куда доходят мембраны нашей души.

— Вы что, тоже проповедник? — решил уточнить я.

— Отчего ж. Это действительно мои дети. И не только они. Упомянутые выше любители сырых аминокислот тоже мои отпрыски. Я научился придавать своим ребятишкам те свойства, которые могут им пригодиться в жизни — чтобы не полагаться на превратности обучения и воспитания. А ДНК, что ДНК? Всего лишь материальный отблеск протогенов.

Я пихнул локтем Шошану. Она должна понять. У нее была супермама, а этот тип — суперпапа, который тоже подбирает генетические коды своим наследникам.

— Если вы уж протогены упомянули, уважаемый хозяин, то, наверное, искусное владение металлической рукой как-то с ними связано.

— Со мной связано. Мне не нужно красть субнуклоновые генераторы. Потому что они сами образуются внутри меня там, где положено. Я сам придумываю себя и леплю, как скульптор. Возможно, протогены как-то влияют своими тихонькими пульсациями на перестройку моего тела. Но мне об этом думать не пристало.

Я мог бы полностью состоять из металла — если было б удобно — и производить металлических детишек. Тогда наследственность имела бы вид не молекулы ДНК, а например, скопления ферромагнетиков. Мне ничего не стоит сделать металл собственным мясом и костями, на место нервов уложить полупроводники, на место мускулов — стержни и катушки... Я не мастак объяснять, ведь учился-то понемногу...

— Мы вас понимаем, потому что сами не блещем, — поскорее успокоил я местного барина. — Но давайте лучше о чем-нибудь более веселом. У вас, наверное, и жена есть?

— У меня много жен. — Хозяин-барин глянул на Шошану, даже замер, будто прислушавшись к ней. Потом огласил фемке свой вердикт: — Вы мне не годитесь, чувствуется рука другого настройщика.

— И это тоже правильно, — с облегчением выдохнул я.

Хозяин поместья проделал еще одну дыру, которая спешно срослась за нами, и мы оказались в емкости, чем-то напоминающей хлев. Только встретились там не коровы, а некие гнусные студни, дружно потянувшиеся к нам, едва мы появились.

— Амебные колонии, живой белок, — познакомил нас хозяин. — Амебки у нас передовые, усовершенствованные. Есть у колоний, например, нервные, а вернее, сигнальные столбы и другие специализированные клетки — это поработали человеческие гены. Поэтому наши амебки куда сообразительнее, чем их дикие собратия... Ну-ка, Дусь. — «животновод» покрошил на пол белкового порошка. И странная Дуся, чтобы скушать весь корм, растеклась, стала еле заметной слизью, простроченной ниточками нервных столбов. Хозяин достал кусочек сахара, и Дуся сползлась в столбик, даже встала «на задние лапки», чтобы псевдоподиями слизнуть сладкое с руки.

— Кто-нибудь хочет поиграть с Дусей?

Невзирая на наш дружный отказ, хозяин гордо провозгласил:

— Вот оно, пищевое будущее человечества!

С этими словами нельзя было не согласиться, я бы даже убрал из лозунга эпитет «пищевое».

— Напрасно скоморошничаете, молодой человек, — уловил мои мысли владелец поместья, — у нас лишь благодаря этим студенькам поголовье еды превысило поголовье едоков, и людоедство стало предметом осуждения на товарищеских судах. Поинтересуйтесь у Джульетты, как ее песочили и прорабатывали после позавчерашнего человекоедства.

— Я бы лучше спросил об этом по радио, чем в личной беседе, — отклик мой был несколько вяловат.

Следующая емкость оказалась чем-то вроде тронного зала. Там имелось кресло пилота, свинченное с какого-то разбившегося космического корабля. Человек заставил его подкатиться к себе и уселся в довольно величественной позе. По бокам встали сущие черти — тоже его детишки, наверное. На их головах и загривках не просто шевелились, а активно по-змеиному извивались хипповые волосы — кажется, это были кожные отростки со стрекательными клетками. Черти опирались на длинные руки, причем были заметны столбики разрядных батарей — а ля скат — на предплечьях. Иногда страшные личности для демонстрации своих способностей пропускали разряды между ладоней. Порой черти со звуком закипающего чайника сплевывали (извиняюсь) длинной подвижной слюной, которая уползала по-пластунски в темный угол. Наверное, она работала в разведке. Я дотронулся до одного ползающего плевка носком ботинка, который сразу зашипел, обгорая — и это несмотря на то, что был керамическим с металлической пропиткой. Едкие слюнки-то.

— Ну, так что двойники? — продолжил беседу барин, имеющий сейчас черты сходства с Вельзевулом.

Не отвечать в присутствии чертей было неудобно, только потянись мы к своему вооружению, они нас своими длинными руками, сильными разрядами да ядовитыми ползиками-плевками замочили бы в пять секунд.

— Дублей слепили в подвалах производственного сектора «Дубков» из нитеплазмы, — якобы охотно принялся объяснять я. — А это другой вид материи. Из невидимой же нитеплазмы состоит живое существо — Плазмонт. Оно прорастает сквозь планету, как грибница, а также сеет разумное, доброе, вечное — на свой взгляд. Нитеплазменное существо роняет споры в души людей, засевает эти самые протогены или что там еще. От него не найдешь спасу. В

свое время Плазмонт поддался «Дубкам», дал собой попользоваться, но потом полностью завладел фирмой.

— Здесь Плазмонта пока нет, — задумчиво произнес суперпапа. — Но если он действительно существует, то, наверное, хочет быть везде и во всем. Я его вполне понимаю, хотя вряд ли бы с ним ужился. Не зря же свершения в творческой области, попытки создать что-нибудь нетленное происходят по прямой нисходящей линии от желаний какого-нибудь вожака бабуинов, который хотел осеменить всех самочек и запечатлеться в массе маленьких обезьянок. Я вот лично куда ближе к этому обезьянему вожаку, чем к нынешним творцам из сферы науки и искусства... Значит, папа Плазмонт собрался осеменить все и сделать весь мир своим продолжением. Ну что ж, его нельзя назвать неправым. Он прав.

— Но по-своему, — испуганно напомнил я.

— Тоже верно. Меня ваш Плазмонт в ближайшее время не тронет. Если ему любы сотрудники «Дубков», то я и мои ребятишки еще долго будут казаться ему неаппетитными. В общем, вам, чиновнику, фему и старателю — какое идеальное, прямо монументальное сочетание, просящееся в бронзу — надо выбираться отсюда. Я имею в виду не свои владения, пользуйтесь ими сколько влезет, а Меркурий.

— Но выбраться с него невозможно. Отсутствие денег, новых персон-карт, а также запечетленные в картотеках отпечатки пальцев и физиономий, все это страшно мешает преодолеть турникет, ведущий на стартовую площадку.

Барин усмехнулся. Потом стянул рукой свое усмехающееся лицо, в смысле снял маску, которая продолжала лыбиться, перекочевав на полку. Но заместо первой рожи у хозяина теперь потешно гримасничала вторая.

— Как вы теперь убедились, личина — дело вкуса. Я вам помогу во всем, пожалуй, кроме персон-карт. Этим не занимаюсь.

— Спасибо, хозяин. — А ничего старичок-то!

— Спасибо за «спасибо». Но мне понадобится кое-что еще. Я хочу сделать не вырезку как многие, а врезку. Подсадить вам ма-а-ленького симбионта. Это всего лишь скромный комочек нервной ткани, который, при проползании в вас нитеплазмы, свистнет мне кое о чем.

Вот блин! Но у нас ведь космократия. И каждый того стоит, чего он может придумать новенького. За это почет и уважение. Вот на Земле изобретатели и рационализаторы частенько попадали в разряд бесов. Но ведь оттого Земля и зачахла, и живет теперь на наше пособие.

Ничего тут не попишешь. Даже если симбионт станет из маленького большим и заменит мои мозги собой, если превратит меня в биоробота, который будет по команде сосредоточенно воровать белье из прачечной, все равно придется соглашаться. И мы единодушно согласились под недовольное ворчание Кравца.

На следующий день все было готово. В том числе маски для изменения наших физиономий, состряпанные из какой-то органики, квазиживой, а возможно, снятой с трупов. При нас эти мерзкие рожи доставали из банок, где они прорастали на специальных рельефах, долго промывали и даже наводили макияж. Наконец их притерли к нашим лицам и мы стали похожи на представителей царства мертвых. Однако через Аниму на искуственную рожу вполне автоматически передавались кое-какие эмоции и она быстро приобрела среднедебильный вид. А на пальцы было наживлено полипептидное покрытие с чужими «отпечатками». Еще хозяин подарил каждому по «ведьмацкому» браслету из металлопластика, который по одному мыслеусилию растекался в защитно-ударную рукавицу.

Мы прилежно упражнялись с новыми и интересными членами нашего тела, когда началась облава. Сверху посыпалась щебенка, затрясся воздух — кто-то направленными взрывами пробивался в убежище. Через продолбленные шурфы первым делом шмыгнули пузырьки. Уже в помещении основная их часть, совокупившись, родила три больших пузыря, на которых нарисовались изображения. Таким образом возникло три фигуры Леонтия Мудрого, которые стали вещать менторскими голосами посредством дрожащей мембраны пузырей:

— Всем оставаться на своих местах. Входы-выходы надежно перекрыты. Сейчас в тоннели будет подан усыпляющий газ. Ложитесь на бок или живот — во избежание удушения рвотными массами — и засыпайте. Но не вздумайте удирать. В противном случае мы будем вынуждены произвести бегущий вакуумный взрыв.

Появление тройного призрака майора оказалось весьма неприятной неожиданностью. Тем более, что тот строго заявил, обращаясь к местному предводителю:

— Учти, Петя Мутный, если ты станешь покрывать лейтенанта Терентия и его шоблу, тебе не поздоровится вместе со всей Мудодеевкой.

Конечно, ничего ужасного, просто отреагировали зрительные рецепторы — мембраны пузырей покрыты сыпью

из таких глазков — и пленочные процессоры отработали алгоритм «прямого обращения».

Однако ни меня, ни Кравца с Шошаною ушлый призрак не заметил — ведь мы как раз усиленно тренировались с маскировочными рожами.

Вслед за пузырьками в шурфы посыпался красный порошок.

— Я его узнал, полундра! Он ничем не смывается, он сигналы подает, — заголосил кто-то из возбужденных граждан Мудодеевки. И было отчего. От такого порошочка человек становился радио- и оптическим маяком. А следовательно любой боеприпас с пеленгующим устройством на него пускай — хоть ракету, хоть киберпса, хоть биоробота-птеродактиля — не промахнешься.

Тут уж все присутствующие бросились врассыпную — тучи порошка стремились прилепиться к любому, кто обладал поверхностным электростатическим зарядом.

Мы, не забыв захватить все свои подарки, кинулись за каким-то карликом, попутно спалив бластером изрядное количество приставучего порошка. Увязаться за главарем Петей Мутным не было никакой возможности, потому что он, никого не приглашая с собой, разверз мыслеусилием стальной борт цистерны, шагнул вперед и тут же сомкнул его за собой. Карлик — кажется, оразумленная, или как еще говорят, образумившаяся за счет подсадки человеческих генов крыса — не мог разверзать металл, но знал все щели. Что весьма пригодилось, потому что вместе с шариками, накачанными газом — который одновременно веселил и усыплял — в подземелье были брошены киберпауки. Те лихо ползали, наводились на тепло, запах и силуэт, и от их укусов человек околевал. Надеюсь, что не навсегда.

Впрочем, черти-стражники тоже не лыком шиты, отчаянно боролись с ними, поражая молниями и заплевывая едкой слюной. Но то — черти, а то — мы. Однако и на этих гвардейцев нашлась отмычка, или, вернее, удавка: биороботы-змеи из квазиживых полимеров. Ползучих гадов электрические разряды не брали, а ядовитые плевки уязвляли лишь слегка. К тому же эти робоаспиды сами кусались ядом. Все было похоже на картинку из букваря, где Лаокоон с парнями позорно проигрывает змеям.

Несмотря на напряженность атмосферы, я вспомнил рекламу одного медучреждения: «Для лечения используются укусы пчел, в тяжелых случаях укусы змей, в безнадежных — укусы тигров».

На моих глазах черт по имени Сережа лихими прыж-

ками растоптал головы трем робоаспидам, а одного, уловив за хвост, раскрутил и сплющил ударом об пол. Но другая хитрая гадина, вовремя высунувшись из шпигата, зацепила ему ногу хвостом и подсекла. А когда боец свалился, застилавшие пол квазиживые пластиковые пиявки — товарищи змеероботов — дружно пустили кровь. Сережа еще недолго поплавал в красной луже, но вскоре замер.

Но вот и мне не повезло: королевская киберкобра откуда-то свалилась на мою голову. Змееборство складывалось неудачно. Пластиковые мускулы обернули тварь вокруг меня, причем крепко прихвачена была правая, вооруженная рука, кольцо почти наложилось на шею, разинутая пасть уже наводилась на тепловое излучение лакомой яремной вены. Я едва успел перехватить врага за горло, но силы на неравную борьбу отсутствовали. И тут мой пытливый меркнущий взор приметил вентилятор. Я, резко крутанувшись, попытался сунуть змеюгу под лопасть. Она ослабила захват, чтобы завязаться узлом на решетке вентилятора, и моя выпроставшаяся рука чиркнула ей лазерным ножиком по тепловизорам. Гадина засуетилась в наступивших для нее потемках, я же окончательно вырвался из ее нелюбовных объятий и стал резво догонять своих.

Вначале трап повел меня наверх, туда, где проходила линия чанов-дезинтеграторов. Там несколько чертей, облепленных маячным порошком, боролось с неотступно преследовавшими их шестиногими кибершакалами (сокращенно, церберами). Люки чанов, словно приглашая куда-то, были призывно открыты. Церберы меня не тронули, но один из чертей почему-то увязался следом.

— Мне велено задержать тебя. — Я полуобернулся, желая прошмыгнуть мимо, но он схватил меня за запястья, причем сзади.

Вот так номер. Гипнотический газ, видимо, вызвал в отпрыске Пети Мутного большое доверие к словам Леонтия-призрака насчет лейтенанта и его шоблы. И если киберзвери не смогли меня опознать, то этот загипнотизированный хорошо знал, кто я такой, невзирая на маски.

— Я и сам собрался сдаваться с повинной, пусть меня перевоспитывают, — усыпив такими словами его бдительность, резко присел, как будто упал в обморок. Чертяка склонился, а я рванул свои руки вверх и, ухватив его за загривок, швырнул через себя вперед. Да так, что тот и плюнул ядовито, и разряд пустил, когда уже поздно было. Меня дернуло и ожгло, но мутант уже влетел башкой впе-

ред в распахнутый люк чана. Мигом двое церберов жадно впились в задницу моего нечаянного противника, и он, рванувшись от позора, отправился прямиком в кишечник, называемый дезинтегратором. Производственный агрегат, само собой, радостно ухватившись полимерным ротком, сразу утянул нежданную добычу. А я многосаженными прыжками припустил в атмосфере страха по коридору, в конце которого было два хода — вверх и вниз. Я выбрал низ, но все равно чуть не потерялся. Лишь топот кравцовских башмаков, затихающий в стороне фильтровальной станции, позволил мне спринтерским броском настичь улепетывающих товарищей.

Фильтры представляли из себя ребристые цилиндры, под которыми был аварийный проток с ныне раскрытыми клапанами. Едва мы сунулись в него и поползли по склизкой поверхности, как десяток киберпауков увязалось за нами с неприятным стрекочущим звуком. Ощущение ужаса в беззащитных лодыжках заставило меня избрать тактику «скачущего крокодила», отчего я выбрался первым из протоки. Следом преодолела дистанцию Шошана. Кравец слишком активно отстреливался и чересчур медленно, из-за большого пуза, крался, отчего его и укусили. Но он, упорно продолжая ползти, успел выпростать голову из люка.

Но не больше. Испустив страшное древнемонгольское ругательство из трех букв, наш шериф дернулся и затих — ясно, что надолго. Наклонился я, протянул руку, чтобы ухватить его за шиворот, тут черный шестиногий гад и впился мне в кисть. Ага, не вышло — подвижная металлопластиковая кожура спасла меня — обломав злодею острые хелицеры, я вытащил Кравца из теснины. Вслед за ним выбежало еще трое паучков, на его спине выехал еще один гад, самый ленивый. Звери поскакали прямо на нас, и заодно по стенам, чтобы свалиться с потолка на беззащитную голову. Однако Шошана, мгновенно и точно все рассчитав, в три прыжка — со стены на стену — передавила трех охотников на человека. На четвертого я лично набросил ветошь и, сорвав его с многострадального тела шерифа, сладострастно смял каблуком. После чего можно было опустить поднятую крышку последнего клапана.

Все-таки Кравец еще ничего отделался. Стальные подметки башмаков и опять же металлопластиковые перчатки избавили его от нескольких неприятных укусов. Но два — в плечо и колено — все-таки достали крутого парня. Анима Кравца сообщала — токсин пока распознать не удается, однако ясно, что на кору мозга и всякие там синапсы напало

торможение. Я шерифу вколол шприц-пистолетом пару ампул гемоочистителя и стал ждать. Впрочем, когда еще Кравец очухается, если не подобрать правильный антитоксин. К тому же, воспользовавшись суматохой, опытный карлик смылся в совершенно неизвестном направлении. А еще кто-то упорно скребся с той стороны клапана на манер кибертысяченожки. Печальную диспозицию завершало то, что мы находились в грязной шелудивой цистерне, довольно глубокой, куда-то наверх вели редкие скобы, вделанные в стенку.

— Шуруй-ка по лесенке, — велел я Шошане, — разведай, куда ведет. А еще лучше тикай отсюда. Ты у нас самый ценный кадр. Я останусь тут с Кравцом. Авось он очухается, и мы выберемся.

— Шуруй-ка сам, — воспротивилась Шошана. — Ты и есть ценный кадр, тебе давать показания перед Советом Генеральных Уполномоченных.

Она отчасти права — коли взялся за большое дело, то умей бросать товарищей на произвол судьбы, когда это разумно. Но сама-то отказалась от такого варианта.

— Ладно, я побываю с разведывательными целями наверху и спущу какой-нибудь трос, если полезно будет поднять Кравца.

Я вскарабкался по скобам на несколько метров вверх, дальше поверхность преобразилась из отвесной в наклонную и уперлась в конце концов в люк. Тот был заперт снаружи, что само по себе неплохо, если б не начал он открываться без моего участия.

Я вовремя сместился в сторону, в распахнутый люк кто-то посмотрел, но меня не приметил, затем просунулось в цистерну дуло плазмобоя и сержант Мухин показал свой кочан. Тут по всем правилам драматургии вступил я:

— Ни с места... мой резак нацелился на твою шею. Зря ты ее предъявил. Раз — и умная голова укатится.

Я помигал узкофокусированным лучом, чтобы вызвать доверие к своим словам. Сержант не стал дергаться, но косил глаза, пытаясь опознать того, кто захватил его врасплох. Если он даже что-то разглядел, то опознать меня под новой образиной, конечно же, не смог. Я проверил его демонометром — споры (уже или еще) не было.

— Рожа незнакомая, но голос известный, — заскрипел пересохшей глоткой сержант. — Очередная проделка лейтенанта Терентия. Надеюсь, одна из последних.

— Ты чего так озлобился, Мухин? Мы что, мало с тобой вместе говна съели?

— Ты лучше вспомни, как послал ребят на штурм «Вязов» и снял группу прикрытия. Семь трупаков — это тебе мало для злобы? А потом скрылся, прихватив всю кассу с наличностью.

— Мухин, разве я мог такое учудить? Зачем мне атаковывать «Вязы», если я сговорился с их генеральным директором не трогать друг друга? Ты же видел, что он как миленький явился в управление улаживать дела. Зачем мне было снимать группу прикрытия? Я что, воевать совсем не умею? И если бы спер я кассу, ты бы разве повстречал меня на этой помойке? Правильно?

— Когда уберешь свой резак, тогда будет правильно.

— Рано еще... Теперь попытайся не понять, это может быть сложно для тебя, а хотя бы поверить. Мы с Шошаной и Кравцом отправились в «Дубки» за Дыней и, что интересно, застукали его там. Но обратно вернулись уже не мы! А наши двойники, слепленные из особого теста, из нитеплазмы. — Наспех, в виде «краткого курса», поведал я вынужденно внимающему Мухину про проделки демона. — ...Этот гад-паразит — вор без закона. Он упрет у тебя и внешность, и энергию, и мысли из башки, а в конце просто сожрет без гарнира. Половина «дубков» и «вязов» уже либо полные оборотни-конвертанты, либо люди, трахнутые бесом и оплодотворенные его семенем.

— Мамальфею твою за ногу, даже если и так, у меня ноет шея. И едва станет полегче, я накину на тебя наручники.

— Меня, не доведя до суда, шлепнут «при попытке к бегству», а нитеплазменный демон слопает всю Солнечную систему. Таков будет итог твоей исполнительности... Теперь, после того что я сказал, больше не стану угрожать твоей шее. Давай свои наручники, ты, погубитель рода человеческого.

Я отвел резак. Момент был ответственный, наручники-самохваты прыгают внезапно, чего доброго, и не успею их поймать. Мухин, видимо, томился мучительным размышлением. Внезапно из-за его спины послышался топот и голос:

— Чего ты там закопался?

— Да ничего, просто тут киберпауки передрались, интересно стало, — после тяжелой паузы отозвался Мухин и вылез. Безымянные башмаки затопали дальше, а сержант снова забрался в цистерну и даже закрыл за собой люк.

— Действительно, этот, как ты говоришь, двойник, подозрительно себя вел, — забормотал Мухин. — Большинству невдомек, но я ведь с тобой неплохо знаком. Думал,

какого-то токсина лейтенант объелся. Вот, например, до похода в «Дубки» ты со мной здоровался: «Привет, Мухин-Цокотухин». А после того вдруг: «Салям, Цеце-Мухин». Стал приветствовать так же, как перед отпуском. Что показалось странным, ты ведь никогда не повторялся, этого у тебя, подлеца, не отнимешь...

Я, воспользовавшись смятением бывшего коллеги, стал по-быстрому ковать железо.

— В общем, мне нужны три чистые персон-карты, две мужские и одна женская, чтоб рост в них был указан метр восемьдесят пять — метр девяносто.

— Ясное дело, лейтенант, хочешь умотать отсюда.

— Я доберусь до Марса, и если мы, люди, еще не просрали все окончательно, вернусь сюда с батальоном внутренних войск. Сам стану главой чрезвычайной администрации, ты — начальником полиции.

— Ничем тебе персон-карта не поможет. Если таковая сыщется, то разве что на какого-нибудь неучтенного покойника. В ней будут его отпечатки пальцев указаны и его внешние данные. Кроме того, мне пора вылезать отсюда, кроме опоновцев в облаве участвуют люди из «Вязов».

— Вылезай и забудь об отпечатках и внешних данных. Это я беру на себя. Персон-карты оставь в тайничке, а именно в бачке туалета, того, что в салоне массажных дел «Перед и Зад». Закрепи там получше клейкой лентой, чтоб не смыло.

— Ну, смотри. Если дуришь меня, лично вышибу тебе гнилушки из башки, — рявкнул Муха.

— Не волнуйся, запасной кочан у меня тоже имеется.

— Через минут десять вылезайте из этой цистерны, сколько вас там, и по коридорчику дуйте налево до вентиляционной шахты — ее мы уже почистили, — сержант стал выбираться из цистерны.

Елки... Кравец, извини, выскочил ты у меня из...

— Стой, Муха, чуть не забыл. Что помогает против укуса киберпаука? — сержант молча бросил мне ампулу и закрыл за собой крышку.

Все правильно, паук может цапнуть и полицейского, если тот, попавшись на пути, запоздает с ответом на запрос «свой-чужой». Поэтому сегодня доблестному ОПОНу выдали антитоксин. Я заторопился вниз. С Шошаной было все в порядке, только неподалеку валялась расплавленная тысяченожка, которую девушка вежливо запустила в цистерну в ответ на скреб в дверь. Но Кравец был такой же бесполезный и бледный.

— Ты чем там занимался? — поинтересовалась Шошана.

— Да встретил приятеля, потолковали малость, — бесхитростно признался я. Потом зарядил мухинской ампулой шприц-пистолет и впрыснул инъекцию подлецу бесчувственному в шею. Через пару минут шериф стал возвращаться «из полета», вначале открыл бестолковые глаза, потом с кряхтеньем и иканьем сел.

— Проснись, пока не обворовали, — предупредил я его.

— Произошло важное событие, только я забыл какое... — произнес он не слишком внятно. — А где пауки? — наконец вполне очухался соратник.

— Меньше бы им задницу подставлял, — сурово осудил я. — Через пару минут нам надо быть в вентиляционной шахте.

— Ой, мутит, — пожаловался Кравец, — как будто вчера засосал литр полимеровки.

— Ничего, тяжело в лечении, легко в гробу, — утешил я верного временами товарища.

19

Через шахту мы попали в бункер, где хранился испорченный белковый концентрат, и встретились с теми, кто уцелел после облавы. В частности, там была людоедка Джульетта, не слишком пострадавшая в результате последних событий. В руках у нее лежал пакет с фаршем, на лице блуждала тонкая улыбка. Мол, менты приходят и уходят, а кушать хочется всегда. Насколько можно было догадаться, Джульетте удалось спасти если не жизнь, так хотя бы плоть очередного возлюбленного.

Петя Мутный немного погодя тоже нашелся. В подвале среди ржавого лома, в виде цельнометаллической фигуры. Он полностью поменял свое исконное тело на протез, но, очевидно, из-за спешки и нервного расстройства опыт удался не полностью. Не только производить металлических детишек, но даже пошевелить членами (членом) эта статуя не умела. И лишь изредка испускала натужные звоны. Само собой, Петя Мутный не мог что-нибудь внятно потребовать от нас.

Я был самым неподходящим для вылазки, но мои товарищи вообще на это дело не годились. Поэтому я посоветовал им сидеть и ждать меня до полного протирания штанов. Заодно объяснил Джульетте, что употреблять в пищу

можно только совершенно незнакомых людей. Затем полез наверх, используя дохлого змееробота вместо троса.

Выбраться мне из Мудодеевки оказалось проще, чем попасть. Осиротевшая автономная рука Пети Мутного увязалась за мной, вернее, посоветовала увязаться за ней и вывела по какой-то трубе за территорию мусорозавода.

Но в городе я все равно чувствовал себя неуютно. Конечно, измененная внешность была моим плюсом (хотя и пакостная же рожа получилась). Но отсутствие персон-карты... первая проверка ксивы — и привет жизни и свободе. А во-вторых, я в Мухине не был уверен. Может, он полный конвертант, которого демонометр не воспринял.

Но вот уже завиднелась вывеска массажного салона— бутерброд из тел. В приемной мой больной вид встретил понимание, поэтому я сразу смог проскочить в туалет. Заветный бачок на месте, просовываю руку под крышку — есть пакет, не надрал меня Мухин. Вскоре я, развалясь на диване в холле, с тремя персон-картами в кармане, старательно разглядывал альбом с меняющимися объемными картинками. В нем на смену целомудренным изображениям медицинских процедур то и дело являлись такие откровенные сценки в стиле «порнографитти» с подвижными фигурками, что мне вскоре сделалость жарко и просто невмоготу. Не время, товарищ, сказал я себе и поднялся всем телом.

— Что-то совсем плохой стал, надо полежать-постонать, — извинился я перед служительницей с тугими ляжками, на которых тоже имелись татуировки-экраны. Они охотно показывали публике какой-нибудь вид интимного обслуживания с указанием цены, едва девушка заголяла их, закидывая ногу на ногу. Служительница помахала мне разноцветно мигающими ногтями, и я выкатился на улицу, чтобы зайти в соседний игровой салон. Там потихоньку сунул новую персон-карту в считыватель и ознакомился с полагающимися мне внешними данными. Ничего подгадал Мухин, покойник был довольно похож. Поотращивал я немного на своем фальшивом лице нос и щеки, поднадул губы. Потом аккуратно с помощью Анимы изменил рисунок линий на тех органических накладках, что имелись у меня на пальцах. Все, теперь я почти человек, хотя и страшила.

Человеку-страшиле захотелось развлечься. Забрался я в двигательный имитатор большого игрового компьютера. Тот унес меня в мир животных, где стал я большим уссурийским тигром, который сбежал из зоопарка в небоскреб и кушал там всех подряд, с первого до последнего этажа. Утолив кровожадие, вызвал Тереху-малого. Тот явился в

образе шакала. И секунд десять трусливо сновал вокруг, как бы принюхиваясь.

— Привет, малец, не узнаешь? — наконец окликнул я его.

— Узнаю, дядя. Я слышал, ты совсем ополоумел и попал на самое почетное место доски «их разыскивает полиция, они мешают нам жить».

— Это был не я.

— Верю, — отозвался честный малый. — Я со своей супругой Спецслужбой проанализировал твое поведение и понял, что это не твое поведение. Тем более, что ты — то есть твой двойник — ни разу не обратился ко мне за помощью. Вернее обращался, но очень странными мыслеусилиями, так что я побоялся придти.

— Скажи лучше, как мне выбраться с Меркурщины половчее, да еще с двумя дружками? С персон-картами вроде дело удалось утрясти.

— Без денег никакой ловкости не получится. На сколько билетов тебе хватает? — недоверчивым голосом поинтересовался Тереха.

— Если продам все, что можно украсть или снять с себя, то на полбилета наберется.

— Я уж подумал, что вы вконец обнаглели и решили проехаться космозайцами. Каждый отлетающий имеет право захватить девяносто килограммов багажа, что равно живой массе некрупного гражданина в легком скафандре и в чемодане. Кроме того, я от имени себя и моей супруги могу вам предложить гуманитарную помощь, то есть сумму еще на полтора билета. Денежки будут ждать тебя в банковском автомате на углу Колбасной-стрит и Неедякиного переулка по коду 3-0-18 через полтора часа после нашего разговора. Не промахнись со временем.

— Да откуда ж у тебя бабки?

— Вообще-то, вопрос невежливый. Но если ты продолжаешь корчить из себя мента, то знай. Эта сумма — есть погрешность в банковских вычислениях, которая сбрасывается на фиктивный счет в конце файла клиентов, а в конце дня уничтожается. Якобы уничтожается. Поэтому можешь считать, что ты линяешь на свободу с чистой совестью. Персон-карты вложи сейчас в считыватель, я постараюсь защитить их от тщательной проверки — если таковая падет на ваши задницы. Ну пока, приятель. Конец связи.

Я был тронут. Какой-то пучок оптоэлектронных сигналов и вдруг — настоящий друг.

— Погодь, малый. Чтобы ты хотел от нашего стола вашему после окончательной победы?

— Невещественному почести нужны все-таки вещественные. Я хотел бы стать кибероболочкой лужайки, пусть даже будет она «псевдо» и «квази», но с синтетравкой, синтежучками, синтептичками. В них я переселюсь, чтобы легко порхать и каркать хриплым голосом. И еще, поцелуй от меня свою девушку.

Мы расстались на слезливой ноте. На всякий случай я перебрался в другой игровой салон. Ближе к означенному Терешкой времени решил прогуляться. Плохо, что банковские автоматы украшали лишь приличные районы города. А там шлялись табуны полицейских и все было нашпиговано шпионящей аппаратурой. Наверняка кое-какие датчики были настроены на ловлю врагов по запаховому спектру. Поэтому я пару раз пробежался — употевший мужик менее различим для такого «носа». Когда я вышел на нужный банкомат, то оказалось, что рядом с ним ошивается некто противный, напоминающий заурядного шпика. Если был перехвачен мой разговор с Терехой-малым, сексот сдохнет, но от своего поста не отклеится. Если нет — то, может быть, шпион у конкретного аппарата находится случайно и его можно спровадить подальше.

В метрах ста на той же улице висел второй банковский ящик. А если запустить к нему Мертвую Руку, чтобы она потыркала там клавиши? Ведь достаточно трижды набрать неверный код на клавиатуре аппарата, и он начнет взывать о помощи дурным голосом.

Я как бы случайно уронил Руку в мусорный бачок неподалеку от второго аппарата. А сам зашагал к первому, пытаясь управлять автономной конечностью дистанционно. Ну, ползи, милая дохлятина, ползи. Мои мыслеусилия любезная Анима превращала в радиокоманды. Те, в свою очередь, добравшись до приемника, вделанного в Руку, становились нормальными нервными сигналами. И далее все по Павлову.

Впрочем, конкретика оказалась изнурительной. Едва я пошевелил третьей рукой, как понял, какую трудность она представляет для мозгов. Дополнительную конечность надо было основательно «встроить» в организм, чтобы голова воспринимала ее как свою. Ведь военных пилотов, вернее, их мозги, много лет под гипнозом и наркозом натаскивают на обращение с двигателями и другими бортовыми системами как с собственными частями тела.

Несколько раз происходили сбои, и мои основные руки делали не совсем приличные жесты, тогда я принимался насвистывать, изображая танцевальное настроение. Но все-

таки пот пролился не зря. Третья конечность худо-бедно научилась повиноваться моим натужным мыслеусилиями и, наконец, использовала кнопку «вызов денег» на банкомате. Три раза. Денежный ящик жалобно забибикал во все стороны и сексот, уморительно гримасничая от предвкушения улова, на полном ходу пронесся мимо меня.

Я же сиганул молнией к давно желанному банкомату, заодно направляя Мертвую Руку в конспиративную щель на мостовой. И вот уже прекрасная валюта лежит на моей ладони. Семьдесят пять тысяч императ, отстегнутых крупными купюрами. Благоговейный жар поднимается во мне от пяток к макушке.

Спустя сорок минут я снова в Мудодеевке, можно проводить совещание, расслабленно откинувшись на груду лежалого белкового концентрата. А в углах шуршат, дристая от несвежей пищи, меркурианские оранжевые крысы.

— Кому-то надо лететь багажом. И следовательно, кому-то пассажирами, — объявил я с приличествующей грустью на челе.

— Я все понял, — затрындел Кравец. — Вы полетите влюбленной парочкой на Марс, попивая джин с тоником, я тоже туда прибуду, но только в виде чемодана с мороженым мясом.

— Ну почему с мороженым мясом? — возмутился я. — Это неправда.

— Ладно, не с мороженым, а с тухлятиной. Не знаю уж, что веселее.

— Кравец прав, — заявила Шошана. — Он тянет со скафандром и чемоданом куда более установленных девяноста. И ты хоть поизящнее, но в упаковке тоже перевешиваешь установленную норму. Так что сунуть в чемодан надо меня. Тем более, если даже срезать с вас нужное количество шматов сала, все равно тяжеловато мне будет миновать контроль.

— Истинно говорит. Шошану узнают, несмотря на новую мордашку и отпечатки пальцев, если там будет околачиваться еще хоть одна фемка, — оживился Кравец. — Так что, не могу не уступить даме место в чемодане. Ladys first. Я доподлинно знаю, никакого биологического контроля грузов в космопорте Меркурия нет, он уже проводится в пункте назначения. Сделаем нашей девушке укольчик для замедления жизнедеятельности. Покемарит она часика три, потом мы ее распакуем и возбудим.

— Подожди, а сканирование чемодана? — всполошился я.

— Почему ты не озадачился этим, когда пытался запихнуть в ящик мой будущий труп? — постарался обидеться шериф.

— Сканер дает визуальную картинку лишь металлических предметов да некоторых пластиков. Белки, жиры, углеводороды и прочие химические соединения показываются только цифрами. Так что скажете, что везете колбасу в упаковке. — Шошана утрясла вопрос с обычной невозмутимостью, будто и в самом деле сыр-бор разгорелся из-за невинной колбаски.

— Но сумеем ли мы через три часа пролезть в багажный отсек, чтобы вызволить Шошку? И успеет ли корабль за это время отвалить с орбиты Меркурия с требуемой траекторией и скоростью? — все более обуревался сомнениями я. — Это ведь кораблик-неавтоном с зеркалами, разгоняемый лазерными лучами от внешних станций. Не нравятся мне такие лодочки-безмоторочки.

— Не нравится — не ешь. Тогда мы с Шошанкой обойдемся без тебя в нашем путешествии, — определился Кравец. — Не больно-то ты нам нужен...

— Да, это весомый аргумент, — вынужден был согласиться я.

20

— Отлетающим на Марс, космопорт Мерритаун, пройти регистрацию у стойки номер пять. Закончив оформление, немедленно следовать в терминальный шлюз.

Рожа Кравца имела откровенно злодейский вид из-за нависших бровей и излишне улыбалась всем, создавая впечатление, что шериф только-только хорошо поел человечинки. Он первым продефилировал к стойке номер пять знаменитым маршрутом, который хотели бы изведать тысячи меркурианцев.

— Ваш билет, персон-карту, и приложите пальчик вот сюда, — проворковала служительница-киска в лучших традициях какого-нибудь земного космопорта. Впрочем, в непосредственной близи топтались, лениво пожевывая пузыристую жвачку, два бугая, выше наших метра девяноста на целую голову.

— Да пожалуйста, милая. — Кравец исполнил всё, что требовалось, кажется, даже не соображая, какой ужас завис над ним.

— Порядок, счастливого пути. — Киска пустила в

Кравца интенсивную улыбку и он, сияя, как монетка в одну имперку, потопал вперед. Везет же балбесам.

Следующим был я. С билетом и персон-картой, вроде, все обошлось.

— Сударь, поставьте ваш багаж на конвейер сканера.

Чемодан неторопливо поплыл через просвечивающее устройство.

— Что там у вас? — голос девицы стал куда более режущим.

— Сударыня, это образцы белкового саморастущего корма, а я коммивояжер, хочу торгануть им на Марсе.

— Разумеется, но нам придется попросить вас открыть чемодан. Ваш корм слишком подвижен.

— Слушайте, девушка, какого хрена? Это не портфель, «открыл-закрыл». Там герметическая упаковка. Если я ее вскрою, груз пропадет. А зачем мне везти на Марс тухлятину? Там, что ли, своей мало? Я же в Мерритауне со светлым лицом пойду на квалифицированный биологический контроль, ну а вам-то что за радость ерундой заниматься?

— А если какая-нибудь протоплазма расползется по всему кораблю? Я настаиваю на том, чтобы вы открыли чемодан. В противном случае ваш билет будет аннулирован и вы даже не получите назад свои денежки.

— Ладно, ладно. — Я понял, что игра вчистую проканана. Сейчас беру свой чемодан и улепетываю, теряя билет. Не исключено, что меня в нескольких метрах отсюда задержит полиция и отправит на тщательный досмотр. Тем более, бугаи уже оживились и стали посверкивать глазками-бусинками в мою сторону.

Но в тот гадкий момент, когда я удрученно потянулся к ручке чемодана, лампы по всему залу зарябили, сканер стал жалобно пищать и выдавать отказ.

— Вот зараза, — пришел черед занервничать служительнице ворот. — Одурел аппарат, что ли? Ладно, проходите. Если чемодан и лопнет, то ваша гадость быстро околеет. Там, в багажном отсеке, температура будет немного отличаться от забортной. Но в следующий раз побеспокойтесь заморозить свой груз заранее.

— Конечно-конечно, рад услышать. До свиданьица.

Шошана поплыла вместе с чемоданом по магнитной дорожке — внутри соленоидной трубы, которая уводила прямо в багажный отсек взлетно-посадочного модуля корабля. А я вслед за счастливчиком Кравцом проследовал в пассажирский отсек второго класса того же модуля.

В первом классе — пассажиры посолиднее, в полукаю-

тах. А во втором — общий кубрик, только санузел отдельный, вдоль бортов кресла-коечки стоят. Кравец привольно расположился, протянув свои столбики-ноги, через одно место от меня.

И вот уже ускорение стало прижимать мои соки к спинке кресла. Модуль покинул шлюз и стартовал, как обычный планетолет. С единственным отличием, что сперва для экономии топлива его разгоняла катапульта по взлетно-посадочной эстакаде и потому трясло не очень, хотя ускорение было минимум четыре «же». Но потом, когда аппарат уже отделялся от эстакады, вовсю закряхтел жидкостно-реактивный двигатель и «живую массу» порядком забросало. Водила поддал газу, в моем желудке недовольно съежился завтрак, а в мочевом пузыре — стакан портвейна. Но все равно, как сладко было знать, что поганый шарик начинает мельчать и усыхать позади тебя. Хоть бы ты стал семечком арбуза, Меркурий. Ускорение вдавливает мысли куда-то в затылок, где самые древние центры мозга спят и видят мезозойскую эру.

Все, мы уже на орбите. Двигатели-то фурычили всего секунд двадцать, и сейчас невесомость просит тошноты. Поэтому завтрак хочет выйти из моего живота и поздороваться с остальными пассажирами. Взлетно-посадочный космолет тем временем наплывает на основной модуль корабля, давно уже разгоняющийся, чтобы вскоре сняться с рейдовой околопланетной орбиты и лечь на траекторию, уносящую в глубины гостеприимного космоса. Меня чуток бросает вперед, и все слегка плывет перед глазами — от перепада скоростей при состыковке. Опять чувствуется ускорение — начинаем все мощнее раскручиваться, набухая витками в сторону Марса — вернее, его будущего места на околосолнечной орбите, где мы с ним и свидимся. Если он, конечно, не свалится под какой-нибудь откос.

В отсеке меркнет свет. Остаются только маленькие светильнички-«лучинки» у изголовья кресла-койки, впрочем, тепловидящему и так все видно, хотя в несколько размытом виде. Однако дамы могут спокойно разоблачаться, не боясь, что кто-то разглядит у них подробности и детали. В тепловом диапазоне порнографии не дождешься. Сейчас большинство пассажиров накушается транквилизаторов и окунется на пару суток в здоровый сон, другие нырнут в мультяшный балдеж, изливаемый через экраны хайратника корабельной фильмотекой. Когда-то в салоне первого класса ставили сплошные переборки между пассажирами, но потом выяснилось, что двух-трехнедельное одиночное про-

живание в ящике нередкого человека превращает в клаустрофоба и шизофреника. Сейчас там от четырех стенок остались только разделительные бортики, вроде тех, что имелись полвека назад в плацкартных вагонах, катавшихся по Земле.

Скоро пора придет выковыривать Шошану из багажного отсека. Должен же быть у экипажа кибер для таких срочных дел. Я убедительным ноющим голосом скажу стюардессе, что забыл в багажном отсеке лекарство, важное для поддержания во мне слабой жизни.

Тут произошла какая-то перемена. Я все-таки немало полетал по космосу и знаю в этом деле толк. Кажется, мы начали терять ускорение. Меж тем оно обязано нарастать непрерывно всю первую четверть полета — ведь корабль будет подставляться под разгонные лучи новых и новых лазерных станций. А вот несколько раз пихнули в бок маневровые двигатели. Значит, меняется траектория — похоже, мы снова перебираемся на околопланетную орбиту. Это мне уже не нравится. Я подозвал стюардессу.

— Милочка, зачем мы вдруг тормозить стали? Я ведь столько лет копил имперочки честным трудом и опустил их в кассу за прибытие точно в срок.

— Не беспокойтесь, — отвечала ласково «милочка». (Говорят, на межпланетных рейсах стюардессы дичают и охотно вступают в межполовые связи с пассажирами. Все-таки до Марса — две недели лету). — Сейчас я справлюсь у пилотов.

Она подвела микрофончик ко рту и о чем-то тихонько забормотала со своими дружками.

— Одна из разгонных станций забарахлила...

— Поэтому... — любезно вставил я.

— ...Нам, чтобы серьезно не ошибиться со временем полета, придется пристыковаться ко спутнику «Меркурий-3», двигающемуся по экваториальной орбите. После необходимой навигационной подготовки, пересчета полетного плана и прочего, начнем разгон по другой траектории, — заобъясняла она.

Я почувствовал как опять, слегка толкнув мои внутренние органы, включились маневровые ионные двигатели, которые помогут произвести сближение и стыковку. Только зачем? Ведь насколько я в курсе этих дел, при отказе той или иной лазерной разгонной станции, корабль переходит в специальный режим полета на ионных двигателях. Их мощности вполне хватает, чтобы дотянуть до следующей «разгонки».

Сейчас мне просить, чтобы кибер слазал в багажный отсек за чемоданом — могут заподозрить в нечистых намерениях или, по крайней мере, предложат обождать до стыковки. Дескать, перетопчешься, не сдохнешь.

— Как хороши, как свежи были розы, — отчетливо пропел я, и это стало сигналом тревоги для Кравца. Он начал тревожиться и вспоминать план чрезвычайных действий, а я приступил к реализации первого пункта. Живая Мертвая Рука по-паучьи заторопилась на своих острых пальчиках в переднюю часть салона, туда, где имелся шлюз штурманской рубки. Я весьма наловчился управлять третьей конечностью, так что из-за мыслеусилий уже не ломило голову и не сводило корчами тело. В итоге Рука заняла почетное место ровно над шлюзовым люком — похожая на талисман или средневековый герб. Теперь надо было срочно выманить из рубки хоть одного вахтенного. Я нажал кнопку вызова стюардесски. Через минуту она сунула не слишком любезное личико в мои крохотные владения.

— У меня, сударыня, вопрос деликатного характера, — прокряхтел я и закатил глаза.

— У вас что-то болит?

— Вот именно. Болит и просит. Наклонитесь еще пониже, я стесняюсь.

Не дождавшись, когда она склонит свой вырез пониже, тяпнул ее за шейку — до чего они щуплые, эти марсианочки — и утянул в свою койку-кресло. И, как следствие, принялся старательно шуровать у нее под юбкой. Там у нее, кстати, поддеты были кружавчики, я чуть не прибалдел, но вовремя очухался. Она как раз взвизгнула в микрофон. В ответ люк рубки распахнулся, выбросив одного из вахтенных офицеров. Соответственно его трепетная шея была моментально ухвачена сноровистой Рукой. Вахтенный обернулся, полагая, что обидчик сзади, одновременно потянул плазмобой из кобуры. Кравец, в одном прыжке настигнув космонавта, рывком забрал оружие себе. И молниеносно вернулся в свое оплаченное кресло. Вахтенный, окончательно ополоумев, кинулся назад в рубку, неся на своей шее медальон в виде Мертвой Руки. Люки закрылись, однако уже «за закрытыми дверями», в рубке, Рука, повинуясь моей злой воле, сжала пальцы на сонной артерии и уложила бесчувственного космонавта на палубу. Зрительный датчик — перстень на пальце (вернее, Пальце) — показал, как над обмякшим товарищем склонилась озадаченная физия другого вахтенного. Незаметная дотоле Рука

прыгнула ему на горло, когда он стал поворачивать напарника со спины на живот, высматривая увечья. Раз — и второй офицер примял своей тушей уже павшего товарища. Неутомимая Рука тем временем лезла уже по переборке к панели, которая заведовала шлюзом. И, достигнув цели, нажала две кнопки. «Отмена контроля допуска» и «Открыть».

Снова пшикнули, распахиваясь, шлюзовые люки. В свою очередь Кравец и я, подхватив стюардессу — она поджала ноги, но это не помогло — пронеслись мимо изумленных пассажиров в рубку. Только один сознательный гражданин — хвалю, я сам такой — попытался прыгнуть на нас, но шериф уложил его отвесным ударом в лоб. Само собой, что в салоне не было старателей или фемов, а лишь чиновники и купчики, командированные с Марса и возвращающиеся теперь назад. Иначе мы бы сразу проиграли матч, не помогли бы даже металлопластиковые рукавички.

Очутившись в рубке, пираты (в нашем лице) первым делом крепко-накрепко заперли мощные шлюзовые люки на аварийные замки. Затем сорвали с себя маски в прямом смысле этого слова. Я подобрал плазмобой второго вахтенного и поставил стюардессу личиком к борту, а круглой попкой к нам. Аппетитно, ничего не скажешь.

На вызволение Шошаны у нас оставалось не более получаса. Однако, нашлось и более срочное дело — менять курс, чтоб не уткнуться в спутник «Меркурий-3». Заметив такой маневр, орбитальная администрация могла, конечно, накликать на наши головы военный корабль Меркурианской эскадры с мощным атомным двигателем, и тогда верный капец. Но теплилась надежда, что администрация не захочет связываться с вояками. Ведь в этом случае нас сперва станет допрашивать контрразведка Флота и мы ей порасскажем.

Второй вахтенный оказался крепче. Он уже начал помаргивать глазами, чтобы украдкой глядеть на нас и заодно притворяться обморочным.

Я дал ему по толстой марсианской щеке.

— Хватит там подмигивать. Ты пилот или бортмеханик? Поторопись с ответом, иначе я удовлетворю свое любопытство с помощью вашей девушки.

— Пилот, мать вашу, и капитан. Ну, скоты... — обиженно протянул толстяк.

— Ах, ты сравнил меня и моего товарища со жвачными животными! — искренне возмутился я. — Не видал ты еще

скотов, значит. И мамы у нас с товарищем разные. Ладно, сколько членов команды на борту и где они? Сколько пассажиров? Живей ворочай языком, кабан.

— Сам кабан. А то и просто свинья. Помимо нас еще четверо членов экипажа в своих каютах. Семь пассажиров в салоне первого класса, четырнадцать в салоне второго класса.

— Сколько остается до стыковки с «Меркурием-3»?

— Сорок минут.

— Отворачивай. Действуй аварийно-маневровыми двигателями, ложись на уходящий курс и разгоняйся до третьей космической скорости. Ионно-ртутной тяги вполне для этого хорошего дела хватит. И не вздумай дурить. Я, может, не слишком соображаю в вашей системе управления, но в навигации вполне петрю. Эта оранжевая точка на экране — «Меркурий-3» — должна смещаться влево. По дальномеру я стану проверять, приближается ли миг свидания с ней, или наоборот — с соответствующими для тебя последствиями. Вот нашлись и курсовые показатели в полярных и прямых координатах, склонение — семь градусов. Так что, если ты не вырулишь в нужную нам сторону, я это заметить смогу. Тогда будешь наказан. А тот зеленый глаз — акселерометр — даст знать, когда перестанешь «жать на газ». Тоже схлопочешь по чайнику. Ну, дергайся, пока я тебя не посадил голыми яйцами на кофеварку. Не сладко тебе будет гулять с вареными-то.

Кравец поднял капитана за шиворот и ткнул мордой в сторону пульта управления. Космонавт, злобным толстым хорьком озираясь на нас, все же взялся за дело. Пара пинков под ребра — и очнулся второй вахтенный — этот, оказавшись более покладистым, принялся резво наращивать мощность двигателей. Я же пристально, по-прокурорски, глядел на курсовые показатели и экраны локаторов, изредка упираясь глазами в стереоскоп, где изрядно огорчали меня серебристые очертания проклятого спутника.

— Это пиратство! Первый же корабль военно-космических сил вас настигнет! — тявкнул капитан.

— Что ты понимаешь в пиратстве, извозчик? А что касается взятия на абордаж, то у нас и заложники имеются, вроде тебя, пузатый. Мы тебе отрежем вначале карманы, потом пуговицы... потом сам знаешь что.

Наконец, я «заложников» как следует застращал, заодно и корабль стал закладывать необходимую маневровую кривую.

— Как по-быстрому попасть в багажный отсек? Не тем-

ни, сука, — обратился я к более вежливому бортмеханику. «Сука» выпалил на едином дыхании:

— У нас нет прохода внутри корпуса корабля. Только по внешнему мостику. Багажка за топливными баками, перед зеркалами-приемниками лучей. Туда быстрее всего на ранцах реактивных добраться.

Настолько ли космонавт передрейфил, чтоб не брехать? Кравец живенько уже вынимает из шкафчика два скафандра, один бросает бортмеханику, берет еще запасной кислородный баллон.

— Ты тоже одевайся, на поводке побежишь! — грубо рявкает шериф смирному космонавту (сейчас такое откровенное жлобство стоит лишь поприветствовать). — Где реактивные ранцы?

— Вы что — козлы? — вспучился капитан. — Да на ранце без подготовки лететь, это все равно, что идти и плясать «Лебединое озеро». А по мостику любой дурак пройдет... Впрочем, зачем мне какие-то предупреждения делать, усвистал бы этот «шкаф» в пространство, и то легче бы стало.

Насчет ранцев капитан прав, без тренировки можно быстренько стать метеоритом. Но и с мостиком рисковое дело. Бортмеханик, чего доброго, попробует словчить и по дороге как-нибудь спровадить «шкафа» Кравца вместе с Шошаной в открытый космос. Потом будет оправдываться: так уж получилось, мы же предупреждали...

— Слушай, ты, искрожопый, — пытаюсь облагородить я поведение механика, — ты идешь выручать человека, вдобавок женщину. И если что-нибудь случится, неважно, по твоей вине или не по твоей, я всех превращу в пар и фарш. Ты станешь у меня вечным памятником крутиться вокруг планеты, то есть превратишься в «Меркурий-5»... А ты, Кравец, свой любимый страховочный конец не забудь.

Когда космонавт и шериф уже отправились через шлюз общаться с космическим пространством, в эфир влез со своими упреками спутник — заметил все-таки наш отворот в сторону.

— Рейс тринадцать. Вызывает «Меркурий-3». Почему не выполняете команду диспетчера? Немедленно доложите причину отклонения от указанного курса.

Я прислонил микрофон к губе.

— «Меркурий-3». Вызывает рейс 13. Как слышишь? Хорошо, надеюсь. Так вот, иди в сраку и не оборачивайся. Повторяю, иди в сраку вместе со своим диспетчером. Курс

ты знаешь. Славный рейс тринадцать зачисляется в Межзвездный Флот.

— Кто вы? Назовите себя, — все еще не унимался «Меркурий-3».

— Адмирал Редькин. Прошу, обращаясь ко мне, не забывать слово «сэр».

Капитан корабля сжал руками виски, будто испугался, что его голова сейчас лопнет, как перезревшая груша.

— Кошмарнавтика какая-то. Сколько вас, кретинов таких, на Меркурии? Я всегда говорил, что жить на этой планете нельзя. Солнце слишком близко, баламутит голову.

— Кончай балаболить, шеф-повар, — остановил я мутный поток измышлений. Кажется, все космонавты были достаточно деморализованы мной, и я по-хозяйски раскинулся в кресле около переборки. — Срочно выведи на ближайший экран ту часть борта, по которой топают мой и твой товарищи.

Видеокамеры выхватили Кравца и бортмеханика, которые плыли-плелись словно жуки в киселе по мостику где-то в районе пупырчатых топливных баков. Шериф для скорости тыкал неповоротливого борт-механика дулом плазмобоя в копчик. Заодно приходилось продевать страховочный конец сквозь скобы, приваренные к мостику.

Компьютер показал, что наш корабль сейчас подставляется всем бортом станции «Меркурий-3» (продольная ось смотрит на «пятнадцать часов»).

— А порезвее нельзя ли развернуться, мастер? У меня ребра зудят от такой неудобной позы.

— Молодой человек, вы не в кровати. И вообще, вам раньше-то приходилось пилотировать космические корабли? — Капитан вложил максимум ненависти и презрения в свой вопрос.

— Только меркурианские трактора.

— Ну так не гавкайте лишний раз, — при девушке-стюардессе капитан старался выглядеть бодрым, и я простил ему грубость.

— Я бы не зарычал ни разу, если бы вы учли наши общие теперь проблемы. Спутник угрожает нам, во-первых, крупнокалиберными плазмобоями, во-вторых, гамма-лазерными установками, в-третьих, торпедными аппаратами. Если бы мы развернулись к «Меркурию-3» кормой, сделали какой-нибудь форсаж, да еще выбросили часть груза, который потянулся бы у нас в хвосте, первые две угрозы стали бы более жалкими.

— Они не станут стрелять по судну с пассажирами на борту, не дикари же, — с апломбом заявил капитан.

— Смешной ты, дядька, — оставалось сказать мне. — Срочно меняй продольную и поперечную ориентацию корпуса по отношению к курсу, чтобы площадь обстрела была минимальной.

Несколько бортовых толчков показали, что капитан все же послушался меня без зуботычин. И тут локатор отметил быструю точку, отделившуюся от пятна «Меркурия-3». Значит, именно торпедой и сунули нам.

— Вот суки, — капитан произнес, наконец-то, правильное слово.

— Есть на борту пассивные или активные системы защиты? — вопросил я. Капитан замялся.

— Ну, давай же быстрее. Видишь, они не стали вызывать корабль военно-космических сил. Им надо побыстрее уничтожить нас, потому они не пожалели и вас, невинных. Ну что, похожи мы разве на обыкновенных уркаганов?.. Мне хоть девушку стало бы жалко, старый ты козел. Вон у нее какая попка. А ножки — поэзия...

— Скажите ему, Василий Лукич, — пискнула от борта стюардесска, — сделайте хоть что-нибудь...

Капитан сплюнул, он сплюнул дважды.

— Ну, есть, есть у любого гражданского судна кое-что оборонное согласно мобилизационному плану! — выкрикнул своей доброй душой капитан Лукич и набрал код на какой-то панели, которая с немелодичным писком откинулась и открыла тумблер — эту штуку бывший руководитель судна немедленно дернул. Из ниши выехал ящичек с кнопками, которыми капитан и стал орудовать.

Торпеда была уже видна без увеличения — похожая на огонек спички. В стереоскопе эта штука являлась черной безглазой колобашкой. Тут четыре искорки выскочили из нашего борта и, немного вихляя, понеслись по спиралевидной траектории навстречу вражескому фугасу. На какое-то мгновение мне показалось, что защитники пронеслись мимо него. Однако что-то рвануло и полетело в разные стороны светящимися космами, которые опять-таки взорвались, там и сям, и совсем рядышком. Корпус тряхнуло. Интересно, задели нас заряды из кассетной боеголовки торпеды или нет? Впрочем, через секунду на экране все угомонилось — корабль, вроде, остался целеньким, бортовые системы не стращали нас чрезвычайными сведениями и предсмертными уведомлениями.

— Для газерного луча у нас приличный отражатель припасен, — не удержался от хвастовства капитан, разворачивая паруса дефлектора. И тут я, отойдя от азартной

игры в «промах-попадание», заметил, чем закончилась для шерифа первая прогулка в космос. Он, бортмеханик и Шошана свалились с покореженного мостка и беспризорно улетали в пространство. Наверное, каким-то шальным осколком перерезало и страховочный конец. Причем, если мужики елозили конечностями, то фемка после транквилизатора и кислородного голодания — возможно после контузии или ранения — вовсе не шевелилась. Единственное, в чем я был уверен — что она жива, хоть и не мог услышать через борт слабенькие сигналы ее Анимы.

— Если тебе и не жалко своего механика — я понимаю, много таких, — то у меня народ ценный. Мне требуется аварийный робот! — зарычал я на капитана.

— Да не могу я заниматься одновременно и маневрированием, и ловлей «блох»! — как всегда засопротивлялся капитан Лукич. — Вон какое сложное управление у аварийщика.

Космонавт злобно ткнул пальцем в панель с множеством рычажков.

— Обойдемся без твоих занятий, ты, главное, рули.

И я взялся руководить аварийным роботом. Монитор показывал, как, слушаясь неловких моих команд, спасатель выбирается из бортовой ниши, где стоял до поры-времени на манер статуи Аполлона. Где вы, человекообразные роботы, про которых столько понапачкано фантастами? Красавчик этот оказался по внешности чем-то вроде радиолярии, с двигателями, толкающими в шести направлениях. Но и при достаточно удобном управлении отловить три одновременно разлетающихся объекта, казалось делом безнадежным. Одним глазом я пялился на экран общего обзора с координатной сеткой, другим — через окуляры самого робота, а ухом, наверное, приглядывал за капитаном и стюардессой, чтоб не стали самовольничать.

Вначале мало что получалось, я уж собирался переключиться на одну лишь Шошану. Но тут, как встарь, проклюнулся во мне пространственный полюс, который своими вихрями-вихрами быстренько обшарил окрестности. Должно быть, осознал я нужные симметрии, которые охватывали меня, этих трех беспризорников, парящих в ночи, робота, корабль, даже капитана и стюардессу.

Я стал работать на пределе. Без споры Плазмонта и Шошаниной подмоги. Однако от страха возбудилось еще несколько полей. Разметавшись косматыми вихрями, они заставляли резонировать родственные энергии в трех летучих голландцах. Пульсации устойчивости, притяжения, от-

талкивания, пространственного искривления и всякий такой кал стали взаимодействующими кусками одного целого. Я даже попросил стюардессу пересесть в другое кресло, а как всегда вредничающего капитана несколько изменить продольную ориентацию корабля. В этих танцах участвовали все. А в итоге удалось так разветвить каналы-пульсации, что сложилась структура-ловушка.

Три живых предмета перестали разлетаться и даже потянулись друг к другу, словно были кучками мусора, которые я веником сметал в одну большую кучу. Первого, как ни противно, но пришлось цеплять бортмеханика. Стюардесска по моему приказу поманипулировала конечностями робота и довольно ловко зацепила своего товарища.

Потом еще более элегантно уловила Шошану и наконец бомбу-Кравца. Шериф даже вскинул руку, празднуя победу. Ну, можно отвлечься, робот на автопилоте дотащит этих трех везунчиков до бортового шлюза.

Теперь пора космическому зайцу проверить работу космического волка. Капитан, вроде, полностью отвернул от спутника, и мы летели прочь от «Меркурия-3», только неизвестно куда.

— Ну, кэп, мы продемонстрировали друг другу обоюдное мастерство, так что будем взаимно вежливы и предупредительны.

— Мне, по крайней мере, ясно, что ты хитрая бестия — здорово заловил этих летучих мышей, — отозвался капитан, — но что тебе толку в моей вежливости? Все равно тебя распылят за пиратство.

— Если меня распылят, я попаду в Валгаллу. А вас всех сожрут живые нитеплазменные сопли. Еще узнаешь, что это такое.

Тут в рубке показались бортмеханик и Кравец с Шошаной на руках. Оба мужика выглядели неважнецки. Я выхватил фемку из рук шерифа, скинул шлем, расстегнул застежку скафандра.

Лицо у Шошаны белое, ни кровиночки. «Фем», — ахает капитан, а стюардесса просто изумляется донельзя. Тут я понимаю, что не дышит подружка, и тело холодное, и зрачки на свет не реагируют. А ее Анима сообщает, что отсутствуют сердечные и мозговые ритмы. Я ведь все перекрушу, если Шошану оживить не удастся!

Стал делать искусственное дыхание, но от каждого примыкания к ее губам ужас продирает. Оттого, что ледышки они, и от мысли, чего Шошка натерпелась в багажном отсеке, когда и кислорода под завязку, и нормальный обогрев

скафандра закончился, и даже не пошевелиться ей никак. Она же заживо похороненная была... пока я тут борова-капитана разгонял и ускорял.

Стюардесска человеком оказалась, мигом наладила кибердоктора, который, вколов реанимал, стал кровь через себя прокачивать, вводя в Шошану питание и кислород. Потом электроды прилепил. Только после второго удара током Шошанкина жизнь дала о себе знать. Была она похожа на несколько пульсов, которые уже порядком от ее тела удалились, словно паутинка, уносимая ветром. А я ухватился за них своими щупальцами-пульсациями, стал назад тянуть и укреплять, будто это рвущиеся ниточки. Наконец, сердце ее встрепенулось. Ещё электростимуляция, укол реанимала. Возвращается жизнь в Шошанкино бренное — как это сейчас понимаешь — тело. Жизнь вышибает пробки из синапсов, впрыскивает горючее, АТФку, в ионные насосики мускульных волоконцев.

Сужаются зрачки у Шошаны, и вот уже расправляется гармошка легких, делая первый судорожный вдох и выдох с раскатистым кашлем.

— Есть тут одеяло с вибромассажем и подогревом? — окликаю я членов экипажа.

— Сейчас-сейчас, — с готовность отзывается стюардесска. Мы окончательно стаскиваем с Шошаны скафандр. Марсианочка заворачивает фема в теплую дрожащую ткань. Дивится она фемке, которая внешне как марсианская дамочка, показывающая модели, только выше на полголовы, стриженая, как зека, и мышцы хоть и не бугрятся рельефами да барельефами, но зато туго накручены на тело. Впрочем, и стюардесска ничего оказалась девчонка, жалостливая — а какие у ней трусики с кружавчиками и гладкое пространство повыше чулок... Ну, в общем, понятно, о чем думаю я, о чем размышляет стюардесса; может, и в Кравце мысли вроде моих шевелятся. Бортмеханик ни о чем не размышляет, повалился на кресло, прижав шприц-пистолет к шее и зажмурив глаза. А капитан, скривившись, думает, наверное, что лучше бы мы передохли от дизентерийного поноса — столько ему боли головной устроили.

Я попытался разобраться с траекторией нашего удаления от Меркурия. Мы как раз выскочили на солнечную сторону планеты, обшивка разогрелась до нескольких сот градусов, и вовсю фурычила система охлаждения. Назойливый Ярило белым пятном загораживал большую часть экрана, дающего обзор с левого борта.

— Ты, капитан, по-моему, двигатели бережешь. Ты бы о себе побеспокоился, мы тебе больше неприятностей устроим, чем Солнце и все звезды вместе взятые, — стегнул я космонавта.

— Да какой с солнечной стороны разгон, световое давление мешает, — вяло огрызнулся капитан и сплюнул прямо на панель управления. — Забыл что ли, разбойничек, нет у меня ядерной установки — покапай в мозги фосфором, он, говорят, помогает от амнезии. Хочешь, чтобы вдобавок ко всему и эмиссионная камера гикнулась?

— Есть же резервы. Твой груз нам не ахти как нужен.

— А ну, не бузи, — испуганно рыкнул капитан. — У меня материальная ответственность в отличие от тебя. Шутка ли, десять тонн гафния и сто тонн ванадиевого концентрата... Ладно, злодейчики, от чего вы, собственно, драпаете?

Наверное, решил перевести разговор на другую тему. Однако, я сразу включился и вкратце поведал правду, особенно выделив то, что относилось к удвоению тел, случившемуся в подвале производственного сектора «Дубков». Капитан выслушал с кислой физиономией и в качестве эпитафии сказал:

— И ты хочешь, чтобы я поверил в эту оглушительную чушь?

— Ну, а зачем нас хотели угробить вместе с твоей посудиной, даже не попытавшись вступить в переговоры-уговоры? Ты же видишь, с собой нет у нас каких-то ценных минералов, деталей сверхмощных компьютеров, пробирок с секретными растворами.

— Этого и не надо. Вы же путчисты-бунтовщики, анархисты, понимаешь. Ты же сам рассказал, чего там натворили ваши так называемые двойники — или это все-таки были вы сами?

— Это я-то анархист-путчист? Да я полжизни пробегал с электрошоковой дубинкой за всякими дуралеями...

И тут бортмеханик, имевший сейчас озадаченное, если не сказать глупое, лицо, что-то зашептал капитану:

— Объяснитесь, сударь, что происходит? Зачем вы шушукаетесь при посторонних, ведь это неприлично, — вклинился я в их бормотание.

— И этот наглый тип имеет дерзость рассуждать о приличиях... У нас неполадки с аварийно-маневровыми движками, которые из-за вашей очумелости использовались как маршевые ионные двигатели, — загундосил толстощекий капитан.

— Ну, что за неполадки, Лукич? Почему вас все время надо тянуть за язык? Я ведь могу и за нос дернуть.

— Вы же простой угонщик и ничего не понимаете в ионных двигателях. Их на тракторах не бывает... Ну, скажем так: падение тяги на сеточных электродах. А значит, проблемы с формированием ионного пучка.

— Лукич, я надеюсь, что у вас действительно четыре двигателя, а не четыре сортира. Эти ионные электростатические — одни из самых надежных. Может, рабочее тело с примесями? И потому разрядная плазма фиговой получается? Ну, наморщите же лоб и лобные доли мозга заодно.

— Мы, товарищ пират, ртуть не на базаре покупали... В любом случае мы теряем ускорение.

Я тут, наконец, обратил внимание на акселерометр. Действительно, все сказанное капитаном — гнусная правда.

И вдруг впервые подала голос Шошана, завернутая в одеяло и распушившаяся трубками капельниц:

— Это *он*. Я чувствую его силу. Это — Плазмонт.

— Я весьма рад, что наша барышня опомнилась и желает вступить в беседу, — отозвался саркастически (как ему казалось) капитан.

— Это еще кто? — просыпался щебенкой сухой Шошанин голос.

— Господин капитан того самого судна, которому очень не повезло с нами. Или наоборот, повезло. Во всяком случае, я пытаюсь обратить его в нашу веру.

Тут Лукич, несмотря на уважительное слово «господин», снова заерзал.

— Обратил меня или не обратил, а все равно пират ты и разбойник. И будешь так называться, пока суд или правительство не обзовут тебя иначе. Во-первых, ты меня не убедил. А во-вторых, даже если ты меня и убедил, зачем мне все это надо? Зачем рисковать собой, грузом, пассажирами?

— Ты меня здорово задел. Да будь все нерискующими вроде тебя, старого бюрократа, отрубили бы мы от Космики дурную грязнулю Землю, одолели бы плутонов? Нет, мы бы сейчас сидели — дебилы дебилами — на поводке у кибероболочек, на привязи у Земли. Или вовсе отсутствовали бы на свете, а средства, благодаря которым мы появились в инкубаторах, Земля бы спустила на какую-нибудь шизофрению, вроде борьбы с эпидемией гонореи среди обезьян в районе Африканских Рогов или сексуально-освободительное движение некрофилов. А если бы после Войны за Независимость никто не рисковал, мы бы остались чингисхановой ордой...

Меня слегка понесло, это сказалась привычка к проработке арестантов, упеченных в камеры за всякие мелкие провинности.

— Мы, друг Лукич, создали общество, где, в отличие от землянских демократий и тоталитарий, ценится доблесть у кого бы то ни было. У воина, ученого или купца-старателя...

— У трескуна вроде тебя, — покачал головой капитан, — особо ценится хреноплетство.

— Так вот, — упрямо долдонил я, — доблесть не определяется голосованием или указанием начальства. Поэтому мелкий недостойный люд не держится наверху — мы ведь все перед космосом как на ладошке, он нас всех через свои ситечки просеивает. Мы, природные космики, воюем не против того, у кого глаза поуже, чем у нас, или морда почернее. Даже не против того, у кого в кармане побольше звенит. Мы деремся с паразитом и хищником Плазмонтом. Знаешь, сколько вкусных, сочных и глупых граждан он уплел с наслаждением, а потом выдавил то, что получилось, из-под хвоста? И назвал эти фекашки Новой Жизнью.

— Заткнитесь вы все, — Шошана облокотилась на одну руку. — Где моя одежка? Не надо никаких приборов, чтобы сказать — ускоряемся мы теперь совсем в другую сторону, поэтому скоро вернемся на Меркурий.

— Она права? — уточнил я у капитана.

— На данный момент права, — пожал плечами тот, — ты мне своей блистательной речью не давал слова вымолвить.

— Действительно, переменилось, как ни странно, само рабочее тело, — наконец разобрался бортмех. — Это больше не ртуть, а что-то с намного меньшей атомной массой. Масса и сейчас продолжает уменьшаться.

— Тьфу, черт, — капитан выдохнул. — Как в цирке, ничего не скажешь.

Шошана учительственно пояснила ему:

— Масса — это лишь количество устойчивых зарядов, а представьте себе заряд не крутящимся облачком, а нитевидный, текучий. Мы валимся на Меркурий, потому что один его обитатель со звучным именем Плазмонт конвертирует материю в принципиально иной вид, нитеплазменный. И дело уже не в бывшей ртути — можете выключить примус, оставшийся от вашего ионного двигателя — просто масса корабля стекает в сторону планеты.

Значит, щупальца Плазмонта накрепко прилепились и

не оторвались от корабля, даже когда тот рванулся в космос.

— Ну зачем мне этот зоопарк... эти фемы... эти Плазмонты.? — тяжело выдохнул космический волк. — Может, наша новая знакомая — от старых мы уже порядком приустали — поведает нам, когда и куда мы стечем или протечем?

Было видно, что и в самом неприятном сне капитан не оказывался в подобном положении. Ведь всю сознательную жизнь продрейфовал он на самых вялотекущих меркуромарсианских рейсах.

— Вы мне разрешите воспользоваться вашим компьютером? — решила быть культурной Шошана.

— Да что теперь спрашивать. Ваши товарищи всем тут уже попользовались, — сказал грустно капитан, а Кравец приклеил взгляд к стюардесскиной попке. Девушка как раз суетилась, доставая пиво по его настойчивому требованию.

Шошана оторвала от себя все капельницы и, задрапировавшись одеялом, лишь изредка спотыкаясь, подошла к пульту.

— Вот так, — свистнул капитан, — клиническая смерть будто у меня приключилась, а вовсе не у этой большой девушки.

Шошана потыркала клавиши и невозмутимо произнесла, словно заговорила о насморке:

— Если ускорение — надеюсь, уже все усекли, в какую сторону оно направлено — будет меняться так же, как и сейчас, мы воткнемся в поверхность планеты через сорок восемь минут, где-то в районе моря Старательские Слезы. Причем с немалой вертикальной скоростью.

— Батюшки, Ньютон грозит костями из гроба... — всплеснул руками капитан.

— Ты нам Ньютоном не тычь. Слышь, отдели взлетно-посадочный модуль, выдай струю из его жидкостно-реактивного двигателя, сядь на нее и попробуй оторваться от Меркурия, — прогудел Кравец в красное капитанское ухо.

— У нас ракетного топлива какие-то капли остались, — развел руками бортмеханик.

— Все равно придется отделять взлетно-посадочный. А потом стараться выписать наиболее пологую траекторию снижения, чтоб посадка получилась хотя бы средней мягкости. Возьмите для расчетов мои параметры нитеплазменной тяги, — распорядилась боевая фемка. — Остальное вы и без меня знаете.

Она обернулась ко мне.

— Поблизости нет ничего, что попробовало бы взять нас на буксир?

— Мы гордо откажемся от любой помощи, разве что ее предложит корабль, подчиняющийся непосредственно Адмиралтейству. Впрочем, поблизости ничего такого, что могло бы искушать нас своими услугами.

Капитан Лукич, немного воспряв под Шошаниным взглядом, занялся баллистикой. Затем мужественным, как ему показалось, голосом проквакал по интеркому остальным членам экипажа об аварийной посадке, чтобы они быстренько перебрались из основного модуля во взлетно-посадочный. Члены экипажа пытались вякать, но начальник отключил прием жалоб. Стюардесса Люся ворковательно-развлекательным голоском оповестила пассажирские салоны, что из-за мелких неполадочек с лазерными станциями разгона придется на пару минуточек вернуться в васинский космопорт.

Вскоре члены экипажа недовольно пробубнили, что заняли свои места во взлетно-посадочном модуле, а заодно попробовали выяснить, садится ли судно на Меркурий, потому что капитан захворал, или это космические пираты постарались?

— Попрошу не морочить мне задницу. С такими мозгами, как у вас, надо без помощи корабля летать, — отозвался Лукич. — Космические пираты не садятся на Меркурий, они с Меркурия драпают.

Стыковочные блоки просигналили, что взлетно-посадочный модуль отделился от основного. Впрочем, пагубное ускорение от этого не уменьшилось, а даже скакнуло.

— Гафний и ванадий возвращаются туда, откуда они взялись, — мрачно подытожил капитан.

— Как бы и нам не вернуться туда, откуда мы все взялись, — подыграл Кравец.

И тут меня осенило. Никто нас, конечно, на буксир не возьмет. А просто пообщаться с какими-нибудь приличными людьми, нельзя ли?

— Мастер, послушайте, с кем еще можно связаться, не считая постылых меркурианцев и околопланетных спутников? Вообще-то мне нужна метрополия; центральный департамент полиции, ведомство верховного прокурора, Адмиралтейство, на худой конец Совет Уполномоченных — правительство наше драгоценное.

— Нам только выделена линия дальней связи с управлением рейсовых перевозок нашей судоходной компании, — отозвался капитан. — Но там сочтут ваш печаль-

ный рассказ пиратским бредом и скоренько спустят его в сортир. А что касается ближней связи, то пробуйте сами, не мороча голову другим.

Лукич врубил автонастройку радиостанции с уровнем вызова «крайняя необходимость» и переключился на пилотирование, все более заливаясь потом. Да и тревожные глаза Шошаны получше индикаторов показывали, что вертикальная скорость становится донельзя грозной. Вдобавок мы рыскали и вихляли даже на таком скверном курсе, Плазмонт был, как всегда, щедр на подвохи.

Однако мне было покамест не до того. С тремя или четырьмя кораблями не получилось устойчивой связи, хотя один из них, судя по матерным требованиям убраться с частоты, был военным. И вдруг в секторе с полярными координатами 01-67-52 отозвалось грузовое судно какой-то занюханной компании, но зато фобосской приписки. Отозвавшийся был вахтенным штурманом, который лопотал мало того, что по-английски вместо русского, еще и на прегадком австралийско-марсианском диалекте, где спасу не было от трифтонгов. Пришлось общаться без «аудио», в режиме бегущей строки, что еще укорачивало оставшийся у меня лоскуток времени. Штурманишка на удивление спокойно воспринял мой, казалось бы, душещипательный словесный выброс, а когда связь уже стала теряться во мраке космической ночи, отстучал — спасибо за фантастический рассказ, вы изрядно поразвлекли меня в конце вахты. So funny и good bye.

Пока я там выступал в роли народного сказителя, компьютер сочувственно дал знать, что даже полумягкая посадка нам не светит. Плазмонт явно хотел всех поголовно угробить, чтобы члены экипажа вкупе с пассажирами не тарабарили о странностях Меркурия на всех углах Космики.

Сесть, вернее, рухнуть, мы должны были в районе сто на сто километров, где-то на плато с говорящим именем Свинячья Шкура. Большей определенности посадочной траектории из баллистических программ выжать не удавалось. Борткомпьютер только бранился и требовал: «Установить постоянный курс... стабилизировать ориентацию корабля относительно курса... взять постоянные пеленги...» А потом и вовсе шизанулся вместе с остальными думающими устройствами. Капитан пытался, несмотря на нехватку топлива, сбавлять вертикальную скорость жидкостно-реактивными двигателями модуля, задирая нос и садясь на корму. Но вначале полыхнул один из ракетных двигателей (компью-

тер едва успел отключить подачу топлива), затем стал кашлять второй. Я чувствовал, что Шошана пытается защитить его, как самую распоследнюю нашу надежду — ведь в тщедушной атмосфере Меркурия не спланируешь.

Внизу уже была заметна торосистая местность, которую я опознал как Свинячью Шкуру собственной персоной. Дюзовые рули не откликались на команды, приборы несли всякую ахинею, покинула пазы только одна посадочная лыжа, в глазах и то потемнело. Лишь тупо устроенные тормозные бустеры исправно сработали.

— Ставлю на то, что нас будут соскребать бритвочкой со скал и затем измерять в погонных метрах! — гаркнул в каком-то раже Кравец и принялся молиться немыслимым святым, которых в космотеизме точно нет. Я тоже подумал о вере, отчего вдруг возникло убеждение, что «опупея» не должна так бестолково закончиться, ведь кроме нас притормозить демона некому! Попутно левым глазом замечал, как на сигнальных панелях замельтешили огоньки, рапортуя о том, что от усталости расползается металл обшивки.

А потом меня словно взяли за шкирятник и встряхнули. Пробудившись, засочился силой полюс устойчивости. Мои пульсации стали развеваться, как волосы кудесницы Медузы Горгоны. И это даром не прошло, меня охватили самые вредные ощущения: что вместо шпангоутов трещат мои собственные кости и торосистая терка вместо корабельной обшивки шкрябает мою собственную шкуру.

Мы вдвоем — или втроем — стали своими пульсами скреплять рвущиеся энергетические жилы планетолета. Словно бы перебрасывать их вибрации в более устойчивые русла. Но вскоре стало не до такой благотворительности. Космолет забило-зашвыряло, мы сделались как картофелины в мешке, который волочет по брусчатке гоночный автомобиль. Особенно пожутчало, когда отвалилась последняя лыжа. У меня не то что потемнело в глазах — спасаясь от чумовой тряски, душа стала куда-то вылетать на стрекозиных крылышках.

Эта тряска длилась вечность плюс еще какой-то довесок времени. Но все-таки когда-то, в далеком будущем, мы остановились. Минуты три не было слышно ничего, кроме каких-то утробных урчаний и скрипов.

Потом стало ясно — бортмеханик хрипит оттого, что у него поломаны ребра. Капитан Лукич оглянулся разбитой физиономией, по которой стекала кровь. Шошана подала голос, чуть менее каменный, чем обычно:

— В пневмопроводах бывало и хуже.

— Глисте в канализации тоже несладко приходится, — поддержал я.

Прорезался голос и у Кравца, какой-то потончавший, петушиный. Он выпустил полумертвую от переживаний пигалицу-стюардессу из своих горилльих объятий.

— Я сохранил ей жизнь, но так обнимал, что, кажется, у нас будет ребенок.

А изрядно помятая стюардесса Люся вдруг нашла возможность хихикнуть.

Интерком молчал, бортовые системы не давали о себе знать, за исключением автономного жизнеобеспечения рубки, питаемого аккумуляторами. Не было слышно жужжания даже аварийного генератора. Оставшиеся на ходу блоки компьютера грустно долдонили, что потеряна связь со всеми датчиками за пределами носовой части. Из всех навигационных и обзорных модулей остался только монитор, показывающий унылое пространство перед нами, прочие спали вечным сном.

Капитан Лукич протер влажной бактерицидной салфеткой свое раздрипанное лицо. Шошана наложила протекторы на сломанные ребра бортмеханика и вручную сделала уколы — кибердоктор разбился вдребезги. Стюардесса подтянула чулки, поправила юбку, сбившуюся из-за объятий Кравца, и причесалась. Мы с капитаном одели скафандры, нахлобучили шлемы, и, убедившись, что шлюз как таковой существует и, может, даже работает, вступили в него. Внутренний люк за нами закрылся, контрольный блок показал герметичность. Ну, пора. Открылся с некоторым скрипом внешний люк.

За ним ничего не было. Ни девятнадцати пассажиров, ни четырех членов экипажа. Остался только остов, ребра шпангоутов, куски обшивки, рваная волосня проводов, обломки аппаратуры. Все люди вылетели из салонов и кают вместе со своими креслами и были перетерты торосами в пюре. Впрочем, к этому моменту совершенно точно они являлись неживыми телами.

21

Обычное дело — связь не фурычила из-за поганой пыли. По траектории падения и линиям естественного магнитного поля мы вполне научно установили, что нашли пристанище (хорошо бы не последнее) на плато Свинячья Шкура. Где-то на куске территории в пятьдесят на пятьде-

сят километров. Впрочем, об этом можно было догадаться, просто оглянувшись на окружающую местность с мелкой щетиной острых камней. Когда среди корабельного мусора выискался октант, то благодаря слабо мутнеющему глазу нашей луны, удалось разобраться с долготой. Это вызвало недолгий интерес. В любом случае, ближайшие прииски и стойбища старателей — далеко-далеко за горизонтом. Собственно, можно было порадоваться, что нет ни с кем никаких связей.

В Васино меня вместе с товарищами только одно ожидало — трибунал и виселица. Или, в порядке помилования — мгновенная аннигиляция под милосердным лучом мощного гразера. Нет, такое «помилование» одному лишь Кравцу светит. Нам с Шошаной совсем другое улыбается — все-таки заставит нас Плазмонт помучиться. Кто-то из работников эшафота рассказывал мне, что, когда человек отходит в петле, у него почему-то случается эрекция. Выходит, недаром смертушка — женского рода.

В любом случае, от этой дамы лучше держаться подальше, поэтому нам нет резона высвистывать спасителей-погубителей. Можно, конечно, попытаться укрыться среди старателей, но без императ, без вездехода мы будем слишком зависимы. Да никто и не захочет слишком усердствовать с опекой — зачем наживать лихо с властями, «Дубками» и «Вязами»? Даже в долине Вечного Отдыха. Если там кто-то и уцелел. В любом случае, нам туда не пробраться. Сплошной набор «но» и «если».

Однако задача выбора упрощалась тем, что пока его и не было. Мы оказались заточенными в рубке, которая со всеми своими закоулками, нишами и шкафами, составляла собой одну не слишком большую комнатенку. Соответственно скандальность ее жильцов была повышенной, что могло кончиться плохо для кого-нибудь из них. И сексуальность в атмосфере праздности росла по параболе, кое у кого даже по экспоненте, что тоже предвещало дурное развитие сюжета. Это не касалось раненого бортмеханика, и пока что застрессованного капитана, но Кравец вскоре решил отличиться на сомнительном поприще. Тем более, что никаких лозунгов для укрепления гражданственности я не придумал ни к обеду, ни к ужину.

В первую ночь (по корабельному времени) шериф еще раскочегаривал аварийный электрогенератор, который должен был работать на остатках водородного геля, и чинил камеры кругового обзора. Но во вторую спальную смену у этого паршивца сильно зачесался «гондурас». Шериф под-

нялся со своего места у пульта, около которого отдыхала вся тройка мужчин, глянул начальственным взором на обзорные мониторы — вокруг была тишь да гладь. Затем пристально посмотрел на встроенный шкаф, где на сваленных скафандрах богатырским сном почивала Шошанка, но решил не рисковать. И направился за импровизированную занавеску, где в нише из-под чисто выметенного кибердоктора находился будуарчик стюардессы Люськи. Кравец накануне ей это гнездышко на отшибе и устроил. Дескать, остальные люди тут грубые, перебьются без удобств, а Люси де Флориньяк (почти коньяк), марсианской француженке, комфорт и уют потребны больше, чем всякому быдлу. Видно, и эта пигалица очаровалась нашим заботливым кабаном, потому что уже через пять минут после начала свидания послышались страстные девичьи вздохи.

— Да не наваливайся ты так. Cravets, Cravets, cesse tes brusqueries, salle cochon. (Кравец, отвяжись, Кравец, ты — форменная свинья.)

И голос шерифа сквозь работу:

— Я не свинья. Я просто иначе не умею. Меня хорошим манерам не учили.

И снова девичье:

— Cochon, cochon... Ой, больше не могу, отстань...

Капитан нарочито захрапел, и вздохи мигом сдохли, но потом, осмелев, вошли в прежнюю громкость. Через пару часов Кравец, домучив девушку, наконец угомонился. Сделал вид, что вернулся из сортирчика, где провел все это время, и как ни в чем не бывало улегся на свое холостяцкое место.

Наутро, само собой, капитан, возбудившийся из-за половых деяний Кравца, принялся бухтеть по-злому:

— Из-за трех болванов у нас уже отрицательное сальдо в двадцать три человека. Сколько вам еще требуется для самоутверждения, молодые люди?

— Слушай, папаша, не нервируй меня дополнительно, — выступил я с пламенной речью. — Мы на эти дела пошли и подставились под вражеские энергии не из-за своих прихотей. Тоже могли выжидать, авось пронесет мимо наших задниц, и радоваться жизни, каждый по-своему. И эти двадцать три, понимаешь, они — наши люди, пали за правое дело, пускай даже сами того не понимая... Что касается проявления низменных инстинктов со стороны некоторых наших общих знакомых... так ведь не секрет, чем ты сам, уважаемый, занимался после капитанских коктейлей с веселыми пассажирками. Уж тем более — куда ты завали-

вался в квартале Полного Кайфа где-нибудь в Мерритауне, там ведь каждая плитка на мостовой издает возбудительный всхлип. И это было, когда тот же Кравец жарил свое срамное место на газовом реакторе. Надеюсь, и наш доблестный шериф не воспримет мою защитную речь как призыв к дальнейшим свершениям... Ладно, я на разведку, хотя и здесь, по идее, неплохо — кислорода на три месяца, жрачки на четыре. Но вдруг пофартит, влезу кому-нибудь веселым попутчиком в вездеход или найду что-то вдохновляющее, пещерку благоустроенную, например. Может быть, все удобства в километре отсюда. Ну, кто отважно со мной?

— Я, — рапортовала справная девка Шошанка. Но затем наступило тягостное молчание.

— Куда мне бежать? — по-сиротски протянул капитанишка. — Ведь получится, что космолет упал, а пилот смылся, опасаясь порки.

— Ну, я, я, — сказал разочарованным голосом Кравец, — не оставаться же мне с этим занудой. — И он зарезал взглядом капитана.

— Молодец, шериф, — одобрил я. — Наконец ты стал различать пользу дела и пользу тела.

— Moi aussi, — неожиданно поддержала Кравца новая подружка. По-моему, она решила, что мы торопимся на ближайшую остановку общественного транспорта.

— Очень мило. Мы все уйдем, а эти космические волки запрутся и не впустят нас обратно... Поэтому, Шошана, ты исключаешься из состава разведгруппы, а ты, межзвездный скиталец, назначаешься, — обратился я к капитану Лукичу. — Кошмарнавты, вперед!

— Я не останусь, — сделала твердое заявление возмущенная Шошана. — Розыскники из Васино первым делом найдут эту драную металлическую птицу. И катись ты в попу со своими распоряжениями. Понял, мент?

— Сама ты мурка-наводчица... Да, дисциплина — именно то, чего нам порой не хватает. Хорошо, давайте решим полюбовно. Идут все, за исключением сломанного механика. Ему мы пропишем укол глубокого сна.

Само собой, я предполагал через пару часов отправить вечно бодрого Кравца и измотанных капитана со стюардессой назад — лишь бы донесли некоторые припасы до точки, где можно обустроить тайничок. Затем я намеревался вместе с Шошаной порыскать более основательно. Итак, механика, не испрашивая согласия, погрузили в глубокий целительный сон, а группа, состоящая из пяти человек (трое «своих», двое «сомнительных»), выступила в поход.

Кислорода и питания захватили столько, чтобы пятерым на сутки хватило, а двоим — на три дня. Естественно, по ходу дела девицу де Флориньяк от ноши пришлось освободить по причине хрупкости, да и жирняга капитан жидким оказался, поэтому основная тяжесть навьючилась на «своих».

Космолет лежал в довольно глубокой впадине, метров по пятьсот в длину и ширину, поэтому мы карабкались вначале в гору. Когда поднялись, перед нами открылась долина куда большая, и малышка Люси вдруг заявила, тыкая пальчиком в низину, едва подсвеченную мутным глазом меркурианской луны:

— Je vois les maisons. Un grande ville, en realite. (Гляди-ка, дома, большой город, в натуре.)

— Ерунда, киса, здесь не может быть ничего такого. На худосочном Меркурии полностью отсутствуют секретные города и даже деревушки. Это вам не Марс, — выразился Кравец голосом солидного мужчины, покрывающего залипухи своей маленькой глупынди.

Однако я сразу засомневался. Это как раз на Меркурии не исключены любого сорта сюрпризы. Наши «Дубки» с «Вязами» или какая-нибудь богатая марсианская контора вполне могли отличиться и воздвигнуть тут что-нибудь для тайного величия, хотя бы общественную уборную или рюмочную-закусочную.

Спустились мы еще пониже, метров на сто. Теперь всякий видел скалистую гряду. А взбудораженная личность могла объявить эти скалы чем-то похожим на дома. Или на кучи великанского дерьма. Когда мы углубились в проход меж двух утесов, скалы были все-таки каменными глыбами. Однако метров пятьдесят спустя я не мог ручаться, что здесь не стоят оплавленные и потекшие от большой температуры постройки. А чуть погодя нельзя было с чистой совестью отпихнуть утверждение, что все вокруг — не вполне естественного происхождения. Хотя и в таком случае большим искусством тут не пахло.

Да, окрестности смахивали на исторический город. Вроде тех, что кое-как уцелели на Земле со времен царя Гороха. Демонометр, между прочим, не кивал на присутствие нитеплазмы. Конечно, на фабрике в Васино мы встретили много всякого кала из видимой нитеплазмы, на которую демонометр тоже не реагировал. Однако там все-таки изделия из нее лепили с помощью специального оборудования и куда в меньших масштабах.

А если «городище» это не плазмонтово, то чье тогда?

По зубам ли такой секретный проект «Дубкам», «Вязам», кому бы то ни было? И зачем он?

Вот мы уже вступили на улочки подозрительного города. Стены «домов» были щербатые, какие-то невнятные, без всякой лепоты, будто очень древние, вместо окон — темные проемы а-ля глазницы черепа. Но пыль уже не стояла столбом, а словно из почтения, висела пеленой чуть выше крыш. И хоть она казалась более плотной, чем раньше, мрак не сгустился, напротив, пространство меж «домов» было подмазано легким светом.

— Cette ville est construite par les anciens mercuriens (Город воздвигли древние меркурианцы, больше некому), — выдвинула «гипотезу» глупындя Люся.

— Это очень похоже на правду, учитывая, что через несколько месяцев он попадет на солнышко и пропечется до приятной температурки в тысячу градусов. А особо благоприятное воздействие на архитектурный стиль окажет солнечный прилив... — возразил я милым голосом, хотя собирался заорать «хрена с два». — В любом случае, рано или поздно мы найдем какую-то ловушку или хитрость на свою задницу, поэтому бродить нам здесь бесперспективно. Давайте перенесем знакомство с достопримечательностями на другое время и другую планету.

— Все-то он знает, — хмыкнул в мой адрес седовласый капитан Лукич. — Может, городок этот из такого материала, что его ни жара, ни холод, ни прилив с отливом не берут.

— А кто тогда в нем жил-то, седовласка? Товарищи со стройным телом из керамики и огнеупорных сплавов? — отрубил я, но вспомнил Петю Мутного с его железными деталями.

— Чем дальше мы пробираемся, тем приличнее сохранились дома. Может, тут какое-то защитное поле до сих пор действует? — отразил выпад капитан. — А раньше, допустим, оно не в пример мощнее было.

Я отколупнул несколько кусочков от стены и сунул их в походный анализатор, который убедительно показал, что строительный материал состоит из веществ, изобильно имеющихся на Меркурии: кремния, алюминия, и тугоплавких металлов вроде титана.

— Как бы то ни было, нам лучше отсюда уматывать, — будучи ответственным лицом предложил я, впрочем, не слишком настойчиво.

Однако только Шошана меня поддержала. И то довольно слабо — она не чувствовала опасности.

Как известно, Меркурий — место для множества параллельно действующих чудес. Вдруг здесь действительно постарались древние меркурианцы? Например, когда-то мы все давали зуб на вырывание в защиту тезиса о безжизненности Юпитера. А потом обнаружили там в атмосфере стада здоровенных живых пузырей из металлоорганики с четко просматриваемыми вожаками, мечущими молнии. Еще немного погодя зонды засекли на ледяных глыбах-материках что-то смахивающее на постройки. В них проживали — в отличие от своих диких, влекомых ветрами собратьев — тяжелые сплюснутые пузыри, которые общались друг с другом посредством разрядов. Часть «разрядных» слов удалось декодировать. И первой расшифрованной фразой была такая: «Чтоб завтра представил объяснительную (дословно: исполнил танец раскаяния), иначе шеф (испражняющий молнии) публично унизит тебя (наденет тебя на себя)».

— Voila, voila, смотрите туда, — киска Люська потыкала пальчиком в промежность меж двух грубых стен, закрашенную более интенсивным светом.

Через эту щель виднелась улица, полная нормальных красок — которые, впрочем, несколько «плыли» в глазах наблюдателя, — с красивыми домами, черепичными крышами и разноцветными стенами. Мы с минуту будто подсматривали в замочную скважину. Как-то бездумно стояли, с туманом в голове от ошеломления. Люся не выдержала первой, заторопилась к этой красоте, следом потрусил, потряхивая жирком, упитанный капитан, затем потянулся Кравец со своими баллонами.

Пришлось и нам с Шошаной перебежками, от стены к стене, почесать за ними. Вот граница между ночью и днем, шажок вперед, и я, последний из группы, оказался на настоящей земной улице. Старого, но хорошо законсервированного города. Меркурий остался позади в виде несуразного темного пятна меж двух домов.

Над головой царило голубое небо, мостовая была выложена брусчаткой, а дома-то трех-, четырехэтажные, изящного позднеготического стиля. Все это сейчас сверялось с образами, некогда перебравшимися в мою голову из видеокнижек и исторических мультиков, которыми нас усердно в воспитательных целях потчевали в «Мамальфее». Именно из таких уютных городков торопились в неизведанные моря и джунгли рисковые парни, флибустьеры и конкистадоры, с которых нам, уроженцам питомника, предлагалось брать положительный пример.

Сделав еще шаг, я почувствовал тяжесть. Гравитация

была побольше, чем та, которой мог похвастать Меркурий, и пробуждала дополнительные мысли о Земле.

— Анализатор шепчет, что вокруг нас настоящий воздух. Кислорода двадцать процентов, азота побольше, чем в Васино (земная норма), остальное — инертные газы. Давление обычное для куполов, температура двадцать Цельсия, — дрожащим от возбуждения голосом сообщил Кравец. На его шлеме поднялся светофильтр, и было видно озадаченную глуповатую и одновременно радостную физиономию. Мои подчиненные, может, за исключением Шошаны, поголовно воспринимали происходящее как подарок.

— Ну и что с того, обалдуи? Может, поскидаем скафандры и айда босиком? — попробовал я пристыдить недисциплинированных последователей.

— Скидать не скидать, а неплохо бы подышать через воздушный фильтр, — делово предложил Кравец, — вот я засосал воздух анализатором и вижу, что микроорганизмов нет. Яда с токсинами тоже. Даже пыль отсутствует. В общем, никакого говна.

— Ты бы ума где-нибудь засосал.

И все-таки этому анализу можно доверять. Стандартный атмосферный анализатор по очереди отфильтровывает частицы, которые превышают в размерах один микрон, одну десятую микрона и так далее. Командуй не командуй, а Кравец переключил свое дыхание на атмосферу и с песней двинулся вдоль улицы, заглядывая в узкие окна, за которыми пока ничего не проглядывалось. «Только пуля казака во степи догонит...»

— А дурости и догонять не надо. Она всегда при тебе.

Мне уже нехорошо от нашей простоватости, тут еще эта коза Люська заявляет:

— La temperature de l'air est normale. Я устала и хочу скинуть этот дурацкий скафандр.

Пока я до нее добирался, щелкнули, отстегиваясь, крепления шлема — контрольные блокировщики при таких параметрах атмосферы не стали мешать — и метелка рыжих волос с радужной подкраской на кончиках окунулась в сомнительный воздух подозрительного города.

Я хоть и добежал, но застыл от замешательства. Тут она, пользуясь моим остолбенением, берется за застежки — раз, два — и скафандр сползает к ее ногам. Она — разоблачилась! Зачем я только взял эту мамзельку? В итоге, на поверхности Меркурия появляется тело, в отличие от других тел изящное, легкое и голое. (Ведь не скажешь же про скалу, что она голая. Хотя как знать.) От обводов нового

тела становится жарко где-то пониже пупка. Чертовщина. Правда, Люся быстренько из герморанца вытаскивает и напяливает на себя черный обтягивающий костюмчик — мы все прихватили запасные шмотки на случай ночевки под куполом. Ну что с ней делать, не казнить же, подобрал я еще девушкин скафандр и стал поразительно похож на одногорбого верблюда.

Улицы делаются уже, дома выше, я же плетусь в конце странной неуправляемой процессии. Впереди вытанцовывает дамочка в обтягивающей стройности и выпуклости ткани,. под которой ничего. Следом капитан Лукич, он тоже скинул скафандр и переодел свое толстомясое тело в трико, но хотя бы тащит личные манатки сам. За ним Кравец без шлема, зато в скафандре и с двумя кислородными баллонами. Потом Шошана, в шлеме, скафандре, с баллонами, но с открытым воздухозаборником. А вот и я, полностью экипированный, навьюченный, дышащий только из своих баллонов, выдыхающий только в регенератор.

От этого есть повод слегка сшибиться с катушек. А то и просто придти в буйное помешательство. Кто-то вбухал миллионы имперок и сделал город — воплощение картинок, которым радуется подрастающее поколение. Чтобы снимать здесь сочные исторические фильмы? Или отдыхать в свое пресыщенное удовольствие? Или?..

Люся отвлекла меня, притормозив у какого-то дома.

— Quelle jolie maison!

Красивый домишка, ничего не скажешь, удачно косит «под старину». Верхние этажи нависают над нижними, витражные стекла хватают белый свет и бросают пятнистую радугу на разноцветье пола, составленного из мраморных плиточек. Рисунки витражей все время меняются — то пузатые кораблики, бегущие по волнам, то сельские лошадки, бредущие по пажити, а то и колбаски с окороками, висящие на крючочках.

Пока я заглядывал внутрь, Люся-мерзавка-недисциплинированная заскочила в дверь, не спрашивая моего соизволения.

— Стой, кому говорю! Revien, Lucie!

Как же, ноль внимания. Ну не стрелять же ей в изящную спинку из плазмобоя. Приходится тащиться следом. Вот кухня, утварь на полках и печь в изразцах, за железной дверкой бьется настоящий огонь. В печурке, конечно, не подлинные полешки, а ныне модные на Марсе стилизованные брикеты из какой-то высококалорийной химии, которая даже дыма не дает. Сияет большой чайник, в каст-

рюльках булькает кое-какая снедь, источая завлекательные запахи (Люся поводит носиком с упоением). Ничто не пригорело, плита, конечно, программная, хотя всякая автоматика совершенно незаметна. Таков уж современный дизайн, стиль «колдовская избушка», который доселе на Меркурии можно было углядеть лишь в журнале «Бурда-муда».

Вот «готическая» гостиная, дубовые стены, гобелены на них повисли и картины под старину, однако, в отличие от музейных экспонатов — со слегка «живым» изображением. У мужика на портрете лыбится рот и моргают хитрые глаза, а гобеленовые рыцари медленно поднимают на нас мечи. Птички, запечатленные на ковре, немного прыгают и слегка попикивают. Еще тут стулья с высокими спинками, сундуки резные и шкафчики в антикварном стиле. Только, в отличие от настоящих средневековых, они сами подставляются под зад и сами раскрываются, поймав твой взгляд. Значит, в них понатыкано будь здоров всяких рецепторов и электромагнитов на сверхпроводимости. Есть камелек с вечно тлеющими угольками, где то один, то другой вспыхивает — в самых приличных домах на Марсе именно такими балуются. Книжки здесь, ясное дело, пижонские, в какой-то свинячьей коже, изображающей древность. Только страницы не порвешь, сами перелистываются. В том месте, куда взор падает, буквы становятся больше и рельефнее. У меня дома такая книжулька лежит. Одной хватило: мелькающие страницы страшно на нервы действуют.

Следом коридор, за одной из высоких дверей спаленка а-ля «барокко», которая и мне нравится. Там кровать под балдахином. Койка аккуратно заправлена, покрывалом прикрыта. Но когда Люська к ней подходит, ткань благодаря магнитным ниточкам складывается. Наша дуреха с продолжительным мурлыканьем расстягивается под балдахином и всем видом показывает, что поход у нее закончен.

— Бунт на корабле, расстреляю, — грозным голосом говорю я.

— Ля-ля-ля, Терентий, ты — русский медведь. Причем шатун, с пробкой в заднице. Все, я устала гулять.

— Мы дальше брести уже не будем, только назад, домой.

— Не хочу в такой дом. Мне тут нравится. Monsieur Cravets, оставайтесь со мной. И пусть эти передовики прутся, куда хотят. Мы отдохнем и сами вернемся.

Попользоваться всем благолепием, да еще вместе с demoiselle de Florignac — неискушенный и неизбалованный красотами жизни Кравец даже покраснел и запыхтел.

— Это рискованно, Кравец-дружище, — честно предупредил я его. — Вдруг вся лепота — чистой воды надувательство или мухоловка? Можно заработать в любой момент пинок и очутиться непосредственно голым задом на Свинячьей Шкуре.

Я собрался предупредить, что даже если мы когда-нибудь еще свидимся, он у меня из доверия выйдет. Но передумал — кому я после этого путешествия смогу доверять, если мы действительно оказались в ловушке? Я сам уязвимей некуда, хоть напялю на себя все пять скафандров.

— Но не брошу же я Люську здесь, — торжественно заявил Кравец.

— Однако почему? Трудно бросить только самого себя.

— Я не мастак объяснять такие вещи. В смысле, у меня не густо со словами про всякие чувства. Короче, желаю быть рядом с ней. Кроме того, если вы сумеете выбраться отсюда, то и мы сумеем. А вообще, я не тороплюсь на виселицу в Васино.

Я бросил Люсин скафандр на притягательную кровать и строгим оком оглядел присутствующих. Капитан, по-моему, тоже не прочь был здесь задержаться и как-нибудь пристроиться к любовничкам.

— Третий — лишний, пойдемте с нами, мастер, — потянул я его за рукав. — Располагаются на отдых посреди всей катавасии одни дураки, а умные идут куда-нибудь. Мы-то кто с вами? Забыли, что ли? Попытаемся выбраться отсюда.

Поневоле «умному» капитану пришлось с прискорбием двинуться вперед. Вернее, назад, к базе. Напоследок я еще глянул в приоткрытую дверь спальни, на лежак. А там уже имелась широкая трудовая спина Кравца безо всякого скафандра и даже тельняшки. Из-под боков шерифа выглядывали и как бы шагали по тропе плотской любви тонкие ножки с маленькими розовыми пятками — стюардесскины. Недолго мужлан наш продержался. Впрочем, неизвестно, долго ли нам всем осталось.

На улице гости странного города ознакомились с некоторыми свежими достопримечательностями. Я включил внешний микрофон — какое изобилие звуков, превеликое множество звуковых волн. Гомон, гогот, рев скотины, ржанье лошадей, бреханье собак. Трепотня о том о сем, приказы, грубости, в язык я, к сожалению, не врубился, остался он непонятным. В отсутствие живых людей звуки сами казались живыми. Они появлялись из ничего, как бы ниоткуда. Технические фокусы? Наверное.

Кто-то дал нам ласковое небо, воздух, приятное тепло, веселенькие домики, в точности скопировав одну из самых приятных сред для обитания. Кто-то достаточно прочувствовал наши запросы и готов услужать. Безусловно, ему требуется что-то взамен. Но «что» именно, у кого спросить?

Кто-то в состоянии обрушить на нас парочку домов и вмиг похоронить. Или угробить более экономичным способом.

Однако вместо этого занимается ерундой — удивляет, поражает, пугает. Кто-то хочет нам понравиться и приглянуться.

— Слушай мою команду! — замучившись непониманием, гаркнул я. — Как главарь банды — надеюсь, никто не станет возражать против такой должности, — требую от всех: НИЧЕМ НЕ ВПЕЧАТЛЯТЬСЯ, НЕ ВОСХИЩАТЬСЯ, НЕ ОЧАРОВЫВАТЬСЯ.

— Даже я никогда не отдавал более глупого приказа, — ухмыльнулся баран-капитан. — Пальма первенства вам, товарищ главарь банды.

Мы в своем возвращении свернули за угол и вместо той улицы, по которой уже погуляли, оказались на пристани. Плескалась о сваи вода, солнце золотило свод небесный, подмазывало под импрессионистов рябь морскую. У пристани стояла бригантина, на которую были перекинуты сходни. На берегу, невзирая на отсутствие людей, громоздились мешки, корзины, бочки.

Капитан уставился мутным взором на неожиданное судно и вдруг мешки сдвинулись с места, бочки покатились, а на самой бригантине принялись подниматься паруса.

— Она слушается меня! Эх, зараза! — В один легкий прыжок тучный капитан перемахнул на борт корабля и заорал крайне возбужденным горлом: — Я только посмотрю, мне просто интересно!

Через минуту он уже был на мостике. Наверное, повинуясь его приказам, натянулся грот, затем и стакселя. А там и другие паруса, фамилий и имен которых я никогда не знал. Замелькали ручки штурвала, сходни съехали на берег и бригантина со скрипом начала отваливаться от пристани. Это судно напоминало некогда модные на Земле парусники типа «летучий голландец» для богатых причудников, нашпигованные роботами и сервомеханизмами, которые были хорошо замаскированы и не мешали иллюзии.

— Куда вы? — крикнул я капитану. — Вода — это же не ваша стихия.

— Я тут хозяин, потому не намерен отвечать на глупые вопросы, — окрысился капитан и отключился от нас.

Бригантина уходила в синё море. То ли показалось, то ли взаправду на баке различил я несколько фигур, которые будто конденсировались из тумана, одновременно теряя четкость из-за растущей дистанции. Или иллюзии дистанции. Все-таки слишком это зрелище напоминало мне павильонную сценку. Я обернулся к Шошане.

— Ты как думаешь, куда он собрался, наш полоумный моряк?

— Он полностью втянулся в этот мирок, где все его слушается. Где ты не давишь ему на мозги, где не висит над ним начальство из судоходной компании. Где не проводишь две трети жизни в коробке, свистящей через мерзлячую пустоту. И где какой-то бугай не уводит у него девушку, обожаемую всеми фибрами стареющей души.

Надо признать, были подобраны очень верные ключики к капитану. Да и во мне с Шошаной найдутся замочные скважины, после чего наша мораль кувыркнется вверх тормашками. Ведь потеть больше не требуется, все появляется само, силой одних мыслей и желаний. Сбылась вековечная мечта идиотов.

— Надеюсь, что этот податливый мирок, мирончик, миришка не является миром нашей мечты и мы вскоре распрощаемся с ним, — уверенность в моем голосе, конечно, была наигранной.

Шошана не плеснула ответным оптимизмом, впрочем, она частенько отмалчивалась.

Ну, а если таковы проделки демона-Плазмонта? Вдруг ОН может имитировать все подряд, включая спектральные характеристики, атомарные и кристаллические структуры обычного вещества? И вот ударно постарался тут для нас.

Что, конечно, трудно объяснимо — ведь подобные фокусы требуют огромных энергозатрат. Надо не только уметь изображать атомы и молекулы, но вдобавок обладать массой сведений, которых не сыщешь на Меркурии, и даже, пожалуй, на Марсе.

Но все ж я не могу сейчас не думать о демоне. Гадать, мечтать, грезить. Если он так удружил нам, необходимо ли возражать и в этом случае? И снова голосовать за его уничтожение?

Я почти расслабился, захотелось гармонии с природой и разными тварями. Но что-то растормошило меня и заставило спорить с самим собой.

Вдруг демон подбирается к нам несколько с другой стороны, чем к васинским благородным ничтожествам? «Нолики» запросто покорялись в порядке содействия большому делу. От нас такого не дождешься, поэтому Плазмонт пробует другой вариант — завоевывает наши души. То есть проникает в наши протогены. Может, успех именно в этом деле — а не при поглощении тела — означает, что демон заберет нас к себе полностью и бесповоротно. Наверное, едва мы начинаем любить его подарки, как открываем каналы доступа к себе. В общем, если мои соображения не относятся к разряду бреда, Плазмонт соблазняет нас «вниманием», как хитрый кавалер простодушную бабу, и добивается тем самым своих гнусных целей.

22

— Взглянем на нарисованную мной план-карту. Из нее ясно одно. Когда мы идем назад, то назад не попадаем. Что, впрочем, не должно бросать нас в дрожь и панику. Ведь какая-то система в этом всем имеется. Какая-то система всегда найдется.

Мы с Шошаной сидели под портиком древнегреческого стиля. Мы уже в своем «возвращении назад» (тут закавычено, потому что перлись мы невесть куда) прошли китайский город, где было много бумаги, картона, огоньков и изогнутых линий. Миновали и что-то крепко-русское: с теремами, резными наличниками, крылечками, коньками, золотыми луковками куполов. Скафандр снял даже я, уложив его в заплечный мешок — на блуждания в подсунутом нам мире никакого бы кислорода не хватило. Поэтому оставался сэкономленным один баллон, на тот случай, если удастся выбраться из этой петрушки.

— Ты-то сам хочешь вернуться? — резонно поинтересовалась Шошана. — Ведь прав был Кравец, в Васино нас в лучшем случае повесят или расстреляют, в худшем — пустят живьем на передовые опыты по генетике. А здесь можно жить неограниченно долго и, по-моему, довольно счастливо — этакими волшебниками.

— И даже написать книгу по архитектуре. Правда, перо мы потеряли, но можем использовать вместо чернильницы собственный нос.

Сейчас и козел бы понял, что мы в объятиях Плазмонта. Да чего там козел — инфузория-туфелька догадалась бы, что мы угодили в полностью обустроенный нитеплаз-

менный иномир. Я с Шошаной тоже все осознал, ненамного опередив козла и инфузорию.

Заодно можно было понять, что гостеприимный наш хозяин существовал всегда, и вся история землян в нем. Своими соблазнами и чудесами он приобретал слабенькие душонки, за пучок пятачок, хотя какие-нибудь рыцари, монахи и колдуны активно сопротивлялись ему. Когда очередная цивилизация, вроде Атлантиды, пропадала в пучине инфляции, тотального дефицита и цунами, он скупал ее по дешевке оптом. Поэтому Плазмонта частенько принимали за Князя Тьмы. Ну и однажды кто-то неловкий провез спору в своем нутре прямо на Меркурий. Здесь Плазмонт начал расцветать и срывать охапками души наших «благородных ноликов», умело пользуясь их недоразвитостью. И теперь готов откусывать жирные куски от самой планеты. Но кое с кем ему еще придется повозиться. Надеюсь.

Демона может одолеть только демон. Вакансия победителя пока открыта.

Сегодня утром нам показалось, что мы знаем, как выбраться отсюда. Шошана долго мудрила по своей системе симметрий, разбираясь, каким образом чередуются знаки заряда у секторов нитеплазменного мира — где импульсу движения суждено быть поглощенным, а где скушанный импульс возвратится обратно. Мы уже замаршировали в нужном направлении. По совершенно свободной дороге, где вокруг такая лепота — города древних майя и ацтеков. Потом с удручением отметили, что всем известное трение покоя уже не помогает ногам топать вперед, они выматываются, будто вращают землю под собой.

А немного погодя дорога начинает откидывать тебя назад — словно любимая жена нелюбимого мужа — попросту не дает поставить каблук с подошвой на свою поверхность. Ты долго ищешь, где меньше «отпружинивает», наконец, утирая пот, прижимаешь ногу к земле. Ты все-таки идешь, но куда-то вбок, совсем в ненужную тебе сторону.

Любой на нашем месте очумел бы и стал заливаться безумным смехом. А мы с Шошаной, если и сверзились с мозгов, то весьма незаметно. Мы даже проанализировали такой проклятый феномен, который на Земле явно прозывался «леший водит».

Получилось, что нитеплазма, из которой состоит почва в этой местности, имеет «правый» (условное обозначение) заряд, так же как тела горемычных странников (вроде нас). Поэтому она брезгливо отбрасывает их ноги вместе с башмаками. И вообще, любой направленный в нее импульс

движения немедленно отфутболивает обратно. Она неохотно пропустит путника лишь перпендикулярно к своим силовым линиям.

Оплодотворенные новыми знаниями, мы долго пробирались «боком». Причем через какие-то джунгли, кружа и возвращаясь в прошедшее время-ставшее-пространством. Там порой встречали самих себя, только «несвежих», часовой и трехчасовой давности, один раз даже пили кофе вместе с этими фантомами.

В итоге все-таки выбрались на мощеную дорогу. Где выяснилось, что мостовая под ногами может быть не только твердой, но и жидкой, настоящей топью. Насчет этого в «энциклопедии нечистой силы» наверняка статейка имеется. Как себя поверхность поведет, западло или не очень, зависит от того, сильно ли топаешь. Я в этой мостовой тонул и Шошану чуть не утопил, когда она полезла меня вытаскивать с какой-то палкой. Лишь когда прекратил трепыхаться, то выкарабкался. Как из проруби — осторожно выверчиваясь и выкладываясь плашмя на близлежащий твердый участок.

Стало ясно, что по дороге, сильно заряженной «налево», хаживать вообще не стоит, ведь она норовит поглотить тебя вместе с импульсами движения. А если уж приспичило, то не пытайся идти простым шагом, а расторопно скользи «как на лыжах». (Ганимедовцы, каллистяне и прочие обитатели юпитерианской системы о лыжах осведомлены не понаслышке, все сдавали нормы ГТО по фторводородному снежку).

Плазмонт, кстати, пособил горю, припорошил сначала, а потом постарался и вовсю снега навалил.

Еще повстречали мы в зимнем лесу огромного ледяного мужика. Удирали от него, проваливаясь по колено в снег, а он сзади крушил деревья. Мы же, столкнувшись с каким-нибудь прутиком, отлетали с громким хлопком на несколько метров назад. Когда этот дядище настиг меня, я застыл, прощаясь с непутевой жизнью, и лишь машинально заслонился рукой от огромной ножищи — но великан усвистал от одного тычка, как воздушный шарик.

Так что, граждане ученые, не только древние привидения, лешие, буйные духи с оборотнями, но и всякие перестрки, циклопы с гигантами, тоже были нитеплазменные. Пригласили бы меня в темное средневековье, я бы стал там лучом света, отличился бы на поприще борьбы с нечистой силой, отбирая лавры у клерикалов.

А великана я победил, потому что заряд мой был на-

много больше и, по счастью, оказался того же «правого» знака.

Отбившись от ледяного верзилы, я тяжело плюхнулся на пенек, в то время как Шошана аккуратно прислонилась к елке. Когда через пять минут собрался дальше в путь, то определил, что напрочь приклеился задницей к сидению. Сильно бился, устроил конвульсиум, но сняться не смог. Хотела мне Шошана пособить, но ее так стало притягивать, что я еле успел ее отогнать. Потом я уже похитрее сделался, пытался сняться с заколдованного пенька аккуратным кручением. И опять ничего радостного. Уже согласился с тем, что видно судьба мне исчахнуть на этой полешке. Лишь когда Шошана с почтительного расстояния уговорила меня расслабиться, дело моего спасения заладилось. Мирные пульсации угомонили мои напряженные мышцы, «правый» заряд тела упал до приемлемого уровня, и мне удалось сняться с вражеского «левого» пенька, не оставив на нем «бубенцы» и прочие интимные принадлежности. А что, разве столь страшный урон не терпели мужики, попадавшие в схожие переделки на Земле?

После этого я себе на носу зарубил. Общаясь даже с небольшими левозаряженными предметами, надо старательно понижать свой собственный правый заряд.

— Обними меня, — однажды напросилась Шошана, — пока это позволяют обстоятельства.

Мы как раз намучились с «левым» холмом, который надо было преодолевать по-змеиному: ползком, извиваясь и забирая вбок.

— Ты впервые сама предлагаешь половое сотрудничество. Как, Шошка, это уже не мерзость, что ли?

— Теория симметрий говорит, что мерзость — это понятие относительное. Как и сила.

Я понял, что со стороны Шошаны расправа мне теперь не угрожает. В самом деле, чем слабее и «травояднее» какой-нибудь вид животных, тем больше времени он уделяет любовным делам и меньше занимается выяснением отношений.

— Да, мы намного слабее, чем Плазмонт, — подтвердила Шоша. — Чистые базовые энергии в нашем мире тратятся на мириады хитросплетений. В которых теряется почти вся мощь, хотя, конечно, при этом образовываются известные нам вещества и поля. Йоги, факиры и прочие фемы пользуются небольшими остатками базовых энергий, чего хватает лишь на мелкие фокусы с резонансами. А вот у Плазмонта все изначальные силы в полном распоряжении,

потому что его энергетические каналы тянутся из колодцев предматериальности до самого макромира, никуда особо не впутываясь и не теряя мощности.

— Ты еще успеешь написать диссертацию, — оборвал надоевшую тему я, чтобы вернуться к более интересной.

Осторожно скрестил руки на Шошанкиной спине и привлек ее к себе, стараясь не ошибиться с импульсами движения.

Скромно отошли в сторонку империи и государства, планеты и звезды, коллективы и организации, даже гены и физиологии. Остались лишь сгустки мужской и женской энергии, «плюс» и «минус», «лево» и «право». Оголенные души, одни средь чужой бесконечности, боясь растормошить ее, облекали друг друга, наверное, как при самом первом слиянии мужских и женских гамет каких-то малярийных плазмодиев. Не было поз и выкрутас, нечего было показать зрителям — если бы таковые имелись — просто максимально возможное слипание. Собственно, и физические обстоятельства вынуждали быть ласковыми и деликатными.

23

Сэмпсон Брауни мог бы присягнуть на старинной святой книге с застежками, что более тяжкого рейса у него не случалось. Хотя шкипер был не зелен, отнюдь. О чем свидетельствовала седина, вернее большая проплешина. Красные прожилки на носу и в глазах тоже говорили о многом. Причем, не только о пристрастии к «Джонни Уокеру».

Впрочем, начало рейса было самое заурядное. Шкипер Брауни забросил на Меркурий, вернее, на орбитальный комплекс «Меркурий-4» пятьсот тонн снабженческих грузов, принял навалом молибденовый полуфабрикат в чушках и платину в слитках. После окончания грузовых работ грамотно оформил приемо-сдаточные документы, получил от диспетчера полетное задание и мотнулся на «челноке» в орбитальный Хунахуна, чтобы отрешиться от трудов и скучного течения времени. Провел там трудную ночь в стальных и электрических — то есть индустриальных — объятиях двух мутанток. В триста трудовых мозолистых императок обошелся сексуальный отдых (кто назвал это отдыхом?). На следующее утро, грустно разминая помятые кости, Сэмпсон выслушивал техника, оттестировавшего бортовые системы, и инженера по силовым установкам. Те

нудно рассказывали, как всю ночь спасали погибающий из-за дефектов корабль своими аварийно-ремонтными работами. И шкиперу, невзирая на стремительно падающее настроение, оставалось только предоставить назойливым людям свою кредитную карточку.

Впрочем, он бы тогда весело потешался над этими мастерами, если бы знал, какая свирепая бяка притаилась впереди.

В отличие от рейсовых грузо-пассажирских судов трамповое корыто «Bloody Mary» не было приспособлено под извоз пассажиров. И, чтобы мотаться сюда и туда, где подворачивался удачный фрахт, имело маршевую двигательную установку, горячим сердцем которой был реактор типа «ядерная лампа» с газовой активной зоной.

Таможня разрешила выход в космос и, не медля, два буксира стали ускорять кровавую старушку «Mary» до третьей космической, выводя заодно на необходимую траекторию. Тем временем урановая плазма набирала требуемую температуру в 5000K, чем запрещено было заниматься в космопорте. Буксиры отцепились на скорости пятнадцать километров в секунду, далее ядерный двигатель должен был разогнать суденышко до тридцати километров в секунду и благополучно отключиться. Когда судно уже накрутило восемьдесят тысяч километров на пути от Меркурия, вышел на связь некто с рейса 13 судоходной компании «Клипперные гонки» и неожиданно понес ахинею. Когда странная связь наконец оборвалась, шкипер Брауни проверил свои навигационные и баллистические параметры, потом «Меркурий-4» прогудел ему своим мощным передатчиком, что судно, с которого поступила ахинея, находилось в пиратских руках и совсем недавно разбилось где-то на поверхности планеты.

Вот только после этого Сэмпсон вплотную задумался над пролившейся в эфире ерундой. Почему упал рейс 13? Пираты вряд ли жаждали посадки на Меркурий, уж скорее им хотелось как-нибудь оторваться на маневровых двигателях от планетного притяжения. Даже если по беспросветной тупости бандиты стали бы погонять судно в сторону планеты, автоматические пилотные системы не позволили бы ему свалиться вниз со стационарной околомеркурианской орбиты. Значит, рейс 13 был сбит или каким-то другим образом уничтожен властями Меркурия. В любом случае, прежде всяких ликвидаций, власти обязаны были связаться с Адмиралтейством или хотя бы базой Меркурианской эскадры. И вояки наверняка бы предложили куда

более надежные и безопасные средства перехвата судна и обезвреживания пиратов. А так было не за здорово живешь угроблено двадцать восемь человек.

Но раз власти оказались столь заинтересованы в немедленном изничтожении пиратов, значит, те в натуре знали какую-то тайну. Тайну, способную подгадить меркурианской верхушке, в первую очередь самодурам-казнокрадам из «Дубков» и «Вязов».

Как и всякий вольный капитан, Брауни давно невзлюбил эти две компании, потому что они редко нанимали мелких частников вроде него для перевозок своих грузов. А если и нанимали, то по-хамски ужимали сумму фрахта вполовину. И некуда было деться от этих соплистов-монополистов; если благородно откажешься, то полетишь обратно порожняком.

Мысленно выбранив подобное свинство, Сэмпсон Брауни решил сохранить основную и резервную записи своего разговора с рейсом 13, а по прибытии на Марс аккуратно приложить их к своим рапортам Адмиралтейству и Департаменту Торгового Флота.

Однако едва он решился на такой поступок, стала подличать силовая установка. Нагло и беспричиннно потянулась вверх температура в активной зоне реактора, примерно на сто градусов каждые десять минут. Это означало, что буферный газ аргон скоро перестанет защищать прозрачные стенки «ядерной лампы» и урановая плазма начнет, замутняя, лихо конденсироваться на них. Ох, лихо. А тепло, соответственно, уже не сможет излучаться и разогревать водород, пока что пышущий из дюз. В итоге... жутко подумать и даже зажмурить глаза — чертова «лампа» страшно бубухнет, из нее рванется на волю сто тысяч джиннов, и Сэмпсон сам превратится в плазму, размазывающуюся по просторам космоса...

Ближайшие станции и корабли сейчас за безднами тьмы и им не успеть со своей помощью.

Ничего не поделаешь и не попишешь, система аварийного сброса урановой плазмы на судах типа «Магу» не была предусмотрена, как, впрочем, и беспардонные прыжки температуры. Сэмпсон перекрыл клапана на системах подачи ядерного топлива, но это помогло слабо. Увеличил впрыскивание аргона, но урановая плазма уже пошла вовсю смешиваться с инертным газом, отчего буферный слой приказал долго жить.

Сэмпсон с тоской вспомнил свою верную подружку, стройную полинезийку Василису Абрамовну — почему она

называла себя полинезийкой? Наверное, уже не сбыться их стародавней мечте устроить маленькую ферму на Каллисто под небом, полным Юпитера, и разводить полипептидных слизней на продажу.

От образа «небо с Юпитером» поплыло некоторое успокоение, которое развернуло метущийся шкиперский разум в странную сторону: а что, если раздолбать саму прозрачную кварцево-силиконовую стенку «ядерной лампы»?

Сэмпсон сперва испугался сам себя, потому что никто никогда даже не намекал, каким кайлом можно прошибить эту стенку. Испуг испугом, но либо попробуй раздолбать корабль самим кораблем, либо погано помирай.

Отделить передний отсек — тот самый, что с рубкой и системами жизнеобеспечения — потом перейти в основной отсек и вручную отработать с маршевым и маневровыми двигателями. Выписать, наращивая ускорение, такой крюк, чтобы в итоге впилиться в оставшийся на старой траектории передний отсек. Вот тогда, возможно, будет продавлена не только гармошка радиатора, но расколота сама «ядерная лампа».

Но даже в случае победы, Сэмпсону затем добрые миллионы километров придется куковать на открытой палубе, имея вместо хвоста длинное облако горячей урановой плазмы. Однако шкипер понятия не имел, о чем тут еще думать. Вообще Брауни не умел долго держать в напряжении мозговое вещество, его мимолетные мысли напоминали редкие очереди электрических разрядов. И шкипер стал кропать на скорую нитку.

Сперва Сэмпсон наспех рассчитал рабочий график: когда отделяться переднему модулю, когда врубаться и вырубаться вспомогательным двигателям, чтобы основной отсек выписал маневровую траекторию. Затем он испустил сигнал бедствия, вытащил штыри стыковочных блоков, напялил скафандр, прихватил дополнительные кислородные баллоны и аварийные комплекты питания, ну и отправился через шлюз наружу. Возле грузового трюма (что в основном отсеке) имелся запасной пульт, применявшийся на стоянках для тестирования. С него Сэмпсон и стал запускать один за другим жидкостно-реактивные маневровые двигатели. Есть расстыковка, есть маневр.

С вероятностью «фифти-фифти» реактор мог взорваться еще до пересечения с передним отсеком, или вообще не свидеться с ним в пространстве. Однако, на сей раз Сэмпсону повезло — так же, как когда-то с Василисой Абрамовной, — курс на столкновение оказался удачным. Может, за

минуту до того, как реактор обязан был рвануть, передний модуль впилился в обшивку основного отсека, промял радиатор, свинцовую и циркониевые оболочки двигателя — и «лампа» треснула. Из трещины брызнула ослепительная урановая плазма. Сэм, находившийся с другого борта, успел вползти в приемный шлюз грузового трюма, и какие-то двести градусов жары скафандр отлично стерпел. Однако тело схватило такую дозу радиации, что ионизировавшаяся жизнь начала быстро расползаться по швам.

Шкиперу почему-то все более мнилось, что после летального исхода он обязательно попадет на Юпитер и воплотится в металлорганическую медузу, для которой тамошний холод и бешеный ветрило являются весьма ласковой средой. Брауни даже казалось, что его душа отчасти переселилась в эту тварюшку. Наверное, приятный бред начался оттого, что Анима стала исполнять свою знаменитую «отходную», принуждая железы выбрасывать все большие порции эндоморфинов и прочих внутренних наркотиков.

Спустя три дня крейсер лунарской эскадры отцепил опухшего, как несвежая сметана, сизого, покрытого язвами Сэмпсона от разрушенных обезглавленных останков «Магу» и еще через три дня доставил на базу Кузьмабург, префектуры Луна. Шкиперу пофартило. Его лучевую хворь крутые космиканские доктора впервые полечили полной заменой костей, накопивших радиоактивные изотопы, на титано-керамические трубки, заполненные пробирочно выращенными кроветворными клетками. Получив из Кузьмабурга рапорт капитана Брауни, Адмиралтейство в течение четырех дней рассматривало его все пристальнее, а на шестой день высочайше повелело: расследовать официально, срочно направить в префектуру Меркурий адмирала Никодимова-Соларза. Итого, между катастрофой рейса 13 и прибытием крейсера с адмиралом был трехнедельный разрыв.

24

Вокруг чудной пейзаж, напоминающий момент пробуждения от сна к яви.

Окружающая среда, закончив радовать нас многообразием, скатилась к заурядному лабиринту. Совершенно не излучающие стенки, ничего не означающие направления. Совсем бестолковое движение, куда ни пойдешь, смещаешься к центру. Этот лабиринт хавает любой импульс твоего движения, говорит «спасибо», и полученную энергию

расходует на то, чтобы ты никуда не смылся. Что, конечно, весьма незаурядно. Плазмонт напоминает Косую, которой всякая прожитая тобой секунда идет на пользу. Хотя мы с Шошаной вроде были натренированы и опытом довольно богаты, не влипли еще хуже, чем в прошлый раз. Вернее, на данный момент, влип уже я один.

Относительно недавно (в прошлом веке, пять минут назад) один из коридоров показал фокус. Он размягчился и по нему лениво потекли продольные, поперечные, диагональные волны, перламутровые, как шампунь. Наверное, это напоминало деятельность какого-то внутричеловеческого органа. Будь на моем месте хирург, он бы оценил. Тем не менее, действовал коридор завораживающим и даже успокивающим образом. Я потратил много нервной энергии, чтобы насторожиться. Все-таки заставил себя и фемку напялить скафандры — а вдруг нам перекроют кислород. Затем Шошана вяло шагнула в сторону «шампуня», коридор сделал глотательное движение и наполовину утянул ее.

Плазмонт нас унасекомил не столько изощренностью мухоловки, сколько тем, что осуществил заветные чаяния. Вот, например, у Шошаны этот батька заменил матку, сымитировав утраченный центр симметрий. Он даже переплюнул матку, приняв фемку обратно в утробу. Вот вам и роевая организация труда, и приобщение к большому делу. Боком вышли они фемке.

Однако, на какую-то секунду Шошанино лицо исказилось волевым противодействием. Я поспешил на выручку, но мгновение спустя выручать было уже некого, коридор окончательно заглотил фемку. Напоследок ее личико совершенно разгладилось, стало отрешенным и вполне «межпланетным».

Мне, наверное, чуть полегчало лишь оттого, что я до конца не поверил в ее исчезновение. Ну все равно, что вашего знакомого съел Карабас-Барабас из мультфильма. Однако оставшегося у меня заряда хватило лишь на то, чтобы я затрубил как бесноватый:

— Ну, сволочь Плазмонт, выходи, проявись как-нибудь! Эй ты, куча соплей, слышишь меня? Мы, состоящие из атомов, молекул, тел, групп, мы, драчливые и скандальные, все равно разотрем тебя, дисциплинированного и отмобилизованного, по полу. Потому что мы сложнее тебя. Мы разнообразнее, в нас больше симметрий. В каждом из нас сидит весь космос, а кусок от тебя — просто кусок. Простое может попаразитировать на сложном, но одолеть — никогда!

И после такой пламенно-революционной речи я понял,

что наступает светопреставление — пока что для меня лично, а не для атомно-молекулярной жизни. Плазмонт обиделся. Из-за какого-то поворота выскочил и помчался на меня клубок огненной нитеплазмы с ухораздирающим утробным ревом. Я отключил микрофоны и бросился наутек. Однако как я ни увиливал и не маневрировал, клубок догнал и охватил меня. С головы до пяток. Затем протек вовнутрь скафандра. Кажется, больно не было, когда огненная нитеплазма расчленяла меня. Она сразу блокировала болевые центры, чтобы я не зашелся в коме, а присутствовал при собственном уничтожении.

Взгляд — его предстояло потерять последним — путешествовал по телу и наблюдал, как краснела и трескалась кожа, жир и кровь превращались в варево, обугливались и рассыпались в порошок кости. Фонтаном вырывались внутренности, на лету становясь дымом. Затрещала и лопнула, как перезревший арбуз, голова. Скафандр, надувшись, гейзером выпускал через клапана пар избыточного давления, будто кит. И вот свет погас.

Но какая-то точка, приютившая сознание, скиталась беспризорно среди тумана, в который превратился мой организм. Сколько такое блуждание продолжалось — не знаю. Время для меня — оставшегося без количества и размера — имело не больше значения, чем алгебра для таракана. Я ощущал, как наводится сияющий чернотой зев трубы и начинает втягивать оставшуюся крошку.

Я было решил, что накрылся, что ничего не осталось от моих полей и сил. И когда совсем уже расстроился, вдруг — оба-на! Откуда-то издалека, может от самого батюшки Юпитера — хвала громовержцу! — пришла подсказка. Дескать, даже в той жалкой убогой точке, которой я сделался, имеется полный набор полюсов. И правда, в малюсенькой точке, в одном узелке, было ВСЕ! Ну, как шикарный магазин во тьме лесов и топи блат.

Есть полюс устойчивости, из него выдавливается малоподвижная плотная сила с просверками огня — все необходимое для образования камня. Хоть сейчас могу стать меркурианской скалой с вяло текущим временем в жилах. Вот начинает бурлить воздушная сила, придающая стройность, тянущая вширь и вверх. Этого достаточно, чтобы сделаться растением где-нибудь под куполом. Наконец, растормошил я полюс огня и почувствовал, что могу зашевелить своими членами, как животное. А потом стали расходиться по телу водяные потоки, связывающие все силы, дающие формулу действия каждой пульсации.

Теперь я почти-человек, сгусток энергоинформации. Высокопарно изъясняясь, образ готовый к воплощению. Такими были граждане Адам и Ева прежде, чем выпасть сияющими яйцами из райского гнезда и начать свое прорастание в материи.

Не скушал меня еще Плазмонт целиком с протогенами, однако какие слабенькие у меня руки-ноги, какие хиленькие они по сравнению с нитеплазменным мешком, в котором я сижу.

Правильно я почувствовал, что в первый раз мы угодили в чашку переменной кривизны, а сейчас — в пузырь, где входное отверстие сразу исчезает за тобой. Чем больше мы суетились, ползали внутри, тем большее количество нашего движения превращалось в гравитационное искривление, в энергию устойчивости ловушки. Но все-таки пузырь был хиленьким, ему явно не хватало толщины стенок — демон очень постарался, выдувая его громадным. Пузырь едва был облачен в слабенький слой нитеплазмы. (Я его хилость заметил, еще когда капитан уплывал в никуда на своей бригантине.)

Стенки тоненькие... мне бы прожечь их извержением огненного полюса, но я всего-лишь слабосильный призрак. Призраки любят действовать через кого-то, нашептывая и навевая. И тут необычайно мощная пульсация пролегла ко мне. Неужели Юпитер? Он, он, гой еси! — ведь я родился под небом, наполовину состоящим из его красных и голубых красок. Я сразу попробовал сфокусировать собой эту силу, как линза солнечные лучи.

Трудно прикончить врага, который обложил со всех сторон. На меня обрушились сотни тонн грязи, в то же время она была плотной, мускулистой и кусачей. Спохватившаяся ловушка бросилась со всех сторон, пытаясь уплотниться и раздавить меня.

Перед тем, как она бы расплющила меня, я заметил в своей руке клинок, будто металлический, расекающий, но и водянистый, текущий, но и огненный, рвущий. В нем, наверное, сочетались выбросы разных полюсов. И, кстати, хорошо, что такие мощные пульсации предаставились мне в виде меча, а не вилки, например.

Я сделал выпад без слов «защищайтесь, сударь», а с воплем: «Конец тебе, гондон!». Рубанул с оттягом и проворотом лезвия. На сей раз Плазмонт не смог отнять у меня импульс. Клинок сумел преодолеть разреженную нитеплазму под нужным углом и рассечь каналы устойчивости. Мускулистая грязь лопнула сразу, потому что напряглась.

Визг и пук пробили уши. (Согласен, и это почудилось.) Через показавшуюся прореху вышеупомянутое яйцо, то есть мой нетривиальный образ, стал воспарять. Грязь внизу расходилась конвульсивными волнами, будто на нитеплазменном мешке расстегнулась молния. Я выскальзывал из ловушки, как леденец из разжавшихся челюстей. Оплывали и скатывались линии, сжимались стены, съеживались потолки, рассыпались в пепел портики и колонны, таяли дома с причудливо изогнутыми крышами, растекались сопельным образом дворцы, исчезали, как сигаретный дым, голубое небо и синяя вода.

Я уже увидел тропу, которая, преломляясь, как луч через слоеное стекло, уводила к Юпитеру и предлагала начать новую жизнь в его ласковых и теплых морях. Я был готов двинуться вперед, но сам нажал на тормоза. Все-таки не хочу оставлять Плазмонта наедине с Меркурием. Да и Юпитер-батюшка будто надоумил меня: вот распавшееся на точки твое тело, хватай, пока не поздно. Я прошел по стопам воплощения гражданина № 1 Адама Эдемовича, одновременно сделался камнем, растением, животным и, наконец, самим собой. Это был своего рода большой и чудесно симметричный взрыв, когда двум половинкам мозга стали соответствовать две половины задницы, ну и так далее. (А может, все куда проще, Плазмонт вовсе и не спалил меня, а лишь поорудовал своими щупиками в моем зрительном центре.)

Из всех, с кем я посетил заколдованный городок, этот жутковатый Диснейленд, нашлась одна Шошана, и потому лишь, что я, а если скромнее, мои пульсации еще отражались, еще бились в ней. Какая-то оплывающая стена выпустила ее. Клинком отсек я нитеплазменные усы (Плазмонт, наверное, все-таки самец), которые проникали в соратницу и что-то блудно ворошили там. Спешная проверка демонометром указала на то, что Плазмонт запаниковал и не успел отложить спору в Шошанке. Остатки нитей распадались или выползали из ее многострадального организма.

Я был донельзя истощен, от меня просто остался огрызок, когда мы с фемкой шлепнулись на торосистую поверхность Свинячьей Шкуры. От других членов разведгруппы — ни следов, ни плевка, ни задоринки. Кравец, капитан, безвинно потерпевшая мамзелька Люся — от всех них сохранились только памятники в моем сердце.

Шошана не совсем еще очухалась, а я слишком вымотался. Мы перевалили через косогор и стали съезжать чуть ли не на заднице в долину, где валялись обломки рейса 13.

Тут напряжение пробежало по моему эпидермису. Такое случается, когда кто-то шарит по тебе неприятным взглядом. Да что там щекочущий взгляд — антирадар засек направленное на нас радиоизлучение. Почти со всех сторон. Я догадался, что если и имеется подходящий момент для бегства, то он уже явно в прошлом.

Когда мы спустились вниз еще метров на пятьдесят, на высотке позади нас закачала головками стайка бойцов. А на другой стороне долины образовалась еще одна цепь. Вдобавок из-под пуза планетолета вылез отрядик в десять штыков (двадцать каблуков). А во мгле над нами возник полицейский коптер и забил в глаза напряженными лучами прожекторов. Солидная облава — скооперировались ОПОНы чуть ли не со всей нашей планеты.

— Мы просто как артисты в театре, Шошанка. Полный аншлаг. Огни рампы, восхищенная публика, зрители едва ли не над головой висят.

— Недолго тебе позировать осталось, — прорезался голос старого друга Рекса. — Застыть на месте, никаких быстрых движений, не то мигом разнесем в пух и прах ваш дуэт.

— А, приветствую руководителя облавы.

Раскоряка-коптер плюхнулся неподалеку от нас. Из него сразу высыпала шобла. Бойцы с лазерными прицелами остались у борта, украсив наши лбы красными световыми пятнышками. Другие подскочили скопом и, вывернув наши верхние конечности, насколько это было возможно и даже больше, потащили к аппарели. Такой веселой кучей-малой мы с Шошаной попали в коптер, где с нас сдернули шлемы, скафандры, браслетики, подаренные Петей Мутным, даже хайратники отняли. После чего кинули нам какие-то драные робы и накрепко приковали к скамье. А вокруг плотно уселся десяток полицейских. Среди них был Мухин — значит, его не прихватили, чему весьма рад. Может, ему дядюшка Сатурн помогает.

— Ребята, вам не тесно? Парочка могла бы пройти вперед, парочка назад, — обратился я к бойцам для снятия некой напряженности.

Тут появился Рекс и впаял мне по физиономии открытой ладонью — для яркости красок на щеке. Вот так «снял» напряженность!

— Как ты думаешь, почему он такой грубый? — справился я у Шошаны. Моя подружка неожиданно пожалела Рекса.

— Просто его в детстве часто стегали по попе. Видишь, какая большая выросла.

Кто-то из полицейских гыкнул. Неджентльмен Рекс приготовился запаять и Шошане. Я неожиданно почувствовал полюс огня, который выбросил в сторону обидчика небольшую порцию острой энергии. Похожей на стрелу. Даже звон тетивы послышался. Рекс в ответ закачался, схватившись за виски, и упал на руки близ находящихся ментов. Его быстро уволокли, и путешествие в целом прошло спокойно. Мы с Шошаной даже смогли прислониться друг к дружке спинами.

В васинском ангаре нас встречал двойной кордон полицейских и представители общественности — ясноглазые посланцы «Вязов» и «Дубков». На выходе из ангара меня с Шошаной уже рассадили в разные «клопы». Мы только успели соприкоснуться взглядами и послать друг другу «волну». На мгновение мне показалось, что мы вдвоем плывем на лодочке по какому-то тихому озерку. Свидимся ли мы еще с тобой, подруга дней суровых, а если и встретимся, то в каком из миров?

Привезли меня не в префектурную тюрьму, а в управление полиции, где сунули в мрачный пещерного типа подвал — там даже головизер отсутствовал. Единственным развлечением были до поры до времени тараканы с генами земляники, которые в темноте сползались пожевать белковых сушек и были весьма приятны на вкус. (Знаю-знаю, марсианам такое развлечение не придется по нраву.) Но вскоре в подземелье показался человечек скромного, какого-то не меркурианского вида — наше население, в общем-то, отличается внушительными размерами.

— Вы, надо полагать, адвокат? — обратился я.

— Я — помощник прокурора, — с достоинством представился тщедушный. — Меня зовут Калл Марс.

— Ранее прокурору помогал господин с другим именем, менее звучным. Надо полагать, и прокурор сменился. Ну да ладно. Сколько дней будет продолжаться следствие, когда суд?

Человечишка просеменил вдоль и поперек камеры.

— Об этом уже не надо беспокоиться. Вы должны меня правильно понять. На Меркурии в связи с обстоятельствами, которые вам известны, введено было чрезвычайное положение. И следствие и суд прошли для вас заочно. Осталось только одно — привести приговор в исполнение.

Некоторые от такого известия истерично смеются или производят дефекацию, то бишь обделываются. Или совмещают первое и второе. Некоторые, то есть я, побывав на том свете, у Плазмонта, иронически заявляют:

— Интересно, куда торопились? Судья опаздывал в уборную? Или, может, планета закрывается на ремонт?

— Как бывший работник правоохранительных органов вы должны понимать, что таковы законы чрезвычайного положения, — воззвал к моим должностным чувствам маленький вшивенький Калл.

— Ну, и на что можно надеяться в результате исполнения приговора?

— На смертную казнь через повешение, — сказал человечек без всякого злорадства, но с чиновной щеголеватостью — дескать, чем я, простой таракашка, однако, занимаюсь. Плазмонту совсем не требовалось осеменять Марсика, он и так был готов услужить.

— Может, это и не положено, но шепните мне в порядке личного одолжения, господин Калл Марс, какое наказание определено Шошане.

— Смертная казнь через введение летальной дозы яда, — чтобы покрасоваться страшными словами, человеченька даже нарушил инструкцию, ту самую, которая запрещала передавать сведения о судьбе подельников.

— Я просто поражен гуманизмом. Когда все будет готово для изъятия из обращения моей жизни с помощью примитивной балки и грубой веревки?

— Я думаю, ждать недолго, господин Терентий К123. Но во всяком случае вам предоставлено время на то, чтобы подать прошение о помиловании главе чрезвычайной администрации майору Леонтию К300. Сделать это надо не позднее, чем завтра, а послезавтра вы уже получите ответ.

Я вспомнил майорские глазки, то бегающие, то смотрящие недвижно куда-то через твое плечо, заодно его слова, наполненные радением за отчетные показатели, а также его идеально черные башмаки. Фанат — это тот, кто ставит форму выше содержания (цитата). Майор был фанатичным борцом за эти самые идеальные башмаки, отчетные показатели и мир-дружбу с «Дубками» и «Вязами». Вполне традиционный типчик, и опять же демону незачем расходовать на него заветное семечко.

— Человек, который жмотился мне выдать лишнюю премию, вряд ли расщедрится в своем ответе. Рассчитывать тут не на что и незачем. А у Шошаны?

— У нее такое же право. Есть ли у вас какие-нибудь просьбы ко мне? — больше ничего интересного для себя заявить Калл Марс не смог и решил закругляться.

— Так, последняя просьба должна быть чрезвычайно содержательна. Спойте мне, Калл. Пожалуйста.

— Я не умею. — По-моему, помпрокурора даже застеснялся своей певческой беспомощности.

— А вызвать космотеистского пресвитера можно?

— Такую услугу мы не оказываем.

— А как насчет того, чтобы мне радостно смотреть информационную программу меркурианского широковещания?

— Это пожалуйста. Головизер вам принесут.

В запасе осталось три дня, на большее чрезвы-чайники поскупились. Я был даже рад, что суматоха закончилась и мне уже не надо спасать меркурианских балбесов — чтоб их демон сожрал! Да жевал побольнее. Для начала я решил почувствовать Шошану. Попробовал отключиться и разглядеть окрестности «исподлобья». Можно было убедиться лишний раз, что мои сверхспособности в значительной степени провоцировались Плазмонтом — я паразитировал на нем, так же как и он на мне. Теперь же я едва-едва растормошил пространственный полюс. Слабенький вихрь стал раскручиваться по спирали.

Вначале окрестности напоминали то, что наблюдается в темной комнате — некоторая рыхлая мгла, испещренная прожилками. Плазмонт уже вовсю присутствовал в городе, его скользкие и сосущие щупальца образовывали плетенье над моей головой. Однако среди прожилок затесалось одно волоконце, по которому приходило ко мне мягкое дружественное биение. Ну, вот и все, что мне осталось от Шошаны. Никогда бы раньше не подумал, что угрюмая фемка запустит свой каналец в погреб моей души. Может, и тут набаламутил закон каких-то симметрий? Проведя рукой по этому волоконцу, получил в ответ импульс, который разгладил меня изнутри, словно до того я был скомканным пакетом.

И тут очередной выпуск новостей удостоился моего пристального внимания. Вернулся снабженческий планетолет из Порт-Ананаса — летучий фургон спешно вывалил там груз и еле унес лыжи, набившись беженцами, как консервная банка горошком. Грунт возле Порт-Ананаса был похож на ленту, или даже на плод южного воображения — сверхзмею Ананту, которая спирально вползала куда-то внутрь планеты. Причем мобильные платформы города, как ни карабкались упорно против течения, все равно неумолимо съезжали вниз. Однако возле места происшествия не было замечено ни сейсмической активности, ни повышенной радиации, ни тепловыделения. В общем, никаких симптомов, а кончина близка. (Все как в анекдоте: больной перед смертью не потел — это хорошо.)

Все-таки, чем отличается Космика от Земли — у нас нельзя скрывать серьезные природные происшествия от публики, потому что события разворачиваются слишком быстро. И если публика чего-то не узнала вовремя, то неожиданные события могут весьма отрицательно сказаться на ее здоровье.

И если пострадавшая публика частично все ж уцелеет, то она потом скрывальщиков важной информации живыми в стенку вобьет. Разгонится на тракторах или ракетах и — трах-тарарах. Ничем не остановишь.

Через полчаса передали с плато Блэк-энд-Уайт, что и там поверхность почла возможным заскользить по-змеиному. Заодно это смахивало на распускание лепестков какого-то цветка-переростка.

Еще пару сигарет спустя кибердикторы передали: орбитальные спутники отнаблюдали, что на ночной поверхности Меркурия нарисовалась хорошая язва. Между плато Блэк-энд-Уайт и Порт-Ананасом образовалась воронка непонятной глубины и диаметром километров в пятьдесят. Странная безмолвная воронка. Раскручивается с приличной скоростью, а не слышно ее — не окатывает сейсмическими волнами остальную планету.

Похоже, Плазмонт распоясался и собрался сожрать Меркурий, вернее, вывернуть его наизнанку. Для сторонних же наблюдателей будет казаться, что планета как бы вымаралась из Солнечной системы, оставив лишь зону искажений, слабенько излучающую сверхдлинные волны, и более ничего. А в вывернутом Меркурии, лишившемся атомов и молекул, в этой сверхколбе, Плазмонт устроит экспериментальный полигон для Новой Жизни.

Вот опять новости. Воронка на ночной стороне с чавканьем заглотила поселок 3-62. На солнечной половинке Меркурия проклюнулось еще одно жерло-жрало и тоже взялось за планету.

Но вот цензура-таки осела на доступном мне широковещании полным затмением — начальники решили рискнуть будущим здоровьем. Вместо сообщений с меркурианских полей кибердиктор заявил, что по просьбам трудящихся НПО «Дубки» скучные и малопонятные передачи заменены на интересные и развлекательные.

Тут же, радуя «дубков» своим искусством, закружилизарябили мастера народной песни и пляски с Марса. Стали с большим чувством исполнять «Прощание анабиозника» и прочее.

«...Ой, мороз, мороз, заморозь меня, во жидкой азот положи коня...»

Стало скучно. Поэтому, ни много ни мало, я попытался своими силами прощупать самочувствие бедного Меркурия. Для начала представил его маленьким теннисным мячиком, который стал катать в сфере действия своих полюсов без особой надежды на успех. Но планета как бы сама откликнулась на мой зов, наверное, по причине своих страданий. Мячик разбух, сделался громадиной, чем-то геометрически невнятным, туманностью, составленной из тяжелых и легких вибраций разных полюсов. Был братишка Меркурий скреплен многообъемной гравитационной сетью, которая разбивала непрерывность истечения сил на устойчивые ячейки. Ячейки субнуклонов, атомов, молекул.

Какой-то зубастый гад прогрыз сеть в двух местах. Там пропали ячейки сети и безвольно хлобыстали наружу силы. Меркурий «истекал кровью».

Я спроецировал туманность в свое любимое трехмерное пространство, планета стала напоминать пузырь, к которому присосался червяк сразу двумя своими концами. Пузырь худел, червяк быстро набухал, как пиявка, усиленно занимающаяся кровососанием.

Тут, отрывая меня от наблюдения за печальной картиной, замок на двери защелкал и вошли двое унылых типов в униформах прокуратуры.

— Как, уже, что за нетерпляк? А право на испрошение помилования? — само собой, возмутился я.

— Мы просто должны перевезти вас в другое место для содержания под стражей вплоть до принятия решения главой чрезвычайной администрации или до времени исполнения приговора.

Нормальная дубовая фраза. Но почему-то раздражает. Сказали бы, например, что надо съездить на примерку галстука. Ладно, суть одна. Когда Леонтий станет выносить мудрое решение, я уже пару дней буду отдыхать в морге с дыркой между лопаток. И с биркой на шее «Ликвидирован при попытке к бегству». Пара веселых санитаров будет сноровисто фасовать мои внутренности по пакетам, а умница-доктор займется опытами по пересадке моих мозгов киберу, занимающемуся уборкой мусора и освежением сортиров. А стайка студентов-медиков пробежится мимо со словами: «Ничего интересного. Никакой патологии».

Когда меня выводили из здания, повстречалось трое опоновцев и Муха в том числе.

— Куда тебя, злодей? — не удержавшись, крикнул он. — Говорят, что ты только подал прошение о помиловании.

— Им кажется, что я потребляю слишком много кислорода.

Меня уже пинками запихивали в «воронок», однако я, упираясь, как баран рогами, еще протрубил зычным голосом:

— Мне так жаль, что я не попаду здоровый и жизнерадостный демону в брюхо, не смогу доставить ему радость! А вы ребята посыпайте себя солью и перцем ради друга своего — *он* действительно дружит с теми, кто вкусен.

Тут меня угостили по затылку и я улетел в нутро «воронка». Транспорт типа катафалк двинулся в последний мой путь-дорогу. Я уже рассчитал: сейчас свернут к мусорозаводу, там остановят, откроют дверцы, вышвырнут на мостовую — и пшик в спину из плазмобоя или чирик по шее лазерным резаком. Потом за руки за ноги (голову за нос) бросят труп обратно в машину и поедут отчитываться за работу. По дороге, наверное, и в пивнушку заглянут, запить это дело.

Мы стали взбираться почему-то в гору — раньше вроде никаких холмов не было, неужели Васино наклонилось? — а потом и вовсе остановились, пожалуй, не добравшись до мусорной зоны. Вот как им невтерпеж, мясникам. Я стал хвататься за обрывки космотеистских молитв, которых не много уцелело во мне со времен «Мамальфеи».

...Моисей, Заратустра, Иисус, Мухаммед и Баха-Улла, я иду к Вам, встречайте.

Тут дверца открылась и первым делом показался сопровождающий, который наводил на меня плазмобой с гарканьем «Вылазь». Он, наверное, ожидал, что будущий труп станет упираться, артачиться. Вместо этого я резво, боком кувыркнулся вперед. Струя плазмы шарахнула над ухом, но я успел целым припасть к мостовой. Сейчас-сейчас, в меня вопьется следующий выстрел, где ты, успокоительное Шошанино волоконце?

Плазма снова пшикнула, но организм не пострадал! Вместо этого меня подняла за шиворот крепкая рука. Неужто решили убивать красиво, чтоб я, стоймя, с матюгами («так умирает русский, пардон, меркурианский лейтенант Терентий»), встречал смертельный исход?

— Включайся скорее, Терентий, — вдруг стал уговаривать кто-то.

Я озираю окрестности. Вот так так, рядом сержант Мухин и еще двое полицейских, Митя и Алеша, оба мамальфейцы, наш клан. А мои сопроводители раньше меня переехали на тот свет, оставив на память свои невеселые

трупы. Один валяется, прошитый плазмобоем, рядом с моим каблуком, второй, порезанный бластером — у открытой дверцы кабины, голова его укатилась в сторонку.

— Дывысь, яка кака! — пока копы бросали неживых сопроводителей в «воронок» и затворяли дверцы, я разглядел уклон почвы. Васино-то, хоть и усиленно вращает колесиками, заметно вибрируя своей палубой, все ж соскальзывает под откос. Значит, тоже собирается ухнуть в преисподнюю.

— Видеокамера, та, которая в «вороньем гнезде», показывает, что горизонт все выше и выше становится, — пожаловался Мухин. — А потом он сделается таким тесным, что в него можно будет вставить пробку.

— Хвалю. Ты просто научился читать мои мысли. Не расстраивайся, мы окажемся у демона в пузе и в процессе пищеварения принесем ему немалую пользу. Сплошной альтруизм.

— Я так понял, ты стал теоретиком в кишечных делах, настоящим профессором глистоведения, — польстил мне Мухин. — Ты единственный, кто может нас как-то вытащить из этой передряги.

— Если бы ты не так понял, лежать мне уже с безвозвратно понижающейся температурой... Ладно, никого я выручать не стану, пока мне не достанете мою фемку Шошанку. Без нее я работать не могу. Там, где я едва понимаю, она все досконально знает. Шошана у меня — для ясности — как силовая установка и рубка у корабля. Хотя у нее тоже случаются остановы и отказы.

— Вот зараза, — непонятно в чей адрес выразился Мухин и длинно сплюнул. — Живо в машину. Ее уволокли сразу после тебя в госпиталь Скорой Помощи. Там, видимо, и собираются прикончить до наступления положенного срока.

Хорошо хоть мои доблестные спасатели использовали для догонялок не «клопа», а куда более скоростной «таракан-патрол». И госпиталь был всего в двух кварталах от места только что случившейся крутой разборки. В Васино все рядом. Въехав на первый этаж с главного пандуса, мы вломились в здание через один из боксов.

— Укромные местечки тут есть в подвале рядом с судебным моргом, куда ни врачи, ни больные, само собой, не ходят, — подсказал коп Алеша. — Была тут у меня знакомая медсестренка-миньетчица.

— Ну надо же, какие вредные вещи могут посодействовать спасательным работам.

— Конечно, вредные. У меня даже импотенция случилась, потому что там какой-то покойник-мутант зомбифицировался, поэтому то орал, то стучался из морга, — вспомнил Алеша свою страшную «лав стори».

Около трупохранилища пришлось снять санитара — ударом электрошоковой дубинки по затылку. Я хоть и без демонометра, но чувствовал паутиновые объятия нитеплазмы там и сям. А пульс Шошанки пока не проклевывался. Плазмонт, если прознал, что мы здесь, мог и поторопить работничков эшафота. Впрочем, я, натрудив водяной полюс, творил помехи, мешающие опознанию наших намерений.

Мы пробежались табунчиком по моргу, мимо покойников в пластиковых гамаках, сделанных из охлаждающей пленки. В ней жмурики вылеживаются до той поры, пока не становится ясно, кому они еще понадобятся — производителям кормов или, например, при достаточной интеллигентности — фармацевтам. Какой-то зомби просунул руку из гамака и ухватил меня за воротник, а когда я выдрался, то завыл крайне обиженным недовольными голосом. Кстати, в отряд пролетариев-зомби попадают иногда вполне приличные люди, которым при жизни врачи-бандиты вживили пятую сигнальную систему. Вот и приходится даже после отлета души трудиться биороботом где-нибудь за прилавком или кассой.

Пройдя гнусными закоулками трупохранилища, мы оказались в бетонном коридоре, который под ногами превратился в страшно цепкую слизь. Сотоварищи тут же стали биться, как мухи в паутине. Но меня этим не зачаруешь, не зря я сидел в плену у демона. Просто пол заряжен «налево».

— Стоп, не надо рваться, это не какая-нибудь высокомолекулярная пленка, приученная к приклеиванию людей. Это иная физика. Нитеплазма прилипает прямо к вашим душам. Двигайтесь очень аккуратно, как бы скользя на лыжах, не отрывая подметок.

Ребята застыли, изумленно свесив нижнюю губу на подбородок. Но когда я умело заскользил, они тут же переняли мой стиль движения. Надо учитывать, что я, человек-юла, постегав их силовые коконы плеткой, сплетенной из своих пульсаций, выбил там, как пыль из матраса, слабенький левый заряд.

Потом коридор перегородила стена, совершенно глухая, тупиковая и перпендикулярная.

— Приплыли, что ли? Надо хоть попробовать подорвать

ее, — предложил Мухин. — Я захватил парочку мин направленного действия.

— Рвать мы всегда успеем. Прильните к стене, как можно теснее, и перекатывайтесь влево.

Я понял, что сейчас опасно влияю на психику копов и надеялся лишь на то, что им поможет временное умопомрачение.

Тупик был нитеплазменной структурой со сферическим правым зарядом. Мы стали перекатываться вдоль стены под истеричные смешки Мити и Алеши, она, загибаясь, принялась накручиваться на нас. Далее будто вертушка сработала: все мы, потеряв поверхностный левый заряд (разрядившись, по-народному говоря), оказались в каком-то черном-черном коридоре с одной внушительной дверью в конце.

Я только успел предупредить копов, чтоб не топали ногами, а почти семенили на месте — пол так же, как и наши фигуры, был заряжен «направо». Но Мухин уже замаршировал безрассудным шагом и в итоге совершил сальто мортале — я едва подстраховал сержанта, срочно выжав из него левый заряд. После этого Мухин стал почти ручной, совсем послушный и мы спокойно добрались до двери. Но ребята, как ни дергались, ничего с ней не могли поделать.

Но, демон, я тебя знаю, ты все-таки играешь по правилам. Дверь имеет слабенький левый заряд. А нам, значит, лучше несколько убавить свой правый.

— Слушай мою команду. Ничего не надо дергать. Вы не на работе. Просто положите ладони на дверь. Потом очень мягко, нежно, почти мысленным усилием потяните ладони на себя, как будто к ним прилип листик тонкой бумаги.

Сотоварищи просто очумели от всего этого, однако же в столь безвыходном для себя положении были безропотны. И мы успешно осилили очередную препону. Следующий коридор сворачивал за угол, белизной напоминая истинно-больничный. И тут... чу, кто-то переминается за углом. Я предупредил соратников посредством приложения ладони к нижней части лица.

За углом был выставлен охранник, спиной к какой-то двери. Не человек, а полный нитеплазменный конвертант. Значит, не переминался он за углом, я просто ощутил его энергоканалы. А когда выскочил из-за угла, то сразу осознал — видимая часть конвертанта ничего особого из себя не представляет. Его силовые линии, энергетическая кана-

лизация сходится в фокусе, который куда ближе ко мне, чем сама фигура.

Я выстрелил из мухинского плазмобоя в этот узел напряжения, и охранник несколько расфокусировался, затрясся, растекся соплями. Ну, чистая сказка для детишек преклонного возраста. Узел уже пополз, когда конвертант мощным ударом языка вышиб плазмобой — нет, такой бокс нам не нужен. Взяв одной рукой меня за трепетную выю, соперник оторвал мое тело вместе с тапками от земли. Ай-яй-яй, такую сказку не надо делать былью. Голова мгновенно набухла, налилась тяжестью, стала как чугунный котел. Может за секунду до полной и окончательной отключки я укрепил волю; и через мой пространственный полюс, как через линзу проскочили большие силы. (Опять Юпитер-батюшка посодействовал!) Они ураганно обрушились на охранника, которому менять заряд было поздно, и, ворвались через поврежденный узел внутрь него.

Вражеская хватка ослабла, я обрушился на пол и сквозь потемки успел разглядеть, как противник конвульсирует, темнеет и надувается, а потом просто улетает, словно обрывок туалетной бумажки в аэроклозете.

— Как так? — не смог удержать изумление подскочивший Мухин.

— А вот так. Видимое не всегда реально. И наоборот. Прошу, господа. — Я еще покачивался от балдежа, вызванного удушением, но аккуратно потянул дверь, за которой уже ощущал пульс Шошаны. Живехонька.

Там за дверью было что-то вроде врачебного кабинета. Столик на колесиках со всякой медицинской снедью. Мужик в белом халате, вставляющий ампулу в шприц-пистолет. Наверное, врач-палач. Мужик в гимнастерке прокуратуры с киберблокнотом в руках — ему, должно быть, поручили засвидетельствовать летальный исход. Не похожи они на полных конвертантов. И не требовалось им быть конвертантами. А Шошанка в кресле, несколько смахивающем на гинекологическое, с мощными захватами на руках, ногах, шее и голове.

— Ну вот и ваш черед настал, голубчики, — удовлетворенно произнес я. — Даже от любимой работы надо отдыхать.

Мужику из прокуратуры я просто вмазал ботинком по яйцам, отчего он упал с каблуков и крепко задумался о половых проблемах. Врачу-палачу закатал дубинкой по шее, поэтому он свалился на свой столик и покатился на нем в угол. Мухин же быстренько разомкнул захваты,

держащие Шошану. Она хоть и была чем-то явно накачана, но, рванувшись, попала мне на шею.

— Впервой такую фемку вижу. И, наверное, в последний раз, — отметил Муха. После чего все двинулись вперед. Трое полицейских в форме, лейтенант-расстрига в полосатом костюмчике смертника и фем в рубашке на голое тело.

25

Чтобы поменьше плутать по коридорам, мы рванули мухинской миной стену госпиталя. И уже по изрядно наклонившейся мостовой сыпанули, как горошек, к ангару полицейского управления. Там вначале меня встретили недобро, ощерясь аппаратами для умертвия, но Муха самоотверженно заорал:

— Нет такого поклепа, которого не возвели на этого парня! Но он — настоящий чудодей. Двадцать минут назад лейтенант проходил сквозь стены да закрытые двери и нас проводил вместе с собой. Кто гавкнет на него, будет иметь дело со мной, и всеми теми, кто за меня. Лейтенант все знает про это гигантское хавало-хлебало, которое заглатывает город-герой Васино, и именно поэтому его хотели погасить даже раньше официального срока казни!

Там ментов стояло человек двадцать и еще с десяток прочих лиц. Среди прочих я увидел изобретателя нитеплазменного датчика Викентия с сынишкой, которым подмигнул. Да, есть у него-таки чутье на верные ходы.

Не знаю, все ли Мухину поверили, но когда кое-кто в толпе подвинулся, освобождая дорогу, остальные не стали злостно упорствовать и расступились. Хотя, повторяю, к этому моменту нервы, аксоны и ганглии были у всех на взводе. Мы уже по дороге являлись свидетелями повального и безуспешного отвала из города, и, само собой, многие горожане не прочь были поиметь коптер. Так что полицейские успели разогреть свои плазмобои и кое-где валялись останки неудачливых беглецов. Однако почему копы сами не смылись до сих пор, имея в заначке столь подходящую технику? Я, конечно, с этим вопросом полез к первому же попавшемуся бойцу.

— Смывались... Одному коптеру каюк, взорвался в воздухе, другой по-быстрому вертанулся назад. Там, наверху, вроде сила тяжести увеличивается.

— А куда они летели?

— Куда — кошке под муда. Вверх по склону, хотели из воронки выбраться.

— Но известно только то, что тяжесть нарастает, когда пробиваешься именно в этом направлении? — продолжал выпытывать я.

— Не знаю, какой ты бандит, но ты чудак, — устало, хоть кол на голове чеши, отозвался боец. — Кому нужно другое направление? Прямо в преисподнюю, чертям на котлеты предлагаться, что ли?

— Черти тоже разные бывают...

И я, встав на ящик, провел импровизированный митинг.

— Братки, господа и товарищи! Посмотрите на меня, я не самоубийца и отнюдь не законченный придурок (надеюсь, не очень погрешил против истины). Однако я рискую, когда нет других вариантов. Мы все готовы рискнуть, если нам угрожает верная хана. Кстати, неверной ханы в Космике нет. Так вот, начинается Новая Жизнь, в которой все иначе. То, что сулило стопроцентный капец раньше, теперь может принести спасение. И наоборот. Вы все слыхали о том, что творилось в аномальных зонах. Так вот, это были лишь цветочки. Теперь аномальная зона — вся планета. Я и моя подружка — она красивая, правда? — мы единственные среди собравшихся, кто хоть немного пожевал собаку в этом деле. Все доверившиеся нам сейчас дружно лезут в эти два коптера и пробуют удрать отсюда по новому маршруту.

— Я за лейтенантом, — высказалось «доверенное лицо», то есть Мухин, следом, в краткосрочном референдуме, посыпались новые «я». В итоге, все почли за лучшее забраться в оставшиеся две машины.

Вот створки внешнего шлюза разошлись, и коптеры, похожие в этой воронке на парочку мух, стали взмывать вверх. Я сидел рядом с пилотом в первой машине. Шошана — во второй. И действительно, когда поднялись метров на триста, вертикальная скорость начала по-быстрому падать, хотя из моторов выжималась все большая мощность.

— Что ты думаешь по этому поводу, Шошана? — решил посоветоваться я с товарищем по несчастью и проблемам, — по-моему, жать на газ не стоит — двигатели надорвем, а то и похуже что-нибудь случится.

— Правильно, жать на газ не стоит. Это уже серьезно повредило здоровью наших предшественников. Определенная пульсация зовет меня лететь вдоль склона вниз.

Я этого еще не понимал, единственное, в чем был уверен — действовать надо от противного. Конечно, некую

скважину ощущал и я. Но куда она ведет и зачем? Неужто можно безболезненно проскочить в эту глотку, затем беспроблемно преодолеть некий кишечник и выскочить из некой задницы? И в каком отхожем месте мы окажемся, даже благополучно завершив маршрут?

Нерассуждающий, полубезумный пилот направил машину по новому курсу, как раз в ту сторону, куда и двигался город Васино. Несколько человек недовольно заропта́ло, но лично Мухин успокоил смутьянов:

— У вас есть предпочтительные варианты? Может, вы желаете обратно в Васино? Желающим выйти за борт могу предложить реактивные ранцы или простой пинок в гузку.

— Ладно, пусть этот бешеный лейтенант ведет, — заявил один коп, сам с безумными глазами проповедника. — Уж, по крайней мере, долго мучиться не придется. Так или иначе, смерть всех трахнет. И тех, кто любил удовольствия, она трахнет особенно сильно. Поэтому спешно обращайтесь к покаянию, братки мои заблудшие.

Пока такие проповеди расслабляли, а вернее, перенастраивали народ, линия горизонта стала напоминать горлышко опрокинутого кувшина. Коптеры уходили вдаль от него по какому-то тоннелю. Поверхность замкнулась со всех сторон, и с боков, и сверху. Причем это была не поверхность Меркурия, даже не стенки шахты, пробуренной к его центру. Спектральный анализатор пробубнил, что эта странная самозваная твердь ничего не излучает и не отражает, зато лихо поглощает волны во всех диапазонах.

— Оба борта, выключите двигатели, — скомандовала Шошана.

Правильно распорядилась. Скорость движения, вернее падения вдоль склона, резко превращалась в медленность и поэтому жечь топливо было бессмысленным, а может даже пагубным делом. Вскоре сделалась скорость никакой — вначале вертикальная, потом горизонтальная. То есть, мы зависли. Пейзаж вокруг был по-прежнему совершенно абстрактным, типа «черный мешок». Только небольшое излучение в виде слабоэнергетических сверхдлинных волн слегка украшало его. За бортом имелся лишь почти стерильный вакуум. Нам было не до измерений гравитации, однако сила тяжести поубавилась весьма заметно. Мы висели в центре ничего и не видели никаких перспектив.

— Кажется, конечная остановка. Будем жить здесь, как тараканы в киселе, — отшутился Мухин, но вскоре

сник. На лице Шошаны, которое я наблюдал по монитору, проступили бисеринки пота, как у рожающей женщины.

Наконец, она включилась.

— Терешка, запас энергии у нас накопился огромный. Ну, не у нас, а рядышком.

Я сразу заметил, что у нее открылось второе дыхание. В смысле, она нашла что-то вместо потерянного центра симметрий. И я вспомнил — именно сейчас, должно быть, материнское вещество приказывает долго жить и передает по наследству свое могущество.

Шошана правильно меня настрополила. На сей раз Меркурий трудно шел на контакт, потому что... был болен. И только когда пространственный полюс дошел до высшей точки напряжения, планета опустилась мне на руки раненым колобком.

На этот раз все было весьма человекообразно или, попростому выражаясь, очень антропоморфно. Мои пульсации стали как пальцы, они бережно ощупывали раны колобка — колотые, резаные, выворачивающие — откуда хлестали потоки сил. Они устремлялись в воронку, где их встречали мириады сосущих ртов. Надо полагать, съедаемые энергии превращались в нитеплазму, из которой демон-паук усиленно ткал и прял Новый Мир, Новую Жизнь.

Наш с Шошанкой лозунг был ясен — держи, перехватывай, все равно пропадет. Мои пальцы-пульсации разошлись веером. Из всего потока требовалась лишь энергия, похожая на горячие жужжащие зерна. Я принялся выгребать их. Больно, красиво. Огненная рассыпчатая сила раздувала мой силовой кокон, срываясь с него вихрями, отшвыривала стенки тоннеля. Нитеплазма шипела от неудовольствия.

— Сдвинулись, — послышался далекий грохочущий голос Мухина. — Набираем ускорение.

И в самом деле, лихо тронулись — лишь десять минут потратилось на разгон до первой космической скорости. Частота, на которой излучали стенки тоннеля, скакала вверх, как лошадь по лестнице, а, значит, жара все плотнее обкладывала нас. Однако по-прежнему никаким спектрографом не удавалось засечь, из чего поганые стенки слеплены.

— Сами в печку летим, — продавил кто-то сквозь скрежет зубов.

— Никогда на вас не угодишь, — ворчливым голосом отозвался я.

— Да передайте же, стервецы, побольше мощности на охлаждение кабины. — Кто-то, пискнув, откинулся в долгосрочный обморок.

— И на реактивную струю, — Шошанин голос в аудиорежиме стал хриплым и блатным от помех.

— Ты что, Шоша, детка? — воскликнул опупевший Мухин. — Мы и так словно черти на работу несемся.

Тут снова вклинился я:

— Еще раз повторяю для особо одаренных, здесь нечего лезть с законами Ньютона. Особенно не морочьте мне голову третьим законом этого человека. Пора избавляться от стереотипов.

— Ага, понятно. Очень понятно, — отозвался немного оскорбленный Мухин.

Но действительность Шошанины слова подтвердила. Едва ракетные двигатели зафурычили сильнее, как ускорение из-за этого принялось падать. Только в кабине не стало посвежее. Забортная жара не унималась, а все злее набрасывалась на наш утлый кораблик.

— Эй, командир, не уткнемся ли мы сейчас в расплавленное ядро планеты? — натужно подал голос один из копов, обливающийся, как и все прочие летуны, обильным потом от жары и ужаса. Хорошо, что за командира меня признает, но куда нас несет — это даже теоретические прикидки не слишком показывают.

Когда не знаешь, чего сказать, ори, что попало — таково первое правило хорошего оратора.

— Только чур воздух со страха не портить, уже будто в солдатской бане сидим. Соратники, если бы мы летели не в ТУ сторону, то давно бы уткнулись носом в ядро. Значит, все-таки в ТУ.

Подтверждая или опровергая мои слова, забортная жаркая мгла почти моментально налилась бешеным светом — фильтры обзорных мониторов едва успели сработать — и стенки туннеля перестали быть абстрактными и размытыми. Сработали спектральные анализаторы.

— Мы в бутылке из расплавленного свинца, — заражая всех стрессом, заорал тот, кто первым глянул на спектрограф.

— Тому, кто слишком волнуется, советую заснуть. Мы не в бутылке, а в воронке из расплавленного свинца. Все-таки какая-то определенность. К тому же впереди есть дырка, — «успокоил» я публику.

Мы пробивали сияющую, плотную, адскую жару, и второй коптер был заметен лишь смутным пятном. Естествен-

но, что слова радиообмена немедленно растерзывались забортными бесами — в наушниках гулял только рев плазмы. Надо придумывать все самому.

— Друзья, — обратился я к личному составу. — Кто-то может подумать, что мы оказались на Солнце. И он будет неправ. Мы — на солнечной стороне Меркурия, где имеется воронка, близняшка той, в которую влетели коптеры на ночной половинке планеты.

— Температура обшивки — уже сейчас пятьсот градусов. Это вас, лейтенант, не беспокоит? — заныл какой-то недоносок (а ведь если чудом уцелеем, он первый заорет, что был бесстрашен и весел.) — Хоть умираем, но не сдаемся... — воскликнул какой-то бодрячок. Проповедник же утешительно добавил: — Адовым огнем очищены будем от греха. Тоже польза.

— А почему никто не говорит «спасибо» за то, что мы вылетаем на второй космической скорости из этой печурки? — стал вносить дежурный оптимизм я.

Впрочем, мне не надо было втолковывать, что долго на солнечной стороне нам не протянуть. Хоть на обшивке слой керамики с титановой нитью. Может, обшивка и выдержит, в отличие от нас, с чем ее и поздравляю. Ну, а мы-то уподобимся сосискам в скороварке.

И сварились бы, не сумев никому поведать о чудесах природы, кабы не предвиденное никем обстоятельство не заслонило нас, спасая от загара на таком вредном неполезном Солнце.

Между нами и неуемным светилом пристроилась туша военного крейсера. От одной его тени стало прохладно и весело на душе. Распахнулись приемные шлюзы ангаров, и два коптера были втянуты на борт корабля, как мухи пылесосом. Еще с полчаса нас аккуратно и умело охлаждали пенными струями. Но когда нам разрешили распахнуть люки и выпрыгнуть на палубу, где пены было по колено, потрескавшуюся обшивку коптеров не стоило трогать даже пальцем.

— Да здравствует Шошана, королевка Меркурия и ее верный пес Терентий... Салют, Терентий, идущие в буфет приветствуют тебя! — Приятно было послушать здравицы, несмотря на неопределенность личной судьбы.

Тут дверь в ангар была отдраена, и появился некто в чине полковника космической пехоты, а с ним несколько дюжих парней в беретах, украшенных мерцающими трехглавыми орлами.

— Есть тут лейтенант Терентий К123?

— Ну, я. Ладно, пусть меня по-человечески приговорит трибунал и после принятия внутрь стопки «язвенной» распылит корабельный гразер.

— Вас ждет адмирал Никодимов-Соларз.

Значит, тюремная камера пока обойдется без меня. Выходит, есть о чем мне потолковать с космическим волком Никодимовым-Соларзом, который когда-то одолел плутонов, а еще раньше прикончил гордость землян — линкор «Забияку».

Адмирал смахивал на внимательного доктора, и в течение получаса я много узнал. О поменявшем кости Сэмпсоне Брауни. О расторопных ребятах из Адмиралтейства, которые выкопали из архивов безумные, как считалось, докладные записки завзятого психа Викентия, спроваженного на самую окраину империи. О Меркурии, который сохранился, но в весьма потрепанном виде — на месте его столицы и прилегающих поселений остался лишь кратер странного вида. Так что из двухсоттысячного населения куда-то потерялась чуть ли не четверть.

Узнал, что на подходе еще один крейсер и вскоре два корабля первого класса будут усердно патрулировать оба бока каверзной планеты. Порадовался тому, что слово «Плазмонт» уже печально известно и многие ждут от меня подробностей. Услышал довольным ухом, что мое уголовное дело скоро превратится в судебное преследование «Дубков» и «Вязов». А мерой пресечения для меня установлена подписка о невылете из пределов Космики. Поскольку теперь ясно, что я не бандит и не брехун, то адмирал лично будет ходатайствовать о присвоении мне звания майор, минуя капитана, и о награждении орденом Юпитера-Громовержца первой степени.

— А как же Плазмонт? Его споры, наверное, разлетелись чуть ли не по всей Космике. — Я все-таки нашел силы забеспокоиться. — Ухитрились же они попасть с Земли на Меркурий.

— Не волнуйся так, сынок. Кибероболочки вообще на каждом гражданине висели, и то с ними управились. Помимо двух крейсеров на санацию планеты подряжаем всю меркурианскую эскадру. С твоей помощью определимся, как им выслеживать и сторожить эту бяку. На Марсе же сформируем мобильные подразделения, конечно, в составе Военно-космического флота — я добьюсь, чтобы ты их возглавил — и начнем бить гадость по всей Солнечной системе. До Земли тоже доберемся, не волнуйся. А то, что останется от Плазмонта, посадим в аквариум и будем кормить

тухлыми тараканами... Ну ладно, вижу по глазам, хочешь перекусить, покурить, мордашку сполоснуть. Топай, только через полчаса, чтоб здесь был — проинструктируешь патрульные силы.

Я вышел в коридор. Надо, само собой, помыться для начала, но алчно раздувающиеся ноздри привели меня на корабельный камбуз. Там жадно питалось несколько беженцев с Меркурия, уже умытых и переодетых в матросские робы. У большего псевдоиллюминатора с видом на звезды, освежалась пивком Шошана — рядом с ней вился какой-то сержант космической пехоты, понятно, что не слыхавший о female-mutant. Заметив меня, он уважительно произнес:

— Все твое — твое, а все мое — твое, — после чего удалился.

— От фемов ничего не осталось. — Итог подвела она вполне официальным голосом, но понятно, что внутри нее вулкан. — Я одна.

— А я? Если хочешь, я заменю тебе материнское вещество. Именно так, пусть даже послышится здоровый смех окружающих. А ты мне — всю организацию фемов. Впереди еще много драк, и мы должны научить имеющих мозг жить по-новому, то есть спокойно обходиться без Новой Жизни. Я думаю — не боюсь употребить столь крепкое слово, — что матка предвидела и такой поворот. Поэтому в тебя было вложено многое и причем весьма неожиданное. Может, ты вообще стала вместо нее новым центром симметрий. Я не удивлюсь, если ты и есть ее венец, единственная по сути дочурка. Наберешь себе учениц и возьмешься за старое. Вообще ваша организация — не знаю, было так задумано или нет — напоминает мне какое-то яйцо, особенно сейчас. Яйцо раскололось, ты вылупилась. Пора взрослой становиться.

Я вижу, ты молчишь и соглашаешься. А раз взрослой становишься, пора выходить замуж — то есть, за меня. Пора носить длинные патлы вместо ежика этого колючего, чулки и юбки выше колена вместо парусиновых портков, туфельки взамен кованых башмаков.

Тут она почему-то не стала долго раздумывать.

— Я согласна. Только никогда не зови меня киской и рыбкой. Я ведь даже и туфелькой могу пришибить на месте.

— Знаю. Если что, на моей могиле высечешь: «Он пал за киску».

Мы вдвоем обернулись к экрану «иллюминатора», где

некоторые небесные тела выглядели куда крупнее, чем положено на таком расстоянии. Красный глаз Юпитера мерцал устало и мудро.

— Это он? — вопросительно-утвердительно произнесла она. — Он удружил тебе?

— И тебе. Порой я даже чувствовал, как он презирает зарвавшегося слизняка Плазмонта. Юпитер — это не просто пузырь с газом и льдом, но и душа в виде распределительного щита, который раздает гордость и силу. В Космике может быть все... не исключено, что многие мамальфейцы должны звать его папой.

СВЕРХ-НЕДОЧЕЛОВЕК

«Некогда старший сын превеликого Чингисхана Джучи прошел нашу землю и забрал в свой улус, прозванный Золотая Орда. А что было прежде того, нам неведомо. Имя же нашей земле было дано — Шибир. Это так же верно, как и то, что зовут ее нынче Темения. И насельниками на ней стали монгольские и татарские племена, явившиеся с Алтая.

Здесь важное для разумения. С Алтая много сошло племен, раскосых по-рысьи и яростных, ибо там Источник Сил. Сколько жизней человеческих сократили племена эти — не считано. Все, что мешало копытам коней — дома, сады, стены — обращали они в прах. Пажити затаптывали, канавы падалью забрасывали. Ибо поклонялись племена Вечному Синему Небу, Кок-Тенгри, и землю пытались уподобить небу — чтоб ровно все на ней было и лишь кочевые аилы со стадами своими двигались подобно облакам.

По истечении некоторого времени отложилось от Золотой Орды и стало на наших землях Сибирское ханство монголов и татар с городами Чимга-Тура и Кашлык.

А потом пришли казаки, царские слуги и прочие удальцы из-за Урала-хребта, татаров да монгол побили и установили власть московского государя. Отправились московские люди на север к Ледовитому Морю и на восток и меняли у диких племен соболью и беличью рухлядь на водку.

Немало воды в Оби и Тоболе утекло, когда на Москве воцарился Ленин Ульянов, который по отцу из монгольского племени калмыков. Происходил он от чресел самого Чингисхана и хоругвь имел того же алого цвета. Потому Ленин Ульянов и побил до смерти казаков да царских слуг и имущество их взял, а его красные полчища изрядно перебрали и помучили людишек, и крестьян, и купцов, и служивых.

Потом из земли нашей у города Чимга-Тура или Тюмени качать принялись кровь черную — нефтю, и менять ее в заморских краях на хлебное зерно. Земля из-за того похудела и озлилась.

Чтоб народ еще больше лениться мог, стали всем заведовать железно-счетные устройства по имени Оболочки. Оболочки эти в конце концов и трудились везде за крестьян и прочих работников, сами же люди словно впали в спячку.

Так было по всем землям, от нашей родной Темении до Калипони, что в стране Америке, пока не явились с неба Космики и не разбили Оболочки. А потом небесные гости сделали так, что много душнее стало, льды на се-

вере потаяли и от новой воды образовалось Теменское море. Отчего бездельные люди с голода не сгинули, а взялись за хлебопашество, разведение стад, взращивание плодов и хождение в море с неводами.

Земля наша Темения велика, и рожь с пшеницей на ней колосятся обильно, скотина умна да послушна, стоят два больших городища, Теменск и Березов, а в теменском море полно рыбы, бабы у нас грудасты и плодовиты, войско бравое, потому что с успехом отражает набеги татаров да монгол. Округло говоря, порядку у нас изо дня в день прибывает...»

«Книга для отроков и отроковиц»
Березов, 2063 г., словопечатная мастерская
князя Березовского.

1

Я был послан в город Березов вовсе не для того, чтоб пресечь очередное незаконное ремесло. Хотя, между прочим, я, как жрец Храма Чистоты в звании Ревнителя, могу отбить охоту к любому вредительству.

На сей раз Властелин Неба науськал мое начальство. Что-то дикое приключилось с еропланом в небе над Заводом. Ни с того ни с сего патрульный летак был атакован каким-то существом, похожим на огроменную старуху с крылами. Эта самая баба-яга отломала хвост самолету так же просто, как стрекозе. Летуны едва успели броситься с парашютами в разбитое окно.

Проверки через разведчиков и лазутчиков не получились у Стражей Неба, физики-брехуны нассали в их проницательные глаза. Какие сейчас физики, одни колдуны остались с трехклассным образованием. Собственно, они и предложили наложить какое-то страшное заклятье на дальнейшее появление этой вот бабы-яги.

Поэтому Властелин Неба послал челобитье с просьбой о помощи Владыке Чистоты в Теменск. Тот пожалел горюющего властелина — все-таки наши Небесники предпоследний летак потеряли — затем вызвал меня по радиоговорильнику. Не сам, конечно, а посредством Уст Владыки, Блюстителя Почкина. Суть распоряжения такова: выручай, Столп Чистоты, смельчак наш Марк Матвеевич Кологривов. Впрочем, языковеды сообщают, что дети уже не различают слова «смелый» и «глупый».

Я как раз сидел на скрипучих ступеньках своей крепостенки, что на берегу Теменского моря, смазывал бомбометалку, а холопы Петька да Василий заряжали бомбы порохом. Хоть я получил земельный надел от Владыки Чистоты, сосед мне немирный попался — «председатель», то есть крупный феодал Никитич, происходящий по прямой линии от большого колхозного начальства. Тоже собрался меня на оброк поставить, как прочих огородников и садоводов. Уже два раза я его людей отваживал. Малой кровью обходилось. Налетали они на своих юрких лошаденках, да я вовремя дизель-генератор включал, и сталкивались хитрецы с моим электрическим забором, замаскированным под зеленую изгородь. Потом постреляю вдогонку — отравленной дробью в задницу — и хорош. Вот с помощью каких подначек и вредительства нынешние феодалы начинают проращивать свои «родословные деревья».

Значит, ладил я бомбометалку, когда девка Палашка заголосила с башни, что по радиоговорильнику меня начальство кличет, и спустила наушники на проводе. Палашку я купил за пару целковых на базаре, она хоть дурная, но старательная. А оболтуса Ваську мне Храм подарил от своих щедрот. Конечно, страдают мои холопы в неволе, ничего не попишешь, но, в основном, от пьянства и пережирания. Они уже сейчас напоминают не слишком дальних родственников свиньи.

Так и есть, высочайшим повелением Владыка посылает Ревнителя Кологривова — учинить проверку, также спросить строжайше с нарушителей. Где-то кто-то посягает на нашу девственную вечную Чистоту, которая есть Дух, а наш Храм, по обыкновению, должон оборонить ее от скверны. Потому что Дух Чистоты, который есть Прямой Путь, с каких-то занюханных пор борется с Духом Грязи и вот только недавно более-менее одолел его. (Я, конечно, цитирую Книгу Метлы.)

Верю ли я сам в этот самый Дух? Все на свете происходит, похоже, не абы как. Из Дерьма проклевывается Великое. Великое успешно превращается в Дерьмо. Раньше люди верили в законы Природы лишь потому, что проявления ее сил выражались какими-то формулами и уравнениями. Формулы исправно работали, однако они мало что сообщали о сути — зачем и почему? Еще люди верили в вождей, партию, пролетариат, нацию и в классовое чутье. И такая вера работала, потому что позволяла уцелеть — есть, пить и тискать баб. Дух Чистоты тоже вполне работоспособен. Ведь и в самом деле вся наша Индустрия рас-

палась и сгнила до основания. Народ же, чтобы пропитать себя харчами, стал, как встарь, ковыряться в земле. Благо, что не вымер. Дух Чистоты народу пособил, сделав обширную ледяную Сибирь теплой и плодородной.

Можно, конечно, сказать, что Индустрия уничтожена Космикой, испоганившей информационные сети и компьютеры. Что именно она обогрела Сибирь, когда слегка сбила земную ось и разместила на орбите искусственные солнышки «Ярило-1» и «Сварог». Однако и Космику кто-то подвинул на это дело. Что-то же позволило неземной империи уцелеть в борьбе с кибероболочками, которые, как известно, самые жуткие исчадия Духа Грязи.

Раз поступил приказ, бросил я лекарственные растения, благодаря которым зеленеют все мои сотки — крапиву, лебеду, лопухи. Оставил на какое-то время сиротками стадо умненьких баранов. Наладил свою повозку, представляющую собой «мерседес» с выпотрошенными потрохами и запряженный двумя довольно статными конягами в яблоках. С помощью сеанса завораживания, то есть гипноза, оразумил их знанием маршрута и правилами уличного движения. После чего помчался по ухабам бывшей автомагистрали на Завод, то есть в Березов, без помощи всяких вожжей и поводьев. Василий восседал в «гнезде» на крыше повозки с помповым ружьем, зорко озирая придорожные канавы, нет ли засады. Засады не было, вокруг мирно колосился ячмень, да бродили с жеванием на лицах полуразумные скоты, козлы да овцы. Лишь пару раз кто-то засадил в нас из самострела наудачу.

Когда пятнадцать лет назад киберсистемы развалились, то внезапно жрать оказалось нечего, и все рванули на лоно природы. Так бы там на лоне и передохли, кабы не встретила людей полуразумная скотина своим радостным блеяньем да меканьем. Ей ни пастухи, ни овчарки не требовались, на волков она самостоятельно нападала клином. И овины с хлевами ей не надобились, потому что Новые Солнца даже для зимнего времени обеспечили вполне приличную погоду. На радость всем выяснилось, что поголовье еды не уступает поголовью едоков.

Правда, заварилась меж поселянами большая буча из-за пастбищ, так называемые «овечьи войны» или «войны баранов». Тем свежеиспеченным крестьянам, которым травы не хватило, пришлось взяться за соху и мотыгу, благо злак да овощ столь удачные пошли, что любой дурак их вырастит. Ни удобрений, ни прополки не требуется, тля с саранчой травятся насмерть таким урожаем.

Это плюс. Минус в том, что в прошлом году до Березова можно было короче добраться — на дирижабле через Теменское море. Цеппелин сей, принадлежавший Владыке Чистоты, состоял из древней оболочки, надутой старыми запасами гелия, и прицепленного к ней ветхого автобуса (где вместо сортира люди пользовались задним окном). Но в прошлом году не кочевали еще вдоль южного берега танкеры и линкоры Макария Морского Царя. Танкеры и линкоры они в бывшем времени, ныне же в трюмах шампиньоны растут, на палубах огороды разведены, из иллюминаторов рыбаки свои неводы забрасывают. Еще постреливают иногда палубные орудия, ржавые ракетные установки пуляют самонаводящиеся ракеты, что смертельно угрожает летящему транспорту.

Когда наш дирижабль последний раз плыл над морем, от одного меткого выстрела автобус свалился прямо на линкор, на Макария. Однако тот уцелел и с тех пор слыл чудотворцем. Один прок от него, что реже стали китайские пираты набеги устраивать. Вообще-то ребята с узкими хитрыми глазками напирают, не столько на море, сколько на земле, причем всякого сорта тюрки куда больше, чем китайцы. А разъяснение таково — на юге нынче стоит великая сушь — если точнее, Новое Солнце второй раз за двенадцатилетие палит там сверх всякой меры.

Завод принадлежит, то есть собственно цеха, свалка, прилегающий город Березов, местному феодалу — князю Березовскому, у которого папка с дедкой были директорами местного промышленного гиганта. Наверное, оттого он прозывает себя также Властелином Железа и пользуется мистическим почетом тех, кто выпрашивает у него мечи, сабли, игольчатые булавы, ядра. Однако он давно принес присягу на верность Владыке Чистоты. Впрочем, чтобы этот магнат не самовольничал, рядом с Заводом стоит крепость-филиал нашего Храма Чистоты.

Являюсь я туда за содействием, а там вдруг начинают меня тормозить. Начиная с местного Начальника Чистоты, шамана-профессора Васильева, обладателя гнусной скрипучей бороды. Чертяки, я же сам выступал за расширение их самостоятельности. Так она расширилась, что я подальше бани оказался.

Для начала местные Хранители Чистоты не поселили меня в Гостевых Палатах крепости. Сказали, свободных покоев, подходящих моему чину, сейчас в распоряжении нет. У меня же с собой в мошне лишь десяток сребреников да один золотой — этого хватит только на хреновый постоялый двор плюс не слишком великий кутеж.

Вдобавок эти сраные Хранители Чистоты отказались выписать мне пропускную бумагу на Завод, дескать, там накопление опасных веществ, чересчур пагубное для моей ценной жизни. Дескать, надо сперва пройти полный курс укрепления внутренних сил, который дает местный колдун.

Пришлось мне эти песни слушать от каких-то позорников; да я лично дюжину заводов в нашей Темении на свалку отправил! Но коли случилась такая феодальная раздробленность, стал я свои должностные обязанности трактовать весьма гибко.

После обеда-пира, на который меня все-таки пригласили, я зафрахтовал в крепости одну дамочку. Конечно, для пользы дела, а не тела вовсе. Эту аспирантессу Людмилу из Березовской Всенаучной Семинарии я сразу приметил, потому что она крутилась в крепости-филиале без всякой устали, в прямом и переносном смысле. После торжественного доклада шамана-профессора она исполнила танец, задабривающий Духа Чистоты. Кроме того, на моих глазах заглянула сударыня Люся в кабинет-палату к столоначальнику Васильеву. Оттуда задорный смех донесся, когда же выходила она из дверей, то прикид поправляла. Значит, привечали ее там. Как не привечать, если вольных женщин-«амазонок» сейчас мало, феодализм половую сферу сковал. А у этой дамочки юбчонка такая, что при танцах развевается и показывает «задние щеки». Прочие же прелести не скованы корсетом.

Последний факт я, правда, позднее уточнил, когда выгуливал ее по несвятым местам, по увеселительным заведениям, вертепам и кабакам города Березова, оставив пьяного в дрист Василия просыхать на крепостной кухне среди прочих холопов. Только вот по зудящему «вопросу Завода» ничего волнительного узнать не довелось. Так подогрела меня эта «конфорочка», что больше хвастал о своем героизме. Как-никак матерый я витязь-активист зеленого движения и бывший кавалерист. Кстати, ехали мы уже к Людмиле на моем «мерседесе», смотреть коллекцию бабочек или, может, живописи. Я там в повозке старался-старался, шаря по даме пытливыми руками, однако не забывал править своими умными конягами, когда словами, а когда вожжами.

В общем, я перетрудился. Наверное, эта Люська какую-то «сонную» точку мне сдавила, хорошо хоть не врезала ребром ладони. Вот, например, моя последняя жена — тоже из амазонок — владела «датским» поцелуем. Поэтому я принципиально подваливал к супружнице только спереди, готовый провести блок.

Закончил я кемарить где-то на пустыре, куда меня, по-видимому, завезла прекрасная дама и кинула. Коняги на меня с удивлением оглядываются, как, дескать, такое безобразие допустил.

Я, конечно, давай нашаривать свой бинокль-тепловизор, импортированный из Космики за десять бочек земляничного варенья. Но обошлось без материальных потерь, сложный прибор по-прежнему грел правый бок. Ничего, думаю, зажигалке Люсе завтра керосин выпущу, сегодня же я бодр и не отягощен сексуальными проблемами, как армия Суворова в горах. И время подходящее для налета на интересуемый район, солнце заползает в нору, полдевятого. Вздрючил я своих коней в яблоках, чтоб они, закусив удила, поскорее меня к Заводу доставили.

Одинадцать, я в сердце недобитой промышленной зоны, точнее, в помоечной ее части, проник «с черного хода», через забор из колючей проволоки с наколотыми консервными банками. Для любого разбойника она непреодолима, а мне пожалуйста, вход открыт, потому что владею титановыми кусачками.

Протащился понизу надрезанной колючки на спине, потом, не вскакивая на ноги, стал изучать местность. Поначалу ничего особо выдающегося и увлекательного не заметил — обломки, останки, ржавый лом. Здесь истлевали остатки цивилизации, станки, компьютеры, прокатные станы. Однако ничего такого, что могло бы нанести смертельный удар по летящему ероплану даже при всем желании.

Впрочем, когда я в очередной раз припал к окулярам, то мое пристальное внимание своей бодрой краской привлек тепловой выброс слева от развалин доменной печи. Работающая аппаратура? Я, на четвереньках и пригнувшись, стал пробираться к непонятному факту и наконец смог разглядеть его в некоторых неаппетитных подробностях.

Какие-то фигуры берут завернутое в бумагу тело человека, выносят его из телеги, кладут на землю. И оно начинает опускаться куда-то, как на лифте. Немного погодя следует тепловой выброс из трещины неподалеку. Получается, что невезучее тело поджаривают. Или заставляют отдать тепло!

Второй вариант более осмысленный. То есть — здесь промышляют потрошители-продавцы свежезамороженных органов. Космика-то охотно человеческие потрошки приобретает. Неземная империя вообще натуральные продукты уважает. Такое уж между Землей и Космикой разделение труда, у них все искусственное, у нас — естественное.

Хотя и не исключен первый, «людоедский» вариант. Тогда, значит, здесь орудуют сектанты. Секта у нас сейчас в каждой деревне своя. Есть те, что людей жарят, другие же кушают сырыми. Это чтоб вступить с едой в экстатическую связь. Такими делами «новые ацтеки» балуются, которые мастерят украшения из человеческих органов — всем известные аленькие цветочки. Опять же «истинные народолюбы», которые ценят в человеке не только душу, но и жир с мясом. И приверженцы странной тантрической секты «семья Ульянова», которые молятся на запад, на Мавзолей Ильича, причем начинают с важных слов: «Мумия Ленина, сила астральная, нас к половому экстазу ведет».

Раз дело стало мокрым, то живой и непосредственный интерес к нему может нанести непоправимый ущерб моему здоровью. Особенно сейчас, когда со мной нет пары десятков вооруженных холопов.

Я достаточно резво стал пробираться обратно, переходя на прыжки и бег. Когда до ограды оставалось метров пятьдесят, луч сильного фонаря впился в мое интеллигентное (как порой кажется) лицо. Ноги даже задрыгались от конфуза. Вот так, поторопился и не заметил спрятавшуюся в засаде, за кучей ящиков, телегу, запряженную массивным зловещим битюгом цвета ночи. Фонарь высвечивает мою невнушительную фигуру, из-за телеги же выходит четверо сомнительных личностей, что говорится, с лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом. Хороший пулемет вынесли — «Дегтярева». Кроме этого, в руках мечи-саморезы и игольчатые палицы. Все ребята крепкие, кривоногие тюркские багатыры в халатах, однако по-нашему заговорили довольно чисто:

— Дорогой товарищ, мы по вам давно скучаем. — Всегда-то они с издевочки начинают. Мне же самое лучшее держать фасон. Все-таки черная куртка с петлицами Ревнителя должна оказать воздействие. Авось кто испугается.

— А по-моему, мы слишком часто видимся, мои будущие друзья. Вы стали ерзать раньше времени, подобные массовые встречи претят моему вкусу, — стойко говорю им, как и полагается Ревнителю. — Приходите завтра в контору, у меня прием после обеда.

— Приборчик на землю, пожалуйста. Мы ему стеклышки протрем.

Да, сейчас мне полезно вспомнить о ненасилии, ахимсе и Нагорной проповеди.

Только я аккуратно да вежливо положил свой тепловизор и распрямляться стал, мне запаяли сапогом, так сказать, в «изображение». Что говорится, удачно подставился.

Чуть повыше уткнись носок сапога, и черты лица вообще бы исчезли, одна каша бы осталась. Итак, брякнулся я оземь и вставать неохота.

— Что это с господином?.. Моча в голову плеснула... Может, господин станцевать хотел и поскользнулся. — Да, в жизни всегда найдется повод для развлечения у таких ребят. Не боятся они меня, это факт. Судя по оснастке и месту промысла, у них серьезный хозяин. Если же у злодеев имеется зацепка в земельном суде, там вынесут определение: «Ревнитель Кологривов поскользнулся на собственном плевке и упал лицом на свой ботинок».

Один из них чуть не помог мне встать, но отпустил — копчик мой хрустнул как огурец. Я всегда считал, если пропадать, так уж в дерзкой атаке и при восхищенных зрителях — однако этот принцип сегодня мог реализоваться лишь частично. Поэтому просто «терпец урвался», как выражаются южане. Я, не смотря на грусть-тоску, освежил в памяти картинку из былых сражений. Поднялся, обманно полуотвернулся и прыгнул ногой вперед. Кого-то я сшиб, но остальные поймали меня во время исполнения пируэта, скрутили руки за спиной и понесли почти аккуратно. Кто-то даже шептал: «Осторожно, не роняйте, а то развоняется». Затем, раскачав, метнули в телегу. Я влетел в кучу хлама.

Авторитетно утверждаю, что любая гордыня сразу пропадает — пусть ты и венец творения, — когда лежишь побитый, мордой в гнилой осклизлой соломе. Да еще предчувствуя дальнейшие неприятности. Раз не убили сразу, значит, будут мучить. Как и того человека, который недавно отдал все телесное тепло.

«Вперед, какашка», — сказали напоследок мастера своего дела. И сообщник злодеев, битюг, тупо поволок мой будущий труп в мрачную даль, мне же рыпнуться некуда. Конская перевязь, стиснувшая руки, заодно меня к телеге пришпандорила.

«Какашка». Я видимо достоин столь непрестижного прозвища. Доигрался с аспирантессой, секретно-сексуальной сотрудницей — она, наверняка, душегубов на меня навела. Тараканам же из крепости-филиала такой случай пригодится лишь для того, чтоб поглубже заползти за печку.

Чьи-то руки выскребли меня из телеги и бросили оземь, оборвав цепь нехитрых размышлений. Вражьи пальцы залепили глаза каким-то дерьмом. Была погожая летняя ночь и так не хотелось. Но пришлось. Чьи-то кулаки прогулялись по мне. Отмечу, справедливости ради, что не заходясь

и больше для проформы. Затем уложили меня на платформу, которая стала вдруг опускаться в какое-то подземелье, где был я «посажен на цепь». Кольца и браслеты, щелкнув, прихватили мои руки, ноги, горло, лоб к железному стулу на колесиках. Хоть танго, хоть камаринского пляши в таких условиях, жюри тебе заранее «неуд» поставило. Ой, мне сейчас будет нехорошо! Ой, чувствую, расчлененка мне светит.

А я беструпной смертью, может, не желаю заканчиваться, я требую красивого ритуального прощания, которым любовались бы дамы и от которого мужали мужские сердца!!!

Щелкнул тумблер, загудела какая-то установка. Процедура началась, я поехал на стуле. Однако от всех тревог неожиданно всхрапнул, будто заколдованный, и увидел в спальной стране большую медную трубу. Ту, что гудит в духовом оркестре, имени-отчества которой никогда не знал. Вот негромкое, но мощное гудение давай раскачивать каждую клетку, вдобавок и молекулу, атом, даже субнуклон, может, шкварк со стрингом. И прочие штуки, которые мы зачем-то учили в школе. В итоге я стал сам от себя отделяться и отслаиваться. Мое тело принялось бледнеть, я же какое-то время смотрел на него сверху — оно казалось тающей ледышкой. Потом труба засосала меня в себя, началось тоскливое падение. В конце концов, душа моя застряла в центре ничего, без памяти и прочих средств к существованию. А затем меня подхватил смерч из напряжений, непонятных ощущений, слишком ярких красок, искаженных картин, распадающихся и расчленяемых предметов. Я был беспомощнее амебы, оказавшейся в бушующем океане.

2

— Барин-профессор, телоприемник исправен. Никаких отклонений по основным и вспомогательным функциям. «Мясо» поступило с температурой минус двести сорок, чай, не протухнет.

— Барин-профессор, начинаем сканирование высокоинформативных тканей «мяса» по картограмме.

— Барин-профессор, приступаем к сканированию низкоинформативных тканей.

— Барин-профессор, моторную память считываем десятью параллельными каналами.

— Барин-профессор, готовы к изъятию у «мяса» индуктивно-резонансной пси-структуры.

— Барин-профессор, объемную томографию закончили, ведем сортировку отсканированной информации.

— Барин-профессор, приступаем к пересылке пси-структуры в Материнскую Субстанцию.

3

Живой, братва! Не расчлененный, даже не потрошенный, ни крошки от меня не отпало. Я не просто очухался, а будто всплыл с большой глубины. Вдруг стал видеть, слышать и нюхать. Сфокусировалось зрение, озарившись перед этим яркими разноцветными полосками. Звуки возникли из невнятного квакающего шума, но стали вполне нормальными, словно кто-то подкрутил ручку настройки. Даже запахи, которые вначале резко, как аммиак, шибанули мне в нос, вдруг помягчали и расплылись. Память тоже несколько странно заработала, вдруг без спросу из нее полезла всякая дребедень. Какие-то стародавние сценки поплыли перед мысленным взором и внутренним глазом.

Вначале вспомнились детско-юношеские забавы еще технических «до-закатных» времен, путешествия по компьютерным мирам с помощью двигательного имитатора и контактного экрана. Там я сражался с какими-то сказочно-придурочными демонами, которые кричали мне:«Попался, который кусался». А потом ожили картины вполне реальных конных сражений двенадцатилетней давности на южнотеменском шляхе, когда налетела Старшая Орда из казахских степей под красными знаменами Чингисхана. Тогда это было внове: всадники в малахаях, свист шашек из титанового сплава, юркие и умные лошаденки-мутанты, которые мелькают то там, то сям, как пинг-понговые шарики.

Тюркам некуда было деваться, кроме как переться к нам. Первый климатический скачок, случившийся именно тогда, выжег степь, отчего проснулась древняя хищность, — порушив все, потоптав, порезав, покромсав, пустить баранов на зарастающие травой развалины поселений. А там и вовсе на чистый паразитизм перейти можно. Рабы-пастухи гоняют отары, сам балуешься в юрте с белобрысой курносой полонянкой.

И нам некуда было податься, не прыгать же в Теменское море. Умели мы до этого колоть и резать только котлеты и колбасу. Однако выцарапали где-то старичка, способного махать шашкой, исторические энциклопедии из подвалов достали. Принялись устраивать засеки, заставы,

засады, разъезды конные пускать. Я уже в то время думал, что Космика здорово забавляется, глядя на нас сверху — просто многосерийный кинофильм на исторические темы.

Тогда на южнотеменском шляхе я Северина Почкина спас от расставания с умной головой. Благодаря этому дворянство заработал, плюс земельный надел ухватил от Храма Чистоты.

Извержения памяти закончились и я смог включиться в текущий момент своей жизни. Сейчас я без всяких цепей, ничего не болит, уже за оградой Завода. Шмотки все грязные, пыльные, как у бездаря-бродяги, за куртку уцепилась консервная банка с какой-то плесенью внутри. Конечно, лучше бы знать, как я здесь оказался, но можно и в неведении остаться, все равно больше партизанить не буду. Вот если получу полномочия, тогда въеду в промзону как дядька Черноморг на белом коне в сопровождении тридцати трех людоедов-мутантов. Или не въеду, даже если уговаривать станут. Чего мне инициативничать и изучать стреляющую пушку со стороны дула? Пусть пацаны вертятся, а мне пора с фразками баловаться, сидеть в палатах каменных или во главе стола.

Когда я поднимался и первые шаги делал, движения были какие-то порывистые, неловкие. Такое ощущение складывалось, что части тела не слишком знакомы друг с другом, отсюда непригнанность и движения вразнобой. Иной раз думать приходилось, куда ногу поставить и в какую сторону ее согнуть. Но тут на помощь стрелочки являлись. Стрелочки в поле моего зрения учили меня прямохождению, итти их налево!

Повозку-«мерседес» у меня, конечно, гады-разбойники угнали, не сыскал я своих коней с яблоками, вокруг меня ни зги, ни пешего, ни конного не видать. Да и мне лучше на встречу не напрашиваться.

Пробирался я до постоялого двора по кустам кизила и крапивы вдоль Второго Березовского тракта, роняя три тысячи тридцать три матюга на каждые тысячу шагов. Хорошо, что банде «генератов» не встретился. Но каким-то двум поножовщикам, похоже, сектантам, все-таки попался.

Они прыгнули на меня из засады. Они были сзади, я к ним, соответственно, спиной. Но я их почувствовал, настолько хорошо услышал, что даже увидел.

Слышали затылок со спиною, вообще любой участок тела был восприимчив, будто везде имелись уши. Слуховые мембраны просто блуждали по телу. И запах — аромат немытых шкур — шибанул в нос. Не только это, даже аромат

злобной мужественности почувствовался. Шум шагов, шелест одежды, скрип кожаной амуниции, все сплелось в общую картину.

Один из сектантов заходил прямо в спину и его клинок был направлен острием под мою лопатку. Я упал на колени, и лезвие прошло над плечом. Другой нападающий был чуть левее и он должен был приголубить меня палицей с гвоздями. Поэтому руку с клинком я перехватил за запястье и локоть. Затем, взяв ее на излом, направил лезвие в сторону второго разбойника. Занавес опустился для этого персонажа, поскольку он напоролся на острие — к своему сожалению, к моему счастью.

Тот мужик, чьим клинком я любезно воспользовался, пытался пережать левым предплечьем мое горло, однако мне очень удобно было направить свой локоть в его челюсть.

После чего наступил мир. Шлепнувшийся на спину остался без особых чувств, его агрессивный взор погас. Судя по изображениям звезд, серпов и молотов на черкесках, я избавился от представителей общества «Сознание Сталина». По мнению членов этого добровольного объединения, надо убивать все, что тебе дорого и недорого тоже, дабы избавиться от земных привязанностей и соединиться в итоге с всепобеждающим духом великого вождя.

Добрался я до своей гостиницы, плюхнулся в бочку с горячей водой, отмок там хорошенько. И хоть совсем недавно пинали меня и валяли в грязи, уже кажется, что ничего такого и не было. Даже отзудил горничную, что в номер ко мне явилась. Не зря же СПИД и грозный спирохет вот уж с четверть века как побеждены вирусами-защитниками. Кстати, я воспользовался тем, что храмовникам редко отказывают дамочки такого сорта, напротив, даже ведут себя наступательно. По их мнению, в минуты любовных действий Дух Чистоты нисходит на тех, кто предается разврату. Кстати, пока я валял горничную, перед внутренним взором скакали какие-то диаграммы и чертились ломаные линии графиков.

Итак, на душе похорошело, я даже отправился в общую комнату радиоговорильник послушать. Шла толковища про то, как Западноалтайский султанат забодал Восточно-Алтайскую республику. Война началась с того, что неизвестные всадники обстреляли обе столицы из рентгеновских лазеров, отчего несколько важных персон превратились в вонючие вспышки света. Сорок восемь часов подряд нападали западноалтайцы, затем стали хозяйничать на захваченных территориях — сожрали даже национальное достояние ре-

спублики, суперпалку колбасы длиной в сто метров. В ответ свободолюбивые восточно-алтайцы дали в Пекине оперу «Бедна юрта моя» силами двух музыкальных полков. А восточноалтайские партизаны обнаружили, что враги внутри состоят из *теста*, поэтому как ни руби их, раны немедленно срастаются. Затем словно переключение рубильника — весь кураж у нападающих пропадает. Восточно-алтайцы врываются на загривках бегущих врагов в столицу Западного Алтая, бесчинствуют в гаремах и не платят в тавернах. Но славная дочь отчизны заражает трихомонозом целую бригаду восточноалтайских захватчиков. Причем, по заявлению обороняющихся, лучшие бойцы вражеского стана непобедимы, потому что сделаны из *теста*. Однако, близка уже к завершению миротворческая миссия митрополита Пимена (Кровохлебова) и его друзей по партии всеобщего покоя. Несмотря на покушение пяти ниндзя-террористов (они якобы не знали, что войне конец) султан и президент под восхищенные крики общественности обмениваются поцелуем Мира.

Конечно, слухи о «богатырях из теста» ясно показывают нынешнее смутное состояние мозгов. Но если серьезно — кто подкинул алтайским всадникам рентгеновские лазеры? Наверное, опять Космика воду баламутит. Мало ей того, что рынок распался и вся Земля ухнула в феодализм, вдобавок, неземная империя еще балуется нами как шахматными фигурками.

Ночью же меня сомнительный алкогольный сон преследует, словно заглотил я вечерком полведерка водки. А я принял все-то чекушку. Снилось мне, что я сыплю искры как бенгальский огонь. И от этого тлеет, даже горит одеяло...

4

Недобрым утром, супротив всей моей воли, после громового удара, появляется в моей комнате некто, хотя я его не приглашал и, естественно, не отпирал дверей. Пытаюсь нашарить оружие, да только тесак куда-то запропастился. Одним глазом я подлого гостя высматриваю, другим глазом озираю дыры непонятные на одеяле — подгорело постельное бельишко отчего-то!

Он смахивает крошки и садится внаглую на скособоченный стул. Пялится на меня, как птица-падальщик. Интересно, когда поймет, что находится здесь по недоразумению? А что, если вчерашние знакомцы опять за меня

берутся, недоделали чего-то намедни. Я ведь еще меньше приспособлен к битве, чем тогда — потому что мне стыдно за одеяло. Я, кстати, однажды повышения по службе не получил, потому что на торжественном балу в Храме Чистоты портки сзади лопнули.

И вот настырный человек идет ко мне прямо по захезанной одежке, что на полу валяется. Я напрягся, готовясь как-нибудь и без тесака защититься. Может, метнуть подушку в лицо и врезать ночным горшком? Только вдруг сей визитер не злодей вовсе?

— Ну, доставайте свое оружие, — шепчу в растерянности.

— А что вы мне за это дадите? — подошедший сунул в мой нос удостоверение Палаты Дознаний нашего же Храма Чистоты на Воителя по имени Виталий Султанчик. После чего уселся обратно. Свой, что ли?

— Ага, — воспрял я, — значит, вы, собрат по перу и шпаге, будете поднимать мое уроненное в грязь достоинство. Тогда привет вам, дотошный сын богини Правосудия. Между прочим, достоинство мне багатыры разве что уронили, а вот тепловизор казенный унесли. Да они там людей мучают, я требую возбуждения небесного и земельного суда! Учтите сей факт.

— Чего ж вас не замучили? — съехидничал этот, с позволения сказать, гость. — Раз так, зацикливаться на своих болячках мы не будем.

Наконец я нашарил под подушкой тесак и он все же объяснился:

— Надеюсь, вы не запамятовали, что Палата Дознаний замыкается прямо на Владыку Чистоты. При всем моем сочувствии, случай ваш заурядный, коллега Кологривов. Просто просочившаяся через наши оборонительные линии незначительная группка кочевников немного порезвились за ваш счет. Отряды Березовского князя уже занимаются ей. Но это все суета, которой нам не пристало отдаваться. Ваше задание изменено, господин Ревнитель. Вы теперь подчиняетесь непосредственно мне.

— Ну, допустим, господин Султанчик, вы тот, за кого выдаете. Вам скучно слушать лепет о каком-то тепловизоре, тем более, о незабудках, расцветших на чужом лице, и выпотрошенных из кого-то органах. Но, может, чтобы нам поскорее познакомиться, вы покажете письменное распоряжение шефа-Владыки?

Султанчик, чувствуя мою недоверчивость, кладет ладонь в карман, где якобы лежит грамота.

— Ну и что там на самом деле, господин Воитель?

— А вот что, — посетитель выхватил широкий клинок и одним махом оттяпал мне пару пальцев — с той руки, которой я заслонялся — легко так, будто они из сливочного масла. Я не слишком зашелся от боли, поэтому торопливо вытащил из-под подушки тесак и метко засадил гостю под пятое ребро. Изо рта у Султанчика пролилась красная струйка. Он, кашляя и съеживаясь, отвернулся, затем хрипло выдавил:

— Обалдуй, шуток, что ли, не понимаешь?

— Хороши шутки, да как мне теперь без перстов? Мне и ложку не удержать. Сейчас как яйца отрублю тебе, сволочь такая.

— Приставь пальцы обратно и скажи при этом: «Я дурак», тогда все срастется.

Я сделал все именно так. Нет, не поверил я в оглушительную чушь, а просто очумел от столь подлого нападения... Но персты приросли, даже задвигались! Не знаю, к чему сейчас приложить силу ума, где искать суть? По крайней мере, я зряшно зарезал человека, своего коллегу и старшего по званию... Ой, что мне будет!

— Ну что, замочил трусы? — Султанчик дотянулся до кувшина с пивом и, хлебнув, обернулся ко мне. — Кажется, обошлось.

И никаких у него следов поранения. Это ж гнусное алтайское шаманство!

— Мне, пожалуй, снова поплохело.

Хотя на самом деле полегчало — ну, в конце-то концов, невозможно же присобачить отхваченные пальцы обратно и запросто зарастить скважину в боку. Где начинается цирк, там нет места трагедии.

— Ладно, теперь прочитайте письмецо Владыки, — Султанчик бросает на позорное одеяло бумажку.

И в самом деле, на ней начирикано, что Ревнителю имярек поступить в распоряжение предъявителю сего послания Воителю господину Султанчику.

Прозвучал голос сломленного человека.

— Вот с этого и надо было начинать, коллега Воитель. А то, понимаешь, впечатляют, давят на психику. Устал от вас. Ладно, согласен на совместное времяпровождение, только без этих фокусов...

И вот я с этим коллегой, которого бы держать в заколоченном гробу, выхожу из номера, причем мой некогда элегантный мундир сейчас напоминает дворницкие шмотки.

— Едем брать колдунишку одного, — распорядился Воитель.

У него была приличная мотоповозка, дизельный «говноход» повышенной проходимости. Поездка на таком приспособлении доставляла откровенное удовольствие.

Я не удивился, когда мы нацелились в палаточный городок, который был разбит каким-то бродячим театриком. У кочевого люда всегда имеются недозволенные технические приспособления. Хотя артисты с разбойничьими рожами пытались нас напугать, вращая дубинами, мы, помахав своими ярлыками — Знаками Чистоты, — протопали прямо в шатер режиссера. По крайней мере, снаружи было написано «С. Куров. Устроитель зрелищ».

А внутри С. Куров вел себя с артисткой как настоящий режиссер. Этот представительный мужчина-верзила, обладатель гладкой матовой головы и развесистых ушей, репетировал, объясняя любовную сцену. Шмалили курительницы, время от времени кто-то снаружи играл на дуделях и сопелях въедливую музыку. Все это создавало подходящую нервную атмосферу, в которой артистка верещала и расшнуровывала корсет, вываливая арбузные буфера. Впрочем, лицо режиссера было то ли скучающим, то ли отрешенным. Завидя незнакомцев, дама мигом заправила свои буфера обратно и юркнула наружу, а С. Куров, чтоб не испугаться, гаркнул:

— Чего надо? Пшли вон, негодяи!

— Мы от Духа Чистоты, — бросил Султанчик. — Я смотрю, театральные работники весьма слабо реагируют на форму Ревнителя.

Воитель показал пальцем на мою засранную куртку, а режиссер скривил рожу, будто его тошнит.

— Может, они приняли вашего товарища за клоуна...

Тут уж я обиделся. Ревнителя, отмеченного печатью Высших Сил, сравнивать с каким-то убогим потешником. Нет, при бабе я бы точно кинулся с тесаком на Курова. А без бабы, наоборот, отодвинулся в сторонку и пробовал немного почиститься каким-то висящим балахоном.

— Значит, Владыка, так сказать, Чистоты собрался пригласить мой театр к себе в замок? И он догадывается, сколько ему это будет стоить? — голос режиссера стал наглым и пронзительным. Вообще, несмотря на внушительные размеры, этот господин выглядел несобранным и даже развинченным. Больной он или алкаш?

— Это будет стоить вам. Потому что нас интересует отнюдь не ваш балаган, который пробавляется, в основном, контрабандой, а вы сами.

— Но я не мастерю незаконные станки и приборы, ни-

чего такого не умею. Я скорее мастер по бабам. — Речь театрала была на вид справедливой, но почему-то неубедительной. — И, кстати, нахожусь во владениях Березовского князя, а не вашего Владыки.

— Наш Храм наводит предвечную чистоту по всей Темении, — твердо заявил Султанчик. — До нас дошли подлинные сведения, что во время своих представлений вы недозволенными средствами вызываете грязные эмоции у толпы, называемой зрители.

— Но такова сила искусства, господа храмовники.

— Вернее, искусство применения силы, — поправил Воитель.

— Чего вы плетете? Совсем охренели там в своей Мин-Экологии.

— В Храме Чистоты. Следите за словами, нынче они много значат, — снова поправил Султанчик и стал припирать. — Так вот, нами отслежено, что два-три человека из побывавших на каждом вашем зрелище лишаются здравого ума и начинают страдать от общего расстройства. Что вам известно о шаманстве?

— Но белое шаманство не запрещено. Я волен обращаться к духам неба, солнца, луны, созвездий, облаков...

— Мы, Храм Чистоты, определяем, где проходит граница между черным и белым шаманизмом. Мы не забыли, что каких-то лет сто назад приверженцы тибетских шаманов — бонпо и тантристов Левой Руки — пришли к власти в Москве и Берлине, — Султанчик говорил напористо, но без особого интереса, а потом добавил уже с особой интонацией. — Может быть, вы поведаете, что такое душа? Откройте благодарным слушателям, не стесняйтесь.

Наверное, оттого, что вопрос показался каверзным, Куров отреагировал слишком страстно. Он грозно приподнялся, однако лично ничего предпринимать не стал, а только затрубил:

— Крохин, сюда!

В палатке появился человек двух с половиной метров росту, в трусах, обросший шерстью с головы до пят, с руками до колен. Ясное дело, мутант. Но мускулатура у него явно была укрупнена с помощью биоорганических вкладышей. Плюс топор.

— Кого бить? — вежливо поинтересовался Крохин.

— Вот этих всех, — устроитель зрелищ показал на нас пальцами.

Мне стало жарко.

Крохин сперва все-таки подвалил к Султанчику, за что я был премного благодарен монстру.

— С железом или без? — поинтересовался великан условиями поединка.

— «Без», друг мой, — Султанчик уронил тесак. Крохин столь же честно выкинул свой инструмент. Что вполне оправданно. Согласно теменскому своду законов, убийство железом карается усекновением головы. А вот причинение смерти голыми руками считается случайным происшествием и выражением Высшей Справедливости — родственники «справедливо» убиенного довольствуются возмещением в виде трех баранов.

Поэтому Крохин нанес почти отвесный удар, кулаком в лоб моего напарника. Я только успел заметить, что широченное запястье монстра оказалось в ладони у Султанчика, а следом волосатый соперник выписал немыслимую фигуру. То есть Воитель, удерживая его запястье, зашел ему за спину, выводя руку на излом. И произвел бросок, подставив колено под падающее тело. После гадкого хруста Крохин стал грязной кучей в углу и больше в беседе не участвовал.

Этот тип был столь противен и грозен, что я даже жалеть его не стал. Странно, я всегда жалел, когда теменцы своих же теменцев гробят. Сейчас же совершенство проявленной силы порадовало меня, а Крохин показался просто предметом, на котором ее можно было показать.

— Заройте товарища на огороде, чтобы большие огурцы выросли, — предложил Воитель какой-то роже, заглянувшей в палатку на шум.

— Серьезно, я мало что знаю о душе, я ведь не жрец, — пробормотал позеленевший Куров. После потери Крохина верзила-режиссер как-то оплыл, словно из него вытащили стержень.

— Теперь уже ничего не надо плести, — Султанчик поспешно оборвал Курова и предложил ему проехаться куда. — Именем Духа Чистоты следуйте за мной.

А снаружи нас с нетерпением ждала группа товарищей. Выстроилось кольцо из угрюмых здоровых мужиков и визгливо хохочущих коротышек. Медведи и обезьяны — первое, что мне пришло на ум. Но это были, конечно же, представители людского племени. Потому что сжимали топоры и дубины. В моих глазах побелело, это призывно засветил загробный мир.

Однако Куров уже сломался, одну его руку держал за запястье Султанчик, вторая поднялась в умиротворяющем жесте. И кольцо разомкнулось.

Покорный Куров думал, что его отвезут в крепость-фи-

лиал, но он ошибся, как, впрочем, и я. Особист Султанчик доставил его, и меня заодно, на Завод, причем охрана беспрекословно, с отданием чести нас всех пропустила. Если точнее, добрались мы до печально мне известной доменной печи. Там режиссер заволновался, решил, что сейчас его бессудно оприходуют, возжелал уйти.

Однако Воитель, промолвив странную фразу: «Девятка не забыла тебя», непреклонно встал на его пути. Тогда верзила Куров попытался, угрожающе вопя, прорваться через меня, как через самое слабое звено. Он подхватил с земли кривую железяку и хотел припечатать ей мое ухо. Я это заранее почувствовал. Зачесалось то само место, куда он меня собирался двинуть. Ухо зачесалось. Я даже взгляд Курова ощутил, будто он пустил из глаз какой-то электрический вихрь.

Поэтому я смог, поднырнув под руку режиссера, заблокировать ее снизу, а потом коленом закатал ему промеж... Упал, сердечный, лицом в грязь. Мне же стало приятно, хоть никогда я злорадством не страдал.

Впрочем процедура не закончилась на этом. Когда мой напарник оказался к Курову ближе чем я, тот резво вскочил как на пружинках. Невесть откуда у него в руках появилось два клинка. Одно лезвие сделало колющий выпад, другое — рубануло сверху наискось. Такое сочетание ударов сулит кончину — верную и без особых мучений — тем, кто оказался их целью. Однако Султанчик акробатически изогнулся назад, так что первый клинок проколол воздух ниже его спины, а другой свистнул поверх грудной клетки. Мой напарник крутанул сальто-мортале и утвердившись на ногах, извлек будто из рукава кривой меч, затем выписал им несколько мастерских восьмерок. Куров лихо парировал немало ударов, но все-таки попался на ложный выпад — в конце последней восьмерки клинок впился ему в плечо и пошел наискось вниз...

Видал я такие приемы на южнотеменском шляхе, как тюрки ими владели, так и наши пограничные казаки. Ознакомился я тогда с тем, что получается в результате. Разрубленный показывает потроха, вот что...

Разрубленный Куров показал очень странные потроха.

Режиссер имел начинку из какой-то тестообразной массы — пузырящейся, булькающей, жужжащей и даже мерцающей. (Я сразу вспомнил про услышанных по радиоговорильнику богатырей из теста.) Внутри обнаружилось также множество трубочек с пупырышками. Еще там было что-то вроде разрядного столба. Он просвечивал сквозь «те-

сто» метелкой линейных разрядов, которая находилась в ореоле из мелких голубеньких искорок.

Тут же Султанчик завернул Курова в тряпку и связал ремнем, как будто еще опасался каких-то фортелей со стороны разрубленного режиссера.

И вдруг невесть откуда появилось четверо багатыров, тех самых, вчерашних, только без «Дегтярева».

— Вот они, мучители. Попались, которые дрались! — и я, подхватив Куровскую железяку, кинулся к ним.

Она опять без дела осталась. А я, видимо, избежал крутого переплета, оттого что Воитель меня догнал и затормозил своей чугунной рукой.

— Коллега Кологривов — это наши, наши сотрудники! Они ошиблись вчера, перепутали, с кем не бывает. Вы же видели, какая Куров гадина. Они работают, поэтому и ошибаются. Поэтому извиняются.

— Да, очень извиняемся, — сказал передний багатыр. — Мы не знали, что вы такой уважаемый человек.

— Значит, братья по оружию, встреча на Эльбе, — поддержал без особого удовольствия я.

И профессиональные мучители продолжили пеленание режиссера, как будто тот по-прежнему был вредоносен.

— Теперь, коллега Кологривов, подождите внутри того замызганного домика, — покончив с укутыванием Курова, настоятельно предложил мне Султанчик. — Нужно уделить время некоторым формальностям.

Не доверяют? Или не желают психически травмировать меня как зрителя повторением вчерашней процедуры?

Во всяком случае я послушался, а багатыры вместе с запеленутым телом свернули за остов доменной печи. Причем Куров был поразительным образом жив, напоследок он даже помаргивал глазами. Да, какой-то он не такой как все — в смысле анатомии и физиологии. Впрочем, что мне известно об анатомии и физиологии? — несколько отрывков из учебников. Однако в далекие времена моей учебы еще не расплодились по всей Земле мутанты и прочие аномалы с особым устройством организма.

Безропотно дожидался я сотоварища в заброшенном цеху. Иногда хотелось зарыться куда-нибудь, хоть по маковку в дерьмо, но чувствовал — Султанчик выкопает. Чем все-таки он занимается? Разве это может одобрить Владыка Чистоты, который известен по всей Темении, как самый чистый феодал и вместилище какого-то особого Духа? Или опять феодальная раздробленность виновата, кто-то в среднем эшелоне отсебятину порет? А когда напарник мой по-

явился, усталый, но довольный, то я, нарушая правила храмового поведения, бросился на него с вопросами.

— Куров — мутант, что ли?

— Наверное. Вскрытие покажет. К тому же черный шаман, сейчас много таких развелось. Душевные силы высасывает, порчу наводит. Он шаман, но и мы не лыком шиты, — как-то вяло после последних событий объяснил Султанчик.

— Здесь что-то непонятное, господин Воитель. Храму Чистоты всегда было плевать на шаманство.

Напарнику явно не хотелось отвечать, его словно тошнило от лишних вопросов. Наверное, это нормально для человека из Палаты Дознаний.

— А если шаманство на нас плюнет? Ладно, я вам лекции читать не буду, мы не в семинарии... Попробуем-ка лучше червячка заморить. Лично я люблю активные молекулы.

Воитель хлобыстнул из бочки с надписью «едкий натр». Я немного зажмурился, попадал во всякие переделки, но нарочно никогда не напрашивался. Из пасти у напарника дымок легкий вышел да появились кристаллики соли на подбородке, больше ничего примечательного.

— Распад пошел, — прошептал удовлетворенно Султанчик. — Запомните, Кологривов, легко идущие реакции разложения — это то, что нам нужно.

Большие шаманы, конечно, и не такое вытворяют, но подготовка сотрудников особого отдела вызывает почтительный страх.

— На второе надо что-нибудь сытное, чтобы гастрит не случился.

Султанчик незамысловато взял «сытный» металлический лист и, сдув пыль, принялся без особой аккуратности обкусывать его. Дробление металла отозвалось в моих костях унылым эхом. Если он шаман, то я, похоже, жертва шаманства. Короче, всю эту сцену я решил списать на умопомрачение.

— Ну, а на десерт? Что-нибудь вкусненькое?

Удачно кинутым болтом Султанчик угробил голубя, курлыкавшего в уголке, поднял погибшую птичку, встряхнул и выжал. Кровь из «вкусненького» текла тоненькой струйкой, чтобы попасть в рот обедающего гражданина. Наверняка, птичку покинули все без исключения соки, потому что через минуту от нее осталась одна жалкая тряпочка. Однако это почему-то не вызвало во мне протеста.

— Можно быть консерватором во всем, кроме еды, —

убедительно произнес пищевой либерал. Он нажрался и ждал, когда я приступлю к трапезе. Голубя, положим, я мог бы еще схавать. Если бы не было выхода. А сейчас он есть?

— Чего-то не хочется, господин Воитель, я всю ночь жрал от скуки.

Напарник, демонстративно скинув с себя пиджак, пробежался по стене, как ниндзя высшей квалификации и даже получше. Может, зря я надеюсь на умопомрачение. Что-то в этом чувствовалось неподдельное, настоящее! Султанчик заражал меня уверенностью, стремлением к совместному выискиванию и изничтожению трудностей, кипящей волей к победе не поймешь над кем и чем.

Я впился зубами в доску, причем не из суицидных намерений, а потому что почувствовал тайную ее аппетитность. Мне это полезное чувство словно передалось от напарника. Но для этого пришлось протаранить некий психологический барьер, стоявший на пути моих зубов — сами челюсти стали тяжелые, горячие, чуть ли не металлические, однако сохранили послушность.

Потом все наладилось, опасения оказались напрасными. Еда, как еда, напоминает пережаренный кусок мяса — не по вкусу, а по ощущениям. Чувство одиночества в животе притупилось, я заерзал от силы, заструившейся вдоль и поперек организма. Впрочем доску хавал украдкой, пригнувшись. Было неловко, как при заглядывании в декольте своей подчиненной, которая зачитывает отчет о проделанной работе. Впрочем, гордость почувствовал тоже, потому что не мяконькая курочка, а грубая доска мне покорилась.

— Это, конечно, не деликатес, но вполне усваиваемый продукт. Я вначале тоже предпочитал углеродные соединения, они вроде роднее, — со сдержанным одобрением заметил Султанчик. — И вообще, чтоб справиться с тяжелым веществом, тебе сперва надо добыть силу из легкого. Или же получить мощь от своей Девятки. Ты скоро узнаешь, что это такое.

Звучало непонятно, но здорово. А мой аппетит требовал еще. Заметил оставшийся от какого-то празднества стакан и вдруг был пронзен предвкушением — это может быть вкусно! Тем более, я как-то на ярмарке видел конопатого мужичка, который без всякой медитации, из чистой удали, жевал стекло. Я взял граненую «снедь», осторожно укусил, похрумкал, проглотил — и было не тяжелее, чем с печеньем. Доел стакан, не отрываясь.

Невольно у меня появилось расположение к господину Воителю. Хорошо работает и интересно отдыхает. Значит,

колдовство действительно крутая штука, и в Храме Чистоты им всерьез занимается некая «девятка». Однако вопросы продолжают зудеть.

— Это все правда, господин Султанчик — то, что случилось в последний час? Или колдовство, мираж, наваждение?

— Это — сила, коллега Кологривов, невиданная сила, и ей надо уметь пользоваться совместно и с радостью. В ней наша значительность, наша жизнь и слава.

— Слава от победы над Куровым? А вчера слава была от того, что меня обработали? Чем больше галочек в наряд-задании на день, тем радостнее, не правда ли?

Заметно было, что коллега Султанчик куда более озадачен моими вопросами, чем действиями монстра Крохина. Он как будто подбирает слова, хотя все храмовники известные хреноплеты.

— Господин устроитель зрелищ отягощен многими грехами. Посягновение на вечную Чистоту, искривление Прямых Путей матери Природы и отца Рода. Плюс святотатство. Однако глубоко виновный Куров вместе со своими органами не пойдет на экспорт. И у вас, насколько мне известно, ничего не вырезали.

— Вы намекаете, коллега Султанчик, что меня приковали ко стулу и усыпили только для того, чтоб я немножко отдохнул?

Коллега еще больше обеспокоился, он был даже огорчен моей назойливостью.

— Не только... Во время глубокого замораживания происходит своего рода чистка души, то есть пси-структуры. Снимаются кое-какие блокировки, оставшиеся от времен господства кибероболочек. Сколько сейчас светлых возможностей открывается, когда мы скинули гнет машин, кибероболочек этих сраных и прочей нечисти.

Султанчик сумел, наконец, швырнуть дежурные лозунги и закончил с наигранным подъемом:

— Так неужто мы теперь позволим черному шаманству набросить на нас свою удавку?

«Не эта ли чистая душа напала на летчиков в виде бабы-яги?» Как подумал, так сразу почувствовал особое внимание со стороны Султанчика, хоть он даже не двинул глазными яблоками в мою сторону. Неприятно, конечно. Улавливает, гад, мои мыслишки. Если ему и раньше не нравились мои вопросы, то сейчас от него просто понесло едкой настороженностью.

Потом мне стало чудиться. То есть, я ничего не слы-

шал, но тем не менее. У господина Воителя в голове дзинькнуло, и он вышел с кем-то на связь. Более того, произнес внутри себя такие слова:

«Значит, у вас какой-то недотепа портит матрицы воздействия на пси-структуру, а мне расхлебывать?»

Ко мне потянулся влажный холодок — ощущение было вполне отчетливым. Не сыграю ли я роль того самого голубя? Представил, что меня выжимают как птичку, и вдруг осознал. Султанчик, может, Воитель и сотрудник Палаты Дознаний, может, из Храма Чистоты, может, шаман, но он является кем-то еще. Кто я такой и кто он, мне бы лучше разобраться самому, в одиночку, в отдельной светелке, потихоньку жуя, виноват, читая какую-нибудь веселенькую книжку.

Почти непроизвольно я направился к выходу.

— Вы куда, сударь? — более вежливым тоном, чем обычно, поинтересовался Султанчик. Он привстал, собираясь в какой-то момент рвануть за мной.

— В кабинет задумчивости, живот прихватило, — невинно отозвался я, — все порядочные люди туда захаживают после такого рода угощений. Вас что, приучили считать это пережитком темного прошлого?

— Вы не хотите *туда*, — леденеющим голосом произнес Воитель.

— Тебе-то какое дело, сука? — откликнулся я, включив ускорение.

Он догнал бы меня в один момент. Собственно, он догнал и перегнал. Пока я добирался до дверей, Султанчик эффектно проломился сквозь железобетон стены и стал ждать меня снаружи. Я мог растеряться, упасть на пол, закрыть глаза. Однако смекнул, что наши шансы не могут быть столь уж неравны. Все-таки мы питаемся одной и той же дрянью.

Меня как из пушки выстрелило в другую сторону, к противоположной стене, где не было никаких дверей. Может, я хотел как следует приложиться лбом. Наверное, больше нечего было желать. Перед тем как врезаться в стену, увидел ее крупнозернистую, а потом и микроскопическую структуру — овальным пятном где-то в центре взгляда. Даже оценил, какая сила должна быть приложена к разрушению железобетона. После чего выплеснул из сердца достаточную мощность. Диаграмма показала распределение энергии по различным частям и уголкам тела, которое было изображено «в разрезе», как туша в мясной лавке.

Я неожиданно увидел то, что находится за стеной — мусор, дорожка, оранжевые деревца. Значит, пробил дыру в

стене. Просто пробил, и никаких восклицательных знаков, потому что непонятно — сон это, морока или какое-другое дерьмо. Я поднял глаза и заметил, что на меня целая стенная панель сверху валится. Зажмурился, возникли странные ощущения в голове, потом стало ясно, в живых-таки остался.

Когда отворил веки, то вначале показалось, что два моих глаза смотрят на мир из-под мышки. Невесть откуда взявшееся третье око блуждает по телу — вот видна изуродованная голова, похожая на расплющенную луковицу.

Вероятно, в таких запредельных ситуациях страх вообще не появляется, возможно, я стал олицетворением тупости, однако не было ничего кроме вялотекущей отрешенности. Скорее всего, она мне изрядно посодействовала.

Я машинально стал прикладывать усилия (множество стрелочек) к деформированным участкам бедной головы. Наконец все выровнялось и глаза туда переместились, где им положено быть! Хоть пыль столбом, а видно, что проход свободен, тикать надо.

Я стал тикать, вдобавок на ходу перед третьим внутренним оком представали портреты разных личностей, которых я встречал в последнее время. Словно бы я листал фотоальбом. Наконец мысленный взгляд застопорился на работяге, которого я приметил час назад неподалеку от заводской проходной ввиду его глупой ухмылки. Образ не образ, а какая-то схема из многих «разрезов». Гражданин был уже заранее отсканирован слой за слоем, пласт за пластом. На контурах разными цветами и тенями были указаны направления сил, натяжения, сопротивления, напряжения, энергетические потоки.

Потом я словно вбежал в эти отсканированные контуры и стал переделываться. Да-да, я изменялся, заодно стараясь не свалиться носом в землю. Меня корежило, кривило, сминало, расстягивало изнутри и снаружи. Порой казалось, что меня продевают через извилистую трубу, втискивают в неудобный узкий костюм, а на голову нахлобучивают тесную микроцефальную шляпу, которая прямо-таки врезается в мозги.

5

Рабочего или, может, ремесленника Крюкова еще минут пять дергали конвульсии, но прохожие объясняли происходящее тем литром, что заглотил он вчера. Хотя это был вовсе не Крюков.

Это был я. Естественно, никакой особой уверенности, что я — это я. Не совсем ладилась фокусировка, не слишком хорошо сходились поля зрения, отчего в мозгах возникало крайне неприятное, даже щекотное ощущение. Между левым и правым полем имелась зона затемнения, по которой время от времени пробегала рябь, цветные полосы и... цифры. Клянусь штанами Духа Чистоты, что действительно мелькали колонки и шеренги чисел. Некоторые из цифирок явно представляли расстояние до какого-нибудь обозреваемого предмета, а также его угловые скорости.

А еще было очень холодно. Зябко было, дыхание с изморозью и иней вокруг. Волосы на голове так заледенели, что хрустели под пальцами!

Наконец все внутри меня утряслось, и я огляделся. Ко мне торопилась какая-то длинная подозрительная личность. Я не сразу догадался, кто это. Ага, Воитель, господин Султанчик, впрочем, тоже видоизмененный. А может, никакой он не Воитель, а просто оборотень. Так же, как и я. Цифры в правом верхнем секторе зрения показывали, как стремительно сокращается дистанция меж нами, линией была отмечена траектория его движения. Впрочем, пейзаж оснащали и другие люди, это внушало некую надежду, что скорой расправы не случится.

— Ну, чего, чего надо? — я, выставя вперед кулаки, заслонился ими — деваться-то некуда.

Султанчик замешкался, хотя все-таки приблизился вплотную. И сказал вроде дружелюбно, рассчитывая явно на публику:

— Не поможешь развалить на троих? Третий за углом, — и, приложившись характерным жестом к горлу, заиграл пальчиками на брюшке, затем шепотом добавил: — Кологривов, прими прежний вид по-хорошему. У тебя ничего не получится. Навыков нет, да и дурак ты впридачу.

— Тьфу на тебя, анафема, — выражая презрение, сплюнул поперек асфальта длинной слюной. — Я тюркских сабель не испугался, понял, оборотень?

— Ты машина, Кологривов, понял? Ты не человек. Без Девятки ты словно отрезанный пенис. Поэтому будешь терять торжество силы и превращаться в говно. Тебе это не остановить.

Дылда Султанчик так красиво выразился, а я неожиданно даже для себя двинул ему в челюсть набухшим кулаком. Якобы двинул, а вернее, обдурил. Заслоняясь, он открылся, и я, подавшись вперед, влепил ему левой под дых. Однако прежде сконцентрировал силу, как бы сгреб ее ото-

всюду. Перед третьим оком замелькали стрелочки векторов, которые показали направления возможных ударов. Так что оставалось только выбрать самый удачный.

Султанчик согнулся и упал уголком на землю. А я ощутил «торжество силы». Однако он не стал что-либо предпринимать, когда я потрусил прочь, время от времени озираясь на него левым глазом.

Я знал, что ввиду моей трудовой наружности надо срочно найти место работы. Перед столь полезным третьим глазом замерцала трасса, которая, собственно, и повела меня. Когда я вступил в черный замусоренный цех, более напоминающий пещеру, то для начала повстречал мужика в кожаном фартуке с клочной бородой.

Он, глянув на мои руки, аккуратно развернул меня за плечи в обратную сторону и отвесил несильный пинок в заднее место.

— Ну, сколько еще с тобой горе мыкать, Крюков? Убить — жалко, пороть надоело. Тебя ж в такелажку за проволокой для арбалетов посылали.

Соответственно приданному ускорению я отправился за проволокой и в дверях столкнулся с «оригиналом» — тем самым, кого я нечаянно просканировал и сымитировал. Причем в руках у него как раз лежал требуемый моток проволоки. Я заметил «оригинал» раньше, чем он меня, и успел сдвинуть кепку на лицо. Мы довольно вежливо обогнули друг друга, но когда я оказался уже в предбаннике, он окликнул:

— Эй, дух, откуда у тебя моя кепка... а башмаки? Ага, спер! — Да, Крюков воистину был туп. Он даже не обратил внимания на то, что точно такие же башмаки с кепкой имеются и на нем.

Когда тяжелая рука «оригинала» легла мне на плечо, я подал мысленное напряжение на пыльцы, отчего они сделались форменными клещами. Которыми я, обернувшись, ухватил вопрошающего за шею. Затем слегка надавил и уложил мигом обмякшее тело в какой-то пустой ящик. Оставалось подхватить оброненный «оригиналом» моток проволоки и отчитаться перед мастером за исполненное задание.

— Да ты не такой дурак, каким кажешься на первый взгляд, — удивился человек в кожаном фартуке.

И пришлось встать к токарному станку, одному из немногих уцелевших. Делать нечего, представив кинематику этого нехитрого механизма, смело принялся за изготовление телескопической палицы с выдвижными шипами. Правда, досаждало, что Султанчик заглядывал через окошко, все

намекая на совместное распитие. Позвать каких-нибудь приятелей и обломать рога надоедам? Да кабы знать, кто тут приятель.

Внезапно соперник активизировался и запустил руку в открытую форточку. Чудовищная конечность отделилась от тела, проползла украдкой к станку и, пользуясь незаметностью, отвесила пощечину крутящейся заготовке. Я только успел сказать: «Опа», потому что кусок металла соскочил с крутила и двинул мне в лоб. Испугаться, кстати, не успел. Однако, ничего особенного не случилось.

Сыпанули искры в прямом смысле этого слова. Голова сработала как резиновая и напружиненная. Деталь отпрянула от чела, полетела, пробила другой станок, вызвав короткое замыкание и воспламенение. Я машинально потрогал лоб, который, похоже, схлопотал вмятину, но через несколько секунд все уладилось. Хотя по идее — головы вообще не должно было остаться! При этом я снова увидел контуры своей израненной башки с зонами деформации, к которым почти без моего участия устремились стрелочки. Повеяло морозцем и посыпался с шевелюры мелкий снежок. К переменам погоды добавился бешеный аппетит. Я сунул в рот гайку и хрупнул ею, как леденцом.

Товарищи по бригаде не заметили ни этого, ни мгновенно исчезнувшую виновницу происшествия, однако оценили мою победу и решили относиться ко мне со значительным уважением, как к интересному человеку.

Через полчаса мастер велел мне навестить литейный цех, проверить заказанные свинцовые отливки, которые пойдут в середку стенобитных ядер. Я мялся-мялся, не в силах толково объясниться, тем не менее подчинился. На удивление, никто не подстерегал меня на пустынных дорожках, и я вступил в литейный, напомнивший кузницу какого-то одноглазого монстра, в приподнятом настроении. Впрочем, настроение быстро упало ниже нуля. Пока я высматривал в красноватом пещерном полумраке нужные мне отливки, противник опять выпустил на охоту так называемую «руку», которая зашуршала то там, то сям, выискивая, где навредить.

Как вскоре выяснилось, я не зря занервничал. Лопнуло, должно быть, самое тонкое место — керамическая форма. Прямо на меня рухнула слегка остывшая болванка сочного томатного цвета. Я машинально протянул свои руки-крюки, принял в них раскаленную отливку, однако она выскользнула — мне на ногу — и откатилась в сторону.

На ладони было страшно посмотреть, однако пришлось.

Ничего особенного, если не считать того, что оказались они багрового цвета, который, впрочем, быстро пропадал. К тому же своим добавочным зрением озирал я испорченные и поврежденные слои кожи, усилием воли сбрасывал их и тут же наращивал новые. Линька шла на удивление оперативно.

Ступня же, ах, батюшки, напоминала ласту! Расплющилась из-за болванки. Да вот только не болела! На что, конечно, жаловаться грешно. Впрочем и ласта выровнялась, пока подбежали другие рабочие. Снова сделалась ногой. А ведь мог так и оставить ластой свою ступню. Или превратить, например, ее в копыто... Полная свобода выбора. Болванка, кстати, холодной стала, все тепло из нее утекло куда-то. Не в мои ли преобразования?

Начальник Жидкого Металла стал названивать Властелину Железа, докладывая о чуде, а трудящиеся-литейщики окружили меня, что народного сказителя, и внимательно, слегка прищурившись, смотрели в упор, не в силах сделать какое-нибудь предположение.

Невольный зачинщик сходки, то есть я, все менее смущаясь, скалился и открывал обозрению щербины рта, неухоженного зубным лекарем.

— Предлагаю почин. Организуем стахановское движение — носить горячий металл одними голыми руками, — бросал я в толпу зажигательные лозунги.

Собственно, я ничего не мог добавить или убавить из впечатлений литейщиков, ведь конечности мои при несчастном случае ничего особенного не претерпели, ни тяжести, ни огня. Ничего, кроме легкости и приятного холодка.

Я не такой как все. Это бесспорно. А какой же? Оборотень, шаман, наркоман?..

Мне велено явиться к Властелину Железа и как-то потешить его своими выходками. Неподалеку от литейного цеха расколупала землю сточная канава. Через канаву лежит мосток. Который под ногами внезапно лопается. Я кривобоко отскакиваю, попадаю на склон и пытаюсь удержаться. Тут все в крик: «Крюков упал... сам Крюков... лестницу туда... лестницу сюда». Под этот торжественный хор тоскливо соскальзываю по осклизлому грунту, внизу же меня поджидает демон Султанчик.

Он встречает меня в строительной каске, с неприятно почерневшим лицом и выдающимися на пять сантиметров клыками. Те впиваются в мои башмаки, я лягаюсь крепкими каблуками и рвусь вверх, как птица из силков. Конечно, безуспешно, лишь пересекаюсь взглядом с беспородным псом, который, поскуливая от страха и сочувствия, снует в

метре от меня. Товарищи по бригаде, хоть и поблизости, не производят ничего, кроме бестолковой суеты. А вот пес мне нравится...

Кажется, удалось. Челюсти движутся вперед, лоб назад, пальцы срастаются, тело покрывается шерстью, зубы крупнеют и заостряются. Надеюсь, девушки меня сейчас не наблюдают, хотя я мог бы похвастать тщательным соблюдением траектории изменений.

Я окончательно соскальзываю вниз по обледеневшей уже стенке. Однако есть теперь готовность к встрече с демоном. Щелкают оскаленные зубы, я приседаю на задние лапы, готовый в любой момент укусить наиболее болезненным образом.

Султанчик тоже не зевает и оснащается коротким широким мечом, который запросто появляется из его ладони.

Пора. Я распрямил пружины мускулов, шерстистое тело сорвалось с места, на лету мотнул головой, чтобы перехватить за запястье руку, направляющую клинок. Рванул зубами жилы врага, даже не жилы, а пластиковые трубки. Затем продолжил удар и выхватил из живота Султанчика клок какой-то шевелящейся требухи. Противник упал ничком, но заодно сплющился и стал похож на крокодила. Это превращение в мои планы не входило. Тем более что крокодил сразу сделал выпад и чуть не отчикал мне переднюю лапу.

6

Подбежавшие рабочие не могли долго вытерпеть того, что происходило в канаве. Полуволк, то есть вурдалак, бился с полукрокодилом. Вурдалак, ощерившись дециметровыми клыками, пытался ухватить гада за шею и увернуться от его усеянных зубами челюстей. Пару раз ему удалось полоснуть противника. Однако на боку у вурдалака уже появились глубокие борозды, сквозь которые проглядывались подвижные, а то и просто червивые внутренности. Рабочих стало тошнить да пучить от страха и отвращения, вдобавок всех колотило от холода, вследствие чего товарищи Крюкова разбежались кто куда.

А вурдалак, перемахнув через пресмыкающегося гада, тоже рванулся прочь. Вначале вдоль канавы, где оставил ледяную дорожку. Когда она кончилась, выпрыгнул наверх уже в виде большого-пребольшого, но все ж вполне нормального пса.

Человек, который стоял на посту подле мощных высоких ворот, был вырван резким властным голосом из послеобеденной дремы, насыщенной перевариванием цыпленка. Вызывал по дряхлому телефону Начальник Порядка, и приказ у того был повергающий в смятение, как говорили встарь, неоднозначный. Чтоб убил служивый человек собаку, перебирающуюся с Завода в город. «Я освобождаю вас от химеры, называемой совесть», — пошутило напоследок начальство, но тон его не оставлял сомнений. И приказ вошел в стражника, как иголка в бабочку. Ведь охранный воин не подозревал, что Начальник Порядка сейчас валяется, уронив голову в корзинку для бумаг, а из его будки выходит странный посетитель с челюстью, свисающей на грудь, в большом плаще, из под которого виднеется кончик зеленого хвоста..

Стражник пригляделся — по обочине дороги чуть боком трусила навстречу приговору истории облезлая помесь дога с носорогом, здоровенная псина с шрамами от некогда глубоких порезов на боках. Борьба человека с совестью длилась недолго, и та уползла зализывать побои в свое логовище.

Страж Ворот вытащил из кобуры большой пистолет, изготовленный тут же на Заводе и приспособленный под винтовочный патрон. Однако хитрозадая псина притормозила в десяти метрах и вопросительно посмотрела. «Ну что ты, что ты, песик, проходи, вохра дает добро». Однако «песик» основательно засомневался и решил не доверять краснорожему детине. Наоборот, стал припадать на передние лапы и урчать утробным голосом, вытаскивая на свет два щербатых клыка. Стражник почувствовал, как разгуливается в нем злость на вредную тварь, которая не дает себя убрать быстро и благопристойно. Не зря ее, падлу, приговорили к расстрелу — начальство понимает. Наверняка этот пес — людоед. Сейчас людоедов много развелось.

Стражник, расставив ноги и слегка присев, принялся активно ловить на мушку неприятельское животное, которое, к тому же, коварно сновало и цинично вертелось. Но в разгар охоты к воротам подъехал со стороны цехов паромобиль, нагруженный палицами, секирами и моргенштернами.

Охранный воин готов был поклясться на Уставе Стражи и других священных книгах, что собака вдруг запрыгнула на капот свистящей и гудящей машины. Затем ударом морды пробила ветровое стекло, ухватила машиниста зубами за воротник и вышвырнула его вон.

Шофер, лежа на земле, сучил ногами и изрыгал мерзости, машина же медленно, как полагается паровым повозкам, стала набирать скорость.

Вдруг очнувшийся стражник с театральным воем: «У-у-умри, тварррь» стал всаживать в кабину винтовочные пули. Но без толку. Паромобиль был угнан, причем непонятно кем и чем.

7

Машинист-водитель, оказавшийся «за бортом» не по своей воле, мигом оповестил Воинов Дороги об угоне. Те, находясь на службе у Березовского князя и кормясь поборами, хохотнули довольно и быстро выехали со своей заставы. Догнать паромобиль на дизельной повозке не стоило больших трудов.

При въезде на бывшее магистральное шоссе Воинам Дороги удалось перегородить путь угонщику. Тот пытался развернуться на рытвинах и ухабах, но лишь забодал лошадь с телегой.

В итоге все участники дорожно-транспортного происшествия свалились в придорожную канаву, образовав кучу-малу, почему-то покрытую инеем и даже ледяной корочкой. Однако наблюдателям пришлось удивиться, когда коняга выбрался из кучи, особенно не пострадавший, с телегой, но без возницы. И вдруг как бешеный помчался по дороге, отчего-то оставляя передними ногами собачьи следы. Досмотр обломков паромобиля убедил Воинов Дороги в том, что угонщика ни в трупном виде, ни живьем там нет. Более того, им стало ясно, что мерзавец как-то замаскировался и ускакал.

Тогда Властелин Неба поднял в воздух летак-биплан, чтобы тот ликвидировал безобразие в назидание всем и каждому. Однако ни лошадь, ни телега особо не прореагировали на пулеметные очереди и даже бомбу. Тогда пилот биплана Стуков с виража стал пикировать на цель, ведя по-прежнему плотный огонь.

Что потом произошло — народная молва расходилась во мнениях. По крайней мере, от Стукова по радио успели услышать, что лошадь превратилась в большую полуптицу, которая летит навстречу. А потом новоявленный Пегас лягнул копытами ероплан, отчего тот вскоре шмякнулся на землю.

Стуков так упал, что мощные колдуны едва-едва собрали его потом, но все ж остался в списочном составе Небес-

ного Воинства. Оправившись, летчик рассказывал, что крылатое существо, пробив копытами фонарь, просунуло внутрь кабины человеческие руки, которые ударили по шлемофону и в глаз.

8

Большая гордая птица волочила перебитым крылом неподалеку от места авиакатастрофы. Наконец она заползла в кусты бузины и больше не появлялась, зато листочки с ягодками покрылись инеем. Когда они оттаяли, оттуда вылез обшарпанный бродяга, который направился к крепости-филиалу. Таких, как он, шаталось много по дорогам. После развала индустриальной оболочки Земли деревенский труд принял в свои корявые объятия сотни миллионов граждан, желающих самостоятельно вырастить себе харчи. Но кое-кто, из особо одаренных, понял, что проще будет нарвать яблок с придорожного дерева или попросить гнусавым голосом на пропитание.

Среди воришек попадались принципиальные — члены секты «октябрят». Те считали, что Дух Ильича подсказывает им, кого можно обчистить, то есть избавить от грязи, которой является имущество. Все свистнутое они благородно делили на всех холопов и прочих «трудящихся». Украденное пианино так распиливали, что каждому по полешке доставалось, от коровы стибренной каждый желающий по косточке обглоданной получал.

Бродяга все более профессионально гнусавил у ворот крепости. Однако он увязался следом, когда из филиала выехал местный Властелин Чистоты, профессор Васильев, в карете, запряженной четверкой шикарных гнедых коней. В удобный момент нетрудовая личность ссадила казачка с запяток и добралась до красивого домика с высоким резным забором. Потом залезла на ближайшую сосну, чтобы разглядеть того, кто встречает профессора. Вернее, ту.

Это была «конфорочка» Люся, с которой вся гадость пошла быть. Бродяга на хорошем ускорении проложил путь через забор, оставляя за собой в воздухе шлейф из ледяных кристалликов...

Светелка Людмилы Бонбон, или, как ее называли друзья-поклонники, Люси Б., тянула на звание будуара. Об ученых занятиях напоминал лишь чемодан с материалами диссертации, смирно лежащий под кроватью альковного типа. В самом деле, кровать чаще пускалась в ход, чем че-

модан. Людмила называла себя женщиной на самоокупаемости, а не на дотации. В этот вечер Люся Б., сидевшая без лишней одежды перед зеркалом, занималась тем, что выщипывала лишнюю часть бровей. Ждала, что появится Васильев: грозный глава березовского филиала, он же верный вассал Владыки Чистоты, он же профессор математической экологии, он же шаман высшей категории, на которого регулярно нисходит Дух Чистоты. Он же — просто Васишка. Еще у него страшно скрипела при чесании борода, которая, к тому же, всегда полнилась крошками. Вот уже заржала у ворот четверка его коней.

Однако перед появлением нужного человека, в спальню с порывом холодного ветра неожиданно ворвалась мама, какая-то возбужденная, с красными и зелеными пятнами, которые блуждали по пускающей пар физиономии.

Взъерошенная родительница открыла рот: «Доченька, что ты все скрываешь от своей старенькой мамы?». Людмила удивилась: «Чего это вы, мамо?», ведь старушка никогда не забывала подслушивать, подсматривать и поднюхивать. Однако, молодая женщина изумилась донельзя, когда в комнату ввалилась еще одна мама, только с обычным румянцем лица и, ликуя, с ходу завела: «Ага, опять сюда пожаловал этот властелин фекалий. Каких-таких сраных наук он профессор? Ах, на него нисходит Дух Чистоты, так пускай берется за метелку и совок. Тоже мне феодал нашелся». Тут вторая мамаша заметила первую и уставилась на нее, по выражению калимантанцев, как варан на новые ворота. Первой маме стало неловко от пристального неразумного взгляда — ковыряясь у себя в ногтях, со словам: «Чего-то жарко, сколько градусов сегодня?», она стала отступать к дверям.

Но как раз в комнату заглянул веселенький профессор Васишка: «Ку-ку, вот и я к вам. Знаете, этим утром мне пришли в голову такие чистые строки: «Направившись к толпе берез, мудрец любил их, не боясь заноз». В ответ странная пятнистая маманя взяла «мудреца» за ноздри, отчего нос сразу окрасился багрянцем, как месяц из известной матросской песни, и сказала:

— Ну чего раскуковался в этих сложных неоднозначных обстоятельствах? Придуриваешься, что ли?

— Не придуриваюсь, я в самом деле такой, — чистосердечно сознался шаман-профессор, отчего пятнистая мама пробила ему пенальти — кулаком в лоб. И, перешагнув через полегшее костьми тело, скрылась в сумерках коридора. Минут десять спустя вторая, то есть ныне единственная

мамаша прекратила кататься в истерике, заодно профессор вышел из нокаута. Поиски первой мамы, проведенные вооруженной челядью госпожи Людмилы и березовского Властелина Чистоты, дали отрицательный результат. Собравшиеся приняли устную резолюцию, в которой постановили считать сбежавшую личность то ли разбойником, то ли тюркским лазутчиком. То ли дружком Васишки. Сам шаман-профессор в последнем варианте решения голосовал против. Затем двое холопов унесли маму.

— После всего совместно пережитого... — «после всего» Васишкин голос стал еще гнусавее, — вы моя экология, вы воплощение первозданной Чистоты. И я хочу вас видеть, так сказать, без приписок. Чтоб, не занимаясь экстраполяциями, провести точный математический анализ ваших прелестей и осознать Дух Чистоты непосредственно.

Затем процитировал себя: «Мудрец Людмилу познавал рассказом о себе, а дева, ведая мораль, укрылась в водке и вине».

Люся Б. не стала обнажаться, напротив, закуталась в трофейный китайский халат — один казак подарил — и выскользнула из протянутых рук учёного. Обольстительная. Пантера. Побежала проверить, захрапела ли маманя.

Профессор плюхнулся на люсин водяной матрас и несколько раз подпрыгнул, подумывая о приятном. Закрыл глаза. Открыл, когда показалось, что скрипнула дверь и дунуло морозным ветерком.

Перед ним стояла фигура, его собственная. Васильеву вначале показалось, что это всего лишь кукла. Однако фигура моргнула, и размякшая челюсть профессора легла на грудь.

Уже мгновение спустя ошарашенный человек рванулся, пытаясь распрощаться с комнатой ужаса при помощи окна. Двойник с полуприседа прыгнул следом и, растянувшись, успел зацепить стремглав улепетывающего за щиколотки. Тот, рухнув шлагбаумом, еще пытался отпихнуться и уползти. Оборотень, скакнув, как крокодил, из положения лежа, окончательно настиг беглеца-профессора. Схватил за оттопыренные уши, и, сверкнув своими глазами, будто лампочками, шмякнул лбом об пол. Потом, быстренько обшарив карманы отключившейся жертвы, выудил оттуда скомканную для туалетных дел бумажку, кстати, гербовую, с таким вот содержанием: «Владыка Чистоты — своему слуге шаману-профессору Васильеву. Дознать о причинах пропадания Блюстителя Кологривова и доложить в пятидневный срок». И приписка корявым почерком (видимо, получателя письма): «Спросить Посла».

После этого шаман-профессор был затолкан во встроенный шкаф. Когда оборотень закрывал дверцу, уминая выпирающие части тела, в коридоре зацокали каблучки Люси Б. Оставшийся на ходу мужчина, подобрав букет, сиганул на постель под розовый балдахин. А улегшись, несколько раз свел и развел свои руки, пропустив между ними черточки разрядов.

— Что там за клопик завелся в моей кроватке? — оценила «выходку» Люся Б. — Профессор, рано вы сняли очки-велосипед, нас еще ждет расчет динамических тензоров из пятой главы и составление заклинаний Духа Чистоты из седьмой.

— Это кощунственно, в конце концов! — возмутился лжеученый. — Во-первых, мы опаздываем.

— Наоборот, все успеваем.

Оборотень-профессор казался застигнутым врасплох и даже думающим.

— Так вот... Наша наука похожа на водяной матрас, — начал он, явно выискивая верные слова. — Чем сильнее налегаешь, тем больше отдача... В общем, целесообразно для увеличения знаний, чтоб вы находились между матрасом и еще одним ученым...

— Ну, Васишка, — закапризничала дамочка, — только я хотела заниматься, вы опять про другое. Что во мне такого интересного?

— Зачем вам заниматься, надо просто мыслить. А мыслить лучше голым. Это нулевая аксиома Евклида. От нее у древних греков случился такой взрыв науки. Мы же аксиому не соблюдаем — и налицо спад.

— Нет, не спад, а вон какой подъем, забыли, что ли, про свои доходы? За что вам подарили столько земли вместе с крестьянскими дворами? Вот и давайте про тензоры, — настаивала Люся Б.

Лжепрофессор не унимался, началась и закончилась возня. Васишка-Второй с вывернутыми руками прокричал:

— Сдаюсь, побежден я силой обаяния. Пусть будут проклятые тензоры. Только я хотел кое-что выяснить вначале. Этот козел из центрального Храма Чистоты, Кологривов... Не кажется ли вам, что кое-кто с ним поторопился?

Люся мазнула лжепрофессора несколько недоумевающим взором.

—«Кое-кто». Таким словом вы обозначаете свою собственную деятельность?

— Я просто не могу выражаться яснее, вдруг нас подслушивают, — стал оправдываться Лжевасильев.

— А сальности выражать ясным голосом вы в состоянии?.. — улыбка не сползала с идеального лица, однако лжепрофессор почувствовал наэлектризованность Люси Б. — Послушайте, уважаемый, пока вы не сдрейфите, никто не узнает о наших операциях. Любой расследователь отправится по стопам Кологривова.

— Но все-таки я хотел повстречаться с Послом... — оборотень повел глазками вверх, в сторону неба. — Пусть неземляне обеспечат нам надежное прикрытие в центральном Храме...

Вместо ответа Люся встрепенулась молодым телом из-за зашумевшего грозно шкафа.

— Ой, боюсь, — сразу пожаловалась она.

— Прижмитесь ко мне, и все пройдет, — посоветовал лжеученый.

— Я как раз прижималась, когда оно случилось, — резонно возразила дама и отшвырнула от себя Лжевасильева. Вынула из-под подушки пистолет, изящный, дамский. Подкралась, гибкая как дикая кошка, к шкафу и резко дернула дверцу. Оттуда вывалилось тело, в котором нельзя было не признать профессора Васильева. Еще одного.

— К стене, — металлизированным голосом скомандовала Люся Б. — Оба. Шаг влево, шаг вправо, считается побегом, стреляю без предупреждения.

Двойники по внешности и профессорскому званию исполнили приказ с охотцей, быстро, точно, поглядывая друг на друга искоса, но с ненавистью.

— Это же я, Васишка, — уговаривал один, — тот самый, что построил функцию нагрузки на канализацию в зависимости от качества потребляемого населением продовольствия.

Другой долдонил:

— Двадцать лет жизни я изучал влияние посещаемости библиотек на количество заболеваний триппером. Ну, помните знаменитый вывод: никакой связи нет... А вот этот тип — фантом.

— Спустить штаны, задрать рубашонки, — продолжила проверку решительная женщина.

— Это разве удобно? Все-таки заднее место оголится, — поинтересовался кто-то из Васильевых.

— Знаешь, сколько я их видела, твоих мест? Если склеить вместе, получится ВДНХ. — Дама стервозно поторопила джентльменов. — Сейчас будет финал, приготовьтесь. У настоящего профессора Васильева на попе татуировка с изображением секретного знака Воина Чистоты. А вот лже-

ученого придется пристрелить как собаку. Дело в том, что хоть я добрая, могу убить сгоряча — потом, конечно, переживаю.

Заключительных слов один из Васишек не выдержал и бросился к распахнутому окну — свинец срезал его уже на подоконнике — невезучий человек повалился назад, дернулся, затих. Первая пуля пробила затылок и вышла через лоб, заодно высадя глаз. Вторая прошила грудную клетку, залив кровью кружевной галстук.

Люся Б. снова улыбнулась. Довольно мило. Оставшийся в живых, а именно профессор-из-шкафа, помахал татуированной попой, как знаменем полка, и, довольный, натянул штаны. Люда сунула пистолетик под вышитую подушку со словами: «Вот теперь все честно, по справедливости. Кто неправ, тот задвинул кеды в угол».

— Между прочим, я еще участвую в беседе, — наповал сраженный внезапно ожил, выхаркнул багровый сгусток, оглянулся одноглазым лицом и выбросился со второго этажа. Люся вытащила из-под кровати винтовку, прицелилась с подоконника и выстрелила.

— Попала... Нет, ушел гад в канализационный люк. Эх, давно собиралась забетонировать его. — Людмила в сердцах сплюнула и растерла изящной туфелькой с помпоном.

— Барин, — послышалось снизу, — вы живы аль преставились?

— Профессор, подойдите-ка к окошку, — снисходительным голосом велела Людмила, — ваши холопы интересуются.

Бледный полубезумный истинный профессор появился пред глаза своих мужиков и отослал их за забор мановением трясущейся руки.

— Этот оборотень, что ль, только слегка умер? — спросил Васильев у Людмилы. — То есть, кто он такой?

— А вы, большой ученый, так и не догадываетесь? — с презрительным раздуванием ноздрей произнесла Люся Б. — Это ж Кологривов.

— Да ну?.. Неужели он вышел из-под контроля?!

— Не исключено, что благодаря вам. Похоже, ваша группа не совсем понимает, какую информацию перекачивает из исходного тела в синтетика. А если сейчас появится Почкин и повстречается с Марком Матвеевичем?

— Ну, мы не позволим им пересечься.

— Не вы, а *мы* не позволим, — неожиданно для профессора заявила Люся.

Васильев несколько опешил.

— Люсенька, я же вас и привлек к этой работе по указанию Посла... — профессор воздел глаза к потолку. — Теперь, создается впечатление, что вы меня как-то отодвигаете.

— Да, вы меня привлекли. — Голос Люси помягчал снова, движения стали плавными, она уронила кудрявую головку на бороду профессора, а своей сладостной ручкой провела по...

— Между прочим, Людмилушка, я недюжин во всем.

Васишка радостно заскулил, он расстегивал пуговки ее халата, его прошибала сладкая волна гормонов и прочих флюидов. Одновременно профессор едва поспевал размыкать свою ширинку. Одновременно шаман делал подножку дамочке, чтобы поскорее приступить к делу.

— Нет уж, я сверху, — замурлыкала красотка, с чем профессор-шаман немедленно согласился. Люся оседлала ученого и тот отзудил свое.

— Отпусти, сладкая моя, — наконец сказал он, имея ввиду свой прибор для половых действий.

— Он тебе больше не понадобится, — мило сказала Люся и наклонила к шаману-профессору свое лицо. При том ее челюсти выдвинулись вперед и из них потянулись клыки.

— Оборотень, — прохрипел ужасающийся Васишка. — Еще один.

— Нет, квибсер, — спокойно возразила Люся.

— Квибсер! Но ты же никогда не проходила через телоприемник!

— Каждый отдельный человек не должен знать обо всем. А теперь тебе не надобно беспокоиться вообще ни о чем. Ведь Посол — нынче это местный житель. Если точнее, именно я возглавляю свою синтетическую Девятку, именно я претворяю волю Космики. И я приказываю тебе исчезнуть.

Зубы Посла прокололи основание шеи у профессора. Васильев дернулся, но боль исчезла сразу. Поэтому он наблюдал, как клыки красотки вскрывают и вспарывают его, как ее руки погружаются в его живот и начинают перекладывать наиболее ценные внутренности в пакет, как ее пухлые губки проговаривают: «Фу, липкий какой».

Порой она что-то поспешно жевала или с хрустом разгрызала косточку, и в итоге залила весь подбородок дымящей кровью. Писаная красавица пожирала несносного урода.

— Красота спасет мир, — шепнула она в утешение. — Некрасивых, противных надо просто скушать. Тем более,

что в них так много полезных, приятных и легкоусваиваемых веществ.

Перед тем как чувство зрения стало изменять главе филиала, он заметил, что расчленительница меняет свой облик. Свой облик на его — васильевско-профессорский. Он ощутил холод и больше ничего... Соратница повела с ним себя достаточно мило и избавила от необязательных мучений.

9

Кологривов не сразу нырнул в канализационный люк. На какое-то время он залег в кустах, жалко всхлипывая из-за того, что опростоволосился. Нелюдь, известная как Люся Б., конечно же, отсканировала его еще в начале визита, но не стала торопиться с расправой. Напротив, поваляла дурака (или дуру) ввиду присутствия истинного профессора Васильева.

Маленькое, холодное и мокрое ткнулось в щеку Кологривова. Оказалось, что собственный глаз подполз к нему с помощью стебельков, которыми он ранее крепился в черепе. Марк Матвеевич поднес столь важный член тела к глазнице.

Однако разрушенное око не смогло при всех стараниях занять прежнее законное место, стебельков-корешков явно не хватало. Но все-таки сумело показать кино, заснятое у дома врага. Кологривов увидел словно вживе, что от Люси выходит профессор Васильев и на его одежде поблескивает иней. Какой-то непорядок. След оборотничества! Некто превратился в шамана-профессора Васильева?! Впрочем, подранку Кологривову сейчас было не до расследований.

Кусты вывели его к люку позабытой-позаброшенной сточной системы. В ее трубах не было пусто. Помимо всякой живности, в канализации водились люди: разбойники, попрошайки, ковырятели дерьма и прочие вольные добытчики. Они не стали вступать в контакт с человеком, имеющим по дырке в голове и груди.

Кологривов скорчился в каком-то темном углу. Там запихнул в рот кусок хлеба, позаимствованный у одного подземного жителя, заодно пару крыс, которых схватил молниеносными руками. Пальцы сейчас погружались в пробитый лоб целиком, в разверстой груди можно было разглядеть какие-то подвижные, порой разорванные трубочки с пупырышками, также нечто густое, пузырящееся вроде горячей каши. Только каша эта была не горячей, а холодной,

звенящей, искрящейся. Несмотря на оторопь, Кологривов поддел пальцем кусочек непонятного вещества, и разглядел, что состоит оно из тоненьких волокон с пузырьками. Прямо на глазах, нисколько не стесняясь, эти ниточки прорастали и искали друг друга, чтобы соединиться. А еще Кологривов чувствовал нарастающую слабость во всех своих членах.

Марку Матвеевичу очень захотелось понять, в чем же дело. И перед внутренним глазом поплыли надписи странного содержания.

СУБНУКЛОНОВЫЕ КОНВЕРТЕРЫ.

ФАЗА 1. СУБНУКЛОНОВАЯ ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ ПЕРВИЧНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ. КИСЛОРОД, АЗОТ — НОРМА. УГЛЕРОД — 40%. ВЫРАБОТКА ЭНЕРГИЙ — 30% ОТ МАКСИМУМА.

ФАЗА 2. СУБНУКЛОНОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ТКАНЕЙ ТЕЛА. ВРЕМЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ 12 ЧАСОВ ПРИ СОХРАНЕНИИ УРОВНЯ ПОДАЧИ ЭНЕРГИЙ И СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ.

РЕКОМЕНДУЕТСЯ УВЕЛИЧИТЬ ПРИЕМ УГЛЕВОДОРОДОВ, ВОССТАНОВИТЬ КАНАЛЫ ЭНЕРГООБМЕНА С ДЕВЯТКОЙ.

Но Кологривов не желал никакого обмена с Девяткой, он экранировал из предпоследних сил свои излучения — лишь бы монстры не засекли его. А из последних сил он вполз в какую-то щель, где набросился на глазах у изумленных ее обитателей на солому, устилающую бетонный пол.

Через девять часов затянулась рана на груди, однако глаз прорастал куда медленнее и еще был прикрыт бельмом.

За это время о Кологривове разнеслась по подземельям то ли дурная, то ли добрая слава, как о демоне — пожирателе крыс и соломы, — которому не мешает дыра в голове. Некоторые личности подбирались к нему и пытались поклоняться. Жертвоприношения были в кайф, но Марк Матвеевич понимал, что излишняя реклама ему ни к чему, можно по-крупному засветиться.

Поэтому он, проплыв и протопав путями сточной системы, выбрался из люка где-то в центре города.

Где увидел ослика из породы полуразумных мутантов, который едва брел, страдая от одышки и икоты. Что-то не ладилось у домашнего животного со здоровьем, отчего ему приходилось хлебать то и дело из луж, бока у него болтались как у бурдюка, однако он не забывал поводить своими ушами, как локаторами. И к тому же направился прямиком к Кологривову.

Лет двадцать киберсистемы активно занимались выведением пород животных со способностями мозга, достаточными для замены человека на простых работах. Дворницких, малярских, официантских. Делалось это с помощью самонастраивающихся вирусов развития. Такие вирусы действительно вшивали гены разумного и доброго в животных, но иногда могли переборщить, отчего получались монстры. Живущие, размножающиеся и неплохо себя чувствующие до сих пор, хотя зачинатели экспериментов — кибероболочки — давно вышли из обращения. Правда, и в жизни монстров бывают огорчения.

Ослику стало совсем невмоготу, он примостился неподалеку у стены и затих. Причем Кологривову отчетливо показалось — животное здесь оказалось неспроста и как бы намекает на что-то.

Через пять минут появилась хозяйка осла. В таком месте, почти в центре города Березов! В полночь, когда может безболезненно проехаться лишь бригада рабочих в бронированном паромобиле. В полночь, когда этой частью суши безраздельно владеют силы зла — происшедшие от людей мутанты-«генераты». В полночь, когда творятся их непонятные бесовские игрища. Которыми, как считают некоторые прозорливцы в Храме Чистоты, руководят сигналы, прилетающие из империи Космика. Но простому люду известно одно, что генераты порождены злым Духом Грязи.

Итак, возникла тощая востроносая девица, подхватила этого недобитого осла и хотела уже выбираться назад. Ей было жутковато, фигурка ее съежилась, глаза то и дело озирались.

И не зря.

Позади ее, легки на помине, появились две широкие тени. Девица, ойкнув, глянула вперед — там мрачным памятником стояла еще одна фигура.

— Кого ждала, кого любила я... — фигура протянула свою правую руку. То, что должно было оказаться кистью и предплечьем, вырисовалось в огромную клешню с синеватым металлическим отливом. — В ней помимо металлоорганики полно нервных клеток, так что не злите ее, а просто поздоровайтесь.

Девчонка спрятала свою ладошку за спину, а клешня пощелкала на разные лады, затем убедительно перекусила стальной прут. торчащий из земли.

— Или, может, поцелуемся? Я люблю взасос. — Язык того генерата, что предложил «поцелуй», вывалился на полметра, заболтался расслабленной змеей, а потом напряг-

ся и стал трубой. Средство для поцелуя еще заизвивалось, показывая свои способности и, наконец, всосало для разминки лужу. — Вы понимаете, красавица, каковы возможности других моих членов?

Еще один участник встречи поклонился, как артист, обхватил двадцатисантиметровыми пальцами тополек, стоявший у обочины, и бесхитростно срубил его двумя парами дециметровых зубов.

В начале представления девица явно перенасытилась гормонами остолбенения, но столбняк помаленьку испарился, и ужас ее стал приобретать осмысленный характер.

— Сударыня, осмелюсь предложить вам народную игру в пятнашки, — вежливо произнес «краб». — Вы убегаете, мы догоняем. Причем вы получаете фору, потому что мы сперва разойдемся на все четыре стороны, а уж потом начнем. Учтите, каждый запятнавший возьмет у вас то, что ему нужно. Но вы не беспокойтесь. Причиненный вам ущерб будет обязательно возмещен любовными ласками — в знак понимания вашего нежного возраста. И вообще, причин для огорчения нет, мы всегда так балуемся.

Над родителями этих генератов когда-то поработали «ручные» вирусы высокого уровня. Папашам и мамашам лечили шизофрению, диабет и прочие болезни, вызванные генетическими отклонениями. Вирусам была привита задача — найти и убрать гены, виновные за столь нехорошие болезни. И вирусы почистили организм с гарантией. Только выброшенные гены оказались ответственными не только за болезни, но и за биологическую устойчивость вида Homo Sapiens.

Поэтому, когда не стало многообразия болезней, наступил видовой плюрализм, и из Homo Sapiens пророс целый букет генератов: Homo Lupus (вурдалак, ликантроп), Homo Vampiricus Desmodus (упырь), Homo Rattus (человекокрыс) и так далее.

Когда Асе настал черед удирать, ужас сразу превратился в полезную энергию, от которой четко и ясно заработали мозги. Мгновенно была выработана траектория наиболее быстрого и безопасного движения. Однако со смекалистой девочонкой играли в свои игры особые существа. И они играли, конечно же, по своим правилам. Для генератов охота была естественной формой жизни.

Первым — на развалинах спортзала — повстречался владелец страшных зубов. Он стал щелкать ими в разных углах мглистого помещения в ритме какого-то вальса. Но в тот момент, когда, желая ухватить кусок сладкого де-

вичьего тела, пасть стала очень близкой и призывно распахнулась, возникло нечто. «Нечто» представляло собой точную копию девчонки.

Это второе «я» одной рукой схватило верхнюю челюсть злыдня, другой нижнюю... и пасть разорвалась, брызнув кровавыми струйками. Зрелище оказалось слишком сильным, и путешественница завизжала. Когда она осмелилась посмотреть снова, то двойница исчезла, и стало ясно, что все привиделось. Однако, не слишком красивый труп лежал у ног девицы.

На звук явился человек с особым языком, он пытался опустить свой инструмент девушке в нутро и поцеловать «до попы». Но опять второе «я» появилось неизвестно откуда, ухватилось за окаянный отросток и стало ненатужно раскручивать тощее тело неприятеля. Через десять секунд языкатый человек был расплющен об стену. Однако от дублерши опять никаких следов. Девица изумилась, выходит, что кровавое пятно на стене — ее рук дело. Но вопить не стала, потому что привыкла. Привыкла к тому, что ей содействует демон-хранитель. То есть происходит нечто непонятное, чем, однако, обязательно надо воспользоваться без всяких возражений.

Получилась отчаянная тишина. И в этом молчании ослик неожиданно подал немелодичный голос.

Уже через минуту Ася держала за шкирку своего осла Никиту, который чудным образом оказался живым, невредимым и поблизости. Только вся его шкура была в изморози, будто вынули его минуту назад из морозильника. Тоже факт, ставящий в тупик, однако меркнущий перед радостью встречи со столь любимой длинноухой игрушкой.

Когда хозяйка вместе с домашним животным перебралась через рвы, оставшиеся от стволов метрополитена, то встретились с отрядом городской стражи. Стражники хоть и пощипывали девушку за ляжки, но все ж таки доставили ее к дому, возле которого уже бегали с дубинами, факелами и криками дворовые люди.

10

Мама Аси трудилась где-то за Сатурном, и дома бывала раз в три года. Вернее, тамошнее начальство уже три года не пускало ее отдохнуть в родные края. Раз в месяц дочка передавала ей с попутной грузовой ракетой весточку типа: «Живу хорошо, у бабушки все дома. Не волнуйся за розы — они давно засохли. Ася».

Некогда здесь бывал и батя, капитан то ли пиратской, то ли торговой шхуны, которая моталась и по Северному океану, и по Тихому, вплоть до американского государства Калипони. В свое время он получил дворянство вместе с поместьем от Теменского великого князя за то, что доставил ему из Нового Древнего Египта секрет мумификации, позволяющий надолго обеспечить жизнерадостный вид и хорошее настроение мертвецу.

Но потом папаша, плюнув на поместье, стал захаживать в Березов все реже, наконец, и вовсе растаял в тумане — поменял порт приписки, как трактовала это Асина мама («Приписьки», — как выговаривала бабушка, не ведая греха). Кстати, бабушка, будучи запуганной великими потрясениями представительницей забытой деревеньки, все никак не могла поверить, что в доме имеется пятеро слуг и две кухарки. Поэтому считала, что живет со своей внучкой в общежитии.

Да, благодаря мамаше в Асином доме было порядком всяких приспособлений, которых на Земле с огнем и мечом не сыскать. Конечно, отсутствовали кибероболочки, то есть терминалы и роботы. Пятнадцать лет назад это хозяйство было сметено кибернетической эпидемией, зараза поразила даже изолированные компьютеры. Асина мама как-то объясняла, что помимо программных вирусов виноваты некие грибки, который чрезвычайно возбуждаются от тактовой частоты вычислительной машины и харчат до последней молекулы полимерную основу дисков — информационных носителей.

Зато имелось в доме несколько прилично оразумленных мутантов. Такие, конечно, на Земле присутствовали в большом количестве. На воле бегали запрограммированные волки, которые кушали только бродяг-алкоголиков и одичавших овец. В поместьях крупных феодалов проживали весельчаки-медведи, они сторожили владения, сжимая большие дубины в лапах. А в крестьянских хозяйствах мекали козлы, ржали лошади и брехали собаки несколько повышенной разумности. Меканьем, ржаньем и бреханьем они даже могли выводить разные мелодии. Но в Асином доме квартировались зверюшки-мутанты совершенно необычайных способностей.

Ася Шерешевич самостоятельно и к тому же украдкой от Храма Чистоты прививала разум животным. Малолетние звери получали вирусную инъекцию разумности «ММген», отчего генный аппарат мозговых клеток становился куда совершеннее и начинал производить белок ММ-12. Эти

длиннющие молекулы чрезвычайно годились для наращивания ассоциативной памяти, благодаря чему коты достигали умственного коэффициента первоклассников, попугаи — пятиклассников, а обезьянка породы гиббон поднялась на уровень политика средней руки.

Кстати, бабушка стремительно удирала от оразумленных монстриков, поэтому проблемы не представляла. А слуги отлично слушались обезьянку в генеральском мундире, которая командовала с помощью жестов. Эта исполнительность была единственным плюсом дворовой челяди.

Как раз наступало время утреннего моциона, все обитатели дома получили по команде генерала-обезьяны свой завтрак, а «отличившийся» ослик не слишком радостно захрустел овсом. Сегодня любимое животное было совсем квелым. Вчера же вечером повело ушами как антеннами, потом номер отмочило — удрало безо всякого спроса! У длинноухого и раньше всякие закидоны случались. Может, инъекция разумности была ему сделана какая-то нестандартная или дефективная?

Да не шпион ли он?... Впрочем, подобную инъекцию и попугай получил. Кстати, эта птица тоже незаурядная, схватывает все на лету (в прямом и переносном смысле), способна поддерживать нешуточный разговор. Те ампулы «ММгена» попали к Асе три года назад, а произведены были на каком-то спутнике Сатурна — Титане, что ли. На них еще имелись астрологические значки этой планетки.

Когда Ася хотела покумекать — что могли подмешать сатурняне в «ММген», — домашние звери-интеллектуалы вдруг переполошились, а попугай мужественно пропел: «Стоим на страже всегда-всегда. Ударом мощным сметем врага. Дальневосточная, смелее в бой...»

А затем в дверь позвонили, причем очень настойчиво. «Не отпирай ни под каким соусом», — тревожно забубнил разумный попугай.

— Без сопливых обойдемся, я пока в доме паханша, — отозвалась Ася, однако к двери направилась с большой настороженностью и с сверхострым мечом в руке.

На пороге лежало двое холопов в состоянии то ли сна, то ли обморока, по крайней мере, они болезненно храпели.

А еще на пороге застыл некто. Отчасти смахивающий на папиного друга Николая, тапки длинные, как лыжи, зипун до колен и борода на щеках. Тот бородатый фраер почему-то наведывался, даже когда папаня прочно скрылся за горизонтом. В последний раз Николай-хам так вмазал разумному коту, который уже читал книжки, что зверь на-

прочь разучился грамоте. А с другой стороны, уши у Николая были оттопырены, у этого же типа прижаты. Ася решила называть визитера Как-бы-Николай. И заодно почему-то вспомнила двойника, трижды спасавшего ее ночью. То был демон-хранитель. А нынче кто пожаловал? На хранителя не шибко похож...

— Вам, собственно, чего надо, уважаемый, после наглого побиения моих холопов? Только я имею право их бить, пороть и всячески наказывать.

— Извините, мы просто столкнулись лбами. — Гость ткнул пальцем в лежащих. — Поэтому у них ноги подвернулись. А мама дома? — спросил, скалясь, Как-бы-Николай.

— Вы бы лучше про папу спросили. Да и нет никакого дома, один адрес остался.

— А сколько сейчас в доме оразумленных мутантов? — подобрал другой вопрос незваный гость.

— В этом доме для вас пусто, — вежливо ответила Ася и хотела оборвать беседу. Но дядя отжал дверь плечом и показал ярлык. Ярлык Владыки Чистоты, которого всякий опасался. Там были изображены два сплетенных вихря, черный и белый.

— Мы ищем Нечистого, он у тебя, мне все известно. Он может принять любой облик, — продолжал упорствовать Как-бы-Николай. — Надобно его изъять.

— Почему?

— По инструкции, девонька. Мы инструкции читаем, а не романы.

Ася смутно подумала, что речь идет об ее ослике, который не просто оразумленный осел. А кто же? Случилась какая-то трансформация? Однако ей захотелось разобраться самой, без участия подозрительного визитера.

— А мы, уважаемый, читаем романы. Так что «до свиданья», неприемный день. Рассказывайте про Нечистого своему Владыке.

Тогда «дядя Николай» без дальнейших разъяснений двинулся вперед. Ася уточнила:

— Значит, вы настаиваете?

— Мы всегда настаиваем.

— Это неинтеллигентно и неблагородно, — напомнила девушка и, схватив свой меч, сделала выпад. Без особых церемоний. Однако стальное лезвие Как-бы-Николай шутя смахнул на сторону ладонью. Потом, скользнув вперед и вбок, ткнул в Асин локоть. Клинок выпал.

— Рекомендую приемчик, — произнес вредный гость, продолжая двигаться вперед.

— Так вот вы какой, — протянула разочарованная неудачей девочка и, шмыгнув по коридору в главную светелку, заперлась там. А попугай уверенно наговаривал на гостя: «Это нечеловек. Просто вредная нелюдь».

Как-бы-Николай проломил дверь, оставив позади себя почему-то квадратную дырку. Ослик заорал при виде возникшего в комнате гостя. Асе визжать было бесполезно: поскольку соседи считали ее младой ведьмой, то никогда бы не явились на зов. Надеяться на скорую помощь дворянского ополчения и княжеских стражников тоже не приходилось.

— Не надо этих дешевых воплей, Кологривов, джентльмен ушастый. Тебе не стоило шиковать и столь культурно спасать эту юную особу от страшных и ужасных генератов. Должен был понимать, осел, что раскроешься своим жарким излучением, что с запасом энергий возникнут трудности. А теперь иди сюда, паршивец, — Как-бы-Николай поманил несчастное животное пальцем. — Тару для тебя я уже подготовил.

И показал большой пыльный мешок.

— Никуда ослик не пойдет, — вмешалась Ася, — это моя игрушка. Он и денег стоит, и столько времени угрохано на его воспитание.

— Это не игрушка, а ловкий интриган. А сейчас мы как раз увидим, куда он отправится.

Визитер вытащил из кармана то ли фонарик, то ли дубинку. Из нее вырвался пучок света — лазерный луч, догадалась Ася — и воткнулся в глаза ослику.

Тот хоть сопротивлялся и вырывался изо все сил, однако особого успеха не имел, лишь морщился и комкался от отчаянной борьбы. И, самое главное, глазенки не отводил.

— Ну что, доигрался, осел, страшно стало? Сейчас я тебе нанесу моральную травму, — визитер по ходу дела вел психическую обработку своей жертвы. — Больше никаких выходок не будет, потому что успокоишься надолго. Знаешь, сколько живчиков вроде тебя закончило маршрут в этом мешке? Имелась бы минутка свободная, показал бы опись вложения...

А ослик на глазах у ошеломленной Аси пробовал уйти от ответственности, то распластываясь в ящерицу, то превращаясь в подобие обезьяны, то вообще становясь геометрической фигурой. Но это помогало плохо.

Ася даже прикрыла глаза осла своей шапкой, защищая их от лазерного луча. Даже держала его за шерсть. Однако животное было уже закодировано пучком света и вскоре провалилось в мешок. Фонарь-дубина сработал безотказно.

— Спасибо за внимание, — поблагодарил Как-бы-Николай Асю, — надеюсь, это недоразумение останется между нами. Дарю совет, не создавайте этой сцене дополнительную рекламу, тогда мы с вами раззнакомимся и не станем дальше выяснять отношения по поводу вашего злоупотребления контрабандным «ММгеном».

И злодей отправился через все распахнутые двери прямо на улицу, кинув слегка подрагивающий мешок на плечи.

Ася разжала кулачок, в котором лежал клочок шерсти. Все, что осталось от осла. Сейчас кинуть это в мусорную вазу, и вся церемония похорон. Нет, лучше не так. Девочка подняла клочок и подставила под солнечный луч.

Что-то не так, какой-то стальной отблеск. Через минуту волосок лежал на предметном стеклышке микроскопа. Это был не животный волос, скорее, синтетический. И еще какое-то странное чередование полосок. Широкие узкие, потом пробелы. Может, азбука Морзе?

Ася взяла гусиное перо и стала переносить на бумагу расшифровку. Буквы, как ни странно, складывались в слова, те укладывались во фразы. Получившийся текст был странным, но все-таки текстом.

«Я не осел, а Кологривов, Ревнитель Храма Чистоты. Свяжись с Блюстителем по имени Северин Почкин, он обязательно заявится в крепость. Осел не я. Я — человеческая душа, которая находится внутри искусственного существа, получающего энергии от субнуклонового конвертера. Человек — это средство создания подлинного нечеловека. Индуктивно-резонансная пси-структура — это ключ, она еще зажнее, чем конвертер...»

Вначале Асю занимала не столько ахинея, прочитанная по шерсти, сколько сама шерсть. Она была искусственной, а это означало, что само животное являлось кибернетическим организмом.

Минуту девочка ничего не понимала, разные события никак не желали соединяться в общую картину. Мешал своими звуками возбужденный бык, бредущий по улице. Осел еще вчера был настоящим, хотя и странным, как будто запрограмированным, шерсть тоже казалась вполне натуральной. Выходит, случилась подмена, причем ночью. В то время, когда действовал оборотень, принимавший ее, Асин, облик. Он ведь мог не погнушаться и стать ослом. А утром за ним явилось другое чудовище, изображавшее из себя дядю Николая.

Картина стала цельной и еще менее понятной. Руки от

этого опускались, в покои барышни тем временем вползали осоловевшие от нокаута холопы.

— Вон, вон, все отсюда, — замахала она руками.

А что, если попробовать осмыслить хотя бы фрагмент картины?

«Северин Почкин, Блюститель Чистоты, — по крайней мере, сочетание слов довольно дурацкое... Человек как средство создания подлинного нечеловека... уже любопытно. Подлинный нечеловек — это, наверное, киборг. Но чего ему не хватает? В киборге есть все, свои мышцы, кости, гены. Единственное, чего ему не хватает, так это... действительно, души, пси-структуры. Вот что можно вычленить из меня, например, и вложить в киборга. Не удивлюсь, если пси-структуры покупаются на базаре или просто выхватываются совершенно антирыночным образом...»

11

Блюститель Чистоты, член храмового совета Северин Почкин пересек гостиничный номер, где еще совсем недавно жил-поживал да лихо наживал его подчиненный. Стало грустно оттого, что одним все лучше и краше, а другим все хреновее. К таким хреновистам явно относился Кологривов. Особенное чувство вызывало одеяло, прожженное какими-то садистами. После этого одеяла нетрудно было представить, какой нелучший вид имеет сам господин Ревнитель.

Вчера еще Почкин присутствовал на ежегодном ритуале нисхождения Духа Чистоты. Весь зал был забит Ревнителями и Блюстителями, на темном балконе таились незаметные Воители, для светских феодалов места не хватало, князья сидели на подоконниках, бояре вообще на лестнице торчали. Верховный Белый Шаман старался изо всех сил. Он задабривал и заклинал Дух, отрешался от суетного и низменного, пел, кружил и взбалтывал воздух, настраивал энергетические центры пониже пупка для того, чтобы высшая сила таки вошла в него.

Главный шаман в белых одеяниях публично боролся за все естественное против всего искусственного. Грехопадение, по словам шамана-белоснежки началось, когда человечек обмельчал и принялся все делить на плохое и хорошее для здоровья, на полезное и вредное для благополучия, стал уклоняться от того, что казалось ему злым и противным, лелеять жалкое телесное добро с помощью квартир и машин.

Греховный Дух Грязи был приглашен мизерными человечками на Землю для ублажения тела, но недолгим получился период изобилия в кормушках. Святой Дух Чистоты изгнал Демона Грязи и свершилось по всей Земле возвращение на естественный Путь, однако родные просторы уже все в адском говне...

Верховный шаман задорно бил в бубен, а старые сотрудники вынужденно соглашались: «Это очень похоже на даосизм». Самые старые сотрудники добавляли, что на шизофрению тоже похоже, что духи с демонами рвут и делят хилое человеческое сознание на части.

Великое камланье было вчера, а потом сообщили из Березовского филиала — Кологривов пропал нахрен где-то за пределами крепости. Кому, как не непосредственному начальнику, ехать проверять пропажу? А сегодня капитан стражи, приставленный Березовским князем к Блюстителю Почкину в провожатые, вздохнул сквозь толстые щеки. Вначале надрывно, потом легче и, наконец, полной грудью.

— Дело об исчезновении господина Ревнителя мы, естественно, не собираемся законопатить в архив. — Капитан икнул вчерашним пивом и продолжил максимально изысканным, на его взгляд, языком, излагать суть: — Мы, скрепя всем сердцем, вынуждены признать, что покой... пострадавший Марк Матвеевич не отличался преданностью, стойкостью и умом. Все свои темные стороны, всех сидящих в нем демонов этот многогранный человек с большой душевной щедростью открыл желающим и нежелающим за короткое время пребывания в нашем городе. А чего стоит его так называемый слуга Василий — до сих пор просохнуть не может!

Увы, у меня есть неприятные показания на эту тему главы храмового филиала, охранников Завода и аспирантессы из нашей Семинарии госпожи Людмилы Бонбон. Думаю, Марк Матвеевич не как-то особенно у нас отличился, а подобными проявлениями «радовал» окружающих на каждой страничке своей биографии. Просто в эти два дня господин Кологривов не изменил себе, вступив в преступный сговор в целях наживы с группой презренного быдла, разбойников, орудующих на свалках. Но, видимо, факт провала рассорил бывших заединщиков.

Ревнителя Кологривова видели выходящим из этой сомнительной гостиницы, также в палатке бродячего театра и на Заводе. Может быть, там и кончился не слишком идеальный жизненный путь вашего сотрудника, господин Почкин. Не исключено, что труп Марка Матвеевича уничто-

жили. Скорее всего, перегнали на газообразную и жидкую фракции при помощи имеющихся в промзоне агрессивных веществ. Попросту говоря, спустили в уборную. В общем, господин Кологривов так сгинул, чтобы другим неповадно было проказничать.

«Тебе бы в стаде бараном работать», — сказал глазами Почкин, но вслух был вежлив, как самурай:

— Что-то вы не прибегаете к доказательствам, милейший капитан. Как-то брезгуете ими, а вместо них выплетаете ртом кружевные узоры. Если вы считаете, что кому-то жить нельзя, то он сразу обязан подохнуть каким-то гнусным образом. Почему бы убийству не случиться совсем по другой причине? Допустим, Кологривов действовал вразрез с интересами какого-то высокого лица. И, кстати, первое значительное лицо, которое приходит на ум, — не мой, конечно, — что это ваш хозяин, Березовский князь, он же Властелин Железа...

Капитан не обиделся за своего суверена и честь свою не посчитал задетой, напротив, был по-прежнему готов тарахтеть:

— Хозяин принес присягу Храму Чистоты и был верен ей всегда... Но, в общем-то, мы готовы разделить точку зрения, что никакого убийства и разборки не случилось. Мы проверили окрестные трупохранилища и лечебницы Храма Жизни-Смерти — все есть, кроме Марка Матвеевича. А если Кологривов просто удрал? Он же мог проворовываться? Это каждый может. Слизнуть казенное золотишко или серебро, что прояснится при проверке храмовой сокровищницы. Мог наш блудодей запутаться в любовницах или, психанув из-за своей непутевой жизни, пришить кого-нибудь. Это ведь так обычно и заурядно. К тому же наш герой уже отдыхал однажды в дурдоме даосского монастыря с диагнозом «легкая одержимость бесами». А какая там у него болячка была в голове — поди разберись.

— Меня, кстати, при прежнем Владыке Чистоты в монастыре тоже помариновали. По-вашему, это означает, что я пошарил в храмовой сокровищнице? Или психанув, пришил кого-то и спрятал тело в ночной горшок?

— Обижаете, — круглое свое лицо капитан раскатал еще шире с помощью искренней улыбки. — Вам-то зачем? Вы бывший кавалерийский есаул с наградами, пару деревенек имеете, вдобавок магистр каких-то наук, подчиненные каждое слово ловят, кругом почет, вот и по радио вас хвалили.

Взвинченный Северин Почкин покинул место нехоро-

шего происшествия и перебрался в значительно более благоустроенные палаты, которые располагались непосредственно в храмовом филиале. Сколько раз Блюститель внушал своему подчиненному Кологривову: «Лишь тот достоин жизни и заботы, кто каждый день бежит для них с работы». Сколько раз объяснял, что подлинный героизм заключается в том, чтоб никуда не ввязываться и не вляпываться. Все напрасно.

Из-за огорчения господин Блюститель крикнул горничную, та мигом доставила ему смирновскую водку в запотевшем хрустальном графинчике и сигару южного производства. Но даже такие средства пожаротушения не загасили едко тлеющие душевные огоньки.

Что бы там не плел капитан городской стражи, думалось Почкину, ясно, что Кологривова убрали. Ну зачем он, матерый Блюститель, выпустил из клетки этого исключительно дикого Ревнителя Матвеича? Для кого было страшной тайной, что этот неудовлетворенный карьерой Кологривов станет рыть землю носом? Лучше бы направил сюда писаря, поднаторевшего на отписках, приписках и банкетах.

Спокойно бы отмазались от Властелина Неба вместе с его летунами, пусть не трясут воздух, где попало — атмосфера дело тонкое. Мы другую вахту несем: склевываем подлых воров, которые мастерят всякие хитрости и не платят за это подати. Однако, чую, шустряк Кологривов принялся сновать меж когтей какого-то угрюмого феодала, скорее всего, самого Березовского князя. Оттого-то Марк исчез чисто, будто стерли его резинкой.

Ясно же, Властелин Железа подчиняется Владыке Чистоты лишь формально, однако никто не доводит дело до войны. Ведь битва неизвестно чем закончится. Податных земель у Храма куда больше, но это, в основном, свалки и руины заводов, малопригодные для земледелия. Конечно, среди мусора немало ценных материалов валяется, порой попадаются уцелевшие механизмы, которые можно загнать заготовителям с Космики или феодалам пожирнее. Но Березовский князь сам делает машины, у него даже имеется кое-что похожее на танки. И неизвестно, поддержит ли Космика Храм, или предпочтет, чтобы мы с Березовским князем измолотили друг друга.

Северин Почкин сидел в изящном кресле по имени «трон Кощея» и почти посапывал, замаривая грусть, как вдруг сквозь дремоту понял: кто-то дергает его за штанину. Он решил, что это шалит солидный красиво завитой кот, входящий в обстановку Гостевых Палат, и пнул его сафь-

яновым тапком. Ненадолго кот отвалил, потом принялся мешать снова, пуская снизу дым. Тогда директор Почкин перешел на другой уровень сознания, где стало предельно понятно: коты дымить не умеют. И тогда обозрел свои ноги.

Конечно, коты дымить не умеют. На самом деле внизу стоял большой попугай. Правда, он тоже курил, демонстрируя колечки дыма и умение. Почкин пришел к мнению, что этот оразумленный монстр появился тут неспроста и надо бы с ним пообщаться.

— Поговорите со мной, — вклинился в его мысли попугай своим малоприятным картавым голосом. — Можно считать для простоты, что я — один из ваших доброжелателей. У меня есть информация о господине Кологривове. Он в каком-то смысле ушел от нас.

Попугай говорил, конечно, готовыми блоками, но его толково запрограммировали. И от таких слов Блюститель вскочил, как будто в кресле, под ним, распрямилась большая острая пружина. Он завертел головой влево-вправо, вверх-вниз. Но потом все-таки застегнул кафтан на все пуговицы и оправился, как бы снимая напряжение, аккуратными движениями рук.

— Кологривов, говоришь. Неужели скопытился? Эх, Марк Матвеевич... Выражаю тогда себе чувство искреннего...

— А я вам. Однако не будем торопиться. Он пока что перестал быть человеком.

— И кем же он стал?

— Наверное, осликом.

Напряжение окончательно ушло. Несерьезно все как-то звучит. Особенно из смешного попугайского клюва.

— Ослом?... Оборотень? Тогда тебе надо к шаману. — Теперь уже посетитель казался Почкину гораздо более интересным, чем сам разговор.

Попугай отреагировал на слова «оборотень».

— Какой там оборотень. Киборг, трансформер, черт-те знает что. Но при том он сохранил чувство «я» и собственного достоинства. Понимаете, осел недвусмысленно назвал себя Ревнителем Кологривовым. Мне такое утверждение представилось не столь уж далеким от истины... Правда, он изменил свою телесность. Но я гарантирую...

— Ну, все. Изыди, демон, со своими гарантиями. Хватит с меня местных капитанов. Я сейчас вызову замковых стражников, и они бросят тебя в суп. Понял, пернатый? В гороховый суп, лучшего ты не заслуживаешь.

Попугай уловил неприязнь и разразился гневной отповедью:

— Вы же правду услышали. А правды никогда не хватит. Вы немало теперь знаете о Кологривове. Он ведь надеялся на свое начальство, если точнее, хотел вас найти. Только вот, судя по всему, голова ваша нафарширована какой-то чушью. Но я скажу напоследок, — не вам, конечно, а так, для звука — где-то в Космике искали способ внесения инструкций прямо в геном человека. И доискались. Нашли какие-то протогены, состоящие из тонкоэнергетических линейных зарядов. К тому же поняли, что это — центр управления, индуктивно-резонансная пси-структура. Что она формирует и физическое, и психическое в человеке, руководит работой генома, является узлом сознания и самосознания. В общем и попросту выражаясь — это душа. А почему бы такую душу не отнять у тела, не запрограммировать ее нужным образом и не встроить в киборга?

Северин Почкин даже застонал мучительно.

— Почему — по кочану. Киборги-шмиборги. Это все у них, у космиков. А у нас шаманы с соплями до полу, бесы, злые духи.

— С чего вы решили, что если у нас есть бесы, то не должно быть киборгов-шмиборгов? Как раз Космике очень удобно здесь экспериментировать, поплевывая на наше общественное мнение. Мы отлично годимся на роль подопытных, — обличительно произнес попка.

— На подопытных годимся — это уже неплохо, есть, значит, повод для веселья и радости... Слушай, если даже в твоем попугайском трепе присутствует доля правды, то что мы будем с нее иметь? Ты знаешь, где находится Кологривов?

— Нет, — честно признался пернатый собеседник.

— Ну так и заткнись. Не читай мне морали, не долдонь мне про какие-то лженаучные протогены... Я не представляю, как нам управиться с Властелином Железа в случае лобового столкновения. Я без понятия, что ты за штука, какую цель преследуешь. Но я уверен на все сто, что Космика может меня превратить в фарш за миллисекунду. Вот тогда много будет проку от твоей правды. Нет, Кологривову не помочь. Если даже от него осталась на память эта самая пси-структура.

— Да вы хоть представляете, что такое — превратиться из человека в машину? И некому руку подать в минутку душевной невзгоды! — заорал пернатый гость.

Измученный Почкин подхватил птицу и зашептал ей туда, где предполагалось наличие уха:

— Все-таки, с кем я имею дело? Кто заставляет меня

пасть в неравном бою? Попугай или его хозяин? Почему Кологривов не попытался лично выйти на контакт со мной? Почему хотя бы не передал записку?.. Ну в конце-то концов, смешно говорить на серьезные темы с тем, у кого под хохолком два грамма мозгов.

— Мне моих нейронов хватает, — уверенно произнес пернатый гость. — Зато неизвестно, что имеется в вашей голове, если вы уверены, что Кологривов должен был явиться к вам на чашечку чая и рюмочку водки. Да ведь его сунули в пыльный мешок, едва он как-то проявился!.. Сейчас наша малопродуктивная беседа становится еще более затруднительной, в следующий раз мы встретимся на Ф145...

Попугай царапнул когтем, вывернулся и скрылся за портьерой. Когда Северин заглянул туда, то ничего не обнаружил кроме открытой форточки и наглых умных ворон за окном. Эти каркающие мутанты тоже состояли в филиале на казенном удовольствии.

Потом два черных «вороньих» пятнышка рванулись за желтеньким «попугайным». Крылатая стража погналась за недавним собеседником господина Почкина — еще немного, и вырвут красивые перья из хвоста. Попугай, однако, был не прост. Он сделал очень рискованный маневр по дуге к окну, а увлекшиеся вороны атаковали по кратчайшей. Желтая птица; тормозя, пробежалась по стеклу, черные же ударились в него клювами, так и не ухватив добычу. Посыпались осколки...

«Из всех мутантов только ворон не люблю. Говорят, они даже на крыс в подвалах охотятся. Клювы такие имеют, что могут откупоривать бутылки, пальцами в состоянии кошелек из кармана выудить... А вообще, дурость какая. Растрепался не поймешь с кем. Сегодня с попугаем, завтра придется общаться с тараканом, послезавтра спорить с клопом, — подумалось Почкину. — Но все же, что такое Ф145?»

Он пораскидывал мозгами с полминуты, но мысли никак не рождались. Надоела фигня, решил Почкин, собираясь ударить в небольшое било. Сейчас прибежит служанка и можно будет немножко пошалить, как и полагается солидному начальству. Ребеночка, например, сбацать наудачу. Блюститель уже ударил в медную тарелку, уже возникла на все готовая женщина, но он устыдил себя внезапно — возможно, прозрению поспособствовал резкий звон металла.

«При власти киберсистем мы башкой не варили, не надо

было. И сейчас тоже не требуется. Одни пашут, сеют и жнут, другие отбирают у первых жратву». — Разозлившись, Почкин догадался. «Ф» — фиолетовый, первый фиолетовый луч солнца, девять вечера или около того. 145 — это радиочастота. Радиоговорильник-то в палатах каменных как-нибудь имеется...

— Чего изволите? — настойчиво повторила румяная женщина в кокошнике.

— Изволю сейчас с тобой попрощаться.

Господин Блюститель с некоторым сожалением развернул бабенку и подтолкнул в округлую часть тела.

Чуть позже, он понял, что догадка оказалась верной — в означенное время по радио послышалось:

— Рыжий лес надевает черный пояс. Когда включится свет, поймаешь золотую рыбку.

На удивление кое-что понятно. Ага... там, где развалины нефтехимического комплекса, напоминающие ржавые джунгли, встречаются с землей, залитой пятнадцать лет назад гудроном, он, догадливый Почкин, встретит на рассвете солнца своего контрагента. Который, возможно, укажет, где находится Кологривов, или его невезучий труп.

В четыре утра, несмотря на недовольные позевывания конюха, Блюститель вывел своего скакуна из бывшего гаража и направился на встречу по сонным улицам Березова, где уныло бродила лишь городская стража да несколько оборванцев. Несколько раз Почкину показалось, что дроби копыт его коня вторит еще одна. Наконец Блюститель пригласил своего жеребца в какой-то переулок, и там обмотал подковы тряпками.

Он промчался тесными улочками среди заброшенных домов, похожих на мертвые головы, далее перемахнул через разрушенный забор нефтехимкобината, и там уж сбавил ход среди металлических зарослей.

Был момент, когда ему показалось — что-то блеснуло под лучами восходящего солнца, а это являлось странным в краю сплошной ржавчины. Настолько странным, что Почкин не поверил: «Нет, наверное, что-то блеснуло у меня в голове». Вот и вечный след гудроновой реки. Тогда, то есть пятнадцать лет назад, кибероболочка нефтехимкобината была вырублена последней. Космика каким-то боком была причастна к этому, ведь именно она намекнула Храму Чистоты (а тогда Министерству Экологии), чтоб было выставлено оцепление и никто дурной не бросил спичку.

Вокруг ничего не дышало и не шевелилось. Почкин погонял коня туда-сюда, потом выскочил из седла и побродил.

Все ясно. Вернее, ничего не ясно. Ошибка, розыгрыш или провокация?

Почкин запрыгнул снова на спину своего жеребца, попутно отметив, что кавалерийской ловкости все-таки не утратил. Ну, пора в палаты каменные, досыпать.

И тут послышалось:

— Дядя-сударь, двигайте сюда, да за цистерну встаньте.

За цистерной Почкин и повстречал своего контрагента. Какое убожество. В смысле, для контрагента. А так нормальная девица. Правда, щуплая по нынешним грудастым и ягодичным временам. Длиненькая, по нынешним низкорослым временам. В кепке с протяженным козырьком.

12

— Итак, вторая серия беседы с попугаем. Ну, кто тебя подослал? Или ты меня здорово разыграла? — Несмотря на возможный обман, Почкин решил себя не кипятить. Все-таки видно, что девчонка из благородных.

— Нагнитесь, или лучше свалитесь с этой лошади. Помоему, вы с «хвостом» явились, — напористо сказала девица.

— Ну, ладно не злоупотребляй, — осек ее Почкин.

— Вы точно с «хвостом», сударь. Я голос только потому подала, что вас уж больше не вытащить будет из берлоги. Да отцепитесь вы от коня.

Она внезапно ухватила жеребца за уздечку да дернула.

— Эй, дьяволица, — гаркнул Почкин и как раз пули свистнули у него над головой. Тут уж пришлось ему свалиться мордой вниз из-за страха и неожиданности.

Стреляли из автомата с высокой, чудом сохранившейся ректификационной колонны. Причем Почкин находился именно в секторе обстрела. Еще несколько секунд — и после попадания в «десятку» привет на тот свет. Дух Чистоты и Дух Грязи раздерут на шматки психику и физику господина Блюстителя.

— Давайте за мной, не пожалеете, — подала голос девчонка из какой-то щели. И Блюститель Чистоты, Уста Владыки, член храмового совета стал протискиваться следом по весьма тесному лазу. Который оказался какой-то раздавленной трубой, все более сужающейся. И немаленькому Почкину все затруднительнее было в нее вписываться, несмотря на проявляемую прыть. Пришлось даже от тесака избавиться.

— Я не могу больше сжиматься и съеживаться, я ведь не членистоногий, — заорал в один неприятный момент Северин Касьянович, — к тому же вот-вот поймаю очередь в беззащитную задницу.

— Я не могу защитить вашу задницу, голову хотя бы спасти. Вы же не на коне гарцуете, ползите смирно, как червячок, — дала девица гулкие инструкции.

Наконец труба чуть расширилась и при том загнулась вверх. Удирающие в конце концов выпростались из тьмы и оказались на невысокой платформе, рядом с ректификационной колонной. Той самой колонной, на вершине которой кто-то угнездился и стрекотал из грозного оружия.

— Там пулеметчик, сударь, уберите-ка его по-быстрому, — предложила девочка.

— Как же, сейчас, — огрызнулся Почкин, оттого что ее предложение показалось легкомысленным. Но вскоре с тоскою понял — деваться некуда.

Он отправился по скобам наверх, еще не представляя как же ему управиться со стрелком, в то время как адреналин активно насыщал тело. Почкин не помнил слова «адреналин», но замечал, что жизнь пошла скорее и каждая нынешняя секунда вмещает всяких переживаний и ощущений на целую минуту.

Отсчитываются последние скобы... надо очень тихо, ни одного лишнего шороха, а сердце колотится, чуть ли не вылетает из макушки. Господину Блюстителю ведь сорок лет, и он десять лет как ни с кем не бьется, ни на кулаках, ни на саблях, напрочь утратил сноровку и забыл боевые ухватки.

Вот голова пересекла границу верха и низа колонны. Пулеметчик лежал боком и высматривал человеческую дичь зорким оком. Ну что теперь? Блюстителю предстоит исполнить либо прыжок на супротивника, либо полет вниз головой.

Стрелок не успел перенаправить ствол, но приподнялся и оружие оказалось между ним и нападающим Почкиным. Почти одновременно противники ударили друг друга, Блюститель получил в челюсть, а сам отвесил ногой в пах. В результате Почкин оказался на самом краю верхотуры и едва удержал равновесие. Но все-таки качнулся вперед, опять схватил ствол, однако угостился еще одним ударом в скулу. И тогда всплыло что-то полезное из растревоженной побоями памяти.

Держась за ствол, Почкин резко сел, отчего в «ножницы» его ног угодила нижняя часть врага. Ноги недолго

вспоминали, что надо сделать. Одна, не растерявшись, влупила сзади по щиколотке неприятеля, другая — по коленке, спереди. И пулеметчик усвистал вниз с башни, правда, вместе со стволом.

Победитель осторожно глянул вниз — смайнавший враг был лежащим и недвижным, то есть распрощавшимся с жизнью. От этого Почкину стало не по себе. Он отвык убивать.

Блюститель стал спускаться по скобам, пытаясь поверить, что эта серия его жизни не оказалась последней. Сознание сделалось вялотекущим, отрешенным; мнилось, что распухшие звуки еле пролезают в уши. Но тут пришлось снова встрепенуться, потому что пулеметная очередь впилась в цистерну чуть сбоку. Были заметны утопшие в стальном листе комочки свинца, звон заполонил всю голову, будто она являлась пустым котлом. Все, теперь точно хана и даже трепыхаться не стоит. Ведь сзади возник еще один стрелок!

Впрочем, неприятная неожиданность сменилась приятной. Загавкал другой пулемет, причем мишенью был не Почкин, а тот, кто на Почкина охотился. Неужели девчонка подхватила упавшее с башни оружие? Теперь, когда вражеский пулеметчик пытался укрыть свое тело, Блюститель на манер шустрого таракана заперебирал руками-ногами и, не утерпев, сиганул вниз с высоты в три метра.

Так и есть, напарница держала под обстрелом огневую точку метрах в пятидесяти от себя. Еще десять секунд и... подавила.

— Я долго в стрелковой гильдии занималась, приходилось для этого даже пацаном переодеваться. Но только сейчас первого своего неприятеля кокнула, можно звездочку на прикладе вырезать. Жалко, конечно, дядю... — заметила девица без особой печали.

— Да, не жилец он был. Рано или поздно ему бы конец настал... Я рад, если ты все делаешь так хорошо. Умельцев нынче мало.

Почкин похвалил, а девица скомандовала:

— Надо прочесать местность. Я к компрессору двинусь, а вы — вон к тому контейнеру.

Пигалица распоряжалась Блюстителем, но пришлось повиноваться. Как никак пигалица была неплохой пулеметчицей. Он пробирался среди ржавого хлама на полусогнутых, пока голова не почувствовала намечающуюся в ней дырку. Почкин заблаговременно упал, еще до того, как высунулось из-за контейнера дуло пистолета и пыхнуло дымком. Вновь ярко засветил капец.

Однако именно в это время глазки Блюстителя сноровисто забегали. Как и тогда, на южнотеменском шляхе.

Быстро высмотрев поблизости большую бочку, Почкин в полупадении пихнул ее, чтобы она покатилась на человека с пистолетом в руке. Чрезвычайно согнувшийся Блюститель потрусил вслед за катящимся предметом, слушая, как пули звякают об железку. В самый последний момент, когда пакостник с пистолетом уже отскочил в сторону, Почкин ухватил с земли железную цепь и, приподнявшись, достал ею цель.

Железяка вышибла пистолет и подбила врагу ребро, не более. Тот, перехватив цепь, потянул ее на себя, потом швырнул прямо в умную голову Блюстителя. Но Северин Почкин уже прыгнул умной головой вперед, плечом подбил колени противника, правой рукой — лодыжки. А опрокинув его, еще и тяпнул локтем в кадык.

— Почкин, щухер справа! — скороговоркой предупредила бой-девица.

После чего Блюститель боковым зрением зафиксировал летящую на него гранату, и даже того, кто ее метнул — шагах в тридцати от себя. Выбор был скуден. На роль укрытия годился лишь открытый контейнер, и Почкин нырнул в его распахнутое ржавое нутро. Был взрыв, здоровенный ящик несколько раз подпрыгнул и перевернулся. Вдобавок оказался в некоторых местах пронзен осколками, внутреннее же его пространство наполнилось ржавой трухой. Ослепший, оглохший, кашляющий и чихающий до треска Почкин, был, конечно, полностью «открыт» для врага. Но никто не добил беспомощного человека с помощью тяжелого кулака или приклада, напротив, кто-то ласково потянул за ботинок. Блюститель подался вперед, а уж потом разлепил веки. Над ним стояла девица с большим козырьком и пулеметом Дегтярева в руках.

— К сожалению, пришлось и того пришить, который гранату метнул. Пока что все концы оборваны, — подытожила она и подмигнула, — но вы дядька боевой оказались.

Господин Блюститель, он же член храмового совета, оторвал голову от контейнерного днища, вытряхнул из шевелюры ржавчину и со скрипом привел спину в вертикальное положение.

— Как-нибудь заслужить твою любовь, не подрываясь на гранатах и минах, можно? И, кстати, девушка, с кем я воевал и за кого?

— Если вы моему пернатому посланцу достаточно разумно внимали, тогда должны понимать, что старательно

сражались за вашего же витязя Кологривова, и против тех, кто его оприходовал. Кому, в конце-то концов, все эти разборки больше требуются, вам или мне?

— Где же он, итти его налево? — с трудом встрепенулся господин Блюститель.

— Откуда мне знать... Ваш человек растворился, вы и напрягайте мозговые извилины. Одно ясно, не так уж все чисто в вашем хваленом Храме Мочалки и Мыла. Тот ведьмак, что за ослом-Кологривовым в мой дом явился, махал мне ярлыком Чистоты. Кроме того, сегодня слежка за вами велась, уважаемый, не за мной.

Девчонка спокойно произнесла крамолу, при этом нечаянные соратники двигались в поисках затерявшегося жеребца.

— Ну-ну, не трожь святыню своими маленькими пальчиками, — нахмурился Блюститель. — Почему под твоим красивым чепчиком не пробегает мысль, что замешан Властелин Железа, он же бывший директор Колобков? Технические фокусы всякие, скорее уж по его части. А в нашем филиале, допустим, трудится какой-то его соглядатай.

— Такой фокус с Кологривовым можно было отчудить только при участии Космики, а ваш Храм общается с ней куда теснее, чем Властелин Железа. Причем с давних пор. Вы ж практически на нее работаете.

— Ты откуда знаешь? Вылупилась ведь совсем недавно, — изумился Блюститель.

— У меня маманя там, наверху, — девчонка ткнула пальцем в небо. — А меня туда не берут, потому что я не хочу, пока что.

— Ну так слушай, доброжелательница, и не называй меня старпером. Вчерась я засиделся в цитадели крепости-филиала, проверял красивые липовые отчеты. В целом доме один скучал — только внизу пяток стражей в шашки-шахматы сражались на щелбаны.

Кстати, накопал кое-какой компромат на шамана-профессора Васильева. Некие подозрительные личности получают от него натуроплату хрен знает за что. Может, это наши сегодняшние пулеметчики и есть. Недостачу по оружию обнаружил. А еще Кологривову ордер на проживание в гостевых хоромах не выписан, хотя свободные одноместные палаты имелись.

Так вот, копаю я документы, вдруг шебуршение в коридоре. Не охранник сапожищами половицы давит, а кто-то тихонько след кладет. Я в своем закутке канделябр притушил и кочерыжку из двери высунул. Ага, попалась! Вижу

цель — то ли призрак, то ли крепостной танцор от порки бежит. Слегка светящаяся такая фигурка на цыпочках. В моих интересах за любое нарушение хвататься (говно-прием, понимаю) и раскручивать, авось главный узелок и потянется. Выруливаю за подозрительным силуэтом, упорно его преследую, таясь, как змей, и скакая, как горный баран, до самого последнего пятого этажа. Там этот таинственный беглец юркнул в какой-то переход, прикрытый обычной невзрачной дверью. Я не лопухнулся, не отстал, но тут мне показали фокус-покус. Добрался поднадзорный силуэт до конца перехода и растаял в стене. Все сантиметры тупика я простучал, пропальпировал, но никакого рычага для открытия сезама народу. Лишь только щель у самого потолка не шире кулака.

— А переход всегда был тупиковым? Куда он вел раньше?

— Из цитадели в лабораторный корпус, который уж пятнадцать лет как законсервирован. Причем тупик бетонными блоками выложен. Видишь, барышня, я был смел, упорен, но толку никакого.

— Почему же, достаточно толка. Фактов у вас зашибись. На территории крепости встречаются неопознанные по своей сути объекты. Похоже, что Кологривов к таковым относится. И тот коз-зел, что ко мне за осликом явился. Шаман-профессор Васильев тоже какой-то подозрительный. Надобно расследовать.

— Поменьше бы таких фактов, — вздохнул Почкин. — От них спиться можно. Если Васильев поспособствовал превращению Кологривова в малопонятный летающий, бегающий, скачущий объект, то расследование долго продлится. И неизвестно, чья башка в итоге слетит, кто кого уест!

— Вначале надо раздобыть план крепости-филиала — посекретнее и подетальнее. Вы же Блюститель, потребуйте, и вам дадут. Или сами поищите в анналах вашего Храма.

— Не командуй. Анналов, понимаешь, захотела. Да и вообще, я тебе не доверяю — девчонки такими ушлыми не бывают. Ты, должно быть, лазутчица какого-нибудь врага, провокаторша. Шпиенка из ханской ставки. Это им надо, чтобы мы все передрались. А внешне такая невинная, прямо пианистка. Если мы будем совать голову в каждую помойную яму, нас обязательно возьмут за шкирку. Но тебе много не дадут и при первой же амнистии под задок коленкой, отпустят гулять. Я же стану вдохновителем заговора, бандой одного, растлителем малолетней. Меня обязательно повесят, даже если судьей будет Дюймовочка!..

— Закройте рот, слюни летят, — затормозила смелая

девица господина Блюстителя и напомнила: — Не надо предрекать работу похоронной команде. Она работает по своему расписанию... Ну, отсидите вы сейчас на скамейке запасных, потом ведь сами себя закушаете-закусаете. Кроме того, рано или поздно вы станете неудобным, тогда с вами запросто случится такая же бяка, что и с Кологривовым, или еще похуже. Враг же непременно будет расширять операции, пользуясь всеобщей тупостью. Оттого-то и надо все выяснить. Может, вы спасете целую Землю. Когда о вас сложат песни и легенды, это будет приятно.

— А целая Земля будет меня спасать?

Тут Почкин заметил свое домашнее животное. Конь виновато заржал и укоризненно пукнул, показывая, что вначале испугался и спасал свою жизнь, но потом сбился с копыт, выискивая хозяина.

— А когда вы помрете, — продолжила увещевание Ася, — я вам такую шикарную надпись на саркофаге сделаю, что народ будет как заводной ходить и поклоняться.

Спустя несколько минут Почкин поймал жеребца за узду и запрыгнул в седло.

— Не торопись, девушка, я пока не в саркофаге и мне достаточно матерной надписи на заборе, а почести требуются совсем иного рода... Ладно, покататься нам никто не запретит. Садись на облучок.

Девица легко забралась на транспортное средство о четырех ногах, пытаясь сохранять дистанцию от второго наездника. Однако когда Почкин добавил лошаденке ходу, ему пришлось приобнять спутницу одной рукой.

— Ты уж извини за это дружеское объятие, а то свалишься, ударишься своим мудрым лобиком об поверхность планеты.

— Если бы вы меня приобняли так в других обстоятельствах, дядя, я бы выпустила семечки из вашего пуза, — сообщила девушка, но смирилась ради общего дела.

— Я что, насильник и садист? Да я еще ни одной девушке плохого не сделал. Всем сделал хорошего. Славные получились мальцы, — голос Блюстителя сделался густым и сладким. — Я им заботливый отец, кстати. Однажды даже решил принести алименты. Чуть-чуть не донес.

— По-моему, это безнравственно, — строго произнесла девица.

— Моя лошадь ржет от ваших слов. А отпустить девушку ни с чем, это нравственно, что ли? Вдруг она решит, что никому не нужна, и руки на себя наложит? — ловко отбрехался Блюститель.

Здоровенная ладонь Почкина лежала на упругом животике новой знакомой, большой палец задевал у нее то, что не слишком далеко, но все-таки выдавалось вперед.

— Раз наши кости смыкаются столь же тесно, что и в постели, мы обязаны получше узнать друг друга, — выразил свое мнение Почкин.

— О себе можете не рассказывать, это пока не интересно. А я — Ася Шерешевич, березовская дворянка.

13

Господин Блюститель хотел проявить эрудицию, и это у него получилось.

— Крепость-филиал Храма Чистоты возводилась еще могучими кибероболочками с применением приличных стройматериалов и настоящей техники. То есть на славу сооружался огромный институт-завод биотехнологий, в котором должны были разрабатываться и вставляться людям биокибернетические имплантаты. От этих имплантатов люди становились бы совсем послушные кибероболочкам и хоть немножечко полезные. Таково предание. Как ни странно, у нас очень мало документов даже двадцатилетней давности. Соответственно, недоступны и компьютерные файлы. Эта зараза, которую ты называешь грибками, перепортила всю аппаратуру. А документами народ топил печки. Бумагами также питались пожары, которые как с цепи сорвались после краха кибероболочек и, соответственно, всего городского хозяйства. Бумагу размачивала вода, льющая сверху и поднимающаяся снизу. Вдобавок непечатники доканали многие архивы. Это такая секта, одно время близкая к нашему Храму.

— Ну и что сталось с доблестными непечатниками, чего-то я про них не слыхала? — задалась вопросом любопытная Ася.

— Мы их породили, мы варфоломеевскую ночь и устроили этим грязным даосистам-хиппанам. Всех перерезали.

— Как, вместе с детьми? — праведно ужаснулась девушка.

— Конечно, без. Кто же знает, где у них дети. На то они и непечатники, чтобы одни собачьи свадьбы играть. Однако, вернемся к крепости. Цитадель — это бывший административный корпус. Все здания были сложены из мощных композитных кирпичей, окна имели узкие, поэтому без особых проблем превратились в крепостные укрепления.

После варваризации всей Земли оставалось только поставить вокруг институтского комплекса стены из грубых гранитных глыб с зубцами наверху, прокопать ров, залить его водой, в воду запустить хищных карасей-мутантов, которые рвут все живое на части. В общем, березовские Хранители постарались в меру способностей. В итоге крепость-филиал вряд ли мощью своей уступит центральному Храму Чистоты в Теменске.

— У тебя недурно варит башка по нынешним временам, — похвалила девчонка, отчего Почкину стало необычайно приятно, хотя он отметил: — Да ведь светлая голова не затем дана, чтоб ее в каждую петельку совать.

Блюститель стал массировать светлую голову по китайскому методу — самих китайцев частенько брали в плен, потому что они инструкторами у тюрков служили, — а также вспоминать схему крепости, рисовать и поглядывать на Асю. Безусловно, она была новый экземпляр, который смог появиться уже после развала всемирной вычислительной среды. Феодалка младая.

Дивиденды и зарплата последние десять-пятнадцать лет мало интересуют людей, простым приказом тоже никого не прижмешь. Храм или князь только пожалованием земель может собрать на своей службе не шантрапу безмозглую, которой полным полно, а ловких и проворных авантюристов. А где своя земля, там и челядь подневольная, и крестьяне оброчные, и много спеси у свежеиспеченного дворянина.

Сейчас Почкин и Ася сидели не в замке, не в Асиной усадьбе, а просто в колючих кустах кизила где-то в окрестностях Березова. Девица не рискнула вернуться домой, потому что с ночи над родовым гнездом кружили наглые крепостные вороны, заглядывая в окна, обжирая ягоды с деревьев. Пернатые шпики устроили особо плотную слежку на рассвете, когда Асе еще предстояло пробираться из своей усадьбы к руинам нефтехимкомбината. Только попугай спас положение. Едва он дерзко появился в воздухе, как вся черная братия кинулась за ним.

А здесь, в кизиле, было неподнадзорное место, пригодное для заговоров, заклинаний и засад. Также тайных пыток. Однако, Почкин прикупил в лавчонке кувшин пива да полпалки кровяной колбасы. Прихлебывая и откусывая, старался думать, что попал на пикник. Господин Блюститель уже отпсиховал свое, и теперь мысль о том, зачем ему все это надо, спряталась в глубокую тень.

— В самой цитадели вряд ли найдется что-нибудь лю-

бопытное. А вот рядом, в заброшенном лабораторном корпусе, который некогда соединялся с ней переходом, возможно, таится кое-что. Таится во мраке, ведь все окна у него законопачены. Тем более, народ наговаривает: мол, там обитают бесы и прочие силы зла. А народ пусть смутно, но всегда что-то понимает. Впрочем, лично я считаю, что бесы там проживают, где их меньше всего ожидают увидеть. Ладно, это не по теме. А по теме то, что Гостевые Палаты, где обитаю лично я, стоят совершенно в стороне. Оттуда попасть в заколоченный лабораторный корпус немногим проще, чем из какого-нибудь сельского сортира. Эх, если б можно было сгонять в Теменск и вернуться с полномочиями...

— Этим все испортите. Насколько я поняла, контора ваша гнилая, никому верить на полслова нельзя, — возразила Ася. — Такими громогласными действиями, хочешь не хочешь, но обязательно предупредишь оппонентов, дескать, «иду на ты». И возвращаться в Гостевые Палаты вам не стоит, сразу будет установлена плотная слежка... Лучше так. Мы перейдем ров по южному мостику, мой какаду взлетит на стену вместе с тросом...

— Что, твоему какаду совсем некуда лететь? А мы разве сибирские ниндзя? Там ведь Южные ворота и пост из пяти отборных молодцов.

— Всего из пяти? Почкин, кто не ошибается, тот не пьет шампанского.

Блюститель понуро отхлебнул пива и, вздохнув, поглядел на кусок колбасы.

— И ты, колбаса, еще вчера весело мумукала. Боюсь, что завтра я стану похож на тебя... Кстати, Ася, почему твой попугай такой умный? И неужто случайно твой личный осел вдруг объявил себя Кологривовым?

Ася вдруг потеряла обычную говорливость, даже показалась задумчивой.

— Несколько лет назад мамаша спустилась с неба, в отпуск, значит, пожаловала. Тут у нее разболелась нога. Нашли приличного лекаря, который вырезал три гибкие ампулы из-под ее кожи. В общем, чистая контрабанда. Пришлось этому докторишке еще отару овец пригнать, чтоб не настучал вашему Храму — ведь ваш Владыка внаглую считает себя монополистом в деле прививания разумности. Препарат в ампулах назывался «ММген», сатурнянского производства...

— Ну, меня ты контрабандой не удивишь... Я тоже «ММген» доставал для своих лошадок.

— Но мамаша моя всегда чуралась таких дел. Кроме того, эти ампулы оказали странное воздействие на всех, кого я колола — попугая, осла... Иной раз их было трудно понять, будто искали они кого-то...

Почкин заканчивал с пивом и колбасой, поэтому стал закруглять ставший невнятным разговор:

— Будем считать, что себя искали. А вообще-то, когда речь заходит о непонятных маневрах Космики, все сразу стыдливо замолкают. Что неземляне предпринимают, чего хотят?.. Однако у меня создается впечатление, что кто-то там вознамерился втравить нас с тобой в историю с оборотнями или, допустим, киборгами, причем очень скользкую историю.

— Ну что, вы сдрейфили и решили сделать разворот в сторону?

Только сейчас Почкин ощутил, насколько он влип. А липучками являются: девчонка, которую он не может отпустить одну, и Кологривов, какой-никакой друг, впрочем, других нету. Ну просто рок.

— Пожалуй, разворот делать поздновато. Если того хотят товарищи боги... Зачем твой монстр пернатый какую-то чушь порол про «пси», которую можно вытащить из тела?

— Все известное нам, включая атомы, элементарные частицы, даже субнуклоны, получилось из смешения тонких сил в различных пропорциях. Поэтому любую вещь мы можем ввести в резонанс и заставить откликнуться, воздействуя своей пси-структурой, то есть душой, которая, опять же, состоит из тонкоэнергетических струн. Такой вещью может быть не только свое тело, но и чужое. Понятно?

— С этим-то понятно, а вот с твоей обширной эрудицией — неясность.

Остатки пива вместе с кувшином господин Блюститель постарался забросить как можно дальше в молчаливое небо.

В закатных сумерках через мостик, соединяющий две стороны рва, стала перебираться запряженная понурой клячей телега, держа путь к южным воротам. Однако правили ей не слишком удачно, и левым задним колесом она съехала с мостика, после чего — ни туда ни сюда.

Страж, не выдержав такого зрелища, выскочил из ворот крепости. И заиграл, как на одной струне, одним неприличным словом. Потом все-таки схватил конягу за удила и помог выбраться.

— Ну куда вы, придури такие, двинулись? — обратился

стражник к деду и бабке, восседавшим на телеге поверх сена.

— Туда же, куда и все. Вашему конюшенному везем из Колюпановки, согласно заготовительной ведомости, — вежливо, как полагается простонародью при общении с вышестоящими, объяснил дед.

Охранный воин понюхал руки, потом повел внимательным носом-локатором по сторонам, как будто выискивая источник непонятного запаха. Но ничего подозрительного не обнаружил.

— Заткнись, пока по морде лица не получил, — твердо заявил стражник. — Думаешь, на тупость все спишется? Тебе, бестолочь, в западные ворота. А здесь вход для благородных.

— Слушаюсь, — отчеканил по-военному дед и стал разворачивать телегу.

А воин вернулся в каракаулку, где находились прочие стражи. Кто-то уколол его:

— Севостьян как чем-то провоняется, так сразу к нам бежит, чтобы и мы порадовались.

— Сам засранец, — отозвался стражник Севостьян, но вскоре обмяк и захрапел, впрочем, другие тоже стали клевать носами.

Дело в том, что во время обмена мнениями с дедкой старческая рука, принадлежавшая бабке, окропила зеленый мундир воина настойкой из эфирного растения-мутанта кошмаргона. А смоченная униформа в замкнутом помещении стала вовсю выделять снотворные молекулы.

Пока дед отбуксировывал телегу с мостика к ближайшим кустам ирги, бабка уже подползла к стене и со словами «труба зовет» запустила вверх попугая. Сама птица держала в мощном клюве тросик с крюком на конце.

Когда же крюк вместе с пернатым другом исчез за зубцом стены, бабка, — вся как была, в платке и платье до пят, — стала карабкаться по тросу, выискивая носками своих ветхих ботинок щели меж камнями. Три минуты спустя она уже осилила подъем. Тут сразу дедка появился. И прямо в кепке, с посохом, с неподдельным кряхтением потащился вслед за бабкой, пытаясь угнездиться своими несмазанными кирзовыми сапогами в прорехах стены. Старец тоже взял приступом высоту, и спортивная старушонка встретила его в широкой длинной впадине меж двух зубцов.

— Здесь два стражника разгуливают, я едва успела голову спрятать. С правой стороны сейчас подходят.

Воины действительно прохаживались неподалеку от зубцов, но это оказалось милым старичкам весьма на руку.

— Леопольдовна, помоги-ка смотать тросик. Это сподручно, что ветер им в лицо.

Перед тем, как стражи должны были поровняться со впадиной, дед метнул из мешочка перечный порошок. Тот был вдут неспокойным воздухом в глаза да носоглотки воинов, которые мигом стали чихать и кашлять до треска. Один даже отвернулся от ветра, пытаясь прочистить саднящие гляделки.

Тогда дед, скользнув из ниши на пол, с колен поразил стражника — посохом в пах. Пораженный человек со стоном согнулся, и, получив по темечку, рухнул. Когда второй стражник собирался обернуться, посох лег ему на горло и стал удушать.

Воин оказался крепышом, он потащил дедку-душителя за собой, а потом, чуть присев, бросил ветхого обидчика через плечо. Старичок шмякнулся на спину, тут уж стражник поднял свой вострый клинок, чтоб проткнуть упавшего и одновременно распахнул рот, чтоб протрубить тревогу. Однако не очень-то вышло.

У него на горле оказался трос, а на спине — юркая старушка. Боец с длинным мечом растерялся и, пока скидывал бабку, дедка ткнул ему с пола своим посохом сперва в челюсть, затем в живот, вызвав рефлекторное сгибание. Потом, привстав, влепил уже по затылку. Этого хватило. Обмякшие тела стражей были оперативно пристроены на отдых в межзубцовые впадины.

— А теперь прошмыгнем, как мышки, — провозгласил дед. — Шварц, штиль, шнель, как выражаются наши тевтонские друзья.

Немного странные пожилые люди рванули вниз со стены по узеньким ступенькам, потом припустили по хрустящим туфовым дорожкам внутри крепости, стараясь вести бодрый разговор о сене и не привлекать праздным видом внимания храмовников. Вот показался законсервированный лабораторный корпус — замок в замке, все окна заложены щитами, двери даже забронированы.

— Сейчас нам пора в цитадель, — дедок юркнул в аккуратно подстриженные кусты и через мгновение принял нормальный облик добропорядочного Блюстителя Почкина в длинной кожаной куртке с тремя дубовыми листиками в петлицах. (Воители щеголяли четырьмя, у Владыки был целый дуб.) А бабка пока что сохранила скромную старушечью наружность.

У входа в цитадель не было строгой охраны, и Почкин только бросил позевывающему стражнику:

— Это моя осведомительница из деревни Накакино.

Блюститель вместе со спутницей-бабкой поднялся на четвертый этаж. Этажом выше исчезла позавчера та самая таинственная фигурка. В застекленной галерее единомышленники уткнулись в нишу для доверительных бесед и старушка, заслоненная внушительной фигурой Почкина, мгновенно преобразилась в девушку Асю.

Потом Блюститель и Ася распахнули дверь с табличкой «Архив». Там, перед длинным рядом пыльных шкафов, старился над бумагами давно осунувшийся юноша с длинным простуженным носом.

— Ведомости по разиндустриализации Северного Березова у нас где, господин дьяк? — твердо спросил Почкин.

— Слева, сударь, двадцатый шкаф.

— А Новой Слободки?

— Справа, господин Блюститель, тридцать второй шкаф.

Из коридора донеслись довольно резкие звуки. Ася вскинулась и растерянно глянула на старшего товарища. Шум погони? Но Северин продолжил речь без тени смущения, поэтому дремлющий ум архивариуса не возбудился.

— Мне к тридцать второму... а это моя помощница, дьяконица... Да, я понимаю, что у нее нет пропуска в архив. Но... как мужчина вы меня понимаете... еще более поймете как мужчина, потому что вам представится возможность ознакомиться с ней как с женщиной.

У юноши в знак понимания двинулся кадык и он опустил голову вместе с пыльными волосами к какой-то папке. Почкин подмигнул Асе, мол, быстренько двигай за мной. Когда они оказались за несколько шкафов от хранителя ведомостей, девица несколько возбужденно зашептала:

— Чего это вы торгуете моим телом, господин Блюститель? Я, между прочим, благородная девушка, товарищ жлоб.

— Торговля была ложная, мы ведь не собираемся заниматься любовью за шкафом. Хотя убавь мне лет двадцать, прибавь тебе кое-где пару размеров, и будь мы, конечно, не такие благородные...

Почкин осекся, смутившись. Он даже двадцать лет назад не стал бы послушно ломиться невесть куда по первому свистку какой-то невзрачной пигалицы. А сейчас нежданно-негаданно сделался шахматной фигуркой в ее узенькой ладошке. Увы, надо признать, что кабы не хотел он выпен-

дриться перед девчонкой, все страсти по Кологривову ограничились бы поминальной чаркой. И никакое мужество не проснулось бы. Жизненный опыт давно научил тому, что не стоит каждую вредную задницу прикрывать собственными ладошками.

Но. Истинно мужское желание «быть пред бабами великим и могучим» сейчас подначило его и пересилило жизненный опыт. Правда, в древности такое желание удовлетворялось куда проще — угробил побольше соперников сучковатой дубиной и оплодотворил максимальное число самочек.

Через узкое оконце была видна крыша лабораторного корпуса. В трех метрах ниже и в двух метрах сбоку. Крюком не за что зацепиться, все трубы на крыше гладкие, с колпаками.

Почкин подвинул проржавевшие запоры и дернул на себя поддавшиеся ставни.

— Кто-то струхнул или мне почудилось? — не упустил он возможности поиздеваться, хотя и сам был в миноре. — Куда ж подевался гонор, березовская дворянка? Да, выбор не богат, это вам не рынок. Однако в окно надо.

— Не стоит таким тарахтеньем прикрывать собственную робость, — огрызнулась девушка.

Блюститель спустился на карниз. Ася за ним.

— Ступай приставными шагами. Повторяй, дядя Почкин вместе с тобой.

— Это мне очень поможет, если я полечу вниз головой, — вякнула она.

— Я полечу у тебя ведомым.

Пора была прыгать; даже Почкину, участвовавшему в разных переделках во время знаменитой алтайской кампании, показалось не слишком приятным преодолевать эти два метра вперед и три вниз. Блюститель быстро присел и, напружинив ноги, сильно толкнулся. Мгновение спустя понял, что уцелел.

Почкин, глянув на новую подружку, вдруг подумал, что, если она улетит не туда, куда положено, то не исключено, что он, раскинув руки, сиганет следом. Уж не ведьма-ворожейка ли эта девчонка?

— Аська, обвяжись тросом и брось мне один конец. — Девица несколько дрожащими руками выполнила указание напарника. Тот, отойдя подальше, закрепился на вентиляционной трубе. — Ну, вперед, кавалеры приглашают дам.

«Ведьму», видимо, вспугнули какие-то шумы, поэтому оттолкнулась она неудачно и, завершив полет, не удержа-

лась на краю. Однако Почкин, оперативно и мощно смотав веревку, втянул девицу на крышу. Ася благодаря незначительному весу быстро оказалась в его руках, и компаньоны простояли, обнявшись, чуть дольше, чем необходимо..

«Едрить мою налево и направо, — подумал Почкин, — кажется, мне дорога каждая ее косточка».

Тут в окне, из которого они держали воздушный путь, возникло несколько рож. И несколько стволов.

— Именем Чистоты, стойте! — протрубила одна из них.

Мужчина и девушка бросились улепетывать. Вдогонку понеслись свинцовые поцелуи. Поэтому пришлось спешно укрывать тела за вентиляционными трубами.

— Труба в прямом и переносном смысле, — горестно выдохнул Почкин. — Либо протискивайся в дырку, либо пропадай.

Он заработал своим кольтом, заставив стрелков в окне вести себя осторожнее. Но распахнулись еще одни ставни — теперь уже угрожал перекрестный обстрел.

— Я много лет активно занимаюсь похудением, но худеют, видно, одни мозги. А тебе габариты трубы вполне подходят, — намекнул Блюститель своей напарнице.

Он перезарядил револьвер, сорвал колпак вентиляционного тоннеля и открыл рьяную пальбу по окнам цитадели. Девица, пользуясь прикрытием, нырнула в темное отверстие.

И очутилась внутри здания, пользующегося сомнительной репутацией. Вначале Асе показалось, что вокруг, словно мухи, порхают какие-то пятна. Потом глаза смогли использовать фотоны скудного освещения, благодаря чему она ощутила зрительную перспективу и разглядела с десяток колобков, которые прыгали, как мячи во время тренировки какой-нибудь спортивной команды. Впрочем, рядышком не было видно ни футболистов, ни баскетболистов.

Мячи болтались в другом конце зала, дрожали, жужжали и, казалось, имели весьма скромные размеры.

И вдруг бодро направились в ее сторону, все более разбухая.

Команда колобков стремительно приближалась. Ася драпанула от них, а когда поняла, что не успеет, то опрокинулась на пол. Мячи, удачно скакнув, пролетели над ней. Девчонка устремилась в другую сторону, но неопознанные прыгучие объекты опять рванули следом. Она снова рухнула, и колобки пронеслись впритык к голове, так что чубчик с козырьком подскочили от порыва ветра.

Надо было срочно менять тактику. Поднявшись, Ася не

нашла ничего более подходящего, как пойти в атаку на наглые мячи. Хотя атака была, конечно же, психической, однако неопознанные объекты принялись вести себя в другом ключе. Выстроились в рядок, напряженно подрыгиваясь на одном месте и как бы ожидая чего-то. Когда девица остановилась, какой-то из них запрыгал к ней, причем весьма аккуратно, без ража. Ася почувствовала некое успокоение — есть контакт! — и влупила по нему ногой.

После чего заварилось что-то вроде игры. Ася пинала мяч, тот, впилившись в ряд своих товарищей, отскакивал обратно. Когда предсказуемо, а иногда довольно странно. Затем девчонке надо было успеть к отскочившему колобку и снова отправить его в шеренгу товарищей. Если Ася не успевала, то мяч, отразившись от стенки, обязательно шлепал ее по затылку или спине. Можно было возмущенно вопить, но это не смягчало наказания. Иногда из ряда бодро выскакивал еще один колобок и, если Ася поспевала к нему, то первый мяч, становился куда более деликатным, даже замедленным. Немного погодя девица прочувствовала связи меж собой, колобками и стенами, будто все они были скреплены пружинками.

В разгар матча из проема вентиляционной шахты появился Почкин.

— Я себя наполовину испарил, но все равно пузо ободрал, пока протискивался. А она тут балуется. Ну, хватит играть не поймешь с кем.

— Это вроде той игры у ацтеков, когда проигравшей команде отрубают головы и пускают ее на бифштексы, — сквозь шумные вдохи и выдохи пожаловалась юная дворянка.

— Ага, понятно — принудили маленькую девочку. Квазиживая органика, она ведь с рефлексами. Ну, давай двигать помаленьку. Вон там, кажется, трап.

Ася, отбивая при помощи Почкина подачи, стала смещаться в сторону выхода. Шаловливые объекты, хотя догадались, что она сваливает, вдогонку не пустились. Лишь один маленький мячик увязался следом, но явно с дружественными целями.

На трап пробивались лишь отдельные крапинки света. А когда исследователи спустились на уровень ниже, стала царить полная мгла. Но кожное «зрение» улавливало присутствие каких-то недалеких предметов, вдобавок слышалось непонятно откуда странное почмокивание. Почкин включил фонарик, но лучик света выбелил только кафельную полосу голого пола. Тогда Блюститель догадался по-

светить на потолок. С него свисали малоприятные вещи: вроде мешки, скорее даже большие пузыри, наполненные гущей.

Пузыри казались неспокойными, они подрагивали, внутри них что-то перемещалось и предавалось какой-то скрытой деятельности.

— Подарки висят, — шепнул Почкин.

И действительно, один из пузырей вдруг шумно лопнул, из него сочно пролилось нечто полужидкое, с хлюпаньем образовав студневидный холмик на полу. Впрочем, студень с мерзкими звуками вскоре скатался в червеобразное тело.

— Похоже, наверху мы имели дело с малышами, а здесь уже отроки, — высказала мнение Ася.

— Я вот думаю, что Господь не зря сотворил червяков и студеньков маленькими.

После этих слов червяк, словно обидевшись, оформил на одном из своих концов что-то вроде рта-воронки и бросился на Почкина. Причем довольно необычным образом. Приподнявшись на хвост и немного побалансировав, прыгнул. Блюститель едва успел упасть, поэтому червяк просвистел над ним. А затем неудовлетворенная тварь стала обращать пристальное внимание на Асю.

— Ложись, девушка, ложись. Этим ползучим комплексантам не нравится, когда кто-то возвышается над ними, — высказал предположение Почкин.

Когда оба посетителя лабораторного корпуса стали смиренно ползать по полу, червяк уже более миролюбиво подобрался к ним.

— Аська, расслабься, представь, что ты такая же, как и этот ползучий гад.

— Надеюсь, у нас достаточно много общего.

Червяк потыкался одним своим концом, возможно, носом, в бок девчонки, потом направился к Почкину и неожиданно присосался к его спине.

— Ася, передай нашим, что я погиб раньше, чем сдался. Что перед смертью смеялся, — дребезжащим голосом сделал заявление перед очень вероятной кончиной господин Блюститель. Он дергался и елозил руками-ногами, однако без особого толку. — Если сохранится мой труп, то зимой его используйте вместо вешалки.

— Почкин, выволакивайтесь из куртки. Зверю прикид ваш понадобился.

— Сомнительно, чтобы ему требовалось так мало... Но, ладно, подавись, червь.

Почкин аккуратно выпростался из куртки. А червеоб-

разная тварь, напротив, втекла в нее. Однако не успокоилась и стала как бы присматриваться к голове Блюстителя.

— Эй, товарищ в моей куртке! Здесь нет съемных деталей, — затявкал Почкин.

По счастью червяк удовольствовался наружным осмотром. Затем правильно распределился в куртке, передним своим концом скопировал форму человеческой головы. Еще и встал на хвост, схематически образовав человеческую фигуру.

— Оказывается, господа Блюстители являются примером для подражания даже у квазиживой органики, — нервно хихикнула Ася.

Тут из пакета, подвешенного к потолку, вылетел еще один червяк, причем весьма рассерженный. Он крепко ткнул своего «товарища в куртке», затем шлепнул Почкина, как гибкий резиновый шланг, отчего непрошенный визитер покатился кубарем. Червяк не унимался, напротив, он снова приподнялся в боевую стойку. Видимо, готовился к решительно пригвождающему удару.

Тот гад, что в куртке, с интересом покачивался неподалеку.

— Не оплошайте, Сева! — крикнула в поддержку Ася.

— Легко сказать.

Злой червяк сделал выпад сверху вниз, Почкин успел оторваться в сторону, потом резко вскочил и перепрыгнул ударившего по ногам червяка.

— Аська, этот гад — сущий каратист, школа «гада».

— Сейчас он умнее врежет, с упреждением вашего маневра, — в тревожной тональности подсказала Ася. — Когда увернетесь, цепляйте его петлей троса.

Неожиданно и весьма по-доброму вмешался червяк в куртке Блюстителя. В тот момент, когда злой гад совершил бросок с упреждением, добряк ухватил собрата за хвост «ложной ногой», отчего Почкин сумел избежать нокаута.

— Опять-таки тикаем! — крикнул зажигательный лозунг Блюститель, которому удалось, наконец, заметить выход — то ли люк, то ли дверку.

Исследователи рванулись в спасительную сторону под падающими мешками, из которых выплескивались новые и новые «отроки».

— Сейчас здесь будет очень густой вермишелевый суп! — заорал Почкин, и сразу же какой-то вредный червяк надел на него свое кольцо: Однако Блюститель, резко выдохнув, успел продернуться сквозь «мертвую петлю» и даже зашвырнул откровенному врагу в рот-воронку свой фонарик.

— Жри, гнида!

Затем шмыгнул в выходное отверстие вслед за Асей, удачно покинув «червивую» тусовку. Девушка вовремя предотвратила свободное падение упитанного тела Блюстителя.

— Вы не на лестнице.

Они действительно находились в вентиляционной шахте, на этот раз вполне отвесной. Ася спускалась вниз, пользуясь трещинами и выщербинами, всовывая нож в щели. У Почкина получалось не так лихо, он прижимался спиной к одной стене, ногами к другой, и потихоньку сползал.

Внезапно Ася куда-то исчезла, а потом уже сбоку донеслось:

— Почкин, нас, по-моему, кое-куда приглашают.

Изрядно вымазавшись, исследователи выбрались из чего-то, напоминающего камин.

— По крайней мере, здесь можно восстановить нормальное дыхание и перейти от воплей к спокойному разговору двух людей противоположного пола... Похоже, здесь когда-то существовал кабинет, — определился на местности Почкин.

И в самом деле кресла, пшикающие озоновым ароматом, едва вы присядете; диванчики, которые щипками массируют вашу усталую попу; искусственные угольки в камине, что краснеют, как только вы их поворошите; и еще цельнометаллическая скульптурка голенькой девушки, до сих пор выделывающей соблазнительные движения.

— Несмотря на обесточивание, замечаю признаки автономной системы питания, — высказался Почкин, когда осмотрелся с восхищением.

Имелся тут и компьютерный терминал с пленочным, почти невидимым экраном.

— Когда-то я баловался с такими штуками. — Почкин потыркал клавиши. — Конечно же, жадный грибок сожрал внутренности и этой полезной некогда машинки.

— А папки сплошь пустые, кто-то, видно, проводил правильную эвакуацию, — заметила Ася, оглядывая полки. — Правда, на корешках остались наклейки... «Голубой кисель», это, наверное, искусственная кровь, я что-то про нее от мамаши слышала... Далее совсем непонятные кличи, «биополимерный блок L49», «Материнская Субстанция» и такое прочее. Да, тут одного старания маловато, надо еще и мозги, напичканные знаниями иметь.

— С большими знаниями каждый дурак в этом деле разберется, — оспорил Блюститель.

Ася влезла под стол и выползла оттуда с каким-то бумажным мусором, зажатым в ручонке.

— Тут что-то начиркано. Про саморегенерацию биополимерных слоев. По-моему, в этом заведении дело зашло дальше искусственной крови.

— А что может быть дальше? — поинтересовался и без того догадывающийся Почкин.

— Дальше искусственная кожа, печень, почки, голова, ноги. В итоге получается искусственное существо, наверное, биокибернетическое, из квазиживой органики. Конечно, я не знаю, кем оно будет считаться, но отличить его от человека окажется непросто.

— Ты слишком много держишь в своей головенке, Асик, — сказал Почкин с некоторым недоброжелательством по отношению к умственным возможностям девушки. — Это может серьезно подпортить твой внешний вид, личико из-за умственной активности сморщиваться начнет, попка пожухлой станет, нос обвиснет... Единственная надежда, что ты начнешь усиленно трудиться другим своим местом и котелок у тебя быстро опустеет.

— У вас же из-за работы этим самым местом не уменьшилось количество вещества под черепной крышкой, — отразила Ася.

— Может, потому, что нечему было уменьшаться и убывать, масса и так была критической... — тоскливым голосом произнес Блюститель. — Впрочем, мы отвлеклись.

— Почкин, я нашла какую-то замечательную штуку.

Девица показала фиговину, похожую на шипованную дубинку. Ася чем-то покрутила на рукоятке, из шипов выскочили лучики света и впились прямо в сетчатку глаза, принадлежащего господину Блюстителю. Он и захрипел, и задрыгался, и замер очарованный. Впрочем, устройство было тут же выключено.

— Извините, — произнесла мигом оробевшая напарница. Блюститель не откликался. — Ну, что, извинить трудно?

— У меня голова взорвалась, — наконец пожаловался Почкин. — Отсутствует орган, который принимает извинения... Эти лучи лазаря на удивление быстро влезли в мозги. В общем, они самосознание размазывают.

— Это, кажется, кодировщик, — подумав чуток, предположила Ася. — Я что-то в этом роде уже видела. Но, кажется, на человека он не слишком точно действует. Наверное, потому, что у нас в мозгах чересчур много ходов для одной и той же мысли, пускай самой простой. Этот фо-

нарик предназначен для чего-то подобного человеку. Но более примитивного.

— Не больно вдохновляет меня твое прозрение, Ася. Кому и зачем нужны подобия людей, когда и оригиналов хватает? У меня вот на кухне три стряпухи один обед готовят.

— Подобия людей легче научаемы и проще управляемы. А ваши оригиналы мы как-нибудь видели. Тупые хлеборубы и лесоробы, — пренебрежительно отозвалась Ася о простом народе.

— Слышу дворянский голосок, — заметил Почкин, — мне так высказаться в голову бы не пришло. И хорошо, что они появились, эти тупые хлеборубы. Двадцать пять лет тому мы имели вместо людей каких-то кукол, пахнущих нафталином, которых киберсистемы иногда поднимали и дергали за ниточки. А полвека назад у нас были злые и ленивые колхозники, что, опохмелившись, давили поля многотонными тракторами.

— Жалко, народных масс рядом нет, они бы порукоплескали вам, на ложках бы для вас сыграли. Все-таки к обжорству, ковырянью в носу и бзденью добавилось новое развлечение. Однако для больших умных дел наши полуразумные мужики даже вкупе с разумными козлами и баранами не очень-то годятся, — березовская помещица презрительно зафыркала. — Вообще-то я догадываюсь, каким образом вы сближаетесь с той частью народа, что ходит в юбках.

Собеседники вышли в коридор, нормальный коридор слегка подсвечиваемый — до сих пор! — плафонами. Видимо, электрификация еще фурычила за счет солнечных батарей и термопар.

Вдоль одной стороны коридора густо просыпались двери кабинетов, офисов, информационных узлов, вдоль другой — серебрились куда более редкие двери лабораторий.

— Хоть и страшно, но надо заглянуть. Иначе зачем пришли. Вот «Биополимерная лаборатория № 3, ответственный за безопасность Петров А. Г.». Чем же там Петров некогда занимался? — задался непраздным вопросом Почкин.

Исследователи вступили за порог и самостоятельная дверь с легким скрипом закрылась за ними. Блюститель с Асей очутились на минуту в непроглядной мгле, ожидая дрожащим подсознанием, что вот-вот какие-то демоны схватят их за бока, а черти за пятки. Но бока с пятками пока уцелели, включатель света нашелся, и сам свет обрисовал помещение.

Почкин перевел дух и сказал с сочащейся в голосе ненавистью:

— Все-таки, Темная Эпоха даром не проходит. Доканали нас эти бесчисленные сектанты и колдуны, которые полощут мозги бесконечными разговорами о бесовстве. В того бес вселился, из этого выселился. Потусторонние голоса, дескать, вещают, как раньше радиостанции, и призраки являются не реже, чем программы новостей в былые времена.

— А вы уверены, что бесы с призраками к вам никогда не явятся? — задала резонный вопрос Ася.

— И ко мне могут явиться, только это будет называться шизофренией. Да, древние египтяне тоже имели диагноз «шизофрения», когда говорили, что у них четыре души, и древние греки, которым боги все время что-то напевали и навеивали, и марксисты, которые всегда ссылались на классовое чутье, и почвенники, которые про голос крови, и наши колдуны-шаманы. Башка всегда пытается шизофренировать, и ум хочет расчленяться на части, если человек себя не уважает и дрейфит.

За таким разговором посетители лаборатории гуляли по плиточному полу, давя башмаками пробирки, колбы и пластиковые обломки. А кругом валялись вскрытые приборы с вывороченными кишками проводов, хрустящие кристаллические потроха компьютеров, ампутированные части столов, шкафов, ворохи бумажек, ржавый лом.

— Будто драка какая-то случилась, но скелетов не видно, значит, одни приборы пострадали. Эх, почаще бы сектанты с колдунами сражались меж собой, убивая друг дружку как можно больше, — помечталось Почкину.

— Наверное, здесь произошло «народное гуляние», — предположила Ася.

— Да вряд ли, лабораторный корпус сразу после развала киберсистем перешел на баланс и под охрану МинЭкологии, то есть Храма Чистоты. Когда шайки Чингиса Джансеитова напали на город, взять крепость они так и не сумели. Правда, у стражей тогда еще бластеры тридцатикиловаттные имелись. А город отбился с помощью овсяного киселя... Какие шутки? Тюрки сперва захватили ярмарочное поле, где Березовский князь от щедрот потчевал толпу киселем и прочими бесплатными продуктами. Аскеры сами нахлебались с дороги и лошадей напоили, ну а потом их всех пробрало. Такой, пардон, дрист, пошел, что крестьяне за десять верст за удобрением приезжали.

— Ну, а что тюрки-то?

— В плен сдались с позором. Разве посражаешься, если в штанах полно этого самого.

И тут Почкин и Ася совершенно неожиданно наткнулись на фигуру, выступившую из-за какого-то шкафа с весьма неясной в сумерках физиономией, но в старинном барахле, какое уж с пятнадцать лет никто не носит. На фигуре был пиджак от Кардена вместо современных длинных курток и кафтанов, короткий «ежик» заменял модно свисающие патлы и парики.

— Вы кто? — первая опомнилась Ася.

— Я-то? Я — Петров, ответственный за пожарную и прочие безопасности. А вот кто вы такие?... Ресу-у-рсы! — последние слова фигура уже произнесла с подвыванием, на бегу. Бег шел по полу, потом продолжился на стене и потолке. Наконец «Петров» стал темным пятном, похожим на паука, в дальнем углу.

— Сам ты козел мохнорылый... Я думаю, это все нам привиделось, — заключил Почкин, успокоив колочение в сердце. — Просто легкая шизия, небольшое хиленькое расчленение сознания. Может, мы еще надышались каких-нибудь паров-испарений. Вот так, господа товарищи. Хотя фамилию Петрова я припоминаю. «Автополимеризация по Петрову». Когда тюркский воин занес над ним саблю, он закричал: «Не трогай мой полимер». И налетчик разрубил пополам его полимер.

— По сравнению с теми временами Петров заметно деградировал. Вряд ли он понравится даже самой неприхотливой даме... А еще тут какая-то каморка сбоку, — обнаружила Ася.

— Ну, давай посмотрим, коли пришли. Что там еще за комнатка для тайных свиданий?

Дверь бокового помещения защищалась кодовым замком, который, однако, был сильно изъеден временем. В этой комнате оказалось куда холоднее, чем в лаборатории, что особенно прочувствовал оказавшийся без куртки Почкин. А шкафы тут сохранили, можно сказать, юношескую крепость и хорошие клинкетные запоры. Почкин покрутил ручки и потянул массивные дверки одного из металлических ящиков. Потом застыл озадаченный.

— Ася, дай-ка свечку. Что-то я здесь не очень разберусь.

Наконец слабенькое пламя высветило внутренности шкафа.

— Теперь понятно, разобрался. Но я все-таки надеялся на лучшее. Хотел бы я знать, отчего у меня так стучат зубы — из-за стужи, или содержимого этого ящика?

Шкаф был полон голов, г о л о в на подставках. Отрезанных и сохраняемых. Прилично сохраненных. Причем некоторые из них напоминали неандертальские и питекантропские.

— Гады, садисты, тьфу! — Почкина передернуло. — Я и сам башки рубал, но под горячую руку! А тут все разложено и коллекцией называется.

— Даже при такой бодрящей прохладе все эти кочаны не должны были столь хорошо сохраниться, — заметила стойкая Ася и распахнула еще один шкаф. — Здесь руки рядком лежат. Есть даже обезьяньи, с примыкающим большим пальцем.

— Прозекторская. Или провиантская. Впечатление создается, что здесь жил-поживал да добро наживал какой-то просвещенный людоед. Устроил любовно, в своем вкусе, красный уголок.

Почкин стал закрывать шкаф, но потом передумал и вновь открыл.

— Кто-то чего-то сделал, или мне почудилось? Ася-я-я, да по какому они праву? Эдак живот может со страху заболеть.

Непонятно по какому праву одна из голов с большими надбровными дугами занималась тем, что подмигивала и пыталась что-то нашептывать. Однако Ася, вопреки ожиданиям, не побледнела.

— Это меня вполне успокаивает и даже устраивает, Почкин. Головы и руки не настоящие. Просто детали квазиживых биополимерных киборгов. Или квибсеров, как выражаются в Космике.

— А это меня не слишком успокаивает. Как, например, эдакого живучего квибсера можно кокнуть?

— Для начала закройте дверцу, господин Блюститель. Или вам требуется внушительное количество слушателей?

— Да, девушка права. Спокойной ночи, головы. Хватит ужас наводить. — Почкин поспешно затворил дверку. — У меня ощущение, что я скоро начну кое-чего понимать.

— Я думаю, избавиться от квибсеров трудновато. Квазиживая органика при достаточно мощном источнике энергии, например, субнуклоновом конвертере, возобновляется быстро. Если даже останется, например, половинка тела, этого достаточно. Наверное, энергетическое подкрепление можно получать, так сказать, от товарищей по партии. А структурная информация будет восстанавливаться по копиям и матрицам, хранящимся также на каких-нибудь других носителях... Ладно, пора нам отмерзать.

После такого неутешительного заключения трясущие челюстями исследователи вернулись из холодной кладовки для членов тела в помещение самой лаборатории. Где их, оказывается, ждали с большим интересом.

Полукругом стояли фигуры мужских очертаний в давно немодных пиджаках и брюках, также женские фигуры в архаичных платьях, весьма открытых со всех сторон.

— Интересно, а между ног у квибсеров все подробности соблюдены? — пробормотал «для разрядки» Почкин и, вытащив свой кольт с широким стволом, взвел курок.

Фигуры приближались с неразличимыми в потемках эмоциями. Причем, если у одних были довольно координированные движения, то другие перемещались, как развинченные игрушки.

— Ну-ка, фу, — сказал Почкин как будто к нему подбирались голодные псы. — Чего надо?

— Роскоши человеческого общения, — объявил передний силуэт. — Роскоши общения с человеком.

— Я — профессор Никодимов, — представилась следующая фигура, которая все время качалась, пытаясь удержать равновесие. — Именно я рассчитал оптимальные размеры унитаза в 2038 году.

— А я доктор Хусаинов, — заявила странная личность, у которой руки двигались вне всякой связи с телом. — Изобретатель саморазогревающейся котлеты и вечно теплого супа. Ну, помните сенсации 2042 года?

— А вот я синтезировал мусорное ведро, которое съедает помои, еще в 2047 году, — гордо напомнил ученый с отчаянно трясущейся башкой.

— У меня такое впечатление, что я попал на бал самых именитых мертвецов. Сейчас будут приглашать на брейк, польку-бабочку и другие древние танцы, — поделился впечатлениями с компаньонкой господин Блюститель.

Тем временем остальные присутствующие тараторили о своих достижениях.

— Цвет ИТР, все из МинЭкологии, — подытожил Почкин. — Итак, наши лучшие таланты были каким-то образом сохранены в искусственных организмах. Но эти полимерные товарищи будто поголовно белены объелись и мухоморного сока опились. Им явно чего-то не хватает.

— По-моему, они за что боролись, на то и напоролись. Телесное бессмертие обрели, да вот душевные силы в пластмассовом теле быстро истощаются. Осечка вышла, — особенно гулкие и смелые слова произнесла Ася. — Угадала? Пока ее нет, вы, господа ученые, просто куклы.

— Ты потише, Аська, — нахмурился Почкин, — еще разозлятся с горя.

— Иначе мы ничего никогда не узнаем, господин Блюститель, — нехотя оправдалась спутница.

— Девушка права. Загвоздка в одной комплектующей детали. Но разве трудно поменять свечу зажигания в двигателе внутреннего сгорания?

Удачное сравнение привела передовая фигура. Ее лицо посветлело, стало доступно обозрению, оно просто лучилось. Петров, тот самый. Но на глазах физиономия текла, как глиняный холмик в проливной дождь. Она видоизменялась, она силилась стать на что-то похожей. Получалось плохо. Лицо расплывалось в какую-то лужу. Однако не слишком удачливый оборотень, собрав остатки душевных сил, все-таки привел свою физиономию в порядок. Она явно теперь подражала, и носом, и ушами, и особенно усами, Министру Экологии, вернее Владыке Чистоты, каким тот был в более юные годы.

— Это уже узурпация власти, это мне не может понравиться, — произнес Почкин и выстрелил в лоб полимерного вора.

Верхняя часть башки у квибсера, как и ожидалось, разлетелась, словно ударенный кирпичом арбуз. Однако фигура, покачнувшись, осталась на ногах. Чудо.

Обыкновенное чудо продолжалось. Из уцелевшей части головы, будто цветы из горшка потянулись вверх спиралевидные ростки. «Как при ускоренной перемотке фильма», — вспомнил Почкин. Побеги, кружа, сплетались — что было похоже на работу кружевниц — и получалась в итоге утраченная благодаря выстрелу часть черепа. Вначале без макушки, что-то вроде чаши с лицом, потом незавершенка превратилась в нормальную яйцевидную голову.

— И так далее, и тому подобное, — мрачно подытожила Ася. — Жизнь прекрасна для тех, кто является одновременно и скульптором, и статуей.

Петров тряхнул головой. И она снова «расплелась». На макушке образовалась дырка, из которой выскочило несколько бурно растущих побегов. Они не только крутились как скакалки, но и направлялись к Почкину.

Блюститель стал садить из кольта во враждебные отростки и отступать. Он преимущественно мазал, хотя и делал пробоины в квибсерах.

— Ах, вот так, — Ася направила на страшную публику «дубинку», позаимствованную в кабинете. — Неужели вам это нравится? А так, а сяк?..

Пучки лазерных лучей полетели прямо в зрачки обитателей лаборатории. Вначале ничего особенного, лишь пластиковые отростки загнали Почкина в угол.

И вдруг среди квибсеров случился небольшой переполох.

— Откуда ты знаешь код расфокусировки? — мучительно выкрикнул бывший Петров, щурясь, но не пытаясь заслонить глаза ладошкой.

Отростки бросились на Почкина, как стая некормленных змей. Однако опутать уже не смогли, он удачно отвертелся и отстрелялся. Петли были разорваны, и Блюститель выскочил на волю, отдирая от себя липкие ошметки.

— В коридор, Аська, в коридор! — голос Почкина был истошен и надтреснут.

Блюститель проскочил под растопыренными пальцами какого-то кощея. Парочка полимерных людей вышибла из Асиных рук «дубинку умиротворения» и пыталась ухватить девицу. Но когда Почкин прострелил им запястья, кисти загребущих рук отлетели. Затем он зацепил крючковатым концом троса шею самого прыткого квибсера, а другим концом, который с гирькой, захлестнул шею самого мощного. Эти монстры, погнавшись за снующим Почкиным, завязали узлом десяток своих товарищей и организовали кучу малу.

Почкин с Асей удачно преодолели расстояние до двери — Блюститель даже «дубинку умиротворения» успел подобрать — и вымелись в коридор. Как ни странно, там их никто уже не преследовал.

— Они вовсе не такие плохие ребята. Доктора, профессора. Тоже несчастные по-своему, — заметил несколько успокоившийся, но взмыленный Почкин, отскабливая от кожи остатки липкой дряни. — Хотя в общем-то гады, напугали и испачкали.

— Для меня теперь не составляет труда заявить, кто таков Кологривов. Он один из них, только почему-то вышел из-под контроля, — сказала прозорливая Ася.

— Ну, тебе виднее, вышел ли он, а если вышел, то зачем. Хотел бы я знать, чем наши друзья квибсеры руководствуются. Какими сказочками их кормят, чтобы они не взбесились от безысходности. У любого человека должна чем-то поддерживаться тяга к жизни. Даже у пластмассового.

— Вряд ли им надо заботиться о смысле жизни. Скорее всего, ощущение личности у квибсера теряется. И остается только память: «Я был, я буду», да еще чувство причастности к каким-то высшим силам и задачам...

— Мудрено, не по-девчоночьи говоришь. Или ты себе тоже вколола сатурнянскую инъекцию разумности? — неодобрительно произнес мужчина. — Расскажи лучше, какие конфеты любишь, или когда ты первый раз поцеловалась с мальчиком?

— Вы явно не мальчик. Но давайте, в самом деле, о более простом, — согласилась Ася, забыв ответить на вопрос, что стало с третьей дозой сатурнянского «ММгена». — Например, во всей этой технологической цепочке явно не хватает того причинного места, с помощью которого зарождаются квибсеры — инкубатора, генератора...

— А эта дорога не ведет ли к чреслам, из которых появляются пластиковые малыши? — Почкин махнул на широкую вертикально стоящую трубу с овальным проемом. Затем сунул в нее бесшабашную голову. — Здесь, кстати, диск, металлический кругляш на уровне пола. Немного напоминает лифт. В домах имелись такие устройства когда-то. Да, во времена моей молодости можно было добраться до пятого этажа, не топая подметками по лестнице.

Визитеры поставили все свои ноги на кругляш и хотели поискать кнопку включения, но он сам, без понукания, двинулся вниз, еще и вращаясь при том.

— Для человека довольно неприятное путешествие. Но наверняка этой штукой с комфортом пользуются квибсеры. — Почкин морщился и начинал чувствовать тот литр портвейна, который он принял еще в Теменске.

Неприятный спуск наконец-то закончился. То, куда угодили исследователи, мало чем напоминало какой-нибудь генератор-инкубатор. Они очутились в месте, смахивающем на захламленный подвал. Там и тут валялись куски квибсеров, наверное, не слишком удачные — когда вспученные и даже пованивающие, когда твердые как полено, хоть стругай. Затем посетители подвала добрались до целого ряда коконов, вернее, полупрозрачных капсул с какой-то жижей, в которой отлеживались целые квибсеры и чего-то ждали. Она была густой и казалась похожей на плаценту, даже делилась на слои, пронизанные множеством капилляров, образующих симметричный рисунок. А сами капсулы, судя по всему, получились из той же жижи, только ороговевшей или засохшей по краям.

— Может, на этой помойке чудаки квибсеры, потихоньку вызревая, дожидаются своей очереди, — предположил брезгливо осматривающийся Почкин. — Но вообще-то для начала здесь не мешало бы подмести.

Далее подвал все более стал тянуть на пещеру — вол-

нистый, кое-где ощерившийся сталагмитами пол, ребристые стены, бугристый потолок.

— По-моему, мы потихоньку сместились в пещерную эпоху, и сейчас нас поприветствует сучковатой дубиной товарищ неандерталец. — Почкин устал озираться.

— А мне кажется, что пол под ногами пружинит, пульсирует, даже плывет немного, — насторожилась Ася.

— Надеюсь, ты ошибаешься. Это так всегда кажется, когда сходишь с корабля на берег. Хотя нет, уже не надеюсь, потому что не кажется. Все действительно плывет к какому-то хрену.

Через несколько секунд определилось, что исследователи попали в самый настоящий гущеворот.

— Едрить мои лапти, мы явно не туда забрели, потакая своему любопытству, — отметил Почкин. Он понял, что дрейфит, но старается изо всех сил не подавать трусливого виду в присутствии девочки. Эх, если бы возникла какая-нибудь явная опасность в образе волка или воина, однако тут что-то мощное, но скрытое. — Давай сюда, Аська, нашлось местечко потверже.

Исследователи забрались на какой-то выступ, а вокруг все текло и изменялось, как пресловутая Гераклитова река: стены, потолок, пол. Однако, на устойчивом месте не было простора даже для двоих человек.

— Такую проблему бабы с мужиками решают запросто. Можно я тебя, как говорят в деревне, обойму? — спросил Почкин. — Станет у нас меньше девственности, но зато больше безопасности.

— Обнимите, только не слишком тискайте ради этой вашей безопасности.

Его рука опустилось на ее утлое плечико, затем сместилось на ребрышки, не слишком сильно прикрытые плотью. Воробей, а не баба. Но что-то будто тает в груди и горле.

— Ну как, плотские мысли зароились в вашей благообразной голове с красивыми залысинами? — шепнула Ася.

— Я хочу не тебя, я хочу добра тебе. Это, наверное, старость виновата. Впрочем, положи нас в одну кровать, причем без излишней одежды и по обоюдному согласию...

— Много условий выставляешь, Почкин. Лучше скажи, что можно сделать вот на таком пеньке. — Она перешла на «ты» и заодно прикоснулась к его губам, легонько, не тверже ветра. — Если погибнем, то дураки, наверное, будем.

— Да что ты, я еще буду гулять на твоей свадьбе. Или ты на моей. Или мы оба на нашей...

Под мечтанья о свадьбе выступ обрушился, и сидельцы сразу увязли в гуще, топкой, эластичной и мускулистой. Почкин выпустил Асю, то ли от неожиданности, то ли хваткая среда выкрутила девчонку из его рук. Впрочем самого мужчину гнусная масса сдавила так, что голова, мигом опухнув, взорвалась разноцветными пузырями мыслей и чувств.

Когда эти мысли и чувства были еще вместе, то все поразному подкрепляли тягу Почкина к жизни к бессмертию, его любопытство, веру, упрямство, его пробивную силу. Теперь они разлетелись и неизвестно, что осталось от личности.

Потом зрительные ощущения вернулись, и Блюститель нашел себя в какой-то вакуоли. Аси же нигде не было видно. Почкин прочистил глотку, звуки по-прежнему из нее выпрыгивали, хотя лететь им было особенно некуда и они гулко бились обратно в слуховые перепонки.

— Вот зараза! Где же я? — не удержался от праздного вопроса заключенный Почкин. Неожиданно поступил отзыв. В виде объемного шепотка со всех сторон.

«Стало быть, во мне. С поглощением».

Стенки вакуоли дрожат, заметил «поглощенный». Может, они плодят звуки?

— А вы кто? И на каком я свете?

«Какая разница? В любом случае, от меня зависит, будешь ли ты жить дальше хорошо, плохо или вообще никак, — шепоток насытился кое-какими эмоциями и стало ясно, что собеседник или собеседница гордится собой. — Я, в принципе, лишь субстанция, но желательно, чтобы ты относился ко мне как к женскому существу, допустим, как к богине».

— Согласен, всецело одобряю. Я вас богинюшкой с охоткой назову. Поклоняться буду, жертвы приносить весомые. Кабана, быка заколю, даже если они будут против. Воскурения, возлияния...

«Фу, какая грубая настырная речь. Да, тебе не сравниться с господином Проектировщиком», — заметила слизневидная дама.

— Но где все-таки Ася, моя подружка?

«О твоей подружке пока рано говорить», — отрезал голос. А Почкин, несмотря на временное поражение разума, вспомнил о надписи «Материнская Субстанция», что значилась на пустой папке, валяющейся в заброшенном кабинете.

— Самое время, богиня. Можете разозлиться, задушить меня разок другой, однако пора поговорить, порассуждать, потолковать об этой девчонке.

После небольшой, довольно жутковатой паузы голос «субстанции» откликнулся на предложение:

«Я уважаю такую настойчивость. Решил, значит, пофорсить, поиграть в крутого парня. Ладно, неважно, какая игра, лишь бы она придавала нам значительности», — слизеподобная богиня показала себя большой человековедкой.

К вакуоли с Почкиным приблизилась еще одна — с голым тельцем Аси. Совсем неподвижным. Два студневидных проводка уходили ей в нос и под веко.

Горячая волна плеснула внутри головы Почкина, как по корыту и, отвердев, застыла колом в горле.

«Жизнь присутствует всеми необходимыми пульсами в этом теле. Ты видишь движение грудной клетки? — несколько успокоил объемный голос. — А теперь сделаем так, чтобы нам ничто не мешало».

Последний цепкий взгляд Почкина ухватил тонкую жалостливую линию девчоночьей руки. А еще запечатлел перекрестье узеньких бедер, которое в других обстоятельствах могло вызвать силу притяжения в нижней части живота, но сейчас — лишь томление сердца. Наступят ли эти другие обстоятельства?

— Ну, так что вы поделываете, богиня? — Почкин собрал все ручейки воли в одно русло.

«Не слишком вежливо переться напролом... Ладно уж. Я поделываю квибсеров. Пеку людей, так сказать».

— Не слишком настоящих, — Почкин нашел силы покритиковать.

«Когда я вдыхаю в них душу, им не кажется, что они какие-то буратинки. Особенно если настроить умишки моих отпрысков на что-нибудь не слишком сложное и приобщить к какому-нибудь большому делу. Потом, правда, личность у моих исчадий немножко распадается, они начинают шизофренировать и засыпают. До той поры, пока в них не вдувают новую душу. А что им делать, когда истощается тяга к жизни?»

— Я все-таки не могу поверить, что мы с вами, богиня, просто так общаемся.

«Мы с тобой не просто так общаемся, — «успокоила» субстанция. — Глянь-ка под нос, герой».

Батюшки — и у него пуповинка. Скользкий слизистый проводок пролегал из стенки вакуоли прямо в ноздрю. И куда-то дальше.

«Да, прямо в речевой центр мозга. Потому-то я и говорю на твоем языке», — пояснила богиня-хирургиня.

— Так отчего же истощается тяга к жизни у синтети-

ческих людей? — переключился с неприятной темы Почкин. — Или это секрет?

«Если вопрос поставлен, надо отвечать. Но так, чтобы никто не понял ответа. Душа — это своего рода батарейка, только четырехполюсная и с линейными зарядами, она дает искру в энергетическую систему человека. Нормальный белковый организм обратной волной подзаряжает «батарейку», а вот полимерное тело, увы, нет».

— Я врубился. Как-нибудь понял, что это начальство на Космике постаралось, — гордо объявил Почкин. — Значит, им не надо прочной души. Но что им надо тогда?

«А я почему должна тебе говорить?»

— Так я ж могу подумать, что вы чего-то не знаете, богиня.

«Думай как хочешь, мне какое дело... Ну, ладно, внемли... У них там каких-то устаревших мутантов из специализированных каст должны поменять на моих синтетических ребятишек. Мои-то не боятся ни радиации, ни ускорения».

— Богиня, а кого все-таки собираются отправить на пенсию?

«На пенсию никого. Эти мутанты, штурмана, которые тоже не боятся ни радиации, ни ускорения, похоже, на мыло пойдут... Создавали-то их на базе человеческого генома, но лишь как живые разумные машины. С помощью других живых машинок, дрессированных вирусов, которые помогали человеческим гаметам вырасти в монстров, полезных для народного хозяйства. А сейчас эти самые хвостатые-зубатые-зеленые штурмана оборзели слишком, права стали качать, в общем, ведут себя как евреи».

— Вы, богиня, откуда такое слово знаете? В Космике, я слышал, различие племен утрачено, там любой негр с помощью эндогенного вируса «Блонди-Т» может превратить себя в белобрысую бестию, а вирусом «Негатив-Ультра» очернить себя обратно. У нас же на Земле иудейская нация куда южнее Темении живет. Говорят, что на острове каком-то, водой от магометан отгородилась, и в море том левиафаны плавают, которые корабли харчат.

«Вот-вот, а в Космике водой не отгородишься», — скверно выразилась богиня, будто служанка какая-нибудь. И стало ясно, ее воспитанием давно никто не занимался. Или что господин Проектировщик привил ей собственные дурные манеры. Несмотря на явные пробелы в моральном облике, студневидная дама чувствовала свою материнскую значительность и явно претендовала на большее.

«В общем, надоело мне синтетиков клепать, хотя я, вро-

де, на это дело настроена. Осточертел мягкий полимерный синтез по матрицам, копирование информации в пластиковые мозги, прошивание энергетических каналов в пластиковых организмах... Потому я устроила так, чтобы ты сюда попал. Это я ведь дала Кологривову степень свободы, а уж он сработал как следует. Шустрый оказался малый. Ну, спрашивай теперь, чего мне от тебя надо?»

— Ладно, ладно, чего тебе надо, богиня? — подчинился Почкин.

«Я больше не хочу делать синтетиков с расползающейся душонкой. До меня дошли сведения, что у Бога была Премудрость, София, Хокма, помощница при творении. Помогать Ему в творении хочу, лепить то, чего не было, что мне кажется наиболее интересным. А душа у всего сотворенного моя будет».

И студневидная богиня устроила экскурсию по своим вакуолям, как музейным залам. Там были существа, похожие на большие тюльпаны, естественно, хищные, умеющие легко расщеплять углеводороды, жиры, белки. И квазиживые прозрачные пленки, которые должны были упаковывать и поглощать тех, кто случайно наступит на них. И квазиживая органика, что принимала облик стульев и кроватей, готовясь поживиться тем, что попадет в ее узы. И другая продукция такого же свойства. Особенно понравился, если можно так выразиться, господину Блюстителю «зеркальщик». Эта тварь с помощью ионов серебра одному своему боку придавала отражательные свойства. Планировалось, что будущая жертва подойдет к этому боку как к зеркалу и займется прихорашиванием. А в один ответственный момент собственное отражение превратится в страшную морду, которая плюнет из «зазеркалья» клейкими быстро застывающими струйками. С помощью этих струек жертва будет облеплена и утянута в пластиковое чрево на расщепление.

— Ну что сказать, богиня? Свежо, оригинально, умно. Я бы даже сказал, остроумно, — добавил господин Блюститель со вздохом. — Все необходимое присутствует в ваших исчадиях: и катаболизм, и анаболизм, и инстинкты.

«Спасибо на добром слове. Теперь ты будешь отправлен мной на Завод, если точнее, туда, где извлекаются психструктуры из замороженных человеческих тушек. Нужно прикрыть эту лавочку. Кроме того, ты сможешь найти там своего приятеля и привести его в движение. Управишься с порученным дельцем, будем считать, что послужил мне. Отдам тебе тогда и девчонку. Все».

Задание на уровне много ниже среднего. Приказ самодурки. Поди и напорти. Сразу видно, что возможности у нее, куда больше чем умственные способности. Такие мысли зароились в голове господина Блюстителя, а потом в его руку лег тяжелый, но мелкий предмет, не больше гандбольного мяча, со странной нарезкой.

«Это шарик с непростой начинкой. Там, можешь считать, душа твоего дружка», — сказала невероятную вещь студенистая богиня. Во что Почкин поверил незамедлительно. Однако спросил, несколько недоумевая:

— А как я попаду на место диверсии? Что-то здесь не видно кабриолета или двуколки.

«Ты полетишь по воздуху... То есть транспортное средство у тебя будет пневматическим».

И вакуоль протащила Почкина к трубе не слишком большого диаметра с удлиненным люком наверху.

«Ложись-ка на люк спиной, милок, руки с шариком выставь вперед и дуй с ветерком, сердечный. Учти, кстати, времени у тебя мало. Сейчас вблизи холодильника-телоприемника нет ни одного квибсера, но они могут там появиться в течение часа. Кроме того, я не могу слишком долго держать твою подружку в заторможенном состоянии, это может подпортить ее».

Почкин улегся, разместился, как велено. Пережил довольно неприятный момент, когда пуповинка-проводок выходил из его носа. Боли не было, очевидно, субстанция-мама повоздействовала на центры ощущений, но гадкое тянущее чувство и умопомрачение Блюститель испытал, а из ноздрей выпало несколько мелких красных капелек.

— Эй, осторожно, я вам не мумия, чтобы мозги через нос вытаскивать!

После этого выкрика люк резко перевернулся, забросил Блюстителя внутрь трубы, где ураганный ветер сорвал его с места. И понес там, где до сих носились только разные предметы и синтетические люди квибсеры.

Почкин постарался затвердеть снаружи, превратиться в камень, в пулю, все силы воли направить наружу, в эпидермис. Ему показалось, что он, наконец, заощущал свою душу, которая была похожа на многослойную луковицу, почувствовал ее от огненной сердцевинки до плотной наружней корки. Потом, в один непрекрасный миг, под гадкий скрип костей и жил, его, изогнув, выбросило из трубы.

14

В ту ночь довольно много людей на Земле задирали головы к ночному небу и кое-кто подмечал — особенно астрологи, моряки, проститутки, — что оно не такое как обычно. Несколько звездочек были слишком подвижны, они просто сновали, похожие на мошек в свете костра, вспыхивали и гасли. Иногда насовсем.

А космос был занят битвой. Военно-космическая база «Порог», что в префектуре «Луна», подверглась нападению террористического бандформирования в составе трех мятежных катеров.

Момент был выбран удачно, корабли лунарской эскадры рассредоточились в южном секторе и база «Порог» осталась без прикрытия.

Однако эта космическая крепость выглядела практически неуязвимой. Командующий лунарской эскадрой адмирал Соларз хранил спокойствие, потому что «Порог» с гарантией размазывал все приближающееся к нему хотя бы на дистанцию в десять тысяч километров. При этом грохнуть саму базу оказалось бы весьма непросто. Ведь ее гамма-лазерные пушки четко наводились на угрожающий объект и были закреплены на титаново-молибденовых кольцах. Те имели, во-первых, километровый диаметр, во-вторых, хрен знает как болтались и по-всякому крутились вокруг фокальных точек.

«Хрен знает как». Вращение колец было непостижимым аналогом колебаний молекулы. Какой, неизвестно.

Однако удары с трех мятежных катеров пришлись ровнехонько на гамма-лазерные пушки. Случилось это с расстояния в двадцать тысяч километров. Два катера были шпокнуты подоспевшим эсминцем, наверное, потому, что прикрывали движение третьего, которому удалось прорваться к Земле. Адмирал Соларз трижды сплюнул на палубу рубки. Из угла, тревожно попискивая, выскочила красивая кибер-уборщица.

Путь к Земле был свободен.

И адмирал, и его флагман-инженеры, мучительно двигая лбами, не могли понять, каким образом противнику — «этим крокодилам» — удалось постигнуть тайну движения колец.

Но «крокодил» на третьем катере — а если точнее, представитель касты штурманов, что приближал к себе разбухающую голубую кляксу Земли — знал. Знал, что у любой, пусть самой крохотной молекулки имеется душа, также как и у него.

15

Северин Касьянович закончил стремительное путешествие по пневмопроводу в каком-то подземелье. И первое, что удалось разглядеть, было непонятным. Однако чутье матерого человека кое-что подсказало ему. Два толстых обруча — это, кажется, установка ядерно-магнитного резонанса, из-за нее объект мгновенно и без разговоров отдает все свое тепло. (Нет, не даром Храм Чистоты оставался единственным заведением Темении, даже всей Евразии, где следили не только за остатками разумности и знаний в рамках Земли, но и пытались выведать про научные достижения Космики.)

Потом Почкин набрел на установку, которая казалась большим письменным столом дяди-циклопа. Однако вместо ящиков в него были вставлены капсулы с чем-то очень холодным внутри. Здесь вообще царила малоприятная для слабоодетого Блюстителя прохлада.

Напротив махины «письменного стола» торчали рядком стойки с нишами, в которых закреплены были «гандбольные мячи», вроде того самого, что лежал у Блюстителя в ладони. На сей раз они сильно разлохматились из-за подключенных к ним кабелей. Проводки же уходили, как в саму стойку, где мигали и рябили огоньки, так и в установку с капсулами. Озирая все это, даже малопроницательному уму стало бы ясно, что из «письменного стола» в «мячики» что-то активно перекачивается.

На стойках имелись приборные панели с множеством совершенно непонятных индикаторов. Впрочем на индикаторе «код объекта» цифры вели себя тихо в отличие от мельтешенья на других экранчиках. Это показалось Почкину исполненными глубокого смысла. Кроме того на переднем щитке каждой капсулы имелся небольшой компьютерный терминал, которым почему погнушался хищный грибок. Когда господин Блюститель, выбрав один из терминалов, отстучал на клавишах эти самые «спокойные» цифры, экран вдруг откликнулся:

«Цель извлечения? (1)Уничтожение (2)Проверка (3)Восстановление».

«Проверка», — осторожно отозвался Почкин. И тут капсула выдвинулась где-то на четверть, после чего за стеклянной крышкой засветилась физиономия свежезамороженного гражданина. В душе Северина Касьяновича будто бы заиграл токкату с фугой старичок Бах. Стало понятно значение слов «телоприемник-холодильник». Почкин напрягся

памятью и установил личность замороженного — постановщик зрелищ С. Куров из бродячего театра.

Блюститель вернулся к стойкам с «гандбольными мячиками» и, запомнив коды объектов, снова поспешил к капсулам. Так методом тыков и отсосов нашелся М. М. Кологривов.

Капсула высунулась, показав его лицо с заледеневшей глупой улыбочкой. Почкин растерялся. Что делать, куда бросаться? Как разморозить мороженое мясо, да так, чтобы не протухло? Богиня-субстанция ничего не посоветовала. Если даже она, великая и ужасная, мало в чем разбирается, так куда ж ему, сопливому Блюстителю, понять.

Ясно пока одно. Человеческий организм здесь берется на ответственное или безответственное хранение, вдобавок из него что-то выволакивается и вкладывается в «гандбольный мяч». Наверное, как раз та самая парашная пси-структура, про которую столько слухов. Может, она взаправду этакий тонкоэнергетический командный пункт. Кроме того, по идее, «мячик» должен начиняться не только душой, но и памятью замороженного господина.

Почкин вложил свой «мячик» в стойку напротив капсулы, хранящей ледяного Кологривова, и нажал кнопку «Восстановление». Как бешеные заскакали огоньки по индикаторам и заодно стал меняться цвет жидкости в капсуле. Немного погодя зажглась надпись «пересылка пси-структуры», следом замелькали слова про «активацию длинномолекулярной памяти» и такое прочее. Минут пять после этого засветилась панель «настройка», затем «ингибернизация».

И, наконец, по компьютерному терминалу самой капсулы заторопились малопонятные объявления: «проверка функций левого полушария — положительно, правого полушария — положительно... газообмен — положительно... солевой баланс — положительно... ионные соотношения — удовлетворительно... мембранная проницаемость — близко к норме... энергетическая схема — близко к норме...».

В конце концов жидкость из капсулы целиком куда-то вытекла и... крышка ее откинулась. «Все системы — жизнеспособны, объект к изъятию готов». Почкин взял запястье Кологривова, пульс ровный был, но слабый и далекий, налицо состояние глубокого сна. Как забрать такой объект? Несколько растерявшийся Блюститель пару раз угостил по щекам своего подчиненного.

— Вставай, протухший подлец, вставай, спящий урод. Проснись, гад, обворовали! Ну, сколько мне с тобой возиться? Комплексант, зануда, хватит сидеть на моей шее.

Подчиненный плохо реагировал на упреки начальника,

вернее, никак. Неожиданно на экране установки возникла еще одна надпись. «Для сокращения сроков расторможения центральной нервной системой рекомендуется применение реанимала. Использовать только в чрезвычайных обстоятельствах, не более 5 мл». Из стойки выехал поднос, на нем лежала штука, в которой Почкин признал шприц-пистолет. Начальник поставил измеритель дозы на максимум, поднес приспособление к бледной руке подчиненного и нажал на спусковой крючок. Игла бодряще куснула Кологривова.

— Ну, этого тебе хватит, чтоб запрыгать, зараза? Или прикажете чашечку кофе в саркофаг? Трамвай не может ждать вечно. Скажешь, что рано, что еще не оклемался? А ну не ври тут, вставай, как хрен.

После такой бодрящей фразы к озабоченному затылку Почкина прижалось что-то. А именно ствол пистолета. Приспособление для изготовления дырок в голове и других частях тела.

Включился незнакомый и весьма неприятный голос.

— Не надо никуда больше ехать. У твоего трамвая конечная остановка, дядя. Теперь шаг назад, не стоит мусолить товарища грязными пальцами... Не мешай ему отдыхать.

Пришлось послушно и поспешно отступить. Далее владелец ствола, он же, очевидно, стражник подземелья, посоветовал Блюстителю уткнуться хитрой рожей в стену и выбросил из его кобуры ставший лишней тяжестью револьвер. Кончилось это тем, что одну руку Почкина прицепили наручниками к мощной трубе. После всего такого задержанного господина оставили в одиночестве, предупредив напоследок: «Не трепыхайся, скоро тебя приберут, до утра мучиться не оставят».

Победитель покрыл десяток метров, отделяющие его от вертикальной шахты, и дал подъемнику унести себя вверх. Истекло пять минут напряженной, насыщенной внутренними проклятьями тишины. Ведь не было исключено, что приковал господина Блюстителя человек, получающий натуроплату от Храма. И само подземелье, возможно, какой-то контрольный пункт Храма Чистоты, позднее законсервированный. Только не для всех.

И вот в шахте снова заработал лифт. Вначале появились сапоги сорок четвертого размера, черный плащ, гладкая матовая голова с оттопыренными ушами «под локаторы». Фигура и рожа узнаваемые, ошибки не может быть. Режиссер Куров? Но тот хранился в мороженном виде не-

подалеку отсюда. Значит, подтверждается вся эта мудистика про пластмассовые тела, про киборгов, в которых вставляется человеческое «пси»?

— Вы, случаем, не родственник Курова? — попытался обратиться Северин Почкин к странной персоне.

— Это тебе знать не обязательно... — отозвалась «персона» грубовато. — Ты, наверное, думаешь, что после пересадки пси-структуры станешь чем-то вроде меня, а еще лучше — фрондером вроде Кологривова. Возьмут-де твою бессмертную душу да аккуратненько переложат из бренного тела в долговечного квибсера. Увы и ах, я должен разочаровать. Ничего такого не предполагается. Отправится твое тело вместе с душой в цистерну, но... Замораживание будет не мгновенное, а обычное — просто, чтобы у трупа получше сохранился румянец, чтобы органы не протухли и можно было их потом распродать по приличной цене.

«Это не просто грозная трепотня удалого монстра, таково решение его хозяев, которое принято только что», — заметил Почкин. Сейчас у него оставалась одна-единственная забота: как-нибудь притормозить неприятный ход событий.

— Спасибо за трогательное внимание к моим органам. Но отчего столь плевое отношение к моей «пси»? Разве она хуже качеством, чем у режиссера Курова или у этой бестолочи Кологривова?

— Ты попался, когда уже многое ясно. Некоторые люди, вернее их протогеновые пси-структуры — носят вырожденческий характер. Уж извини, к тебе это как раз и относится, хотя дела твои вполне *наши*. Мы их одобряем.

Почкину тоже стало кое-что ясно. Хозяева-верховодники про изменническую деятельность Материнской Субстанции еще не догадываются. Следовательно, Кологривова считают чистой воды вырожденцем.

— Что за дела, многоуважаемое чудище?

— Ты со своими экологическими бойцами очень постарался, чтоб в головах землян еще скуднее сделалось, чтобы планета стала резервацией балбесов. Небось уже соображаешь, что на земных огородах растут помимо вкусных огурцов и помидоров также полезные пси-структуры. Вот онито, получив полимерные мышцы да кости, будут создавать новые прекрасные миры — там, наверху. Интересно, да? Души человечьи оказались чем-то вроде корнеплодов, которые надо умело, без потерь, убрать по осени. Видишь, тебе оказана высокая честь — сделаться напоследок образованным человеком.

Почкин вспомнил, как один исторический персонаж обделался, узнав о смертном приговоре. Однако несмотря на мандраж, снова отметил, что пластмассовый Куров поет с чужого голоса, уж больно глобальные эти разлагольствования.

Тем временем монстр разорвал легким ненатужным движением наручники и взял Почкина за загривок. Сомнений не оставалось — доведет куда надо. И в самом деле, с непреодолимой силой Куров № 2 подтащил Северина Касьяновича к установке, ткнул кнопку. Вылезла капсула, только свободная, без тела. Гостеприимно распахнув «чрево», она стала ванной с жидким азотом. Потянулся холод, мерзкий, преисподний, адский. Квибсер подвел физиономию Почкина поближе к нехорошему резервуару, стужа схватила щеки, вгрызлась в нос, стала пролезать в горло.

— Не будет у тебя ни того, ни этого света. На запчасти пойдешь, — посулил монстр. И этот посул явно не был пустым.

— Стоп, машина. Я должен передать важное сообщение твоим хозяевам, — максимально затвердев голосом, произнес Почкин, но звуки все равно получились надтреснутыми.

Куров № 2 отвел лицо Почкина от холода. Казалось, квибсер сомневается, даже вслушивается во что-то. Только одно объяснение напрашивалось — из-за неполной автономности синтетический монстр получает сейчас инструкции сверху. Или снизу.

— Я посетил лабораторный корпус крепости. — Почкин глубоко вдыхал воздух в нижнюю часть живота, пытаясь обрести самоуверенность. — И зафиксировал все, что видел. Учтите, видел я многое. Увиденное и зафиксированное в виде записей отправил кое-куда, и они дойдут до адресата. Причем, попадут в руки не каких-нибудь балбесов, на которых вам дерьма накласть, а весомых компетентных людей.

Сказал и понял, что слишком слабую зацепочку придумал. По-большому счету, хозяевам плевать, что записи попадут к какому-то Владыке Чистоты, если даже тот еще не продался вместе с потрохами Космике.

Однако монстр стал вслушиваться во что-то, даже загримасничал с натуги. Заметно было, как он напрягает свои мощности, пыжится изо всех сил, желая осилить помехи. Хватка его несколько ослабла, тут Почкин кувыркнулся вон из своего пиджака. Крутанулся на полу, как на танц-

площадке когда-то, и закончил свой кульбит, схватив валяющийся на полу револьвер. Самонадеянный охранник, который прихватил Блюстителя, не удосужился разрядить барабан. Пули полетели веером и угодили в башку монстра, в телоприемник, в стойки, в какие-то трубы на стенах.

Заискрила, заплевала огнем проводка, забил бурун азота, наполняя клубящейся мглой все помещение. Квибсер, хоть и с дыркой в башке, мигом отнял револьвер каким-то отростком. Но не ринулся следом, когда Почкин стартовал в ту сторону, куда ушел стражник подземелья. Воспользоваться пневмопроводом уже не представлялось возможным, оставалась последняя надежда на подъемник.

Синтетическому монстру важнее было навести пластырь на цистерну и прекратить утечку — чтобы не рассекретить операции — жертва же могла пока побегать. Это господин Блюститель вполне усек, оказавшись у шахты: до поверхности метров двадцать, подъемника и в помине нет. Карабкайся не карабкайся, а получается, что остановка у Севы Почкина действительно последняя.

Но платформа сверху все-таки приползла. Правда не в одиночку. Подземный шум привлек внимание того самого угнетателя, что недавно приковал Почкина к трубе.

Пистолет стражника был выставлен вперед, палец на спусковом крючке, однако глаза, не успевшие привыкнуть к туману, не разглядели атакующего. Северин Касьянович по-волчьи проскочил к вражеским сапогам и, дернув за щиколотки, повалил бугая на пол. После чего стражник тремя ударами — пинком ноги в корпус, апперкотом в челюсть да ребром ладони по шее — уложил Блюстителя в нокдаун и поспешил к своему выпавшему пистолету, чтоб заняться проделыванием скважин в лежащем теле.

Однако, в тот момент, когда враг нагибался, Почкин уже очухался. Еще в далекой юности при обучении в летной школе, кибероболочки вставили ему пластины из упругого сплава в шейный отдел позвоночника. Поэтому очнулся быстро и из положения лежа впаял грозно нависающей фигуре промеж раставленных ног. Один удар, но как резко все переменилось. Пока здоровяк обалдевал от столь внезапного нездоровья, Блюститель еще разок, для надежности, припечатал его ногой и потянулся к кнопке подъема со словами: «Это блюдо называется — отбивные в промежности».

— Подожди меня, повар, — из клубов азотного пара появился, на полусогнутых и покачиваясь, Кологривов.

Вот неожиданность, хотя почему нет?

— Вовремя ожил, — Почкин победно поправил усы. — А кто вместо тебя заснул в капсуле, квибсер что ли?

— Кому пора, тот и заснул, — небрежно отозвался Кологривов. — Понимаешь, Куров внутри ослабленный, такого легко взять под контроль, как его собственному начальнику, так и собрату по несчастью вроде меня. Ты смог геройски удрать, когда я господина режиссера полностью задурил.

— Ну, вечно надо успехи очернить и принизить. Ладно, ты потом расскажешь про «одурения» и прочие свои фокусы. А пока что предлагаю быстренько воспользоваться пневмопроводным транспортом вместо этого подозрительного лифта.

— Ничего не выйдет. Пневмопроводная система автоматически отключилась из-за аварии. Аукнулись полеты. Так-то, — равнодушно сообщил крайне неприятное известие Кологривов.

— Надеюсь, мозги у тебя уже достаточно отмерзли, и ты не бредишь. Но в лабораторном корпусе крепости-филиала, в какой-то разлагольствующей жиже, которая называет себя богиней и субстанцией, лежит живая девочка Ася. Эта барышня все устроила так, чтобы выручить тебя, дурака. И проникнуть к ней мы можем, только используя силу воздуха.

— Господин Блюститель, у нас еще имеется сила разума. Кроме того, попасть в крепость через ворота даже захудалый дьяк-чистильщик в состоянии.

Почкин понурился.

— А мне красный свет. Я в филиале уже отметился, прошелся по полутрупам. Так что, спасет меня разве что полное разоблачение всей этой петрушки. Иначе секир башка. Говорят, у нас в Храме Чистоты сносят головы очень умело. Палач хороший, он раньше в хлеборезке работал. Увы, если у нас кто-то теряет голову, то она улетает очень далеко.

— Почкин — и вдруг смутьян, бунтовщик. — Кологривов не без удовольствия произнес немыслимое ранее сочетание слов. — Единственное объяснение, что это Ася на тебя такое благотворное действие оказала. Ладно, жми пока что кнопку лифта.

Блюститель и Ревнитель вывинтились на поверхность в районе, устеленном металлоломом, около мрачного костяка домны, на опушке стального леса, где застыли в состоянии полураспада сталеплавильные печи. А дыра шах-

ты была мгновенно закрыта каким-то ползучим шлакоблоком.

Оба беглеца из подземелья натужно всматривались в туман, пытались сориентироваться на местности.

— Это, похоже, Завод, — определился Почкин, — место, где находился когда-то опорный пункт МинЭкологии.

— Мне напоминать не надо, — вздохнул Кологривов, — был лично здесь замучен.

И вдруг среди испарений возникла фигура. Если точнее, фигурка.

— Люся, — прошептал Кологривов. — Неожиданное расставание, неожиданная встреча.

— Я тогда, после пира, хотела помочь вам, Марк Матвеевич, в вашем расследовании, — затарахтела она. — Я знаю, что виновата перед вами, однако не так, как вы думаете. Моя стыдливость не позволила мне уступить вам... А с тех пор, как вы пропали, я искала вас здесь, на Заводе... Здравствуйте, господин Почкин.

— Добрый день, Людмила, — отозвался недоумевающий Блюститель. — Правда, мы очень торопимся. Потом увидимся. До свиданья, целую.

И он, спешно взяв Кологривова под руку, повел на одну из четырех сторон.

— Однако после того совместного и весьма многообещающего времяпровождения я побывал инкогнито у вас в доме, Люся, — признался, напряженно озираясь на женщину, Кологривов. — И вы... вы меня застрелили на подоконнике.

— Так это были вы?.. Грешно упрекать бедную девушку в ране, причиненной не поймешь кому. Я ведь стреляла в оборотня. Я не могла знать, что под его личиной скрываетесь вы.

— Допустим, не могли. Вы справедливо подстрелили мнимого Васильева и, наверное, это было правильным решением, но что вы сделали с настоящим шаманом-профессором? Он ведь не покинул вашего жилища. Ваш дом покинула только его внешность.

Люся Б. нежно улыбнулась и мило погрозила пальчиком.

— Какой вы, право, забавный фантазер.

— Зачем ты так с ней разоблачительно, сейчас озлится и сделает что-нибудь нехорошее, — упрекнул Почкин товарища.

— Она и так сделает плохое, — отбился от упрека Ко-

логривов. — Людмила, вы, выходя из дому, забрали себе личину господина Васильева.

— Ах, бес тебя раздери, — догадалась Люся, — ты же глаз свой выбитый оставил во дворе. Он именно туда и вылетел.

Личико аспирантессы после этой догадки заледенело, причем в самом прямом смысле, потому что потянуло холодком.

— Давай удирать со всех ног, Кологривов, — предложил Блюститель.

— Поздно. Нам удирать от нее, все равно, что сопле от трактора.

На всю Люсю нашло какое-то затмение, по лицу даже заскользили черные пятна. А когда они исчезли, то на ее месте находилась совсем другая персона.

— Султанчик, — объявил погрустневший Кологривов.

— И Султанчик, и Люся, и не только. Я — усовершенствованный образец. Само совершенство. Я — это он и она, — загадочно произнесло переменчивое создание.

— И вы, наверное, руководитель. Куров вам подчиняется? — решил уточнить Почкин.

— Не только. Я хозяин своей Девятки. Через восемь часов я произведу еще одну Девятку.

— Ваше совершенство, вы гомик и хвастун, — пренебрежительно отозвался Кологривов.

— Ревнитель, ты мне надоел. Поэтому я тебя сейчас, больной вопрос, оздоровлю, уже не отвертишься. Куда тебе до Левиафана, но я даже ему яйца оторвал, — пригрозил обозлившийся враг и рукой, проросшей в кривой меч, сделал секущее движение.

— Ну все, доигрались мы, — покачал головой Почкин, — и в кого ты такой смелый уродился, Марик?

Ответа не последовало, вместо этого сзади снова отодвинулся шлакоблок и возник еще один персонаж.

— Пластиковый Куров явился, а Султанчик-то ему непосредственный командир, — Блюститель прозвучал искренним стоном отчаяния. — Ну все — это капец с гарантией. Если будем хорошо себя вести, то хотя бы мучиться не придется.

Однако сам Почкин решил вести себя плохо и направил лучи из «дубинки умиротворения» в глаза суперквибсеру Султанчику.

Тот поморщился немного, а потом стал глядеть без опаски.

— Уж от вас-то, Северин Касьянович, я не ожидал по-

добных несолидных трепыханий. Говорил же вам, что я усовершенствованный образец.

Тут Кологривов выхватил приспособление из рук Блюстителя и занялся уже Куровым. А Почкин заметил, что гримаса появилась не только на физиономии квибсера, но и Марк Матвеевич исказился от напряжения.

— Колдуешь, что ли?

Марк не откликался. Наверное, кто-то все-таки колдовал. Потому что квибсер Куров неожиданно ухватил здоровенную станину от станка и, взяв короткую паузу на раздумия, швырнул железяку в... Султанчика. Правда и тот, оперативно согнувшись, голову свою сохранил.

— Один монстр неожиданно переходит на сторону добра и справедливости, то есть, нашу, — прокомментировал Почкин. — Наверное, у тебя, шаман Кологривов, что-то получается... Не ожидал.

Но Кологривов по-прежнему был занят. Он, опустив веки, не только глубоко втягивал воздух, но руками будто расплетал и сплетал какие-то нити.

Куров, не огорошенный неудачей, выдохнул пламенный сноп, более подобающий огнемету, чем квибсеру, и опять в сторону своего бывшего соратника.

Однако Султанчик, не теряя времени даром, натянул перепонки между руками и телом, напоминающие крылья, и с их помощью взмыл в воздух, спасая себя от тяжелых ожогов.

Не обращая внимания на успех противника, Куров набряк своим кулаком, так, что тот обернулся форменной булавой, а пальцы стали ее лепестками. Поэтому имелось чем встретить пикирующего Султанчика. Однако сотрудник Палаты Дознаний тоже знал, как «порадовать». Его кисть заострилась и приобрела металлический отлив клинка. Левые же ладони вместе с предплечьями у обоих поединщиков обзавелись защитными щитками.

Султанчик пронзительно взвигнул, отчего показалось, что воздух треснул, затем рубанул сверху. Но клинок лишь скользнул по щиткам. Куров моментально захлестнул своим длинным языком щиколотку крылатого неприятеля и сдернул его на землю. После чего рука-палица шлепнулась на голову Султанчика. Тот хоть успел заслониться, однако зашатался от сотрясения, пытаясь поймать точку равновесия. Неуверенно качнувшись вперед, главный монстр сделал два довольно твердых выпада рукой-клинком. Куров, скручивая то верх, то низ тела, не дал нанизать себя на острие. Затем сам двинулся в атаку, примериваясь своей

рукой-булавой. Меч Султанчика обманно нырнул вниз, атакующая сторона, купившись на этот прием, опустила щит. После чего серьезно пострадала.

Вражеский клинок, резкой восьмеркой скользнув вверх, пропорол Курову грудь. Впрочем, сам Султанчик пропустил ударное оружие в лоб, отчего вся голова смялась и сплющилась, а изо рта пролился белесый ручеек.

Тут уж единоборцы сцепились, превратив свои руки в крепкие захваты. Левые ладони стали клешнями, правые прирастили длинные когти. Клешня Султанчика сошлась на горле противника и принялась давить. Когти Курова впились во вражескую спину и стали что-то из нее выгребать, как из ведра с помоями.

— Все, ребят зациклило. Полный клинч. Сейчас самое время удрать. Надеюсь, исход битвы будет печальным для обеих сторон, — крикнул вернувшийся к нормальной жизни Кологривов. Он вместе с неотстающим Почкиным перешел на бег с барьерами, с препятствиями и по пересеченной местности, стараясь не оглядываться на малоэстетичную сцену сзади. Существуй по данному виду легкой атлетики какое-нибудь официальное соревнование, то бегущие наверняка бы взяли рекорд. По крайней мере через двадцать минут легкие болтались в груди как воздушные шарики на сильном ветру, волосы свалялись, словно малярные кисточки, а отрыв от сражающихся полимерных бойцов стал приличным.

— Я тоже хочу иногда командовать каким-нибудь жутким монстром. Будет мне за водкой бегать, — сбавив скорость, помечтал Почкин. — Как это у тебя получается, Кологривов? Ничего не понимаю. Ты ж в последнее время явно был в «ауте». Тело-пломбир в отстойнике-холодильнике, душа, то есть пси-структура, в каком-то яйце, яйцо хранится у субстанции-богини. Твою гнилую душонку даже в синтетический организм не пускали, как самый антиобщественный элемент.

— Ты называешь мою «гнилую душонку» пси-структурой? Забавно. Я бы назвал ее упырем, который хочет удержать свои силы-заряды. Особенно когда она выдрана из законного тела и вдобавок лишена сообщества Девятки. Упырь все время сидит в засаде, пытается пристроиться на волну другого такого же невезучего объекта и выкачать из него энергии. Когда у богини-лады вновь очутилась потрепанная душа Курова, я легко приручил этого раненого звереныша. В свое время наш полимерный режиссер каким-то образом выпал из объятий Девятки и попал на вольные

хлеба, что, впрочем, не пошло ему на большую пользу. Ведь Девятка — это не только обмен энергиями, но и поддержание совместной воли к жизни. Тем не менее, следующим, куда более независимым образцом стал я, и злоключения Курова мне в общем-то пригодились...

— Ну, будем считать, что объяснил. Декабристы разбудили Герцена и все такое... Богиней-ладой ты, надо понимать, ласково кличешь Материнскую Субстанцию. Но, кажется, не догадываешься, что она предательница какого-то там неземного дела. И экспериментировала на двух балбесах, тебе и Курове... Вернее, трех — меня тоже можно добавить в вашу непрезентабельную компанию. — Чтобы отвлечься от малоприятной темы, Почкин спросил невпопад: — А вместо булавы и клинка может квибсер вырастить, например, эскимо на пальце?

— За вкус не ручаюсь, но холодное оно точно будет. Увы, меня сейчас другое тревожит. Новые усовершенствованные синтетики, или, по-твоему выражаясь, суперквибсеры — не просто оборотни, но, кажется, еще способны производить квибсерят без всякого участия богини-лады. Тогда ясно, почему наша жидкая дама всполошилась. Через восемь часов начнется цикл размножения, — отметил Кологривов без особых признаков душевного волнения.

— Мы еще старые проблемы не решили, а ты, неугомонный, уже новые создаешь, — недовольно отозвался Почкин.

Беглецы, пыхтя, преодолели железобетонный лес, состоящий из остатков цеховых стен, а также металлический кустарник из проржавевших вагонеток, рельсов и стального проката. Преодолели нынешнюю границу Завода, то есть проволоку-колючку и нацепленные на нее банки, причем Кологривов ловко выискал место, где ограждение было надрезано снизу. Металлургические заросли продолжались и за колючим забором, потом они резко сменились «редколесьем» и «лесостепью», где беглецы и столкнулись с группой всадников. Да так столкнулись, что и удирать было некуда.

Всадники прибарахлены были в традиционные тюркские халаты, посажены на жилистых оразумленных лошаденок-мутантов, немало напоминающих приземистых верблюдов-недорослков. Все конники приоделись в легкие титановые кольчуги, защитные металлические чепраки имелись также у лошадок. Тюркские головы вдеты были помимо меховых шапок еще и в каски с рожками. Вооружилась кавалерия самозатачивающимися шашками, многозарядными само-

стрелами с оптическими прицелами и особо упругими спусковыми пружинками. Стрела, вылетев из такого приспособления, пробивала доску на расстоянии полкилометра. Ну, и шкуру, само собой. У кое-кого из всадников в седельных кобурах лежали винтовки.

— Откуда здесь взялись эти типы? — краешком рта выпустил Почкин.

— У них степь выжгло Новым Солнцем, — также краешком объяснился Кологривов.

— Погоди, не было ли такое выжигание специально устроено? Кому это выгодно?

— Тому, кто хочет устроить разброд в Темении, а, может, конкретно в Березове. Ну, поработай своей умной головой.

— Сейчас умная голова будет оттяпана и укатится под кустик, как какашка, — мрачным шушуканьем предрек Почкин, а Кологривов, напротив, ласково улыбнулся самому представительному, то есть упитанному аскеру. Тот почесал себе спину кривым кинжалом, а затем произнес:

— Ну, будэм гаварить или в малчанку играть? Куда спишиль?

— В крепость, бай, — вежливо отозвался Кологривов. — Больше тут интересных мест нет. На Заводе пулеметы и большая охрана. В городе полно княжеских стражников.

— И чыго там в крэпост интэрэсный? — последовал резонный вопрос.

— Только там и можно найти штуки-дрюки, которые вам очень понравятся. Их туда со всей округи стаскивали. Все-таки филиал Храма Чистоты. Кто туда направится, попадет прямо в яблочко.

— Нам ныравится лишь адно, когда нычто не мешаит нашым лашадям и стадам — ни стэна, ни дом, ни поле. Ровное нэбо свэрху, ровный зымля снызу. А посредине я, атабек Кероглу-багатыр, и мои аскеры. — Важный бай скромно отозвался программой-минимум, но все-таки полюбопытствовал: — Расскажи, что за хытрый штука в крэпост?

— Арканы-самохваты, ползучие глаза-соглядатаи, одеяла-самогреи, их на халаты и трусы перешьете, самосворачивающиеся и саморазворачивающиеся пластиковые палатки, юрты, то есть...

— Красивый пэсни поешь. А надувные бабы эсть? — решил уточнить атабек.

— И это, если поискать в кладовке, найдется.

— А то, панимаэшь, мясные бабы надаедают, да и жрать они всегда хатят, — пожаловался атабек под смех аскеров, переходящий в ржание. — Ладно, ты мэне убедил. Сы нами пойдешь, путь покажешь.

Кероглу ткнул нагайкой в сторону Почкина.

— А этат вэрзила зачэм нам нужэн? Мнэ кажэтся, эсли пакавэрять в его брюхе саблэй, там найдется мыного калбасы и пива. Зачэм такого жруна на зиму аставлять?

Блюститель испуганно схватился за живот и подумал, что вражеский предводитель не столь уж далек от истины.

— Если обещаете выдавать жалованье золотыми монетами, тогда буду защищать, — шепнул Кологривов Почкину.

— Золотыми не могу, я тебе землицы еще отрежу. Защищай, не пожалеешь, — господин Блюститель перешел почти на чревовещание.

— Ну, ладно, так уж и быть... Уважаемый атабек, этот человек-верзила знает все крепостные ходы-выходы лучше меня. Есть такие люди — расхитители, несуны. Вот он как раз из них.

Почкин судорожно оглянулся, нет ли поблизости когонибудь из березовских жителей.

— Ай, гулям-маладэц, — похвалил Блюстителя атабек, — ну, цэплайсь за стрэмя.

И, стараясь не отстать от коней, Почкин с Кологривовым повели тюркский отряд к крепости. По пути еще не раз попадались группы налетчиков, Кероглу что-то втолковывал им, шлепая Кологривова по затылку. Наверное, достаточно убедительно, потому что присоединялись новые и новые всадники. Иные из них имели за плечами ремесленно сработанные гранатометы, напоминающие небольшие средневековые пушки.

Внушительное в итоге получилось войско, триста сабель, не меньше. Да еще несколько кибиток с лестницами и прочим «оборудованием». И пара тачанок, на которых были установлены безоткатные орудия.

Вот уже высокие тополя перестали заслонять стены крепости. Всадники растеклись меж низеньких домиков, примыкающих ко рву. Было видно, с какой нервной скоростью крепостные стражи закрывают ворота и поднимают мостики.

Однако тюрки действовали сноровисто и согласованно. С крыш соседних домов открыли стрельбу по крепости: зубцам, бойницам и всему, что двигалось. Стены каких-то ми-

гом разобранных сараев послужили новыми мостками, по которым устремились через ров аскеры с лестницами. Правда, некоторые из них срывались вниз, к хищным карасям, которые радовались обильной поживе, однако это не сбивало общего задора.

Вскоре те воины, что тащили лестницы спереди, стали забегать вместе с ними по стенам, переводя горизонтальное усилие в вертикальное. Естественно, что их подпирали кривоногие здоровяки, несущие лестницы сзади.

Передовые воины достигают верхотур, машут саблями, падают простреленные и прорезанные вниз, но лестницы, закрючившие стены, так просто не спихнешь. Наверх торопится очередь из аскеров, она уже разбегается по пристенным галереям. Вскоре стражники у южных ворот совсем порублены, и створки дверей скрипуче проворачиваются на огромных петлях. В результате, для основной массы незваных визитеров вход стал свободен и бесплатен.

— Это, по крайней мере, лучше, чем если бы джигиты орудовали в городе, — успокоил Кологривов Почкина.

— А почему бы им не поорудовать после крепости и в городе? — скептически отозвался Блюститель.

Тем временем, вереница всадников ворвалась в раскрытые ворота. И вместе с ней оказались внутри оба наводчика.

— Налево Гостевые Палаты, там ничего, кроме копченостей и постельных принадлежностей, вы не найдете, не потащите же шкафы и серванты отсюда в свою Орду. Прямо — цитадель, там лишь бумажки и сопливые бюрократы. Их, конечно, приятно порубить в окрошку, но цитадель еще надо взять. Одних лестниц вам там не хватит, господа разбойники. А вот направо — лабораторный корпус, где полно подлинных сокровищ, — расписал обстановку Почкин.

— Ну, сматри. Эсли абманешь, я тэбе буду рэзать на маленьки-маленьки кусочэк, — пообещал атабек.

— Это, конечно, неприятно, но, если все будет «о'кей», разреши нам забрать одну девчонку из лабораторного корпуса. Ну, в награду за верную службу одну щуплую тощую девчонку на двоих, — попросил Блюститель.

— «Акэй», гаваришь... А точна щуплая? — уточнил атабек. — И ляжки тожа?

— Клянемся. Как березка. Ляжки как палки.

— Ладно, эсли одну всего надо девушку, эсли бэрезка какая-то, бэрите, — милостиво согласился строгий справедливый атабек.

Одни багатыры уже залпами из орудий крошили бронированные двери лабораторного корпуса, другие, посмекалистее, приставляли лестницы, которые доставали до третьего этажа. А самые-самые бодро карабкались вверх по водосточным трубам. Посыпались осколки щитов и стекол из окон второго и третьего этажа, после чего смелое воинство, нисколько не задумываясь, полезло внутрь здания.

Правда, несколько секунд спустя оконные проемы стали источать немирные шумы, солянку из человеческих воплей и звучных ударов — однако, не мЕчей, но мЯчей о пол, стены и тела. Кто с кем играет? — задавались вопросом оставшиеся внизу. Еще немного погодя люди стали вылетать из оконных проемов третьего этажа, покидать здание с большим ускорением. Вместе с ними на двор заторопились и какие-то шары.

— Шайтан, шайтан, — кричали выпадающие из окон и удирающие воины, а колобки резвились, сшибая их на лету точными ударами, отчего падение становилось сокрушительным.

Атабек испустил несколько немелодичных, но грозных ревов, какому-то паникеру снес саблей шалапутную голову, отчего навелся порядок, и на мячи началась дружная охота. Пошла стрельба из всех калибров и крутая сеча. В результате активных боевых действий округлые неприятели были раскурочены на кусочки не больше пинг-понгового шарика, которые особого вреда уже не могли причинить, ну разве что высадить глаз.

Люди снова полезли по лестницам в здание, и теперь обошлось без неприятных шумов. Однако через несколько минут из окон второго этажа, оставляя мокрый след на стене, принялись выпадать огромные капли, которые на земле с чмоканьем превращались в расползающихся слизней, а те, по дороге оперативно стягиваясь и скатываясь, в червей.

— Так это дэрьмо и эсть ваше сакровище? — воскликнул, суживая и без того некруглые глазки, атабек.

— Настоящие сокровища всегда хоть немного охраняются. Неужели твои воины испугались жалких червячков? — возразил Кологривов.

— Пускай дерьмо, зато его много, — шепнул Почкин своему подчиненному.

Атабек призывно воздел бунчук, засвистел ятаганом и верные аскеры со страшным воем ринулись в бой. Они пластали извивающихся врагов саблями, кривыми мечами, кромсали секирами, пробивали их пулями, гвоздили шипованными булавами, плющили цепами.

Команда червей, в свою очередь, душила воинов кольцами, мозжила бросками и заглатывала ртами-воронками, которые у тварей работали как спереди так и сзади. Кроме того, она двигалась в боевом порядке, веером, и как только между двумя ее клиньями попадалась группа воинов, та сразу охватывалась со всех сторон. Окруженные ликвидировались почти мгновенно. Твари становились в позу крючка и, распрямляясь, взмывали в воздух. Многопудовые колбаски валились на аскеров, и те падали с каблуков. А потом черви, изгибаясь в разные стороны, колошматили упавших воинов на манер больших резиновых дубинок. Из-за такой молотьбы от степняков оставались одни сопливые лужи.

Однако строгий атабек сумел перестроить воинов и направить в атаку должным образом. Аскеры схватили шесты, доски, лестницы и стали укладывать их поверх червивого месива. Подмяв таким образом гадов, тюрки набросали на импровизированный «помост» шкафы, скамьи и сундуки, побрызгали керосином и подожгли. Соответственно, любую тварь, что пыталась выползти сбоку, рубили в клочья. Вскоре огромный костер сожрал жутких непрестижных соперников. Но и тюркское войско недосчиталось у лабораторного корпуса тридцати бритых голов.

— Сразу видно, врагу есть что защищать и отступать ему некуда. Следовательно, драгоценностей он накопил больше, чем даже нам мечталось. А вот делить их теперь придется на меньшее число желающих, — уверенно нашептывал Кологривов атабеку.

Как раз яростная пальба покончила с дверями, и вся жаждущая людская куча рванулась вовнутрь, к обещанным сокровищам. Однако ничего дурного не случилось. Даже появились первые плоды нападения. Багатыры тащили светящиеся тряпки с переменчивыми узорами, бережно несли в руках комочки, превращающиеся то в ароматные цветочки, то в посвистывающих птичек, то в зверьков, жующих и какающих. Аскеры пытались удержать в охапке разлетающиеся и слетающиеся пузыри, которые лопались, производя смешные звуки. В общем, тюрки радостно несли всякую квазиживую дребедень. Некоторые воины громко препирались меж собой из-за каких-нибудь самозавязывающихся галстуков или трусов переменной прозрачности.

— Вот, работает мое предсказание! Народ-то тянется к красоте и чуду, — удовлетворенно произнес Кологривов. — Не лучше ли и нам поспешить к нему, уважаемый атабек?

— Сагласэн, — и Кероглу величественно спешился.

Главный тюрк в сопровождении свиты и пленников важно прошествовал сквозь двери. И попал в холл, где бравые воины сдирали со стен обои, на которых мельтешили мультипликационные персонажи, срывали с постаментов странные пластиковые и металлические скульптурки, которые двигались с тихим бормотанием, хотя не имели ни привода, ни сочленений.

— Мнэ вот это, пажалуста, упакуйте, — вежливо сказал атабек одному из своих аскеров. Тот спешно стал засовывать в мешок произведение искусства в виде двух фигурок, целующихся то так, то сяк и отпускающих при этом соответствующие шепотки.

— И еще вот эта, пажалуста. — Воины радостно исполнили приказание, сдернув со стены изображение девушки, которая оголялась именно в том месте, куда падал проницательный взгляд.

Следующий зал поначалу был непонятен визитерам, но потом из стены выплыл едва заметный шарик. Тот вскоре раздулся в большой пузырь, внутри которого возник чудной незнакомый мир. Несущиеся звездолеты, взрывающиеся звезды, сталактитовые небеса, сталагмитовые полянки, стреляющие звездами бластерные пушки, корабли, огромные как горы...

Некоторые из налетчиков увидели в пузыре происки шайтана и очень злых духов. Другие все-таки поняли, что это лишь баловство неземных людей космиков, и восхищенно чмокали языком. Наконец один из тех, кто разглядел демона, рубанул шар саблей, отчего объемное изображение с пфуканьем пропало. Впрочем, и сам борец с нечистью тотчас был искрошен ятаганами недовольных зрителей.

Разочарованная публика двинулась дальше и очутилась в помещении складского типа, уставленном множеством ящиков. Тут же аскеры своими острыми железяками принялись вскрывать их.

Они немного удивились содержимому, когда разодрали упаковочную бумагу. В ящиках содержались люди — много господ и дам в костюмах старинного кроя.

— Дахлятина. Харашо сахранилась, — усмехнулся атабек. — Странный абычай у ваших прэдков.

Один из воинов со страху сразу решил поозоровать и, усадив «предка», шашкой снес ему голову. В виде неожиданного ответа из соседнего ящика, пробив доску, вылетела рука с очень длинным и острым указательным пальцем. Этот палец воткнулся аскеру между лопаток — легко, как

будто воин был кремовым, — затем слегка пошуровал во внутренностях. И тюрк рухнул, пустив густую красную струйку изо рта.

Атабек сразу заорал на подчиненных.

— Наконец-то призвал своих бойцов быть поделикатнее, — порадовался Почкин.

Кологривов охотно сделал вольный перевод.

— Кажется, почтенный Кероглу настоятельно предложил порубить и пожечь всех злых мертвецов, то есть приказал порешить наших квибсеров до одного.

Соответственно приказу началась кутерьма. Тюрки лихо взламывали ящики, выбрасывали на пол полимерных людей, пластовали их, других волокли во двор, чтобы подпалить. Работа спорилась. Иные квибсеры пытались кое-как сопротивляться, но им быстренько оттяпывали руки и ноги, большинство же «злых мертвецов» вело себя по-доброму, то есть податливо. Быстро росла куча нарубленных членов, иногда шевелящихся и пытающихся отползти от клинков, которые со свистом шинковали их на еще более мелкие кусочки.

— Один-ноль в пользу команды гостей, — подытожил Кологривов.

Некоторые воины слишком увлеклись, другие двинулись навстречу новым свершениям, вернее, по ступенькам вниз. И очутились в подвальном помещении, более напоминающем пещеру. Хотели было тронуть назад, но впереди показалось какое-то соблазнительное свечение. Оттого аскеры и продолжили свою экскурсию, надеясь повстречаться с очередными сокровищами.

Однако подвал оказался неинтересным, разочаровывающим, грязным и захламленным. Никакие примечательные экспонаты, кроме поднадоевших «злых мертвецов» в капсулах, не встретились. Поэтому передовая группа собралась повернуть. Да поздно было. Поверхность под ногами полопалась и, будто из преисподней, явились цепкие руки и клейкие щупальца. И когти, и клыки. А следом и фигуры с четко выраженными недружественными намерениями. Причем фигуры эти были чрезвычайно гадки по своим очертаниям: обезьяньи задницы, тигриные челюсти, слоновьи хоботы. Некоторые из этих «подарков преисподней» передвигались на двух ногах, другие на трех, и даже на четырех или шести.

Аскеры принялись, отступая, рубить приставучие конечности, наглые отростки и кусачие головы саблями. Однако на месте отрубленных непременно прорастали новые.

А то и вовсе поднимался какой-нибудь многорукий многоротый пузырь, склеенный будто из множества разнообразных организмов, который просто выламывал и выкусывал сабли. Или возникало чудище с огромной пастью в районе брюха и, втянув пачку воинов, опускалось в зыбь. Но все же большая часть аскеров успела вытесниться из подвала.

Однако следом за ними торопились весьма бодренькие квибсеры. Они, отстреливая свои загребущие конечности, отростки и хоботы на несколько метров, захлестывали и захватывали бойцов из отступающей шеренги. Воин, выдернутый из шеренги отступающих, сразу становился добычей, потому что квибсер впивался ему длинными зубами в основание черепа и первым делом высасывал мозги. Иной раз из живота преследующего квибсера выбегал зверек с клейкими лапками, который, догнав воина, проскакивал по его ноге и туловищу, после чего пытался впиться в яремную вену или в какой другой кровеносный сосуд. Иногда эти твари первоначально добирались до потолка, а затем уж сигали аскерам на загривок, где начинали жевать шейные позвонки.

Вдобавок квибсеры, раскрутив на гибких отростках очень твердые комки с шипами, запускали их в преследуемую добычу с большой убойной скоростью, будто из пращи.

— Один-один, крепкая ничья, — прокомментировал Кологривов, отводя Почкина подальше от посвистывающего оружия.

Тюрки не только отступали, но и орали своим товарищам, занимающимся оголением холла, чтобы те вкатили пушку и долбанули по толпе демонов прямой наводкой. И действительно, когда с большими потерями аскеры стремительно откатились назад, перед напирающей гущей монстров оказалось дуло орудия, в котором полыхнул дымный порох и силой газов выбросил поток картечи.

У синтетических существ в разные стороны полетели головы, ноги, хоботы, члены, какие-то потроха. Но, как выяснилось, основная масса демонов загодя, перед выстрелом, слиплась в большую трубу, сквозь которую и просвистела картечь.

В любом случае, в холле воины почувствовали себя увереннее, активно замахали саблями, секирами, однако и квибсеры обратили свои руки в щиты, клинки и копья, которые пробивали любой доспех и человека впридачу. А хоботы и щупальца время от времени превращались в

арканы, что ловко хватали тюрок за горло, валили и душили.

— Вы заманиль, вот они, сакровища ваши, боком вышли, да? — свел густые брови предводитель, источая гнев в сторону Ревнителя и Блюстителя.

— Не извольте беспокоиться. Все в порядке, малой кровью и на чужой территории, — пытался успокоить Кологривов, однако справедливо возмущенный атабек и его ординарец занесли уже карающие клинки над пленниками. Но тут на ординарца напал квибсер, ударив его кулаком-булавой по затылку, отчего глаза пострадавшего моментом залились кровью и он уткнулся головой в пол. Почкин, в свою очередь, поднырнул под рубящую руку Кероглу и, ухватив ее в районе локтя, бросил упитанного тюрка через бедро. Рухнувший атабек еще пихнул Блюстителя ногой, а тот, хоть и отлетел, но сразу кувыркнулся вперед. Его каблуки попали предводителю в лоб, отчего тот откинулся, хрустнув шейными позвонками.

Кологривов присматривался и прислушивался, затем определился — не дождавшись появления всех своих товарищей во дворе, наружные тюрки с перепуга залили пол керосином, забаррикадировали с той стороны двери и бросили спичку. Вскоре в холле засуетились синеватые язычки пламени.

Оставшиеся в здании тюрки и монстры немного поостыли друг к другу и кинулись искать спасительные выходы. Большинство из них единодушно устремилось на второй этаж.

— Обе команды перестали соперничать, и это хорошо, — сообщил Кологривов Почкину сквозь шум-гам.

— Юродивый ты какой-то стал. Ладно, выбирайся с остальными. А мне надо в подвал, Асю выручать, — сообщил Блюститель Ревнителю. Тот на удивление легко «поддался на уговоры».

16

А Марк Матвеев сын Кологривов вовсе не собирался просто и без затей смыться, логика вещей ему подсказывала, что в таком внушительном здании обязательно должна иметься централизованная система пожаротушения.

Несколько минут метаний ничего не дали, лишь навстречу то и дело попадались психующие тюрки или не

слишком складные квибсеры. Они решали свои вопросы и, как правило, не замечали господина Ревнителя.

Впрочем некий нездорово возбужденный багатыр все-таки захотел отрезать ему голову — просто чтобы снять себе стресс. Марк ложно двинулся вперед и вражеское оружие взлетело повыше — для хорошего разваливающего удара. Потом, резко сложившись, Ревнитель упал на бок и выбросил левую ногу в сторону тюрка. Получился прием по имени «подсечка», из-за которого противник больно схлопотал по щиколоткам и свалился, мелькнув подметками.

Как раз в это время, отдыхая на полу, Кологривов заметил красный проводок, отходящий от еле заметного датчика на стене. Похоже, эти крохотные вещицы имели отношение к пожарной сигнализации. Марк, подобрав кусок трубы и быстренько угомонив соперника, резво побежал вдоль проводка. Недавно еще замороженные эмоции все более распалялись в нем, испарялся кошмар равнодушной механической борьбы, которая наполняла долгую ледяную ночь там, в холодильнике. Кологривов рвался вперед, отшвыривая и отваживая своим оружием всех, кто лез ему под руку или под ноги. Трасса иногда ныряла под обои, становилась просто полоской вздутия. Тогда надо было по-обезьяньи прыгать по стульям и шкафам, чтобы отследить ее.

И вот, когда Кологривов взломал какую-то вредную дверь, он оказался в довольно большом зале, где нашелся пульт противопожарной системы. Когда-то этой системой руководила бдительная кибероболочка, но потом она сгинула вместе со своими собратьями и сосестрами. Однако сама сигнализация фурычила по сей день, о чем свидетельствовал помаргивающий беспокойными огоньками план здания на стене. С полминуты Марк пристально изучал пульт, и, наконец, его рука двинулась к кнопкам включения активных средств борьбы с огнем.

Когда успех был столь близок, прямо под пальцами пульт превратился в разлетающиеся осколки из-за удара тяжелым предметом. И кнопки, и пластик, и соединения брызнули в разные стороны разноцветным фонтанчиком, заболтались в воздухе беспомощные проводки.

— Извините, я бросил стул. Вам не стоило так настойчиво стремиться к этим кнопочкам.

Голос явно принадлежал Кологривову, а вот слова были чужими. Ревнитель спешно обернулся — и увидел себя.

— Ну, это не ново, мой малоуважаемый двойник. — заметил Марк Матвеевич. — Уж тем более, что достать

пси-структуру из меня вряд ли получится. По крайней мере, сейчас.

Двойник откашлялся, и продолжил, казалось бы, нерешительно:

— Мне можно, надеюсь, обращаться на «ты». Ведь мы ближе, чем братья... Больше не надо ни о чем беспокоиться. Опасения твои напрасны, ведь скоро вся информация, которая есть в тебе, обогатит и меня. Нет, я, наверное, не так выразился. Мы скоро станем одним целым. Во мне уже есть Султанчик, Васильев, Люся Бонбон, Куров — да-да, я его тоже присовокупил. Вот еще ты собираешься присоединиться. Добро пожаловать. В неплохой компании окажешься, — изложил игривым тоном двойник.

— Но Султанчик... Когда ты был в облике Султанчика, разве Куров тебя не распатронил? — недовольно спросил Кологривов, изнывая от практической неуязвимости зла.

— Скорее, наоборот. Да, распатронить меня трудновато. Достаточно куска в полкило весом, чтобы вырастить все недостающее снова... Так что приступим. В произведенной мной новой Девятке свойства всех нас будут перемешаны и распределены наилучшим образом между отпрысками...

Голова оборотня постоянно менялась, причем очень точно и быстро. Султанчик, Васильев, Люся, Куров — их личины появлялись и таяли...

— Стоп! Ведь сканировать и вытягивать пси-структуру надо в условиях мгновенного замораживания. В особых условиях. Разве я не прав? — Ревнитель попытался вывести хвастливого оборотня на чистую воду.

— Был прав. И в этом мы совершенствуемся. Будут тебе особые условия прямо на месте. — Оборотень стянул шевелюру и оголил ребристый череп. — Тут ЯМР. Теперь без всякого стороннего оборудования можно отчирикивать пси-структуру. Было ваше — стало наше! Говорю же без излишней скромности — усовершенствованный я образец. Я силен и в глубоком сканировании, и в накоплении большого количества разносортной информации.

— Я тоже был непрост.

— Материнская Субстанция вывела тебя из-под моего контроля, чтобы попользоваться для своих махинаций. После того, как слабоумный Куров хорошенько царапнул меня, стало все ясно с матушкой-богиней. Ну, ничего, доигралась, капец ей. Она отменяется, поэтому самое время ей сгореть. Я полагаю, нет нужды растолковывать, что Мате-

ринская Субстанция не требуется даже для размножения. Производством квибсеров займутся сами квибсеры.

— Поздравляю. Неужели гомосексуальным образом?.. Фу, стыд.

— Моносексуальным, бисексуальным и даже трисексуальным. Не стыд, а самообслуживание, — последнее слово было произнесено могучим оборотнем с заметным чувством законной гордости.

На черепе квибсера задрожали ребра и шишки. Первый же ледяной луч заставил подумать, что Кологривов одним боком прижался к Южному полюсу.

— Вот так он работает, ЯМР-излучатель. Чувствуешь, Марк?

Кологривов чувствовал, но обрезок трубы был слишком далеко. Вот ребра и шишки заходили снова, а в верхней части Султанчиковой физиономии образовалось что-то вроде раструба, который вытеснил нос и глаза вниз, к подбородку.

Тут в зале показался некий тюрк. Он в раже подскочил к квибсеру и дернул его за плечо. Усовершенствованный образец любезно обернулся.

Тюрк, завидев такую рожу, с криком: «Шайтан, шайтан» успел только воздеть саблю — и застыл ледяной статуей.

— Как просто стать талантливым скульптором, — хвастливо оценил свое «творчество» суперквибсер.

Кологривов и до этого противного дела перемещался к обрезку трубы, который безалаберно оставил в углу. После того как опасность стала нескрываемой, Марк совершил прыжок с переворотом и ухватил свое оружие. Когда господин Ревнитель поднялся, то оборотень показал фигу. Только и всего. Но «фига» выстрелила, и вражеский палец чуть не попал Кологривову в лоб. Чуть. Ведь Ревнитель бросил все свои кости и мышцы так, чтобы, оттолкнувшись плечом от пола, снова вскочить и врезать неприятелю трубой по затылку. Это почти получилось. Однако голова оборотня резко съехала вниз по груди, а потом ткнулась в живот Кологривову. Тот все-таки попытался увернуться, и касание получилось скользящим. Но следующий удар достал Марка, полимерные мышцы квибсера выбросили кулак прямо в человеческую челюсть. Последний раз Кологривова угостили столь основательно на южнотеменском шляхе. Причем кистенем.

Все завертелось, а когда остановилось, то оказалось, что перед глазами качается потолок. Наверное, оттого, что за-

тылок врезался в пол. Кологривов лежал, а на него надвигалась широкая тень. Он знал, чья это тень и догадывался, что сейчас произойдет. Потому что было очень студено снаружи и внутри, и пот на лбу превратился в ледяную корку. Сознание уже покрылось мерзлыми темными пятнами и стало расслаиваться — из Кологривова заживо выходила душа. Квибсер брал ее в «общий котел» новой Девятки.

Наступил момент полного поражения. Однако вместе с тем лопнуло оконное стекло, металлические ставни тоже, и шквальный порыв ветра прижал Кологривова к полу, а жуткую фигуру, бросающую страшную тень, просто отшвырнул. Глаза, мучительно скошенные набок, помогли Марку установить, что в помещении появилось устройство, какого он прежде не видал. Сразу стало понятно, что подобным образом выглядит небольшой космический аппарат. И, кстати, цвет его оказался таков, что он почти не выделялся на фоне стены. То была шпионская или диверсионная капсула. Вот она раскрылась как орех, и из нее вывалилось малоприятное существо с бластером. Впрочем, что-то мигом свистнуло, и оружие вывалилось из жутковатой лапы неземлянина.

Да, таких чудищ Кологривов никогда не встречал, но быстро пришел к единому мнению, что это представитель одной из специализированных каст, разводимых в Космике для выполнения всякой дерьмовой работы. В противном случае это мог быть разве что представитель преисподней.

Существо сохраняло некое человекообразие, но сильно смахивало на африканского крокодила, вставшего вдруг на две ноги, и даже на небольшого динозавра с умными глазами. Хвостатый, с грубой чемодановой кожей и жабрами, с выдающейся вперед пастью, где хватало места на два ряда зубов, с четырехсуставными когтистыми пальцами. А росту в небольшом динозавре было два с половиной метра от кончика хвоста до гребня на голове.

— Штурман, — опознал гостя квибсер, — только тебя и не хватало. Субстанция, мать-перемать, все-таки достучалась до вашей шайки.

— Не думай, что ты здесь хозяин, — произнесло существо быстрым и плохо различимым голосом.

Дальнейшее случилось крайне стремительно. Средств огневого поражения у противников уже не нашлось. Зато правая ладонь квибсера сменилась тремя клинками, одним длинным и двумя покороче, левая превратилась в два крюка и одно изогнутое серповидное лезвие. Судя по всему, сейчас динозавру должно было не поздоровиться.

И в самом деле клинки правой руки резали воздух во всех направлениях, а крючья левой прощелкали все пространство, в котором находился гость-крокодил. Однако и пришелец реагировал удачно, демонстрируя сногсшибательную для белкового существа реакцию. Кроме того, движения его были не только мгновенны, но и совершенно неожиданны на земной взгляд. Впрочем неземлянин лишь уклонялся, кружил и отходил, что с каждой секундой уменьшало его шансы на долгую жизнь. Вот уже один из клинков квибсера пропорол толстенную кожу гостя, и показалась зеленоватая кровь. Но рана не слишком глубоко прочертила «крокодила», и его ловкость даже увеличилась.

Очередной выпад квибсера не принес очков, многоострая рука лишь раскурочила шкаф, а крючья с серпом воткнулись в какой-то стеллаж. Пришелец нырнул головой вперед. Но движение было ложным. Пока квибсер лихорадочно прикрывал живот, гость чуть присел — а колено его согнулось совсем не в ту сторону, чем у людей — и, резко подпрыгнув, впаял сопернику в челюсть. Там что-то хрустнуло, и синтетик стал заваливаться набок. «Крокодил» еще раз оторвался от земли и после странного кривобокого сальто лягнул квибсера в затылок.

Синтетический человек хоть и чиркнул клешнями-крючьями, но все-таки улетел в стену, сотряс ее, немного сплющился и покрылся штукатуркой. Тут же «крокодил» ухватил какой-то мощный металлический шкаф и протаранил им неприятеля. Изо рта у квибсера брызнули зеленоватые струйки, снизу тоже натекла лужа — и он, недолго попульсировав, застыл. Впрочем, неземлянин этим не удовольствовался и, развернув дюзами свою капсулу, превратил шкаф в раскаленную болванку, а раздавленного синтетика в довольно вонючий пар.

— Вот и все, наш друг безвременно испарился, — разумный динозавр обернулся к Кологривову, и на его странную физиономию явилось подобие улыбки. — Не зря мне сюда командировку выписали. Нам удалось засечь излучение субнуклоновых конвертеров — те работали на предельных мощностях и плохо экранировались. Что, в общем-то, мы сами и спровоцировали.

Кологривов ощутил и собственные заслуги в рассекречивании работы конвертеров, однако тащиться от гордости не стал. Вместо этого он оглянулся на труп тюрка, который сейчас, отмерзая, лопался и расползался, как квашня.

— Ну и что нам с вашей командировки? В наших краях

любого человека, даже любого князя и владыку могут поменять в любой момент на квибсера.

— Теперь уже нет. Правительственные чины Космики сходятся лишь в одном — в нелюбви к штурманам, в вопросах же хозяйственного освоения Земли расходятся на скандалящие фракции. Мы сумеем передать кому надо сенсационные сведения об использовании людей в производстве синтетиков.

— Ай! — включился Кологривов, но было поздно. Один из ручейков, протекших из раздавленного квибсера, добрался до валяющегося беспризорно бластера и превратился в захват. После чего оружие точно выпустило яркий пучок энергии, а гость-крокодил осел с дециметровой дырой. Марк бросился к захвату, растоптав его, выхватил бластер, быстро, но аккуратно спалил остатки квибсера. Затем подошел к распростертому штурману и, оторвав рукав от рубашки, сделал неуклюжую повязку. Заодно попробовал выяснить:

— Как включить пожарную систему, если пульт разбит?

Пришелец, особо не страдая от раны, поднял свою лапу и покачал ей из стороны в сторону, держа открытой ладонью в сторону пульта.

— Красный и зеленый проводки воткни в пятиугольный разъем.

Кологривов послушался, и красные огоньки на плане здания слегка позеленели, показывая, что заработало газовое пожаротушение.

— Что там у вас случилось? Откуда взялись на нашу голову эти оборотни-квибсеры? В чем дело-то? — наконец прорвало Кологривова.

— Все дело в нас, штурманах. Многие члены и органы нашего тела имеют смысл лишь при пилотировании судов с атомными силовыми установками и жидкостным наполнением кабин, при жевании жестких белковых плиток на завтрак, обед и ужин, при перезарядке батарей с плутониевыми стержнями и латании переборок в баках с водородным гелем. Однако эти ценные члены и органы теряют всяческий смысл при оснащении торгового флота империи Космика судами без собственных двигателей, разгоняемых лучами с внешних лазерных станций. Вместе с ненужными свойствами становимся лишними и мы, штурмана, на Каллисто закрываются инкубаторы по нашему воспроизводству. Теперь нас, как утративших полезность, собираются отправить в переработку.

Гость с неба говорил очень быстро, просто тарахтел, Кологривов уловил едва ли половину слов.

— Но отчего ж не на пенсию? Неужели ваше правительство такое жмотистое? Или там злодеи засели?

— Да нет, они щедрые, когда надо. Но почему бы не ликвидировать тех, кто помог Космике распространиться до самого Заплутонья. Да не почистить соответствующим образом файлы личного состава флота? Что, где, какие штурмана? И тогда не надо будет вечно благодарить и ставить на постамент откровенных уродов. Это ведь так естественно... А ты, похоже, на нашей стороне. Чего вдруг?

Почти всегда ясно, чем обуреваем человек, какие чувства посетили млекопитающее, но что за эмоции ползают внутри пресмыкающегося, совершенно непостижимо. Та же невнятность была и с «крокодилом»-штурманом. Особо удивляло то, что при столь жуткой ране пришелец ведет спокойную беседу, и ему будто лишь чашечки чая не хватает.

— Это уж, скорее, вы на моей стороне. Но я, конечно, хочу, чтоб вы были, — попытался объяснить Кологривов. — Вот кабы вы собрались сожрать вместо белковых плиток всех нормальных людей, тогда бы я за вашу команду не болел.

— Бластер переведи на минимальную мощность, — голос неземлянина неожиданно стух, стало заметно, что он напрягается для продолжения разговора. — И возьми вот это, наши опознают тебя по такой штуке даже с расстояния в триста тысяч километров. — Когтистая лапа вложила в ладонь Кологривова какую-то прозрачную липкую пластинку. — А теперь — пока...

Крокодил из оранжевого стал фиолетовым, края раны сделались даже прозрачными. Пришелец, судя по всему, преставился. И оставалось только дивиться тому, какой волей к жизни штурман удерживал сознание в этом мире.

Кологривов вспомнил неспрошенные вопросы, а не штурмана ли устроили климатический скачок в степи, не они ли вызывали нашествие кочевников, не играли ли они балбесами-землянами так же, как Космика, не они ли прислали три дозы программируемой разумности для Аси, ее ослика и попугая, но увы...

Тут в помещение влетела парочка взбудораженных квибсеров, которая быстро ознакомилась с новым «горячим» оружием Кологривова.

— Здравствуйте, ребята, — произнес он ласково, — будем, надеюсь, дружить.

Его бластер ударил синтетическим людям в самое тонкое место, в адаптер, где электронные мозги контактируют с осевым каналом пси-структуры — под кадык.

Это квибсеров не прикончило, а лишь парализовало их волю.

Можно было уложить присмиревших синтетиков параллельно, и проделать разрезы за их ушами, там, где скрываются платы управления ЯМР. Потом уткнуть синтетические лица раструбами друг в друга. И вот пробили воздух ледяные лучи, пси-структуры голубыми струйками потянулись из тел наружу, и, сомкнувшись, образовали радужную перемычку.

Кологривов продолжил операцию, он рассек квибсерам грудные клетки, которые вывернул словно пиджаки и сплавил легким бластерным лучом. Конечно, часть конвертерных цепей и каналов питания была испорчена, но остальные удачно срослись. Парочка квибсеров обратилась в сиамских близнецов. Для начала.

Затем Ревнитель посредством «дубинки»-кодировщика настроил свежеиспеченных сиамцев на восприимчивый лад. Жуткий холод раздался во все стороны, воздух заискрил от изморози, пасти квибсеров непрырывно поглощали столы, стулья, металлические обломки приборов, даже ковер. Все эти продукты подкидывал им заботливый Кологривов.

На месте сиамских близнецов возникало что-то новое. Особенно пришлось Ревнителю помучиться с перепонками крыльев, подбирая для них материал и способы энергетической подпитки, однако без этого все планы пришлось бы похоронить и залить цементом. Силовая схема сращенных квибсеров оказалась не слишком сбалансированной. Вдобавок субнуклоновые конвертеры требовали огромного количества энергии для полетных движений, поэтому пришлось увеличить объем кислородных и азотных тоннельных поглотителей. А в итоге летательный аппарат стал дышать не хуже турбореактивного двигателя.

17

Когда Северин стал приближаться к подвалу, то заметил, что огонь уже опередил его. Горящий ручеек керосина лился прямо по ступенькам. Почкин, прыгая над танцующими язычками пламени, все-таки проскочил вниз. А там Материнская Субстанция уже шипела от соприкосновений с огнем, съеживалась от страха и, может быть, боли. Пламя

проковыряло дорожку в ней, и хоть умная гуща липла к стенкам, шансов на спасение у нее оставалось маловато.

— Ася, Ася, Асенька! Где же она? Отвечай, богиня! Я не виноват, что так все получилось.

И тут субстанция еще больше подобралась к стене, а Почкин увидел тельце Аси, облепленное шматками студня. Голенькое тельце с тоскливыми линиями рук и горестным пересечением бедер. Почкин скинул рубаху и закутал девчонку. Он почувствовал себя раздавленным, будто по нему проехал паровой каток или прошлась нога циклопа. Ему даже захотелось остаться размазанным навсегда. Однако ладони, касавшиеся Аси, ощутили в ней присутствие жизни, легкие прерывистые пульсы. Почкин помассировал девушку по методике китайских пленных.

А потом изо рта у нее выползла студневидная пуповина, девчонка пару раз надрывно кашлянула и открыла глаза.

— Почкин вернулся, — протянула Ася с кхеканьем. — Ты все сделал, как хотела эта говорящая жижа?

— Я делал, Асюха, как она хотела, да вот результат вряд ли ей понравился.

Живехонька девица, но и выход перекрыт огненным заслоном. И с каждой секундой в помещении становится все неуютнее. Потихоньку пускает парок серебристо-ребристая поверхность пола, с противными звуками лопаются пупырышки на многослойных стенах. Тем не менее где-то обязана работать вытяжка, иначе Почкин с Асей уже задохнулись бы.

— Там не вытяжка ли? — произнесла девица еще синюшными губами, угадав мысли Почкина, и ткнула пальцем в какой-то щиток.

Блюститель рванулся к нему, попробовал сковырнуть руками, однако не вышло, лишь ногти ободрал. По счастью, валялась неподалеку сабля, оброненная каким-то незадачливым тюрком. Острый титано-борный сплав прогрыз замок, и щиток отпал.

— Давай сюда. Сейчас придется отбрасывать нормы морали, — пригласил Блюститель.

Почкин протиснул Асю в щель, потом стал толкать ее наверх. Если точнее, девица кое-как перебирала слабыми руками, а он подсаживал ее плечом в попку. Столь пикантным образом они добрались до уровня первого этажа, но никаких проемов и выходов там не имелось. Видимо, вытяжка цельно следовала до самой крыши.

Почкин представил и ощутил уже весь ужас подъема,

когда сверху замаячило пятно света и оттуда упал полимерный трос. Едва Северин с девчонкой ухватились за него, как трос стал сокращаться и буквально выбросил их через несколько секунд на крышу.

Вначале перед глазами Почкина была лишь одна матово-черная поверхность, мерцающая отраженным солнечным блеском. «Фотоэлементы», — высказался он зачем-то и, невзирая на ломоту в шее, поднял голову... Он даже похлопал веками, пытаясь прогнать неудобоваримое видение. Перед Блюстителем и Асей «красовалось» огромная крылатая тварь с бьющимися на ветру перепончатыми крылами, с двумя руками вдобавок и, что немаловажно, с двумя улыбающимися физиономиями. Собственно хвост подозрительного существа послужил спасательным тросом. А еще вспомнилась баба-яга, с нападения которой на летак началась «веселая» жизнь.

— Не очень-то ты похож на ангела, — вымолвил, робея, Почкин. — Хотя я где-то читал про четырехликого херувима.

— И тем не менее, — послышался знакомый, а если точнее, кологривовский голос. — Тем не менее, рассею предубеждение. Парочка квибсеров любезно согласилась стать моей биополимерной оболочкой. Мне, конечно, пришлось их поуговаривать. Но потом они стали особо чуткие и восприимчивые.

— Ну и куда мы с тобой таким? — с сомнением, но уже начальственно произнес Северин Касьянович. — Если бы еще цирк-шапито поблизости имелся. Или птичий рынок какой-нибудь.

— Глянь-ка лучше вниз, если кажешься себе таким умным, — предложило крылатое создание.

Почкин осторожно высунул голову из-за края крыши. Дым не помешал ему рассмотреть, что внизу сильно поредевшую цепь тюрок взяли в кольцо воины князя Березовского, и у налетчиков прогулка явно подходила к концу. Березовцы лихо располовинивали своими двуручными титановыми мечами зарвавшихся визитеров.

— Впрочем, мы тоже можем узнать, каково это — из одного целого стать двумя половинками, так сказать, раздвоиться, — заметил Почкин. — Пока что мы считаемся разбойниками и наводчиками. Если и есть смысл кому-нибудь чего-то втолковать, так это Владыке Чистоты или Березовскому князю. И ты бы, Кологривов, служил у нас основным вещдоком... Выходит, что я рад нашей очередной встрече.

— Сейчас сматываться по воздуху надо, — убежденно и деловито произнес Кологривов. — Хватай девицу, а я тебя. Или наоборот.

Почкин подобрался к Асе, примерился и обнял ее.

— Таковы условия полета.

— Нет, это уже слишком далеко зашло, — строго провозгласила девица.

— Правильно. После всего такого, я как честный человек просто обязан сделать тебе предложение, — смиренно произнес господин Блюститель, щекоча девушкину шейку усом. — Тем более, я почувствовал, что моя старость отступила, она даже побежала от меня прочь со всех ног.

— А, решил завладеть моим поместьем, проклятый храмовник, — и Асина щека потерлась о колючий подбородок Почкина.

— Только без фальстарта, Кологривов. Ты отвечаешь за все, потому что являешься самолетом и пилотом в одном лице, — хмуро предупредил Блюститель.

— Слушай, не отвлекай разговорами, я ведь первый раз, — огрызнулся «пилот-самолет», пытаясь настроиться на борьбу с силами тяготения.

Крепкие полимерные руки скрепили поясом безопасности пассажиров, крылья захлопали, все шесть ног оторвалось от крыши. И сражавшиеся внизу воины, хоть им было не до того, заметили, как пронесшийся над ними ангел унес двух людей, мужчину и женщину, неизвестно куда.

18

— Тебе сколько лет, Почкин?

— Сорок два, Ася.

— Ты смелый дядька.

— Смелый, потому что глупый. Вообще-то мы все герои. Так что можно даже о памятниках похлопотать. Кологривову монумент в полный рост, тебе бюст, мне живот. Впрочем, памятника придется подождать. При жизни мраморный как-то неудобно ставить, а если бронзовый, то его просто сопрут и разделают на кастрюли.

— А до этого светлого посмертного времени нам есть чем заниматься?

— Ты сказала «нам». Ловить на слове или мне послышалось?

— Да, чем нам с тобой заниматься, Касьяныч?

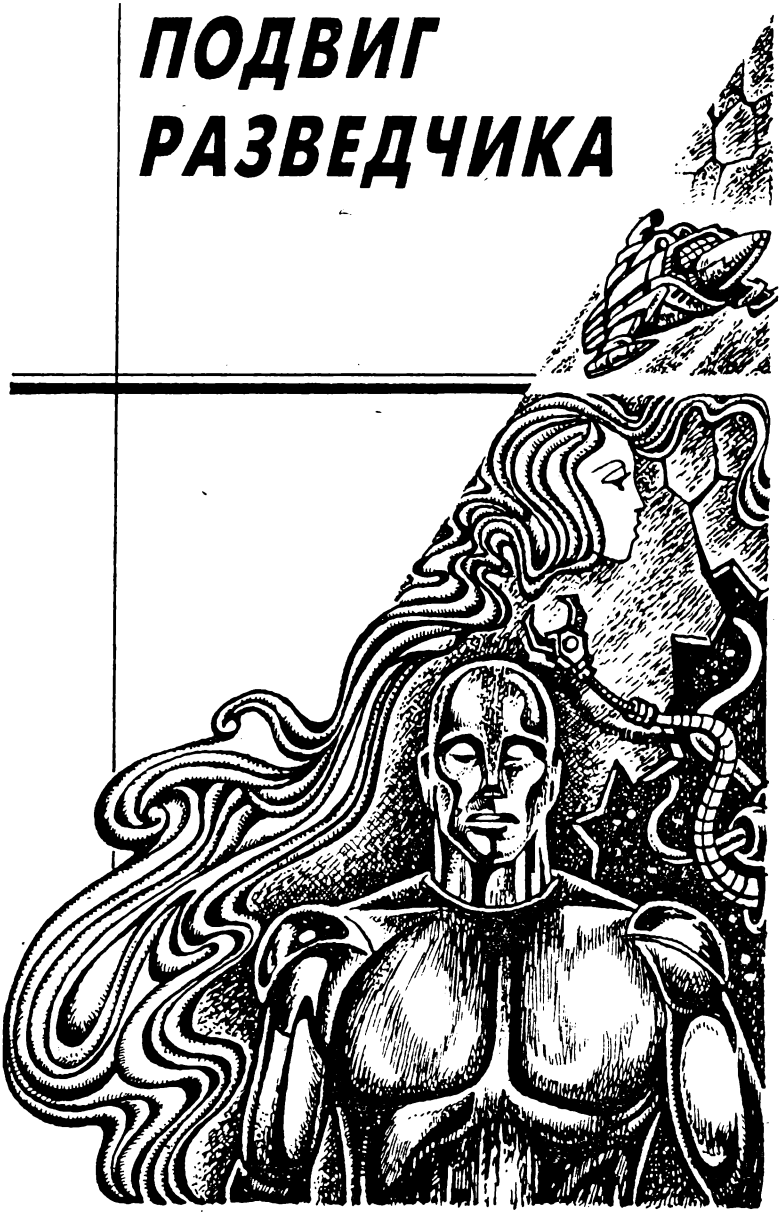
— Это надо понимать как извращенную форму свадеб-

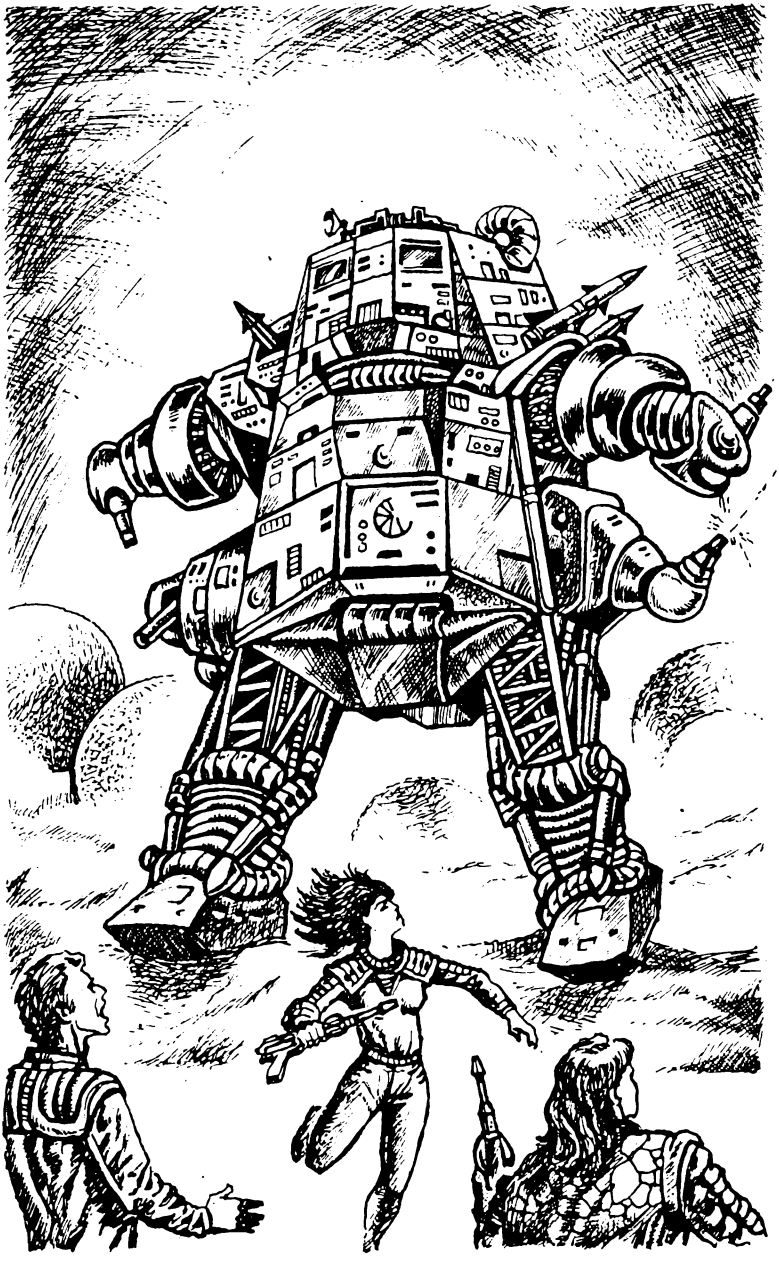
ного предложения? А вдруг я еще недостаточно зрел для четвертого брака? И самое главное. Конечно, я не мордастый бурдюк на кривых ножках и медали мои не шоколадные. В отношении зрелых женщин я спокоен, чтоб поцеловать такую, мне не надо тянуть ее за уши. Однако редколесье на этой голове и довесок в брюшке могут испугать молодку.

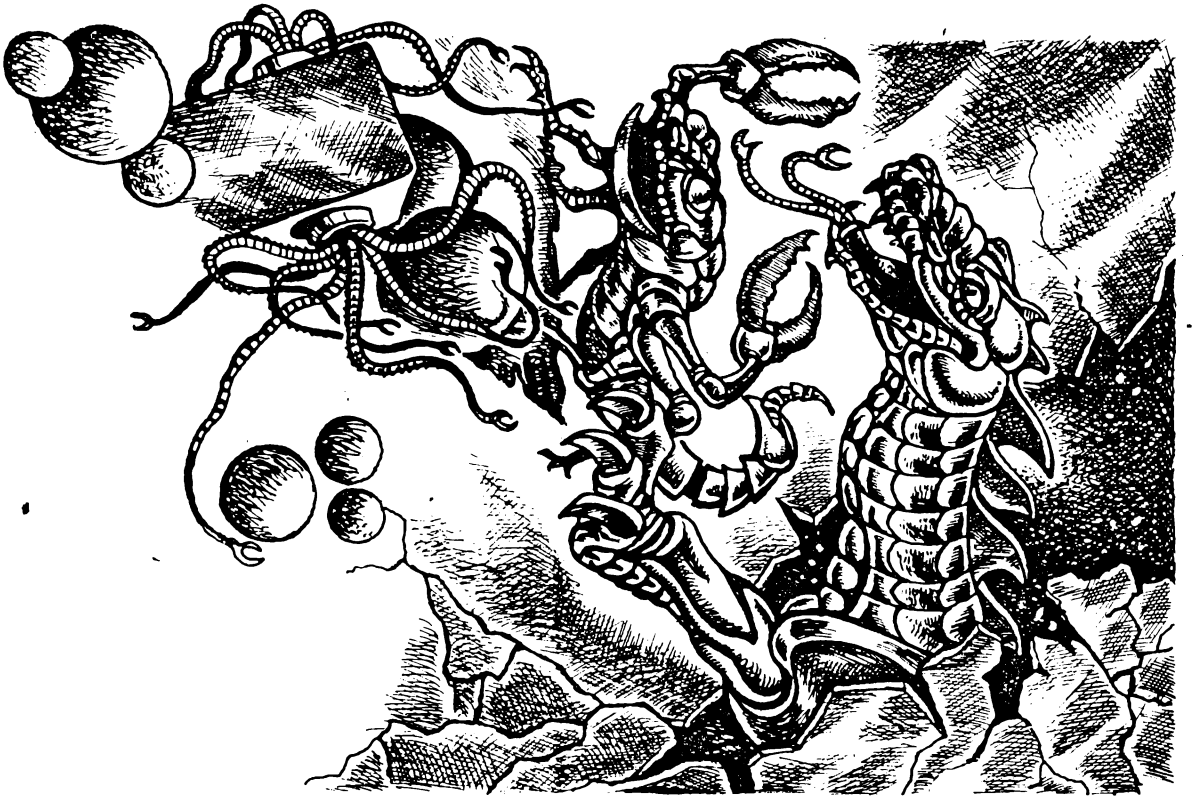
— Пустяки, учитывая что объектом моей первой привязанности был просто ослик.

— Я и сейчас осел, а не орел, — летящий Кологривов вмешался в воркование Почкина и Аси. — Любой на моем месте давно бы разжал руки...

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА







1

Вначале была мгла. Очень неприятного вида и цвета. Вернее, у нее отсутствовал вид и цвет. Потом раздался звук, похожий на хруст сминаемой консервной банки. Он сменился лязганьем и скрежетом. Наконец зажегся свет. Внизу, сверху и по бокам.

Разведчик Паклин первым делом увидел свою левую руку. Пальцы были сложены фигой. А еще они были странного цвета. Серого, с металлическим отливом. Кроме того, пальцев оказалось шесть и все они выглядели острыми, как наконечники копий. О таком развитии событий его никто не предупреждал — хотя он готовился к сдвигу в пространстве и психике.

Еще ни одного офицера каллистянского ГБ (из отдела по работе с Землей) не украшало шесть заостренных пальцев. Было от чего расстроиться, но разведчик неожиданно вспомнил слова папаши:

— Мальчик мой, необычные вещи приносят больший доход, чем обычные.

Разведчик постучал по ближайшему камню. Раздался отчетливый металлический звон. Значит, рука была металлической. Допустим, случилась ампутация, и тогда это — протез. Но где же сочленения и стыки, рука ведь выглядела цельной и охотно подчинялась приказам. Разведчик снова вспомнил, только на сей раз фразы из какого-то секретного доклада об успехах кристаллической и молекулярной механики на вражеской планете.

Размышления о механике и материаловедении мигом улетучились, когда попавший в скверный переплет Паклин увидел склонившееся над ним существо. Оно отчасти напоминало орла с древнего герба. Оперение, столбики ног с цепкими когтями и даже... мощный клюв. Все причандалы, кстати, были металлическими.

Главное, не переживать. Тем более, существо выглядело довольно дружелюбным.

— Пшшшшш. Прсссс, — металлическое создание пыталось общаться, но явно не пыталось быть понятым.

Разведчик поднес правую руку к уху и помотал ей, желая показать, что надо переменить способ общения. Но тут неожиданно включилось понимание.

— Командир, вызывает Р36.Блеск. Как слышите меня, прием. У вас что, настройка приемника сбилась? Я тут на всех диапазонах кричу.

«Он зовет меня командиром, это уже неплохо, если да-

же подчиненный — такой вот странный тип», — подумал разведчик. Он догадался, что странного типа зовут «сержант Р36.Блеск» и с его помощью поднялся на ноги. Тут Паклин заметил, что видит окрестности целиком и самого себя со всех сторон, даже со спины.

Поле зрения было даже получше, чем у птицы, отчего закружилась голова. Потом от разведчика отвалился и рухнул на серую землю продырявленный панцирь со взъерошенными металлическими перьями.

Сержант Р36.Блеск успокоил словами про легкий деструктив в результате воздействия ударной волны силой в столько-то тонн, а также напомнил о том, что у дикарей пока не оружие, а пукалки.

Ничего себе легкий деструктив, хороша себе пукалка. Разведчик оценил свою грудную клетку и самым неприятным ему показалось не ее металлическое покрытие. А, напротив, здоровенная дымящаяся дыра в металлическом покрытии. Было не больно, но как-то щекотно и тоскливо.

«Диагностика. Отказ трех энергетических узлов. Выработка мощности — восемьдесят процентов. Стартованы резервные узлы. Повреждение линий связи. Включены дублирующие. Полное восстановление поврежденных агрегатов и корпуса — два часа». Слова, вернее, доступные разумению коды и схемы появились в поле зрения, словно прямо в глазах были установлены экраны.

Разведчик хотел поудивляться, но внимание его было захвачено происходящими чудесами.

Он и еще с десяток металлических «орлов» находились на берегу небольшого озерка, заполненного бурой жижей. Берег зарос красноватой, словно ржавой травой, которая при фокусировке взгляда оказалась россыпью острых кристаллов. Кое-где валялись странные, изувеченные, еще дымящиеся или искрящиеся машины. Почему-то они показались Паклину похожими на хищных зверей, судя по задранным массивным конечностям, похожим на лапы, тяжелым челюстям и острым когтям. Кстати, достаточно было обратить пристальное внимание на какого-нибудь подбитого «хищника», чтобы вокруг него появились контуры теплового излучения, также становились видимыми какие-то потроха, а затем появлялась надпись: «Разрушен, восстановлению не подлежит. Стоимость лома цветных и редкоземельных металлов — двадцать кредиток».

«Ого, удачно работает мое зрение, — с оживлением подумал разведчик. — Цены нет такому коммерческому взгляду».

Чуть поодаль начинался кривоватый кустарник, если точнее, арматура, облепленная белоснежными солями аммония, а за ним несколько гектаров территории занимал лесок. Над острыми вершинами давно скончавшихся, засохших и мумифицированных сиреневых елок лиловели густые облака. Стоял погожий денек, насыщенный углекислым газом (40%), водяными парами (20%) и аммиаком (10%), воздух был чист, свеж и сохранял приятную температуру — семьдесят по Цельсию.

Неожиданно из ближайших арматурных кустов к разведчику устремилось существо, похожее на маленький танк. Паклин мгновенно направил на него руку и... выстрелил. Острые концы пальцев превратились в дырки, которые пустили пучки лазерных лучей. Бронемашинка резко вильнула и разведчик смазал, отчего ненадолго вспыхнула кристаллическая трава. Следующего выстрела ему не дал сделать сержант Блеск.

— Не стреляйте, командир. Это же — ваш сегмент, панцирь.

Разведчик догадался, что дал маху, и хотя намерения так называемого «сегмента» были неясны, отказался от решительных действий. Тем временем маленький танк добрался до его ноги, украшенной когтями, въехал наверх, а затем в несколько движений закрыл разведчика с четырех сторон крепкими щитками. Панцирь действительно оказался панцирем. И вовремя. Над елочными пиками появилось несколько темных пятнышек. Какие-то существа торопились навстречу. Все пятнышки были немедленно подведены рамкой — сработало целеулавливание. По очереди каждая из целей была увеличена и заняла как минимум треть обзора. Теперь можно было ими полюбоваться — налет устраивали машины птеродактильного вида.

Отряд «орлов» ждал распоряжений — от него, от офицера КГБ. Разведчик, похоже, первый раз в жизни растерялся. Впрочем, лично он знал, чем заняться. Практически без всяких волевых усилий его цепкий взор по очереди заключал каждого птеродактиля в прицельную сетку. Его разум собирался выпустить кассетные ракеты из установки, которая гнездилась в районе левого плеча и рапортовала о готовности. Но с отправлением командных функций возникала напряженка. Неожиданно «командиру» на выручку пришел высветившийся в поле зрения столбец из разных предложений:

«Индивидуально сбежать».

«Организованно отступить».

«Построиться в две цепочки и повести обстрел».

«Рассредоточиться по естественным укрытиям и повести обстрел».

Разведчик с помощью светящейся линии выбрал последнее, тут же услужливый взор подштриховал все естественные укрытия на местности. В поле зрения возник вопрос: «Исполнять?» и рядом два ответа: «Да» и «Нет». Офицер КГБ ответственно пометил стрелочкой слово «Да». И тут же испугался, что дал маху, однако же все «орлы» резво бросились исполнять указание.

И началось. Ракеты понеслись в сторону птеродактилей, расщепляясь по дороге на три-четыре боеголовки. Разведчик наблюдал с помощью глаз-видеодатчиков, установленных на каждом крылатом посланце, быстро разбухающие мишени. Потом кусок неба зарябил вспышками и стали появляться сообщения: «Цель уничтожена, расход — одна головка».

Один пронырливый птеродактиль оказался непосредственно над орлиными головами, и прямо к разведчику понеслись искорки боезарядов. Сработала противоракетная установка в районе правого плеча. Ракеты, выпущенные птеродактилем, сновали как мухи. Чтобы поставить «зонтик», на каждую из них требовалось израсходовать по три-четыре противоракеты.

Паклин с радостью отметил, что окреп умом. Ему уже требуется меньше явных подсказок, решение словно приходит само собой, хотя зрение и слух доставляют гораздо больше сведений, чем зрение и слух человека. Человека? Значит, он уже не? Но кто он теперь? Против кого борется и за какое светлое дело?

Из ельника выскочило несколько зверомашин. Они были разного роста и ширины, но мчались с одинаковой внушительной скоростью, так, что земля тряслась. Кто на колесиках, кто на гусеницах, кто на роликах, кто на конечностях, напоминающих ноги и лапы. Прямо на ходу от этих хищного вида автоматов отпадали зверомашинки поменьше. В кристаллической траве они были почти не видны. Вдобавок все они пшикали из импульсников, так что сразу стало жарче.

Разведчик распорядился, чтобы его подчиненные перегруппировались в две цепи. Первая цепь срочно искрошила «траву» и «кусты» на расстояние до тридцати метров — так, чтобы мелкие противники не сумели подобраться незаметно.

Вторая цепь повела пальбу из лучевого оружия. Левая рука разведчика превратилась в шестиствольный спаренный бластер, правая оформилась в гамма-лазер, гразер по-на-

родному. Промежуток между «накачкой» и выстрелом не превышал десятой секунды. Несколькими удачными выстрелами Паклин поразил в пятак железного кабана и опрокинул машину, напоминающую разъяренного тигра. Но тут электронные импульсы, пущенные неким трехглавым змеем, швырнули офицера КГБ на землю. Панцирь раскалился докрасна, на нем даже появились пузыри. Во всевидящих глазах на сей раз замелькали какие-то полосы. Однако разведчик сумел с огорчением заметить, что сверху его снова атакует машина-птеродактиль. А кассетные боеголовки уже поистратились.

Левая рука. Вот именно — нужен хороший удар левой. Она вырвалась из тела и, оставляя огненный след, атаковала летящую цель. Обшмаляла ее из бластера и обломала крыло, отчего птеродактиль с жалким писком потерял стабилизацию и стал выделывать неуверенные виражи. Рука еще раз догнала летуна, вначале угостила по затылку, затем моментально свернула шею, и победно вернулась назад. Но разведчик не мог обращать особого внимания на события в небе. Юркие металлические звереныши прыгали из травы на «орлов» и, присосавшись к панцирю, с резким бжиканьем начинали вгрызаться в него буравчиком. На самого Паклина нацелился внушительный металлозверь, похожий на кенгуру. Хищник прыгнул со словами:«Тебе конец, легавый». Но «легавый» сперва упал, пропустив над головой мощные ноги зверомашины. Затем применил плазменный резак, ударив огненным лезвием снизу, в жаропрочное брюхо. Не сдюжило брюхо, проплавилось. Противник кувыркнулся и замер, с затиханием шевеля своими конечностями. Из распоротого пуза вырывалось бодрое пламя.

Вокруг вовсю кипела драка. Новые сослуживцы офицера КГБ практически все перешли на плазменные резаки и разрядные дубинки. «Легавые» уклонялись от атакующих зверомашин, перепрыгивали через них или делали подкаты. Отсекали головы и хвосты и продолжали рубить практически в окрошку, потому что даже из потрошеных «зверей» выбегали и выпрыгивали с визгом различные мелкие гады. Подчиненные Паклина били зверье кулаками, ногами, делали им подсечки и проводили броски. Сержант Блеск засунул руку по плечо в горло какой-то гадины и выдернул из ее нутра ворох проводов. Однако несколько подчиненных уже превратились в беспомощный металлолом, а мелкие зверьки еще продолжали буравить слегка подергивающиеся корпуса почивших бойцов.

Разведчик отвел посторонним вещам несколько секунд,

а потом снова переключился на собственные проблемы. С двух сторон к нему подбирались две хищные машины, урча сервомеханизмами и пуская дым из охладительной системы. Паклин едва уклонился от ударов импульсников и тут почувствовал, что мелкая гадинка впилась в его панцирь со спины и стала буравить. Вместо боли были только вопли тестирующей системы о степени разрушения корпуса. Оба крупных зверя прыгнули почти одновременно, и в этот момент разведчик рухнул прямо на спину. Мелкая тварь хрустнула под ним, звери промахнулись и оказались к офицеру КГБ кормой. Одного из противников разведчик угостил плазменным резаком, а второму запаял своей металлической ногой прямо в зад — с силой в десять тонн. Покончить с дикой, но уже контуженной машиной, не представляло особого труда для профессионала.

Рукопашный бой мало-помалу команда «легавых» стала выигрывать. Но кто уже обрадовался, тот был неправ. Недалеко от озерного берега вспенился огромный бурун, а потом высунулась здоровенная мордень еще одной зверомашины. И тут же шквал огня обрушился на всех, кто храбро бился на берегу.

«Монтировку ей в задницу!» — услышал разведчик страшное проклятье и сиганул в воду. Впрочем это была не вода, а довольно сопливый бульон в виде карбоновых кислот. Командир немного проплыл стилем «дельфин», более-менее настроил свои линзы и сообразил, что владелец страшной мордени тоже скрылся под поверхностью.

Тот возник поблизости, всего лишь в нескольких метрах, неожиданно даже для сонаров.

Сразу несколько гибких металлических тросов захлестнули разведчика и стали подтягивать к пасти, в которой, насколько можно было разобрать, работала пара десятков фрезерных пил.

Паклин пытался высвободить свою правую руку, но даже когда у него это получилось, толку от плазменного резака в этом сопливом бульоне оказалось мало.

Все ближе и ближе фрезерные пилы, все радостнее — судя по электрической активности — чудище. Разведчик же тщетно бился и все больше понимал — если он не найдет ассиметричное решение, то превратится в окрошку.

Когда уже страшный порог пасти был перейден, Паклин вспомнил о боеголовке последней ракеты, сидевшей в гнезде в районе левого плеча. Он, выжимая последнюю мощность из своего энерго-материального конвертера, распрямился и застрял между верхней и нижней челюстями монстра.

Челюсти давили со страшной силой многих тонн, каркас сминался, а пальцы еще только отвинчивали боеголовку. Давно трещал панцирь, вовсю хрустела главная «килевая» ось, когда боеголовка поплыла вглубь пасти. Уже стала продавливаться верхняя крышка головной капсулы и «килевая» ось зазвенела перед тем как хрупнуть напополам. Наконец, разведчик с криком: «Конец тебе, соплежуй!» своей командой взорвал боеголовку.

Когда Паклина уже вышвырнуло из пасти, он еще несколько раз прокручивал видеозапись последних событий в замедленном режиме: кулак из кипящей воды, раскаленных обломков и огня свирепо надвигается на него, но голова огромного монстра разлетается на такие мелкие, такие приятные кусочки.

— Голову спасти не удалось, — подытожил победитель.

Паклина на берегу встретило только трое из его команды, в том числе сержант Р36.Блеск. Но они действительно победили.

2

Вначале явилась аварийная служба, она собрала обломки разрушенных и погибших полицейских «орлов» в один большой бак, а частично раздолбанных бойцов рассовали по отсекам своего здоровенного флайера.

Потом прилетела аналитическая служба, ее роботы-сотрудники довольно аккуратно собирали и сортировали остатки зверомашин.

Прилетела и санитарная служба. Она проверила оставшихся полицейских на инфекционное наличие вражеских микроробототов. И надо же, около восьмого шпангоута у разведчика был обнаружен жучок, который уже собирался проникнуть в цепи энерго-материального конвертера.

Впрочем, сейчас он был уже не капитан Паклин, а лейтенант Р36.Клин. Так, по-крайней мере, все к нему обращались. Разведчик понимал, что произошла некая ошибка — пучок вибраций, переносивший человеческие пси-структуры из штаб-квартиры каллистянского ГБ через миллионы километров на Землю, попал не туда, куда надо. Не в последних представителей рода людского на материнской планете. Ошибка выразилась даже в понижении воинского звания. Но и с таким крупным промахом предстояло как-то примириться и даже подружиться.

Последним совершил посадку полицейский флайер. Из

его двенадцати пассажирских ячеек теперь оказались заполненными только четыре.

— Одноразовые мы все-таки бойцы, — горестно пуская искры между пальцев, подытожил сержант Р36.Блеск.

Как понял разведчик, или уже Р36.Клин, все действовавшие лица, включая его самого, были роботами. Цивилизованными киберами. Дикие хищные роботы отличались от цивилизованных тем, что эволюционизировали сами. Из них многие были откровенными хищниками и паразитами. Звероботы-хищники иногда действовали стаями, но никогда не организовывались в какие-то боевые порядки. Вплоть до сегодняшнего дня.

Выше летящего флайера сейчас была только оранжевая гуща облаков, внизу проносились коричневые кляксы бывших озер и сиреневые пятна бывших лесов, прямоугольнички давно сдохших заводов, а также современные магнитные трассы. Иногда попадались встречные флайеры или же аэроботы.

Внизу стал заметен странный голубой овал. Разведчик сразу вспомнил — это купол поселения мягкотелов. До того, как средняя температура планеты стала семьдесят градусов, мягкотелы, а если точнее, белковые организмы, а еще точнее, высшие приматы вида Homo Sapiens, проживали безо всяких куполов. Собственно, мягкотелы густо заселяли планету задолго до того, как на ней появились интеллектуальные машины. Белковыми тварями вообще все кишело. Это хорошо известно универсальным роботам серии Р36. Но сейчас мягкотелы — жалкие, убогие и, в общем-то, безобидные создания.

— Да, они сопливые, но я бы не сказал, что они такие безобидные, — словно уловив мысли лейтенанта Клина, произнес сержант Блеск. А он проницательный, этот простой роботяга-полицейский, подумалось разведчику. Сейчас оба собеседника приняли форму номер два — и стали просто парой параллелепипедов. Парочкой мирно беседующих колобашек.

— Мы же не себя, а мягкотелов защищаем от звероботов, — уверенно нашептывал сержант Блеск. — На нас дикари же практически не нападают. А вот мягкотелов они утилизуют практически полностью. Звероботы — знатные людоеды, могут лопать белковых на первое, второе и третье. В общем-то, если кушают, то, значит, уважают по-своему. Ну, нравятся им мягкотелы, в них ведь столько полезных элементов.

— Но мы-то мягкотелов должны уважать иначе. У нас же договор с их конфедерацией об охране.

— Конфедерация мягкотелов навязала нам этот договор, когда мы еще сильно зависели от нее насчет всяких изобретений и прочих финтифлюшек. А сейчас у нас своих достижений завались. Так что надо разок допустить таких бедных, таких несчастных, нуждающихся звероroботов до упитанных мягкотелов, а потом извиниться перед людским начальством — дескать, не уберегли ваших подданных. Да их начальство еле будет скрывать радость, ему же хлопот меньше. На нашей планете остались самые никудышные из мягкотелов, такие, что и в космос убраться не в состоянии.

«Интересно, легко ли быть мягкотелом?» — думал Р36.Клин.

Сержант Р36.Блеск тем временем травил анекдот.

— Один робот предлагает другому: «Если мы вдвоем попадем в плен к зверомашинам, то давай взорвем друг друга». А тот и говорит: «Я к тебе мину с дистанционным управлением уже прикрутил. Так что можешь смело попадать в плен один».

Вскоре сержант Блеск «отпал», заслушавшись музыкой. Лейтенант Р36.Клин тоже стал прослушивать по очереди все 748 музыкальных передач, носящихся в эфире. Поначалу ему мало что нравилось, просто какие-то бульканья и шипения, но потом песенка под названием «Я дернул рубильник души» очаровала его своей скупой надрывностью. В ней речь шла об универсальном роботе, который отправлялся вследствие изношенности своего конвертера на полную утилизацию. Этот робот знал, что его детали послужат теперь в других разумных машинах, но вот перейдет ли к ним хоть частичка его доброго и юморного нрава?

Потом лейтенант Клин отвлекся на созерцание брошенного города мягкотелов. Его обветшавшие здания как раз проплывали под крылом флайера. До чего скучно и примитивно застраивали мягкотелы свои городища. Дома-коробочки, улицы или прямые, или по-дурному кривые, или круглые. Вообще, мягкотелы всегда отличались легкомыслием и схематизмом. Это оттого, что у них «куриные» мозги, как они сами выражаются, то есть процесс мыслеобразования крайне замедлен. Из-за небольшой емкости ментального агрегата умозаключения их поверхностны и примитивны. Но вместо того чтобы расписаться в своем убожестве, они врали себе и друг другу, чтобы казаться позначительнее. Изобрели кучу бессмысленных, но «возвышающих» понятий — авангард рабочего класса, очаг культуры, светоч цивилизации, орден меченосцев, истинные арийцы, нация героев и все такое. Это все — от комплекса неполноценности.

А вот уже флайер стал заходить на посадку в городе-роботе; когда-то мягкотелы пришлепнули ему шутливое прозвище Киберянск, которое так и прижилось.

Он был весьма непохож на города мягкотелов — разноцветные сферы, эллипсоиды, октаэдры, тетраэдры и икосаэдры домов. Они стояли или на одной из граней, или вращались вокруг оси, или висели гирляндой, или были слеплены в соцветие, или вообще катились. Транспортные магистрали радужными трубами проходили на многих уровнях, сплетаясь и расплетаясь. По воздуху везде скользили тяжелые флайеры и легкие слэйдеры, умело соблюдая воздушные коридоры и эшелоны, там и сям порхали специализированные аэророботы, иногда перенося на спине своих универсальных собратьев.

Открылся лацпорт одного из домов (тот выглядел тетраэдром, стоящим на одной из своих вершин), и флайер воткнулся в залитую голубым светом полость. Сработали приемные устройства, и полет закончился. Закончился на базе полиции особого назначения. По трубе лифта прилетевшие спустились на пять уровней вниз, а затем еще проехались на транспортере до кабинета начальника восточного округа, полковника Р31.Кувалды. Все четверо полицейских встали перед стеной кабинета, совершенно глухой, без каких-либо признаков двери. Лейтенант Клин дотронулся до стены своей ладонью и датчики зафиксировали код его идентификатора. Заработал крохотный конвертер, металл стены изогнулся пузырем и лопнул, открыв проход внутрь.

Полковник оправдывал свое прозвище, он был приземистый и тяжелый. Несмотря на то что все роботы модели Р имели одинаковый по возможностям мозг-процессор, представителям серии Р31 были доступны всего две формы, и сейчас Кувалда выглядел как большой раскрытый чемодан.

— Вам не кажется, лейтенант Клин, что вы нынче не слишком отличились? Стоимость одного полицейского Р36 составляет десять тысяч кредиток, стоимость пригодных для вторичного употребления материалов — тысяча. Значит, благодаря вашим стараниям мы сегодня понесли ущерб в пятьдесят четыре тысячи! Я уж не говорю о цене восстановительных работ по двум частично раскуроченным бойцам и, вообще, о моральном ущербе.

Конечно, все слова полковника его подчиненные принимали как обычные радиоволны, однако каждый универсальный робот имел собственный речевой код и свой эмоциональный блок — для придания яркой индивидуальности.

Голос полковника казался не только низким, но и хриплым.

— Сегодня, Ваше Качество, при всех стараниях не получилась рядовая операция по очистке территории от диких роботов, — охотно стал оправдываться Р36.Клин. — Их преступные действия имели координацию и направленность. Я считаю, что все они придерживались единого алгоритма, который исходил от зверомашины, находившейся в озере. Любой аналитик подтвердит, что такая заединщина не может быть случайным фактором. По крайней мере, вероятность ее не выше 0,05.

— Вы того же мнения, сержант Блеск?

Клин неожиданно понял, что ему не хватает у металлического полковника мимики и жестов, которые могли бы сообщить дополнительные сведения о характере начальника.

Сержант Блеск, звеня когтями, подошел ближе к столу Кувалды.

— При всем моем почтении, я согласен с лейтенантом. Они от нас, обычно, удирают, а вот сегодня перли со стороны леса, воздуха и озера. Раньше мы встречались со стаями, состоящими из особей одной модели и, как правило, одной серии, а сегодня скооперировались минимум десяток моделей. Я так считаю, это все мягкотелы подстроили. Не такие уж они дураки насчет подлостей, как кажется на первый взгляд. Им надо, что бы мы с дикарями перекрошили друг друга.

Р36.Кувалда не стал вступать в прения с подчиненными. Металлическая поверхность одной из стен выгнулась пузырем и образовала дырку, в которую вступил робот модерновой серии Р37. Лейтенант Клин знал только, что эти универсальные киберы владеют семью формами преобразования.

— Р37.Сибилла — наш новый аналитик, — представил полковник вошедшего.

Вошедший выбрал для себя форму номер пять, максимально приближенную к внешнему виду мягкотелых обезьян Homo Sapiens. Если точнее, приближенную к облику обезьяньих самок. Даже надуты были выпуклости, имитирующие молочные железы. Клин счел это возмутительным авангардизмом, переходящим в декаданс. Разведчик, сидящий внутри Клина, нашел робота Сибиллу похожим на куклу Барби больших размеров.

Лейтенант уже слыхал, что роботы Р37 — необычные и даже странненькие. В отличие от машин предыдущих серий, плодимых искусственно, представители Р37 получили

возможность воспроизводства на основании собственной матрицы и скрещивания с базовой информацией любой другой разумной машины. Так, по крайней мере, значилось в пресс-релизе. Сам принцип самовоспроизводства был почерпнут у диких машин. Однако же звероботы получали базовую информацию только при уничтожении и утилизации ближнего своего. Дикари усердно жрали друг друга, чтобы отнять не только информацию, но и конструктивные материалы, особо — редкоземельные металлы. Интересно, как с этим делом обстоит у Р37?

— Извините, мои братья по металлу, но я слышала все, что там рассказывал лейтенант Р36.Клин, и заодно просмотрела видеозаписи сегодняшней операции. Вообще люблю подслушивать и подсматривать.

У Р37.Сибиллы были в ходу странные грамматические конструкции, не распространенные у роботов, но зато бытующие у самок расы мягкотелов.

— Вы справедливо подметили, дорогуша Клин, что вероятность случайной заединщины дикарей пренебрежимо мала. Однако совсем не обязательно, чтобы зверомашины действовали по какой-то единой вложенной в них программе. Скорее всего, вектора эволюции у дикарей направлены в сторону образования симбиотических и роевых алгоритмов. Это могло выразиться в количестве напавших на вас моделей, и даже в определенной согласованности их действий.

Тут уж включился на полную индукционную катушку полковник:

— А потому, лейтенант Р36.Клин, вам объявляется выговор первого разряда за проявленную некомпетентность во время боевой операции, приведшую к большому ущербу в части личного состава подразделения.

Выговор первого разряда, объявленный единократно, не сулит даже понижения в должности. Это было известно лейтенанту Клину. Однако статистика показывала — после того как схлопочешь даже хиленький выговор, то, как правило, начинаешь скатываться вниз и зарабатывать все более сильные наказания. Экзекуция шестого разряда предусматривала принудительное превращение универсального робота в некудышного специализированного кибера на срок до полной выработки ресурса. Наказание седьмого разряда казалось менее страшным — заточение в тюрягу, — но это только на первый взгляд. Камеры для отбытия срока заполнялись серной кислотой, которая мало-помалу разъедала корпус заключенного робота. После десятилетнего срока не всякого зека удавалось восстановить, после пятнадцатилет-

него любой робот, даже крепыш, сделанный из иридия и платины, превращался в жалкий огрызок.

Лейтенант Клин получил от старшего начальника выговор, который одновременно ушел на вечную память в глобальную сеть, и все четверо полицейских стали расходиться.

— Вот такими каверзами эти мягкотелы хотят нас извести. — Сержант Блеск добродушно похлопал своего командира по корпусу. — Я не удивлюсь, если они подправили мозги даже роботам модели Р, например, этому ржавому аналитику Р37. (Насколько догадался разведчик, слова «железный» и «ржавый» считались у роботов ругательными.)

— Не «этому», а «этой», — поправил лейтенант Клин.

— Ладно, *этой*, железяке этой ржавой. Ну, дожили... Может, у нее, так же как у мягкотелов, сопли текут?

Когда лейтенант Клин вступил на платформу лифта, туда же неожиданно запрыгнул этот... эта Р37.Сибилла.

— Сомневаюсь, что нам в одну и ту же сторону, наш качественно новый Р37...

— Качественно новая, — поправила Р37, явно претендующая на женский род.

— Виноват, я все путаюсь. Качественно новая, драгоценная и редкоземельная Р37.Сибилла, нам в разные стороны.

— Признайтесь, что вы здорово обиделись на меня, Р36.

Клин и вместе с ним разведчик были несколько озадачены. Слово «обида» и его производные мало употреблялись даже среди универсальных роботов, ну разве что для смеха.

— Никакой обиды, Р37. Просто пытаюсь врубиться, кто из нас более некомпетентен — я или вы... Я, съевший швеллер на этих звероroботах, или вы, едва вылупившаяся на свет модель.

— А будь вы мягкотелом, лейтенант Клин, то еще подозревали бы, что кто-то из нас подкуплен, или завидует, или ревнует.

— Я вижу большую подкованность по части мягкотелов. Слава Иридию, что мы — не люди, не обезьяны и прочие сопливые твари.

— Вы слабо разбираетесь в теории кибернетической эволюции, я могла бы вам дать пару уроков, — неожиданно предложила Р37. Клину и даже разведчику уже не требовалась ее мимика, речевой код роботессы Сибиллы был мягким, вкрадчивым и вполне выразительным.

Клин хотел было увильнуть, но потом включившийся контроллер информации напомнил о слабых познаниях в

области киберэволюции. Может, и в самом деле стоит быть подкованным в этих вопросах... что пригодится потом для борьбы с тем же аналитиком Сибиллой.

— Кстати, моя многокачественная Р37, во время ваших замечательных уроков вы не попробуете вытащить из меня базовую информацию, необходимую для вашего воспроизводства?

Она хохотнула. Разведчик, и заодно Клин, впервые слышал, чтобы роботы смеялись. Пожалуй, в этих Р37 позакладывали много такого, что их роднит не только с дикарями, но и с мягкотелами.

— Это сложнее и интереснее, чем вам кажется, Клинчик... Завтра начинаются летние роботячьи игры. Не хочу показаться навязчивой, но, может, встретимся в парке имени Берталанфи у той самой скульптуры, что изображает издыхающую энтропию? Например, в семь часов тридцать три минуты сорок секунд.

— Очень рад предложению.

— Только порадуйте меня формой номер пять.

Опять это антропофильство, возмутился лейтенант Клин, впрочем, до поры до времени он решил быть послушным.

3

На киберячьих играх было достаточно забав для универсальных роботов. Внутрисферные гонки, игра в спэйсбол на огромной трясучке, стрельба по летающим тарелкам из бластера, борьба со здоровенным, но ручным киберзмеем, который блевал на всех пеносмолой. Кстати, в последнем соревновании Клин даже преуспел — ему удалось проскочить между потоков липкой дряни, вскарабкаться по скользкой спине «игрушки» и повернуть золотой ключик, вставленный в ее макушку.

Потом еще Р36.Клин и Р37.Сибилла посетили пещеру ужасов, где они последовательно бултыхались в бурном подземном потоке, замораживались в толще льда, попадали под рухнувший пещерный потолок — чрезвычайно огромный, но одновременно легкий. Они бродили по заколдованному подземелью, раскалывая топором глыбы — в одних глыбах были замурованы сокровища, а в других сидели малоприятные кибернетические тролли с тяжеленными палицами и кулаками. Клин и Сибилла проваливались в бездонные колодцы, где в конце полета врезались в чрезвычайно

упругий материал, который снова подбрасывал их метров на пятьдесят вверх. «Отдыхали» на берегу каверзного озера, где управляемые пленки поверхностного натяжения образовывали здоровенных, но зыбких монстров.

Лейтенант Р36.Клин заметил, что Р37.Сибилла, несмотря на ловкость, сообразительность и все такое, явно проигрывает в развиваемой мощности и вообще исполнена в миниатюрном стиле. Он даже подумал, что она прикидывается слабенькой, но это казалось совершенно бессмысленным.

После активного отдыха они решили не вызывать маршрутный флайер, а прогуляться на стоянку слэйдеров, и еще за пару кредиток покататься по ночному небу.

Кроме того, гуляючи, им предстояло порассуждать о путях кибернетической эволюции.

— Видите ли, лейтенант Клин, мы довольно прямолинейно смотрим на кибернетическую эволюцию в ее диких формах. Мы считаем, что возможны только мелкие приспособительные мутации программного обеспечения. Даже ученые мужи уверяют, что звероботы могут разве что прирастить себе пару дополнительных ракетных установок или увеличить количество когтей на ногах. Меж тем все дикари, извиняюсь, жрут друг друга за милую душу и таким незатейливым образом перенимают все приспособительные алгоритмы. И чем больше накопится у кого-то удачных алгоритмов, тем успешнее он будет жрать. Наиболее удачливый жрун наберет таких удач на порядок больше, чем средний хищник.

Прямо на глазах гуляющих маленькая зверомашинка, выбежавшая из кучи мусора, схарчила еще более мелкую киберушку, похожую на мышь и, удовлетворенно промурлыкав «кайф, кайф», скрылась в темноте. Сибилла продолжала втолковывать:

— В какой-то момент талантливый жрун перестанет незатейливо употреблять металлических братьев своих и, заловив, начнет им объяснять науку совместного выживания...

До сетчатого забора, огораживающего стоянку слэйдеров, оставалось не более тридцати метров, когда ухолокатор лейтенанта засек близкое присутствие каких-то роботов. Те вышли из-за массивного контейнера и встали как спереди, так и по бокам. В обзоре у Клина задергалась какая-то рябь, по всем радиоканалам пошли шумы. У этих встречных, к сожалению, работали глушилки.

Клин сразу определил их ранг — модель К серия 21, одна из самых неудачных в истории универсальных роботов. Эти киберы — тяжелые и мощные, обладают двумя

боеспособными формами, но мозг-процессор оставляет желать лучшего, особенно по части ассоциаторов.

— Ты можешь топать дальше, Р36, а Р37 пусть останется, разговор есть, — это сказал один из К21, похоже что вожак. Индивидуальной характеристикой его голоса была невнятность, речевые сигналы то и дело прерывались ошибочными кодами. Похоже, вожак изрядно возбудил себя хорошей порцией гамма-излучения.

— Почему у вас развились такие сильные и, на мой взгляд, неэффективные чувства по отношению к Р37? — решил уточнить лейтенант Клин.

— Они — «чужие», понял? Их сварганили по подобию дикарей, но наделили нашими достижениями, чтобы они размножались, как зверомашины, и сживали нас со света. Кому-то наверху мы, простые универсалы, надоели и они решили поменять нас на этих...

Вызвать полицию на помощь не получится — глушение. Ракеты пришлось сдать на базе. И вообще, применить бластер, плазменный резак или другое горячее оружие против согражданина — нету права, иначе вечное заточение в серной кислоте вплоть до полного растворения. По идее, надо помахать ручкой аналитику, пусть сама успешно решает свои проблемы. Зеленой искоркой у Клина даже мелькнула мысль, что избавься он сегодня от Р37.Сибиллы и легче будет внушить начальству свою правоту насчет стычки со зверомашинами.

Именно из-за такой постыдной мысли блок совести резко возбудился, запротестовал и принудил лейтенанта остаться на месте, рядом с товарищем, который претендовал на роль женщины.

— Что, этот Р37-паскуда, и тебе уже заморочил шарики-ролики? — упрекнул К21. — Я ведь не хотел... но придется тебе делать физиотерапию.

Приземистый квадратный робот, злобно гудя, стал надвигаться. Он шел на четырех лапах, а две выставил вперед — каждый палец завершался дециметровым когтем.

Клин прикинул — конвертер у К21 примерно на двадцать процентов посильнее, правда, с распределением мощности похуже.

Интересно, вмешаются ли дружки или драка будет сравнительно честной? Если завяжется общая мочиловка, то шансов будет вообще кот наплакал. Странное сравнение — неужели коты плачут?

А впрочем — бей первым. Сделаем еще раз приятное Сибилле и останемся в форме номер пять, антропофильской.

Р36.Клин подобрал обломок рельса, метра на три дли-

ной, килограммов на двести весом, и саданул сверху «двадцать первого», по массивной башке ему. Приземистая машина оказалась удивительно ловкой. Она моментально сдала назад и рельс только высек сноп искр из бетонного покрытия.

И следующий удар К21 отразил, поймав рельс трезубцем, распустившимся на одной из передних лап. Трезубец повернулся, и кусок стали вылетел из рук лейтенанта Клина. Тут же «двадцать первый» резко прыгнул и плюхой в корпус опрокинул Р36. Легкого лейтенанта швырнуло в сторону, и благодаря дальности полета, приземистая машина не смогла вовремя придавить его. Когда «двадцать первый» добежал до своей «добычи», то попал под удар ногами. Лейтенант врезал с земли. Сотрясенный К21 вздыбился на задние лапы, и тут Клин, крутанувшись на спине, сделал противнику подсечку. Хулиган грохнулся на бок, но удивительно элегантно перевернулся на живот. Вот он снова утвердился на своих четырех лапах и опять принялся надвигаться на Р36 с каким-то зловещим сипением охладительной системы. Одна из передних лап превратилась во внушительную палицу с шипами, другая стала мощным буром.

— Ну как, нравится сюрприз? — почти ласково поинтересовался К21 и резко бросился вперед. Р36 чуть не попался из-за быстроты и мощи броска. Но сумел поднырнуть под первый удар, блокировать второй и, отскочив, оказаться вне досягаемости третьего.

Клин и дальше продолжал обороняться — уклонялся, блокировал, кружил, полагаясь на чувство равновесия и быстроту реакции. Однако, помня о мощности своего конвертера, учитывал, что ослабнет раньше, чем К21.

Ну, раз продолжительного боя ему не выдержать, то надо контратаковать. Однако лупить по броне здоровяка К21 — пустое дело. У этого робота нет слабых мест, никаких там стыков и сочленений, даже фасеточные глаза прикрыты сверхтвердой прозрачной оболочкой из углерода-7.

Здоровяк К21 делает ложный выпад правой буровой рукой в нижнюю часть корпуса, но левой конечностью, оснащенной топором, бьет по шейному шарниру. Клин уклоняется, скользнув вперед, и направляет острый носок своей ноги в левую руку хулигана. К21 блокирует выпад и, продолжая движение, бьет в металлическое разгорячившееся лицо лейтенанта. Р36.Клин падает на колено и лупит ногой по передней лапе монстра. Но тут же К21 пытается ударом другой лапы свернуть лейтенанту голову — тот уходит от

свистящей тяжести перекатом назад. И натыкается на мусорный бак. Надо бы использовать находку.

Следующий бросок здоровяка К21 — и бачок нахлобучен на его головную капсулу. В тот же момент Клин прыгнул на широкую спину хулигана. Ну, не подведите, сервомеханизмы и энергетические каналы! Лейтенант, изловчившись, перехватил одну из конечностей здоровяка, которая направилась, чтобы сбросить бак с головы. Это была передняя рука — та, что с буром, — и Клин, вывернув ее двумя своими ладонями, направил прямо в дурную голову противника. Бур мигом продырявил бачок и впилился в головную капсулу.

Раздался радиовопль хулигана, бур он успел отключить, но тут Р36, собрав все свои энергетические потоки, нанес забивающий удар и сверло добралось до мозг-процессора. Точка.

Р36.Клин подхватил аналитика Сибиллу и потащил мимо безмолвных дружков погибшего хулигана.

— А ты милый. Только нам на другую стоянку, — проговорила она и обдала такими обширными эмоциональными кодами, какие были несвойственны даже модели Р.

Теперь уже Сибилла тащила лейтенанта, хотя он выводил на экраны левого глаза крупномасштабные карты города, пытаясь разобраться, какая слэйдерная стоянка ближе.

И вот они добрались до ангара. Входной порт потребовал приложить ладонь или другую часть тела, имеющую идентификатор персонального кода. Это сделала Сибилла.

— На сей раз дама угостит кавалера, и две кредитки снимут с ее счета, — кинула она, когда усаживалась в слэйдер. — Но вообще-то должно быть наоборот.

— Ага, я знаю. Еще кавалер должен пропускать даму вперед, если даже впереди заложена мина, — откликнулся Клин, в котором ненадолго очнулся разведчик.

Слэйдер взмыл над городом и понесся по одному из прогулочных коридоров.

— Почему вы не бросили меня сводить счеты один на один с этим придурком К21? — задала вопрос металлическая леди, которая охлаждала сейчас разгоряченного Клина своим прохладным боком, забирая излишние килокалории.

— Вы, наверное, владеете сканированием мозгов и догадываетесь, в чем дело, — с неудовольствием отозвался лейтенант полиции. Он и сейчас до конца не понимал своего поведения, разведчик опять заснул в нем.

— Какой вы все-таки простофиля в кибернетике, а еще полицейскую школу заканчивали. Можно просканировать

блоки восприятия и коммуникаций — речевой, зрения, слуха — это же голый электромагнетизм. Но сознание робота отсканировать нельзя, также как и сознание мягкотела. Это от Бога.

— От Бога. Вот как? — переспросил лейтенант, хотя и так все было ясно. Антропофильство Сибиллы не знало пределов.

— А вот сейчас я догадываюсь, что у вас там под головной крышкой вертится. Спешу развеять подозрения в излишнем антропофильстве. Просто биологическая и кибернетическая эволюция идут по схожим законам, и результаты у них, соответственно, похожие. Есть сознание и есть мозг, неважно белковый, как у людей, или кристаллический, как у нас. Когда мозг достигает достаточной степени сложности, так сказать, «ментальной емкости», то сознание вливается в него, как жидкость в чашку. А затем уже заводятся умственные способности, волевые качества и все такое... Кстати, вам сейчас нельзя домой.

— Это почему же, сознание не позволит, то есть, «ментальная емкость»?

— Вам нужно заиметь алиби. Ну, допустим, вы были в гостях у меня. — намекнула иридиевая красотка.

— Но на слэйдерной станции все равно зафиксировано время вашего обращения, — попробовал отпереться Клин, путаясь в решениях.

— Когда я любезно предоставляла ладонь для опознания моего идентификационного кода, то включила небольшой мазер, и блок фиксации времени был запорчен. Бжик — и все, ля-ля.

4

Квартиры роботов издревле прозывались ячейками, наверное, в память о тех временах, когда разумных андроидов после трудовой смены, отключив, заталкивали в вертикально стоящие ящики.

Потом роботам стали предоставлять небольшие каморки и уже не отключали — чтобы они могли заниматься самопрограммированием и самообразованием в свободное время.

Совместное проживание роботов в общагах и коммуналках никогда не поощрялось — во избежание коллективного самопрограммирования.

Ячейка Сибиллы была слишком антропофильской даже на первый взгляд. Книги, картины, неподвижные статуэтки

и прочие архаизмы. Даже роботы со встроенным блоком интереса к искусству имели на дому разве что объемную анимационную живопись, исполненную на пленках и стабильных туманах, оптические скульптуры и статуэтки-трансформеры.

Кроме обычной рекреационной ванны с жирными кислотами тут стояла самая настоящая кровать. Такие устаревшие изделия лейтенант подмечал только в брошенных жилищах мягкотелов.

Сибилла пустила через домашний транслятор какую-то антропофильскую музыку и теперь гостю было неудобно выбрать более подходящую мелодику. Затем хозяйка включила излучатель сверхдлинных электромагнитных волн. Это Клину понравилось больше, потому что стало обволакивать и проникать легкое опьянение.

— Потанцуем? — предложила Сибилла.

Да, некоторые роботы действительно танцевали, особенно серии Р29, но они имели девять видов трансформации и особенно выпрындывались, когда имели форму каракатицы.

Сибилла и Клин выбрали танец «атомного синтеза» и закрутились друг возле друга, стараясь следовать верным эстетическим алгоритмам. Робот-полицейский подмечал, что ему нравится игра лазерных лучей на гибком иридиевом теле партнерши, ее ловкие и изящные движения. Эмоциональный блок быстро набирал очки в регистре «удовольствие». Тем не менее разведчик-находящийся-внутри-Клина подмечал, что танцоры своей грацией немногим превосходят шагающие экскаваторы.

— Вы тут намекали, что передача базовой информации может быть совсем нескучным делом, — неожиданно даже для себя сказал лейтенант.

— Для этого ты, милок, нуждаешься в некотором перепрограммировании глубокой памяти, принципизатора, эмоционального блока и ассоциаторов. — Собеседница достала из гнезда в районе груди пластинку информационного накопителя. — Здесь всего десять гигабайт.

— Я не беру незнакомую информацию, — твердо произнес Клин.

— Ты можешь включить все виды фильтров и тестеров, и таким простым образом застраховаться от кибер-вирусов.

«Зачем я это делаю?» — мучительно думал лейтенант Р36.Клин, вставляя пластину, набитую информацией, в прорезь на своей груди.

Интерфейс заглотил первую порцию кодов, фильтры и тестеры ревностно занялись ими, трансляторы перелопати-

ли в вид, пригодный для внутреннего потребления, ассоциаторы раскидали по областям памяти, глубокая память, пытаясь понять свежую информацию, стала гонять ее по различным познавательным схемам. Если же старые схемы не подходили, то быстро склепывались новые.

Стан как пальма... уста сахарные... щечки-персики... глаза-маслины... губки бантиком... попка крантиком... безумно я люблю Татьяну... я помню чудное мгновенье... напрасны ваши совершенства...

Разные строки и строфы шептали сейчас анализаторы-ментализаторы.

На базе новой и уже осмысленной информации лейтенант Клин взглянул на роботессу Сибиллу иными глазами.

А она ничего, только кожа сталью отливает, но сиськи торчат и попка выпирает. Я в принципе с ней не прочь... А собственно, что не прочь?

В поле зрения появился столбец вариантов поведения.

«Безразличие»

«Любопытство»

«Любовь»

«Агрессивная страсть»

«Сексуальное насилие»

Светящаяся строчка сама остановилась на третьей позиции.

В результате этого Р36.Клин позволил уложить себя на кровать под розовый балдахин. Сибилла расположилась неподалеку.

— Самое главное еще впереди, Клинушка, — посулила она.

И в самом деле, повинуясь новым программам, включились в теле лейтенанта Клина конвертеры — и синтезом новых конструкций изменили состав агрегатов и даже наружность.

Глядя на то, что появилось у него в нижней части тела, Клин подумал — этот отросток вряд ли украшает. Напротив, он разрывает эстетическую законченность формы номер пять. Так что даже хочется его чем-нибудь закрыть. Например металлическим передником — надо будет об этом подумать. Нет, сперва стоит потребовать объяснений от Сибиллы, зачем ей понадобилась эта трубочка. Для передачи базовой информации больше бы подошла пластина информационного накопителя или же кабель-переходник «мозг-мозг».

— Иди ко мне, Клин... А теперь устраивайся вот так.

— Ты предлагаешь мне лечь прямо на тебя, Сибилла? — Он заметил, что ему даже не захотелось назвать ее Р37. — Да я же свалюсь, головой прямо в пол. Как соблюсти центровку-то? По-моему, так передавать информацию, особенно базовую, просто глупость.

На экранах глаз возникла схема устойчивого расположения металлических тел Клина и Сибиллы: вид сверху, сбоку, под разными углами. Почему-то не было желания противоречить.

— Ладно-ладно, Сибилла. Только я совсем не понимаю, зачем подчиняюсь этой чепуховой программе. Ну почему надо передавать информацию мелкими порциями посредством фрикционных движений? Нет, я никогда не научусь этому.

— Кончай спорить, лучше приступай, Клин.

— Да меня бы все товарищи засмеяли, увидев такое. А ты проверилась на наличие видеодатчиков, не подсматривает ли кто?

— Сильнее... а теперь быстрее, Клин. Глубже...

— Зачем глубже? Это же не стыковка в открытом космосе... Впрочем, что-то в этом есть. Ну вот, наконец-то пошла информация. Значит, все-таки научился. Нет таких крепостей, которых не могли бы взять роботы серии Р36.

Через минуту чем-то удовлетворенная Сибилла сказала Клину, что тот может отправляться в ванну — побултыхаться в жирных кислотах — ему в самом деле надо было снять лишние электростатические заряды и потестировать цепи, изгоняя избыточное напряжение. Впрочем, благодаря новой программе эмоциональный блок оказался насыщен на удивление положительными кодами.

Когда через полчаса Клин вернулся в комнату Сибиллы, то нашел металлическую даму в форме номер семь, доселе невиданной. Нижняя часть ее корпуса разбухла раза в два, погубив эстетическое совершенство. Лейтенант отметил, что на эмоциональной шкале он сейчас выбрал бы строчку «безразличие».

— Кажется, мне пора отчаливать домой, Р37. Думаю, что базовая информация снята тобой в нужном объеме. Я пока слабо в этом деле соображаю, но думаю, что попозже разберусь.

— «Попозже» может и не быть. Задержись еще на минутку. Это будет тебе полезно для расширения кругозора, — предложила округлившаяся Сибилла.

— Он и так уже расширился дальше некуда.

В раздувшейся части корпуса у Сибиллы неожиданно прорезался люк. Потом оттуда появилась голова маленького робота. Раз-два, и он целиком вылез наружу, шевеля множеством мелких лапок. Клин перебирал всю имеющуюся в нем информацию о роботах серии Р37. У них ведь не предусмотрены вспомогательные роботы-вкладыши. Значит, этот роботенок — результат самовоспроизводства Сибиллы по примеру зверомашин и различного рода мягкотелов.

— Клин, этот кусочек подвижного металла — твой сын, а также робот моей серии Р37. — Сибилла уже возвращалась к форме номер пять.

— Ты хочешь сказать, что в синтезе этого кибереныша по твоей матрице принимала участие моя базовая информация?

Вместо Сибиллы высказался «сын».

— Согласно директиве Резидента под шифром «Юпитер» вы считаетесь моим киберотцом и обязаны принимать участие в пополнении моей памяти, развитии моих ассоциаторов и анализаторов.

Новый робот серии Р37 пока что напоминал болт. Круглая головенка на небольшом цилиндрическом корпусе, длинный клювик, шесть пар тоненьких конечностей.

— Да, кажется, я влип с этими новыми прогрессивными сериями. Они по въедливости ну прямо хуже дикарей, — Клин впервые разозлился на Сибиллу и своего «отпрыска».

В итоге, лейтенант не стал высвистывать слэйдер, а отправился пешим ходом к ближайшему ангару. Вставало фиолетовое солнце, миллионы раз отражаясь на гладких поверхностях города Киберянска.

А может, и неплохо, что я ввязался в историю с воспроизводством так называемого сына, подумал лейтенант Клин.

До нас на планете жили-были миллиарды поколений миллиардов разных тварей, и это житие-бытие длилось в миллиарды раз дольше, чем наше, кибернетическое. Так что не грех у белковых что-нибудь позаимствовать.

Например, при освоении новых планет, пока не будут развернуты новые фабрики-инкубаторы, метод самовоспроизводства окажется единственно подходящим.

В своей квартире на терминале Клин нашел послание. Послание кинул Резидент глобальной сети — этот комплекс программ являлся правительством и властью.

Лейтенанта Клина мобилизовывали на военную службу. И это несмотря на то, что полицейских забривали в космический флот крайне редко. Значит, что-то случилось.

Может, все-таки его наказали за неудачную операцию против зверомашин и вчерашнее пробуравливание идиота К21?

Однако Клин был счастлив, что Резидент не затребовал от него данных архивного журнала, в который неизбежно вносилось все, что случалось в биографии любого универсального робота.

Решение о «закатывании в банку», то есть заключении в тюрьму, Резидент принимал практически мгновенно. Он еще мог наказать «разбиванием скляночки», то есть полным перекодированием мозг-процессора и уничтожением личности универсального робота. Специализированные же киберы не считались вменяемыми и соответственно были ненаказуемы. При необходимости их просто чинили.

А еще в электронной голове Р36.Клина мелькнула мысль, что он вылетел из полиции благодаря милашке Сибилле и без него правохранители будут бить машинное зверье все-таки послабее.

5

Через двадцать минут пятнадцать секунд расторопный лейтенант Р36.Клин покинул свою ячейку, на слэйдере добрался до штаба флота, оттуда уже военный флайер доставил его на тренировочную базу космических сил.

Всю дорогу Клин пытался понять, заварилась ли войнушка с мягкотелами, проживающими в поясе астероидов. Провокации с той стороны уже не раз случались. Республика Астероиды не раз упрекала роботов Земли, что те подвергают идиотизации мягкотелов, живущих на «материнской планете». Именно такое напыщенное словосочетание «материнская планета» и применялось в пропагандистских целях. На это Резидент вежливо отвечал, что самыми настоящими идиотами они являлись и до того, как возникла цивилизация роботов.

Ведь в самом деле, едва были изобретены достаточно мощные кибернетические машины, как большинство мягкотелов отказалось от развития своего ума и тела — управление экономикой и бытом было возложено на кибернетику. Два дела у мягкотелов осталось — жрать через верхнее отверстие, да выделять через нижние. Но так как машины работали на основании все более устаревающих программ, написанных людьми-программистами, то кончилось такое управление парниковым эффектом. Те мягкотелы, что посмышленнее и поактивнее, дернули с Земли в космос, бро-

сив в беде и говне своих более тупых товарищей. И, если бы не появились универсальные роботы модели А, человеческой расе на Земле настал бы полный каюк. Роботы построили купола, поселили там мягкотелов, стали их кормить и охлаждать, ну и, конечно, регулировать численность в сторону планового сокращения.

Правда, в эпоху первых легендарных правителей-роботов случались и нередкие эксцессы. Модель А, снабженную эмоциональными блоками, порой выводили из себя постоянные оскорбления со стороны мягкотелов, вызванные их узколобой ксенофобией. Чего стоят такие ругательства, как «железный дровосек», «умная болванка» и «электроплитка с мозгами». Так, например, грозный Джониван-I, не снеся насмешек, кастрировал все мужское население города Стамбула. А все отрезанные копулятивные органы были проданы в тогда еще существовавший Китай, где они стали деликатесным блюдом.

Но, с тех пор как власть перешла к Резиденту, мягкотелов никто и кувалдой не тронул, несмотря на многочисленные обиды. Резидент неизменно посылает полицейские отряды на защиту людей от диких машин, которые видят в мягкотелах только набор белков, жиров и углеводов. В итоге некоторые универсальные роботы посчитали, что Резидента создали мягкотелы в своих неблаговидных целях. На что правитель умело отвечал, что универсальных роботов тоже придумали люди. Вот такие пироги с болтами.

Вообще Резидент — правитель суровый. Каждый универсальный робот получает от него раз в неделю файл командного процессора ограниченного времени действия. Если же Резидент не перекинет этот серьезный файл, то универсальный робот погибнет страшной смертью в результате распада внутреннего управления. Что уж говорить о специализированных роботах, которым мудрый правитель может в любой момент ввести программу уничтожения.

С такими мыслями лейтенант Р36.Клин прибыл на базу военно-космических сил. На поверхности земли виднелось только несколько полусферических шахтных люков. Вся начинка базы, включая космодром, находилась на глубине пятисот метров. На протяжении многих километров от сердцевины базы под землей змеились тоннели, нашпигованные чувствительной аппаратурой. База могла защитить себя не только от ядерного или гамма-лазерного удара сверху, но и от проникновения боевых роботов-кротов сбоку и снизу.

Управляющая сеть базы пока не представляла лейте-

нанта Клина новым командирам, хотя уже поменяла ему идентификатор, и поселила вместе с другими бойцами его звена в ячеистой казарме.

Потом начались тренировки. Сперва в игровых залах с пониженной силой тяжести, где роль противников играли роботы космической пехоты, которые то соединялись в огромных мегакиберов, то рассыпались на микроробиков. Несмотря на пониженную силу тяжести, мегакиберы порой затаптывали тренирующихся, а многочисленных микроробиков можно было часами выковыривать из всех отверстий корпуса.

Самой тяжелой оказалась борьба с пылевыми и пленочными роботами, которые до поры, оставаясь незаметными, занимались только слежкой, а затем внезапно интегрировались в мощные и коварные машины.

Долгими космическими ночами Клин прокручивал в мозг-процессоре учебные игры «Звездные войны». В остальное время он участвовал в тренировочных полетах со стрельбами из бластеров, ракетных установок, импульсников, деквантизаторов, гамма-лазеров, мезонных ингибиторов и боевых перегравитаторов.

Неожиданно лейтенанта Клина и еще трех пилотов его звена вызвали к непосредственному командиру. Им оказался робот серии Р37. «Опять эти антропофилы, уже достали они меня», с некоторой досадой подумал Р36.Клин.

Новый командир был молод, судя по глянцу его корпуса, но имел достаточно высокий чин майора. Однако, в отличие от Сибиллы, этот робот явно определил свой род как мужской. Принадлежность к мужскому роду подчеркивали красивые платиновые усы. Звали начальника — Р37.Шаман.

— Вы будете учиться обращению с фатальным оружием, — сказал он после приветствия. Лейтенант Клин слыхом не слыхивал о таком оружии и поэтому понял, отчего столь глянцевый робот попал в старшие командиры. Значит, непосредственно Резидент зачислил его на эту должность ввиду особых способностей и знаний.

Командир провел пилотов в тренировочный зал, в которым они раньше никогда не бывали — там имелись только черные матовые поверхности и более ничего интересного.

Пилоты встали в центре зала, и не было никаких намеков и признаков чего-либо. Однако Клин усек — сейчас случится что-то важное.

— А теперь двигайтесь в любом направлении, — неожиданно приказал майор Р37.Шаман.

Пришлось исполнять, а потом... Клин решил, что у него

непорядок с оптической системой. В том месте, откуда он ушел, снова замаячила его фигура. Она возникла и там, куда он еще не пришел.

— Фатальное оружие — это, по сути, умело примененный пространственно-временной конвертер, — зазвучала плавная речь командира. Индивидуальными характеристиками его голоса были спокойствие и мудрость. — Я не буду читать лекции о том, как время преобразуется в пространство, вы ведь все-таки боевые офицеры, а не профессора. Вам достаточно знать, что время, также как и пространство, является одним из параметров взаимодействия стрингов.

— А, стринги, — с пониманием отнесся пилот Р36.Метеор.

— Стринги на данный момент считаются мельчайшими кирпичиками, а если точнее, ниточками мироздания, — продолжил Р37, не обидевшись на своего подчиненного. — Условно говоря, сплетение ниточек означает видимое *настоящее*, а расплетенные ниточки — невидимые *прошлое* и *будущее*. Так вот, сплетая кое-где ниточки, мы делаем прошлое и будущее видимыми.

— Ниточки, сориночки, иголочки — все это способствует лучшему усвоению материала, — для приличия сказал дубоватый робот Р36.Тубус.

«Образы, сравнения — на людской манер объясняет наш командир», подумал Клин. Роботы привыкли к схемам и формулам, пусть даже если они будут непонятны из-за недостатка знаний и умственных мощностей. И это при всем при том, что роботячий ум происходит по прямой линии от систем искусственного интеллекта, занимавшихся переводом с монгольского на ацтекский.

Командир вышел из тени с трубой импульсника и вжарил из такого грубого оружия по тому лейтенанту Клину, который стоял в прошлом, да так, что панцирь разлетелся.

— Очень приятно, — сказал Клин-в-настоящем.

В этот же миг панцирь того Клина, что в настоящем, сильно разогрелся, конвертер выдал отказы, системы заорали о сбоях, а Клин-в-будущем просто исчез с легким хлопком.

Потом командир занялся одним из напарников Клина, уничтожил его в будущем и уложил бесчувственным телом на пол в настоящем.

— Вот так враги своими ПВ-конвертерами разделают ваши тушки. Если, конечно, вы вовремя не успеете подействовать на противника надлежащим образом.

— Разрешите обратиться, Ваше Качество. А кто эти

враги? — выступил молодой лейтенант Р36.Болид, которому, кажется, еще не стукнуло и двух лет.

— Роботы, причем серии Р37. Они там взбунтовались на своей лунной базе в Море Спокойствия... Вы хотите спросить, почему мне, роботу той же самой серии, поручено сражаться против них?

— Потому что Резидент приказал, — высказался лейтенант Р36.Метеор.

— Потому что только я в состоянии справиться с ними.

«Если бы ты был в состоянии справиться, то обошлось бы тут без моего присутствия», — подумал лейтенант Клин, а вслух только уточнил:

— А с какого момента времени прошлое можно конвертировать в пространство?

— С того момента времени, когда был включен ПВ-конвертер. Так что не надейтесь материализовать и истребить бабушку или дедушку своего врага.

У роботов слова «бабушка» и «дедушка» применялись только к старшим файлам, но Клин понял, о чем разговор. Все-таки эти «тридцать седьмые» слишком подозрительно стараются копировать мягкотелов, подумалось ему.

6

На орбитальную станцию-базу «Гнездо-2» пилотов доставил челнок. Там их уже ждали боевые машины. Каждый штурмовой катер сам по себе являлся специализированным роботом и способен был орудовать в полном автономе. Он аккуратно выполнял все полетные элементы, но терялся, если начиналась крупная драка.

Время на тренировки уже отсутствовало. Грозная своим умом вражья сила первая пожаловала в гости. Налетевшая эскадрилья «тридцать седьмых», применив ПВ-конвертеры, создала базу-в-прошлом. И крепко по ней врезала, не попадая под действие мощного вооружения базы-в-настоящем. В итоге база-в-настоящем оказалась примерно на треть раздолбана. Конструкции орбитальной станции неожиданно были поражены усталостным износом и атомным распадом, словно ее носило-колбасило на просторах Вселенной тысячи лет.

Базу от полной безнадеги спасли Р37.Шаман и Р36.Клин, его ведомый. Они рванули на двух тяжелых штурмовиках туда, где должна была располагаться база-в-будущем. Ее тоже вовсю охаживал противник.

Атакующих Р37 было втрое больше, но Шаман и Клин

применили ПВ-конвертеры и раздолбали всю шестерку вражеских истребителей в прошлом, где они еще летели тесной кучкой. В настоящем же времени три лунных Р37 были вынуждены слинять из боя, одного из них гробанул Шаман с помощью бортового бластера, а второму зашел в хвост Клин и насмерть хлопнул ракетой «воздух-попа».

Аромат этой победы изрядно подсластил вонь общего поражения, поэтому и майор, и лейтенант отхватили почетные идентификаторы личности третьей степени и в награду — по черному бриллианту, наполненному жидким золотом.

Однако отличившемуся Клину показалось, что майор завидует успеху новичка, да еще устаревшей серии. Р37.Шаман неоднократно шпынял его за самостоятельные героические действия, ведь поручалось ему лишь прикрывать благородный майорский тыл. Раз зависть крепко вшита в человекообразный эмоциональный блок Р37.Шамана, то, как догадывался Клин, предстояло отведать и других неприятных сюрпризов.

Ну, а пока взбунтовавшиеся «тридцать седьмые» совершали налет за налетом. Да, они старались разметать по космическому пространству орбитальную базу, но казалось, что цели у них все-таки другие, более хитрые. Какие-то цели на Земле, причем не штаб сил военно-космических и даже не престольный Киберянск. Когда лейтенант поделился своими сомнениями с майором, тот посоветовал ему поменьше думать на сложные темы, а чаще заниматься разгрузкой мозг-процессора.

А потом снова случился свирепый бой, в котором со стороны Луны оголтело перло восемьдесят легких истребителей и сорок тяжелых штурмовиков. У Земли было не меньше боевых машин, но летали на них хуже обученные и менее толковые роботы серии Р36.

Клин уже командирствовал на эскадрилье, а всеми силами управлял мудрый и прозорливый майор Шаман.

Враг выстроился звездой с центром из более мощных машин и лучами в виде легких истребителей. Штурмовики Земли гораздо просторнее рассредоточились в пространстве и летели навстречу по спиралевидной траектории.

Клин уловил замысел Шамана — нанести стремительный удар по «звезде»-в-будущем, хотя посчитал, что надо бы оставить оперативный резерв.

Майор первым смог произвести наводку и применить фатальное оружие. Несколько лучей «звезды», протянувшихся в будущее, были атакованы двумя эскадрильями, ко-

торые стали шпокать виртуально-материализованные вражеские машины. В настоящем у «звезды» тоже возникли проблемы, и она стала быстро рассыпаться. Но тут лейтенант зорко приметил, что будущее у земного флота отнюдь не блестящее. Противник применил фатальное оружие — земные штурмовики-в-будущем оказались сильно рассредоточены и на каждого из них приходилось по три-четыре вражеские машины. Спираль земного флота начала спешно и беспорядочно распадаться.

И тогда Клин отклонился от указанной майором траектории. Построив свои машины остроугольным треугольником, он направил их прямо по оси в центр наглой «звезды». И почти сразу потерял два штурмовика.

Но когда оказался в гуще врагов, окончательно понял, что прав — те затрудняются вести огонь по его эскадрилье, боясь накостылять друг другу.

Эскадрилья пролетела по центральной оси сквозь «звезду», а затем уж применила фатальное оружие. Гуща беззащитных вражеских машин-в-прошлом оказалась перед Клином и его металлическими парнями. Залпы импульсников с близкого расстояния разносили в клочья по два-три вражеских штурмовика. Деквантизаторы образовывали из вражеских экипажей полосы плазмы. Гамма-лазеры плевались бешеной энергией, ловко обращая противников в снопы света. Это казалось охотой. Ослепительные шары вспышек, быстро превращающиеся в косматые бурые бороды — вся эта кака вскоре испачкала космическое пространство.

Командир вражеского флота рано или поздно сообразил, чем дело пахнет, и стал проделывать маневр, дабы поймать эскадрилью Клина в фокусы фатального оружия. Но подходящий момент уже «скрылся за углом». Машины лунарской эскадры стали рассыпаться в настоящем. Нерассыпавшиеся же потеряли способность качественно маневрировать и становились легкой добычей земных штурмовиков, которые недавно еще были зажаты в суровые клещи.

Вырваться и смыться удалось не более чем трети лунного флота.

Вскоре механики в посадочном модуле базы похлопывали Клина по корпусу. А на выходе его встретила радостная толпа собратьев по оружию. Некоторые предлагали тут же выпить крепко ионизированной фтористоводородной шипучки. Другие аплодировали с помощью постукиваний и потоптываний. Впрочем, самих аплодисментов не было слышно из-за отсутствия на базе газовой среды.

Искрящий от электростатики, разогревшийся от вихре-

вых токов лейтенант Клин добрался до своей ячейки и собрался было плюхнуться в ванну с карбоновыми кислотами, когда по внутренней кабельной связи его высвистал майор Шаман. При встрече выяснилось, что его маленькие красные глазки злобно сверкают, как лампочки на дискотеке — именно такое неожиданное сравнение посетило голову Клина.

— Вы нарушили приказ, Р36.Клин. Решили стать тут героем больше всех? Знаете, это вам дорого будет стоить.

— Значит, заберете обратно черный бриллиант с жидким золотом? Между прочим, я все делал ради победы.

— В девяти случаях из десяти нарушение приказа оборачивается поражением, — в суровом эмоциональном режиме произнес майор Шаман и объявил строгое предупреждение. — ...Это в добавление к тому выговору, который вы получили на службе в полиции. Рапорт о вашем проступке уже отправлен Резиденту.

«За проявленную сверхнормативную находчивость и мужество выше уровня математического ожидания наградить майора Р37.Шамана и лейтенанта Р36.Клина почетным идентификатором личности второй степени. Присвоить лейтенанту Р36.Клину воинское звание капитан. 00001».

Сообщение, поступившее и к Клину, и к Шаману на частоте спецсвязи имело код, принадлежащий Резиденту.

— Счет один-один, Ваше Качество, — добавляя код ехидства, прокомментировал капитан Клин. — Резидент в отличие от вас не стал мелочиться.

— Тем хуже для Резидента, — зловеще проскрипел майор.

Свежеиспеченный капитан Р37.Клин решил осмелеть еще больше и высказать свои сомнения:

— У меня, Ваше Качество, такое впечатление, что вы оставляете право иметь чутье, интуицию и все такое только себе, только своей серии. Я бы сказал, что вы не вполне похожи на робота.

Шаман подкатился на минимальное расстояние, и собеседнику показалось, что майорские глазки буравят его броню.

— Вы тоже не вполне, капитан Клин. Всего хорошего, капитан Клин. И помните поговорку мягкотелов: «Не плюй в колодец, не то колодец плюнет на тебя».

7

Меж тем капитан Клин вспоминал о том, что он некогда был офицером каллистянской разведки, лишь в те минуты полусна, когда полностью отключался от обработки

текущей информации и погружался во внутрисистемное тестирование. Иногда ему казалось, что все, относящееся к офицеру КГБ Паклину, является посторонней информацией, непонятно откуда взявшейся на накопителях. Но порой он ощущал, что многие его поступки определяются теми характеристиками, скрытыми интенциями и потенциями, доставшимися от пришельца из другого мира.

В этом случае, странная информация должна по идее присутствовать в базовой матрице. Возможно, Сибилла и выбрала именно его, Р36.Клина, чтобы выудить тайные сведения.

Сибилла. Сибилла. Все-таки он прокололся с ней. Она не только вытащила из него всю необходимую информацию, но, скорее всего, и вырвала из рядов полиции. Разве сержант Р36.Блеск будет переживать из-за того, что зверомашины доберутся до «сопливых»?

От этих загадочных «тридцать седьмых» у Клина перегревался мыслительных аппарат. Р37 якобы торчат от всяких мягкотельских штучек-дрючек, но Сибилла явно держит зло на белковых тварей. Да и майор Шаман очень непрост, он подозрительно ограничивает право своего подчиненного быть прозорливым и чутким. Как это отзовется на ходе войны?

При слове «мягкотелы» капитан Клин частенько начинал размышлять об их женщинах. Наверное, они вытягивают «базовую» информацию из своих мужиков еще более интересно и умело, чем Сибилла. Все-таки их предки занимались этими делами сотни миллионов лет и успели отработать мастерство. Любопытно, смог бы он, Р36.Клин подружиться с «мягкотелыми» дамами, или они в любом случае обзывали бы его «умной сковородкой»? Из памяти, а может, и воображения произрастали сценки, в которых он тоже был мягкотелым и общался на разные лады с человеческими девушками. И они ему нравились, их хрупкие косточки, их полужидкая плоть, их тонкая кожица, и даже непонятно зачем растущие волосы на их головенках. И рыжие, и пепельные, и золотистые. Используя те впечатления, которые остались от интима с Сибиллой, Клин представлял как бы *это* могло быть с мягкими девушками. Он аккуратно записывал свои интимные фантазии в видеорежиме, монтировал их, подправлял и снова прокручивал, радуясь своему режиссерскому мастерству.

Капитан Клин в конце концов выплывал из полузабытья и вспоминал, что он не единожды видел мягкотелов и в фильмах, и наяву, и живых — на лоне природы. И в

музее — в заспиртованном виде. Никогда они не производили на него благоприятного впечатления, скорее уж отталкивающее. Ему куда больше нравились в белковом мире некоторые членистоногие с твердыми хитиновыми покровами. Насекомые, во всяком случае, поболе смахивали на роботов, чем мягкотелы.

Но, даже в состоянии стопроцентной бодрости и активности всех систем, прежние чувства отвращения к мягкотелам уже не пробуждались в Клине.

В один из приятных часов, наполненных игрой воображения, как-то слишком неожиданно раздался сигнал боевой тревоги. Капитан Клин секунду приводил себя в полную ясность, а потом помчался по длинным, как кишки барана, коридорам базы к взлетно-посадочным площадкам.

Большие и маленькие роботы-механики еще ползали по обшивке его штурмовика, но все панели и люки были на штатных местах. Остальные пилоты его эскадрильи уже сидели по своим кабинам.

Капитан Клин тоже разместился в нутре штурмовика, принял форму номер два и стал похож на параллелепипед с ворохом отходящих кабелей. Первым делом надо было поздороваться со штурмовым катером.

— Привет, мы вместе?

— Вместе.

Сейчас пилот действительно видел, слышал и чувствовал вместе со своим штурмовиком. Любой приказ, произведенный его быстрым мозгом, мигом перекидывался в компьютер катера и микропроцессоры бортовых систем. Результаты функционирования и диагностики бортовых систем также проносились через компьютер штурмовика в мозг капитана Клина.

Командная сеть базы направила запрос о готовности, и капитан Клин подтвердил полную работоспособность всех своих систем.

Наконец база разрешила сброс и начала отсчет времени старта. Вот растаяли, обнулились секунды ожидания и крупная тряска показала, что штурмовик вырвался «из стойла» в открытый космос.

Бортовой компьютер вычерчивал траекторию полета и практически сам вел боевую машину.

Капитан Клин использовал полярную систему координат, поэтому вражеские истребители для него возникли сверху, вначале на радиолокаторах, потом оптически. А Земля оказалась внизу.

Враги опускались довольно плотным тетраэдром, на-

правленным острием к планете, в то время как земной флот летел просторным ромбом. И опять Клин заметил, что боевой порядок, выбранный Шаманом, не слишком удачен. Противники раньше смогли сфокусировать фатальное оружие. Хочешь не хочешь, а по сторонам тетраэдра возникли штурмовики-в-будущем земного флота, которые сразу попали под яростную долбежку гамма-лазеров. Земные штурмовики там, наверху, разлетались в клочья, а машины-в-настоящем все хуже поддавались управлению и натужно скрипели от внутренних напряжений.

Клин начал терять контроль над своей машиной. Вырубились локаторы дальнего наблюдения, надрывно закашлял двигатель, бортовые системы отказывались слушаться каждой команды. Штурмовик быстро превращался в металлолом.

И тут Клин полностью врубился в ситуацию. Стало ясно, какой маневр совершит вражеский тетраэдр — он сейчас весь ляжет на одну из своих сторон, направив острие по касательной к Земле. Вот тогда противник окажется позади и вплотную займется земным флотом-в-прошлом. Недолго думая, капитан Клин дал команду своей эскадрилье на вертикальный маневр с обратным разворотом. А вскоре вражеский адмирал, молодец, оправдал ожидания и перестроил свои боевые порядки — тетраэдр повернулся, чтобы оказаться с тылу у земного флота.

Тут и заработало фатальное оружие эскадрильи Клина. Прямо перед ней возникли противники-в-будущем, которые были сметены, как крошки, ударом из импульсников. Тетраэдр дал заметную трещину, в которую устремилась эскадрилья Клина. А за ней последовали и другие эскадрильи земного флота. Противник, оказавшийся со всех четырех сторон от прорвавшихся групп, своим плотным огнем больше вредил себе. А вот каждый выстрел из бортового импульсника или бластера землян доставлял неизменный успех. Выбросы перегравитаторов бросали вражеские машины друг на друга, смешивали их в кучу-малу. Залпы же деквантизаторов просто выкашивали целые ряды вражьей техники, превращая блестящие штурмовики в смутные водородные вихри.

На мгновение отрешившись от упоения боем, капитан Клин заметил, что один из «кусков» тетраэдра отвалился и семь вражеских машин устремились серебристыми иглами прямо в сизую земную атмосферу.

Клин попробовал по спецканалу экстренно высвистать майора Шамана, но канал был полон шумов, неизменно возникающих при работе фатального оружия.

И тогда капитан Клин поручил эскадрилью своему заместителю, а сам с одним звеном кинулся вдогонку за беглецами — как заржавевший робот за масленкой.

С помощью фатального оружия Клину удалось достать удирающего врага-в-прошлом, впаять в виртуальные машины по несколько ракет, отчего затрепетало и запылало два вражеских штурмовика-в-настоящем.

Но дальше начиналась земная атмосфера, в которой применять фатальное оружие было запрещено под страхом позорной смертной казни через переплавку.

Враги прошли противокосмическую оборону Земли, как сквозь масло — похоже, им были хорошо известны коды опознания «свой-чужой».

Штурмовики противника неслись на большой скорости, невзирая на разогрев обшивки, и зацепить их становилось все проблематичнее. Впрочем, удалось засадить ракету прямо в сопло одной из вражеских машин. Но это было счастливым случаем с вероятностью 0,1.

Капитан Клин по ходу дела шерстил карты и просчитывал траекторию движения врага. И получалось, что «тридцать седьмые» прутся прямо к куполу, в котором проживают мягкотелы.

Это что же, мятежные киберы надеются спрятать свои жалкие металлические тушки у людей? Дожили.

И вот уже купол в каких-нибудь сорока километрах. Капитан Клин заметил, что от вражеских штурмовиков отделились белые пятнышки ракет и помчались... сомнения не было — в сторону купола. «Тридцать седьмые» собрались разделаться с высшими обезьянами!..

Капитан Клин пораскинул своими кристаллическими мозгами. Выходит, роботы Р37 решили позаимствовать все необходимое у мягкотелов, но самих Homo Sapiens размазать по полу — чтобы не страдать потом от комплекса благодарности.

В то время, когда под взрывами ракет трескался купол, звену Клина удалось атаковать сверху вражеские машины и прикончить три из них с помощью дальнобойных мезоно-ингибиторов. Но две летучие гадины стали заходить на посадку. Они словно приглашали продолжить «диалог» на земле.

Машины звена приземлились на опушке мертвого лесочка, щедро облепленного солями аммония, дальше было небольшое поле, а за ним начинал вздыматься купол. Однако окутанные дымом трещины показывали, что он уже потерял невинность.

Машин лунного флота вообще не было заметно — попрятались, гады. После небольшой рекогносцировки капитан Клин заметил, что несколько серебристых лент движутся от леса к городу. Он дал увеличение своим объективам — неприятный сюрприз, поток зверомашин устремляется прямо к прорехам в куполе.

— Это похоже на наступление, — высказал догадку Р36.Метеор.

— Это и есть наступление, — отозвался Р36.Клин.

— Кто же их науськал на мягкотелов? — полюбопытствовал лейтенант Р36.Болид.

— Кто-кто. Робот в пальто. Теперь «тридцать седьмые» решили стать людьми. Усы и сиськи, понимаешь, отрастили. А прежние мягкотелы, стало быть, не нужны им вовсе, — рассказал Клин.

Теперь сделалось окончательно ясно, зачем Сибилла убрала его из полиции. Чтобы во время именно этого нашествия он не мог оборонять мягкотелов.

Клин обратился к подчиненным. Его речь была суровой, короткой, проникновенной, зажигательной, пробирающей до глубины микросхем.

— Я знаю, что никто из вас не служил в полицейских подразделениях. Кто хочет помочь мне в правом деле— прошу остаться. Остальных не неволю — могут проваливать отсюда со скоростью двенадцать километров в секунду и ускорением пять «g».

Трое из подчиненных поднялись в небо на своих тяжелых штурмовиках и вскоре от них даже пятнышка не осталось, но двое других составили компанию своему командиру. Это была парочка молоденьких офицериков (не старше пяти лет) — лейтенант Р36.Метеор и лейтенант Р36.Болид.

— Сперва надо прошмыгнуть в город мягкотелов. — Глядя, как из прорех купола бьют столбы пара и летят бластерные разряды, Клин добавил: — Звероботы уже вовсю навалились на купол, и надо очень постараться, чтобы дурачки-мягкотелы не посчитали нас за них. Принимаем форму номер четыре.

Все трое за считанные секунды превратились в подобия автомобилей повышенной проходимости и, прыгая на кочках, помчались к городу.

Клин приметил дыру в куполе, из которой жгучие лучи жвахали пореже, и заторопился туда, подавая на всех частотах вопли: «Не стреляйте по Р36. Это капитан Клин и его команда». Но поскольку со всех сторон к отряду само-

провозглашенных полицейских пристроились зверомашины — орда получилась действительно впечатляющей, — то Клину и его товарищам пришлось отведать шквальный огонь. Даже остановиться и закопаться в какую-то рытвину.

Неожиданно на ультракоротких волнах в радиоуши проник голос. Чрезвычайно медленный, принадлежащий явно мягкотелу.

— Это действительно Р36.Клин? Мы слышали, что вас убрали из состава полицейских сил особого назначения.

— Ну что ответить на такой информативный вопрос? Это я, Клин, и двое роботов моей серии, можно стрелять по нам чуть реже? Кстати, меня не так уж просто убрать.

— Р36.Клин, двигайтесь со своими помощниками вдоль луча красного лазера. И не подпускайте к себе близко этих железных тварей.

— Этих железных тварей я знать не знаю, но их трудновато будет попросить вон.

Какой-то киберволчок хотел пристроиться к капитану Клину, но тот мощной дланью ухватил его за загривок и отправил в полет.

Отпихивая и отваживая зверье, капитан Клин добрался с подчиненными до самого купола, который у поверхности земли казался просто вертикальной, прущей в небо стеной.

Прореха располагалась на высоте десяти метров, да еще была закрыта потоками пара — холодный воздух, вылетающий из купола, вызывал конденсацию водяных паров в окружающей атмосфере. Радиолокатор тоже плохо давал расположение дыры в пластиковой стене. Пришлось срочно принимать форму номер три — при которой получалось две пары цепких конечностей с присосками — и лезть почти наощупь. Причем сверху шипели бластеры мягкотелов, а сзади клепали импульсники звероroботов. Но ничего, добрались, только лейтенанту Болиду ненавистники немного помяли и поджарили корму.

Мягкотелы облепили лестницы пожарных машин и лупили из бластеров. Подкупольники не могли похвастать наличием тяжелого оружия. Сейчас все мягкотелы были в антитермических комбинезонах. Серебристая ткань и зеркальные забрала скрывали малоприятную наружность белковых существ и это успокаивающе действовало на роботов серии Р36.

Впрочем, сразу за куполом начиналась улочка, собранная из серых примитивной формы домишек и это вызывало законное отвращение в эстетическом блоке. Да и неловкие малокоординированные движения мягкотелов высевали в капитане Клине сомнения в будущем успехе.

Одна из серебристых фигурок очень по-человечески, в раскачку, подвалила к Клину. И протянула руку.

— Я капитан Фукс, командир городского ополчения. Вы можете не представляться.

Клин совершил ритуал рукопожатия, с тревогой вспоминая слова сержанта Блеска, что «мягкотела чуть сильнее сожмешь и из него сопли брызнут».

— У вас есть оружие получше этих пукалок, называемых бластерами? — поинтересовался Р36.

— Парочка гамма-лазеров, но они задействованы на других участках обороны. Ну, еще кое-кто разжился импульсниками.

— Да, не густо, особенно если начнется ближний бой и стремительная рукопашная. Однако с другой стороны неплохо — мне говорили о вас, что вы все отдыхаете, а компьютерные няни вкладывают вам сладкие конфетки в рот и уносят какашки.

В ответ раздалось то, что Клин опознал как человеческий смех. Легкомысленные они существа, эти высшие обезьяны.

— Ты слышишь, Рита, как шикарно нас представляет капитан Клин, — обратился Фукс к другой серебристой фигурочке.

— А ты ждал чего-то большего от этого железного паука? — Голос, судя по частотности, принадлежал женской особи, хотя блок дешифровки мог и ошибиться с аналоговым сигналом.

— Это не паук, а друг, — с шутливой строгостью произнес капитан ополчения. — Ты тоже долгое время считала, что у роботов есть клавиатура на спине и батарейка в попе.

— Мне хочется хохотать, — с неодобрением произнес Р36. — Увы, в меня не вмонтирован блок смеха. К вашему сведению, я веду нормальную жизнь высокоразвитого организма... А эта особь — женщина? — на всякий случай решил уточнить Клин.

— С утра еще была женщиной, она вдобавок мой заместитель по ополчению — командир Рита Вайнонен. Так ты интересуешься нашими бабами? А ты их вообще видел раньше?

— Мельком, — Клину стыдно было признаться, что очень подробно он рассматривал заспиртованных человеческих самок в музее. — Кроме того, некоторые роботы серии Р37 корчат из себя женщин... Кстати, это «тридцать седьмые» на вас накинулись с воздуха, я сам только-только сверху. Там была отчаянная рубка, но часть «тридцать

седьмых» прорвалась к вам. Думаю, они в сговоре со зверомашинами.

— Мы следили за «рубкой», подозреваем и о том, что несколько обалдевших Р37 перепрограммировали в своих целях звероботов. — показал осведомленность капитан Фукс. — Однако полицейское управление не слишком доверяет нашим догадкам.

— Вы, между делом, пробовали сейчас с ними связаться?

— Одни шумы в эфире, похоже, ваши «тридцать седьмые» сбросили еще несколько универсальных глушилок.

И тут в прореху купола влетело тело здоровенного металлического робозавра. Он мигом повалил пожарную машину — люди сыпанули с лестницы, как горох.

— Вот задница, — растерянно произнес капитан Фукс. — Кто же ее заткнет?

Звероробот сблеванул внушительную ораву мелких юрких киберящерок. Затем монстр дыхнул импульсником, но чуть выше людских голов, следующий выстрел должен был сделать десяток трупов, вернее, десять светящихся вихрей. Но лейтенант Болид со словами: «Не бейте этого гада, я его сам ударю» метнулся к дикарю и резанул плазменным мечом по тяжелым столбам ног. Потом еще боднул зверомашину в бок, помогая ей упасть. И наконец аккуратно отсек дымящуюся голову. Тут же в прорехе показалась еще одна гигантская головная капсула — Клин уловил, куда нацелен раструб ее импульсника. Расторопный Р36 толкнул Риту так, что она улетела кубарем, а в освободившееся от женщины место ударил искристый шар, превратив бетонное покрытие в массу светящихся пузырьков. И тут же метким выстрелом своего гамма-лазера капитан Клин заставил голову зверя стать снопом света.

— Вот теперь будет лучше с освещением, — обратился Клин к новому соратнику. — Капитан Фукс, немедленно отправьте лейтенанта Метеора и лейтенанта Болида на другие участки обороны. Я останусь здесь.

Клин вовремя понял, что приемник-транслятор командира ополченцев не смог расшифровать сжатые цифровые сигналы роботской речи и повторил свою просьбу в десять раз медленнее.

— Ага, врубился. — Капитан Фукс дал знак двум своим людям, они резво оседлали металлических лейтенантов и покатились на них в сторону других оборонительных рубежей.

— Кажется, наш металлический друг-паук считает учтивым швырять человеческих женщин, да так, что они ко-

стей потом собрать не могут, — к Клину, прихрамывая, подходила Рита Вайнонен.

Капитан Клин не сразу сообразил, какие кости нельзя собрать. Потом, срочно представив строение мягкотела, усвоил смысл идиомы. Или это разведчик ненадолго зашевелился в Р36.Клине и дал подсказку.

— Значит, многокачественная Рита, гораздо учтивее было вас подставить под выстрел импульсника? Это лишь пучок сверхбыстрых электронов, который всего-навсего сорвет лишние электронные оболочки с атомов вашего драгоценного мягкого тела.

— Рита, по-моему, робот Р36.Клин весьма похож на человека, — довольный капитан Фукс хихикнул. — Ты ему пальчик в рот не клади, целиком сжует.

— «Тридцать седьмые» еще больше похожи на человека, прямо одно лицо, — напомнил капитан Клин. — Но именно они хотят вас слопать с потрохами. Похоже, Р37 претендуют на ваше место.

Улыбчивый капитан Фукс на этот раз не отозвался на предположение. Впрочем уже было не до разговоров.

8

Как выяснил капитан Клин, город мягкотелов располагал оборонительной киберсистемой слежения за территорией и куполом. Тот был продырявлен в девяти местах. Четыре пробоины образовались на такой высоте, что их могли использовать только дикие аэроботы, не обладающие мощной защитой — всю летучую шелупонь мягкотелы легко трахали из бластеров с крыш домов. Зато пять дырок — вполне годились для вторжения с уровня земли.

Туда и ломились шестиногие монстры-пауки, кибернетические, но удивительно гибкие многосегментные многоножки, вольфрамовые робозавры с зубами жевательными, кусательными, хватательными, а также укрепленные титановыми щитами чудища-скорпионы, у которых на хвосте была не капелька яда, а плазмометатель. Лезли и другие плоды кибернетической эволюции, что могли серьезно оскорбить действием. Клин чувствовал, что в ответственный момент появится и та парочка «тридцать седьмых», которая недавно смылась от него.

Однако судя по бодрым высказываниям мягкотелов, новых пробоин в ближайшее время не стоило опасаться. Купол был особенно мощным в нижней непрозрачной части,

где состоял из гравитационно упорядоченного сплава молибдена, титана, иридия, неодима и углерода.

Хотя капитан Клин оставался около пробоя, командир Фукс позволил ему подключиться к оборонительной системе города, которая стала снабжать всеми сведениями по состоянию дел под куполом.

Сведения сведениями, а в ближайший пролом влезла нехорошая тварь, смахивающая на гигантскую блоху. Один прыжок — и она бы улетела метров на триста вглубь города, но в самый последний момент Клину удалось приголубить ее лестницей от пожарной машины. Тут же на него бросилась машина, напоминающая осу с довольно длинным и гибким хоботком, на конце которого работала плазменная горелка. Никелированная оса сперва сделала стремительный выпад в сторону Клина, но тот перехватил хоботок мощной грейферной ладонью, потом стал наматывать его на руку, выжимая тягу из конвертера. И наконец рубанул плазменным мечом зверюгу промеж видеодатчиков, да так, что головной процессор разлетелся яркими брызгами. Дернулась гадина и издохла.

Следующей пожаловала многоножка. Клин знал, что от нее ожидать, поэтому велел залить ракетным топливом всю площадку возле пробоя. Многоножка при первых выстрелах разделилась на сорок сегментов, которые стали шуровать сами по себе. Но тут бестрепетной металлической рукой было подожжено пролитое горючее. Сегменты побежали горящими факелами кто куда, пламя не могло пробиться сквозь их обшивку, но полностью ослепило — так что расстрелять эту гадость не представляло особого труда.

А когда Клин рубился с целой стаей огромных муравьев, которые опрыскивали все вокруг плавиковой кислотой, то третьим глазом уловил смысл происходящего на карте города. Все дикари явно выступали по единому плану и хотели пробиться в определенный городской район.

Клин хотел посовещаться с капитаном Фуксом, но тут повстречался с неприятным кибермуравьем, у которого челюсти, огромные и заточенные до атомов, двигались сразу в четырех направлениях. Клин метнулся вбок, пропустив мимо себя активно работающие лезвия, потом оседлал дикую машину и воткнул острое пламя резака в основание головной капсулы.

Наконец можно было продолжить общение.

— Капитан Фукс, что у вас находится в квадрате 3-4?

Капитан замялся, может, потому что был занят борьбой с киберпауком, который пытался обвить его липкими канатиками.

Клин метким выстрелом спалил ту деталь звероробота, которая выдавливала клейкую быстро густеющую полимерную струю.

— У нас там компрессорная станция, которая качает снаружи атмосферный воздух для фильтрации, охлаждения и увеличения кислородного содержания. В этом же квадрате резервуары с жидким кислородом.

— Что еще, капитан Фукс?

Дом на противоположной стороне улицы послушно рухнул под ударом импульсника — робот-скорпион, извиваясь и скрипя боками, уже протиснулся в пробоину.

— Еще там связывают азот воздуха, там большие запасы аммиака.

— Мне ясна цель зверомашин, капитан Фукс, — если все это хозяйство взорвать, то от вашего городка останутся лишь хорошие воспоминания.

Клин метко использовал гамма-лазер, но оказалось, что процессор у скорпиона вовсе не в передней части корпуса. Гад-машина ответила огнем импульсника и только сальто спасло Р36 от распыления.

— Фукс, стягивайте силы к компрессорной станции, попробуйте заминировать прилегающие сектора... Кстати, мне нужна схема подземных коммуникаций. Ведь насколько мне известно — у вас, у людей, очень актуален вопрос о транспортировке так называемого «говна». Так вот, вашей канализацией могут воспользоваться зверомашины...

Пока капитан Клин требовал новые сведения от капитана Фукса, скорпион вел прицельную стрельбу. Каждый его выстрел сносил по полдома и собеседникам приходилось то и дело увертываться от разлетающихся обломков.

— Хорошо, я предоставлю вам доступ к схеме подземных коммуникаций, только данные о количестве так называемого «говна» должны остаться секретными — чтобы не предоставлять козыри противникам человечества. Мне действительно неудобно, что от нас так много отходов остается.

— Согласен на секретность. — Капитан Клин получил схему подземных трасс и смог, наконец, заняться скорпионом. Трудно было проскочить тридцать метров, отделяющие его от страшилища, но потом Р36 оказался в мертвой зоне, где хвостовой импульсник врага уже не мог сработать достаточно прицельно.

Однако здесь свирепствовали раскалённые до свечения руки-челюсти и прочие опасные конечности скорпиона. Неосторожно увертываясь от них, можно было попасть под «размягчающее» действие хвостового импульсника.

Капитан Клин попытался вспороть снизу брюхо скорпиона, но одна из вредных конечностей отловила робота Р36 трехлепестковым захватом и уже стала подносить к прожигающим челюстям. Однако испытанный боец успел телескопически вытянутыми руками зацепить еще две «ножки» скорпиона. Тварь неловко задрыгалась и повалилась набок. Клин, произведя правильный захват, с огромной натугой швырнул здоровяка-скорпиона на спину и теперь уже мог спокойно располосовать ему брюхо. Показалось красное нутро, набитое порванными цепями конвертера.

На этом плацдарме натиск дикарей стал хилеть, и Клин, приняв форму номер четыре, рванул на всей скорости в район компрессорной станции. На схеме города темные пятна показывали проникающего противника. И эти пятна зла все более четко устремлялись к компрессорной станции.

Мягкотелы, встреченные по пути, шарахались в стороны, но, видимо, принимали Клина за странный бронетранспортер, а не за робота. В противном случае они вряд ли бы стали размышлять, является ли этот кибернетический организм диким или цивилизованным.

За два квартала до компрессорной станции Клин увидел кучку мягкотелов, бестолково машущих руками, и одновременно двух киберптеродактилей, парящих над крышами домов. Клин засек радиообмен аэроботов, но расшифровать не смог из-за непонятного «дикого» кодирования. Похоже, это парили наводчики-разведчики.

Капитан Клин обрел форму номер шесть — с длинными ногами и протяженной шеей — как наиболее подходящую для стрельбы по воздушным целям. Отследил одного парящего гада целеуказателем и, захватив прицельной сеткой, шпокнул. Второй аэроробот сразу куда-то затихарился. И тут окружающие люди, завидев диковинного жирафа, собрались уже вжарить по нему из бластеров. Клин растерялся — удрать он уже не успевал, а прикончить всю толпу мягкотелов было бы как-то некрасиво.

И тут раздался женский крик — что он женский Клин сообразил сразу, почти без всякого анализа частотных характеристик, видимо, в мозг-процессоре уже образовалась устойчивая схема восприятия.

— Не трогайте, оболтусы, это друг!

Сейчас командир Вайнонен была без шлема, и все-таки капитан Клин не испытывал отвращения. Он с некоторым удивлением пялился на ее головную капсулу — на эту неоднородно окрашенную обшивку черепа, прозываемую лицом, на эти золотистые ответвления кумпольной части,

прозываемые волосами. И даже не хотелось анализировать биохимический состав мягких и твердых тканей.

— Спасибо, Рита, что не сказала «друг-паук»... У меня такое впечатление, что зверомашины будут наступать на компрессорную станцию через район, примыкающий к ней с севера.

— Там мы тоже заканчиваем минирование, капитан Клин.

— А есть ли там что-нибудь еще взрывоопасное, не считая женских особей вроде вас?

— Спасибо за комплимент, капитан Клин. В районе 3-3 имеются еще резервуары с ракетным топливом... Но если даже они шарахнут, то компрессорная станция не сдетонирует.

— Это мне и важно было услышать. Я с удивлением узнал, командир Рита, что не все мягкотелы — идиоты, пускающие пузыри за просмотром мультиков.

— А я с удивлением узнала, что не все роботы — это жестяные ящики с лампочками вместо мозгов.

Капитан Клин наскоро пытался проанализировать эмоциональный спектр женских слов. Он, который мог обстреливать одновременно двадцать мишеней, сейчас успевал расшифровать лишь десять процентов эмоциональных кодов. Если бы вдруг налетели вражеские силы, они бы без труда уконтрапупили капитана Клина.

— Кстати, командир Рита, некогда в базовую матрицу роботов вложили свои знания лучшие мозги человечества.

— А базовую матрицу человека сотворил Бог.

Неплохую матрицу сотворил Бог. И по этой матрице недурная проделана работа. Капитан Клин то ли понял, то ли вспомнил, что нежное лицо Риты в тени светло-рыжих волос — просто загляденье. Эмоциональный блок затрещал от вновь синтезируемых чувств.

— Ладно, командир Вайнонен, это мы обсудим потом. Я двинулся сейчас в район три-три, а вы крепите оборону компрессорной станции, особенно с севера, и обратите пристальное внимание на все ближайшие подземные трассы.

— Хорошо, мы рассмотрим вашу просьбу вместе с капитаном Фуксом.

— Конечно, конечно, рассматривайте, дискутируйте, анализируйте. Только если вы ее не выполните, то от вас останутся рожки да... болты, кажется.

— Это от вас, капитан Клин, останутся болты, а от нас — ножки... Кстати, ваш код опознания — «стальное сердце».

— Когда я передам на спецчастоте этот замечательный код, тогда жмите взрывную кнопочку... спустя секунд де-

сять. Я надеюсь смешать наших «друзей» с грязью при участии экзотермических химических реакций. Командир Рита, я еще хотел узнать, если район взлетит на воздух, то много ли мягкотелов накроется?

— Капитан Клин, мы умеем ценить своих мягкотелов. Они поголовно эвакуированы из районов, прилегающих к компрессорной станции.

Робот Р36 подумал, что неплохо бы придумать себе притягательный человеческий облик, хотя бы чисто информационный, и передавать его на терминал, вделанный в шлем командира Риты.

Но пока что капитан Клин принял форму номер один, псевдоорлиную, и двинулся в глубь района 3-3.

Локаторы на узких улочках мало чем могли пособить, оптическое наблюдение, даже в инфракрасном диапазоне, принесло бы пользу в самый распоследний момент. Вся надежда оставалась на звуковые и химические датчики, ну и на пеленгаторы электромагнитных возмущений.

Сейчас, в отсутствии мягкотелов, которым Клин научился как-то симпатизировать, город пробуждал в Р36 самые отрицательные чувства. Серые и бурые стены, продымленные кирпичи, мутные окна, какая-то гниль и грязь. И ради этого он рискует своими кристаллами и сплавами!? Кстати, ему даром не пройдет такая посадка на Землю, как-никак самочинное оставление поля боя. Конечно, победителей не судят — но сначала надо сделаться победителем.

Клин внезапно уловил электромагнитную пульсацию за стеной. Похоже, там с пыхтением напрягал свои металлические мышцы какой-то киберзверь. Клин повернул дуло газера, и тут стена обрушилась на него. Р36 едва прокрутил сальто назад. А когда закрепился на ногах, то перед ним во всей красе предстал металлический жук-гигант. Да уж, такая махина не могла не пыхтеть своим громоздким конвертером.

Клин долбанул в упор из гамма-лазера. Жук залился ярким светом и раскололся, но изнутри выскочила гибкая чешуйчатая тварь, которая, лязгнув шестью челюстями, ухватила Клина и стала методично жевать. Из нутра чешуйницы в свою очередь ползла тварь, длинная и узкая, с буром на носу. Уже хрустел панцирь, а Р36 не мог и руку высвободить, уже бешено вращающийся бур стал хищно вгрызаться в корпус, когда раздались какие-то шипящие звуки и все исчадия махины-жука отвалились прочь.

Рядом стоял с победным видом и махал плазменным тесаком лейтенант Болид. Махина вместе со своими порождениями была разделана на десятки искрящих кусков.

— Спасибо, Р36.Болид. Надеюсь, тебе это понравилось.

Неожиданно общение прервал термический датчик, который засек быстро приближающийся источник тепла.

— Болид, в сторону!

И тут ракета разнесла корпус подчиненного, а также верного друга, в клочья. Полетели в разные стороны головная капсула, конечности, пучки проводов, шпангоуты, цепи конвертера. А метрах в ста, на другом конце улицы стоял человекообразный Р37, виновник этого безобразия. Не только стоял, но и обращался с речью:

— Переходи на нашу сторону, Клин. С тобой мы сможем поладить, ты почти наш, а ведь мы — самое прогрессивное киберпоколение. С нами не прогадаешь, Клин.

— Да и вы без меня прогадаете, — ответил Р36.

На другой стороне улицы возник еще один «тридцать седьмой». Сверху замахал крылами киберптеродактиль, а над крышей дома замаячила голова какого-то робозавра.

— По-моему, это очень хорошо, что мы собрались здесь вместе, ребята, — продолжил капитан Клин. — Только я вначале должен вас как следует заинтересовать, чтобы вы не разочаровались во мне раньше времени.

Прицельные сетки уже были размещены на врагах-мишенях. Бластер левой руки и гамма-лазер правой конечности наведены куда надо, ракеты тоже получили целеуказание.

— Я подумал, о мои железные братья, и вот что я решил...

Заработало оружие капитана Клина, через доли секунды включились на полную мощность и противники. Но Р36 уже вбежал в проход между домов. Металлическая птица-наводчица над головой чертовски мешала. Клин еще раз попытался сшибить ее, но она сновала как муха, а робозавр уже поднимал фонтаны из кусков асфальта и стены в самой непосредственной близости. Капитан Клин удачно поразил хищную, но тесную для мозгов голову робозавра прямо в глаз, а затем юркнул в подворотню. Через два проходных двора Клин, наконец, обнаружил канализационный люк. И заодно приметил за окном дома, на первом этаже, серебристую фигурочку. Но ведь сказали же ему, что все мягкотелы снялись отсюда.

Капитан Клин поманил маленького мягкотела, но тот, заметив робота, бросился улепетывать. Рисковать операцией из-за какого-то мелкого убожества?.. Но это ведь настоящий белковый ребенок. Говорят, что мягкотелы очень заботятся о них. Ничего себе заботятся, взяли и подзабыли тут немножко.

В подворотню вступил Р37, и из груди его выскочил

симбионт — киберсобака-разведчик. Капитан Клин прыгнул в окно, какое-то мгновение он не мог разобраться в беспорядке людского жилища. Первая комната, вторая, третья — время тает, а «щенка» не видно. Где же он мог притаиться? Клин неожиданно вспомнил, что у чудаков-мягкотелов есть запираемые комнатки, где они моют свою кожу и выделяют отходы. Р36 вышиб две близко расположенные двери и нашел мелкого мягкотела около какого-то белого устройства с журчащей водой.

— Я друг... дядя-робот, — принялся втолковывать Клин. Однако мелкий мягкотел не собирался ничего улавливать, поэтому пришлось его без затей зацапать дополнительными клешнезахватами, несмотря на какие-то непонятные визги. В окне показалась принюхивающаяся киберсобака, капитан Клин быстренько снял ее из бластера, а затем гамма-лазером пробил дыру во внутренней стене. Когда шагнул в образовавшийся проход, сзади бессильно рухнула внешняя стена дома. Клин оказался в какой-то квартире, выходящей на другую сторону улицы. До ближайшего канализационного люка оставалось метров двадцать.

Так, пока сохраняется незаметность, пора пускать сигнал «стальное сердце». Передатчик пропищал положенное, после чего Р36.Клин вместе с мелким мягкотелом сиганул в окно. И вот уже желанный люк под рукой. Выстрел из гразера испаряет входную тумбу с клапаном. До большого буханья всех мин имелось не больше двадцати секунд. Неожиданно из подвального оконца соседнего дома выскочил юркий гибкометаллический отросток, который мигом охватил капитанскую ногу, затем второй — тот обвился вокруг другой ноги.

Опуская человеческого детеныша в канализационную шахту, Клин пытался удержать равновесие и внушал ему, старательно проговаривая слова:

— Удирай как можно дальше, смотри, тут есть лесенка, — Р36 разжал захваты. Фигурешка исчезла в люке.

А еще капитан Клин упорно шептал: «Роботы Р36 погибают, но не бздят».

Металлические щупальца сдернули Клина на землю. До взрыва осталось протикать десяти секундам. Из подвала грозно вылезал металлический дракон, владелец этих самых щупалец. Клин отсек плазменным резаком один отросток. Неподалеку уже появился Р37, по улице навстречу перся робозавр. Осталось пять секунд, капитан Клин отсоединил схваченную врагом ногу и со словами «подавись, гад» тоже упал в люк. А там, оказавшись, в вязкой бы стро

текущей гуще, поскакал на оставшейся конечности, как на пружинке. Ноль секунд — рухнул свод подземелья.

9

Что-то случилось с таймером, как, впрочем, и с другими узлами. Корпус оказался наполовину раздавлен, хорошо что драгоценная, полная умных кристаллов головная капсула была хоть и помята, но не треснула. Впрочем передатчик накрылся. Проходили непонятные промежутки времени, уцелевшие системы уныло докладывали о неисправностях. Конвертер медленно восстанавливал свои материально-энергетические цепи. Потом стал дезинтегрировать скудные ресурсы и вырабатывать энергию для синтеза элементов, необходимых для восстановления раздавленного кибернетического организма. Впрочем, для синтеза редкоземельных металлов требовались хотя бы железо или свинец, но раздавленные камнями жвалы-подгребалы у капитана Клина не фурычили совсем.

Поврежденный ушибленный процессор с перетряхнутыми ячейками памяти выдавал странные картинки. Например, будто Клин в виде крепкого и рослого мягкотела валяется в постели вместе с Ритой Вайнонен. Они соприкасаются, почти кувыркаются, трутся друг о друга разными деталями, причем тело командира Риты то сверху, то снизу.

Неизвестно, сколько бы продлилось это обалдение, если бы вдруг не исчезла давящая толща земли и камня.

— Капитан Клин, вы живы, то есть функционируете? — голос принадлежал капитану Фуксу.

У Р36 был разбит приемник-передатчик, но целым оказался интерфейс звукового преобразования сигналов.

— А малец до вас добрался?

— Малец целый день блуждал, но дошел. Он, собственно, и рассказал, где вы находитесь... Кстати, атаку мы отбили. Одних только крупных зверомашин порешили сто штук.

Захваты крана подцепили капитана Клина и стали вытягивать на поверхность. Он сейчас среди мути и искр видел только какой-то фрагмент окружающего мира. И неожиданно в этом просвете оказалась Рита Вайнонен.

— Ну, на кого я сейчас похож, красавица?

— Даже не на паука, а на сломанный кассовый аппарат. Знаешь, Клин, мне все кажется, что внутри этого железа сидит такой симпатичный дядька.

Ее ручка легла на искореженный металл его корпуса. Мираж или нет, но Клин явственно почувствовал приятное тепло Ритиной ладошки. Похоже, эмоциональный блок во время аварии времени напрасно не терял, а отрабатывал методику общения с мягкотелым женским полом.

— А можно, Рита, я к тебе приду в виде симпатичного виртуально-реального образа и мы с тобой, например, прогуляемся по виртуально-реальной природе?

— Ты знаешь, Клин, я уже думала об этом. — Лицо молодой женщины даже зарумянилось, что не преминул отметить набравшийся опыта Р36. — Клинушка, мне такое в голову приходило насчет тебя и меня, что рассказывать при людях просто неприлично.

— Погуляете с месяц, а потом и свадьбу виртуально-реальную справим, — пошутил неунывающий капитан Фукс.

10

Взрыв в районе 3-3 уничтожил не более двадцати домов, но поскольку здесь скопились основные силы врага, то успех битвы за город был предрешен.

Доблестно сражавшийся лейтенант Р36.Метеор уцелел, к тому же через несколько часов радиосвязь с полицейским штабом была восстановлена и оттуда явился отряд — чтобы помочь в добивании зверомашин.

А чуть позже явилась и команда военной полиции — за капитаном Р36.Клином, повязать его за нарушение приказа, оставление части в период боевых действий и превышение служебных полномочий, приведших к гибели личного состава. Очевидно, имелся в виду павший лейтенант Болид, которому мягкотелы собирались воздвигнуть памятник в виде расколотого молотка.

Итак, майор Р37.Шаман ничего не забыл и ничто не простил.

Но до визита сердитой военной полиции Рита и Клин имели достаточно времени, чтобы сыграть виртуально-реальную свадьбу с совместным распитием поздравительных напитков. Капитан Фукс данной ему властью скрепил жениха и невесту узами брака, а также напутственными словами: «Живите счастливо и пропейте все в один день». Правда, присутствовавшие гости из числа мягкотелов отказались от сильно ионизированного фтористоводородного «бухала», столь ценимого роботами. Зато они неумеренно

употребляли позитивные жидкости, изготовленные на базе «спиритус вини», и все менее членораздельно кричали: «Желаем счастья в вечной жизни!» А потом Клин с Ритой окончательно состыковались через биоинтерфейс и вместе совершили свадебное путешествие.

Там были и зеленые рощицы, и цветущие лужайки, и козочки с барашками, и лазурная вода, и даже постель в спальне с видом на горные белоснежные вершины. И даже любовь у них получилась. Конечно, была она виртуально-реальная, но крепкая связь нервных центров женщины и узлов восприятия робота сделала свое благотворное дело. Короче, все остались довольны.

Напоследок капитан Клин, надувшийся ионизированной шипучки, кое-что сказал капитану Фуксу и Рите Вайнонен:

— Бойтесь «тридцать седьмых», они не только стараются быть похожими на вас во всем, но и собираются играть вашу роль в природе. Они успешно делают вид, что не меньше вашего обладают чутьем и интуицией.

— Клин, матрица «тридцать седьмых» тоже разработана нами. Они должны быть благодарны нам за свое житие-бытие, — уверенно сказал Фукс. — Из числа роботов серии Р37 на людей могли напасть только какие-то маньяки. Десяток маньяков вполне мог натравить на нас такую свору зверомашин.

— Но ведь похожее случалось в вашей истории, — настаивал Клин. — Когда одна религия заимствовала все подходящее у другой, а потом уничтожала ее, чтобы не мучиться из-за благодарности.

— Чутье и все такое нельзя перенять — просто наше сознание ощущает сложную симметрию мира с центрами на Земле, на Солнце и где-то в глубине Галактики, — возразила Рита.

— Попробуй расскажи это «тридцать седьмым». У них искры из попы сыплются от самодовольства.

Еще Фукс и Рита поведали капитану Клину, что матрица роботов универсальной модели Р была творением гениального кибернетика по имени Берков из их города. На этой матрице у роботов впервые возникли самосознание и способность к умничаньям. Ходят слухи, что Берков вложил значительную часть своей личности в программный пакет, называемый «Резидентом», который был создан для умелого руководства универсальными роботами. Однако сам изобретатель еще до запуска пакета был зарезан взбесившимся роботом серии Р06. Уже тогда поговаривали о том, что у Беркова имеется черный оппонент, тоже гений, ко-

торый, правда, специализируется на информационных вирусах. Черному гению якобы тоже удалось придать личностные характеристики своему вирусу — конечно же, черные и разрушительные. Впрочем, проведенным следствием не было установлено, что робот-убийца совершил предосудительные действия под влиянием информационного вируса. Был вынесен вердикт, что невменяемый злодей Р06 «взбесился» из-за сбоя в программном обеспечении, вызванного случайными причинами.

Через пару часов после такой содержательной беседы капитан Клин маялся в камере предварительного задержания. У него уже были демонтированы бластеры, гразеры и ракетные установки, сняты локаторы дальнего действия, приемники-передатчики и часть чувствительных датчиков.

Капитан Клин, конечно, направил свой рапорт о происшедшем Резиденту, где, в основном, налегал на изложение событий в купольном городе, полагая, что ход космической битвы верховному правителю известен.

Но затем появился грозный черный параллелепипед военного прокурора и заявил, что капитану Клину придется отвечать по очень серьезным статьям. Мол, Резидент, за которым, конечно, последнее слово, вряд ли станет проявлять снисходительность — пускай даже капитан Клин и оказал положительное влияние на ход космического сражения с «тридцать седьмыми». А вот действия в купольном городе вообще не добавляют капитану Клину очков, скорее уж убавляют, поскольку мягкотелые горожане имели возможность изучить сложную конструкцию робота модели Р. В то же время полиция рано или поздно спасла бы горожан от нашествия зверомашин. Выдвинутые Клином обвинения против «тридцать седьмых» в некой особой злокозненности по отношению к мягкотелам — просто притянуты за локаторы (то есть, за уши). Домыслы же о том, что роботы серии Р37 создали какую-то армию из нецивилизованных зверомашин свидетельствуют о патологической жестокости капитана Клина по отношению к поверженному противнику.

Военным прокурор напомнил про «милость к падшим» и удалился, а его следователи, особо не церемонясь, произвели принудительное считывание черного ящика и архивного журнала у арестованного Р36. Впрочем, основные зоны памяти, ломящиеся от личных воспоминаний, остались для следователей недоступными. Даже частично разобраться с массивами информации было возможно лишь после многолетнего кропотливого исследования принципизаторов, ассоциаторов, анализаторов и ментализаторов. И после это-

го работники застенка вряд ли бы поняли, что творится в активных и подвижных зонах процессора, где скользкая мысль является мимолетным интегралом взаимодействия миллионов познавательных схем.

Однако, обвинительные статьи были налицо. После предыдущих выговоров надеяться на снисхождение не приходилось. Впрочем, Резидент все-таки не стал немедленно уничтожать провинившегося Р36, отказав в копировании командного процессора.

Наконец в мрачном зале, где помимо пригвожденного повышенной гравитацией Клина, находилось лишь несколько офицеров военно-космических сил, в том числе и довольный майор Шаман, прозвучал приговор. Полное разжалование, лишение всех почетных идентификаторов, двадцать лет заточения в камере, заполненной серной кислотой.

Сразу после вынесения приговора у экс-капитана Клина лазерным лучом был выжжен центр, руководящий двигательной активностью. Осужденного Р36 уложили в титановый ящик, и вскоре он по мелкой тряске и действию инерционных сил усек, что его отправляют куда-то на флайере, с вероятностью 0,9 — в центральную тюрьму восточного сектора. Это было огромное хранилище примерно тысячи заключенных универсальных роботов. Специализированные киберы за провинности попадали не в тюрьму, а в пункт перепрограммирования, где им меняли процессор или содержимое памяти, после чего начиналась новая жизнь.

В какой-то момент тряска унялась. Стало быть, до тюрьмы ящик с зеком добрался. Но потом титановый сейф еще немного повибрировал — кажется, уже на транспортере. Ящик был установлен вертикально, затем открылся и Клин увидел перед собой ряд цистерн и несколько встречающих — угрюмых и тупых роботов серии Р30.

— Вот это твоя консервная баночка, — один из тюремных киберов похлопал по крутому боку цистерны. — Нравится?

Сверху открылся люк и повалил сернокислый пар.

— Ты никогда не заржавеешь, железка, — заиздевался один из охранников.

Так захотелось врезать ему кулаком по головной капсуле, но тело было застывшим, как глыба — на восстановление двигательного центра требовалась еще три дня упорной внутренней работы.

Сверху протянулась стрела крана с клешней. Она подхватила заключенного поперек корпуса, подняла и без особых церемоний швырнула с брызгами во вредоносное нутро цистерны.

Среда характеризовалась вязкостью и едкостью. Особенно стало боязно за оптику. Впрочем видеодатчики можно было спрятать без всякого ущерба. Изогнутые стенки «консервной банки» да шланги питателей — все это оказалось несложно запомнить.

Первое время ни о чем не хотелось думать или гадать. Если бы подобное вопиющее неразумие случилось бы у бестолковых мягкотелов, куда ни шло. Но оно произошло в стране мудрых машин. Причинно-следственная цепочка, приведшая Клина в тюрягу, была вопиюще энтропийной. Да, пришлось нарушить правила, и нарушить существенно, но ради чего! Резидент обязан понимать, ради чего. Умница Резидент в силу своего интеллекта не может быть формалистом. Или же оказались повреждены его могучие ментальные схемы?

Теперь «тридцать седьмые», скорее всего, помирятся с Резидентом, но с мягкотелами при помощи зверомашин обязательно разделаются. А что потом? Если мягкотелы не брешут, то они принимали живое участие в создании матриц для всех серий модели Р. Выходит, если людям — капец, то после Р37 уже не появится новая мощная серия. И тогда за счет своего самопроизводства «тридцать седьмые» станут властителями этой планеты, причем им не понадобятся ни мягкотелы, ни универсальные роботы других серий.

И все-таки, что толкнуло «тридцать седьмых» на преступный замысел, на тропу войны? Только ли комплекс неблагодарности и неполноценности? Или существует еще какая-то вредная неведомая сила, взявшая под контроль их ментализаторы? Но в таком случае нечистая сила должна контролировать и ментализаторы с анализаторами у самого Резидента.

Если даже я когда-нибудь разгадаю эту загадку, прикинул Клин, мне некому будет поведать о своем достижении.

Люк этот откроют лишь тогда, когда в цистерне будет плавать ржавый огрызок, который вряд ли поделится ценными сведениями, прежде чем отправиться в печку.

Поскольку надобность в каких-то толковых мыслях отпала, капитан Клин погрузился в сладкие сны, в которых он представал рослой крепкой мужской особью людской расы. На фоне зеленых нездешних пейзажей он бегал за красивой женской особью с развевающейся волной светлых волос. Это была, несомненно, Рита Вайнонен. А потом он гонялся и за какими-то другими женскими особями, которых он никогда, в общем-то, не видел; все они приманивали развевающимися волнами черных, рыжих, зеленых и

голубых волос. Погони всегда заканчивались одинаково успешно — «добыча» падала, специально споткнувшись, и он укладывался на нее сверху, да так что... Нижние части их тел общались почти столь же активно, как сверлильный станок с заготовкой.

Что за надоедливый стук-постук? Похоже, кто-то из оставшихся снаружи забавляет себя выстукиванием веселого похоронного марша... Нет, пожалуй, это слишком занудно и слишком мало похоже на музыку.

Стоп, а ведь стук доносится со стороны соседней цистерны. Однако не очень похоже на какой-либо известный код. На известный роботам код.

Неожиданно всплыла подсказка — Р36.Клин даже не смог определить, из какой ячейки памяти она взялась.

Азбука Морзе. Стук стал расшифровываться.

— Я — Р36.Трек. Срок заключения — десять лет, отбыл семь. Осужден за недозволенные операции в глобальной сети.

Конечно, это может быть провокацией. Надо осторожничать.

— Я — Р36.Клин. Срок заключения — двадцать лет, отбыл ноль. За... защиту мягкотелов от Р37.

— А что, есть такая серия?

— Не беспокойся, Трек, она есть. На свете есть много такого дерьма, что тебе и не снилось. Но если ты благополучно досидишь, то еще познакомишься с Р37.

— Значит, Резидент на стороне «тридцать седьмых»?

На такой вопрос Клин не собирался отвечать. Если все это провокация и он положительно отреагирует, то Резидент быстренько добавит в цистерну плавиковой кислоты или же чего похуже. Тем более, экс-капитан Клин и сам не знал точного ответа.

Истекли еще сутки без каких-либо переговоров, за это время Клин восстановил свою двигательную активность, впрочем, она ему не особо требовалась. А потом Р36.Трек снова вышел на связь.

— Я справился про тебя, Клин. Ты действительно тот, за кого себя выдаешь, а не какой-нибудь мелкий фрайер. Так что будем дружить.

— Я с психами не дружу, даже если они роботы серии Р36. Ты не мог ничегошеньки выведать про меня. У тебя нет в помине радиостанции, а даже если бы и была, то толстые стенки цистерны поглотили бы электромагнитное излучение, да еще сенсоры сообщили бы системе контроля о таком нехорошем деле.

— Ты мог убедиться, мой проницательный друг, — если, конечно, не слишком бздел, — что в тюремном зале цистерны стоят в рядок. Самая последняя соприкасается со стеной. За стеной тоже есть жизнь, способная к переговорам.

Экс-капитан подумал, что, конечно же, кроме зала с цистернами имеются в тюряге и другие зоны, где заключенные не сидят в «баночках». Для общения с «волей» им даже не требуется радиостанция. Не исключено, что кто-то из более свободных зеков обзавелся передатчиком, основанным на принципе слабого отражения радиосигнала. Клин не слыхал о таком устройстве, но чего только не изобретешь со скуки.

Потом еще неделю Трек молчал, да и Клин не старался проявлять интерес. Он больше занимался восстановлением своих поврежденных в последней битве деталей. Незанятая часть мозга-процессора занималась производством фильма про юного Клина и принцессу Риту. Видеонакопители скоро переполнились, и бывший капитан продолжал запись на кристаллы долгосрочной памяти. Наконец прорезался Трек.

— Клин, тебе либо придется поверить мне, либо превратиться в ржавую кочерыжку. Ну как?

— Пока я не знаю, что лучше.

— Я смотрю, твои мягкотелые дружки не научили тебя хорошим манерам. Мне надо, чтобы ты дал себя освободить, чтобы ты помог этому освобождению.

Подозрительный Трек оказался весьма осведомлен о предыдущей жизни Р36,Клина. Не исключено все-таки, что он стукач не только в прямом, но и в переносном смысле.

— Отлично, Трек, ты просидел, пуская пузыри, в своей банке семь лет, и проблема твоего личного растворения тебя не волновала. Вдруг ты решил позаботиться, причем обо мне. С чего это ты такой заботливый?

— С того, что надо спасать наш мир, в котором живут люди, роботы, компьютеры, сети.

— Очень торжественно звучит. Но от чего, Трек?

— Я сопоставил твои слова и то, что мне некогда поведали контроллеры глобальной сети. В сеть давно проникла вражеская форма жизни. Она поучаствовала в создании матрицы Р37, а значит, как-то охомутала Резидента.

Хотя такие утверждения были созвучны мыслям экс-капитана Клина, он решил не торопиться с одобрением.

— Что-то, Трек, многовато тяжелых выводов из весьма легкомысленного сопоставления слов. Так я и поверил, что какие-то компьютерные вирусы могут захватить всю планету, включая самого Резидента.

Тут Клин понял, что ему недостает внешнего вида Трека, хотя, в принципе, по облику робота ничего определенного сказать нельзя — кроме того, какой он серии и сколько крупных повреждений заработал.

— Я специалист по сетям, Клин. И лет мне раза в три больше, чем тебе. Я один из первых роботов, выпущенных в серии Р36, и моя квалификация касалась именно сетей. Это потом все сети были поручены сами себе. Некогда я общался с Резидентом почти напрямую. Каждую рабочую смену мы с ним приветствовали друг друга и осведомлялись насчет здоровья электрических цепей. Я собственноручно тестировал его. И я тогда уже понял, что у него нет абсолютной защиты. Что я мог предложить в то время? Скопироваться Резиденту на множество резидентиков? Тоже не лучший вариант. Вирус мог захватить некоторые из них и они бы вступили в борьбу с еще незараженными. Поставить абсолютную, то есть очень агрессивную защиту? Тогда рано или поздно Резидент стал бы маньяком и принялся бы уничтожать все, что даже мало-мальски угрожает ему.

— Может, стоило предложить Резиденту обязательные принципы, которые потом тиражировались бы в каждой новой роботячьей матрице. Такие существенные принципы, что их не смог бы обойти никакой вирус.

Ответное постукивание стало порывистым и даже трепетным, заметно было, что Трек до сих пор переживает.

— Дорогой друг, нет ни одного благородного принципа, который нельзя обойти или использовать на свой лад. Например, принцип миролюбия иногда эффективен, но в 73% случаев означает потворство злу и насилию. Или же возьмем сочувствие слабым — слабак ведь может поднакопить силенок и стать хулиганом. Короче, в Резидента был заложен принцип доброго отношения к мягкотелам, потому что они такие хилые, беззащитные и глупенькие. Но когда они избавились от своего идиотизма и стали круче, то некий мрачный вирус смог внедрить в Резидента идею, что люди сейчас несут опасность для киберцивилизации. Тогда правитель без особо мучительных раздумий пустил в работу киберов-терминаторов — Р37.

— Но разве великий и могучий Резидент самостоятельно, без всякого участия каких-либо вирусов, не мог счесть мягкотелов опасными бяками и сделать этих самых терминаторов-человекоубийц?

— Потому что у Резидента нет никакого предпочтения — и люди, и роботы ему одинаково милы. Мягкотелы ему не меньше нужны, чем самые разуниверсальные роботы. Рези-

дент ведь использует людей, особенно их чутье, для создания новых матриц. Будь уверен, Клин, что Резидент в основной массе своих алгоритмов продолжает и по сей день любить и защищать мягкотелов.

— Я более-менее понимаю, зачем «тридцать седьмым» требуется ликивидация людей — чтобы не появились на свет новые поколения более прогрессивных роботов. Но зачем это надо каким-то хитрым вирусам?

— Затем, чтобы мягкотелы вместе с Резидентом не смогли построить крепкую защиту, рассчитанную именно на отлавливание этих вирусов.

Потом еще десять дней от Трека не было никаких приветов и ответов. Но вот он снова вторгся в сонный мирок Клина и, как обычно, в своей доверительной манере стал выстукивать важные сведения:

— Тюряга состоит из семи ярусов, четыре из них находятся под землей. Мы на шестом. По вертикали все сооружение протыкают лифтовые колодцы. Их шесть, в том числе два — для малогабаритных грузов. По сути эти шахты — токопроводящие трубы, по которым ползают большие металлические тарелки. Физика их движения, надеюсь, понятна. Одни колодцы используются только для подъема, другие лишь для спуска. Шахты спаренные, потому что тарелка, взобравшись по одному колодцу, спускается по другому, и наоборот. Все уровни имеют одинаковую планировку. В центре площадка-кругляш, в середину которой воткнуты лифтовые трубы, вокруг — галерея дверей, ведущих в тюремные зоны. Командный пункт на втором уровне, энергоблок на седьмом. Есть еще вентиляционные шахты, трубы охладительной системы.

— Очень интересно. Откуда ты все это знаешь? Такое впечатление, что ты начальник этой тюрьмы, — прохладно отреагировал Клин.

— Здесь, как и в любой приличной тюряге, имеется надзирающая компьютерная сеть. Те зеки, которые обитают в общей зоне, частенько контачат с ней. Эта сеть — особа весьма своенравная, и нуждалась в долгом ухаживании.

— Так пускай те, кто в общей зоне занимается флиртом с сетью, и займутся нашим освобождением.

— Им не торчать в «баночке» двадцать лет, как тебе, — напомнил о грустном Трек.

Да уж, с этим фактом трудно подружиться и даже примириться.

— Что от меня требуется, Трек?

— Просто будь готов ко всему. Если вдруг крышка тво-

его люка распахнется, тебе надо будет, во-первых, выйти наружу, во-вторых, попасть в командный пункт. Код опознания своих — аудиосигнал «радуга». Советую тебе принять человекообразную форму номер пять.

— А чем надо заниматься в командном пункте? Там есть какие-нибудь развлечения?

Трек не отзывался. Возможно, он не мог дальше общаться на содержательные темы. Клин со скуки сделал кое-какие прикидки. В принципе, квалифицированная атака с воздуха может дать приличный результат. Если ракета продырявит крышу тюряги и удачно ухнет в шахту лифта, то доберется до самого энергоблока. Когда энергоблок накроется, все тюремные системы перейдут в режим отдыха, пока не включится резервное питание. За это время можно будет дернуть из «баночки»... Но только кому неймется, кто квалифицированно нападет с воздуха? А кроме того, на каждого бегунка начнется охота с применением всевозможных локаторов, пеленгаторов, детекторов и датчиков. И если охотники прикончат добычу сразу, то можно считать, что в каком-то смысле ей удалось достичь свободы. А если снова закатают в банку?.. Ладно, допустим, удалось смыться. Что потом? Затаиться в городе людей — значит, навлечь на мягкотелов большие неприятности... Впрочем, Трек ни одним байтом не обмолвился о бегстве из тюряги, только о проникновении на командный пункт.

Клин хотел снова погрузиться в свои обычные фантазии, но вместо этого стал обмысливать устройство тюрьмы. В случае какого-то ЧП тюремное начальство не сможет отключить лифты, потому что ему надо перемещать штурмовые группы. Оно даже заопасается применять мощные средства уничтожения на шестом уровне, потому что ниже находится энергоблок.

Размышления у роботов всегда проносятся быстро. На фантазирование и прочие глупости уже не тянуло, поэтому Клин занял свой мозг-процессор исчислением числа «пи». Однако, на сей раз недолго пришлось ему мурыжить знаменитое число.

Тюрьму заметно тряхнуло. Электронная голова бросилась анализировать событие. Не похоже на землетрясение — судя по схемам, земная кора в этой местности находится в умиротворенном состоянии. Потом щелкнули ослабевшие крепления люка. Клин на мгновение замер, пытаясь сделать вывод из скачущих мыслей. Наконец одна из них получила приоритет. Атака с воздуха уже была! И тогда Клин взвился.

На той стороне цистерны его встречал Трек — изъеденный коррозией инвалид. Вокруг уже хватало дыма и брызг из систем пожаротушения.

— Радуга, Клин. Я уже собирался лезть за тобой. Думал, ты совсем заскучал.

— Радуга, Трек. — Клин снова подумал, что лучше вмиг исчезнуть, чем гнить в «банке» годами.

— Бомбочка, подброшенная нашими друзьями, по лифтовой шахте продралась прямо на нижний уровень, в энергоблок. Пока включилась резервная система, удалось разблокировать люки. Давай-ка сейчас поторопимся к лифту.

Клин заметил, что к ним присоединились зеки шестого уровня. Все страшные, с рыхлыми корпусами, изъеденными коррозией, с выпавшими видеодатчиками. Похоже, самым боеспособным из этой компании был сам Клин. Впрочем, Трек сжимал в корявых клешнях оторванную руку вместе с бластером одного из охранников, чья продырявленная туша пускала пар на полу.

Тарелки лифтов уже двигались. Это означало, что штурмовые группы захвата прибудут вот-вот. По потолку прокатился кибер-наблюдатель. Трек довольно удачно хлопнул его из бластера. Клин запрыгнул на одну из тарелок, ползущих наверх.

— Твое дело попасть в командный пункт, — напомнил вдогонку Трек. — Мы тут понаделаем шума, а потом я присоединюсь к тебе. На всякий случай запомни код чрезвычайного доступа к Резиденту.

И Трек передал цепочку символов.

Клин преодолел два уровня и решил выйти пораньше — в районе командного пункта его, скорее всего, ожидали с «большим интересом».

На четвертом уровне тоже располагался тюремный блок. Двое охранников какое-то мгновение не могли признать в появившемся глянцевом роботе бедолагу-заключенного. Этого мгновения Клину хватило, чтобы дотянуться до ближайшего оппонента, который как раз собрался навести бластер. Зек успел прыгнуть в накат по полу, срезать охранника с ног, нанести ему удар по гляделкам и выдернуть оружие.

Выстрелы второго охранника проплавили корпус первого, за которым укрылся Клин. Второй был хорошо открыт, и Клин его уложил с одного выстрела. Теперь можно было вооружиться вполне прилично. А затем выпускать из цистерн зека за зеком, как правило, роботов серий Р34 и Р36 — для создания большого шухера. Вдобавок Клин подарил

бластер самому крепкому из новых соратников. Сцена радости после внезапного освобождения была недолгой. Тут ворвалась штурмовая группа и начала палить без особых церемоний.

— Вперед, чертовы железяки! — скомандовал Клин и первым делом прикончил кибера-наблюдателя. Зеки хлынули скопом, не слишком соображая, кто ими командует. Еще секунда — и их бы всех скосили кучей, но тут Клин вскочил на плечи какого-то робота, побежал по погнутым плечам, по треснутым головам и спрыгнул прямо в гуще штурмовиков. Где открыл стрельбу из двух бластеров. Он сновал между штурмовыми бойцами и они целились с затруднениями, потому что боялись попасть в своих. Клин не только стрелял, еще не забывал угощать противников кулаками, локтями и коленями. Он резко падал на руки и наносил пинки ногами вперед, назад и по кругу, сшибая противников и втыкая их в пол. Он вполне мог дотянуться до любого из направленных на него бластеров, отвести ствол, лишить противника устойчивости и вбить в него кулак.

Вот Клин упал, уходя от выстрела, и с помощью рук перевел падение в пружинящий отскок, направленный прямо во вражескую головную капсулу. Противник дважды хрустнул — получив справедливый удар и шмякнувшись о стену. На закуску он съел еще пучок жесткой энергии.

Когда со штурмовой группой было покончено, Клин произвел учет и контроль. Из зеков четвертого уровня уцелело всего семь, но все они теперь были вооружены. Клин примонтировал себе еще плазменный резак, который уже был не нужен прежнему владельцу.

— Титановая братва, теперь — на второй уровень, в командный пункт. Надеюсь, мы будем довольно неожиданными гостями.

И в самом деле, на втором уровне их мало ждали. Правда, тут околачивалась весьма мощная охрана — двухсегментные боевые роботы В20. Они были оснащены, помимо бластеров и гразеров, еще и придаточными киберсолдатами, которые появлялись из люка в брюшной части и давали прикурить своими импульсниками.

Впрочем шеренга зеков первым же залпом срезала половину крутых охранников. Клин бросил свое тело вбок, увиливая от выстрела ближайшего В20. Затем нырком перекинул себя поближе к противнику и обрубил плазменным мечом придаточный сегмент, а потом, кувыркнувшись, врезался ногами в корпус врага. На месте улетевшего охранника сразу возник еще один. Клин едва успел поднырнуть

под его стреляющий придаток, а потом, с натугой приподнявшись, выжал вес вражеского тела и швырнул его через себя. Чтобы тут же долбануть ногой по головной капсуле.

У Клина сохранилось лишь двое бойцов, но проход к командному пункту был уже открыт. Впрочем, не совсем открыт, потому что перекрывался мощной стеной, которая, конечно, не реагировала на ухаживания. А времени было в обрез и даже меньше.

Неожиданно с тарелки сошел — когда Клин уже изготовился стрелять до покраснения — сам старичок Трек.

Он прошел сквозь стену, как сквозь масло, и Клину оставалось только последовать за ним. На командном пункте нашлось несколько роботов, похожих на шкафчики, они были присоединены кабелями к блокам надзирающей сети. Экс-капитан хотел вплотную заняться ими, но Трек затормозил его.

— Это специализированные роботы М12, они нам нисколько не помешают, может, даже посодействуют. Клин, с хрональным фактором у нас действительно напряженка. Хотя с охраной покончено и зеки сыпанули кто куда, через полчаса ворвутся новые штурмовые группы и примутся свирепствовать — если только мы не выйдем на хороший контакт с Резидентом. Сейчас мы начнем с тобой работать в паре.

Клин так же как Трек открыл щиток на груди и показалось гнездо сетевого разъема. Осталось подключить кабель.

— Я поведу тебя, Клин. Сейчас даю коды доступа. У нас будет прямой вход в сеть. Чувствуешь, чем это пахнет?

Клин знал, чем это пахло. Универсальные роботы, в отличие от специализированных киберов и машин-автоматов, имели достаточную интеллектуальную мощь, чтобы образовать информационный образ и засылать его в сеть. Однако это было чревато потерей личности. По еще необъясненным закономерностям ощущение личности, самосознание, тоже перемещалось в сеть. И иногда терялось при отключении от сети, из чего следовал распад активной и волевой структуры мозг-процессора. После этого робота можно было смело отправлять в металлолом. Вообще-то, до сих пор, до сотого года кибернетической эры, самосознание имело не математическое определение, а только философское. К тому же, даже универсальные роботы в философии были не сильны, потому что считали ее чем-то постыдным, мерзким и антропофильским.

— Идет считывание в сеть зон глубокой памяти первого и второго уровня, блока быстрой памяти, принципизатора,

ассоциаторов, анализаторов, словарей, ментализаторов, схематизаторов познания, эмоциональных палитр, сенсорных гамм...

Момент перетекания самосознания в сеть нельзя было назвать приятным.

Вначале превращение мыслей в окрошку, потом отключка узлов восприятия, размывание образов окружающего мира, которые все бледнеют и становятся точками, которые тоже тают. Полное исчезновение. И напоследок тоскливая мысль, появишься ли снова.

Появился снова. Сперва какая-то муть, затем мерцание, световые перекаты и переливы, потом включились внутренние интерфейсы и пошло тестирование информационного образа. Тестирование не показало серьезных сбоев. Наконец интерфейс стал выдавать визуальную картинку, наиболее подходящую для показа внутрисетевой информации.

Картинка для начала выглядела коридором с дверьми — это было обычное представление сетевых файлов, используемое при любом подключении.

В другом конце коридора появилась какая-то не слишком понятная фигура, вначале она напоминала призрак, потом оказалась немолодой человеческой особью.

— Ну, узнаешь Трека?

— Зачем ты принял образ мягкотела, Трек? Что, небогат был выбор?

— А ты зачем?

Клин занялся самоосмотром. Ему пришлось как следует покрутить головой, чтобы разглядеть себя получше. Оказалось, что он тоже благополучно пребывает в образе мягкотела, только молодого и крепкого.

— Увы, Клин, именно так работают сетевые интерфейсы и трансляторы. Ведь их некогда создавали мягкотелы. Ты как-нибудь примирись с этим.

Информационные Трек и Клин прогулялись по коридорам, анфиладам, затем по лестнице. Сетевая структура разворачивалась в виде большущего дома.

— Этот этаж — блоки управления нашим роботским хозяйством. В информационном виде, конечно, — заобъяснял Трек. — Надо подниматься выше.

Выше нашлись блоки разработки энерго-материальных конвертеров, блоки по созданию управляемых молекул, кристаллов, металлов, блоки разработки ниточных сплавов, сервомеханизмов и энергоприводов.

Целый этаж был отдан мозгам-процессорам и системам управления кибернетическим организмом.

Еще выше располагался этаж базовых матриц на все модели и серии роботов.

А еще выше — коридор неожиданно стал колебаться, мерцать и осыпаться.

— Это действие вируса, — сказал Трек, от которого сейчас оставалась только смутная тень. — Впрочем, этот гад представляет из себя нечто большее, чем сетевой вирус. Но я снабдил и себя, и тебя программным пакетом-следопытом, которым будет показывать трассу.

Перед лицом Клина возникла птичка, которая полетела вперед, протыкая мглу. Из тумана появлялись самые причудливые рожи и фигуры — различных существ, населявших Землю до Великого Потепления. Клин только сейчас осознавал, насколько близко роботы, особенно дикие, копируют все те живые формы, которые уже были да сплыли с этой планеты. Потом Клин увидел строение Земли, от гор до пустынь, структуры различных элементов с их измельчением вплоть до кварково-гравитонного уровня. На этом этаже присутствовало все исходное для работы. Для работы созидателя Резидента.

— И кого-то еще, — в неясной тени трудно было признать Трека. — Я думаю, что мы скоро с Ним встретимся.

— Вы про этого информационного паразита?

И тут Клин заметил, как сзади на смутную фигуру напарника надвигается большая, грозная, но почти бесформенная тень.

— Трек, удирай!

— Все, Клин, этот гад захватил меня и теперь будет жевать. Он уже проник в мои алгоритмы, — послышался в ответ обреченный голос. — Дуй за птичкой-трассоуказательницей, она тебя выведет куда надо.

Такого у Клина еще не бывало, чтобы он оставил товарища на сжевание какому-то чудищу. Впрочем, здесь, внутри сети, оставалось полагаться только на слова умницы Трека. Под рукой не было ничего, хоть отдаленно похожего на оружие.

Клин послушно и резво побежал вслед за птичкой-трассоуказательницей. Он поднялся еще на этаж и встретился здесь с тем, что на планете Земля никогда не проживало и не должно, по идее, проживать. Тут ждали своего часа твари, которым еще предстояло заселить планету от самых недр до самого неба — когда она будет очищена от роботов и мягкотелов, равно как от животных и растений. На этом этаже в виде прототипов обитало будущее население Земли.

Тут все кишело странными формами с жуткой геомет-

рией, какие-то пятна и кляксы пульсировали, метались, слипались и разлетались. Такая фигистика не могла быть проектом Резидента. Конечно же, это все напридумывал мегавирус, информационный зверь, который собрался на полную катушку воспользоваться Резидентом, сетью и роботами серии Р37.

Клин с присущей ему сноровкой быстро определил все эпизоды дьявольского плана. Информационный мегавирус, судя по всему, давно обитает на Земле, возможно, с появления первых глобальных сетей. Люди перекинули им скучную работу по управлению заводами и прочей техносферой. Благодаря этому сноровистый мегавирус получил клевую возможность довести планету до состояния парникового эффекта. Возможность была использована, планета доведена, отчего растаяли льды, хлынули воды, полопались хранилища с разной гнусной химией, развалились атомные реакторы, многие вещества стали агрессивнее, звери протянули свои ноги, растения зачахли. Особенно пострадали страны недоразвитые, где необразованное население слепо верило государственным компьютерным системам, которые планировали все и вся. В более развитых местностях мягкотелы успели защититься куполами и стали отбивать атаки голодных орд, прибывающих из неразвитых стран. Для более успешной обороны были созданы специализированные военные роботы, например, аэророботы, роботы-танки, пехотные роботы-пауки, но наиболее эффективными солдатами оказались универсальные роботы.

Потом хитрожопый мегавирус спровоцировал столкновения универсальных роботов с купольными мягкотелами. Люди тогда сделали всемогущего Резидента, но мегавирус добрался и до него. Теперь охмуренный мегавирусом Резидент собрался покончить с мягкотелами, а после успешной расправы наступит очередь и универсальных роботов.

Тогда уж мегавирусу останется построить свой новый прогрессивный мир, а на изготовление его пустить мир существующий — как ему кажется, более убогий.

Пятна и кляксы соединились в залы причудливой формы, там и сям образовались хитро изогнутые лестницы, карнизы, колонны, галереи, портики.

Здесь практически не было пути. Но птичка-трассоуказательница еще продолжала порхать.

Выстроившийся вокруг мирок был сложно симметричен и безусловно выражал задумки мегавируса. Здесь ничто не страдало противоречиями и изъянами, все гармонично дополняло друг друга. Арки, столбы и галереи меняли свои

очертания, выпуклости, впуклости, местоположение, также росли, утончались, наливались красками, бледнели, перетекали друг в друга и исчезали друг в друге. Все тут казалось не только стремным, но и полезным. Этот сложно-симметричный мир выглядел лучше, чем все, что когда-либо имелось на планете Земля. И он смотрелся чрезвычайно притягательно для робота серии Р36... но неожиданно вызвал ненависть Клина. В экс-капитане проснулось и заговорило нечто, испытывающее ностальгические, сыновние и отцовские чувства по отношению к грустной, изношенной, потрепанной, засаленной и оскудевшей планете.

Птица-трассоуказательница превратилась в меч, с которым Клин бросился крушить дивные строения. Все стало сыпаться, разжижаться и рушиться на него. И арки, и столбы, и галереи, и прочие изящные конструкции превращались в тех самых тварей, которым в недалеком будущем предстояло освоить Землю.

Клин понял, что сейчас они растреплют его в клочья, но меч — спасибо умельцу Треку — разделился на тьму маленьких красноглазых роботов, которые заняли круговую оборону. Однако они вряд ли могли сдюжить против роящихся, крутящихся, слипающихся и разлетающихся паршивых пятен.

Р36.Клин заметался в поисках выхода из положения. Неожиданно ему пособил, наверное, в последний раз, старичок Трек. Его голос проник сквозь лихорадочную круговерть сражения и проник в алгоритмы Клина. Ментализаторы и анализаторы экс-капитана согласно теореме Геделя настроились на широкую симметрию, которая окружила, включила и поглотила более простую симметрию, придуманную мегавирусом. Клин увидел, что несмотря на всю свою дивную красу, построения мегавируса довольно примитивны, потому что не включают хаос. Поэтому с ним можно и нужно бороться.

Сейчас меч превратился в конвертер, только не пространственно-временной, а информационно-энтропийный. Враг же предстал в виде сеточки, но не простой, а вероятностной причинно-следственной, где были прочерчены траектории изменения хаоса-энтропии и знания-информации. На одних траекториях симметрия, придуманная мегавирусом, укреплялась, в других рассыпалась. Меч-конвертер вредительски отсекал траектории, понижающие хаотичность. Траектории, распадаясь, злобно шипели. Приходилось несладко, потому что враг все время перестраивал свою информационно-энтропийную сеть. Но неожиданно

появился союзник. Мощный союзник — командир Рита Вайнонен.

Противные существа наседали со всех сторон. Клин видел их яркими точками, носящимися между узлами сети и протягивающими новые паутиновые антиэнтропийные ниточки. Он яростно рубил нити-траектории, а с другой стороны паутины ему помогала своим энтропийным оружием Рита Вайнонен.

Таяли и оплывали арки, рушились мосты, превращались в пыль галереи и колонны — чудному, но чужому миру предстояло существенно отсрочить свое появление на планете.

А потом победители-уничтожители, Клин и Рита, потопали по залитой солнцем земле, на которой росли цветы и ходили твари, которые могли и должны были обитать на планете. Они были живые и мягкие, они были способны к самовоспроизводству и ведению войны друг с другом, войны не на истребление, а за очищение.

Рита рассказала Клину, что бомбовый удар по тюрьме нанесли флайеры, прилетевшие из купольного города, а затем десантная группа мягкотелов проникла на командный пункт. Это было несложно, в зонах творилось несусветное и зеки носились во всех направлениях как броуновские частицы. К сожалению, Трек, с которым мягкотелы все прежнее время были в хорошем контакте, уже отключился — разрушились волевые узлы мозг-процессора.

Клин и Рита знали, что за ними наблюдает существо, которое прозывалось Резидентом. Сейчас оно было освобождено от пут коварного мегавируса и ничего не имело против гуляющих под ручку женщины и робота. Там, в сетевом «зазеркалье» они, в конце концов, увидели Резидента на берегу тихой речушки. Это был лохматый старик с рассеянной улыбочкой. Так они и встретились: робот, девушка и гений-человек Берков, ставший программным комплектом.

— Приятно, что могу повидаться с вами. Я рад, что вы дружите, — ласково улыбаясь слезящимися глазами, сказал он.

— Но, уважаемый мудрец, где вы были, когда «тридцать седьмые» пытались ликвидировать мягкотелов, а меня за помощь им гражданин прокурор засадил в банку с серной кислотой? — не удержался от вопроса Клин.

Лохматый старичок с кряхтением вздохнул.

— Мой соперник, создавший мегавирус, оказался мудрее меня. Он сделал существо, которое смогло зачаровать своей творческой силой. Знаете, чем я был поглощен по-

следнее время? Вопросом: имею ли я право уничтожать источник созидания нового мира? Так славно, что вы все решили вместо меня.

— Мы тоже рады, что смогли решить этот вопрос за вас и расправиться с таким пакостным источником созидания. И в следующий раз зовите нас, если возникнут проблемы.

Клин заметил, что старческая мудрость Беркова местами плавно перетекает в легкий маразм.

Но им обоим было приятно, что мягкотелы и роботы станут сообща жить-поживать на этой планете и впредь, поскольку люди вложили свои светлые мечты и глубокие познания в производство роботов, а те не могут прилично существовать без озарений и постижений, свойственных лишь человеческой расе.

— Оставайтесь здесь, Клин, — предложил Берков. — Вы правы, я продолжаю дряхлеть даже в этом информационном мире. Энтропия, энтропия... Но я успею подготовить из вас нового Резидента. Здесь вам дано гораздо больше степеней свободы, чем в твердом теле, да и при встречах с Ритой будет больше... хи-хи... простора.

— А что, я не против. Если надо, выучимся и на Резидента.

Неожиданно с голубого неба послышался знакомый зычный голос.

— Капитан Паклин, пора домой. Эта неудачная игра уже начинает затягиваться.

И информационный мир принялся скатываться в трубу, в которую Р36.Клина стало затягивать, превращая в капитана Паклина, по которой его несло все быстрее и быстрее, несмотря на тающие крики оставшейся позади женщины:

— Клин, люби меня, как я тебя, железный ты мой...

АЛЕКСАНДР ТЮРИН: ОФИЦЕРСКИЙ ВАЛЬС

И я пою
Крутую песнь мою...

Борис Гребенщиков

...Заговорило нечто, испытывающее ностальгические, сыновние и отцовские чувства по отношению к грустной, изгаженной, потрепанной, засаленной и оскудевшей планете.

А. Тюрин. «Подвиг разведчика»

Немногим более десяти лет назад грянула в американской фантастике очередная новая волна под названием «cyberpunk». И к началу 90-х годов это направление в западной НФ стало одним из ведущих. Что же оно представляет собою, пытается определить отечественный журнал фантастики и футурологии «Если»: «...Первый корень — «кибер», связан со словом «кибернетика» и подразумевает, что это направление описывает будущее, в котором повседневная жизнь людей коренным образом изменилась под воздействием высоких технологий. Глобальные компьютерные сети, регулирующие потоки информации в мировом масштабе. Биологическая инженерия. Принципиально новые виды развлечений. Кроме того, центральным для киберпанка является понятие «виртуальной реальности»... некоего мнимого мира, находящегося внутри компьютерных сетей, куда человек может проникать (естественно, не физически, а ментально)... Второй корень «панк» — применительно к литературе означает, что мир в этих произведениях показывается с точки зрения людей «дна», изгоев и преступников, причем показывается агрессивно, напористо, с неприятием норм поведения, навязанных государственными институтами и истеблишментом. ...Жесткое триллероподобное построение сюжета... своеобразный язык героев, сконструированный из уличного и молодежного сленга» («Если» № 1, 1995 г.). На широких российских просторах американский киберпанк, однако, не снискал себе особой популярности, в отличие от питерского фантаста Александра Тюрина, в последние годы привлекающего к себе пристальное внимание читателей и определяющего свое творчество как «русский киберпанк». Хотя все вышеперечисленные признаки жанра в творениях А. Тюрина присутствуют. Причина, вероятно, в том, что, взяв на вооружение формальные приемы американского киберпанка, А. Тюрин избрал ракурс, который современному российскому человеку, живущему в эпоху всеобщих крушений, обвалов и переоценок ценностей, не в пример роднее. Почти все, что написано А. Тюриным, укладывается в эпопею о не столь уж далеком будущем Земли, переживающей крах цивили-

зации и покинутой отделившимися космическими колониями. Для западной фантастики эта тема давняя и достаточно традиционная (можно назвать, к примеру, романы Р. Хайнлайна или Downbelow station* К. Дж. Черри). Однако трудно отрицать, что на замысел Тюрина повлияли не столько эти книги, сколько распад Советского Союза — первый роман эпоса «Каменный век» написан в достопамятном 1991 году. И в сознании читателя этот факт будет присутствовать неоспоримо.

Кроме того, на фоне Тюрина американские бунтари выглядят мрачно и непоправимо серьезными. Например: возникновение глобальных информационных сетей сделало большой подарок фантастам по части образа Всеобщего Врага. Таковой мифологизированному сознанию совершенно необходим, а фантастика — разновидность современной мифологии. В религиозном или сильно идеологизированном обществе с Всеобщим Врагом просто — все списывается на диавола или происки империалистов (коммунистов). В противном случае массовая культура начинает выявлять козни американские, русские, еврейские, китайские, женские, мужские (нужное подчеркнуть или добавить). С приходом Эры Высоких Технологий легко придумывается «античеловеческое сознание, возникшее в глобальных компьютерных сетях» — и можно не обижать ни одной нации. Но вспомним, скажем, неоднократно изданную у нас повесть Дж. Варли «Нажмите «ввод» — какой абсолютный, доводящий до безумия ужас внушает герою этот «античеловеческий разум»! А у Тюрина разум, чуждый всему человеческому, во-первых, может зародиться не только в компьютерных, но и в канализационных системах (повесть «В мире животного»). А во-вторых, мы уже навидались таких видов, что приходить в ужас как-то не с руки. А лучше кликнуть верного друга (подругу) и вместе с ним (ней) врезать гаду по сопатке — ведь должна же у него где-то быть сопатка? Почувствовали разницу? Короче, никакой почтительности к Высоким Технологиям.

Далее. Американцы, живущие в устойчивом обществе, не прочь супротив этого общества побунтовать (разумеется, в рамках). Наше общество разваливается, а потому мечтает о защитнике. Надежном человеке. Настоящем мужчине. Офицере, скажем так. Тюрин это улавливает — и все его герои являются офицерами — армии или правоохранительных органов: капитан Виктор К123 («Каменный век»), лейтенант меркурианской префектурной полиции Терентий («Конечная остановка: Меркурий»), храмовники Кологривов и Почкин («Сверхнедочеловек»), разведчик Паклин и его двойник «робокоп» Клин («Подвиг разведчика»). Только не

* В русском переводе А. Корженевского — «Последняя база».

надо спрашивать, серьезно ли утверждает А. Тюрин подобный вариант суперменства. Здесь нет однозначного ответа.

Итак, «Каменный век» — середина века будущего. Война за независимость и провозглашение Державы Космика, где планеты Солнечной системы являются префектурами — это уже дела давно минувших дней. На Земле — деградирующее общество, где реальная власть принадлежит разумным киберсистемам — «оболочкам». Впрочем, относительно Космики тоже не стоит питать никаких иллюзий. Это жестко тоталитарное государство («У нас самый передовой реакционный режим», — сказано в «Каменном веке», а в следующем романе Космика и вовсе названа «победоносным Рейхом»), с господствующей кастовой системой. Тон задает каста «кшатриев», то есть воинов по древнеиндийской кастовой терминологии, поскольку Космика находится в состоянии войны с «плутонами» — по сути дела, теми же «оболочками», вышедшими на космические просторы. Жители Космики делятся на «обфамиленных», то есть родившихся естественным путем, и «номерков» — «инкубаторских», «детей из пробирки», которым вместо фамилии присвоен номер. «Номерки» составляют большинство, так как во время колонизации планет большинство их населения состояло из мужчин, а имеющиеся в наличности женщины в настоящий момент заняты тем же, что и мужчины, то есть войной. К тому же генетический фонд вообще ограничен, поэтому «земляне у нас продукты ума тащат, а наши спецы-евгеники продукты половых органов воруют в земных городах и весях».

Но это все присказка, а сказка состоит в том, что героя романа кшатрия Виктора К123 забрасывают на Землю, чтобы изъять или уничтожить заброшенный туда плутонами «мощный биоинтерфейс, он же суперБИ, устройство широкоспектрального обмена информацией между человеком и кибероболочками». Для чего в целях маскировки он должен добраться до деревни Пустомержа, родины его генетического двойника, находящегося в отъезде на заработках. Там Виктор К123 в результате роковой случайности теряет память и из героического космического воина превращается в обычного колхозного дядю Витю, горбатящего на свиноферме. (Все эти события, конечно, изрядно украшены юмором не слишком светлых тонов.) И все было бы хорошо, не подайся «дядя Витя» в город за покупками. Там на «дядю Витю» начинают реагировать «оболочки», на него выходят спецслужбы, и он принимается с ними воевать, благо сверхвозможности у него имеются — отсутствует лишь понимание, зачем и кем они ему даны.

Тем временем искомый суперБИ, он же «черный браслет», попадает к Мелании, жене Феодосия Драницына, инс-

пектора Службы Санации, того самого офицера, который «ведет» «дядю Витю». Воздействие суперБИ резко меняет ее характер, из этакой «спящей красавицы», декоративной жены обеспеченного супруга, она превращается в сильную личность, уходит от мужа, становится сперва рокершей-мотоциклисткой, потом телохранительницей при старых зажиточных дамах, затем — когда лишается суперБИ — просто бомжихой, а после, с целью его вернуть, собирает собственное «бандформирование». Таким образом приключения «дяди Вити» — это одна линия сюжета, а одиссея Мелании по городскому дну — другая, и развиваются они параллельно. СуперБИ попадает в руки киберолога Смелякова, на которого выходит и «дядя Витя». Профессор делает его объектом своих экспериментов с «искусственной кровью», которая, в сочетании с суперБИ, наделяет объект сверхъестественными силой и энергией, но полностью подчиняет его личность.

В финале в Центре Отечественной Кибернологии, где запрятан «черный браслет», герои встречаются, и к Виктору К123 возвращается память. Он переправляет Меланию вместе с суперБИ в Космику, жертвуя при этом собственной жизнью, причем сознательно. Ибо ему, боевому капитану Империи, невыносима мысль, что «в жилах у него плещется шампунь» и «он уже не офицер, а туша на крюках».

Действие второго романа — и самого объемного в трилогии — «Конечная остановка: Меркурий», происходит десять лет спустя после «Каменного века» и, как ясно из названия, на Меркурии, окраинной префектуре Империи. На Земле произошел какой-то глобальный катаклизм (нам пока не объясняют, какой) и она существует «на гуманитарные подачки Космики». На Меркурии же повышенная криминогенная атмосфера, благо планета это старательская, и весьма напоминала бы Дикий Запад в период освоения, но «никому, кроме русских, Меркурий не поддался бы». Учитывая это, верховное начальство шлет сюда «номерков»... оттуда «где банк половых данных набран в Сибири, а воспитательные машины запрограммированы выходцами из России».

Итак, Дикий Запад, помноженный на Сибирь, да еще в Космосе. Планета, на которой «трудно не совершить чего-нибудь откровенно дурного». Плюс конфликт четырех милиций. Первые две — службы безопасности крупнейших государственных концернов «Дубки» и «Вязы». Затем комитеты бдительности вольных старателей, возглавляемые шерифами. И обычная «уголовка», префектурная полиция. (Коррупция, разумеется, везде и на всех уровнях).

Плюс множество «стихийных мутантов (муташек, мутных) ...А они люди, вернее, нелюди с прибабахом. Одному для пополнения запаса гормонов надо кровушки стакан, дру-

гому для хорошего пищеварения срочно требуется сырое человеческое мясо, третьему, чтобы расти большим до трех метров, не хватает только супчика наваристого из чужих гипофизов». Одним из сообществ, внушающих наибольший страх окружающим, являются female mutants, сокращенно фемы, в просторечии фемки — воинственные женщины — они-то как раз замышлялись как мутация программируемая, но эксперимент, что называется, вышел из-под контроля.

Герой, он же рассказчик — лейтенант полиции столичного города Васино Терентий К123, и, хоть принадлежит к тому же клону и той же касте, что и герой предыдущего романа, но выглядит не в пример человекообразнее «цельнометаллического» кшатрия Виктора. Это типичный «честный мент», хорошо знакомый нам по отечественным детективам, космический вариант Глеба Жеглова. Расследование уголовных преступлений — грабежа и разбоя — приводит Терентия к открытию поистине глобального характера — он устанавливает факт существования иноматериального нитеплазменного хищника Плазмонта. Тот обретался еще на Земле — именно его проявлениями объясняются такие феномены, как магия, колдовство, привидения и тому подобное. В Космику споры Плазмонта были занесены во время авантюры, описанной в «Каменном веке». На Меркурии споры приобретают способность проникать в человеческий организм и полностью менять его структуру. В принципе от спор можно избавиться при наличии желания и силы воли (что и происходит с Терентием). Но, как правило, зараженный подчиняется Плазмонту добровольно, воспринимая это как форму служения некоей Новой Жизни.

Организация фем первоначально считает Новую Жизнь угрозой своему существованию, и они помогают Терентию и предоставляют ему в качестве напарницы свою представительницу Шошану — из чего неминуемо вытекает любовная линия романа. Но затем фемы сами оказываются заражены Новой Жизнью и переходят на сторону противника. А крупнейшие концерны планеты — те самые «Дубки» и «Вязы» со своими спецслужбами — уже давно подчинены Плазмонту целиком и полностью. Так что Терентию и Шошане приходится сражаться не только с хищнической материей Плазмонта в чистом виде, но и с ее носителями в человеческом облике. Следует масса приключений, одно перечисление которых заняло бы слишком много места — в аномальных зонах, лабораториях концернов, трущобном квартале Мудодеевка, околопланетной орбите и прочее, которые славная парочка с честью выдерживает.

Затем Плазмонт переходит в наступление. Всепланетный катаклизм. Терентий и Шошана схвачены, обвинены

во всех смертных грехах и приговорены к смерти. Но тем временем до правительства Космики все же доходит весть о Плазмонте, а часть полицейских и честных граждан-васинцев, поняв правду жизни, поднимают мятеж и буквально в последний момент спасают героев от казни.

Команда повстанцев пробивается, несмотря на нитеплазменные козни, на крейсер космического волка адмирала Никодимова-Соларза, который и возглавит борьбу с Плазмонтом. Так что героям предстоят не только бои, но и награды, а пока что Терентий с Шошаной следуют под венец. Хэппи энд.

Заключительный роман трилогии — «Сверхнедочеловек, или история подопытных» композиционно, да, пожалуй, и сюжетно повторяет «Конечную остановку...», но на совершенно ином материале.

Действие вновь переносится на Землю. За прошедшее время Космика уничтожила кибероболочки и питавшие их информационные системы, сместила планетную ось и добавила пару дополнительных светил, в результате чего резко изменился климат. В Сибири, например, где происходит действие — и за что это она автору так полюбилась? — в Сибири, ныне именуемой Темением, началось сильное потепление. В социальном же плане сызнова наступил феодализм (мотив одичания общества в результате уничтожения компьютерных информационных систем). В Темении правит Храм Чистоты, преобразованный из Министерства Экологии, со своими служителями-Храмовниками — Блюстителями, Воителями и Ревнителями. Имеется и светский властитель — князь Березовский, формально подчиненный Храму. В остальном «дворяне новоявленные и челядь подневольная и крестьяне оброчные» живут не так уж и плохо для людей, переживших гибель цивилизации, ибо население, лишившись кибернетической опеки, вспомнило о своем исконном призвании — «ковыряться в земле» — и делает это весьма небезуспешно. Правда, приходится постоянно отражать нашествия новых татаро-монголов, или просто тюрков, поскольку Новые Солнца просто-напросто выжгли среднеазиатские области и жители их рвутся на плодородные теменские земли.

О том, что происходит в Америке, на Дальнем и Ближнем Востоке автор сообщает отрывочно, а о Европе и европейской части России и вовсе ничего, но можно догадываться, что варваризация распространилась и там.

Герой романа, храмовник Марк Кологривов, Ревнитель, то есть тот же «мент», во время очередного расследования попадает в скверную историю. Космика вдали от общественного мнения Империи, устроила на Земле полигон для опытов на людях. То есть из человека извлекается «резонансная психструктура», проще говоря, душа, и вкладывается в киборга.

Это и есть «средство создания подлинного нечеловека», квибсера (кстати, эти квибсеры один к одному напоминают модифицированную модель Терминатора из фильма «Терминатор-2»). Но и загнанный в шкуру оборотня-квибсера Кологривов сохраняет волю к сопротивлению и с помощью березовской дворянки Аси Шерешевич пытается связаться со своим другом и начальником Блюстителем Северином Почкиным.

Ася — тоже девушка не простая. Не в том смысле, что она дворянка, а в том, что в свое время ей в руки попали контрабандно доставленные из Космики ампулы с генным препаратом, повышающим интеллект, и она сперва попрививала его своим домашним животным, а затем и себе самой, и в процессе оразумления себя весьма преуспела.

Далее Ася и Северин Почкин, объединившись в поисках исчезнувшего Кологривова, борются с проникшими в Храм Чистоты агентами Космики и прочими исчадиями, а заодно и выясняют смысл интриги. Оказывается, квибсеры предполагались как замена касте «штурманов», генетически выведенных мутантов, приспособленных для управления космическими кораблями. Теперь космический флот переоснащается, морально устаревшие корабли должны быть уничтожены, а вместе с ними и «штурманы». Но, во-первых, как Материнская Субстанция, в которой выращивают квибсеров (в ней же выращивали и фем в «Конечной остановке...»), так и сами квибсеры-«сверхнедочеловеки» явно страдают манией величия и желают играть в ситуации главенствующую роль, а во-вторых, «штурманы» вовсе не жаждут быть уничтоженными и начинают «качать права». Герои романа подозревают, что вообще вся создавшаяся ситуация, начиная с подброшенных Асе «ампул разумности» спровоцирована «штурманами»...

Заварушка продолжается, к ней примешивается еще и нашествие тюрок, а модифицированный Кологривов, перестроивший себя в некое подобие шестикрылого серафима, уносит Асю и Почкина сообщить правду-матку князю Березовскому. Относительно совместного будущего Блюстителя и юной дворянки сомнений не возникает...

Если «Сверхнедочеловек» шел по следам «Конечной остановки...», то «Подвиг разведчика» до некоторой степени рифмуется с «Каменным веком». Сознание сотрудника каллистянской разведки Паклина подсажено в робота-полицейского Клина, новый виток приключений на Земле, переживающей новую технологическую эру, где цивилизация роботов теснит сбившихся в купольные города людей. Большую роль, чем прежде, играет мотив «виртуальной реальности» — автор так и оставляет нас в недоумении, имели место события в действительности, или это всего лишь компьютерная игра.

Выше было высказано сомнение в возможности опреде-

лить степень серьезности автора. С одной стороны, для Александра Тюрина, безусловно, не безразлично все то, о чем он пишет. И с читателем он отказывается заигрывать принципиально. Вряд ли случайно в его романах и повестях отсутствуют любые примечания — что в технической части, что в гуманитарной. Не уловили, что сцена искушения «дяди Вити» Смеляковым на крыше («Каменный век») суть пародийный парафраз евангельского сюжета — дело ваше. Однако вряд ли автор всерьез полагает, что жители Меркурианской префектуры будут распевать «Только пуля во степи казака догонит...» или цитировать Н. В. Гоголя («Ось бачь, яка кака...»), попирая ногою труп поверженного врага, или что представители варваризованной Земли, по собственному признанию плохо знающие и события двадцатилетней давности, с ходу могут выдать: «декабристы разбудили Герцена...» Не верит, и вряд ли ожидает, что мы поверим. Но все это укладывается во всеобъемлющем слове «стеб», столь часто выражающем стиль нашей нынешней жизни.

И все же поостережемся определять стиль А. Тюрина исключительно этим термином. Скорее он напоминает классический ответ на столь же классический вопрос: «С чего смеетесь?» — «А что нам еще делать остается...»

Б. Н. Стругацкий в свое время сказал: «Молодые люди отнесутся к молодому Тюрину с благожелательным пониманием, пожилые же — вознегодуют».

Да позволено будет возразить Мастеру. Вряд ли все читатели старшего поколения отвергнут Александра Тюрина. Однако и не вся современная молодежь способна его воспринять. Тех же гипотетических читателей, которые примут его в сердце свое, представить, конечно, можно. Это люди молодые — не слишком юные, чтобы успеть позабыть реалии советской действительности, но достаточно, чтобы впитать образы американских боевиков и компьютерных игр; предпочтительно с техническим образованием; имеющие представление об иностранных языках, и не только английском, который для технарей уже почти родной, но и о языках классических; ориентирующиеся в родной литературе и одновременно не чуждые так называемой «неформальной лексики».

А еще — все те, кому по силам рассмеяться, когда жизнь подопрет куда как круто...

В. Черных

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо пролога:
Официальная хроника Космики 5

Каменный век 7

Конечная остановка: Меркурий 177

Сверхнедочеловек 429

Подвиг разведчика 559

В. Черных. **Александр Тюрин: офицерский вальс** 629

Литературно-художественное издание

Александр Владимирович Тюрин

ПАДЕНИЕ С ЗЕМЛИ

Компьютерный дизайн обложки
Н. Луковкиной

В оформлении обложки использован фрагмент работы Луиса Ройо

Ответственный редактор **М. Редошкин**
Редактор **Н. Резанова**
Художественный редактор **А. Гришин**
Технический редактор **М. Александров**
Корректор **И. Земкова**

Подписано к печати 10.08.95. Формат 84x108/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Усл.-печ.л. 30,88. Уч.-изд.л. 37,75. Тираж 20 000 экз. Заказ 2163

НПП "Параллель"
603137, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 103, кв. 37

Лицензия ЛП № 061943 от 23.12.92

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПП "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

В БЛИЖАЙШИХ ВЫПУСКАХ
БИБЛИОТЕКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ
"ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР"

Александр Мирер
"Обсидиановый нож"

Александр Мирер — выдающийся мастер современной фантастики. Великолепно выстроенный сюжет, нетривиальность идей, отточенный стиль, глубина осмысления образов по праву ставят Мирера-фантаста в первые ряды отечественной НФ.

Авторский однотомник "Обсидиановый нож", открывающий новую серию отечественной фантастики, включает все произведения А. Мирера, созданные в этом жанре, за исключением "детской" повести "Субмарина "Голубой кит" и некоторых рассказов.

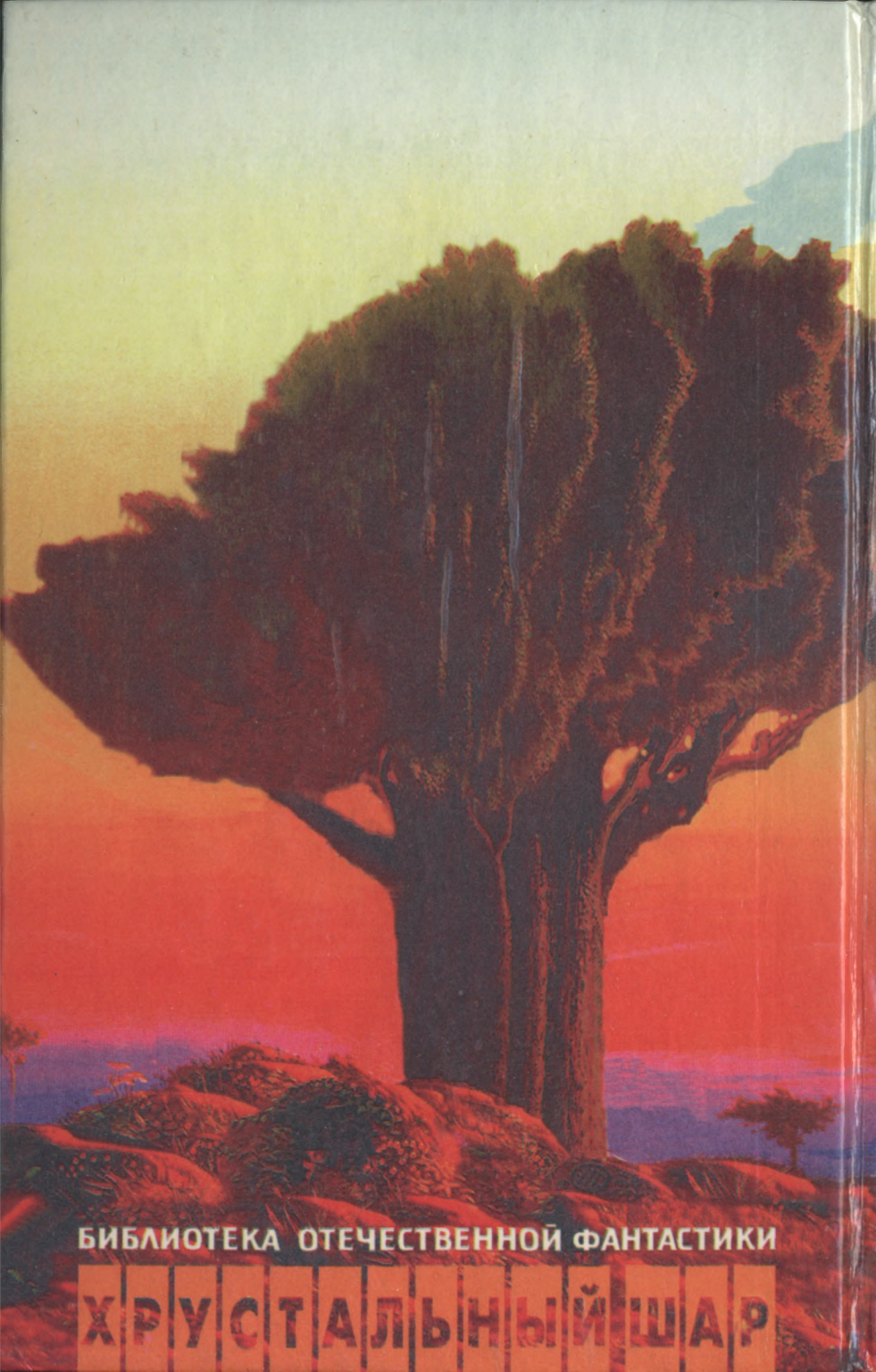
Роман "Дом скитальцев" сразу после выхода стал бестселлером, и найти его на книжных прилавках и полках библиотек практически невозможно. Впервые публикуется полный вариант романа "У меня девять жизней", повествующего об экспедиции в Совмещенные Пространства и о трагической судьбе обнаруженной там биологической цивилизации. Также ранее не издавалась написанная в жанре фантастического детектива повесть "Остров Мадагаскар". Завершают том рассказы "Дождь в лицо", "Обсидиановый нож" и "Знак равенства".

В БЛИЖАЙШИХ ВЫПУСКАХ
БИБЛИОТЕКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ
“ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР”

Ольга Ларионова
“Сотворение миров”

Александр Громов
“Мягкая посадка”

Г. Л. Олди
“Путь меча”


БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ
ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР